БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 9/21. СЕНТЯБРЬ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Изъ дневника сенатора **В. П. Безобразова** 1
2. Помилованіе Н. И. Тургенева (*по архивнымъ даннымъ*) **П. Щ.** 33
3. Идейныя основы „Народной Воли". **Н. С. Русанова** . 37
4. Первый процессъ „нигилистовъ" въ Берлинѣ. **Г.** 77
5. Миссія П. С. Ванновскаго. (*Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1899 г.*). **Н. И. Іорданскаго**. 83
6. Первые шаги. (Воспоминанія бывшаго члена петербургскаго „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса". 1896—97 г.). **К. Я.** 134
7. Евреи въ Москвѣ (*по неопубликованнымъ документамъ*). **О. Гольдовскаго** 153
8. Процессъ 50-ти. (*Всероссійская Соціально-Революціонная Организація. 1874—77 г.г. Продолженіе*). **И. С. Джабадари** 169
9. Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ. **С. А. Иванова** 193
10. Документы и матеріалы къ исторіи переговоровъ Исполнительнаго Комитета съ Священной Дружиной. 208
11. Записка В. К. Плеве по университетскому вопросу. . . . 213
12. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы (*продолженіе*). **И. П. Бѣлоконскаго** 226
13. Записка министра юстиціи графа Палена. („Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи" 1875 г.) 268
14. Изъ дальнихъ лѣтъ. (*Отрывки изъ воспоминаній*). **С. Л. Чудновскаго** 278
15. По поводу статьи С. И. Сомова. (*Письмо въ редакцію*). **С. Цедербаума** 296

стр.

16. Историческая библіографія: I. — Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. **С. Ш.** II. — *В. Сиповскій*. Пушкинъ. Жизнь и творчество. III.—Сочиненія Пушкина. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Подъ ред. Саитова. IV.—Библіотека великихъ писателей. Подъ ред. Венгерова. Пушкинъ, т. I, вып. I и II.— **Н. К. П—ва**. V.—*С. М. Степнякъ-Кравчинскій*. Собраніе сочиненій. Подъ ред. Венгерова.—**Д. П. Сильчевскаго**.— VI.—Кіевскій и одесскій погромы въ разслѣдованьяхъ сенат. Турау и Кузьминскаго. VII.—Бѣлостокскій погромъ. VIII.— Дѣло о погромѣ въ Симферополѣ. IX.—Гомельскій процессъ.— **Ю. Н. Лавриновича** 300
17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 313
18. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки**. (Докладъ III отдѣленія объ Андрузскомъ—132. Характерный документъ— 277. Къ замѣткѣ NN о К. Г. Неустроевѣ – **О. С. Любатовичъ**—299).
19. Письмо въ редакцію. **Ф. Крылова** 316
20. Объявленія 321

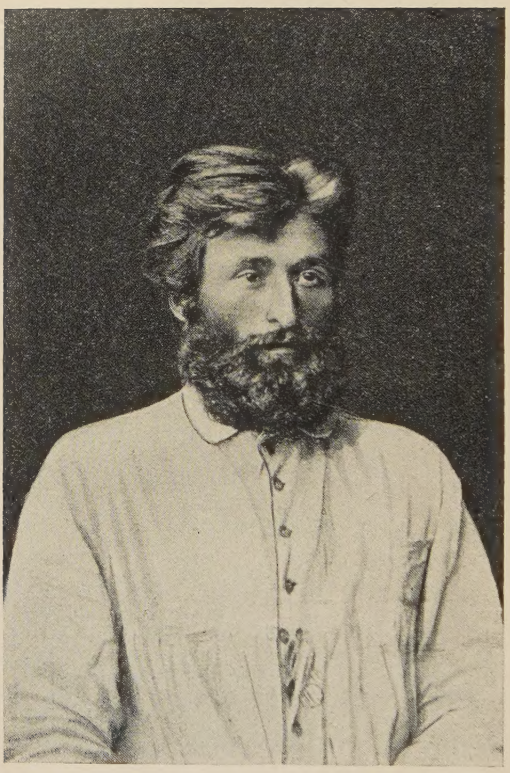
Къ этой книгѣ приложены портреты И. С. Джабадари и 14 участницъ процесса 50-ти.

При этой книгѣ „Былого“ всѣмъ подписчикамъ разсылается объявленіе объ изданіи газеты **„Жизнь и Школа“**.

Типо-литографія „Энергія“, Загородный пр., 17.

Digitized by the Internet Archive
in 2023

https://archive.org/details/byloe-1906_1907-09_21



Иванъ Спиридоновичъ
ДЖАБАДАРИ.

Изъ дневника сенатора В. П. Безобразова. [1])

1884.

Носково. [2]) Сколько разъ я сожалѣлъ (и сожалѣли другіе), что не веду записокъ, и сколько разъ принимался ихъ писать (въ молодости) [3]), но не надолго,—и вотъ, наконецъ, сегодня рѣшился. Il vaut mieux tard, que jamais.

Прошлаго года записки гр. Литке, а теперь Блунчли сильно побуждаютъ меня къ этому дѣлу.

Но *поздно* я начинаю [4]),—все интересное и для меня, и для другихъ уже пережито, остается самое неинтересное въ моей жизни,—доживать свой вѣкъ празднымъ зрителемъ происходящаго и *излишнимъ* человѣкомъ въ отечествѣ (какимъ я впрочемъ почти всегда былъ въ моей жизни). Эта мысль всегда останавливала меня начинать записки въ послѣдніе годы, а между тѣмъ случались обстоятельства,

---

[1]) Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, авторъ многочисленныхъ работъ по экономическимъ вопросамъ, академикъ и сенаторъ, род. въ 1828 году, учился въ Царскосельскомъ лицеѣ. Пройдя всю служебную лѣстницу, Б. въ 1864 году былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ и въ этомъ же году былъ выбранъ Академіей Наукъ адъюнктомъ по части статистики. Преподавалъ политическую экономію Великимъ князьямъ Алексѣю Александровичу, Николаю Константиновичу, Сергѣю Александровичу и Константину Константиновичу. 1 янв. 1885 года былъ назначенъ сенаторомъ. Умеръ 28 авг. 1889 года. (О Б. см. „Критико-біографическій словарь“ С. А. Венгерова, т. 2-й: біографія, перечень трудовъ, характеристика). „Мой отецъ—пишетъ дочь В. П. М. В. Безобразова, любезно представившая въ наше распоряженіе отрывки изъ дневника—былъ человѣкъ сердечный, добродушный и искренній, а не только честный, умный, образованный и дѣловой работникъ. Такихъ людей не только у насъ, но и вездѣ мало, и потому повѣсть о его страданіяхъ производитъ глубокое впечатлѣніе“.

Прим. ред.

[2]) Имѣніе покойнаго въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губ.

Прим. ред.

[3]) Есть записки чисто моихъ душевныхъ состояній (или лучше мученій), которыя много велъ въ послѣдніе годы. Хочу ихъ сжечь передъ моей смертью. Пусть не будетъ ни на кого нареканій, кто причинялъ мнѣ страданія—можетъ быть я самъ больше всѣхъ виноватъ. Сверхъ того—есть записки въ первой молодости,—и потомъ *за всѣ путешествія* (подробныя).

[4]) Буду стараться сколько нибудь загладить прошедшее,—вспоминая о немъ по поводу разныхъ обстоятельствъ настоящаго.

свиданія, о которыхъ я сожалѣлъ, что не записалъ. Такъ можетъ случиться и теперь. Во всякомъ случаѣ буду записывать мои наблюденія и размышленія, если не для потомства, то для себя самого—если Богъ дастъ еще прожить и перечесть здѣсь писанное—и также отчасти для дѣтей.

Здѣсь въ деревнѣ свободнѣе начать это дѣло и войти въ него такъ, чтобы привыкнуть, чѣмъ въ Петербургѣ.

30 августа. Я бы хотѣлъ записать исторію съ моимъ сенаторствомъ,—какъ послѣднюю въ моей неудавшейся карьерѣ. Сколько лѣтъ (кажется около 15) возбуждается этотъ вопросъ!—надѣюсь теперь въ послѣдній разъ.

На этотъ разъ, казалось, это должно было состояться,—такое соединеніе шансовъ, столькихъ сильныхъ людей, сего желавшихъ, и *никого* нежелавшихъ (какъ прежде Рейтернъ, три раза становившійся поперекъ)—и для всякаго другого *попроще* и поплоше меня навѣрное бы состоялось,—а для меня нѣтъ.

С. Мордвиновъ [1]) пишетъ мнѣ на этихъ дняхъ, что говорилъ съ Набоковымъ, мин. юстиціи; онъ очень желаетъ, очень ко мнѣ лично расположенъ, но *невозможно*. Отчего—трудно понять, и даже невозможно (вѣроятно говорилъ, что я хочу остаться въ Мин. Фин., но я согласенъ и совсѣмъ въ Сенатъ). Всѣхъ на свѣтѣ дѣлаютъ сенаторами, а меня невозможно. Дѣйствительно, я согласенъ, невозможно.

Невозможно, чтобъ петербургскіе сановники допустили меня эмансипироваться, пріобрѣсти самостоятельность (въ Сенатѣ) отъ начальства. Они знаютъ, что я заговорю не какъ они; они знаютъ, что я бѣденъ и надо меня держать взаперти въ Мин. Фин., что въ отставку я выйти не могу.

Признаюсь, это дѣло меня огорчаетъ не столько по существу, сколько по лживости людей: всѣ ко мнѣ расположены, всѣ меня любятъ и всѣ ссылаются другъ на друга, что другіе мѣшаютъ. Бунге и Толстой—на Набокова; Набоковъ—на Бунге (какъ передавалъ Грейгъ), что не довольно настаивалъ, и на Государя, что не хочетъ новыхъ административныхъ сенаторовъ. Вел. Кн. Сергѣй Александровичъ тоже говоритъ, что все дѣлаетъ, что говорилъ съ Государемъ и что Онъ ко мнѣ расположенъ. Всѣ расположены (это, вѣроятно, какъ къ человѣку) и тѣмъ болѣе всѣ сговорились (tacitu consensu) *не давать мнѣ ходу*. Это понятно. Имъ всѣмъ невыгодно. Только одинъ Государь можетъ быть заинтересованъ дать мнѣ ходъ, хоть въ совѣтники Престола. Вѣдь совѣтниковъ, кажется, будетъ немного для этого царствованія.

Я болѣе не въ лѣтахъ, чтобъ порвать эту интригу и *дѣйствовать*, чтобы пройти всѣ преграды (хотя и было бы возможно). Для этого нѣтъ у меня стимуловъ и главное честолюбія (его никогда не было достаточно и въ молодости, а подавно теперь).

У меня только три мотива желать сенаторства.

---

[1]) Семенъ Александровичъ († 14 [illegible] чно: хотятъ вести въ [illegible] чаго Совѣта, въ 1884 г. сенаторомъ въ касса[illegible]ка.

1.) Главное—обезпеченіе Оли большей пенсіей, чѣмъ по теперешнему моему чину.

2.) На случай смѣны Министра Финансовъ и назначенія такого, съ которымъ я не буду въ дружескихъ отношеніяхъ (какъ съ Бунге и Грейгомъ), и на случай требованій отъ него противъ моей совѣсти,—во время убраться изъ Мин. Фин. (чтобъ не быть вынужденнымъ выйти въ отставку, какъ при Брокѣ или терпѣть невозможныя униженія, какъ при Рейтернѣ).

3.) Я еще соображаю, что, если Богу угодно будетъ продлить мои дни, и я тогда не въ силахъ буду писать, какъ теперь, и удовлетворять этимъ мою жажду дѣятельности, то мнѣ будетъ ужасно такъ жить. А я еще могу тогда трудиться съ пользой, подавая совѣты и мнѣнія и въ Сенатѣ, и въ Госуд. Совѣтѣ.

Но всѣ эти мотивы недостаточно сильны, чтобъ заставить меня достаточно энергически дѣйствовать для достиженія цѣли. Все, что я могу и считаю моей обязанностью передъ моею совѣстью и Государемъ (т. е. государствомъ) сдѣлать, это изложить это положеніе такъ, чтобы зналъ его Государь, и зналъ, что онъ одинъ можетъ меня изъ него вывести.

Я не могу также рѣшиться на довольно энергическое дѣйствіе, чтобы превозмочь всѣ интриги къ тому, чтобъ меня держать взаперти и не давать мнѣ ходу,—и потому, что я не могу подняться на *достаточное время жизни*, чтобъ *начинать* государственную дѣятельность. Я къ ней стремился всю мою жизнь, считалъ (и теперь считаю) себя наиболѣе къ ней способнымъ и теперь уже поздно. Богъ ведетъ насъ къ своимъ цѣлямъ. До сихъ поръ, хотя мои работы въ наукѣ и литературѣ были искажены и попорчены постоянными перерывами государственныхъ (т. е. служебныхъ) занятій, и хотя я совсѣмъ не былъ къ нимъ *приготовленъ и достаточно обученъ*, но онѣ всего болѣе мнѣ удались. Вѣрно такъ хочетъ Богъ, чтобъ я ихъ продолжалъ и при нихъ остался до конца жизни. Такъ и будетъ. (Вѣдь мечталъ же я съ ранняго дѣтства быть литераторомъ—какъ тогда говорилось—но, конечно, *вмѣстѣ съ тѣмъ* и всего болѣе мечталъ быть государственнымъ дѣятелемъ).

Чтобы ни говорили, виноватъ человѣкъ самъ въ своей карьерѣ. Не сдѣлалъ я ту, о которой мечталъ, значитъ, былъ къ ней неспособенъ (у меня былъ всегда *недостатокъ характера*, нужнаго для государственнаго человѣка).

Все, на что я могу рѣшиться относительно сенаторства, это—употребить усиліе, чтобъ мое положеніе было извѣстно государю:—это *послѣдній* мой шагъ въ этомъ дѣлѣ и послѣ этого я его *забуду*.

Поэтому сегодня отправилъ къ В. Кн. Сергѣю Александровичу письмо, въ которомъ изложилъ все мое положеніе, какъ оно выше описано. Писалъ очень рѣшительно и откровенно и просилъ только объ одномъ, чтобы онъ показалъ мое письмо Государю. Также пишу гр. Д. А. Толстому, чтобъ объяснить ему, что я считаю себя свободнымъ [illegible] какъ и вообще освобожденіе отъ всяк[illegible] е счастье, которое я обрѣтаю [illegible] горечь этихъ обстоятельствъ).

Но, чтобъ воспользоваться этимъ счастьемъ, я долженъ, наконецъ, рѣшить, что это *послѣдній шагъ*. Богъ мнѣ свидѣтель, что на это мнѣ не трудно рѣшиться для моихъ интересовъ; и если есть у меня сомнѣніе, что я поколеблюсь въ этомъ рѣшеніи, то только потому, что безпокоюсь о судьбѣ Оли.

Сегодня послѣ всѣхъ этихъ размышленій,—я собственно начинаю мой дневникъ.

Сегодня получилъ отъ В. К. Елизаветы Ѳедоровны и также Елизаветы Маврикіевны изъ Ильинскаго такія любезныя депеши въ отвѣтъ на мои поздравленія съ именинами, что рѣшился ѣхать въ Ильинское отъ Троицы, куда ѣду говѣть. Не мѣшаетъ подкрѣпить письмо словесными объясненіями съ Сергѣемъ Александровичемъ, чтобъ все было ясно. А кромѣ того я ихъ люблю и мнѣ очень пріятно ихъ видѣть.

8 сентября. Троица Сергія. Вчера пріѣхалъ сюда съ Олей, чтобъ говѣть. Сегодня исповѣдался у отца Авраамія. Удивительное успокоеніе нахожу я всегда здѣсь, въ особенности, когда говѣю. Удивительно, какая установилась нравственная связь съ ранняго дѣтства между мной и этимъ мѣстомъ—Троицей. Хотя я здѣсь совсѣмъ чужой формально (по имуществу и т. д.), но нѣтъ мѣста въ Россіи (не исключая даже Владиміра [1]) которое было бы ближе мнѣ, какъ Троица. Нигдѣ въ Россіи, и стало быть нигдѣ на землѣ, я не чувствую себя такъ близко землѣ, такъ тѣсно съ ней связаннымъ, какъ здѣсь.

10 сентября. Москва. (Сѣверная гостиница). Пріѣхалъ вчера въ Москву, чтобъ ѣхать сегодня въ Ильинское. Состарился я или умудрился, но эта поѣздка для меня большая жертва. Вообще выѣзжать изъ Носкова сдѣлалось для меня тягостнымъ. Ничего лучше для себя я не знаю, какъ жить тамъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ я нѣсколько успокоенъ новымъ приказчикомъ на счетъ хозяйства, этой единственной бѣды для меня въ деревнѣ). И странно, нисколько не чувствую желанія уѣзжать, какъ говорятъ, развлечься. Чѣмъ больше безвыѣздно живу въ Носковѣ, тѣмъ меньше хочется выѣзжать. И этому не вѣрятъ въ Петербургѣ, говоря что это невозможно для моей *соціябельной натуры*.

10 сентября, 5 час. дня. Ильинское. Пріѣхалъ въ Ильинское и очень не радъ, что пріѣхалъ . . . . . Меня сюда звали, я несравненно меньше ѣздилъ, чѣмъ меня звали. Я сообщилъ, что сегодня пріѣду; вчера телеграфировалъ. Я пріѣхалъ и, можно сказать, очутился на улицѣ. Никто не позаботился меня встрѣтить. Насилу нашелъ уголъ, для меня назначенный. Я здѣсь болѣе часу и никому въ голову не приходитъ повидаться со мной. Заняты театромъ, репетиціей. И тутъ все позабыто. Я пошелъ къ Серг. Алекс., но тамъ репетиція, и я ушелъ въ свою комнату. И не знаю, что дѣлать: ждать приглашенія или итти. Знаю, что все это *наивно*, отъ неумѣнья жить. Но отъ этого не лучше. Вотъ это характерист[illegible]высшій

---

[1]) Городъ, гдѣ родился авторъ дневн[illegible]

этикетъ и, при этомъ, laisser aller. Этикетъ требуетъ тоже соблюденія извѣстныхъ обязанностей (любезности, учтивости, гостепріимства etc.), а тутъ никакихъ обязанностей для себя не признаютъ. Такъ что on ne sait sur quel pied danser. Если Серг. Алекс. позволяетъ себѣ такъ со мной обращаться, потому что у меня есть въ немъ надобность, то *тѣмъ хуже для него* (но я этого не думаю: все это дѣлается по безсознательности). Надобности у меня въ окончательномъ результатѣ нѣтъ, а гораздо болѣе у него во мнѣ надобность. Высокопоставленнымъ лицамъ придется ограничиться для своей компаніи шутами и негодяями. А въ тѣхъ серьезныхъ историческихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ *несомнѣнно* (т. е. несомнѣнно, если Россія способна къ историческому развитію!) они будутъ, имъ будетъ тяжко бороться съ этими обстоятельствами со своимъ *лакейскимъ entourage'омъ*; а кромѣ лакеевъ никто не можетъ быть съ ними хорошъ, и всякій порядочный человѣкъ отъ нихъ бѣжитъ. Я зналъ только одно исключеніе—*Елену Павловну*; она одна умѣла цѣнить людей.

11 сентября. Я былъ увѣренъ, что все объяснится *непониманіемъ* и привычкой не обращать вниманіе на другихъ. «Надо ихъ *очень любить* (т. е. человѣку серьезному), чтобъ не покидать ихъ»—сказала мнѣ раньше бар. Пилларъ фонъ Пильхау и это правда. Я ихъ люблю, просто люблю, привязанъ къ нимъ и потому прощаю.

Вел. Князья пришли ко мнѣ съ ужасными нѣжностями; и я все позабылъ, да и нельзя иначе,—ибо не вѣдаютъ, что творятъ.

Съ Серг. Алекс. какъ въ старыя времена, совсѣмъ интименъ, и вообще въ домѣ обращаются со мной какъ съ другомъ семейства.

Вчера обѣдали довольно пріятно. Послѣ обѣда я много говорилъ наединѣ съ В. К. Константиномъ Константиновичемъ.

Сегодня общій завтракъ. (До завтрака интимная бесѣда съ Конст. Кон. и Павл. Алек.). Серг. Алек. проситъ меня не уѣзжать сегодня, какъ я рѣшилъ: меня сюда ожидали на продолжительное время. Онъ проситъ нѣсколько разъ; я говорю, что трудно, что дочь одна въ деревнѣ. Онъ наконецъ сердится и рѣзко говоритъ: «ну, какъ хотите». Какъ они не привыкли и не любятъ встрѣчать малѣйшее противорѣчіе своимъ желаніямъ, а въ особенности, чтобъ люди могли не жертвовать всѣмъ на свѣтѣ, чтобы имѣть *честь* съ ними быть, *не принять* ихъ приглашенія (да возможно ли это?) Особенно было непріятно Серг. Алек., когда я сказалъ: «вѣдь если я останусь, я всетаки почти Васъ не увижу» (театральная репетиція). Такихъ рѣчей имъ никто не говоритъ. Самое лучшее доказательство ихъ любви, что они выносятъ это обращеніе.

Видя, какъ всѣ желаютъ, чтобъ я остался (и къ тому же я пріѣду только нѣсколькими часами позже въ Носково), я отложилъ свой отъѣздъ до завтра.

Характеристическая черта избалованности высокопоставленныхъ: они боятся *снизойти*, чтобъ показать, какъ желаютъ, чтобы съ ними были! показать открыто свою любовь, показать, что они въ комъ нибудь нуждаются сдѣлать *усиліе*, чтобъ упросить остаться! Но всякое *усиліе* effort, для нихъ самая мудреная вещь; все должно легко, само собой имъ доставаться.

Послѣ завтрака я катался съ В. Князьями и бар. Пильхау. Потомъ пили чай. Потомъ я ушелъ къ себѣ.

Вечеромъ. Все это записалъ не потому, чтобы это было сколько нибудь интересно, а потому что интересенъ *общій смыслъ* или лучше безсмысліе этой жизни: только идіоты или негодяи, добивающіеся чего нибудь, соглашаясь на веденіе этой жизни (или это не негодяи, а люди, не могущіе добыть иной кусокъ хлѣба для своихъ семей, какъ прислуживая тутъ), могутъ выдержать эту жизнь. Она лишена всякого внутренняго содержанія: ни у кого изъ высокопоставленныхъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ цѣлей жизни, даже просто никакихъ цѣлей. Объ этомъ вчера говорилъ со мной Илья Александровичъ Зеленый... Зеленый—положительно единственный человѣкъ, котораго я встрѣтилъ въ моей жизни, съ которымъ можно говорить; всѣ другіе или ничего не понимаютъ, или не говорятъ что думаютъ. Эту жизнь можно такъ кратко опредѣлить: при отсутствіи всякаго въ ней содержанія, люди стараются замаскировать ее необычайнымъ *наружнымъ содержаніемъ,* механической *чрезвычайной дѣятельностью*: за 4 repas соединяются, антракты всѣ наполнены прогулками и всякими пустыми развлеченіями; все это такъ переполнено всякой всячиной, и всякій вздоръ дѣлается съ такой серьезностью, главное все спѣхъ: *не опоздать* къ завтраку, обѣду, прогулкѣ и т. д, что каждому кажется, что онъ что-то *дѣлаетъ.* Когда не удается наполнить день всякой всячиной, тогда *ужасно скучаютъ.* Такъ можно жить иногда, въ путешествіи для отдыха, нѣкоторое время и то не на одномъ мѣстѣ. Это *свѣтская жизнь*, но наполняющая всю *жизнь* людей. А они проводятъ такъ всю жизнь. Только ограниченность и невѣжество къ этому способны. Однако и почитываютъ и затрагиваютъ разныя матеріи, книги, писателей, но все это *скользитъ* какъ-то безслѣдно.

12 сентября. Утромъ 10 ч. уѣхалъ изъ Ильинскаго, простившись наканунѣ вечеромъ, въ Москву, откуда на почтовыхъ въ 3 ч. въ Дмитровъ, куда прибылъ въ 9 ч. вечера. Тамъ ночевалъ...

15 сентября. Въ однообразной жизни Носкова рѣшительно нечего записывать, а вспомню прошедшіе дни.

На переѣздѣ между Ильинскимъ и Москвой и въ Ильинскомъ, я думалъ, что вся эта мѣстность особаго рода. Тутъ много барскихъ старыхъ помѣстій; нѣкоторыя поддерживаются владѣльцами и теперь, упадка нѣтъ въ этой мѣстности, но нѣтъ и движенія и жизни. Подлѣ аристократическихъ усадебъ помѣщиковъ несчастныя лачуги крестьянъ; тоже и въ Ильинскомъ. Грустно на это смотрѣть. Можно думать, что богатые помѣщики не помогаютъ крестьянамъ, но я совсѣмъ не объ этомъ думаю и не объ этомъ сожалѣю, какъ бы ни думалъ я дурно объ этихъ помѣщикахъ. Дѣло въ томъ, что плохъ этотъ подмосковный народъ, испорченный издавна со временъ Московскаго государства и неспособный при легкости заработка солидно разжиться. Только около фабрикъ жизнь въ Москов. губ., но какая же это жизнь. Проживаютъ все, что получаютъ. Ничего не сберегаютъ.

Читалъ я исповѣдь Льва Толстого, ходящую въ рукописи по рукамъ. Я удивляюсь глупости (sic! Великіе художники, каковъ Толстой, могутъ быть глупы) и невѣжеству этого писанья; тутъ излагаются самыя дѣтскія размышленія (возмутительно, что Толстой излагаетъ ихъ съ необыкновеннымъ самомнѣніемъ, воображая, что въ самомъ дѣлѣ,—воображая наивно,—онъ проповѣдуетъ что-то новое и геніальное), которыя могутъ быть интересны только, какъ психіатрическій феноменъ. И публика читаетъ это съ жадностью, потому что это запрещено. Еслибы это было напечатано, то надо надѣяться, что нашлось бы достаточно силъ въ нашей литературѣ, какъ она ни плоха, чтобы возражать на всю эту чепуху. А теперь ее читаютъ наши полуобразованные люди съ подобострастіемъ. Вотъ вредъ стѣсненія свободы печати.

Въ Москвѣ я прочелъ телеграмму изъ Кіева о буйствѣ студентовъ университета къ его юбилею. Это извѣстіе произвело на меня сильное впечатлѣніе; я ему придаю большое значеніе и ожидаю большихъ послѣдствій (интересно, что въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ объ юбилеѣ объ этомъ умалчивается). Эти буйства—возмутительная *гадость*; объ этомъ не можетъ быть спора,—въ особенности и потому, что это произошло, когда были гости, и даже иностранцы.

Тяжко для Россіи, что мы не можемъ приглашать къ себѣ на *ученый* праздникъ, безъ опасности для иностранцевъ быть побитыми камнями. Конечно, эти студенты не имѣли никакого чувства русскаго патріотизма (тутъ, кажется, дѣйствовали поляки и обезумѣвшіе хлопоманы).

Но совпаденіе этого скандала съ изданіемъ новаго университетскаго устава интересно! Что скажутъ теперь поборники и творцы этого устава, что это освобожденіе студентовъ отъ профессоровъ и только профессора могутъ быть имъ недовольны!

Конечно, возмутительны дѣйствія кіевскихъ студентовъ, но грустно подумать, сколько раздраженія накопилось въ средѣ нашей молодежи; и кто въ этомъ виноватъ?

О новомъ университетскомъ уставѣ скажу только, что это такая же *ломка* нашего государственнаго строя въ консервативномъ духѣ, какъ проектъ Кахановской комиссіи реформы мѣстныхъ учрежденій (сегодня окончилъ его чтеніе)—*ломка* въ либеральномъ духѣ. И вотъ наши правители думаютъ только о *ломкѣ*, а не объ исправленіи и починкѣ госуд. зданій. Такъ пошло съ Петра В., онъ далъ примѣръ, *допущенный* русскимъ народомъ (къ его *стыду*), и такъ пошло. Онъ по крайней мѣрѣ былъ геній, а его подражатели *ничтожество* (кромѣ Н. Милютина и освобожденія крестьянъ, которое хотя было ломкой, но сдѣлало *великое* дѣло).

Съ Серг. Алек. въ Ильинскомъ я не говорилъ о моемъ письмѣ, которое видѣлъ у него на столѣ. Какъ я сказалъ въ письмѣ, такъ и поступилъ: послѣ этого послѣдняго шага я больше не буду ни говорить, ни даже думать о сенаторствѣ. Я только просилъ Серг. Алек. дать прочесть мое письмо Государю. Изъ Ильинскаго я писалъ гр. Д. А. Толстому въ томъ же духѣ. Больше я ничего не дѣлалъ Fais ce que dois, advienne que pourra.

Сегодня былъ у меня купецъ Кафтанниковъ. Я ему продалъ весь мой урожай, хлѣбъ и овесъ. Вотъ типъ новѣйшаго нашего tiers état. Интересны соприкосновенія этого люда со мной.

19 сентября. Сегодня уѣхала Оля въ Петербургъ. Грустно было мнѣ съ нею разставаться, даже очень грустно. Но я самъ хотѣлъ, чтобъ она уѣхала, видя, какъ ей скучно въ Носковѣ и какъ хочется скорѣе въ Петербургъ.

Не хочу я, чтобъ мои дѣти приносили для меня жертвы. Я страдаю отъ этихъ жертвъ, и, напротивъ, счастливъ, когда имъ пріятно безъ меня, если это не вредно для нихъ, какъ въ настоящемъ случаѣ (Оля ѣдетъ въ Петербургъ съ Ольгой Дмитр.): это эгоизмъ своего рода. Я это мыслю, не только пишу, искренне, безъ прониі.

Хочу испытать свои силы,—жить *совсѣмъ одинъ.* Величайшее благополучіе человѣка на землѣ, когда онъ *самъ себя удовлетворяетъ.* Въ какой степени человѣкъ къ этому способенъ, настолько онъ имѣетъ цѣнность, настолько онъ человѣкъ. Хочу испытать въ этомъ отношеніи мои силы (я соціябеленъ, люблю общество, но могу выдержать и съ наслажденіемъ одиночество), это испытаніе будетъ самоэкзаменъ. Если будетъ трудно, то не сдѣлать ли изъ этого эпитимью, которую наложилъ на меня отецъ Авраамій (у Троицы), предоставивъ мнѣ избрать самому родъ эпитимью (это ужасно трудная задача и можетъ быть, и тутъ Богъ мнѣ помогъ).

21 сентября. Хотѣлъ я записывать всякій день и никакъ не удается. Въ теченіи дня нѣтъ времени, а вечеромъ передъ сномъ (настоящее время для дневника) такъ устаю, что не могу писать.

Не знаю, что было бы далѣе съ этимъ одиночествомъ, а пока не вижу, какъ бѣжитъ время. Тутъ много причинъ: не только работа, но и *разнообразіе* занятій и чтенія, которое я всегда забочусь для себя устроить.

Пока я могу жаловаться не на одиночество, а на *недостаточность* его: мнѣ мѣшаютъ люди, и я бы хотѣлъ ихъ меньше видѣть. Вчера обѣдалъ священникъ и пріѣхалъ проѣздомъ К. Савеловъ [1]) Я боюсь положительно, что и сегодня пріѣдутъ гости, и вообще ихъ слишкомъ много будутъ ѣздить, мѣшаютъ работать. Немножко «началъ», но чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

Священникъ начинаетъ быть для меня тяжелъ. Я предпочитаю этотъ типъ нашего духовенства вполнѣ невѣжественный, наивно гру-

---

[1]) Сосѣдъ, землевладѣлецъ, имѣніе Новое Село въ 15 в.

бый, — новѣйшимъ либеральнымъ и только потертымъ прогрессомъ, и такимъ же невѣжественнымъ. Послѣдніе болѣе меня возбуждаютъ, а къ первымъ я могу относиться равнодушнѣе. Но, наконецъ, и нашъ священникъ своей дикой (хотя бы и наивной) нетерпимостью начинаетъ возмущать меня и быть мнѣ противенъ: всѣ прихожане должны говѣть, о тѣхъ, которые не исполняютъ, онъ доноситъ архіерею. «Должно *ихъ заставлять*, но епарх. начальство относится слишкомъ небрежно (а тутъ главная забота о доходахъ); лютеранина я не стану отпѣвать, я его передъ смертью не исповѣдую и не пріобщу, безъ предварительнаго обращенія и документа» и т. д. Мнѣ стало гадко слушать этого рода рѣчи. Тутъ никакой христіанской любви, тутъ ученье Христа забыта.

21 сентября. Я все недоволенъ собой, что не могу окончательно, безповоротно покорить въ себѣ всякія желанія практической (госуд.) дѣятельности и считать всякую госуд. дѣятельность для себя невозможной. Конечно, это не легко похоронить себя заживо, заморить существенныя наклонности моей натуры къ этой дѣятельности; это было не легко для другихъ подобныхъ мнѣ людей. Я вижу это изъ мемуаровъ Блунчли, какъ было горько ему, когда актриса постоянно отбрасывала его отъ государственныхъ дѣлъ, къ которымъ влекла его натура. Но это необходимо мнѣ для пріобрѣтенія окончательнаго *душевнаго* мира. Послѣ всего того, что я испыталъ (въ особенности послѣднія перипетія съ сенаторствомъ и съ неприглашеніемъ меня въ Кахановскую комиссію), я долженъ убѣдиться окончательно, что ни династія, ни правительство, ни общество не нуждаются во мнѣ и не желаютъ моего труда, что никакое практическое дѣло не существуетъ для меня. Надо же окончательно разстаться со всякой мыслью о такомъ дѣлѣ и построить все будущее на однихъ занятіяхъ наукой. Ихъ достанетъ, чтобъ съ избыткомъ наполнить мою жизнь. Il faut enfin se resigner.

19 октября . . . . . .

Вчерашнія газеты съ извѣстіями о снова поднимающейся нигилистической смутѣ производятъ на меня глубокое впечатлѣніе (сборища студентовъ въ Москвѣ противъ Каткова, прокламаціи, вездѣ разбросанныя и проч.). Неужели *опять*. Но можно ли было думать, что все такъ вдругъ улеглось послѣ 1 марта? Развѣ внутренній хроническій недугъ (хотя и недугъ въ *верхнихъ только* пластахъ общественнаго организма) можетъ такъ вдругъ прекратиться. Первое извѣстіе о безпорядкахъ въ кіевскомъ университетѣ (на юбилеѣ) показалось мнѣ очень *серьезнымъ*. Мой политическій инстинктъ меня рѣдко обманывалъ. Я чувствовалъ, что опять что-то начинается. Приходится припомнить слова Непира (англійскаго посла въ прошедшемъ царствованіи): «La vague n'est pas grande, mais la digne n'est pas forte» [1]). Нуженъ госуд. человѣкъ, который бы всѣмъ овладѣлъ,—и нигилизмомъ, и реакціей Каткова—и ставъ выше, *повелъ бы* общество. Но нынѣшнему царствованію недостаетъ *госуд. людей*. Не вижу откуда оно ихъ возьметъ. Государь стоитъ слишкомъ далеко отъ обществен-

---

[1]) Волны не велики, но плотина не крѣпка.

ныхъ круговъ, изъ которыхъ бы онъ могъ достать себѣ людей. Все, что его окружаетъ, не можетъ сдѣлаться матеріаломъ для госуд. человѣка: все старое не годится (Побѣдоносцевъ всего менѣе), а въ молодежи, окружающей престолъ, кажется, нѣтъ ничего умственно значительнаго.

Фатализмъ моей жизни (или ея госуд. карьеры): въ дѣятельную эпоху прошедшаго царствованія въ 1859—63 гг. я былъ слишкомъ молодъ для дѣйствія (для иниціативы), а теперь—слишкомъ старъ. Но вѣроятно, просто у меня нѣтъ настоящихъ въ характерѣ условій для госуд. человѣка. Были бы, то и тогда и теперь справился бы съ обстоятельствами. Нѣтъ честолюбія—и нѣтъ главнаго условія для успѣха госуд. дѣятельности. Я и теперь счастливъ, что стою въ сторонѣ отъ *бурь*, кажется наступающихъ, и не желаю госуд. поста; хотя грустно, что не могу принести пользу своимъ совѣтомъ.

Въ запискахъ Пирогова выражена моя мысль (въ томъ что я писалъ въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній» [1]) о нашей смутѣ)—реформы прошедшаго царствованія были опозданы (во всемъ виновато царствованіе Николая I). Отсюда болѣзненное состояніе общества. Реформы были *скоропостижны*, взбудоражили общество, потому что онѣ были опозданы, и ими пришлось спѣшить (главное—освобожденіе крестьянъ).

Вотъ какъ *непоправимо* опозданіе.

Мнѣ надо окончательно успокоиться, что называется «*на лонѣ науки*» и разрѣшить хоть подъ конецъ моей жизни ея коренное противорѣчіе и ея коренной порокъ (смѣшеніе науки и госуд. дѣятельности и колебаніе между ними),—и сосредоточиться на наукѣ, которая была благодарнѣе для меня. Еслибъ это было въ З. Европѣ, то возможно было бы соединеніе политической дѣятельности и науки, у насъ не возможно. И это была коренная моя ошибка, лучше не ошибка, а роковое моей жизни. Я все думалъ, что предназначенъ къ госуд. дѣятельности, къ госуд. службѣ, а когда она меня обманывала, какъ было непрерывно, удалялся въ науку, какъ au pis aller—для которой не былъ приготовленъ, но все-таки надо сдѣлать въ наукѣ, что можно, наполнивъ ею остатокъ моихъ дней.

7 ноября. Былъ у меня сегодня М. А. Саблинъ. Я былъ у И. И. Янжула, засталъ тамъ М. М. Ковалевскаго и провелъ съ ними цѣлый день. Заѣхалъ потомъ къ И. Аксакову и не нашелъ: переѣхалъ на новую квартиру.

Очень доволенъ днемъ, проведеннымъ среди *интеллигенціи*. Какъ пріятно быть съ людьми истинно просвѣщенными; понимаютъ на полусловѣ, и бесѣдѣ нѣтъ конца. Мнѣ пріятно, что я внушаю довѣріе этимъ людямъ (и, кажется, симпатію), считающимся въ рядахъ *политически крайнихъ*. Но это нелѣпость, эти люди такого же направленія какъ и я,—*умѣренно либеральнаго*. Не могутъ же они меня обманывать. И вотъ эти недоразумѣнія русской жизни, посѣваемыя недобросовѣстными людьми (въ томъ числѣ революціонерами) на почвѣ

---

[1]) Изданіе покойнаго, гдѣ участвовали лучшія ученыя силы.

невѣжества, вносятъ страшную смуту въ наше общество. Горькіе плоды еще впереди.

Фабричный кризисъ. Янжулъ говоритъ, что кризисъ не настоящій и очень медленный, уже 3 года, не по всѣмъ отраслямъ. Всего болѣе закрылось въ 3 года суконныхъ фабрикъ.

Вечеромъ въ ресторанѣ Славянскомъ Базарѣ встрѣтилъ Серг. Ив. Четверикова (суконнаго фабриканта) и Лепешкина (занимающагося кустарной промышленностью).

Четвериковъ о кризисѣ. «Кому же теперь хорошо. Я никогда не принадлежалъ къ ноющимъ, но теперь ужасно. Кромѣ общихъ причинъ, особыя причины жестокаго кризиса въ суконномъ производствѣ (главнѣйшее въ Москов. округѣ); мы продолжали усиливать производство гладкихъ суконъ, когда (уже 36 лѣтъ) всѣ перешли къ неваленнымъ (триковымъ) тканямъ. Тутъ всего болѣе вредитъ Польша: она имѣетъ всѣ условія болѣе выгодныя для промышленности, чѣмъ Москов. край. Чтоже установить внутреннія таможни? Что запретительный тарифъ это пустяки для насъ. Пошлина на сукно и до возвышенія была запретительная. Кавказскій транзитъ—пустяки; это все просили невѣжды. Главное же, что фабричная промышленность искусственно сконценцентрирована въ Московской области, гдѣ всего менѣе для нея условій».

Вообще рѣчь Четверикова, приводящаго цитаты изъ Гете,—смѣсь вздора, невѣжества, высокопарности, раздраженія съ здравыми просвѣщенными мыслями. При этомъ много кичливости и самомнѣнія. Его взгляды—переходъ отъ нашего коммерческаго невѣжества къ настоящему просвѣщенію, которое еще не наступило даже въ этой самой образованной купеческой средѣ.

Лепешкинъ излагаетъ вздорныя, утопическія понятія о кустарныхъ промыслахъ (Капиталистическое хозяйство). Соціалисты изъ купеческой среды. Мускусъ—пока наука найдетъ радикальное леченіе.

2 ноября. Бесѣда за завтракомъ въ Славянскомъ Базарѣ съ Соболевскимъ (редакт. Рус. Вѣст.) и Саблинымъ.

Выѣхалъ изъ Москвы съ почтовымъ поѣздомъ. Встрѣтился съ Екатериной Дмитріевной Елеазаровой. Что такое эта персона, не разобралъ; давалъ ей хину отъ разстройства нервовъ, и она была очень благодарна; эта была благодарна за немногое. Въ Твери разстались. Въ вагонѣ бесѣда старообрядца, православныхъ, евреевъ, мусульманина о религіи. Еврей-караимъ доказываетъ, что всѣ религіи равны. Удивительная вѣротерпимость русскаго народа.

3 ноября. Тверь. Прибылъ въ Тверь въ $8^1/_2$ ч; у Бакуниныхъ [1]) нашелъ Мотю.

Былъ у Сомова, Жизневскаго, Покровскаго и Рихтера.

Сомовъ говорилъ, что здѣсь опасные политическіе съѣзды у людей, мнѣ извѣстныхъ своимъ умѣреннымъ образомъ мыслей. Онъ съ послѣднимъ соглашался, но говорилъ, что не виноватъ, что такъ смотрятъ на нихъ въ Петербургѣ. И вотъ наши недоразумѣнія, и вотъ отсутствіе всякихъ убѣжденій у людей, имѣющихъ подобно Сомову

[1]) М. А. Бакунинъ и его братья—двоюродные В. П. Безобразова.

200 тыс. дохода и дорожащихъ безъ всякой нужды улыбкой Мин. Вн. Д.

4 ноября. Кого ни вижу здѣсь, кого ни видѣлъ въ Москвѣ, всѣ раздражены противъ правительства за антилиберальное направленіе. Всѣ говорятъ, что революціонные элементы усиливаются и что можетъ произойти нѣчто скверное. Бѣда та, что наше общество не способно къ явному законному протесту, и что неудовольствіе возможно только подпольное и преступное.

4 ноября. Былъ у Е. П. Безобразовой [1]) съ Мотей. Я въ Твери для устройства Моти, который поступаетъ на службу въ тверскую казенную палату. Тутъ особое общество малообразованныхъ среднихъ провинціальныхъ классовъ. Тутъ помѣщикъ-крѣпостникъ (Zeichen der Zeit—знаменіе времени): «А вы еще придерживаетесь идей 60-хъ годовъ. Но всѣ убѣдились, что онѣ вздоръ». Онъ прямо доказываетъ, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права все упало въ Россіи.

Замѣчательно, съ какой смѣлостью воздымается у насъ теперь обскурантизмъ и грубыя, невѣжественныя понятія, которыя прятались и стыдились свѣта 10 лѣтъ тому назадъ.

Наша смута: Вечеромъ у Бакуниныхъ. Между прочимъ, молодой еврей *Шоръ*, сосланный сюда по политическимъ подозрѣніямъ. Споръ, что нужнѣе: *конституція* (П. Бакунинъ и я) или *свобода слова* (Шоръ). Шоръ отвергаетъ всякую пользу представительства, даже доказываетъ его вредъ—нужна только свобода слова и мѣстное самоуправленіе. Отчасти славянофильское, отчасти федеративное (не антимонархическое направленіе) Во всякомъ случаѣ замѣчательная черта --это направленіе въ новѣйшей молодежи всѣхъ оттѣнковъ, *враждебное* конституціонализму. Бакунинъ приписываетъ это вліянію Чернышевскаго (т. е. соціализма).

5 ноября. Былъ съ Мотей у Любови Из. Петрункевичъ и Александра Никол. Дьякова [2])

Какіе симпатичные люди все племя Бакуниныхъ и какъ я съ ними схожусь!

6 ноября. Петербургъ. Прибылъ въ Петерб. съ ужасно непріятными чувствами.

Вечеромъ Kreüzchen [3]) у Шренка. Эта академическая *интеллигентная* среда показалась мнѣ очень узкой умственно въ сравненіи съ міромъ мыслей и думъ, въ которомъ я вращался въ Носковѣ.

7 ноября. Засѣданіе Академіи Наукъ (общее собраніе). Выбранъ въ академики Радловъ. Страхи Веселовскаго и Толстого, что не будетъ выбранъ. Я тотчасъ, переговоривъ съ вліятельными академиками, видѣлъ, что онъ будетъ выбранъ. Я изумлялся въ этомъ мелкомъ случаѣ, какъ человѣкъ (Толстой), стоящій во главѣ Госуд. управленія, мало сознаетъ положеніе. Въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ онъ можетъ сдѣлать болѣе серьезные промахи.

---

[1]) Вдова Арсенія Николаевича Б., новоторжская землевладѣлица.
[2]) Родственники В. П Безобразова.
[3]) Очередныя собранія академиковъ на ихъ квартирахъ разъ въ мѣсяцъ.

7 ноября. Былъ у В. К. Сергѣя Александровича. Встрѣтились совсѣмъ друзьями.

8 ноября. Сегодня *важный день моей жизни.* Въ ней ожидается цѣлый переворотъ. Получилъ внезапно прилагаемое письмо гр. Толстого.

Секретно.

Сегодня я просилъ Его Величество назначить васъ сенаторомъ, многоуважаемый Владиміръ Павловичъ. Государь принялъ это предложеніе *весьма сочувственно.* Сегодня пріѣзжаетъ Набоковъ, и я ему это скажу. Теперь было бы очень кстати, еслибы Великій Князь Сергій Александровичъ благоволилъ заѣхать къ Министру Юстиціи, чтобы подкрѣпить мое ходатайство.

Искренно преданный

Д. Толстой.

8 Ноября 1884.

Былъ у В. К. Сергѣя Алекс. Не засталъ; онъ уѣхалъ въ Гатчино. Я ему написалъ съ нарочнымъ о томъ, что просилъ Толстой.

Вечеромъ у меня В. К. Конст. Конст. и Дмитрій Конст. Они говорили о томъ, какъ сильно Государь руководствуется par de partis pris и idées préconçue. «Покойный Государь былъ ужасно вспыльчивъ, а нынѣшній, при всей своей добротѣ, долго сердится, будируетъ, ворчитъ и *не легко* забываетъ».

Я не записывалъ всѣхъ, кого вижу, всего, что случается и все, что я дѣлаю; это невозможно.

9 ноября. Я былъ у гр. Д. А. Толстого, чтобъ благодарить. Онъ говоритъ: «Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ сказать Государю о вашемъ сенаторствѣ. Я сталъ снова ему говорить, что съ нынѣшнимъ направленіемъ департамента сената, *антиправительственнымъ*, нельзя управлять государствомъ. Нѣсколько недавнихъ рѣшеній сената противъ Мин. Внутр. Дѣлъ и губернаторовъ въ ихъ столкновеніяхъ съ городскими обществами и земствомъ,—похороны Тургенева, панихида по Кошелевѣ и проч. За все это Катковъ ругалъ сенатъ. Государь говоритъ, что онъ опять поговоритъ съ Набоковымъ, который жалуется, что у него *мало правительственныхъ* сенаторовъ. На это я (Толстой) говорю: я могу рекомендовать на борьбу правительственныхъ сенаторовъ Акад. Безобразова, а Соборъ изберетъ Анучина (котораго хотятъ спустить). Государь говоритъ, что онъ отлично васъ (т. е. меня) знаетъ и очень сочувствуетъ назначенію васъ сенаторомъ. Я *ручаюсь,* что Безобразовъ будетъ правительственный (?!?); Государь говоритъ, что онъ въ этомъ убѣжденъ». Теперь Толстой передаетъ это Набокову, но настаиваетъ, чтобы на него дѣйствовалъ В. К. Сергѣй Александровичъ.

Все это направленіе, которое принимаетъ это дѣло, начинаетъ меня страшить. 1) Я, выходитъ, буду въ Сенатѣ, какъ партія Толстого; и во многихъ случаяхъ мнѣ будетъ трудно по моимъ убѣжденіямъ защищать его; 2) ужасно много дѣла въ I д-нтѣ и прійдется

бросить науку. Всѣ эти страхи еще усилились послѣ разговора съ Мордвиновымъ. Онъ разсказывалъ, что Толстой хотѣлъ наполнить I д-тъ своими кліентами и лишить его всякой независимости.

Да будетъ воля Божія! Я никакихъ обязательствъ ни Толстому, ни кому другому не давалъ, кромѣ вѣрноподданической присяги. Убѣжденія мои извѣстны всему свѣту, а также моя независимость. Буду исполнять мой долгъ по совѣсти. А затѣмъ, если будетъ слишкомъ много дѣла, можно уйти изъ I д-та. Но науку я не брошу.

11 ноября. Вечеромъ былъ у Д. К. Никого не было, и это было пріятно. Это единственный изъ высокопоставленныхъ, съ которымъ можно спокойно говорить и договориться,—со всѣми другими главное мѣсто шуточки и разговоры, которые никогда ни къ чему не приводятъ. Все flüchtig (мимолетно)! Jl n'y'a jamais de conversations qui commencent et qui finissent. Всѣ разговоры случайны и безъ результатовъ, какъ бы всегда мимоходомъ.

11 ноября. Воскресенье. Были у меня О. А. Наумовъ, О. Воейковъ, М. П. Веселовскій, И. И. Кауфманъ, Рафаловичъ. Велась бесѣда о Кахановской комиссіи—главный, или лучше сказать, единственный интересъ общественной жизни теперь въ Петербургѣ.

Въ Кахановской комиссіи, кажется, безтолковщина,—всѣ недовольны. Я это ожидалъ. Можетъ ли законодательная работа итти успѣшно, когда нѣтъ у законодателя руководящей идеи; ея нѣтъ и вкупѣ у лицъ, тутъ трудящихся. А нужно болѣе: нужно личное творчество, а къ нему не способенъ, начиная съ Каханова, никто. Законодательная работа не можетъ быть *коллективная*. Собраніе можетъ только дополнить, исправить, измѣнить, но зерно должно принадлежать одному лицу и его личной идеѣ. Такъ вездѣ. Тутъ нѣтъ ничего подобнаго.

Сколько можно понять въ комиссіи 2 партіи или лучше два теченія: прежній составъ комиссіи (здѣшніе чиновники и дѣльцы)—бюрократы съ кабинетными доктринерскими взглядами, именующіе себя либералами, и земскіе эксперты, именующіе себя консерваторами. Послѣдніе желали бы возстановленія *сословнаго дворянскаго самоуправленія волостей* въ родѣ прежнихъ миров. посредниковъ, назначенныхъ исключительно *отъ дворянъ*. Имѣетъ смыслъ глубокій и либеральный, что посредники, долженствовавшіе произвести жестокую операцію упраздненія крѣпостнаго права, были исключительно дворяне. Теперь *дворянское* самоуправленіе было бы не столько безсмыслицей по идеи, но и практически несостоятельно. Смѣшно, что упомянутые консерваторы ссылаются на меня и мои сочиненія; ничего подобнаго я не проповѣдовалъ. Я даже гораздо раньше былъ противъ всякихъ сословныхъ привилегій. Сходство только въ томъ, что я желаю соединеніе въ низшей инстанціи судебной власти съ распорядительной, на подобіе англійскихъ мировыхъ судей. Говорятъ, будто этой партіей руководствуетъ гр. Д. Толстой. Мнѣ кажется, онъ слишкомъ уменъ, чтобъ считать возможнымъ возстановленіе дворянскаго управленія, которое и въ старое время было ни на что не годно.

Чрезвычайно грустно, что между бюрократическимъ петербургскимъ доктринерствомъ и этими невозможными дворянскими поползно-

веніями, нѣтъ ничего средняго, нѣтъ ничего дѣйствительно либеральнаго или просто практически осуществимаго.

12 ноября. Обѣдалъ сегодня у гр. Толстого съ академиками нѣмцами. Все время былъ разговоръ о Дм. Милютинѣ и послѣдней войнѣ. Совершенно согласенъ съ тѣмъ, что говорилъ Толстой о безславіи этой войны и о военной бездарности Милютина. Очень характеристично, что Толстой сказалъ съ ироніей Милютину: «Вы *штатскій* военный министръ», и тотъ, не понявъ его, былъ этимъ очень доволенъ, сказавъ «да». Я не могу простить Милютину, что онъ гналъ всѣ таланты (Леера) изъ-за своего непомѣрнаго самолюбія. Дм. Милютинъ самый чистый экземпляръ доктринеровъ прошедшаго царствованія—безплодныхъ людей!

Какія бы ни были политическія убѣжденія Толстого, въ которыхъ я съ нимъ несомнѣнно расхожусь при неисправимости моего либерализма, но онъ мнѣ очень симпатиченъ своей натурой и въ особенности, вѣроятно, *своимъ воспитаніемъ*. Общность воспитанія дѣло великое. Я былъ воспитанъ съ Толстымъ въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ въ Москов. Дворян. Институтѣ и Лицеѣ. Что то необыкновенно общее въ нравственныхъ понятіяхъ и навыкахъ жизни, которое сильнѣе всякихъ политическихъ убѣжденій, соединяетъ насъ. Можетъ быть, я чувствую это единство, не взирая на бездну политическую, насъ раздѣляющую, потому что политическія убѣжденія, хотя и крѣпкія, далеко на дальнемъ планѣ въ сравненіи съ общечеловѣческими мыслями и въ особенности чувствами.

Толстой полушутя разсказывалъ академикамъ, что Г. говорилъ ему: «а вѣдь С. развратилъ Безобразова, онъ сильно его поилъ». Не знаю, радоваться безпрерывнымъ со всѣми разговорамъ Г. обо мнѣ или огорчаться этимъ новымъ знакомъ вниманія къ моей особѣ (!?). Вижу только одно, и вижу всякій день, что наверху всего болѣе интересуются всякими пустяками и всего менѣе серьезными дѣлами. Удивительно. Это при положительномъ расположеніи ко мнѣ всѣхъ.

14 ноября. Экономическій обѣдъ, подъ предсѣдательствомъ Грейга. Было 27 челов. Ничего практическаго. Сообщали о своихъ занятіяхъ и путешествіяхъ лѣтомъ. Я сообщилъ о разъѣздахъ въ Ярославской и Костром. губ., Ламанскій [1]) объ Италіи, объ удивительныхъ ея успѣхахъ по устройству финансовъ бумажнаго денежнаго обращенія, благодаря сознанію истинныхъ началъ науки, при бѣдности страны.

16 ноября. Я сейчасъ изъ Гатчина. Всѣ были со мной замѣчательно любезны и Государь, и Императрица. Обращаются всѣ какъ бы съ другомъ дома: если это такъ, то они правы. Я чрезвычайно лично ихъ всѣхъ люблю, къ нимъ привязанъ и имъ преданъ, какъ людямъ мнѣ близкимъ, независимо отъ моихъ монархическихъ чувствъ и убѣжденій.

Затѣмъ, къ Государю, и передъ тѣмъ проникъ къ В. К. Сергѣю Алекс. Совсѣмъ обошелся какъ другъ. «Ваши дѣла идутъ отлично (сенаторство), laissez moi faire et ne me demandez rien. Je travaille

---

[1]) Евгеній Ивановичъ управляющій Государственнымъ Банкомъ.

pour Vous». Всего менѣе я желаю спрашивать. Я рѣшился даже не думать объ этомъ. Что будетъ, то будетъ. Государь принялъ въ кабинетѣ, очень высоко послѣ членовъ Госуд. Совѣта и прежде сенаторовъ. Меня эта милость сконфузила и произвела кажется на присутствующихъ рѣзкое впечатлѣніе (особенно на Деліо [1]) который тутъ былъ и какъ всегда самолюбивъ и la têtê hante). Государь говорилъ долго, спрашивалъ подробно, гдѣ я былъ и что дѣлалъ лѣтомъ. Затѣмъ, на мой вопросъ о запискахъ Литке, сказалъ, что уже сказалъ Литке присылать ему прямо; что мои подготовленія, которыя я дѣлалъ прошедшей зимой (я обозначалъ, что читать и докладывалъ Государю каждый томъ этихъ записокъ), и обработки не нужны, ибо онъ все читаетъ съ женой подрядъ. «Неправда ли В. В-во интересно, какъ я Вамъ говорилъ».—«Да очень интересно».—Я оченъ радъ, что В. В-во сбережете эти записки въ Госуд. Архивѣ для потомства, иначе они бы пропали». Я не думаю, чтобы Государь не хотѣлъ болѣе имѣть моихъ докладовъ по запискамъ изъ Литке, потому что онъ ими недоволенъ (иначе это меня бы огорчило), все обращеніе со мной не таково.

Наконецъ, былъ у Е. Ѳ. Прелестная женщина. Что-то въ ней особенно чарующее. Со мной очень мила.

17 ноября. Утромъ кое-кто пріѣзжалъ, какъ всегда въ воскресенье. Все разговоры о Кахановской комиссіи. Ничего примѣчательнаго. Такая суматоха да отчаянный ревматизмъ въ правой рукѣ (мѣшаетъ писать), что ничего не успѣваю записывать. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Петербургѣ, сегодня могъ въ *первый* разъ заняться на $^1/_2$ часа. Эта жизнь настоящая каторга. И даромъ совсѣмъ тратятся силы, Богъ знаетъ на что.

Я никакъ не успѣваю записывать всякій день,—а разомъ за 2 и 3 дня. Это не то, что записывать всякій день, а многое существенное ускользаетъ изъ памяти. Отъ этого я такъ долго и не касался моихъ записокъ, боясь, что онѣ будутъ плохи. Впрочемъ, пишу не для потомства, а для собственнаго самосознанія и для дѣтей.

Надѣюсь, что когда буду здоровѣе (все время съ пріѣзда недомогаю), пойдетъ лучше.

19 ноября. У насъ академическій вечеръ. Гр. Толстой, всѣ академики (обѣ партіи, [2]) что мнѣ только и пріятно въ этомъ случаѣ). Разныя, такъ называемыя, высокопоставленныя лица. Кажется все сошло благополучно. По слабости вѣчной моего характера (ничѣмъ другимъ я не могу объяснить, для чего было устраивать этотъ вечеръ) я не могъ по настояніямъ гр. Толстого, уже 3 года повторяющимся, отказаться отъ устройства этого вечера. Но ужасно счастливъ, что онъ прошелъ, и что я хотя сколько-нибудь успокоился. Это было истинное наказаніе—возился съ Кумберландомъ, Бишономъ etc.

Но самое примѣчательное въ этотъ день письмо, которое я получилъ отъ В. К. Сергѣя Александровича.

---

[1]) Товарищъ по Лицею.
[2]) Нѣмецкая и русская.

Дорогой Владиміръ Павловичъ!

Сегодня утромъ я былъ у Набокова и долго говорилъ съ нимъ— признаюсь, препятствій не мало и, кажется, удастся его уломать, хотя *очень* трудно. Вы можете быть увѣрены, что я сдѣлаю все что отъ меня зависитъ. St. voila!

До свиданія. Вашъ Сергѣй.

19 ноября 1884 г.

Размышленія печальныя, которыя сдѣланы на счетъ этой новой катастрофы моей жизни, я напишу въ болѣе свободную минуту. Только со мной случаются такія странныя вещи, что человѣкъ, преклоняющійся передъ всякой малѣйшей силой, какъ Набоковъ, дѣлаетъ по поводу меня оппозицію всесильнымъ и даже самому Государю!

Трудно разобрать всю эту чепуху!

Я отвѣтилъ Серг. А., что очень тронутъ его дружбой, она мнѣ дороже самой жизни. Оппозиція противъ меня и *недоброжелательство сановниковъ, раздираемыхъ своими партіями, изъ которыхъ я ни къ одной не принадлежу,* меня не удивляетъ (и даже совсѣмъ понятна для меня ихъ точка зрѣнія). Только положительная роль Государя можетъ меня вывести изъ этого печальнаго положенія, и, наконецъ, я подчиняюсь волѣ Господней, *желаю быть назначеннымъ сенаторомъ, никакъ не въ личныхъ моихъ интересахъ* (для себя лично я не желаю ничего лучше теперешняго моего положенія), а только чтобы служить Государю и моему семейству. Таково было почти буквально мое письмо къ Сергѣю Алекс. Это, впрочемъ, постоянно я ему и всѣмъ говорю. Такъ и думаю.

20 ноября. Обѣдалъ у А. I. Послѣ обѣда явился на нѣсколько минутъ К. Н. Его обращеніе со мной учтивое, но ужасно холодное, впрочемъ, вполнѣ мной заслуженное въ послѣднее время, (записки Литке), да и нисколько меня не огорчающее... Возникла мнѣ мысль, что все это положеніе объясняется такъ: Набоковъ сопротивляется моему назначенію, какъ креатура Конст. Ник., какъ другъ Рейтерна (котораго вражда противъ меня не прекращается), а человѣкъ хорошій quasi-либеральный, т. е. бюрократически-демократическій, котораго я 25 лѣтъ тому назадъ прозвалъ доктринеромъ партіи Головнина tutti quanti! Теперь эта партія противъ меня вслѣдствіе хорошихъ отношеній къ Д. А. Толстому.

Я всю мою жизнь имѣлъ противъ себя *то ту, то другую* изъ этихъ двухъ теперь партій — quasi-либеральной (чиновничей) и quasi-консервативной (аристократической) и никогда не имѣлъ серьезной поддержки *ни одной.* Однако, первая была всего чаще противъ меня, хотя я и съ ней имѣлъ мало общаго!

Все это натурально. Я никогда не былъ въ хвостѣ никакой партіи. И хотя бы это были партіи! Просто смѣшно. Я принадлежу къ всесвѣтлой великой либеральной партіи, съ глубочайшимъ чувствомъ русскаго патріотизма (см. записки Блунчли.). Таковымъ меня признаютъ всѣ мыслящіе люди и въ З. Европѣ и въ Россіи.

22 ноября. Со вчерашняго дня опять сильный пароксизмъ ревматизма въ правой рукѣ совсѣмъ меня растревожилъ. Рѣшился за-

сѣсть дома для полнаго облегченія. Едва могу писать. Отказался отъ всѣхъ приглашеній, которыя сыпятся на меня со всѣхъ сторонъ. Всегда было такъ, но нѣнышній годъ особенно ужасно. Чистая каторга эта жизнь. Очень радъ успокоиться дома.

Вчера, наконецъ, послалъ послѣдніе томы отчета о выставкѣ 1882 г. Счастливъ, что, наконецъ, окончилъ эту двухлѣтнюю работу.

24 ноября. Чисто личное. Я, конечно, слишкомъ впечатлителенъ и сенситивенъ и не долженъ довѣрять моимъ впечатлѣніямъ, особенно, относительно лично меня. Но у меня теперь разныя огорченія и домашнія и публичныя, и со всѣхъ сторонъ признаки еще дальнѣйшихъ надвигающихся тучъ.

Кажется, недоброжелатели вымѣщаютъ свою зависть къ правительству *свыше.* (Къ прошлогоднимъ свиданіямъ съ Государемъ и проч.) Это всегда такъ и часто у меня было: враги торжествуютъ, когда покровители *слабо покровительствуютъ* и останавливаются передъ первымъ препятствіемъ. *Такой фаворъ* только вредитъ въ жизни. И сколько онъ мнѣ уже повредилъ.

Говорятъ у меня нѣтъ враговъ! Правда, не должно бы быть, я *никому,* по совѣсти, и даже надѣлавшимъ мнѣ много зла—никогда не хочу дѣлать вредъ. Положительно передъ Богомъ, я всегда готовъ даже уступить *мою пользу,* если она кому-нибудь вредна.

Я слишкомъ презираю тлѣнъ всякихъ земныхъ благъ. Но какъ же, какъ не тайными врагами объяснить такія странныя положенія, въ какихъ я теперь и часто былъ.

25 ноября. Воскресенье. Судя по значенію (офиціальному) разныхъ лицъ, бывшихъ у меня сегодня, — мнѣ не такъ плохо, какъ вчера казалось; впрочемъ, въ петербургскомъ обществѣ трудно что нибудь *разобрать.*

26 ноября. Былъ у С. А. Онъ переѣхалъ въ городъ совсѣмъ третьяго дня. Принимаетъ меня, какъ друга, по прежнему. Женитьба не измѣнила нисколько отношенія. Звалъ завтракать завтра съ В. А. и женой. Я предпочелъ завтракать у него послѣ завтра одинъ. Не хочу соваться и втираться чрезъ него въ intimite съ другими....

29 ноября. Завтракалъ у С. А. Собственно былъ въ первый разъ въ новомъ помѣщеніи (городскомъ). Супруга прелестна; что-то, однако, меланхолическое ощущается подъ ея красотой и красивой внѣшней обстановкой. На меня нашли грустныя думы, впрочемъ, они ничѣмъ инымъ не объясняются, кромѣ привычки. Я привыкъ бывать у С. А. на его холостой ногѣ. Теперь совсѣмъ другое. Мнѣ уже трудно, какъ старику, привыкать къ другому. Впрочемъ, со мной были чрезвычайно любезны,—и болѣе даже этого,—хотятъ, чтобы я былъ въ домѣ, *какъ другъ дома.*

Обѣдалъ у гр. Литке. Слышалъ отъ него довольно странныя вещи. И. спросила, почему онъ не представляетъ записокъ отца. Онъ отвѣтилъ, что Государь приказалъ представлять ихъ Безобразову (*и это было такъ*). «Mais pourquoi avons nous besoin de tiers». [1])

Все остальное ясно и видно выше.

[1]) Зачѣмъ намъ нужны третьи лица, посредники.

Не знаю слѣдуетъ ли мнѣ всѣмъ этимъ оскорбляться. Во всякомъ случаѣ нѣтъ. Я исполнилъ мой долгъ: спасъ записки гр. Литке, *нужныя для исторіи* (для исторіи Ник. Павл.) отъ погибели (Головнинъ и Конст. Ник. уничтожили бы ихъ) и затѣмъ мнѣ все равно, что отъ всей этой исторіи о запискахъ гр. Литке послѣдовало. Знаю только, что эта исторія была для меня не выгодна.

30 ноября. Обѣдъ у Леера. Единственный человѣкъ, съ которымъ я теперь въ Петербургѣ могу говорить душа въ душу, и который меня понимаетъ. Вечеръ—былъ у Ламанскаго.

1 *декабря.* Засѣданіе Академіи Наукъ. Гр. Толстой ничего не говоритъ со мной о фатальномъ моемъ дѣлѣ (сенаторствѣ), и я ничего не говорю, далъ себѣ честное слово ни съ кѣмъ объ этомъ не говорить и это позабыть.

Обѣдъ у Тернера.

Вечеръ у В. К. Дмитрія Константиновича.

2 декабря. Воскресенье. У меня утромъ довольно много учениковъ (лицейскихъ), что для меня особенно пріятно.

Я не записываю все ничтожное, хотя и очень хлопотливое, происходившее въ эти дни. Никогда еще суета петербургской жизни не доходила около меня до такой крайней степени, хотя я не сдѣлалъ ни одного визита. Можно бы по этимъ безчисленнымъ приглашеніямъ на обѣды, вечера и проч. подумать, что я въ ходу. Между тѣмъ по весьма положительнымъ признакамъ вижу, что мои предчувствія выше описанныя, что надо мной *тучи,—не ошибочны.*

3 декабря. Интересныя вещи разсказывалъ мнѣ сегодня у меня С. А. Мордвиновъ и для общей политической ситуаціи и для моей личной. Набоковъ одержалъ побѣду надъ Толстымъ по вопросу I департ. Сената, доказавъ невозможность назначать туда сенаторовъ по указанію гр. Толстого: «тогда нужно составить весь I Деп. по указаніямъ всѣхъ министровъ, и что-же будетъ? Сенатъ утратитъ всякую самостоятельность стоять за законъ. Политика правительства шла зигзагами, такъ и пойдетъ измѣнчиво Сенатъ. Это невозможно». Государь согласился (онъ передъ тѣмъ согласился съ Толстымъ совсѣмъ въ другомъ направленіи). Это все прекрасно, но такъ ли это было и не хвастаетъ ли Набоковъ? Развѣ онъ способенъ къ геройству? Вообще, по разнымъ другимъ свѣдѣніямъ, положеніе Толстого ослабло.

Я вѣчно попаду въ щель. Ясно, что вопросъ о моемъ сенаторствѣ провалился вмѣстѣ съ реорганизаціей I Д та. Но какъ все это ни обидно, все къ лучшему. L'homme propose et Dieu le mène. Это было бы началомъ нескончаемыхъ недоразумѣній, еслибъ я былъ посаженъ въ Сенатъ, какъ клевретъ Толстого, каковымъ я быть не могу.

Упрекаю себя, что не могу безусловно мириться и покориться моей судьбѣ—быть въ ученомъ кабинетѣ и не имѣютъ политической дѣятельности. Разсказы Мордвинова о занятіяхъ Кахановской комиссіи, признаюсь, разжигаютъ во мнѣ зависть къ политической жизни, отъ которой судьба меня удалила,—какъ слухи о свѣтской жизни разжигаютъ свѣтскую женщину, отъ нея отторгнутую. Это нехорошо и доказы-

ваетъ, что я еще недостигъ полнаго мира въ душѣ моей. Постараюсь достигнуть.

4. декабря. Балъ у Вышнеградскаго. Я отмѣчаю (вообще я *не записываю* подобныхъ вещей и моего времяпрепровожденія) этотъ балъ только потому, что онъ для меня признакъ прогрессивнаго развитія нашей общественной жизни. Тутъ было *среднее* и *образованное* наше общество (ученые, писатели, высшіе чиновники—не министры). Прежде было только высшее и низшее общество. Кромѣ танцующихъ, было съ кѣмъ побесѣдовать серьезно. Я себя чувствовалъ въ своемъ кругу, въ своей водѣ. И оказывается своей просвѣщенностью неизмѣримо выше beau mond'a, а благовоспитанностью и элегантностью нисколько не ниже.

7 декабря. Былъ сегодня у гр. Д. А. Толстого. Онъ энергически говоритъ, что мое дѣло (сенаторское) не провалилось, какъ я былъ убѣжденъ. Свое дѣло я считалъ потеряннымъ,—и это нисколько меня не безпокоитъ. Но интересенъ разговоръ съ Толстымъ для характеристики нашего общаго положенія.

Я сообщалъ Толстому, что Набоковъ «гарцуя» провалилъ въ разговорѣ съ Государемъ его проектъ передѣлки состава I Д-та Сената и что я съ общимъ вопросомъ тоже провалился. *Толстой.* «Это пустяки. Я говорилъ и еще буду говорить съ Государемъ. Увидимъ, кто будетъ правъ».

Эта борьба интересна. Увидимъ ея послѣдствія скоро. Кто лжетъ и кто обманываетъ себя, трудно понять въ этой путаницѣ. Мое дѣло связано съ общимъ вопросомъ.

Я совершенно спокоенъ насчетъ исхода этого дѣла, какъ бы оно не рѣшилось. Я всегда спокоенъ, когда мнѣ не предлежитъ вопроса и сомнѣнія, гдѣ моя обязанность. А тутъ мнѣ дѣлать нечего. И только остается ничего не дѣлать (т. е. въ этой передрягѣ), и продолжать работать въ моемъ кабинетѣ. Это я и дѣлаю.

13 декабря. Не записывалъ эти дни, потому что при всей пестротѣ суматошной петерб. жизни не было ничего примѣчательнаго. Вчера былъ экономическій обѣдъ, [1]) (Вопросъ о сельскохозяйств. кризисѣ въ Европѣ и Россіи), замѣчательный тѣмъ, что пренія продолжались до $12^1/_2$ час. ночи—такъ долго я не запомню. Эконом. обѣды на 26 году своей жизни процвѣтаютъ, и интересъ къ нимъ поддерживается. Это случается слишкомъ рѣдко въ Россіи, чтобъ общества и учрежденія послѣ жары въ началѣ не падали черезъ нѣсколько времени.

14 декабря. Музыкальный вечеръ у Сака. Познакомился съ итальянскими пѣвицами изъ Вѣны, сестрами M-me Stahl.

18 декабря. Не записывалъ нѣсколько дней, отчасти потому, что не было ничего примѣчательнаго, отчасти потому, что не успѣвалъ посреди суматохи. Началъ вчера, 17 декабря, бесѣды о географіи и исторіи Россіи съ В. Кн. Елизаветой Маврикіевной.

22 декабря. Всѣ эти дни страдалъ такой жестокой безсоницей,

---

[1]) В. П. былъ распорядителемъ этихъ обѣдовъ, происходившихъ разъ въ мѣсяцъ у Донона.

что явились опасенія очень скверной развязки для моего организма, и нужно было принять рѣшительныя мѣры, какъ лѣченія, такъ и измѣненія образа жизни. Теперь лучше. Мнѣ необходимо еще пожить хоть немного, чтобъ устроить дѣла дѣтей, послѣ моей смерти, а затѣмъ да будетъ воля Господня.

Вчера пригласилъ меня къ себѣ В. Кн. Сергѣй Александровичъ и сообщилъ, что Министръ Юстиціи былъ у него наканунѣ, чтобъ сообщить, что въ среду, 19 дек. онъ докладывалъ Государю о назначеніи меня сенаторомъ къ Новому Году, и Государь согласился. Я благодарилъ Серг. Алекс. и сказалъ, что мнѣ особенно пріятно быть обязаннымъ за это *ему* (*а не министрамъ*, чтобъ не быть къ нимъ *анжажированнымъ*). *Сергѣй Алекс.* «Вы всего болѣе обязаны за это самому Государю».—И это было сказано не изъ-за скромности, а съ удивительной искренностью. И въ самомъ дѣлѣ не такъ ли? Не самъ ли Государь пожелалъ и заявилъ, ибо что-то много было сопротивленій отъ министровъ и нужна была положительная воля Царя сломать это сопротивленіе.

Государь былъ все время особенно ко мнѣ хорошъ. И это правдоподобно.

Итакъ, судьба моя совершается. Послѣ перерыва 20 лѣтъ, я снова выхожу на путь государственной дѣятельности. Къ добру ли? Меня смущаетъ мысль, что прійдется (если назначатъ въ I Д-тъ) отстать отъ ученыхъ работъ,—и тогда умереть, ничего не сдѣлавъ въ жизни. Ничего серьезнаго ни на госуд., ни на ученомъ поприщѣ. Я положительно радуюсь только за Олю (пенсія). Затѣмъ мнѣ пріятно, что дружба Серг. Алекс. есть настоящая дружба.

23 декабря. Вечеромъ у Д. К. Были Г. М. и П. Н. Какъ всегда пустѣйшіе разговоры о лошадяхъ и проч. Я уже къ этому привыкъ.

Разговоръ о Н. К. Несчастный этотъ человѣкъ. Нельзя ничего понять въ его судьбѣ. Хотя я все знаю, но всетаки ничего не понимаю. Боленъ ли онъ душевно или нѣтъ? Теперь у него непріятности съ ген. губерн. и всегда со всѣми непріятности. Равнодушіе къ его судьбѣ у родныхъ изумительно.

28 декабря. Сегодня второй урокъ у В. Кн. Елизаветы Маврикіевны. Потомъ обѣдалъ у нихъ (обѣдала также Александра Іосифовна).

29 декабря. Сегодня въ годовомъ засѣданіи Академіи гр. Толстой сообщилъ мнѣ странныя вещи. Онъ не знаетъ, кончено ли дѣло, подписанъ ли указъ. Набоковъ былъ у него уже послѣ доклада Государю, но до подписанія указа (и даже писалъ что-то ему о своихъ *недоумѣніяхъ*), сказалъ: «вся Академія будетъ скандализирована этимъ назначеніемъ.» Толстой говорилъ (?), что «поручился за меня *офиціально и нравственно.*» Объ этомъ Толстой 2 раза мнѣ говорилъ, сказавъ, что «у васъ есть враги». (Никогда я въ этомъ не сомнѣвался, хотя всѣ мнѣ говорятъ, что нѣтъ). Я спросилъ въ какомъ же отношеніи нравственно нужно поручиться –въ политическомъ или насчетъ поведенія (кутежа). *Толстой.* «Въ послѣднемъ», и притомъ объяснялъ, что я кучу де только съ высокопоставленными и Государь это знаетъ. Что это такое все? Вообще темнота. Не достаетъ только,

чтобъ меня обвинили, посреди добродѣтельныхъ петерб. нравовъ (?) —въ безнравственной жизни. И кто-же говоритъ это Набоковъ! Ясно откуда идетъ эта агитація: отъ Головнина, В. Кн. Конст. Ник., *Рейтерна* и самаго Набокова. Все это соединилось противъ меня. Иного болѣе враждебнаго кружка я не знаю.

31 декабря. Готовлюсь ко встрѣчѣ новаго года съ грустнымъ чувствомъ. Во первыхъ меня давитъ *неизвѣстность* моей судьбы; до сихъ поръ не знаю ничего положительнаго относительно сенаторства. Во вторыхъ—(какъ это ни разрѣшится), выказавшаяся ко мнѣ злоба людей, которымъ я не хотѣлъ никакого зла. Очень мнѣ тяжко. Я слишкомъ мирный человѣкъ, чтобъ легко переносить вражду людскую. И тутъ вижу 2 явленія обычныя: возвышеніе возбуждаетъ злобу и зависть. Я не довольно честолюбивъ, чтобъ ихъ переносить и это всегда такъ было, и потому я не шелъ впередъ, а уступалъ. Во 2-хъ всякое черное пятнышко раздувается въ человѣкѣ сколько нибудь не ничтожномъ, а ничтожный, какъ пустой пузырь безпрепятственно подымается вверхъ.

Но да будетъ воля Господня! Это упованіе на волю Божію и безпрекословное ей подчиненіе есть самая большая сила, если не противъ людей, то противъ ихъ вражды.

1885.

Благослови Господь Новый Годъ! Начинаю его съ милостивой благодарности за милость Божію.

2 янв. Наконецъ совершился вчера переворотъ въ моей публичной жизни, который тщетно ожидался 13 лѣтъ. Я назначенъ сенаторомъ. Сколько разъ,—три раза положительно—это было близко совершенію, и враги не допускали, особенно Рейтернъ. И теперь они употребили всѣ усилія, но положительная воля Государя и сильное на него дѣйствіе В. К. Сергѣя Александровича не допустили торжества враговъ.

Но и теперь дѣйствовали враги,—даже до смѣшного и глупаго. Никто меня не увѣдомилъ о назначеніи, и я только вчера во дворцѣ, на выходѣ узналъ, что напечатано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и сталъ на прежнемъ мѣстѣ, (а не съ сенаторами). Положеніе мое было комическое: на всѣ поздравленія я долженъ былъ отвѣчать, что я ничего не знаю, когда уже напечатано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Вернувшись домой, я только нашелъ прилагаемое, присланное изъ Канцеляріи Министерства Юстиціи. И больше ничего,— ни отъ кого изъ начальствъ[1]). Набоковъ, проходя мимо меня въ Зимнемъ Дворцѣ, даже не подошелъ и не поклонился. Ни онъ, ни весь высшій міръ не скрываютъ своего неудовольствія. Впрочемъ,—я думаю Набоковъ тутъ только орудіе (а не прямо противъ меня), Го-

[1]) Прилагается при дневникѣ приказъ Министра юстиціи за № 19662 отъ 1 января 1885 г.

ловнина, Рейтерна, Кост. Ник., Домонтовича и tuti quanti,—а Набоковъ только уязвленъ въ своемъ самолюбіи, такъ какъ онъ былъ противъ.

Вотъ какъ глупы наши государственные мужи,—не умѣютъ даже скрыть своего озлобленія,—и faire bonne mine à mauvois jeu.

6 января. Ужасно трудно вести записки посреди этой адской петербургской суматохи. Я это предвидѣлъ и потому не хотѣлъ ихъ писать. Когда происходитъ интересное, тогда то и некогда писать.

Сдѣлаю перечень остальныхъ дней:

2-го января получаю кучу поздравительныхъ писемъ и телеграммъ (съ сенатор.). Изъ нихъ вижу, кто настоящіе друзья, — кто искренно радуется, а кто и лицемѣрно. Но вотъ теплая записка отъ А. В. Головнина (?). Какъ ее понять? 3-го января мое рожденіе. Завтракали у насъ В. К. Сергѣй Александровичъ, Конст. Конст., Дмитрій Конст., Петръ Ник. и Георгій Михайловичъ.

При этомъ имѣлъ съ Серг. Алек. задушевный разговоръ, какой рѣдко случается съ нимъ получать. Онъ подтверждалъ, что онъ и Государь должны были побороть чрезвычайную оппозицію министровъ (Набокова, но еще кого, (?) не знаю), чтобъ сдѣлать меня сенаторомъ и что всякія глупости были пущены на мой счетъ. Тутъ мы встрѣтились въ одномъ чувствѣ и про него пущены ..... Calomniez, calomniez, èt en reste toujours quelque chose. Отъ этого разговора я убѣдился, что безъ рѣшительной личной воли Государя, я бы не сталъ сенаторомъ (мое письмо о томъ къ С. А.). Говорятъ, что государь сталъ во многихъ случаяхъ проявлять самостоятельную *свою* волю, помимо всякихъ вліяній. Вечеромъ у насъ танцовали. Были В. К. Конст. Конст. и Дмитрій Конст. Говорятъ, все очень удалось. Для меня лично было *тяжко* (было пріятно только, что очень довольна была Оля—величайшее, единственное мое удовольствіе доставлять ей удовольствія), 4-го января я представлялся Государю и Императрицѣ. Императрица была очень любезна, говорила о Вел. Князьяхъ. Государь никого не принималъ въ кабинетѣ, такъ много было народа. Поэтому я и не могъ высказать, что предполагалъ (я написалъ Серг. Алекс. письмо, въ которомъ просилъ передать Государю мою глубочайшую благодарность, изглаживающую всѣ прежнія несправедливости, и пламенное желаніе доказать *на дѣлѣ* мою благодарность, послуживъ престолу. Онъ мнѣ, впрочемъ, сказалъ, что уже раньше говорилъ Государю, какъ я благодаренъ. Государь обошелъ всѣхъ; сенаторовъ, которыхъ было много (благодарившихъ за награды); кажется ни одного не знаетъ. Со мной милостивъ, но ничего особеннаго. Спросилъ, легко ли мнѣ будетъ соединять академическія занятія съ сенатскими; подъ занятіями разумѣлись засѣданія Академіи; разспросилъ, сколько ихъ, и затѣмъ сказалъ, что это не трудно соединить. Въ числѣ представлявшихся сенаторовъ, князь Шаховскій убѣждалъ меня съ самаго начала поставить себя съ Министромъ Юстиціи, не какъ съ начальникомъ говоря, что сенаторы исподличались, унижаясь передъ Мин. Юст. и тѣмъ унижая сенатъ. Онъ излилъ масла на мое сердце. Я только и думалъ объ этомъ въ эти дни. 5 Января. Наконецъ я засталъ Набокова, чтобы говорить о моихъ будущихъ занятіяхъ. Разговоръ былъ сухой, почти непріятный, — чисто офи-

ціальный. Чтобы быть только членомъ общаго собранія не можетъ быть рѣчи, уѣхать же такъ немыслимо. Онъ мнѣ предложилъ Д-тъ Герольдіи и я очень доволенъ. Неужели мнѣ сенатъ теперь—удовлетвореніе самолюбія на службѣ. Центръ моей тяжести въ наукѣ и литературѣ; чѣмъ больше для меня времени, тѣмъ лучше. Впрочемъ, Стояновскій сказалъ мнѣ, что Панинъ помѣщалъ въ Д-тъ Герольдіи строптивыхъ (и умнѣйшихъ) сенаторовъ для усмиренія. Вечеръ въ Мраморномъ Дворцѣ. 6 января. Спектакль въ Морскомъ училищѣ изъ кадетъ. Совсѣмъ излишнія занятія въ школѣ. Кадеты въ женскихъ роляхъ оскорбляютъ нравственное чувство. Возбужденіе тщеславія: оваціи кадету Голицыну за его французскій выговоръ, а онъ родился и воспитывался въ Парижѣ. Мать француженка. По-русски не говоритъ совсѣмъ. Не можетъ отвѣчать учителямъ по французски. Учится плохо, а его возвеличиваютъ и имъ восхищаются (пустячками,—репетируетъ хорошо французскіе стихи). Новая чепуха. Вотъ какъ у насъ сбиваютъ съ толку молодежь.

Со мной Имп. фамилія, тутъ бывшая, очень любезна (Вел. Кн. Владиміръ, Алексѣй и Сергѣй Алекс., Константинъ и Дмитрій Конст., Вел. Княжны Марія Павловна, Елизавета Ѳедоровна. Елизавета Маврикѣевна, Евгенія Максимиліановна, Лейхтенбергскіе). Всѣ Вел. Кн. и сама Вел. Княгиня упрекаетъ меня и говоритъ, что она очень сердится, что я у нея не бываю и знать не хочу. Но когда же ее застать? А приглашеній отъ нея не получаю. Говоритъ, чтобъ я пріѣхалъ, когда хочу. Странные люди. Не умѣютъ жить. И всѣ они таковы. Одна Ольга Павловна умѣла жить.

Я вижу, что (съ сенаторствомъ тѣмъ болѣе) попалъ въ петербургскій водоворотъ!

9 янв. Дѣлаю визиты сенаторамъ. Вчера былъ у Утиныхъ, подтверждающей мое мнѣніе, что въ Петерб. образовался средній свѣтскій кругъ самостоятельный (не лѣзущій въ grand monde), благовоспитанный и *болѣе образованный*, чѣмъ высшій.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, это величайшее благополучіе попасть въ Деп. Герольдіи. Всѣ этого добиваются. Это недоразумѣніе, что Набоковъ хотѣлъ этимъ меня обидѣть. Это была скорѣе любезность. Я очень доволенъ. Я всетаки *трудящійся* (безъ труда?) сенаторъ, чего бы не было, еслибъ я только былъ въ Общ. Собраніи. Печально, что всѣ говорятъ о взяткахъ въ Д-тѣ Герольдіи.

11 янв. Вчера большой балъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Для меня примѣчательнаго было только то, что во время ужина (я сидѣлъ въ послѣдней комнатѣ съ В. К. Дмитріемъ Конст.), Государь, обходя всѣ залы и проходя мимо насъ, подошелъ ко мнѣ (одному во всей комнатѣ) и подалъ очень благосклонно руку. Это произвело впечатлѣніе. Но вообще еще замѣчаю, что мое возвышеніе и милость ко мнѣ производятъ дѣйствіе *охлаждающее* на всѣ мои отношенія: всѣ какъ то ко мнѣ почтительнѣе, но и холоднѣе (кромѣ самыхъ вѣрныхъ друзей) и суше. Очевидно зависть. При этомъ раздраженіе, какъ и зачѣмъ я выскочилъ изъ рядовъ ученыхъ? «Зачѣмъ де это ему нужно перебивать у насъ дорогу!»

Двѣ вещи, всегда замѣчаемыя на этихъ балахъ, поразили меня:

1) нельзя понять, для чего ѣздятъ сюда разныя личности (въ родѣ m-me Ламанской), которыхъ всѣ избѣгаютъ, какое это имъ удовольствіе; 2) ужасно, какъ всѣ лѣзутъ впередъ, чтобы попасть на глаза царской фамиліи,—и главнѣйше люди ничтожные и неинтересные для царской фамиліи. Наглость страшная

12 января. Я опять въ ужаснѣйшей суматохѣ. 120 визитовъ сенаторамъ! Едва успѣваю кое что записывать. Вчера заѣзжалъ къ Д. К. на его дежурство у Государя. Проговорили *интимнѣйшимъ* образомъ 2 часа. Съ нимъ можно говорить по душѣ. Я сообщилъ ему, какъ мнѣ тяжко слышать отъ людей самыхъ порядочныхъ и вполнѣ тому вѣрящихъ, величайшія мерзости про супружескую жизнь С. Онъ говоритъ, что знаетъ это,—ему говорятъ почтеннѣйшіе люди; вообще о высокопоставленныхъ мерзѣйшее мнѣніе—и что тутъ ничего не подѣлаешь.

Обѣдъ у Бунге (съ Тернеромъ и Ермаковымъ),—онъ его устроилъ вродѣ прощальнаго; пилъ за мое здоровье. Бунге былъ очень нѣженъ и припоминалъ, какъ онъ, пріѣхавъ въ первый разъ изъ Кіева въ Петербургъ (1854 г.), искалъ рекомендаціи ко мнѣ и ко мнѣ явился. Былъ у меня обѣдъ, на которомъ я познакомилъ его съ Милютиными и ихъ кружкомъ. Отсюда онъ вышелъ въ люди. Впослѣдствіи былъ приглашенъ въ редакціонную комиссію. Когда его сдѣлали мин. финансовъ, онъ сказалъ мнѣ: (думалъ сказать любезность): «Вѣдь вы насъ всѣхъ издали въ свѣтъ, въ томъ числѣ и меня». Я отвѣчалъ: «Чтожъ для меня въ этомъ толку. Базуновъ издавалъ въ свѣтъ Пушкина и всѣхъ великихъ людей, и это ему не помѣшало обанкротиться».

13 января. Утромъ завтракъ по случаю рожденія Е. М. Со мной всѣ любезны, даже по своему и В. К. В., хотя онъ грубъ и высокомѣренъ со всѣми.... Изумилъ меня своимъ неприличнымъ поведеніемъ К. Н. Вообще онъ велъ себя такъ, какъ будто желаетъ всѣмъ давать чувствовать, что на всѣхъ плюетъ. Кричалъ во время обѣда на всю комнату (вообще всѣ, когда они между собой и съ своими ведутъ себя удивительно развязно,—шумъ гамъ страшный). Въ срединѣ завтрака, когда наѣлся, началъ курить и т. д. Только что всѣ встали, онъ ушелъ къ себѣ на верхъ и больше не возвращался, игралъ на билліардѣ со своимъ камердинеромъ, чѣмъ онъ исключительно занятъ, когда бываетъ здѣсь (а не у К.). Этимъ очевидно онъ хотѣлъ показать, что общество его камердинера ему пріятнѣе, чѣмъ вся его родня. Я пошелъ къ нему, чтобы благодарить его за теплое поздравленіе съ сенаторствомъ; слышалъ и въ городѣ, что онъ будто бы ему радовался. Послѣ поцѣлуевъ онъ говоритъ мнѣ: «Однако, любезный другъ, любя васъ, мнѣ васъ жалко, вы на новомъ поприщѣ не можете такъ успѣшно дѣйствовать, какъ на *прежнемъ* (это фраза всѣхъ враговъ, какъ будто я бросаю науку), вы будете дряннѣйшій сенаторъ, потому что не получили юридическаго образованія». На эту штуку, идущую отъ враждебнаго лагеря, я сильно и спокойно возражалъ. К. Н. сказалъ, что послѣ моего возраженія беретъ свои слова назадъ.

Трагическое и комическое зрѣлище представляетъ эта билліард-

ная игра. Самый умный и способный изъ нихъ rédait à cela! Онъ таковъ же, какъ и въ запискахъ Литке. При умѣ необычайное легкомысліе и ребячество. Ему, кажется, доставляетъ наслажденіе фрондировать такимъ образомъ, играть на билліардѣ и показывать всѣмъ пренебреженіе и что его оставляютъ безъ работы, вмѣсто того, чтобы создать себѣ дѣло (какъ создаютъ ничтожные, но дѣльные люди). Но иниціативы у нихъ нѣтъ. Все-таки уровень ума не высокъ! Какая пустота!

14 января. Былъ утромъ у О. Ѳ.—въ первый разъ говорю съ ней. Она положительно умная женщина (это извѣстно) и была очень любезна, чего не ожидалъ. Сейчасъ самый интимный разговоръ о членахъ семейства, какъ это дѣлаютъ со мной всѣ они, смотря на меня, какъ на друга дома.

Урокъ у В. К. Елиз. Мавр. и обѣдалъ у нихъ. Обращеніе ихъ и жизнь крайне просты.

Вечеромъ маскарадъ *большого свѣта* у Демута съ благотворительной цѣлью. Присутствуютъ Великіе Князья. Тутъ было только то примѣчательно, что никто не подходилъ къ буфетамъ, такъ всѣ настращены грабежомъ благотворительницъ.

16 января. Экономическій обѣдъ, вопросъ о преобразованіи мѣстнаго самоуправленія. Ничего примѣчательнаго кромѣ того, что *всѣ* (всѣхъ партій) высказались противъ проектовъ Кахановской комиссіи,—*либерально-бюрократическихъ*. Я говорилъ въ томъ же смыслѣ, за несвоевременность въ настоящую эпоху реакціи (реакція еще болѣе въ обществѣ, чѣмъ въ правительствѣ) предпринимать такую серьезную реформу,—и мои слова были встрѣчены общимъ одобреніемъ. Во время обѣда совсѣмъ неожиданно мнѣ была сдѣлана овація: Грейгъ (предсѣдатель) предложилъ тостъ за мое здоровье, чтобы поздравить меня съ сенаторствомъ. Чрезвычайныя пламенныя привѣтствія со всѣхъ сторонъ. Я отвѣчалъ шуткой, которая, кажется, очень удалась. Въ этой популярности, несомнѣнно, искренней въ кругу, заключающемъ въ себѣ представителей всѣхъ нашихъ партій и кружковъ,—я однакоже не вижу ничего другого (и ничего серьезнаго), какъ то, что довольны моими распоряженіями на экон. обѣдахъ, которые для большинства не представляютъ ничего другого, кромѣ пріятнаго препровожденія времени.

19 января. Вечеръ у Леера.

Кавказскій и вообще нашъ окраинный воинственный генералъ (Комаровъ) проповѣдуетъ необходимость нашего распространенія въ Азіи до Индіи (чуть-чуть не въ Индіи), завладѣніе Персіей и Персидскимъ заливомъ! Возражателей упрекаетъ въ отсутствіи патріотизма. Вотъ эти азіатскія завоевательныя настроенія въ нашемъ обществѣ, хотя бы и въ меньшинствѣ, и отпугиваютъ Европу и заставляютъ говорить, что мы угрожаемъ ея цивилизаціи.

25 января. Балъ у Ламанскаго.

Очень характеристично и очень мнѣ антипатично поведеніе Ламанскаго: составивъ себѣ состояніе чрезъ должность управл. госуд. банк., онъ теперь играетъ въ оппозицію, зло критикуетъ мин. фин., (которое прежде всего болѣе заслуживало порицанія за операціи его

самого, за дозволеніе ему соединять съ должностью упр. госуд. банкомъ частныя финансовыя спекуляціи) и становится защитникомъ либеральныхъ идей,—земства, самоуправленія и т. д. Вотъ наша либеральная партія, рекрутируемая изъ недовольныхъ и насытившихся прежнихъ чиновниковъ!

27 января. Балъ въ концертомъ залѣ. Конст. Ник. и Алек. Іосиф. раздражены распоряженіемъ объ ограниченіи титуловъ и правъ Вел. Князей двумя поколѣніями отъ Императоровъ. Между тѣмъ эта мѣра, неизбѣжная при размноженіи Имп. фамиліи и нужная для государства (сокращеніе расходовъ) благодѣтельна для самихъ членовъ: ставя ихъ въ положеніе, соотвѣтствующее ихъ средствамъ, иначе ихъ потомки банкроты. Всѣ тянутся и разоряются.

Еще я замѣтилъ толки высокопоставленныхъ лицъ объ ужасномъ положеніи Россіи. Мы въ совершенной реакціи общества относительно реформъ прошедшаго царствованія. Какъ это ни естественно, но очень печально.

2 февраля. Въ субботу вечеромъ въ томъ же кругу. Хотя тоже самое въ безконечный разъ, но все-таки удивлялся и скорбѣлъ ихъ пустотѣ: забавляются взрослые люди ничтожнѣйшими разговорами, шутками, пѣснями, какъ дѣти 10—12 лѣтъ. Изумительная ничтожность.

7-го февр. Скончался академикъ Гельмерсенъ. Сегодня была служба въ церкви св. Екатерины. Очень для меня впечатлительная. Прекрасное пѣніе. Проповѣдь порядочная. Простота и серьезность церемоніи восходитъ къ началу христіанства (наша церковь во внѣшнихъ обрядахъ только), къ IV вѣку.

Смерть Гельмерсена напомнила мнѣ многое,—дѣятельность въ Геогр. Общ-вѣ Литке и весь этотъ кружокъ. Знаменитости академіи вымираютъ. Кто ихъ замѣнитъ? При нынѣшнемъ положеніи (штаты) Академіи пополненіе ея замѣчательными людьми очень затруднительно.

Сегодня весь Петербургъ занятъ болѣзнью гр. Толстого и ожидающимся выходомъ его изъ Мин. В. дѣлъ. Одни въ уныніи—консерваторы, дворяне (on va nous démolir, сказала мнѣ одна графиня); другіе радуются—чиновники-либералы. Интересно, будетъ ли съ личной перемѣной перемѣна въ политикѣ. Я не ожидаю, ибо реакція въ натурѣ вещей, naturgemäss (послѣ 1 марта), какъ бы она ни была печальна и антипатична.

10 февраля. Воскрес. Сегодня было много у меня народа (дворяне, приглашенные на эконом. обѣдъ). Теперь злоба дня – болѣзнь Толстого и ожидаемый его уходъ изъ Мин. В. д. Сколько бы онъ ни возбуждалъ раздраженія противъ себя и своей политики я убѣжденъ, что кто бы его ни замѣнилъ, тѣмъ будутъ несравненно болѣе недовольны. Я не сочувствую нисколько политикѣ Толстого (politique de compression et status quo), но она послѣдовательна. Всѣ знаютъ â quoi s'en tenir и онъ государственный человѣкъ болѣе, чѣмъ кто либо. Кто можетъ его замѣнить. Печальное явленіе: госуд. людей (т. е. около и вблизи трона) нѣтъ. Отчего это? 1) потому что во вторую половину прошедшаго царствованія возвышали посредственностей въ министерствахъ (эта была особенность самолюбія всѣхъ министровъ, за исключеніемъ Н. Милютина) въ отличіе отъ мин-въ Никол. Павл. и 2) по-

тому что нынѣшній Государь болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники боится новыхъ людей и живетъ въ тѣсномъ кружкѣ.

Другая злоба—подымающіяся дворянскія притязанія. Это естественная реакція. Но эти дворяне (замѣчательно, изъ молодого поколѣнія) сами не знаютъ, чего хотятъ. Грустное настроеніе времени: молодежь или съ дворянской фанаберіей, или съ квасным патріотизмомъ– (травля остзейцевъ, Финляндіи, завоеванія въ средней Азіи и проч.) шовинизмъ или нигилисты. Здравыхъ либеральныхъ мыслей въ новомъ поколѣніи совсѣмъ нѣтъ.

17 февр. Такъ былъ разстроенъ всѣ эти дни, что не могъ записывать. Около меня снова собрались *тучи*, едва ли только мнѣ кажущіяся. Со всѣхъ сторонъ ощущаю пренебрежительное или враждебное со мной обращеніе. Сенаторство нисколько меня не успокоило, а только даетъ поводъ разыгрываться надъ мною всякимъ недоброжелательствамъ.

Не могу приладиться къ новому положенію. Нельзя понять отношеній Мин-ва Юстиціи къ сенаторамъ. Многолѣтняя практика и податливость многихъ сенаторовъ установили какія-то подначальственныя отношенія. Они, кажется, въ подчиненіи не только у М-ра Юстиціи, но даже у его правителя канцеляріи.

Если не для себя, то для достоинства Сената я не могу подчиниться такимъ отношеніямъ. Но воевать тоже не расположенъ и рѣшусь на это только въ крайней необходимости. Я поручилъ это передать Набокову, удостовѣряя его, что ничего лучшаго, какъ мира не желаю, ни въ чемъ отъ него не нуждаюсь, но не могу выносить и оскорбительнаго обращенія. До сихъ поръ болѣе $1^1/_2$ мѣсяца меня не назначаютъ къ присутствованію никуда, несмотря на обѣщаніе назначить въ д-тъ Герольдіи и на то, что другіе сенаторы въ одно время со мной и даже позже назначенные, уже давно распредѣлены. Затѣмъ въ спискѣ сенаторовъ я напечатанъ въ числѣ *неприсутствующихъ*! Это положительная обида (безъ всякихъ со мной объясненій), еслибъ даже это положеніе удовлетворяло меня, но я его не желаю по многимъ причинамъ. Любощанскій взялся объясниться съ Набоковымъ.

Экономическій обѣдъ 13 февраля былъ наинепріятнѣйшій. Дворяне (предводители съ дворянскимъ міросозерцаніемъ), приглашенные на этотъ обѣдъ, передъ самымъ обѣдомъ отказались отъ него (очевидно по стачкѣ), принявъ первоначально. Этого еще не бывало въ исторіи нашихъ обѣдовъ. Эти господа боятся преній и предпочитаютъ обдѣлывать дѣла (испрашивая для себя Госуд. Банкъ) втихомолку въ канцеляріяхъ и будуарахъ. На мою рѣчь (противъ этого банка и нуждъ дворянства въ новыхъ воспособленіяхъ казны) одинъ членъ возражалъ, что я говорю противъ *личной воли Государя*.

Такая неприличная выходка, которую ораторъ объяснилъ тѣмъ, что я оскорбилъ дворянство (?), возмутила всѣхъ; этого тоже у насъ на экон. об. никогда не было. Все это знаки времени. Прелесть нашихъ обѣдовъ именно заключалась въ свободѣ мнѣній. Многіе рѣшительно думающіе противъ Госуд. Позем. банка молчали, другіе (самъ Грейгъ въ rèsumè) стушевали свои мнѣнія. Они невыгодны, при тепе-

решнемъ теченіи. И вотъ у насъ всегда такъ. Говорили искренно и рѣшительно въ моемъ направленіи только П. Л. Корфъ, Е. И. Ламанскій и Яковлевъ.

Вотъ меня упрекаютъ, что я себя веду *непропорціонально* (новое слово) и потому страдаю, но что же мнѣ дѣлать, когда я не могу лгать и не быть искреннимъ. И какая польза для государства, когда никто не искрененъ. Въ этомъ наша главная бѣда. Да большинство ихъ, привычное всегда лгать, утратило всякое сознаніе своего мнѣнія.

Помѣщаю вырѣзку изъ газеты «Новое Время» [1]) не потому, чтобы я придавалъ ей значеніе лично относительно себя (отъ перваго до послѣдняго слова все это выдумка, я даже подходящаго къ этой фантазіи не говорилъ), но это служить характеристикой нашего времени. Такими сплетнями и пустяками интересуется праздная публика. Затѣмъ, при необычайной строгости цензуры для всего серьезнаго, господствуетъ полная свобода для всякой печатной мерзости (личныхъ пасквилей). Я думаю и теперь остаться при моемъ принципѣ: оставлять все, что бы ни писалось относительно меня, хотя бы гнуснѣйшую клевету, безъ возраженія.

21 февр. Чѣмъ больше я размышлялъ, тѣмъ болѣе радуюсь обруганію меня въ «Гражданинѣ». Въ какомъ бы ложномъ видѣ я ни былъ тамъ представленъ, *одно вѣрно* и это будетъ понято самой невѣжественной публикой: что я враждебенъ дворянскому лагерю (лагерю притязаній на невозможныя вымогательства отъ казны и на фантастическія привилегіи) и что онъ мнѣ враждебенъ. Это истина— и мнѣ больше ничего не надо. Истинное общественное мнѣніе—мнѣніе мыслящихъ и честныхъ людей Россіи, которыхъ *мало*, но мнѣніемъ ихъ я только и дорожу,—оцѣнять это. Я не имѣю ничего общаго съ этими эксплоататорами народнаго достоянія, и въ этомъ истина.

Потомъ былъ на панихидѣ Бар. Пилларъ фонъ Пильхау (она скончалась сегодня). Былъ Государь Императоръ и вся Имп. фамилія. Много мыслей тѣснится при этомъ въ моей головѣ. Я очень сожалѣю объ этой кончинѣ. Большая потеря для Сергѣя Алекс. Она мнѣ очень нравилась своимъ *искреннимъ* обращеніемъ со мной, весьма примѣчательномъ при ея по преимуществу придворномъ характерѣ. Одна мысль у меня сегодня господствовала на панихидѣ и очень уныло звучитъ въ моей душѣ! Какая разница съ недавнимъ прошлымъ.

Какъ ни огорченъ сегодня Серг. А., но я бывалъ у него послѣ неизмѣримо сильнѣйшихъ потрясеній, взрыва и всѣхъ покушеній, смерти матери и отца и оставался съ нимъ. Сегодня не остался. Что же это? Перемѣна въ отношеніяхъ? Или я не умѣю себя вести.

24 февр. Вчера былъ вечеромъ съ В. К. Ничего особеннаго. Обыкновенныя шалости, ребячество и добродушіе.

Утромъ хоронили Бар. Пилларъ въ Лаврѣ. Былъ Государь, Императрица и вся Имп. фамилія. Ей оказаны необыкновенныя почести, какъ другу покойной Императрицы. Это хорошо со стороны Государя. Онъ, кажется, и въ этой хорошей чертѣ Ник. П. хочетъ подражать ему.

---

[1]) Перепечатка изъ „Гражданина“ съ комментаріемъ.

Сегодня у меня было много посѣтителей. Фантазія «Гражданина» производитъ дѣйствіе и при пустотѣ настоящаго историческаго момента и пустотѣ публики производитъ свои дѣйствія на умы. Всѣ говорятъ, что неприлично такъ вести себя сенатору. Но все это ни сколько меня не смущаетъ, хотя друзья (!) и говорятъ мнѣ, что надо обратить вниманіе! Любощинскій опять сегодня говорилъ у меня, какъ я неостороженъ на слова (съ этимъ я согласенъ, но не въ настоящемъ случаѣ). Онъ говоритъ, что я сказалъ на этомъ обѣдѣ совершенную правду, почти въ каждой странѣ нужно вести себя по климату,—гдѣ ходятъ безъ всего, у насъ въ шубѣ. Я этого не понимаю! Если эти господа имѣютъ убѣжденія, то чего они достигли своей политикой? Того, что ихъ убѣжденія не имѣютъ никакого практическаго смысла и значенія! Все равно, что они не имѣли бы никакихъ убѣжденій. Я достигъ того, что остался во всѣхъ моихъ дѣлахъ *вѣренъ моимъ убѣжденіямъ, поскольку это было возможно бѣдному человѣку*, т. е. соединимо съ прокормленіемъ и поставленіемъ на путь моихъ дѣтей. Въ этомъ послѣднемъ только и заключается моя политика, мои *уступки климату*. Эти уступки никогда не были противъ совѣсти и я думаю, что могу пользоваться успѣхомъ на этомъ пути. Люди или не понимаютъ меня, не зная, какъ я бѣденъ и какъ люблю моихъ дѣтей, или расположены осуждать меня, досадуя, что я достигаю не меньшаго, чѣмъ они съ неизмѣримо меньшими уступками *климату*, чѣмъ они.

Если я не достигъ министра, то я никогда не стремился къ этому coute que coute, т. е. съ тѣмъ, чтобы покинуть мои убѣжденія. А съ моими убѣжденіями, какъ бы они ни были умѣрены, я не могу быть министромъ въ рус. Гос—вѣ или развѣ, если бы это случилось, остаться болѣе 24 час. Если я не сумѣлъ (да и главное не желалъ, не было довольно на это честолюбія) овладѣть такъ положеніемъ и обществомъ и силами на верху, чтобы достигнуть *власти* mangre tout (т. е. всѣхъ обманувъ, какъ Бисмаркъ), то для этого у меня *недоставало ума*, что я всегда сознавалъ, не доставало увѣренности, что достигнувъ власти м—ра я смогу съ пользой служить Россіи и недоставало также умѣнья этого достигнуть. Я и не стремился, за исключеніемъ годовъ первой молодости.

Но, коротко говоря, я достигъ того, что, не поступаясь ни на минуту моими убѣжденіями, я сенаторъ, тогда какъ за эти же убѣжденія (конечно, по недоразумѣнію) *людей ссылали*.

Неужели это мало съ практической точки зрѣнія, съ которой меня такъ много осуждаютъ. Было бы, конечно, еще практичнѣе не имѣть никакихъ убѣжденій или, имѣя ихъ, не стѣсняться ими. Этого я никогда не могъ и въ этомъ драма моей жизни.

Всегда на меня нападали крайнія партіи. Больше нападали красные, и имъ я былъ много обязанъ за то, что мы существовали (т. е. за милости или терпѣніе правительства). Теперь, какъ и прежде, часто нападаютъ бѣлые, и этому я радуюсь, ибо и это правда—я не принадлежу къ крайнимъ партіямъ и долженъ выдерживать ихъ выстрѣлы.

Любощинскій сказалъ, что Набоковъ говоритъ, что виноватъ предо

мною. Два мѣсяца обо мнѣ забыли. Виновата-де канцелярія! (что не назначаютъ къ присутствованію въ д тъ Герольдіи). И то, слава Богу, что винится. И тутъ можно было *ожидать* худшаго.

Также точно упрекаютъ меня (вчера Корсаковъ[1]) и крайніе темпераменты, что я слишкомъ мягокъ, другіе (Любощинскій), что я слишкомъ рѣзокъ. Слыша эти противоположныя обвиненія, я долженъ думать, что я на вѣрномъ пути.

2 марта. Опять нѣсколько дней не записывалъ, но ничего примѣчательнаго. Толки о взятіи Герата и натянутыхъ отношеніяхъ къ Англіи. Генералы завоевываютъ вопреки нашимъ обѣщаніямъ не подвигаться, а дипломатамъ приходится играть жалкую роль,—извиняться.

Вчера у Штрауха путешественникъ Поляковъ разсказывалъ диковинныя вещи про Сахалинъ. Тамъ ужасная неурядица. Мѣстное управленіе грабитъ страшно. Ссыльно-каторжные содержатся ужасно, а Галкинъ-Врасскій, бывшій тамъ 10 дней, находитъ, что все отлично. Такъ мы ничего не умѣемъ устроить въ дальнихъ областяхъ, а все захватываемъ больше. А колоніи англичанъ и французовъ процвѣтаютъ.

4 марта. Сегодня послѣ урока обѣдалъ у В. К. Конст. Конст. съ Александрой Іосифовной, (которая непремѣнно желала, чтобы я остался обѣдать) и Конст. Ник. Все семейство очень ко мнѣ нѣжно, и я не могу не быть имъ благодаренъ. Очень любезенъ Конст. Ник. и я это цѣню. Онъ имѣетъ основаніе на меня сердиться (Записки Литке) и не считать своимъ, и любезность его доказываетъ его *доброе сердце.* Послѣднее несомнѣнно при всѣхъ его недостаткахъ. Онъ психологическій феноменъ, какъ выразился Литке[2]); соединеніе нравственныхъ противуположностей. Нужно его близко знать, чтобы не судить о немъ ни слишкомъ дурно, ни слишкомъ хорошо!

Но все таки грустно видѣть празднымъ человѣка, который бы могъ много трудиться для пользы Россіи. И такихъ людей много.

«Какъ я радъ видѣть человѣка, котораго мнѣ всегда непріятно видѣть» (такъ онъ началъ со мной—это значитъ любезность, это его манера). Потомъ «я ничего не знаю (когда заговорили о Сахалинѣ) и знать не хочу». Однако, видимо, много знаетъ и всѣмъ интересуется.

Насчетъ натянутыхъ отношеній къ Англіи сказалъ: «Неужели будетъ такая глупость, какъ война!» Видимо раздраженъ и расположенъ критиковать правительство, но слабѣе, чѣмъ прежде. Насчетъ положенія графа Д. А. Толстого (его отъѣзда въ Крымъ и болѣзни) говоритъ тенденціозно противъ Толстого, (который его главный врагъ) и невѣрно, что онъ разсердился на Государя и хотѣлъ итти въ отставку, потому что Государь послалъ флигель-адъютанта въ остзейскій край узнать, что тамъ происходитъ (безпорядки). «Развѣ Госу-

[1]) Николай Семеновичъ, троюродный братъ, владѣлецъ Тарусова, бывшій непремѣн. членомъ Дмитр. уѣзда.

[2]) Его воспитатель.

дарь не имѣетъ права помимо М-ра Внутреннихъ Дѣлъ командировать своего флигель-адъютанта?» Дѣло было не такъ: Гр. Толстой огорчился рѣзкой резолюціей Государя, что онъ узнаетъ объ остзейскихъ безпорядкахъ отъ постороннихъ лицъ и что отъ него ихъ скрывали—и не просился въ отставку. Съ тѣхъ поръ положеніе Толстого отлично, Государь съ нимъ очень любезенъ, хотя говорятъ и остались слѣды недовѣрія...

Помилованіе Н. И. Тургенева.

(По архивнымъ даннымъ).

Въ 1856 году Николай Ивановичъ Тургеневъ, заочно осужденный въ 1826 году на смертную казнь, обратился къ императору Александру II съ слѣдующимъ прошеніемъ [1]).

Всемилостивѣйшій Государь!

Осмѣливаюсь обратить Высочайшее Вашего Императорскаго Величества вниманіе на участь, которая тяготитъ меня болѣе тридцати лѣтъ, и которую я повергаю на милостивое и справедливое благоусмотрѣніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь.

Я былъ, въ отсутствіи, осужденъ верховнымъ судомъ въ 1826 году. Обвиненія, на коихъ основывался приговоръ, состояли въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) что я принадлежалъ къ одному тайному обществу, имѣвшему цѣлію бунтъ.

2) что я участвовалъ въ возстановленіи сего общества.

3) что я участвовалъ въ намѣреніи ввести республиканскій образъ правленія.

Тщательное и безпристрастное разсмотрѣніе рапорта Слѣдственной Комиссіи показываетъ, что изъ сихъ трехъ пунктовъ одинъ только первый до меня касаться можетъ, и сіе въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Я дѣйствительно принадлежалъ къ одному такъ называемому тайному обществу. Но сіе общество ни мало не имѣло цѣлію бунта. Слѣдственная Комиссія разсматривала уставъ сего общества и не нашла въ немъ *ничего предосудительнаго*. Впрочемъ Комиссія признала, что я содѣйствовалъ *къ уничтоженію* сего общества. Такимъ образомъ по сему пункту *я не могу быть подверженъ* отвѣтственности.

Обвиненіе, что я участвовалъ въ возстановленіи сего самаго общества, къ закрытію коего я содѣйствовалъ, основывается на противорѣчивыхъ показаніяхъ различныхъ подсудимыхъ. Впрочемъ въ то время, въ которое приписываютъ мнѣ возстановленіе общества, никакого общества не существовало, и дѣйствія вновь образованнаго общества, описываемыя въ рапортѣ Слѣдствен-

---

[1]) Приводимъ прошеніе съ буквальной точностью. Подчеркнутыя и отмѣченныя въ подлинникѣ знакомъ вопроса мѣста печатаются курсивомъ. Отмѣтки принадлежатъ Государю.

ной Коммиссіи, происходили очевидно послѣ моего отъѣзда *за границу въ началѣ 1824 года, то есть почти за два года до несчастныхъ происшествій 14 декабря.*

Обвиненіе, въ 3-мъ пунктѣ заключающееся, основывается на приписываемыхъ мнѣ словахъ, произнесенныхъ въ разговорѣ съ другими подсудимыми, изъ коихъ двое сіе показаніе противъ меня подтверждаютъ, *а четверо* отвергаютъ.

Слѣдственная Комиссія, которая въ рапортѣ помѣстила всѣ возможныя и невозможныя обвиненія противъ меня, усомнилась однако же въ заключеніи своемъ, признать основательнымъ подобное обвиненіе. Она его отстранила вмѣстѣ съ другимъ обвиненіемъ, которое не было допущено и судомъ, но которое, по чрезмѣрной важности своей, было изложено въ рапортѣ, и, составляя единственное опредѣленное показаніе противъ меня, не могло не повредить, мнѣ нравственно болѣе нежели всѣ прочія обвиненія. А между тѣмъ по самому рапорту Слѣдственной Комиссіи видно, что совѣщаніе, на которомъ я, по показаніямъ приводимымъ въ рапортѣ, изъявилъ преступное мнѣніе, что сіе совѣщаніе происходило въ 1825 году, то есть *въ то время, когда я былъ* въ Неаполѣ.

Всемилостивѣйшій Государь! Въ русскомъ законодательствѣ есть спасительный и признаваемый всѣми законодательствами законъ, по силѣ коего судъ въ сужденіи и приговорѣ долженъ ограничиваться обвиненіями, по слѣдствію обнаруженными и доказанными, и не присовокуплять иныхъ обвиненій. Если бы сей законъ былъ приложенъ къ обвиненіямъ до меня касающимся, то открылось бы ясно, что всѣ сіи обвиненія ограничиваются единственнымъ обстоятельствомъ, что я принадлежалъ къ тайному обществу, которое, по самымъ словамъ рапорта, не представляло, въ то время когда я принадлежалъ къ нему, ничего преступнаго, къ обществу, которое было уничтожено при *собственномъ моемъ* содѣйствіи.

Истина сихъ изъясненій моихъ можетъ быть безъ труда открыта, если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ поручить кому бы то ни было разсмотрѣть обстоятельства дѣла, собственно до меня касающіяся.

Нѣкоторые изъ судей моихъ объявили въ послѣдствіи, что причиною моего осужденія была моя неявка къ суду. Но неявка къ суду допускается всѣми законодательствами, и *законы русскіе не содержатъ* на сей случай никакого постановленія. Впрочемъ, если я, по сдѣланному мнѣ въ самомъ началѣ требованію, не явился немедленно, то сіе было единственно потому, что за нѣсколько дней до сего требованія, по дошедшимъ до меня слухамъ, я отправилъ въ С.-Петербургъ изъясненіе всѣхъ до меня касающихся въ семъ дѣлѣ обстоятельствъ, въ полной увѣренности, что сіе изъясненіе совершенно отстранитъ меня отъ всякаго процесса: я не имѣлъ никакой причины предполагать, чтобы обвиненія противъ меня могли принять ходъ столь для меня неожиданный и столь противный существу дѣла.

Всемилостивѣйшій Государь! Ограждая себя силою закона, я чувствую, что я еще болѣе огражденъ совѣстію. Самый поверхностный взглядъ на мою жизнь открываетъ несообразность и неосновательность возводимыхъ противъ меня обвиненій. Но жизнь моя была посвящена одной мысли; освобожденію крѣпостныхъ людей. Возможность сего освобожденія я видѣлъ только, и не могъ не видѣть, въ самодержавной власти Императорской. Какъ же согласить съ сею мыслію и съ симъ убѣжденіемъ намѣреніе бунта и участіе въ заго-

воръ? Бунтъ и заговоръ противъ Монарха коему я былъ преданъ всѣми чувствами души, который съ благоволеніемъ принималъ изложеніе моихъ мнѣній о крѣпостномъ состояніи, отъ котораго я надѣялся совершенія того великаго блага, достиженіе коего было единственною цѣлію моей жизни!

Правда: я не скрывалъ своего образа мыслей; говорилъ всегда откровенно и свободно. Дѣйствовалъ также. Симъ самымъ я возстановилъ противъ себя негодованіе и непріязнь многихъ людей, коихъ враждебное расположеніе могло бы уже и тогда оказаться для меня пагубнымъ, еслибъ они не встрѣчали преграды въ благорасположеніи ко мнѣ Государя Императора. И противъ сего то императора я могъ желать бунта и заговоровъ! Но еслибъ это было возможно, возможно ли, чтобы я имѣлъ довольно духа для того чтобы обратиться нынѣ къ Вашему Императорскому Величеству? Напротивъ, глубокое желаніе засвидѣтельствовать предъ Вами, Всемилостивѣйшій Государь, и предъ свѣтомъ мои искреннія чувства любви и преданности къ памяти Великаго и Народолюбиваго Императора всего болѣе побудили меня принять сію смѣлость. Въ продолженіи тридцати лѣтняго изгнанія я исповѣдывалъ, безъ страха и безъ надеждъ, сіи чувства, и смѣю сказать, что жизнь моя служитъ лучшимъ доказательствомъ моей невинности лучшимъ опроверженіемъ всѣхъ поразившихъ меня обвиненій и приговоровъ. Я могъ бы, укрѣпляемъ чистою совѣстію и надеждою на правосудіи Бога всевѣдущаго, спокойно ожидать конца уже довольно долгой жизни. Но у меня есть *дѣти* [1]), коихъ внезапныя стремленія влекутъ къ запрещенному какъ имъ такъ и отцу—къ Отечеству. Ихъ и мою участь предаю правосудію.

Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшій Государь! всеподданнѣйшій слуга. Н. Тургеневъ.

Парижъ Rue St. Houvré 362.

4 іюля 1856 года.

Эту просьбу Государь прочелъ, отмѣтилъ указанныя выше мѣста и надписалъ: „представить мнѣ справку о немъ". III отдѣленіе могло дать лишь краткую справку съ выпискою пунктовъ обвиненія изъ записки, такъ какъ дѣло объ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ, по сообщенію III отдѣленія (невѣрному) находилось въ военномъ министерствѣ. Государь написалъ на справкѣ III отдѣленія. „Рѣшу о немъ когда представлена будетъ полная о немъ справка". (Эта резолюція положена 5 іюля). Тогда кн. Долгоруковъ обратился за подробной справкой къ военному министру, военный министръ сообщилъ ту же выписку. На очный же запросъ о болѣе подробной справкѣ 13 іюля военный министръ сообщилъ, что подробности „могли бы быть извлечены изъ подлиннаго дѣла, которое, сколько ему извѣстно. сдано для храненія, въ государственный архивъ". Въ докладной запискѣ Государю Дубельтъ сообщилъ объ этомъ Государю, но подлинное дѣло не понадобилось. 30 іюля 1856 шефъ жандармовъ Долгоруковъ подалъ очень краткую записку о Н. И. Тургеневъ съ *мнѣніемъ*: „Тургенева помиловать, дозволивъ ему пользоваться прежними правами, возвратиться, съ семействомъ, въ Россію и жить гдѣ пожелаетъ, но кромѣ столицъ, подъ надзоромъ". Государь согласился съ этимъ мнѣніемъ.

26 авг. 1856 года кн. Долгоруковъ просилъ министра иностранныхъ дѣлъ

[1]) Это слово подчеркнуто и на поляхъ знакъ вопроса.

„поручить посольствамъ нашимъ въ Парижѣ и Лондонѣ [1]) объявить Тургеневу и Головину о Монаршей милости, засвидѣтельствовать имъ паспорты на слѣдованіе въ Россію и истребовать отъ нихъ отзывы, гдѣ они будутъ жительствовать въ Имперіи; о томъ же, когда отправятся въ отечество, почтить его увѣдомленіемъ".

1 мая 1857 года министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ что Николай Тургеневъ съ сыномъ Александромъ и съ дочерью Фанни Александрою паспортъ выданъ.

Далѣе въ дѣлѣ находимъ записку: 11 мая прибылъ изъ-заграницы въ С.Петербургъ Николай Тургеневъ... (Дальше идетъ справка о немъ)... *Соображеніе.* По принятому въ законодательствѣ порядку, гдѣ употреблено слово Высочайше помилованъ, тамъ прощенный возстановляется во всѣхъ правахъ, какъ онъ былъ до осужденія, слѣд. имѣетъ право пользоваться и прежними чинами, и въ этомъ смыслѣ была представляема вышеупомянутая записка. Но при этомъ не можетъ быть не введено условіе, соблюдаемое при всѣхъ помилованіяхъ—безъ права на прежнее имущество: ибо имѣніе перешло уже въ собственность другихъ и возвращеніемъ онаго прежнему владѣльцу нарушились бы права новыхъ владѣльцевъ. Тургеневъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ полнаго помилованія, что онъ осужденъ былъ заочно, безъ представленія съ его стороны оправданій, потомъ принялъ Монаршую милость съ благоговѣніемъ и возвратился съ покорностью... На этомъ основаніи испрашивается дозволенія составить въ этомъ духѣ проектъ указа Сенату о возвращеніи чина и т. д. 12 мая этой запискѣ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

12 мая 1857 года въ Царскомъ селѣ были данъ Указы Сенату о Н. И. Тургеневѣ.

А 16 мая 1857 года шефъ жандармовъ, препровождая этотъ указъ министру внутреннихъ дѣлъ, обратился къ нему съ вопросомъ: „не изволите ли приказать учредить за г. Тургеневымъ секретное наблюденіе"?

П. Щ.

[1]) Въ одной и той же бумагѣ рѣчь идетъ о Н. И. Тургеневѣ и бывш. кол. секр Иванѣ Головинѣ, лишенномъ всѣхъ правъ состоянія по мнѣнію Госуд. Совѣта 12 дек. 1844 г. О немъ см. статьи въ „Быломъ" М. К. Лемке.

Идейныя основы „Народной Воли“.

(Къ исторіи народовольчества).

I.

Предлагаемый читателямъ «Былого» этюдъ не принадлежитъ къ категоріи личныхъ воспоминаній, касающихся того или другого момента въ развитіи народовольчества, характеристики того или другого дѣятеля. Онъ не является также и собственно исторіей «Народной Воли», изложеніемъ различныхъ событій, опредѣлявшихъ или отражавшихъ судьбу народовольческаго теченія въ его цѣломъ. Для такой работы не настало еще время, такъ какъ, несмотря на многочисленность матеріаловъ, посвященныхъ въ послѣдніе годы этой эпохѣ русскаго революціоннаго движенія, ихъ все еще далеко недостаточно для полной и связной исторіи народовольчества. Здѣсь предлагается читателямъ лишь краткая попытка указать на возникновеніе, развитіе и упадокъ или преобразованіе *идей*, легшихъ въ основаніе «Народной Воли» и сдѣлавшихъ ее опредѣленнымъ явленіемъ русской политической жизни. Разумѣется, авторъ этюда оставляетъ за собой право вводить въ этотъ, такъ сказать, очеркъ идейной исторіи «Народной Воли» свои личныя воспоминанія или касаться извѣстныхъ событій и извѣстныхъ лицъ, драматизировавшихъ недолгое, существованіе партіи, и т. д. Однако главнымъ предметомъ этой статьи, повторяемъ, служитъ попытка изучить вкратцѣ судьбу неродовольчества съ его внутренней, идейной стороны, показать, какіе элементы входили въ народовольческое міровоззрѣніе и какъ они отражались и въ теоріи, и на практикѣ «Народной Воли».

Нечего говорить, что эту задачу авторъ постарается выполнить съ возможно большей объективностью и свободою критики и безъ всякаго идейнаго фетишизма передъ прошлымъ, хотя и считаетъ народовольчество однимъ изъ величайшихъ и самыхъ привлекательныхъ явленій русской общественной исторіи. Во всякомъ случаѣ мы теперь настолько отдалились отъ этого періода, что получилась уже возможность разсматривать его подъ историческимъ угломъ зрѣнія и въ перспективѣ, позволяющей освѣтить совокупность элементовъ, составлявшихъ своимъ соединеніемъ «Народную Волю», а вмѣстѣ съ тѣмъ анализировать каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Дѣйствительно, не-

чего скрывать отъ себя тотъ фактъ, что между этими элементами или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ нихъ, существовало извѣстное противорѣчіе, внутреннее треніе; но оно было сравнительно мало замѣтнымъ въ пору расцвѣта «Народной Воли», потому что это движеніе сплавляло тогда ихъ вмѣстѣ огнемъ энтузіазма и дѣлало изъ нихъ, если позволено будетъ употребить это естественно-научное сравненіе, не механическую смѣсь, а химическое соединеніе.

Какіе же это были элементы? Среди нихъ можно отличить по крайней мѣрѣ четыре главнѣйшихъ. Это, во-первыхъ, элементъ народничества. Это, во-вторыхъ, принципъ политической борьбы за народовластіе, «народную волю». Это, въ-третьихъ, извѣстнаго рода бланкизмъ, признававшій огромное значеніе за личностью и организаціей личностей. Это, въ-четвертыхъ, вѣра въ систематическій терроръ, какъ одно изъ цѣлесообразнѣйшихъ орудій произведенія переворота, въ частности добыванія политической свободы. Мы пока не анализируемъ эти элементы, а лишь опредѣляемъ. Но уже и теперь мы можемъ сказать, что различная пропорція, въ которой они входили для образованія цѣлаго направленія, равно какъ преобладаніе того или другого изъ нихъ въ тотъ или другой моментъ существованія «Народной Воли», у той или другой группы выдающихся представителей теченія, опредѣляли въ общихъ чертахъ характеръ дѣятельности и судьбу партіи. Только анализируя эти главнѣйшіе элементы, мы можемъ отвѣтить себѣ на вопросъ, что же такое собственно было народовольчество, оставившее въ исторіи русскаго политическаго развитія глубокій слѣдъ и служащее до сихъ поръ предметомъ оживленныхъ споровъ не только между врагами и друзьями «Народной Воли», но въ лагерѣ самихъ друзей.

II.

Итакъ, элементъ первый—«народничество». Въ первыхъ же строкахъ знаментой «Программы Исполнительнаго Комитета», которая была напечатана почти въ самомъ началѣ существованія новой партіи, въ 3-мъ № газеты «Народная Воля», мы читаемъ: «По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы соціалисты и народники». Какъ видите, хотя эта программа была однимъ изъ самыхъ многозначительныхъ политическихъ манифестовъ народовольчества, отмежевавшихъ это направленіе отъ «Земли и Воли», иниціаторы новаго соціально-революціоннаго движенія, даже самими словами, самой редакціей своего profession de foi хотятъ установить свою прямую идейную связь съ народничествомъ, преемственность своихъ взглядовъ съ общимъ развитіемъ революціонной мысли. И припоминаніе о томъ, что они соціалисты и *народники*, отнюдь не является у составителей программы ни простой фразой, ни маккіавелистическимъ пріемомъ съ цѣлью привлечь къ себѣ сторонниковъ стараго направленія. Нѣтъ, дѣйствительно элементъ народничества, хотя и значительно видоизмѣненный, составляетъ существенную черту новой партіи. И понятно почему. Прежде всего, въ рядахъ народовольцевъ очутилось большинство самыхъ выдающихся дѣятелей «Земли и Воли». Александръ Михайловъ, Н. А. Моро-

зовъ, Л. Тихомировъ, Квятковскій, Перовская, и т. д. Во-вторыхъ, прямо вошедшіе въ новую партію люди были еще недавно страстными народниками. Яркимъ примѣромъ можетъ служить Желябовъ, котораго въ извѣстномъ смыслѣ можно считать наибольшимъ «политикомъ» «Народной Воли», но который, какъ извѣстно, еще недавно были ревностнымъ «деревенщикомъ» и, по словамъ М. Фроленко, совсѣмъ незадолго до Липецкаго съѣзда, даже и согласившись на террористическую дѣятельность, поспѣшилъ сейчасъ же оговориться въ томъ смыслѣ, что идетъ «лишь на единичный фактъ». И, конечно, эта многознаменательная оговорка въ устахъ такого человѣка, какимъ былъ Желябовъ, указывала не на робость импровизированнаго террориста, а на угрызенія совѣсти народника. Кстати сказать, М. Фроленко живо рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, о «Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ» (см. «Былое», 1907, № 1) удивленіе, которое онъ испыталъ, когда услышалъ въ Липецкѣ Желябова, развивавшаго уже стройную политическую (террористическую) программу.

Но кромѣ торжества большинства революціоннаго персонала въ «Землѣ и Волѣ» и «Народной Волѣ», народническій элементъ въ программѣ новой партіи объяснялся еще и чисто идейнымъ образомъ, а именно тѣмъ, что народничество было въ это время господствующимъ міровозрѣніемъ русской передовой—революціонной—интеллигенціи; и что народовольцы, отрѣшившись отъ «деревенщицкихъ» предразсудковъ противъ политической борьбы, другими частями своего міровоззрѣнія еще держались, какъ мы вскорѣ увидимъ, за принципы народничества.

Но что такое было само народничество? Это вопросъ очень серьезный, надлежащій отвѣтъ на который тѣмъ болѣе важенъ, что полемика, возгорѣвшаяся по поводу его между нашими соціалъ-демократами и тѣми, кого они считаютъ теперешними «народниками», внесла много страстности съ обѣихъ сторонъ въ эти пренія и затемнила сущность этой столь же теоретически интересной, сколько жизненной задачи. На очищенный отъ шлаковъ политической страсти вопросъ о народничествѣ придется, по нашему крайнему разумѣнію, отвѣтить, что это есть міровоззрѣніе, ставящее во главу угла общественной эволюціи потребности, интересы и идеалы массъ и въ этомъ смыслѣ заслуживающее названія «философіи массъ». Какъ таковая философія, народничество принадлежитъ къ тому же разряду соціологическихъ обобщеній, къ какому принадлежитъ ученіе Маркса, приложенное къ объясненію общественныхъ явленій, или такъ называемый «историческій матеріализмъ».

Русское народничество находится въ близкомъ родствѣ съ революціоннымъ марксизмомъ и отчасти даже прямо выросло изъ него,—какъ мы это увидимъ,—отчасти же наряду съ нимъ является продуктомъ всей новѣйшей историко-соціологической точки зрѣнія. Эта точка зрѣнія подготовлялась въ послѣдніе вѣка мыслителями въ родѣ Вико, Монтескье, Гербера; блестящими политическими и культурными историками Франціи Огюстэномъ Тьерри, Гизо, Мишлэ; глубокомысленными философами Германіи, Кантомъ и Гегелемъ; геніальными и просто высоко-талантливыми французскими соціалистами Сенъ-Симономъ,

Пьеромъ Леру, Прудономъ; главою позитивизма Контомъ, историкомъ Боклемъ, и т. д. Несмотря на различные оттѣнки мысли у того или другого автора, несмотря даже на значительныя отклоненія иныхъ изъ нихъ отъ основной идеи, общее всѣмъ имъ новое міросозерцаніе представляетъ нѣсколько характерныхъ чертъ, которыя позволяютъ отграничить его отъ другихъ философско-историческихъ направленій. А именно оно старается внести въ пеструю смѣну повидимому случайныхъ событій понятіе о законосообразности и открыть болѣе общія причины разнообразныхъ человѣческихъ бѣдствій. При чемъ оно стремится построить формулу развитія человѣческаго общества, его необходимаго перехода изъ одного состоянія въ другое. Оно находитъ основу этой законосообразности историческихъ событій и правильности переходовъ отъ одного фазиса эволюціи къ другому въ томъ, что исторія человѣчества и дѣлается преимущественно или даже исключительно всѣмъ человѣчествомъ, коллективностью членовъ общежитія, обширными группами людей. Подъ такимъ угломъ зрѣнія даже тѣ изъ мыслителей этого направленія, которые наиболѣе склонны придавать значеніе дѣятельности такъ называемыхъ великихъ или, проще сказать, историческихъ личностей, усматриваютъ причину ихъ вліянія въ томъ, что онѣ умѣли сознательно или инстинктивно опредѣлять направленіе и силу господствующаго историческаго теченія и наилучше удовлетворять наросшимъ потребностямъ крупныхъ человѣческихъ дѣленій: націй, классовъ, сословій, корпорацій и т. д.

Кто станетъ, напр., отрицать своего рода идейный энтузіазмъ, съ которымъ Гегель относится къ великимъ людямъ? И однако въ извѣстной бутадѣ, бросаемой Гегелемъ во введеніи къ своей «Философіи исторіи» по адресу педантическаго школьнаго учителя, осмѣливающагося нападать на Александра Македонскаго или на Цезаря, этотъ крупнѣйшій изъ идеалистовъ Германіи находитъ величіе историческихъ героевъ въ томъ, что они стремились совершить и дѣйствительно совершали «истинно великое и необходимое», т. е. вытекавшее изъ историческихъ потребностей эпохи и коренившееся въ основныхъ интересахъ современнаго имъ человѣчества. Съ другой сторонѣ, Сенъ-Симонъ (а по его стопамъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и Огюстъ Контъ), который хочетъ вручить даже судьбы всего человѣчества въ своей соціальной утопіи «совѣту изъ двадцати одного генія», ставитъ однако «великою цѣлью» организованнаго такимъ образомъ общества «возможно скорѣйшее улучшеніе жребія самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса», т. е. опять-таки удовлетвореніе основныхъ потребностей громаднаго большинства людей.

Съ соціалистомъ Сенъ-Симономъ мы ближе, кстати сказать, придвигаемся къ коренному пункту русскаго народничества, бывшаго внѣ всякаго сомнѣнія, одной изъ разновидностей соціализма, и притомъ — уже въ противоположность сенъ-симоновской доктринѣ — соціализма революціоннаго. Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ соціальный вопросъ началъ все рѣзче и настойчивѣе ставиться въ Западной Европѣ, великое значеніе «самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса» стало признаваться всѣми тѣми политиками, историками и соціалистами новѣйшей школы, которыхъ только не ослѣпляла

классовая точка зрѣнія привилегированнаго меньшинства. Разъ утверждалось, что исторія въ своемъ правильномъ и закономѣрномъ ходѣ зависитъ отъ роста человѣческихъ потребностей въ обществѣ и болѣе или менѣе цѣлесообразнаго удовлетворенія ихъ тѣми или иными способами, подсказываемыми самой эпохой, то оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы, признать, что эволюція общества требуетъ прежде всего осуществленія потребностей громаднаго большинства человѣчества. А оно, это громадное большинство, какъ разъ слагалось изъ членовъ «наиболѣе бѣднаго класса», т. е. трудящихся массъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыми изъ мыслителей упомянутой нами новѣйшей школы было выработано понятіе о классахъ въ человѣческомъ обществѣ и о борьбѣ ихъ (уже упомянутымъ Сенъ-Симономъ, особенно въ послѣдній періодъ его дѣятельности, и его школой, откуда оно было заимствовано Луи Бланомъ, углублено Прудономъ и т. д.), то въ воздухѣ уже носилась, такъ сказать, та формула современной соціальной эволюціи, которую скоро долженъ былъ бросить міру Карлъ Марксъ: осуществленіе коммунистическаго строя путемъ революціонной борьбы класса пролетаріевъ съ классомъ капиталистовъ въ рамкахъ буржуазнаго общества и на почвѣ обобществленія средствъ производства крупной индустріей. Виновникомъ и орудіемъ этого переворота становилось, такимъ образомъ, все трудящееся человѣчество въ лицѣ класса, являвшагося въ силу неизбѣжныхъ историческихъ условій главнымъ двигателемъ общественнаго прогресса. Вмѣсто того, чтобы искать спасителей внѣ себя, хотя бы въ искренно желавшихъ ему блага великихъ историческихъ личностяхъ, классъ трудящихся долженъ былъ полагаться исключительно на самого себя и на растущее въ немъ самомъ сознаніе своихъ правъ, правъ выразителя общечеловѣческихъ интересовъ и идеаловъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не что другое, какъ это, и выражалъ составленный Марксомъ уставъ образовавшагося въ 1864 г. Международнаго общества рабочихъ или знаменитаго Интернаціонала: «Освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ... Борьба за освобожденіе рабочаго класса не есть борьба за классовыя привилегіи и монополіи, но за равныя права и обязанности и за уничтоженіе всякаго классового господства... Экономическое порабощеніе рабочаго собственникомъ орудій труда, т. е. самыхъ источниковъ жизни, лежитъ въ основаніи всѣхъ формъ гнета,—общественной нищеты, умственнаго прозябанія и политической зависимости... Экономическое освобожденіе рабочаго класса является, поэтому, великою цѣлью, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство», и т. д. [1]).

Но мы знаемъ, что именно Интернаціоналъ,—наряду съ парижской Коммуной,—былъ однимъ изъ тѣхъ явленій западно-европейской соціально-политической жизни, которыя всего болѣе повліяли въ началѣ 70-хъ годовъ на выработку міросозерцанія русской передовой интеллигенціи въ смыслѣ соціалистическомъ и революціонномъ.

---

[1]) См. статью „Internationale Arbeiter-Association“ въ словарѣ: Carl Stegman und C. Hugo, Handbuch des Socialismus; Цюрихъ, 1897, стр. 341.

Разумѣется почва для воспринятія ученія соціализма русской интеллигенціей была подготовлена уже нѣкоторыми фактами нашей общественной жизни и мысли. Упомянемъ о быстро развивавшемся обнищаніи крестьянства подъ вліяніемъ реформы 19-го февраля, проведенной почти исключительно въ интересахъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и къ вящей выгодѣ нарождающейся буржуазіи; о пропагандѣ Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, выдвигавшихъ каждый по своему, каждый въ своей сферѣ значеніе трудящагося народа и нѣкоторыхъ экономическихъ и идейныхъ сторонъ его коллективнаго бытія: общины, артели, мірского духа, трудового начала и т. п. Но въ этихъ нѣсколько общихъ формулахъ слѣдовало поставить точки надъ і. И здѣсь-то по истинѣ велика была роль соціализма Запада, съ которымъ русская интеллигенція знакомилась отчасти теоретическимъ и книжнымъ путемъ, отчасти при посредствѣ личныхъ сношеній съ выдающимися эмигрантами, ютившимися тогда преимущественно въ Швейцаріи, Англіи, Франціи. Пусть читатель приведетъ себѣ на память воспоминанія объ этой эпохѣ Кропоткина, Бардиной, Вѣры Фигнеръ и т. п., и онъ убѣдится какимъ революціонизирующимъ элементомъ для русской молодежи было соприкосновеніе ея съ теоріей и практикой Интернаціонала, смыслъ котораго освѣщался какъ нельзя болѣе кстати трагической судьбою только что подавленной версальцами Коммуны. Энергичными словами «освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ» провозглашалось наступленіе новой эпохи, а именно рабочаго соціализма, соціализма самихъ трудящихся массъ, въ противоположность прежнему «утопическому» соціализму съ его вѣрой въ могущество системъ, придумываемыхъ геніальными учителями человѣчества и насаждаемыхъ проницательными правителями и добродѣтельными капиталистами. И съ свойственной ей логикой и идейнымъ энтузіазмомъ русская молодежь всосала въ себя и пыталась претворить въ жизнь принципы новаго ученія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что поскольку мысль Маркса выражалась въ Интернаціоналѣ, постольку наше народничество, скоро ставшее наиболѣе популярнымъ ученіемъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, включало въ себѣ элементы марксизма.

Но тутъ же придется сдѣлать одно существенное поясненіе. Интернаціоналъ сталъ ферментомъ идейнаго броженія для русскихъ революціонеровъ въ тотъ моментъ, когда онъ уже раздирался внутренними распрями между марксистами и бакунистами. Наша молодежь восприняла доктрины Интернаціонала преимущественно въ ихъ бакунистскомъ истолкованіи и приложеніи къ практикѣ. Но если у сторонниковъ Бакунина было общимъ съ марксистами признаніе основной цѣли, а именно экономическаго переворота въ видѣ «соціальной революціи», то по вопросу о средствахъ достиженія этой цѣли оба лагеря братьевъ - враговъ расходились самымъ кореннымъ образомъ. Въ представленіи учениковъ Маркса политика являлась подчиненнымъ экономикѣ, но могущественнымъ, но цѣлесообразнымъ средствомъ «экономическаго освобожденія» трудящихся. Бакунисты же отвергали всякую собственно такъ называемую политическую дѣя-

тельность и провозглашали необходимость единовременнаго нападенія на существующій экономическій и политическій строй, такъ что средствомъ «великой цѣли» являлась въ сущности-то сама же эта цѣль, и орудіемъ совершенія «соціальной революціи» сама соціальная революція. Въ этой именно формѣ были восприняты положенія рабочаго соціализма нашими революціонерами, большинство которыхъ принадлежало къ «бунтарямъ», вырабатывавшимся подъ вліяніемъ Бакунина, но и меньшинство, состоявшее изъ лавристовъ, раздѣляло аполитическіе взгляды бунтарства.

Здѣсь должно указать на то обстоятельство, что именно наше бунтарство, бывшее основнымъ ядромъ русскаго народничества, стояло гораздо ближе къ соціологіи марксизма, чѣмъ наши лавристы. Какимъ бы парадоксальнымъ ни могло показаться съ перваго взгляда читателю это положеніе, оно подтверждается сравненіемъ духа этихъ различныхъ направленій. Дѣйствительно, что представляетъ собой съ самой общей точки зрѣнія ученіе Маркса? Теорію общественно-историческаго «сенсуализма», какъ я охарактеризовалъ его въ своей статьѣ «Міровой ростъ и кризисъ соціализма» (см. «Вѣстникъ русской революціи»), или доктрину, согласно которой движущими силами исторіи являются, главнымъ образомъ, не идеи и логическіе формулы, возникающія въ умѣ выдающихся мыслителей, а великіе полубезсознательные, но тѣмъ болѣе энергичные инстинкты и афекты, которые выростаютъ на почвѣ основныхъ потребностей массъ, т. е. громаднаго большинства человѣчества. Несомнѣнно, что таковъ же былъ по духу, центральный пунктъ бунтарскаго міровоззрѣнія, желавшаго опираться на коллективныя стремленія и народные идеалы, въ противоположность лавризму, который видѣлъ ось революціонной дѣятельности въ пропагандѣ соціалистическихъ идей среди народа «критически мыслящими личностями». Приведу лишь одинъ два примѣра въ доказательство именно такой постановки вопроса бунтарями.

Въ своемъ обращеніи къ «умственному пролетаріату, къ русской соціально-революціонной молодежи» Бакунинъ говоритъ: «Никакой ученый не въ состояніи научить народъ, не въ состояніи опредѣлить даже для себя, какъ народъ будетъ и долженъ жить на другой день соціальной революціи. Это опредѣлится во 1-хъ, положеніемъ каждаго народа и, во 2-хъ, тѣми стремленіями, которыя въ нихъ появятся и будутъ сильнѣе дѣйствовать, отнюдь же не руководствами и уясненіями сверху, и вообще ни какими теоріями выдуманными наканунѣ революціи» [1]). Наоборотъ, у народа есть безсознательно сложившіеся самою жизнью созданные идеалы, совпадающіе съ идеалами соціализма, и революціонной интеллигенціи остается только «организовать всеобщее народное возстаніе» въ имя этихъ жизненныхъ идеаловъ. Въ свою очередь такой выдающійся бунтарь 70 годовъ какъ Кравчинскій, въ письмѣ къ Лаврову развиваетъ такъ точку зрѣнія революціоннаго

[1]) Цитирую по выдержкамъ, приводимымъ О. В. Аптекманомъ въ его воспоминаніяхъ „Изъ исторіи революціоннаго народничества „Земля и Воля“: № 19 „Русской Исторической библіотеки“, стр. 39

народничества: «Не идей недостаетъ народу. Всякій, кто много шатался по народу, скажетъ вамъ, что въ его головѣ совершенно зрѣлы основы «элементарнаго» (конечно, не научнаго) соціализма. Все, чего недостаетъ народу, это *страсти*. Но и страсти вспыхиваютъ мгновенно и нежданно» [1]). И роль революціонеровъ состоитъ въ томъ, чтобы пробудить эту страсть, а разъ всколыхнутый, народъ самъ осуществитъ путемъ возстанія свой «элементарный» соціалистическій идеалъ.

Такая постановка вопроса была въ особенности ясно выражена двумя-тремя годами позже въ газетѣ «Земля и Воля», бывшей офиціальнымъ органомъ партіи, того же имени, первыя основанія которой были положены въ началѣ 1877 г. и которая вскорѣ стала воплощеньемъ par escellence русскаго революціоннаго народничества. Въ передовой статьѣ перваго номера (отъ 25 октября 1878 г.),—авторомъ ея, какъ извѣстно, былъ только что цитированный Кравчинскій,—дѣятельность землевольцевъ выводилась изъ слѣдующихъ теоретическихъ соображеній: «Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей... революція—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только *орудіями* исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ природы, совершается въ данный періодъ. Внѣ этой роли они—ничто; въ предѣлахъ ея они одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи. Поэтому, основаніемъ всякой историко-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности. Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ «земли и воли». Земли—какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли—какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами. Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденье «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли—такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ. Такова же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа. Поэтому ее принимаемъ и мы, революціонеры настоящаго... Мы не станемъ предрѣшать въ нашей программѣ вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго соціалистическаго строя. Все это вопросы будущаго. Предоставимъ же будущее будущему. Настоящему пред-

[1]) См. мою статью „П. Л. Лавровъ“ въ № 2-мъ „Былого“ за 1907 г.

стоитъ достаточно громадная задача: осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій соціалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ соціализма, которые уже созданы въ умахъ народа» [1]).

Что касается до этихъ «основъ», то ихъ революціонные народники видѣли въ томъ же, въ чемъ ихъ видѣлъ Бакунинъ, который характеризовалъ, какъ извѣстно, міросозерцаніе народа тремя чертами: убѣжденіемъ, что вся земля принадлежитъ трудящемуся народу; сознаніемъ, что ею должна распоряжаться община, а не отдѣльное лицо; антигосударственными тенденціями общины, которая стремится къ самой широкой автономіи и самоуправленію. Эти черты правового сознанія народа и разумѣлись землевольцами, когда они писали на своемъ знамени двойную формулу, давшую названіе ихъ партіи. Во имя «земли и воли», народъ, по ихъ глубокому убѣжденію, поднимется противъ самодержавнаго правительства съ цѣлью низвергнуть всякую государственность. Во имя «земли и воли», онъ возстанетъ противъ формирующейся въ Россіи буржуазіи, существованія которой хотя пока въ грубомъ начальномъ видѣ, партія не только не отрицала, но усиленія которой она даже опасалась, если народъ не успѣетъ сломить абсолютизма до неизбѣжной замѣны его буржуазной конституціей.

Этотъ элементъ народничества легъ—мы увидимъ ниже, съ какими измѣненіями,—и въ основу программы новой партіи, партіи «Народной Воли», какъ она создалась окончательно осенью 1879 г., послѣ лѣтнихъ съѣздовъ, Липецкаго и Воронежскаго, и тщетныхъ попытокъ установить извѣстный modus vivendi между «деревенщицкими» и политическими тенденціями, раскалывавшими своей борьбой все болѣе и болѣе старую «Землю и Волю». Процитируемъ, дѣйствительно, далѣе «Программу Исполнительнаго Комитета», начальную фразу которой мы уже разъ поставили передъ глазами читателей. Итакъ, говорили члены вновь образовавшейся партіи,—и такъ «по основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы соціалисты и народники. Мы убѣждены, что только на соціалистическихъ началахъ человѣчество можетъ воплотить въ своей жизни свободу, равенство, братство, обезпечить общее матеріальное благосостояніе и полное всестороннее развитіе личности, а стало быть, и прогрессъ. Мы убѣждены, что только *народная воля* можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, *проходитъ* предварительно черезъ сознаніе народа. Народное благо и народная воля—два наши священнѣйшіе и неразрывно связанные принципа...

«Вглядываясь въ обстановку, среди которой приходится жить и дѣйствовать народу, мы видимъ, что народъ находится въ состояніи полнаго рабства экономическаго и политическаго... Надъ закованнымъ въ цѣпи народомъ мы замѣчаемъ облегающіе его слои эксплоатато-

---

[1]) Перепечатано въ „Революціонной журналистикѣ семидесятыхъ годовъ“ Базилевскаго, № 7, „Русской Исторической Библіотеки“, стр. 71—72.

ровъ, создаваемыхъ и защищаемыхъ государствомъ. Мы замѣчаемъ, что это государство составляетъ крупнѣйшую въ странѣ капиталистическую силу, что оно же составляетъ единственнаго политическаго притѣснителя народа, что благодаря ему только могутъ существовать мелкіе хищники. Мы видимъ, что этотъ государственно-буржуазный наростъ держится исключительно голымъ насиліемъ: своей военной, полицейской и чиновничьей организаціей, совершенно такъ же, какъ держались у насъ монголы Чингисъ-Хана. Мы видимъ совершенное отсутствіе народной санкціи этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводитъ и удерживаетъ такіе государственные и экономическіе порядки, которые не имѣютъ ничего общаго съ народными желаніями и идеалами.

«Въ самомъ народѣ мы видимъ еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые, традиціонные принципы: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки федеративнаго устройства, свобода совѣсти и слова. Эти принципы получили бы широкое развитіе и дали бы совершенно новое направленіе въ народномъ духѣ всей нашей исторіи, если бы только народъ получилъ возможность жить и устраиваться, такъ, какъ хочетъ, сообразно со своими собственными наклонностями.

«Поэтому мы полагаемъ, что, какъ соціалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей—снять съ народа подавляющей его гнетъ современнаго государства, произвести политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу. Этимъ переворотомъ мы достигнемъ: во-первыхъ, что развитіе народа отнынѣ будетъ идти самостоятельно, согласно его собственной волѣ и наклонностямъ; во-вторыхъ, того, что въ нашей русской жизни будутъ признаны и поддержаны многіе чисто соціалистическіе принципы, общіе намъ и народу.

«Мы полагаемъ, что *народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная, форма проявленія народной воли, но единственно въ настоящее время возможная на практикѣ, и мы считаемъ нужнымъ поэтому остановиться именно на ней.

«Такимъ образомъ, наша цѣль: отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію, составленному, какъ сейчасъ сказано, которое должно пересмотрѣть всѣ наши государственныя и общественныя учрежденія и перестроить ихъ, согласно инструкціямъ своихъ избирателей» [1]).

Несомнѣнно, элементъ народничества присущъ этой программѣ, присущъ не на словахъ только, но въ самомъ ходѣ мыслей. И однако здѣсь онъ уже претерпѣлъ извѣстное измѣненіе. Его чистота уже нарушена нѣкоторыми оговорками и ограниченіями, наконецъ самымъ, если можно такъ выразиться, тембромъ звучащимъ въ исповѣданіи вѣры новой политической партіей. Говорится въ программѣ Исполни-

---

[1]) См. „Литература партіи „Народной Воли“ Базилевскаго. Выпускъ первый. № 9 „Русской Исторической Библіотеки“ стр. 107—108.

тельнаго Комитета о «еще живыхъ, старыхъ, традиціонныхъ принципахъ», но уже подчеркивается, что они «всячески подавляются». И въ самомъ терминѣ «традиціонный» уже слышенъ отголосокъ критическаго отношенія къ основамъ народной жизни. «Федеративному устройству» въ народѣ придается значеніе только «зачатковъ». Въ утвержденіи, что благодаря «политическому перевороту» произведенному партіей, явится возможность «признать и поддержать многіе чисто соціалистическіе принципы, общіе намъ и народу», опять-таки чувствуется оттѣнокъ мысли, ставящій революціонную интеллигенцію не только на одинъ уровень съ цѣлымъ народомъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и выше его, такъ какъ партія является совершительницей этого благодѣтельнаго переворота. Въ самой мотивировкѣ революціонной дѣятельности «Народной Воли», въ соціалистическихъ обосновкахъ программы для внимательнаго читателя не можетъ укрыться извѣстное отклоненіе отъ чисто народнической постановки вопроса. А именно необходимость и цѣлесообразность политической революціи аргументируется тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ «слои эксплоататоровъ, облегающихъ народъ», и «создаются и защищаются исключительно государствомъ»; а посему стоитъ только низвергнуть режимъ этого «голаго насилія», и «народнымъ желаніямъ и идеаламъ» можно будетъ вполнѣ осуществиться и развернуться. Роль революціонной партіи, какъ берущей на себя задачу такого низверженія, вырисовывается, такимъ образомъ, во всемъ своемъ исключительномъ историческомъ значеніи.

Могъ ли допустить это чистокровный народникъ? Разумѣется, нѣтъ. Конечно, взглядъ на государственность, — и на государственность вообще, а не только на русскій абсолютизмъ,—какъ на одно изъ основныхъ золъ человѣческаго общежитія, перешелъ къ русскимъ народникамъ еще отъ Прудона и Бакунина. И въ народнической литературѣ 70-хъ годовъ вы не разъ встрѣтитесь съ изложеніемъ воззрѣній, согласно которымъ русскій народъ, въ сущности, наиболѣе, молъ, склонный къ «анархіи» между современными народами, постоянно на протяженіи всей своей исторіи боролся противъ государства и его представителей во имя своихъ идеаловъ—высшей общественности и полной личной свободы. Но рядомъ съ этимъ въ той же литературѣ вы встрѣтите недвумысленное признаніе существованія привилегированныхъ классовъ, какъ другого основного зла человѣческой исторіи, а не только производнаго явленія, вытекающаго лишь изъ политическаго гнета. Вмѣстѣ съ основателями Интернаціонала и вмѣстѣ съ Бакунинымъ русскіе народники видѣли источникъ политической зависимости, главнымъ образомъ, въ «экономическомъ порабощеніи» народа. И съ этой точки зрѣнія, напр., авторъ статьи «По поводу подвиговъ прессы», помѣщенной въ первомъ номерѣ «Земли и Воли», полемизируя съ «Голосомъ», совершенно логически насмѣхается надъ публицистами этой газеты, утверждавшими, что у насъ еще нѣтъ буржуазіи, потому что въ рукахъ нашихъ имущихъ классовъ нѣтъ еще политической власти. Въ этой полемикѣ встрѣчается даже слѣдующее многозначительное мѣсто: «одинъ русскій публицистъ (дѣло идетъ о Ткачевѣ? Н. Р.), разсчитывая на поголовное невѣжество ино-

странцевъ относительно Россіи, вздумалъ какъ то, года три тому назадъ, разсказывать имъ сказки насчетъ всесословности русской земли, отсутствія буржуазіи въ Россіи и сословныхъ тенденій въ русской внутренней экономической политикѣ, но и тамъ онъ былъ обозванъ Энгельсомъ и Марксомъ «зеленымъ гимназистомъ» и принужденъ былъ замолчать передъ своими оппонентами» [1]). Во второмъ номерѣ той же «Земли и Воли» авторъ фельетона «Письмо чистосердечнаго россіянина» прямо заявляетъ, что у насъ единственное средство добиться даже чисто политической свободы, это начать агитацію во имя основныхъ экономическихъ потребностей среди народа и преимущественно крестьянства. «Это путь, намѣченный самимъ народомъ,—говоритъ авторъ.—Всегда и вездѣ онъ шелъ отъ экономическихъ вопросовъ къ политическимъ, хотя иногда и казалось, что дѣло идетъ наоборотъ» [2]). Ходъ мыслей землевольческаго писателя таковъ: народъ не только угнетается государствомъ, но и эксплоатируется привилегированными классами, и въ этомъ экономическомъ порабощеніи даже корень зла. Пусть народъ двинется противъ этихъ эксплоататоровъ во имя осуществленія своихъ основныхъ экономическихъ требованій, ведущихъ къ соціализму, и если онъ встрѣтитъ по дорогѣ правительственныя репрессіи, онъ сумѣетъ защитить существенныя политическія свободы, потребныя для его развитія, свободы, которыя имущими сословіями будутъ защищаться лишь неискренно, ради своихъ эгоистическихъ интересовъ.

Ясно, какимъ отклоненіемъ отъ такихъ взглядовъ была народовольческая программа, которая перевертывала отношеніе между экономикой и политикой и поддерживая съ одной стороны повидимому народническій взглядъ на зловредность государства, съ другой стороны вела рѣчь лишь о русской государственной власти, какъ создательницѣ не только политическаго гнета, но и держащейся исключительно на голомъ насиліи экономической эксплоатаціи народа со стороны имущихъ классовъ. Въ то время, какъ «Земля и Воля» проповѣдывала возстаніе народа, трудящихся массъ во имя осуществленія ихъ коренныхъ и прежде всего экономическихъ потребностей противъ привилегированныхъ класовъ и охраняющаго ихъ государства, «Народная Воля» выдвигала на первый планъ борьбу революціонной партіи (разумѣется опирающейся на возможно широкіе слои населенія) противъ русскаго неограниченнаго правительства, и лишь посредственно, отраженнымъ ударомъ борьбу противъ экономическихъ враговъ народа.

Наконецъ, въ программѣ Исполнительнаго Комитета народничество претерпѣвало еще одно отклоняющее первоначальные лучи доктрины преломленіе. Изъ требованія возможно лучшаго выраженія народной воли въ этой программѣ выводилась необходимость не уничтоженія государственной власти вообще, а, наоборотъ, организаціи новаго государственнаго строя при посредствѣ Учредительнаго Собранія, «избраннаго свободно, всеобщей подачей голосовъ». Правда, программа оговаривалась, что «это, конечно, далеко не идеальная форма

---

[1]) „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ“, стр. 93.
[2]) Ibid, стр. 120.

проявленія народной воли». Но и съ этой оговоркой Учредительное Собраніе, выражающее народную волю въ данный историческій моментъ, при существованіи различныхъ борющихся классовъ и прежде всего привилегированныхъ сословій, держащихъ народъ, трудящіяся массы, въ экономической зависимости,—Учредительное Собраніе, говоримъ мы, проектируемое программой Исполнительнаго Комитета, далеко не походило на тотъ политическій или, лучше сказать, аполитическій идеалъ, который рисовался въ воображеніи чистокровныхъ народниковъ. Для нихъ дѣло шло не о представительствѣ, хотя бы и опирающемся на «всеобщую подачу голосовъ» даже и «при инструкціяхъ отъ избирателей». Они ставили своимъ идеаломъ участіе всѣхъ трудящихся въ обсужденіи и веденіи всѣхъ дѣлъ, какія только могутъ возникнуть въ строю, слагающемся изъ федераціи автономныхъ общинъ, въ свою очередь состоящихъ изъ равноправныхъ и свободныхъ личностей. Этому идеальному режиму не могло удовлетворить не только представительство Учредительнаго Собранія, но и любая изъ существующихъ политическихъ формъ прямого народнаго законодательства, напримѣръ, современнаго референдума и т. д. А ужъ о представительномъ началѣ, которое очевидно имѣли въ виду составители программы Исполнительнаго Комитета, и говорить нечего. И напримѣръ, даже осуществись гипотеза автора передовой статьи во второмъ номерѣ «Народной Воли» (отъ 1-го октября 1879 г.) относительно нахожденія въ Учредительномъ Собраніи «90% депутатовъ отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью,—отъ партіи» [1]), то никто изъ чистокровныхъ народниковъ не могъ бы признать въ такомъ положеніи вещей и намека на то «раствореніе правительства въ экономическомъ организмѣ», о которомъ любилъ говорить Прудонъ и которое было идеаломъ и русскихъ бакунистовъ и народниковъ.

Элементъ политики и даже въ формѣ представительства, парламентарной дѣятельности, врывался такимъ образомъ въ народничество, поскольку оно продолжало еще составлять замѣтную часть міровоззрѣнія «Народной Воли». А что оно продолжало, дѣйствительно, играть такую роль, видно хотя бы изъ того, что только что цитированный нами авторъ вслѣдъ за приведенными выше словами говоритъ: «Что можетъ постановить такое Собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы намъ полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній; мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ всюду, гдѣ былъ свободенъ отъ давленія государства, мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній. Право народа на землю, мѣстная автономія, федерація—вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія» [2]).

Мы подошли теперь какъ разъ ко второму элементу, который входилъ въ составъ народовольческаго міровоззрѣнія и вносилъ пертурбацію въ только что разсмотрѣнный нами принципъ народничества. Этимъ элементомъ была, какъ мы сказали въ началѣ нашей

[1]) „Литература партіи Народной Воли“, выпускъ первый, стр. 56.
[2]) Ibid.

статьи, политика, точнѣе выражаясь, политическая борьба за народовластіе, «народную волю» съ вытекающими изъ нея требованіями парламентарной дѣятельности.

Къ разсмотрѣнію этого, второго элемента народовольчества мы и переходимъ.

III.

Если въ признаніи значенія народныхъ стремленій и идеаловъ «Народная Воля» шла по стопамъ народничества и лишь останавливалась, какъ мы видѣли, на полдорогѣ, то въ выдвиганіи на первый планъ въ данный моментъ политической борьбы она оказалась высоко оригинальной. И переворотъ, который она успѣла совершить въ умахъ русской соціально-революціонной интеллигенціи, былъ ея величайшей исторической заслугой. Мы не говоримъ здѣсь пока ни о захватѣ власти, въ которомъ наиболѣе бланкистски настроенные народовольцы видѣли наилучшій пріемъ для произведенія политическаго переворота; ни о террорѣ, который фатально становился однимъ изъ все болѣе и болѣе популярныхъ орудій борьбы съ правительствомъ еще во дни «Земли и Воли», имѣвшей свои боевыя дружины и свой Исполнительный Комитетъ. Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ въ виду политическую борьбу вообще, какъ средство осуществить «народную волю» и добиться народовластія. Казалось бы, политическая борьба должна сейчасъ же придти на умъ соціалисту, который ставитъ своею цѣлью осуществленіе кореннаго переворота въ рамкахъ современнаго классового общества и классового же государства. И однако надлежащій взглядъ на политику еще теперь не успѣлъ проникнуть въ сознаніе всѣхъ соціалистовъ даже болѣе культурныхъ, чѣмъ Россія, странъ, ибо тамъ въ послѣднее время аполитизмъ снова возрождается среди революціонныхъ синдикалистовъ Франціи и Италіи. Насколько же труднѣе было доказать, а главное отстоять самой практикой жизни значеніе политической борьбы въ Россіи конца 70-хъ годовъ, гдѣ существовало такое предубѣжденіе противъ «политики» какъ разъ среди наиболѣе передовыхъ и активныхъ революціонеровъ. Между тѣмъ, этотъ замѣчательный подвигъ былъ совершенъ «Народной Волей». И будущіе историки русской общественности, какъ бы высоко они ни поставили эту сторону дѣятельности новой партіи, никогда въ достаточной степени не оцѣнятъ грандіозности идейной революціи, вызванной въ интеллигенціи работой народовольцевъ. Даже теперь, когда значеніе политической борьбы сознано (надолго-ли?) всѣми живыми людьми въ Россіи, многіе изъ современныхъ критиковъ «Народной Воли» бьютъ въ сущности ея же добромъ да ей же челомъ, и ихъ голоса спустя чуть не тридцать лѣтъ являются лишь ослабленнымъ эхомъ народовольческаго profession de foi.

Другой вопросъ, насколько удачны были тѣ теоретическія разсужденія, которыми обосновывалась на практикѣ политическая дѣятельность «Народной Воли». Но и эту задачу можетъ удовлетворительно разрѣшить лишь объективное изслѣдованіе, а не придирчивая критика и ужъ, конечно, не историческая злоба враговъ.

Въ общемъ эта теоретическая зашита политики публицистами «Народной Воли» не можетъ быть признана вполнѣ удачной. Она во всякомъ случаѣ была гораздо менѣе удачной, чѣмъ практическая защита этой же политики Исполнительнымъ Комитетомъ. Два обстоятельства мѣшали надлежащему теоретическому рѣшенію вопроса, который сама жизнь превращала изъ книжнаго въ глубоко реальный. Это, во-первыхъ, свойство ума русской интеллигенціи, которая никогда не удовлетворяется частной постановкой и частнымъ рѣшеніемъ злободневнаго вопроса, а превращаетъ его въ очень широкій, почти во всеобъемлющій абстрактный вопросъ и ищетъ на него такого же всеобщаго, исчерпывающаго всѣ случаи и устраняющаго всѣ сомнѣнія отвѣта. Это, во-вторыхъ, трагическая обстановка, при которой приходилось рѣшать проблему, такъ какъ борьба народовольцевъ противъ абсолютизма, уже привлекавшая къ себѣ вниманіе всего міра, требовала необыкновеннаго напряженія партійныхъ силъ и вызывала такія правительственныя репрессіи, что о спокойномъ и философскомъ трактованіи жгучихъ задачъ дѣйствительности не могло быть и рѣчи.

Такъ прежде всего вопросъ о томъ, должно ли было русскимъ соціалистамъ вступить на путь политической борьбы съ правительствомъ, скоро превратился въ вопросъ, что имѣетъ преимущественное значеніе въ человѣческомъ обществѣ, экономика или политика; и если экономика, то не ставятъ ли народовольцы свою дѣятельность на ненаучную почву, а если политика, то не грѣшатъ ли тѣмъ же самымъ чернопередѣльцы. Легко представить себѣ, какіе общіе, и вмѣстѣ торопливые отвѣты на крайне широко формулированный вопросъ должны были даваться въ этой полемикѣ съ обѣихъ сторонъ. Причемъ въ самомъ почти началѣ споръ обѣихъ фракцій, на которыя раскололась «Земля и Воля», перешелъ въ полемику между русскимъ дюрингіанствомъ и русскимъ марксизмомъ, что еще болѣе осложнило пренія и отразилось на дальнѣйшей судьбѣ и народовольчества.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, большинство теоретическихъ выразителей и практическихъ дѣятелей «Народной Воли» заявило себя на сторонѣ «политика»—Дюринга и высказалось противъ «экономиста»—Маркса, хотя были, и особенно въ началѣ въ рядахъ народовольцевъ вліятельные члены, которые не только не считали свою дѣятельность противорѣчащей взглядамъ автора «Коммунистическаго манифеста», «Гражданской войны во Франціи» и «Капитала», но наоборотъ живо интересовались его отношеніемъ къ тогдашнимъ русскимъ дѣламъ, стараясь даже установить съ нимъ болѣе тѣсныя идейныя и практическія связи. Эта линія поведенія отражалась даже на рѣшеніяхъ Исполнительнаго Комитета въ первые годы существованія партіи. Такъ, въ 1880 г. Исполнительный Комитетъ послалъ Марксу письмо съ партійной «программой рабочихъ», вызвавшей сочувствіе и привѣтствіе стараго революціонера. Къ Марксу же около этого времени Исполнительный Комитетъ обращался съ офиціальнымъ письмомъ, прося его помочь русскимъ революціонерамъ, а въ частности Гартману въ ознакомленіи культурныхъ странъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и дѣятельностью соціалистовъ. Съ другой стороны

самъ Марксъ съ крайнимъ интересомъ и симпатіей слѣдившій за борьбою русскихъ революціонеровъ противъ правительства, почти съ самаго начала сталъ на сторону народовольцевъ противъ чернопередѣльцевъ. Въ письмѣ отъ 5-го ноября 1880 г. къ Зорге, авторъ «Капитала» считаетъ даже «террористическій центральный комитетъ» какъ бы практическимъ выразителемъ воззрѣній Маркса въ далекой Россіи, противоставляя народовольцамъ партію «Чернаго Передѣла», которую онъ рѣзко критикуетъ, какъ анархическую «партію пропаганды», враждебную «всякому революціонно-политическому дѣйствію» [1]). Нѣсколько позже, въ предисловіи къ русскому переводу «Манифеста Коммунистической партіи», изданіе котораго было предпринято «Руской соціально-революціонной библіотекой», Марксъ и его alter ego Энгельсъ такъ отзывался о положеніи дѣлъ въ Россіи, сложившемся подъ непостредственнымъ вліяніемъ дѣятельности народовольцевъ: «А Россія! Во время революціи 48—49 гг. не только европейскіе монархи, но и европейская буржуазія обрѣли въ русскомъ вмѣшательствѣ единственный якорь спасенія въ виду только что выросшаго пролетаріата. Царь былъ провозглашенъ шефомъ европейской реакціи. Въ настоящее же время онъ . . . . . ., а Россія является авангардомъ революціоннаго движенія Европы». Даже по отношенію ко взгляду на будущее русской общины, судьбы которой служили тогда предметомъ полемики если не между народовольцами и чернопередѣльцами (ибо и послѣдніе надѣялись въ это время на общину, какъ на точку опоры для агитаторской дѣятельности «народобоевой партіи» въ народѣ, въ противоположность политической дѣятельности «Народной Воли»), то между народовольцами и начавшими въ то время рѣзче формулировать свои взгляды первыми русскими марксистами,—даже относительно перспективы, ждущей нашу общину, Марксъ и Энгельсъ выражали мнѣніе, въ общемъ очень благопріятное для революціонной тактики народовольцевъ. Дѣйсвительно, въ упомянутомъ предисловіи ставился, жгучій для насъ русскихъ, вопросъ: «можетъ ли *русская община*, представляющая форму первобытнаго землевладѣнія, хотя и сильно пошатнувшагося, перейти непосредственно къ высшей формѣ коммунистическаго землевладѣнія? Или же ей предстоитъ пройти тотъ процессъ разложенія, въ которомъ и состоитъ историческое развитіе *Запада?*» И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ говорилось: «Единственно возможный въ настоящее время отвѣтъ на это слѣдующій: *Если русская революція послужитъ сигналомъ для революціи пролетаріата на Западѣ и, такимъ образомъ, обѣ дополнятъ другъ друга, то существующее общинное землевладѣніе въ Россіи можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія*». Понимала значеніе этого симпатичнаго отношенія Маркса къ программѣ и дѣятельности народовольцевъ и редакція офиціальнаго органа партіи и, печатая

[1]) Письмо это напечатано теперь въ сборникѣ „Briefe und Auszüge aus Briefen von .. Fridrich Engels, Karl Marx an F. A. Sorge und Andere; Штутгартъ, 1906. Ср. мою статью: Н. Е. Кудринъ, „Тридцать лѣтъ рабочаго движенія и соціализма“ въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1907 г., стр. 75—76.

упомянутое предисловіе въ номерѣ 8—9 «Народной Воли» (отъ 5-го февраля 1882 г.), сопроводила его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Съ удовольствіемъ помѣщаемъ «предисловіе», имѣя въ виду глубокій научный и практическій интересъ затронутыхъ въ немъ вопросовъ. Намъ особенно пріятно отмѣтить заключительные слова: въ нихъ мы видимъ подтвержденіе одного изъ основныхъ положеній теоріи народовольства,—подтвержденіе, основанное на изслѣдованіи такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Марксъ и Энгельсъ. Давно ожидаемое продолженіе знаменитаго труда Маркса («Капиталъ») разовьетъ, конечно, съ надлежащей полнотой, между прочимъ и тѣ положенія, которыхъ «предисловіе» могло только коснуться» [1]).

Но, несмотря на эти колебанія въ отношеніяхъ къ Марксу, въ общемъ теорія политической борьбы вырабатывалась народовольцами въ духѣ, враждебномъ автору «Капитала». И въ основѣ этой идейной вражды,—по моему крайнему убѣжденію вредно отразившейся на всемъ послѣдующемъ развитіи соціализма въ Россіи,—было уже упомянутое фатальное недоразумѣніе, которое неизбѣжно повело къ переоцѣнкѣ дюрингіанства и къ превращенію его въ боевое оружіе противъ того, что казалось тогда большинству дѣятелей въ обѣихъ враждующихъ фракціяхъ сущностью ученія Маркса, а именно его якобы равнодушіемъ къ собственно политической борьбѣ. Пишущій эти строки участвовалъ дѣятельно въ этой полемикѣ и притомъ сначала въ лагерѣ нашихъ первыхъ марксистовъ, затѣмъ, послѣ идейнаго «кризиса», въ лагерѣ народовольцевъ. Поэтому онъ позволитъ себѣ привести нѣсколько личныхъ воспоминаній, но все въ томъ же объективномъ тонѣ, который онъ старается провести чрезъ весь этотъ этюдъ. Эти воспоминанія уяснятъ психологическую и историческую фатальность недоразумѣнія, раздѣлившаго тогдашнюю соціально-революціонную армію на два враждебные лагеря.

Въ моментъ, когда совершался этотъ историческій расколъ, я не принадлежалъ ни къ одной изъ обѣихъ сторонъ. Не входя въ подробности моего тогдашняго міровоззрѣнія,—мнѣ теперь самому трудно въ точности анализировать его,—я могу сказать, что оно представляла нѣкоторую амальгаму народничества (общее наслѣдіе тогдашней эпохи), якобинизма или, если хотите, бланкизма (раннее вліяніе П. Г. Зайчневскаго) и марксизма (результатъ первыхъ моихъ серьезныхъ занятій въ подлинникѣ надъ выдающимися экономистами Запада). Эти особенности моего міросозерцанія конца 70-хъ годовъ мѣшали мнѣ цѣликомъ пристать къ какой бы то ни было изъ соперничавшихъ тогда во вліяніи на умы фракцій. Въ частности мой марксизмъ препятствовалъ мнѣ примкнуть какъ къ народникамъ - «деревенщикамъ», ставшимъ чернопередѣльцами, такъ къ народникамъ политикамъ, сложившимся въ «Народную Волю». Отъ первыхъ меня отдѣляло мое скептическое отношеніе къ ихъ черезчуръ розовому взгляду на будущность русской общины и на невозможность развитія у насъ капитализма. Такъ я писалъ «Противъ экономическаго оптимизма» г. В. В., хотя и полагалъ, что русская община рушится въ силу извѣ-

[1]) Литература партіи „Народной Воли". Выпускъ второй, стр. 66—167.

стныхъ спеціальныхъ условій нашей жизни, а не какого-то фатальнаго закона разложенія коллективной собственности, выставляемаго «заядлыми доктринерами-марксистами» и рекомендовалъ бороться съ капитализмомъ, но отнюдь не «идти къ капитализму на выучку» (буквальная фраза изъ моей только что упомянутой статьи, помѣщенной въ декабрской книжкѣ «Дѣла» за 1880 г., фраза, которую пятнадцать лѣтъ спустя подхватилъ народившійся тогда въ періодѣ остраго увлеченія марксизмомъ г. П. Струве, но подхватилъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее лозунгомъ «русскихъ учениковъ»). Отдѣляло меня отъ чернопередѣльцевъ ихъ, какъ мнѣ казалось, недостаточно твердое признаніе «политики», той политики, которая опирается на потребности и идеалы массъ. Полемизируя съ нашими политиками - дюрингистами, я, напр. тѣмъ не менѣе прямо оговаривался, что «экономическая борьба *непремѣнно* должна выразиться въ политической борьбѣ, и вотъ тутъ - то дѣйствительно нечего открещиваться отъ политики» (изъ статьи «Экономика и политика» въ мартовской книжкѣ «Дѣла» за 1881 г.).

Замѣчу кстати, что одна изъ мыслей, развиваемыхъ мною въ статьѣ «Противъ экономическаго оптимизма», показалась народовольцамъ настолько «политической», что ко мнѣ пришелъ познакомиться и переговорить о моемъ возможномъ участіи въ «Народной Волѣ» человѣкъ, который считался въ то время «перомъ» партіи и подписывалъ свои легальныя статьи въ «Словѣ» и «Дѣлѣ» псевдонимомъ «И. Кольцовъ». Эта мысль заключалась въ отрицаніи правильности соображеній г. В. В. относительно того, что если русскій капитализмъ развивается лишь путемъ правительственной «политики», то западноевропейскій, напр., англійскій, развивался путемъ общественной «экономики». И я спрашивалъ г. В. В., къ какому разряду явленій надлежитъ отнести насильственное обезземеленіе крестьянъ въ Англіи, заранѣе отвѣчая, что, конечно, этотъ процессъ былъ проявленіемъ отнюдь не собственно экономики, а «внутренней политики».

Изъ нашихъ разговоровъ съ г. И. Кольцовымъ (Л. Тихомировымъ тожъ) для насъ обоихъ выяснилось, что совпаденіе нашихъ мыслей въ одномъ пунктѣ вовсе не обозначало сродства нашихъ міровоззрѣній. Ибо, если чернопередѣльцы мнѣ казались недостаточными «политиками», то народовольцы мнѣ представлялись чрезмѣрными, гипертрофированными «политиками», политическая дѣятельность которыхъ не опиралась въ надлежащей степени на экономическую агитацію въ массахъ и висѣла въ воздухѣ. И въ своей статьѣ «Экономика и политика» я предостерегалъ «Народную Волю» отъ преждевременнаго, если я позволю себѣ такъ выразитсья, кесарскаго сеченія, предостерегалъ, насколько то было возможно въ тогдашней подцензурной печати, говоря: «Что можетъ выйти, если мы попробуемъ содрать внѣшнюю оболочку въ то время, когда расползаніе внутренней оболочки не достигло еще надлежащихъ предѣловъ»... Экономическія формы еще держатся. Болѣзненный процессъ общественнаго политическаго обнаженія выразится не въ томъ, что лопнетъ внутренняя оболочка, а въ томъ, что вокругъ ея послѣ мучительнаго воспаленія образуется новая, болѣе толстая внѣшняя оболочка,

которая дольше можетъ задерживать распаденіе внутренней оболочки».

Впрочемъ, мои прозрачныя анатомическія аналогіи и предостереженія опаздывали по сравненію съ развертывавшейся тогда трагедіей русской исторіи: въ той самой мартовской книжкѣ «Дѣло», гдѣ была помѣщена моя только что цитированная статья, на первой страницѣ, въ траурной рамкѣ, можно было прочесть объявленіе министра внутреннихъ дѣлъ: «Воля Всевышняго свершилась. Въ 3 часа 35 минутъ сего 1-го марта Онъ призвалъ къ Себѣ Государя Императора Александра Николаевича». Какъ шелъ въ нашей внутренней политикѣ тотъ процессъ, который я назвалъ «мучительнымъ воспаленіемъ», достаточно извѣстно. Во всякомъ случаѣ, тогдашняя Россія была ареной любопытнаго психологическаго факта, или лучше сказать психологической метаморфозы: если массы остались въ общемъ равнодушны къ событію 1-го марта; если наше такъ называемое «общество» и наши «либералы» постыдно смалодушничали и подались «вправо», давъ возможность восторжествовать необыкновенно продолжительной реакціи, — то наоборотъ, все, что было въ нашей интеллигенціи живого, искренняго, честнаго и смѣлаго, болѣе или менѣе быстро перешло на сторону партіи, гордо развернувшей противъ вѣкового деспотизма знамя «Народной Воли». На этотъ фактъ до сихъ поръ не достаточно обращалось вниманія, а между тѣмъ онъ составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій русской общественной жизни въ началѣ 80-хъ годовъ. Катастрофа 1-го марта отнюдь не подорвала сейчасъ же—какъ это привыкли слишкомъ часто и голословно утверждать пристрастные лѣтописцы,- -авторитета, престижа и даже ореола партіи. Наоборотъ, упомянутое событіе привлекло къ «Народной Волѣ» горячія, а главное дѣйственныя симпатіи многихъ людей того времени. Правда, первое марта раздифференцировало, разслоило нашу интеллигенцію: робкіе, эгоистичные элементы отпали отъ революціи. Но за то въ общемъ число дѣятельныхъ и самоотверженныхъ приверженцевъ народовольчества быстро возросло, вслѣдствіе того, что подъ знамя активной борьбы съ архаическимъ деспотизмомъ стеклось съ разныхъ концовъ революціоннаго горизонта много новыхъ борцовъ. Еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, еще приблизительно до половины 80-хъ годовъ народовольчество, несмотря на провалы, несмотря на усовершенствованное шпіонство и провокацію, ужасающія репрессіи правительства, было самымъ популярнымъ теченіемъ и—прошу обратить вниманіе читателей на это выраженіе, — самымъ культурнымъ факторомъ русской общественной жизни. Если оно и стало затѣмъ умирать, то не прежде того, какъ внѣдривъ въ умы и своихъ друзей, и своихъ враговъ идею о необходимости политической борьбы, и внѣдривъ ее практически, какъ бы ни отставали въ убѣдительности отъ народовольческой практики тѣ или иныя теоріи, торопливо выдвигавшіяся сторонниками «Народной Воли».

Возвращусь опять къ нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ, останавливаясь лишь на самыхъ типическихъ изъ нихъ для эпохи, а потому касающихся меня лишь постольку, поскольку я представляюсь себѣ безъ всякой ложной скромности, но и безъ противной гипер-

трофіи своего «я», человѣкомъ довольно удачно отражавшимъ и выражавшимъ эволюцію тогдашной передовой, т. е. революціонной интеллигенціи. Первое марта явилось для меня, какъ и для многихъ, исходнымъ пунктомъ сильнѣйшаго умственнаго кризиса. Съ моральной точки зрѣнія, со стороны чувства, я собственно, былъ давно на сторонѣ народовольческихъ пріемовъ: «сдиранія внѣшней оболочки». [1]) Но цѣлесообразность ихъ казалась мнѣ очень сомнительной съ точки зрѣнія моего тогдашняго міровозрѣнія. Трагедія на Екатерининскомъ каналѣ вызвала во мнѣ первую крайне энергичную логическую встряску. Замѣшательство правительства въ первые дни, недѣли, мѣсяцы; его неуклюжее хватанье за народную «мужицкую» политику; его страхъ передъ революціонерами; впечатлѣніе, произведенное на Европу, — все это убѣждало меня въ той мысли, что «Народная Воля» нашла надлежащую точку опоры для приложенія революціоннаго рычага. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и разладъ между моимъ «чувствомъ» и моимъ «умомъ» кончился капитуляціей послѣдняго. На возраженія противъ моей «Экономики и политики» со стороны г. И. Кольцова, защищавшаго въ своей статьѣ «Къ вопросу объ экономикѣ и политикѣ» (напечатанной въ майской книжкѣ «Дѣла» за 1881 г.) Дюринга противъ «неможко маньяка» Маркса и утверждавшаго, что «*для общества* фактъ насилія между людьми—элементъ болѣе важный, чѣмъ производство», я еще считалъ долгомъ отвѣчать этюдомъ объ «экономическомъ принципѣ въ соціологіи» (октябрь и декабрь «Дѣла» за тотъ же годъ) и продолжалъ развивать свою и не чернопередѣльческую, и не народовольческую точку зрѣнія на «значеніе политики», поскольку «она является необходимой въ качествѣ рѣшенія соціальнаго вопроса». Но въ моей душѣ возставали уже противъ моихъ собственныхъ взглядовъ возраженія, логически, а главное психологически болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, какія я находилъ въ статьѣ моего оппонента. И зима 1881-1882 г., послѣдняя, которую я провелъ въ Россіи передъ своимъ отъѣздомъ за-границу, откуда мнѣ пришлось возвратиться лишь почти четверть вѣка спустя, эта памятная для меня зима была періодомъ жесточайшей самокритики и ломки установившихся воззрѣній.

Испытывая процессъ реакціи противъ разрушавшагося тогда въ моемъ умѣ міровозрѣнія, я перескочилъ черезъ тотъ пунктъ, на которомъ бы остановился теперь (насчетъ этого см. мою статью «П. Л. Лавровъ», въ февральской книжкѣ «Былого» за этотъ годъ, стр. 278), и изъ марксиста сталъ отчаяннымъ «политикомъ» въ духѣ Дюринга, какъ это сказалось годъ-два спустя на моихъ первыхъ статьяхъ въ «Вѣстникѣ Народной Воли». Но эта метаморфоза постигла не одного меня, и потому-то я и говорю о ней. Она коснулась даже выдающихся чернопередѣльцевъ, будущихъ основателей группы «Освобожденія труда», хотя отразилась на нихъ такимъ образомъ, что, пре-

---

[1]) Такое отношеніе къ террору раздѣляли со мной не мало людей, хотя и скептически относившихся къ народовольчеству, какъ я постараюсь, когда-нибудь показать въ воспоминаніяхъ о Халтуринѣ, поступленіе котораго въ число рабочихъ Зимняго Дворца было сообщено мнѣ тогда же однимъ изъ такихъ инстиктивныхъ сторонниковъ, но идейныхъ противниковъ террора.

вративъ ихъ изъ народниковъ въ русскихъ марксистовъ, заставила ихъ въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба» рекомендовать товарищамъ, оставивъ народническія иллюзіи на скорую соціальную революцію, не пугать либераловъ и буржуазныхъ демократовъ призракомъ одновременнаго—во вкусѣ, молъ, народовольчества—политическаго и экономическаго переворота, а вмѣстѣ съ ними добиваться пока исключительно политической свободы. Людей же, ставшихъ, въ родѣ меня, приверженцами народовольчества подъ вліяніемъ напряженнаго и страстнаго раздумья надъ политическимъ значеніемъ 1-го марта, было не мало какъ разъ между лицами, стоявшими на почвѣ революціоннаго соціализма, и потому всего болѣе подвергнувшихся дѣйствію «предметныхъ уроковъ» «Народной Воли».

Съ другой стороны, въ смыслѣ популяризаціи идей народовольчества, велика была, въ литературныхъ и вообще интеллигентныхъ кругахъ, роль Михайловскаго, который, какъ я уже говорилъ въ статьѣ «Политика» Н. К. Михайловскаго» (см. іюльскую книжку «Былого») былъ горячимъ поклонникомъ Дюринга еще съ конца 70-хъ годовъ и старался проводить съ обычнымъ блескомъ и энергіею взгляды на доминирующее значеніе «политики», прибавлю, впрочемъ, для современной русской жизни. Дѣлаю эту оговорку потому, что принимая, негласно, напр., въ полемикѣ г. И. Кольцова противъ меня, дѣятельное участіе въ оборонительной и нападательной кампаніи дюрингіанства противъ идей, считавшихся тогда, марксистскими, Н. К. Михайловскій уклонялся, однако, самъ отъ печатной борьбы противъ того, что въ то время часто связывали, и порою совершенно всуе, съ именемъ Маркса. Здѣсь сказывалось обычное не только литературное, но и политическое чутье. Н. К. Михайловскаго, который, несмотря на свой боевой темпераментъ, не любилъ полемики для полемики, полемики, не ведшей непосредственно къ извѣстному практическому и, прежде всего, общественному результату. Не высказалъ ли онъ однажды слѣдующей замѣчательно тонкой мысли: «не все ли мнѣ равно, какимъ путемъ вы приходите въ тотъ же Римъ, куда иду и я, хотя другой дорогой?» (передаю смыслъ фразы, а не букву). Ему, очевидно, не хотѣлось авторитетомъ своего имени обострять совершенно абстрактную полемику, о томъ, что «выше» вообще политика или экономика. Но въ приложеніи къ данному моменту русской дѣйствительности Михайловскій поистинѣ мастерски отстаивалъ народовольческую «политику», толкавшую Россію къ государственному перевороту, противъ ставшей офиціальною «экономики», каррикатуру которой, въ видѣ демагогическаго народолюбія правительство монополизировало въ 1881-1882 г., стараясь науськивать массы на интеллигенцію. Пусть вспомнятъ хотя бы его статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» за декабрь 1881 г. и январь 1882 г., именно объ этой интеллигенціи и о великомъ историческомъ значеніи ея передового, революціоннаго отряда.

Что касается до господствующаго направленія въ тогдашней собственно народовольческой литературѣ, то оно, поскольку не было чистымъ дюрингіанствомъ, отстаивало идею политической борьбы утвержденіемъ, что въ Россіи политическій переворотъ будетъ тѣсно связанъ съ соціальнымъ, съ экономическимъ, и народъ, освобожден-

ный отъ правительственнаго гнета, немедленно же осуществитъ свои приближающіеся къ соціалистическимъ идеалы. Въ конституціонныя, парламентарныя формы будетъ непремѣнно влито трудовое содержаніе. На «свободномъ Земскомъ Соборѣ»—говоритъ авторъ передовой статьи въ номерѣ 6-мъ «Народной Воли» (отъ 23 октября 1881 г.)—«явятся только мужикъ да интеллигенція». Онъ высказывалъ «увѣренность», что въ случаѣ «ограниченія монархіи народнымъ представительствомъ», «народное представительство выразило бы интересы только труда и науки» [1]).

Однако, какъ бы ни были сами по себѣ торопливы и не совсѣмъ убѣдительны дюрингіанствующія или аппелирующія къ трудовымъ стремленіямъ народа теоріи «Народной Воли», сама практика партіи оказалась наилучшимъ пріемомъ аргументаціи въ пользу политической борьбы. Острымъ клиномъ врѣзалась тогда въ сознаніе всѣхъ соціалистически и революціонно настроенныхъ представителей интеллигенціи мысль о необходимости политической дѣятельности, о невозможности организовать какую бы то ни было жизненную партію въ Россіи безъ осуществленія гражданскихъ и общественныхъ предпосылокъ: «свободы совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій» и т. д., какъ формулировалъ еще въ 1879 г. свои требованія Исполнительный Комитетъ, поставившій вмѣстѣ съ тѣмъ основнымъ требованіемъ «постоянное народное представительство, имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ» и избираемое всеобщей подачей голосовъ. Такимъ образомъ политическая и даже парламентарная дѣятельность выдвигалась на первый планъ той самой партіей, которая стояла на почвѣ несомнѣннаго революціоннаго соціализма и которую нельзя было заподозрить въ буржуазныхъ тенденціяхъ. Разбивался долголѣтній предразсудокъ противъ политической борьбы, какъ разъ среди тѣхъ элементовъ, которые были наиболѣе активными и самоотверженными дѣятелями общественнаго прогресса. И какъ бы въ послѣдовавшіе затѣмъ годы долгой реакціи ни замиралъ духъ революціоннаго протеста, требованіе политической борьбы жило, по крайней мѣрѣ, въ формѣ славной традиціи, въ умахъ русскихъ соціалистовъ и, лишь только позволили обстоятельства, вспыхнуло яркимъ пламенемъ «освободительнаго движенія».

IV.

Но въ силу тѣхъ самыхъ историческихъ условій, при которыхъ «Народная Воля» ставила свое замѣчательное для эпохи требованіе непосредственной политической борьбы съ правительствомъ, это требованіе принимало всего чаще у партіи форму задачи совершенія государственнаго переворота путемъ заговора, опирающагося, правда, на различные элементы «народа», «общества», наряду съ «войскомъ» и «администраціей», но организуемаго и доводимаго до конца самой «Народной Волей». Въ цитированной уже нами части «Программы

[1]) „Литература партіи Народной Воли“. Выпускъ первый, стр. 262.

Исполнительнаго Комитета» эта иниціативная роль партіи ярко обрисовывается словами, что «ближайшей задачей» народовольцевъ является «снять съ народа подавляющій его гнетъ современнаго государства, произвести политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу». Въ слѣдующей, пока не приведенной нами части программы рѣшающее значеніе дѣятельности самой партіи выясняется еще болѣе. Тамъ говорится о «пропагандѣ» и «агитаціи» въ «народѣ» и «обществѣ», въ смыслѣ «популяризаціи во всѣхъ слояхъ населенія демократическаго политическаго переворота, какъ средствъ соціальной реформы» и возбужденія наивозможно широкаго «протеста противъ существующаго порядка и требованія реформъ въ духѣ партіи, особенно же требованія созыва Учредительнаго Собранія». Но рядомъ съ этимъ говорится о «дѣятельности разрушительной и террористической», которою, конечно, должна заниматься и можетъ заниматься лишь сама партія; равно какъ только она можетъ работать надъ «организаціей тайныхъ обществъ и сплоченіемъ ихъ вокругъ одного центра».

Съ другой стороны, въ параграфѣ носящемъ знаменательное по сопоставленнымъ въ немъ элементамъ названіе «Пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ», дѣятельность партіи изображается такими опредѣленными чертами, что не можетъ быть и тѣни сомнѣнія относительно перенесенія центра тяжести предстоящаго политическаго переворота на самое «Народную Волю». А различныя силы, на которыя она должна при этомъ опираться, размѣщаются въ порядкѣ, какъ разъ свидѣтельствующемъ о томъ, что верховная иниціатива принадлежитъ партіи, и что она разсматриваетъ тѣ или другіе элементы съ спеціальной точки зрѣнія успѣшности заговора. Такъ, напр., въ этомъ параграфѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее заявленіе: «По отношенію къ перевороту особенно важны администрація и войско». И непосредственно вслѣдъ за этимъ идетъ фраза, заключающая въ себѣ любопытную логическую неточность, которая, конечно, указываетъ ни на что другое, какъ на нѣкоторое колебаніе самой политической мысли составителей этой въ общемъ столь ясной программы: «не менѣе серьезное вниманіе партія должна обратить на народъ». Выходитъ, что признавъ *особенную* важность «администраціи» и «войска», партія какъ бы спохватывается и приписываетъ такое же особенно важное значеніе («не менѣе серьезное вниманіе» и т. д.) и народу. Здѣсь заговорщицкіе оттѣнки мысли видимо переплетаются и вступаютъ въ борьбу съ народническими и широко политическими. И эта коллизія идей не разрѣшается и послѣдующимъ объясненіемъ: «главная задача партіи въ народѣ— подготовить его содѣйствіе перевороту», такъ какъ и здѣсь переворотъ рисуется совершеннымъ партіей и, если можно такъ выразиться, «извнѣ» народа. Наконецъ, говоря объ «организаціи и совершеніи переворота», программа даетъ уже окончательную формулу иниціативной дѣятельности «Народной Воли»: «Въ виду придавленности народа, въ виду того, что правительство частными усмиреніями можетъ очень надолго сдерживать общее революціонное движеніе, партія должна взять на себя починъ самаго переворота, а не дожидаться того мо-

мента, когда народъ будетъ въ состояніи обойтись безъ нея». Самое большее, «революція» является для составителей программы лишь однимъ изъ роговъ смертоносной для правительства исторической дилеммы, другимъ рогомъ которой «Народная Воля» считаетъ собственную политическую конспирацію: «Какимъ бы путемъ ни произошелъ переворотъ, гласятъ заключительныя строки цитируемаго нами документа, какъ результатъ самостоятельной революціи или при помощи заговора, обязанность партіи способствовать немедленному созыву Учредительнаго Собранія и передачѣ ему власти Временнаго Правительства созданнаго революціей или заговоромъ» [1]).

Если вы вдумаетесь въ различныя стороны этого хода мыслей, и въ «заговоръ», и въ «починъ переворота», и въ «передачу власти народу», то вы безъ труда найдете здѣсь знакомый уже изъ западноевропейской жизни элементъ «бланкизма». Въ Россіи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ почва для воспринятія бланкистскихъ воззрѣній была подготовлена разнообразными и даже противорѣчивыми какъ теоретическими, такъ и жизненными вліяніями.

Тутъ было прежде всего прямое перенесеніе идей Бланки о произведеніи политическаго переворота революціонерами съ цѣлью организовать жизнь народа на соціалистическихъ началахъ или, точнѣе выражаясь, помочь скорѣйшей выработкѣ народомъ новыхъ формъ общежитія. Ибо не надо забывать, что французскій знаменитый конспираторъ въ своихъ планахъ захвата власти никогда не упускалъ изъ виду коренной противоположности интересовъ трудящихся классовъ интересамъ буржуазіи и буржуазнаго государства, противоположности, которая должна лежать въ основѣ соціальной революціи и рано или поздно вызвать ее. Но онъ полагалъ, что народу, вслѣдствіе самихъ условій его тяжелой трудовой жизни, нѣтъ возможности достаточно сознательно отнестись къ своему положенію и произвести революцію на основѣ ясно понятыхъ задачъ. Потому то онъ и вмѣнялъ въ обязанность революціонерамъ въ качествѣ небольшого, но вполнѣ сознательнаго и строго организованнаго меньшинства, совершить необходимый переворотъ для народа и за народъ и затѣмъ поставить его въ такую обстановку, при которой трудящіяся массы могли бы скоро проникнуться сознательнымъ отношеніемъ къ своимъ насущнымъ потребностямъ и прочно основать соціалистическій строй. А пока, революціонеры должны были твердо держать въ рукахъ захваченную ими центральную власть и воспитывать трудящихся въ понятіи о грядущемъ обществѣ, гдѣ не будетъ «ни Бога, ни властелина» (ni Dieu, ni maîtres). И въ этой сначала боевой и конспиративной, а затѣмъ, если можно такъ выразиться, революціонно-педагогической дѣятельности, Бланки придавалъ огромное значеніе личностямъ и организаціи личностей изъ такъ называемыхъ déclassés буржуазіи, т. е. людей, вырванныхъ обстоятельствами жизни и собственной гордой независимостью ума и сердца изъ среды имущихъ и правящихъ классовъ и перешедшихъ на сторону народа. Эти déclassés могли приблизительно соотвѣтствовать нашимъ «разночинцамъ» и нашей «внѣклассовой ин-

---

[1]) „Литература партіи „Народной Воли". Выпускъ первый, стр. 109—110, passm.

теллигенціи». И среди русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, особенно находившихся предварительно подъ вліяніемъ Ткачева и его «Набата», число такихъ понемногу стало увеличиваться во второй половинѣ 70-хъ годовъ, особенно на югѣ, гдѣ были даже такъ называемые «бунтари—якобинцы» (напр. Россикова), среди русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, говоримъ мы, могли естественно прививаться идеи бланкизма. Л. Тихомировъ къ концу 70-хъ годовъ, М. Н. Ошанина еще съ первой половины того же десятилѣтія были убѣжденными «якобинцами». Вообще по мѣрѣ того, какъ никогда не блестѣвшая особо яркимъ блескомъ звѣзда талантливаго, но безтактнаго П. Н. Ткачева стала совсѣмъ клониться къ горизонту, идеи его, благодаря ироніи политической судьбы, стали, наоборотъ, получать право гражданства среди русской революціонной интеллигенціи. И сама «Народная Воля», которая считала нужнымъ отрекаться отъ непопулярнаго ткачевизма (въ интересной статьѣ «Политическая революція и экономическій вопросъ», помѣщенной въ № 5 газеты, отъ 5-го февраля 1881 г. представляющей максимумъ уступокъ въ сторону если не марксизма, то Маркса [1]), въ не малой степени отражала идейное вліяніе Ткачева, прилагавшаго, хотя и не всегда удачно, къ Россіи взгляды Бланки.

Какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда, но «бланкизмъ» подготовлялся въ умахъ русской революціонной интеллигенціи, а въ частности среди дѣятелей «Народной Воли», еще и тѣми писателями, которые какъ разъ были сильными оппонентами Ткачева и его якобинскихъ плановъ рѣшенія соціальнаго вопроса путемъ политическаго заговора: я разумѣю П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловскаго. Въ столь родственныхъ между собою міровоззрѣніяхъ творцовъ «русской соціологической школы» были дѣйствительно элементы, которые при извѣстномъ психическомъ складѣ нашей революціонной интеллигенціи и въ данный историческій моментъ могли благопріятствовать выработкѣ политическихъ взглядовъ, казалось бы крайне далеко отстоящихъ отъ первоначальныхъ идей обоихъ мыслителей. Мало того. Сами же мыслители могли при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ пойти на встрѣчу взглядамъ, противъ которыхъ они раньше боролись. Особенно удивляться этому нечего. Мы знаемъ изъ геологіи явленія такъ называемаго метаморфизма, состоящія въ томъ, что слои, образованіе которыхъ гипотеза приписываетъ вліянію воды, измѣняютъ свое строеніе отъ близости преобразующаго ихъ фактора, въ родѣ центральнаго огня, сосѣдства вулкановъ и непосредственнаго соприкосновенія съ вулканическими скалами и т. п. Подобнаго же рода метаморфизмъ мы замѣчаемъ и въ идейной области, когда извѣстныя группы представленій и воззрѣній нѣкоторыми своими сторонами или сами по себѣ, или вслѣдствіе сильныхъ политическихъ пертурбацій приходятъ въ соприкосновеніе съ другими идейными группами въ сущности несложнаго типа и подвергаются

---

[1]) См. въ томъ же первомъ выпускѣ „Литература партіи Народной Воли“, стр. 208 – 210.

усиленному процессу ломки и преобразованія подъ вліяніемъ возникшаго взаимодѣйствія.

Конечно, если сказать безо всякаго объясненія, что Лавровъ и Михайловскій были въ числѣ подготовителей «бланкизма», вошедшаго въ міровоззрѣніе «Народной Воли», то это покажется ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ. Но введите нѣсколько промежуточныхъ звеньевъ въ цѣпь этого анализа, и высказанная мысль теряетъ свою парадоксальность. Несомнѣнно, оба писателя были по самому складу своего міровоззрѣнія противниками якобинскихъ пріемовъ рѣшенія соціальнаго вопроса. И однако, у нихъ есть цѣлый рядъ идей, которыя нуждаются только въ извѣстнаго рода политической атмосферѣ, чтобы породить и развить изъ себя нѣкоторые бланкистскіе выводы.

Такъ, напр., у Лаврова въ тѣхъ же «Историческихъ Письмахъ» вы найдете очень много мѣстъ, гдѣ «критически мыслящей личности», какъ носительницѣ истинно-человѣческой «цивилизаціи», приписывается громадное значеніе въ процессѣ переработки закостенѣлой, почти зоологической «культуры» человѣческаго общества. Авторъ «Писемъ», конечно, стоитъ на точкѣ зрѣнія, исключающей преклоненіе предъ отдѣльными личностями и показывающей великую роль общественныхъ условій и всего общества. Но все же онъ энергично отстаиваетъ мысль, что безъ живыхъ личностей нѣтъ исторіи; что для торжества извѣстной прогрессивной идеи надо, чтобы она нашла своего выразителя въ томъ или иномъ конкретномъ, вначалѣ хотя бы единичномъ человѣкѣ, который будетъ затѣмъ распространять ее среди другихъ, которые въ свою очередь сложатся въ цѣлую партію, и т. д. А въ результатѣ получится существенное измѣненіе во всемъ строѣ общества, несмотря на первоначальное великое сопротивленіе, на соціальную инерцію коснѣющаго въ старыхъ формахъ жизни большинства членовъ общежитія. Кто изъ читавшихъ «Историческія Письма» не помнитъ знаменитаго мѣста, начинающагося словами: «какъ личность, слабая личность осмѣливается» и т. д. и представляющаго настоящій историческій апоѳеозъ личности, краснорѣчивое приглашеніе каждому отдѣльному человѣку дерзать и врываться активнымъ факторомъ въ ходъ исторіи? Неужели такія разсужденія могли остаться безъ вліянія на пылкую, чуткую, героическую русскую молодежь? Разумѣется, нѣтъ, и, напр., хожденіе въ народъ, которое вдохновлялось въ значительной степени этой проповѣдью Лаврова (наряду, конечно, съ Бакунинымъ) было не столько даже политическимъ явленіемъ, сколько актомъ личнаго подвижничества и мученичества лучшей части нашей интеллигенціи. Разумѣется, пока у самого автора «Историческихъ Писемъ» и статей въ «Впередѣ» это активное воздѣйствіе личностей на исторію сводилось къ распространяющейся все далѣе и далѣе,—«математически», какъ выражается въ одномъ мѣстѣ самъ Лавровъ,—пропагандѣ идей, вплоть до того времени, когда мысль о соціальной революціи охватитъ громадное большинство общества, о какомъ-нибудь бланкизмѣ и говорить было нечего. Но пусть въ головѣ революціонеровъ возникнетъ мысль перейти, если можно такъ выразиться, отъ «дѣла словомъ» къ «дѣлу дѣломъ»; пусть въ ихъ душѣ выростетъ могучая потребность сократить муки

родовъ готовящейся этимъ длиннымъ путемъ соціальной революціи; пусть они замѣтятъ слабую отзывчивость трудящихся массъ на ихъ пропаганду, даже на ихъ бунтовскую агитацію въ цѣляхъ всенароднаго возстанія; пусть ихъ революціонный энтузіазмъ достигнетъ своей высшей точки подъ вліяніемъ правительственныхъ преслѣдованій,—и эти неустрашимые логики идеи и дѣйствія неизбѣжно перейдутъ отъ пропагаторской роли «критически мыслящей молодежи» къ боевой роли заговорщиковъ á la Бланки, низвергающихъ современный строй, «не дожидаясь народа».

Замѣчу кстати, что самъ Лавровъ, если не цѣликомъ, то на половину продѣлалъ эту эволюцію. Съ 1882 г. онъ становится «вѣрнымъ союзникомъ» Народной Воли, а со слѣдующаго года однимъ изъ редакторовъ заграничнаго органа партіи и до конца своихъ дней былъ всего ближе къ народовольческому направленію. Болѣе того, именно въ его рѣчахъ, статьяхъ и письмахъ послѣдняго періода, относящагося къ 90-мъ годамъ истекшаго вѣка, вы найдете наиболѣе яркую и энергичную защиту заговорщицкой дѣятельности, направленной, правда, не на одновременное совершеніе политическаго и экономическаго переворота, какъ то рисовалось народовольцамъ, но во всякомъ случаѣ на низверженіе абсолютизма, т. е. на политическую революцію.

Отъ бланкизма, распространявшагося, такъ сказать, отраженнымъ ударомъ отъ нѣкоторыхъ частей лавровскаго міровоззрѣнія, перейдемъ къ бланкизму, порожденному такимъ же косвеннымъ, хотя болѣе близкимъ путемъ, извѣстными сторонами взглядовъ Михайловскаго. Прежде всего, послѣдній писатель былъ менѣе «интеллектуалистомъ» и болѣе «активистомъ» (да простятъ мнѣ читатели употребленіе здѣсь этого нынѣ нѣсколько спеціальнаго термина), чѣмъ Лавровъ, особенно же ранній Лавровъ. Значеніе «чувствъ» въ прогрессѣ человѣчества не уступало ничуть, согласно взглядамъ Михайловскаго значенію «ума». Въ соотвѣтствіи съ этимъ агитаторская, активная роль человѣка не затушевывалась у него пропагандистской, интеллектуальной ролью, какъ то отчасти замѣчалось въ большинствѣ лавровскихъ статей «Впереда» (такъ приблизительно до 1875—1876 г.). Съ другой стороны, Михайловскій, хотя тоже отлично понимавшій значеніе общихъ законовъ развитія общества, отмѣрялъ вообще большую долю вліянія личности и организаціи личностей на ходъ исторіи. Онъ былъ философскимъ пѣвцомъ «индивидуальности» и ея «борьбы» за эту «индивидуальность». Въ примѣненіи къ человѣческому обществу онъ любилъ противоставлять «идеалы» человѣка «естественному ходу вещей». Съ 1877 г. онъ особенно энергично взывалъ къ «личности», какъ къ верховному критерію идейной жизни и дѣятельности. И, живо интересуясь Дюрингомъ и симпатизируя его міровоззрѣнію, онъ съ любовью обрабатывалъ для читателя взгляды берлинскаго философа на «суверенитетъ личности», т. е. на верховное значеніе живого конкретнаго человѣка. Конечно, этотъ «суверенитетъ» означалъ скорѣе тенденціи къ анархизму, чѣмъ къ бланкизму и якобинству. Но между однимъ и другимъ принципомъ тогдашняя русская дѣйствительность вызывала практическое сближеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, противопоставляя свои соціалистическіе «иде-

алы» трагическому «естественному ходу вещей» въ задыхающейся подъ гнетомъ деспотизма Россіи, суверенная, энергичная, активная личность хотѣла вмѣшаться въ исторію и взывала къ такимъ же суверенымъ личностямъ, какъ полноправнымъ участникамъ въ общественной жизни, приглашая ихъ въ союзѣ съ собой воздѣйствовать на теченіе событій. Увы! суверенная личность живыхъ конкретныхъ представителей народа, трудящихся массъ по своей исторической забитости не отвѣчала на этотъ призывъ, и задача сводилась къ активному вмѣшательству въ исторію сознательнаго меньшинства, слагавшагося изъ суверенныхъ личностей соціалистовъ-революціонеровъ. Получалось опять-таки ядро заговорщиковъ à la Бланки, которымъ приходилось «снимать гнетъ съ народа» и ставить его въ такія условія, чтобы онъ могъ начать жизнь, достойную идеаловъ суверенной личности. Еще болѣе чѣмъ за годъ до возникновенія Исполнительнаго Комитета Народной Воли Михайловскій предвидѣлъ именно такую форму борьбы соціалистовъ-революціонеровъ съ правительствомъ, говоря въ «Летучемъ листкѣ» (апрѣль 1878 г.): «разрозненные, безпорядочные, они (факты протеста общества противъ правительства. Н. Р.) должны быть возведены въ принципъ. Принципъ этотъ называется: *конституція*, *земскій соборъ*... Историческаго движенія остановить нельзя. *Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки*. Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть *тайный комитетъ общественной безопасности*. И тогда горе безумцамъ, становящимяя поперекъ путей исторіи!» [1]) Когда возникла Народная Воля, и создался ея Исполнительный Комитетъ, Михайловскій отнесся къ этой формѣ соціально-революціоннаго движенія съ такимъ сочувствіемъ, съ какимъ онъ еще не относился ни къ одной изъ предшествующихъ. Онъ писалъ въ органѣ партіи свои «Письма соціалиста». Онъ участвовалъ въ составленіи историческаго отнынѣ ультиматума, поставленнаго народовольцами новому императору. Онъ, какъ мы уже видѣли, отстаивалъ «интеллигенцію», т. е. соціально-революціонную и въ особенности народовольческую партію, отъ нападеній правительственной и общественной реакціи. И роль активнаго и сознательнаго меньшинства революціонеровъ, врывающихся въ такъ называемое естественное теченіе событій настолько занимало его, что онъ избралъ въ 1882 г. этотъ вопросъ даже предметомъ очень любопытнаго, къ сожалѣнію, неконченнаго соціологическаго изслѣдованія «Герои и толпа».

Можно, конечно, спросить, долго ли Михайловскій въ случаѣ торжества Исполнительнаго Комитета надъ врагомъ, т. е. совершенія политическаго переворота, удовлетворялся бы революціонной педагогикой, практикуемой «Народной Волей» à la Бланки надъ народомъ? Характеръ его общаго міровоззрѣнія подсказываетъ намъ, что этотъ бланкизмъ скоро былъ бы имъ подвергнутъ критикѣ, какъ не удовлетворяющій требованіямъ широкаго народнаго развитія. Ибо трудно предположить, чтобы культъ суверенной личности, защищаемой съ

[1]) „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ“, стр. 67.

такой энергіей и краснорѣчіемъ этимъ публицистомъ-философомъ, могъ означать для Михайловскаго лишь полноту и свободу истинно человѣческой жизни для сознательнаго меньшинства, а не для всѣхъ членовъ общежитія, для трудящихся массъ, для народа.

Но съ этимъ вопросомъ можно обратиться и къ Народной Волѣ, вообще къ представителямъ направленія, въ которомъ,—мы видѣли,—элементъ широкой политической борьбы за народовластіе, за «самодержавіе народа», какъ часто выражался органъ партіи, боролся съ элементомъ бланкизма. Очевидно и этотъ бланкизмъ являлся въ сознаніи иныхъ представителей партіи вынужденнымъ, рекомендуемымъ на тотъ конецъ, если народъ не проявитъ достаточно широкой политической самодѣятельности. Ибо та самая Народная Воля, которая въ лицѣ составителей уже цитированной нами программы Исполнительнаго Комитета говорила преимущественно языкомъ конспиратора и якобинца, дѣлаетъ, напр., слѣдующія характерныя оговорки въ любопытной передовой статьѣ номера четвертаго своей газеты (отъ 5-го декабря 1880 г.): ...«Всякая инсуррекція наибольшіе результаты даетъ тогда, когда она является только прелюдіей къ народной революціи или ея эпизодомъ; говоря другими словами,—если инсуррекція только даетъ толчокъ народной революціи. Насколько возможно взвѣсить все наше положеніе, въ Россіи дѣло такъ бы и вышло.

«Будемъ ли мы однако въ состояніи подготовить удачное возстаніе раньше стихійнаго народнаго движенія, или оно предупредитъ наши расчеты, въ обоихъ случаяхъ—намъ кажется—наиболѣе производительно затратить силы сорганизованныя партіей, мы можемъ только, направляя ихъ для разрѣшенія, такъ сказать, народныхъ силъ, для превращенія народныхъ массъ въ *сознательную*, *политическую силу*. Вотъ почему мы постоянно говоримъ и говорили о *передачѣ* власти народу, о народной волѣ, о народномъ самодержавіи. Для народа важно достигнуть лучшихъ общественныхъ формъ, но еще важнѣе—достигнуть этого *самому*; для него всего важнѣе пережить такой историческій моментъ, въ теченіе котораго онъ, народъ, былъ бы дѣйствительнымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Такіе моменты никогда не забываются и создаютъ изъ обывателей гражданъ». [1])

Въ послѣдующей части статьи авторъ считаетъ даже «самымъ несчастнымъ случаемъ» такое положеніе дѣлъ, при которомъ «Народной Волѣ», захватившей въ руки центральную власть, пришлось бы самой «создавать новый государственный строй, декретировать необходимыя реформы». Это показывало бы, продолжаетъ революціонный писатель,—что «народный организмъ не проявляетъ уже ни одной искры жизни». А въ противномъ случаѣ, въ «обыкновенное время» захватъ власти партіей былъ бы лишь средствомъ «революціонизировать всю Россію», «призывать» самъ «народъ къ захвату власти», и т. д. Въ заключеніе развивается даже то соображеніе, что и спеціальная задача «борьбы и разрушенія», является чистѣйшей химерой безъ участія народа. Сама по себѣ интеллигенція не можетъ поставить «нѣсколь-

[1]) „Литература партіи Народной Воли". Выпускъ первый, стр. 178.

кихъ тысячъ борцовъ одновременно»—очевидно это число казалось автору статьи, находившемуся въ состояніи революціоннаго энтузіазма, вполнѣ достаточнымъ для произведенія самаго широкаго переворота. Какъ бы то ни было, даже «разложеніе правительственныхъ войскъ совершится—по мнѣнію писателя—въ значительной степени вслѣдствіе антиправительственнаго настроенія массъ, которыя заражаются иногда на самыхъ баррикадахъ».

Но эти серьезныя оговорки не могли все таки оттѣснить бланкистскій элементъ въ теоріи и практикѣ Народной Воли. Именно само тогдашнее состояніе массъ, трудовыхъ слоевъ города, не говоря уже о деревнѣ, фатально должно было подсказывать людямъ великой энергіи и великой идейной страсти поднять на себя, на плечи партіи совершеніе политическаго переворота. Конечно, этотъ бланкизмъ не принималъ у лучшихъ выразителей Народной Воли того каррикатурнаго оттѣнка, который старались придать ему послѣ пристрастные критики сошедшей со сцены партіи. Но несомнѣнно, что степень важности общественныхъ и политическихъ элементовъ, существовавшихъ въ тогдашней Россіи, оцѣнивалась народовольцами чаще всего въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько тотъ или другой классъ, соціальная группа, организованная сила могли, во мнѣніи этихъ глубоко активныхъ революціонеровъ, служить дѣлу непосредственнаго переворота, совершаемаго самой партіей.

Такъ въ любопытномъ документѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Подготовительной работы партіи» и какъ бы представляющемъ стратегическое и тактическое руководство членовъ Народной Воли, «главнымъ источникомъ силъ» для начальной дѣятельности рисуется «интеллигенція». И это понятно, потому что сознательныхъ элементовъ среди массъ, рабочей и крестьянской интеллигенціи, было мало, пропорціонально даже чрезвычайно мало по сравненію съ интеллигенціей, если можно такъ выразиться, интеллигентной. Точно также очень большой вѣсъ, который придается въ этомъ документѣ при работѣ въ «войскѣ» пропагандѣ среди офицерства сравнительно съ пропагандой среди солдатъ, объясняется тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ арміи: воздѣйствіе на нижнихъ чиновъ было почти невозможно въ силу крайней малочисленности сознательныхъ революціонеровъ изъ народа, которые, благодаря своему непривилегированному положенію, могли бы лучше ускользать при этой пропагандѣ среди своихъ товарищей-солдатъ изъ сѣтей шпіонства и провокаціи. «Городскому рабочему населенію» авторы «Подготовительной работы» совершенно вѣрно приписываютъ «особенно важное значеніе для революціи» какъ по его «положенію», такъ и «относительно большей развитости»: «успѣхъ перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска». И это опять понятно: во времена Народной Воли наилучшіе результаты были достигнуты среди городского пролетаріата, который подвергался наибольшему воздѣйствію цѣлаго ряда коротко живущихъ, но энергичныхъ поколѣній революціонеровъ въ столицахъ и крупныхъ центрахъ. Что касается до крестьянства, то документъ рекомендовалъ: «не ведя массовой пропаганды, сходиться съ лучшими изъ крестьянъ, обращая ихъ по возможности въ сознательныхъ сторонниковъ

партіи, знакомя ихъ съ ея цѣлями» [1]). И опять-таки выводъ этотъ вытекалъ изъ тогдашняго положенія дѣлъ, такъ какъ крестьянство могло въ то время имѣть лишь второстепенное по сравненію съ рабочими значеніе для переворота прежде всего въ силу невозможности составить въ деревнѣ конца 70-хъ годовъ мало-мальски широкую мѣстную организацію.

Въ заключеніе еще два слова о «бланкизмѣ», Можно, конечно, иронизировать надъ иллюзіями заговорщиковъ низвергнуть извѣстный строй «не дожидаясь народа», или при маломъ участіи массъ. Но эта иронія зачерпываетъ слишкомъ мелко данную не только жизненную, но соціологическую задачу. Должно сказать, что именно индифферентное настроеніе массъ и создаетъ фатально такія иллюзіи. Съ другой стороны эти иллюзіи не только неизбѣжны, но въ широкомъ смыслѣ онѣ полезны и даже спасительны. Ибо благодаря имъ въ лучшихъ людяхъ даннаго общества, гдѣ массы еще не втянулись въ сознательную политическую жизнь, поддерживается вѣра въ значеніе энергичной общественной дѣятельности. И даже пораженія «заговорщиковъ» пропагандируютъ лучше идеи, во имя которыхъ сознательные революціонеры стремятся пересоздать извѣстный строй, во имя основныхъ потребностей интересовъ трудящихся массъ. Кромѣ того, до тѣхъ поръ, пока человѣчество не установитъ коммунистическаго строя, обезпечивающаго свободу и развитіе каждой личности, во всякой, самой «сознательной» революціи будетъ участвовать значительное большинство, лишь не совершенно понимающее истинное значеніе совершающагося переворота. И, стало быть, во всѣхъ такихъ случаяхъ будетъ ядро болѣе сознательныхъ участниковъ въ революціи, и доза «бланкизма» будетъ несомнѣнно присуща даже самымъ широкимъ общенароднымъ движеніямъ.

Я не хочу удлинять эту статью указаніемъ на историческіе факты свидѣтельствующіе о томъ, что въ революціонныя эпохи «захватъ власти» удачно практикуется борющимися партіями, которыя въ данный моментъ могутъ быть малочисленнѣе, но лучше организованы. Въ этомъ смыслѣ исторія Великой французской революціи поучительна вплоть до 18-го брюмера Бонапарта.

V.

Намъ остается анализировать послѣдній элементъ, входившій въ составъ народовольчества: терроризмъ, систематическій терроръ, систематическій если не въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, въ представленіи тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые видѣли въ немъ одно изъ самыхъ цѣлесообразныхъ орудій для совершенія желаннаго переворота. При этомъ я заранѣе извиняюсь передъ читателемъ, если по самымъ условіямъ нашей якобы «свободной», а на самомъ дѣлѣ подневольной печати я принужденъ буду выполнить эту задачу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. И эту часть своего этюда я буду тракто-

[1]) „Литература“ и т. д., ibid., стр. 285 (отдѣлъ второй: документы).

вать такъ же объективно, какъ трактовалъ до сихъ поръ другія его части. Это будетъ краткимъ историческимъ анализомъ, а не какой-нибудь «апологіей», какъ любятъ выражаться враги свободнаго, хотя бы и вполнѣ безпристрастнаго изслѣдованія. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, приступаю къ самой задачѣ.

Разсматривая вопросъ философски, мы можемъ сказать, что терроръ Народной Воли является несомнѣннымъ политическимъ актомъ, орудіемъ политической борьбы поскольку исходитъ изъ предположенія, что физическимъ уничтоженіемъ или моральнымъ устрашеніемъ представителей извѣстнаго режима вы можете измѣнить самъ этотъ режимъ. Въ широкомъ смыслѣ терроръ является очень распространеннымъ историческимъ явленіемъ. Онъ практиковался всегда и вездѣ не только въ частномъ, только что указанномъ нами случаѣ борьбы революціонеровъ противъ даннаго политическаго строя, но и однимъ классомъ противъ другого (вспомните свирѣпыя коллизіи различныхъ сословныхъ партій въ мелкихъ государствахъ античной Греціи, различныхъ классовъ въ древнемъ Римѣ и т. д.), равно какъ служилъ излюбленнымъ средствомъ борьбы внѣшнихъ завоевателей или туземныхъ непопулярныхъ правительствъ противъ цѣлыхъ,—чужихъ или своихъ,—народовъ и населеній страны. Почти одновременные подвиги герцога Альбы въ Нидерландахъ и Ивана Грознаго въ Новгородѣ и Псковѣ принадлежатъ къ одной и той же категоріи правительственнаго террора.

Что касается до террора, какъ его практиковали русскіе революціонеры, пытавшіеся систематизировать его въ эпоху народовольчества, то его прецеденты существуютъ опять таки съ незапамятныхъ временъ и у всѣхъ народовъ въ видѣ политическихъ убійствъ, а въ частности столь популярныхъ въ античномъ мірѣ «тиранноубійствъ». И этотъ родъ террора представляетъ собою очень распространенное явленіе, хотя въ общемъ менѣе распространенное, чѣмъ терроръ, культивируемый имущими и правящими классами и деспотическими правительствами. Такъ что, когда носители правительственной власти или писатели, состоящіе на службѣ у нея, говорятъ объ исключительности, о неслыханности этихъ «злодѣяній», то въ интересахъ возстановленія исторической истины приходится сказать, что политическое убійство лицъ, стоящихъ у руля государственной машины, такъ же старо, такъ старъ міръ; и что въ борьбѣ партій и при смутныхъ обстоятельствахъ оно съ успѣхомъ практиковалось какъ разъ тѣми самыми лицами и партіями, которыя впослѣдствіи добившись власти, особенно громко вопіяли о неслыханности и о чудовищности такихъ покушеній.

Именно возражая такимъ противникамъ террора, Феликсъ Піа въ своемъ «Письмѣ англійскому парламенту и англійской печати» по поводу отголосковъ дѣла Орсини въ Англіи писалъ: «Спрашивается, можно ли убить убійцу... если убійца императоръ? Да, это вопросъ огромный,—мы знаемъ это,—вопросъ даже смѣшной въ извѣстномъ смыслѣ, вопросъ, чреватый отвѣтами «да» и «нѣтъ», сообразно со временемъ и мѣстомъ, старый вопросъ, зубатый и бородатый, какъ Іегова, а главное-то, совершенно праздный вопросъ, ко-

торый пришлось поставить при первомъ тираннѣ и который будетъ рѣшенъ лишь съ исчезновеніемъ послѣдняго» [1]). И далѣе: «...Покушеніе есть естественное, хотя и незаконное дѣтище тиранніи, какъ порядокъ есть естественное и законное дитя свободы... стремленіе къ расширенію прямо пропорціонально давленію въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, въ сердцахъ, какъ и въ бомбахъ, и... рука, закрывающая предохранительный клапанъ, сама же повинна во взрывахъ» [2]). Или, наконецъ: «Конечно, можно по праву возставать противъ убійства, ибо оно порождаетъ убійство, ибо оно вынуждаетъ людей наказанія поднимать руку на людей преступленія, ибо оно приводитъ жертвы къ необходимости стать палачами. Но тѣ самые господа, которые такъ попираютъ принципы, когда дѣло идетъ о крови народа, и которые такъ громко провозглашаютъ ихъ, когда рѣчь заходитъ о шкурѣ монарха, тѣ, которые отличаются деревянною нечувствительностію при видѣ декабрьскаго покушенія (переворотъ 2-го декабря 1851 г., совершенный Людовикомъ Бонапартомъ, вскорѣ ставшимъ извѣстнымъ подъ именемъ императора Наполеона III. Н. Р.) и дрожатъ въ лихорадкѣ при видѣ покушенія январскаго (взрывъ бомбъ, брошенныхъ Орсини противъ императорской четы 14-го января 1858 г. Н. Р.), тѣ, которые сейчасъ пронзительнѣе всѣхъ кричатъ противъ убійства и покушеній, въ сущности - то составляютъ самый страшный обвинительный актъ противъ монарха, который не только совершилъ покушеніе на право и жизнь самодержца—народа, но который возводитъ покушеніе въ систему, убійство въ режимъ, coup d'Etat въ конституцію и который, по собственному же признанію, можетъ властвовать лишь опираясь на право силы, на милость сабли, на разумъ молчанія, на тюрьму, на ссылку, на каторгу и на смерть» [3]).

Вообще говоря, политическое убійство и въ частности «тиранноубійство» находило всегда не только исполнителей, но и страстныхъ защитниковъ. Весь античный міръ былъ воспитанъ не только на правѣ, но на обязанности «добраго гражданина» устранять силою врага народа и отечества. Въ средніе вѣка къ традиціямъ древнихъ присоединилась литература католическихъ поборниковъ политическаго убійства, и создалось цѣлое политическое направленіе «монархистовъ», переходившее и на новые вѣка. Борьба съ королями и революція на почвѣ Англіи въ XVII-мъ столѣтіи, Великая французская революція и послѣдующія перипетіи борьбы деспотическихъ режимовъ съ народами выдвинули цѣлый рядъ политическихъ писателей, философовъ, моралистовъ, поэтовъ, публицистовъ, защищавшихъ «тиранноубійство». Шиллеръ, Байронъ, Шелли, Гейне, Викторъ Гюго, Кардуччи, Мадзини, Милль, разсудительный, уравновѣшенный Милль и т. д. и т. д. въ той или иной формѣ, кто въ прозѣ, кто въ стихахъ, кто въ философскомъ трактатѣ, кто въ публицистическихъ разсужденіяхъ, сдѣлали

---

[1]) См. мой сборникъ: (Н. Е. Кудринъ) „Политическіе памфлеты. Серія I. Французскіе памфлетисты XIX вѣка". С.-Петербургъ, 1906, стр. 304. (Изданіе „Общественной Пользы"). Это коротенькое письмо Піа составляетъ едва ли не самую интересную аргументацію въ литературѣ защитниковъ террора.

[2]) Ibid., стр. 305.

[3]) Ibid., стр. 306.

популярнымъ, освятили, окружили ореоломъ политическое убійство. И та самая буржуазія, которая теперь при всякомъ террористическомъ покушеніи противъ «тирана» инстинктивно или лицемѣрно-сознательно становится на сторону носителя власти, составила себѣ не такъ давно настоящую историческую карьеру практикой и теоріей «тиранноубійства».

Другой вопросъ, чисто соціологическій, заключается въ томъ, насколько,—независимо отъ нравственной стороны дѣла,—цѣлесообразенъ террористическій пріемъ рѣшенія политической и соціальной проблемы. Можно-ли, говоря иначе, думать, что физическое устраненіе или моральное устрашеніе носителей власти вызоветъ измѣненіе въ самой правительственной системѣ? Объективное изслѣдованіе подсказываетъ намъ, что категорически отвѣчать «нѣтъ», какъ то часто дѣлается заинтересованными лично или общественно противниками террора, мы не имѣемъ логическаго основанія. Указаніе на то, что за «тиранноубійствомъ» или вообще терроромъ, направляемымъ противъ главныхъ виновниковъ извѣстнаго режима, неизмѣнно слѣдуетъ реакція, не совсѣмъ вѣрно. Есть несомнѣнные историческіе факты, свидѣтельствующіе о противномъ: такъ, напр., за устраненіемъ Гумберта въ Италіи, Кановаса въ Испаніи, фонъ-Плеве въ Россіи наступила полоса не реакціи, а большаго или меньшаго прогресса въ каждой изъ упомянутыхъ странъ. Все дѣло въ общихъ историческихъ условіяхъ, при которыхъ совершается актъ, устраняющій или парализующій дѣятельность данныхъ правительственныхъ лицъ. И вотъ тутъ, дѣйствительно, придется сказать, что если условія кризиса назрѣли, если политическое положеніе находится въ неустойчивомъ равновѣсіи, если массы достаточно нареволюціонизированы или, по крайней мѣрѣ, вышли изъ состоянія индифферентизма и проявляютъ активную нервность то «тиранноубійство» можетъ послужить отправнымъ пунктомъ общественнаго и всенароднаго движенія, подобно тому, какъ простой поворотъ рукоятки паровоза, находящагося подъ высокимъ давленіемъ, приводитъ въ движеніе весь поѣздъ.

Но безпристрастіе заставляетъ сдѣлать и дальнѣйшую оговорку: къ несчастію для плановъ активныхъ революціонеровъ, съ террористическими актами происходитъ нерѣдко то, что происходитъ съ «бланкистскими» попытками заговора. Онѣ по большей части наиболѣе неизбѣжны психологически тогда, когда наименѣе необходимы политически. Именно потому, что до неустойчиваго политическаго равновѣсія не дошло еще дѣло, что массы еще не поддерживаютъ достаточно активно революціонную партію, люди убѣжденія и энергіи, составляющіе такую партію, прибѣгаютъ къ террористическимъ средствамъ, чтобы своею иниціативою, «не дожидаясь народа», низвергнуть данный политическій строй, низвергая носителей власти. Но строй, въ силу самыхъ историческихъ условій, которыя мы только что упомянули, не рушится. И вотъ среди сторонниковъ мирнаго развитія возникаетъ иллюзія, будто террористическій актъ создалъ реакцію, тогда какъ онъ вызвалъ ее лишь наружу; а въ лагерѣ революціонеровъ выростаетъ другая иллюзія, а именно, что реакція прокинулась лишь потому, что терроръ не былъ доведенъ до конца, что онъ не пре-

вратился въ систематическій. И при этомъ забывается, что потому-то онъ и не могъ вырости въ систему, что въ обществѣ и массахъ не было достаточно элементовъ для революціи.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ ясно, что такое систематическій терроръ. Это такой терроръ, удары котораго падаютъ на властныхъ враговъ съ неумолимостью законовъ природы или—беря аналогію въ человѣческомъ мірѣ—съ правильностью конституціонныхъ традицій въ благоустроенномъ культурномъ государствѣ. Пусть, напр., въ парламентарной странѣ министръ вноситъ непопулярный среди депутатовъ, мало того грозящій свободѣ или счастію населенія проектъ. Вы можетъ быть увѣрены, что противъ такого проекта выскажется огромное большинство представителей, и, въ силу практики такъ называемой министерской отвѣтственности, авторъ проекта долженъ будетъ подать въ отставку. И вотъ терроръ былъ бы только тогда систематическимъ, если бы идущіе противъ народа министры въ деспотической странѣ оказывались настолько же, если позволено такъ выразиться, отвѣтственны предъ динамитомъ, насколько парламентарные министры, идущіе противъ представителей народа, отвѣтственны передъ вотомъ палаты. Какъ недовѣріе парламента фатально, въ силу традиціи истинно конституціоннаго правленія, устраняетъ со сцены враждебнаго палатѣ министра, такъ террористическій актъ, съ правильностью хорошо организованнаго механизма, долженъ былъ-бы фатально устранять со сцены сановнаго врага народа. Но существованіе такого на дѣлѣ, а не на словахъ только систематическаго террора предполагаетъ такую симпатію во всей странѣ къ революціонерамъ, такое разлитіе революціонныхъ чувствъ въ данномъ населеніи, такое число исполнителей, помощниковъ, жертвователей, укрывателей и т. д., что тутъ терроръ являлся бы прямымъ выраженіемъ, если не вполнѣ еще побѣдоносной, то уже побѣждающей массовой революціи. Въ противномъ случаѣ, когда терроръ практикуется лишь сравнительно небольшой революціонной организаціей, онъ потребовалъ бы отъ нея столь значительныхъ жертвъ, и матеріальныхъ, и моральныхъ, что сдѣлать его дѣйствительно систематическимъ было бы чрезвычайно трудно, и онъ не произвелъ бы надлежащаго ни психологическаго, ни политическаго дѣйствія...

Послѣ этихъ общихъ, но необходимыхъ разсужденій мы приступаемъ къ роли террора въ народовольчествѣ. Терроръ не есть порожденіе Народной Воли, но онъ былъ ею возведенъ въ рангъ политическихъ пріемовъ борьбы и вошелъ полноправнымъ элементомъ въ теорію и практику партіи. Дѣло обстояло, дѣйствительно, такъ. Въ теченіе большей части 70-хъ годовъ (мы не говоримъ уже о предшествующей политической исторіи) правительство отвѣчало на пропаганду соціалистическихъ идей молодежью—ибо фактически и бунтарство свелось къ пропагандѣ—такими репрессіями, которыя были совершенно непропорціональны «преступленіямъ» даже съ точки зрѣнія строго государственной. Нужно было все бездушіе, все историческое непониманіе, все эгоистическое властолюбіе архаическаго режима, чтобы преслѣдовать человѣческую мысль и идеальныя стремленія лучшихъ сыновъ Россіи съ той безпощадностью, проявленія которой, ни-

мало не смущаясь, излагаетъ хотя бы «Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1878-1887 г.г.» [1]), написанная жандармскими публицистами школы Плеве. Если уже произведеніе, говорящее все время о «милосердіи» правительства, пестритъ годами каторги за найденную книжку, смертными казнями за проблематическую расклейку прокламацій несовершеннолѣтними, арестами и высылками невинныхъ по простому подозрѣнію или по корыстнымъ навѣтамъ шпіоновъ, то можно себѣ представить, какія жестокія формы въ дѣйствительности принимала эта борьба безконтрольной власти противъ людей и идей, казавшихся ей опасными. И однако въ теченіе сравнительно долгаго времени соціалисты не отвѣчали дѣйствіями на насилія правительства, съ свѣтлою вѣрою апостоловъ утверждая, что они «борются не противъ людей, а противъ учрежденій». Первое вооруженное сопротивленіе въ видѣ безвреднаго выстрѣла, произведеннаго, если не ошибаюсь, въ 1875 г. Циціановымъ при обыскѣ, было совершенно исключительнымъ фактомъ. Въ 1876-1877 было два-три случая убійства шпіоновъ. Лишь къ концу 70-хъ годовъ въ рядахъ соціалистовъ ростетъ мысль насилію противопоставлять силу, и покушеніе Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей 24-го января 1878 г. въ Трепова за надругательство надъ Боголюбовымъ, было введеніемъ къ эрѣ политическихъ покушеній.

Въ началѣ здѣсь играло главную роль чувство благороднаго негодованія, мести за попранное человѣческое достоинство товарищей, и такой актъ отмщенія совершался послѣ сильнаго душевнаго колебанія. «Тяжело поднимать руку на человѣка», заявляла на судѣ Засуличъ, и судъ оправдалъ вынужденную террористку, а умѣренно либеральный «Голосъ» признавался даже, что людямъ общества, присутствовавшимъ на процессѣ, казалось, будто судятъ само общество, безучастно относившееся къ произволу и беззаконіямъ администраціи. Со свойственной ему чуткостью, Н. К. Михайловскій, въ уже цитированномъ нами «Летучемъ листкѣ», провидящемъ образованіе Исполнительнаго Комитета, защищаетъ этотъ первый актъ террора и говоритъ: «Мы не смѣемъ жертвовать тѣми частными лицами, которымъ «тяжело поднять руку на человѣка», и не можемъ отдаваться на жертву мясникамъ, которымъ это легко». Въ легальныхъ статьяхъ онъ популяризируетъ въ это время взгляды Дюринга, который выводитъ даже понятіе справедливости изъ чувствъ нормальной мести. Въ общемъ революціонеры стоятъ еще на моральной точкѣ зрѣнія отмщенія за поруганную личность. Но затѣмъ удачныя и неудачныя покушенія на Котляревскаго, Гейкинга, Мезенцева, вооруженныя сопротивленія при обыскахъ и арестахъ на югѣ и т. п. неуклонно вели русскихъ соціалистовъ къ политической оцѣнкѣ террористическихъ актовъ.

Эта нотка все громче и громче звучитъ въ мнѣніяхъ наиболѣе активныхъ членовъ образовавшейся «Земли и Воли» и статьяхъ ея офиціальнаго органа. Такъ въ № 1-мъ газеты этого имени, отъ 25-го

[1]) См. русскій переводъ (съ французскаго) этого „Офиціальнаго отчета;“ Москва, 1907 г.

октября 1878 г., авторъ передовой статьи, уясняя, между прочимъ, взглядъ партіи на убійство Мезенцова 4-го августа 1878 г.,—и знаменательно, что этимъ авторомъ былъ самъ убійца Кравчинскій,—пишетъ еще: «съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только самъ народъ... Террористы это не болѣе какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго—оберегать этихъ работниковъ (въ народѣ. Н. Р.) отъ предательскихъ ударовъ враговъ» [1]). И революціонеръ даже предостерегаетъ своихъ товарищей отъ увлеченія терроромъ, какъ отъ «великой ошибки». А всего какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ спустя, въ № 2—3 «Листка Земли и Воли» (отъ 22-го марта 1879 г.) авторъ передовой.—на сей разъ Н. А. Морозовъ,—по поводу террора уже пишетъ: «Политическое убійство—это прежде всего актъ мести... Это единственное средство самозащиты при настоящихъ условіяхъ и одинъ изъ лучшихъ агитаціонныхъ пріемовъ... Это—осуществленіе революціи въ настоящемъ... Мы признаемъ политическое убійство за одно изъ главныхъ средствъ борьбы съ деспотизмомъ» [2]). А всего нѣсколько дней спустя, Соловьевъ не безъ сильной оппозиціи «деревенщиковъ» Земли и Воли, но поддерживаемый террористами партіи, стрѣлялъ, 4-го апрѣля 1879 г. въ Александра II, по отношеніи къ которому слѣдующій же 4-й номеръ «Листка» (отъ 6-го апрѣля) писалъ: «Въ другой странѣ нельзя было бы взваливать на царя отвѣтственность за все, что дѣлается въ странѣ. Но развѣ у насъ царь не абсолютный повелитель? Развѣ его воля не законъ? Если это всевластіе—фикція,... то зачѣмъ же онъ не откажется отъ нея, зачѣмъ онъ не дастъ Россіи возможности самой выбрать тѣхъ лицъ, которыя непосредственно управляютъ дѣлами?» [3]) Такимъ образомъ, еще прежде, чѣмъ «Земля и Воля» распалась на «Народную Волю» и «Черный передѣлъ», террористическая часть старой партіи уже проводила въ офиціальномъ партійномъ «Листкѣ» взгляды, которые были выраженіемъ народовольчества съ его признаніемъ высоко политическаго значенія террора. «Зачѣмъ царь не даетъ Россіи возможности самой выбрать тѣхъ лицъ, которыя непосредственно управляютъ дѣлами»—было уже прямымъ предвосхищеніемъ того историческаго ультиматума, что скоро партія Народной Воли поставитъ императорской власти: или—смерть, или—народное представительство!... Исполнительный Комитетъ Народной Воли былъ, значитъ, не только практическимъ, но и теоретическимъ продолжателемъ того Исполнительнаго Комитета Земли и Воли, который еще весною 1878 г. возникъ изъ землевольческой «дезорганиторской группы».

Что касается до собственно Народной Воли, то знаменательно, что, несмотря на очень важное мѣсто, которое терроръ занялъ въ ея практикѣ, въ программѣ онъ не игралъ той исключительной, всепоглощающей роли, которую ему хотятъ приписать придирчивые кри-

[1]) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, стр. 74.
[2]) Ibid, стр. 282—283, passim.
[3]) Ibid, стр. 293.

тики, представляя партію какимъ-то сборищемъ «маніаковъ терроризма». Приведу два-три наиболѣе ясныя и опредѣленныя мѣста, касающіяся этого вопроса. Вотъ параграфъ о «дѣятельности разрушительной и террористической» въ «Программѣ Исполнительнаго Комитета»: «Террористическая дѣятельность, состоящая въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства, въ защитѣ партіи отъ шпіонства, въ наказаніи наиболѣе выдающихся случаевъ насилія и произвола со стороны правительства, администраціи и т. п.,—имѣетъ своей цѣлью подорвать обаяніе правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы противъ правительства, поднимать, такимъ образомъ, революціонный духъ народа и вѣру въ успѣхъ дѣла и, наконецъ, формировать годныя и привычныя къ бою силы» [1]). Вотъ относящееся къ тому же вопросу мѣсто изъ «Подготовительной работы партіи: «Партія должна... начать дѣло и довести его до конца. Искусно выполненная система террористическихъ предпріятій, одновременно уничтожающихъ 10—15 человѣкъ столповъ современнаго правительства, приведетъ правительство въ панику, лишитъ его единства дѣйствій и въ то же время возбудитъ народныя массы, т. е. создастъ удобный моментъ для нападенія» [2]). Какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, особенно, если сопоставить ихъ съ общимъ духомъ программы, терроръ вдвигался партіею въ рядъ другихъ революціонныхъ и даже, какъ выразились бы теперь, «освободительныхъ дѣйствій»: дѣятельности среди интеллигенціи и общества, рабочихъ, войска и т. п. Народовольцы были несомнѣнными революціонерами, но они представляли себѣ русскую революцію отнюдь не въ видѣ результата одного террора, а скорѣе какъ равнодѣйствующую активнаго движенія различныхъ слоевъ и силъ Россіи—движенія, правда, предваряемаго, вызываемаго и направляемаго крѣпкой организаціей сознательнаго меньшинства заговорщиковъ.

Не переставая ни на минуту быть революціонерами, народовольцы не были однако, говоря въ общемъ, романтиками террора. И брошюра Н. А. Морозова «Террористическая борьба» не могла бы, напр., служить выраженіемъ наиболѣе распространенныхъ въ партіи взглядовъ. Изъ документовъ, рѣчей на судѣ, самой дѣятельности выдающихся членовъ Народной Воли проглядываетъ даже довольно часто сожалѣніе, что бѣлый терроръ, терроръ правительственный, сдѣлалъ необходимымъ красный терроръ, терроръ революціонеровъ,—фактъ, дѣйствительно не подлежащій сомнѣнію. Въ сдержанномъ и политически продуманномъ «Письмѣ Исполнительнаго Комитета къ Александру III», въ томъ самомъ письмѣ, гдѣ «цареубійство» признается «очень популярнымъ въ Россіи» и «императорскому правительству» ставится рѣшительная дилемма, партія выражаетъ сожалѣніе, что «кровавая борьба» отнимаетъ у нея силы для «созидательной работы»; и даже прямо заявляетъ, что какъ только правительство оставитъ путь произвола, «Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя около него силы разойдутся для того,

[1]) „Литература партіи Народной Воли". Выпускъ первый, стр. 109.
[2]) Ibid. Выпускъ второй, стр. 282.

чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. «Мирная, идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости» [1]) Въ концѣ дѣлается вторичное «торжественное» заявленіе, «предъ лицомъ родной страны и всего міра», что въ случаѣ осуществленія правительствомъ амнистіи и различныхъ свободъ, необходимыхъ для правильныхъ выборовъ депутатовъ въ Народное Собраніе, партія подчинится «рѣшенію» этого собранія, и «правительство, санкціонированное» имъ, не встрѣтитъ уже «никакого насильственнаго противодѣйствія» со стороны Народной Воли.

Можно, конечно, легко понять основанія этого легализма, который, не будь партія глубоко увѣрена въ своемъ торжествѣ при новыхъ порядкахъ, повелъ бы ее къ отказу отъ революціонной дѣятельности въ конституціонномъ государствѣ—что въ сущности противорѣчило міровоззрѣнію этихъ «соціалистовъ и народниковъ». Но, оставляя это въ сторонѣ, мы во всякомъ случаѣ можемъ констатировать, что среди народовольцевъ было мало сторонниковъ террора для террора. И, конечно, не въ интересахъ своей защиты, а въ интересахъ истины, такой пламенный и героическій человѣкъ, какимъ былъ Желябовъ, на процессѣ цареубійцъ оглядывается меланхолически назадъ и произноситъ слѣдующія знаменательныя слова: «Русскіе народовольцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами... въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной» [2]). Равно какъ не лицемѣрнымъ политиканствомъ, а принципіальнымъ выраженіемъ взглядовъ «Народной Воли» на терроръ должно считать извѣстное заявленіе Исполнительнаго Комитета по поводу убійства президента С.-Американскихъ Штатовъ, Гарфильда, заявленіе, въ которомъ партія протестуетъ противъ «политическихъ убійствъ» въ тѣхъ странахъ, «гдѣ свободная народная воля опредѣляетъ не только законъ, но и личность правителей», и оправдываетъ «насиліе только тогда, когда оно направляется противъ насилія» [3]).

Надо вообще замѣтить, что элементы народничества, широкой политической борьбы и бланкизма, несмотря на нѣкоторое треніе между собою, оказывали, вмѣстѣ взятые, несомнѣнное противодѣйствіе четвертому изъ разсмотрѣнныхъ нами элементу народовольчества, террору, развиться въ единоспасающій принципъ. Мы раньше видѣли психологическія и политическія основанія возникновенія терроризма. Но тѣ изъ народовольцевъ, которые тяготѣли больше своихъ товарищей къ «народничеству», полагали, что употребленіе террора не должно вытѣснять революціонной дѣятельности съ цѣлью вызвать возстаніе среди наиболѣе активныхъ слоевъ народа во имя осуществленія «соціалистическихъ идеаловъ, общихъ народу и партіи». «Якобинцы»-народовольцы точно также думали, что изъ-за террора не

[1]) „Литература партіи Народной Воли". Выпускъ второй, стр. 306.

[2]) Дѣло 1-го марта 1881 года. (Полный правительственный отчетъ); Одесса, 1906, стр. 211.

[3]) „Литература партіи „Народной Воли". Выпускъ первый, стр. 251 (номеръ шестой газеты; отъ 23 октября 1881 г.).

должно забывать организаціи заговора, который дастъ «Народной Волѣ» центральную власть. Въ свою очередь «политики» партіи не согласились бы пожертвовать цѣликомъ террору той широкой агитаціей въ различныхъ слояхъ населенія, которая привела бы, по ихъ мнѣнію, страну къ революціи на почвѣ требованію гражданскихъ и политическихъ свободъ.

Фактъ знаменательный: незадолго передъ своимъ арестомъ Желябовъ, этотъ вдохновитель столькихъ террористическихъ покушеній, говорилъ М. Н. Ошаниной, прибывшей въ то время изъ Москвы въ Петербургъ: «Мы затерроризировались; намъ теперь нужно бы налечь на организацію революціонныхъ силъ въ странѣ; но пока мы не можемъ отступить, не довершивъ начатаго» (т. е. цареубійства: я по возможности точно передаю эти слова, сообщенныя мнѣ покойной, одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ). Желябовъ, который былъ наиболѣе блестящимъ ораторомъ партіи, который пользовался крупнымъ успѣхомъ и какъ пропагандистъ, и какъ агитаторъ, чувствовалъ, что если не въ теоріи, то на практикѣ террору должно создать извѣстный противовѣсъ и всѣми силами своей богатой натуры рвался къ широкой революціонной дѣятельности.

Чистые террористы стали появляться лишь въ періодъ упадка «Народной Воли», когда шансы поднять революціонное движеніе въ странѣ временно пали; и въ душѣ искреннихъ и энергическихъ личностей, вродѣ Софьи Гинцбургъ, съ неумолимостью психоза работала одна мысль, «одна, но пламенная страсть»: терроромъ всколыхнуть то стоячее болото, какимъ этой дѣвушкѣ казалась Россія конца 80-хъ годовъ, гдѣ между тѣмъ уже бродили и зрѣли незамѣтно новыя революціонныя силы—трудящіяся массы...

Такъ въ моемъ представленіи располагаются, комбинируются и взаимодѣйствуютъ «идейныя основы» «Народной Воли».

Н. С. Русановъ.

Первый процессъ „нигилистовъ" въ Берлинѣ *).

Въ октябрѣ 1878 года небольшая русская колонія въ Берлинѣ была сильно всполошена назойливѣйшимъ слѣженіемъ полиціи и систематическими арестами. Въ каждомъ домѣ, гдѣ жилъ русскій студентъ, постоянно находился или появлялся агентъ полиціи, который неусыпно слѣдилъ за приходившими и за каждымъ шагомъ наблюдаемаго. Арестованныхъ не задерживали долго, ихъ подвергали нѣкоторымъ допросамъ и разспросамъ и отпускали съ миромъ. Такъ перебрали всѣхъ живущихъ въ студенческомъ кварталѣ русскихъ и въ концѣ концовъ осталось подъ арестомъ человѣкъ пять—шесть.

Время это совпало съ введеніемъ закона противъ соціалистовъ, который въ свою очередь былъ вызванъ покушеніемъ Нобилинга на жизнь Императора Вильгельма. Арестованнымъ русскимъ предъявили обвиненіе съ составленіи заговора (Hochverrath); слѣдственныя власти искали связи между русскими и нѣмецкими политическими преступниками. Нѣсколько недѣль слѣдствіе не могло выяснить опредѣленныхъ пунктовъ обвиненія; наконецъ, оно остановилось на обвиненіи въ тайномъ сообществѣ (Geheime Uerbindung). Обвинялось всего два человѣка: Гуревичъ и Аронзонъ, остальныхъ ихъ товарищей освободили изъ заключенія, при чемъ всѣхъ ихъ выслали изъ предѣловъ Пруссіи. Обвиненіе въ тайномъ сообществѣ, какъ оказалось, основывалось на томъ, что австрійская полиція сообщила прусской полиціи рядъ документовъ (прокламацій и т. п.) писемъ и фотографій, найденныхъ у нѣкоего русскаго, жившаго въ Вѣнѣ подъ именемъ Фрименъ, онъ же Либерманъ. Фрименъ-Либерманъ былъ еще лѣтомъ того же 1878 года арестованъ въ Вѣнѣ по подозрѣнію въ соціалистической, противоправительственной дѣятельности и пропагандѣ и въ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями въ Лондонѣ и Швейцаріи. Изъ писемъ и фотографій, найденныхъ у Либермана, прусскія власти обнаружили, что въ Берлинѣ существовалъ кружокъ русскихъ, бывшихъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Либерманомъ и издававшихъ подъ редакціей послѣдняго журналъ на древне-еврейскомъ языкѣ подъ названіемъ: «Гоэмесъ» (Правда). Кромѣ того, найдена была прокламація, озаглавленная: «Къ Еврейской Молодежи», содержащая изложеніе соціалистическихъ взглядовъ.

---

[1]) Такъ назывался этотъ процессъ въ нѣмецкой печати того времени.

Слѣдствіе не могло быть закончено и обвиненіе не могло быть предъявлено, по прусскимъ законамъ, пока прусскія власти не добились выдачи Либермана. Тѣмъ временемъ, Либермана судили въ Вѣнѣ и тамошній судъ оправдалъ его. Но австрійская полиція не выпустила изъ рукъ Либермана и, проводивъ его до баварской границы, выдала берлинской полиціи. Около Рождества 1878 года Либерманъ былъ привезенъ въ Берлинъ и судебный слѣдователь, знаменитый Гольманъ, (производившій въ свое время слѣдствіе о сдѣлавшемъ покушеніе на жизнь Бисмарка Кульманѣ), съ торжествомъ сообщилъ Гуревичу и Аронзону о прибытіи Либермана въ берлинскую тюрьму.

Слѣдствіе велось еще три мѣсяца. Прусскія власти переписывались съ русскими по поводу арестованныхъ и, не получая никакого отвѣта, рѣшили произвести судъ надъ тремя обвиняемыми. Въ обвинительномъ актѣ указывалось, что обвиняемые занимались антиправительственной пропагандой и устроили тайное сообщество. Обвинялъ знаменитый прокуроръ по дѣламъ противъ соціалистовъ г. Тесендорфъ. Въ своей рѣчи онъ воспользовался произведеннымъ какъ разъ около этого времени покушеніемъ Соловьева на Александра II и сказалъ: «Передъ вами русскіе нигилисты, мы до сихъ поръ не знали что такое русскіе нигилисты. Теперь, послѣ выстрѣла Соловьева въ императора Александра, мы знаемъ, кто они такіе». На судѣ между прочимъ выяснилось, что переводъ, сдѣланный въ Берлинѣ присяжнымъ переводчикомъ (Герлахъ) съ русскихъ документовъ, былъ полонъ грубѣйшихъ ошибокъ. Такъ, напримѣръ прокламацію, носившую заглавіе «Къ Еврейской Молодежи», присяжный переводчикъ обозначилъ «Къ *Европейской* Молодежи». Тѣмъ не менѣе, всѣ три обвиняемые были приговорены къ тюремному заключенію отъ года до шести мѣсяцевъ и къ высылкѣ по судебному приговору изъ предѣловъ Пруссіи навсегда.

Во все время слѣдствія, суда и тюремнаго заключенія всѣмъ троимъ русскимъ угрожали выдачей ихъ Россіи, хотя на судѣ представитель русскаго посольства въ Берлинѣ заявилъ, что русское правительство не намѣрено требовать выдачи этихъ лицъ. Говорили впослѣдствіи, что прусское правительство предлагало эту выдачу русскому, но что послѣднее (князь Горчаковъ) не интересовалось этой выдачей. Дѣйствительно, никого изъ нихъ не выдали, но прусская полиція принуждала каждаго изъ трехъ осужденныхъ, по отбытіи наказанія, отправиться въ другое мѣсто. Такимъ образомъ, Аронзонъ попалъ въ Швейцарію, Гуревичъ въ Лондонъ, а впослѣдствіи и Либерманъ также въ Лондонъ.

Грубость обращенія берлинской полиціи съ русскими была прямо возмутительна. Когда ихъ арестовали, то предварительно снявъ фотографіи съ нихъ во всевозможныхъ позахъ (даже лежа), ихъ привели въ огромный залъ, гдѣ на эстрадѣ сидѣлъ полицейскій коммисаръ Меершейтъ фонъ-Гиллесемъ, а зала была наполнена агентами тайной полиціи. Тутъ вводили каждаго арестованнаго на эстраду и полицейскій коммисаръ, показывая пальцемъ на русскаго, восклицалъ съ дѣланнымъ пафосомъ: «Вотъ г-нъ, имя рекъ, обратите хорошенько вниманіе на этого опаснаго и закоренѣлаго преступника, и если вы его

когда-нибудь встрѣтите Унтеръ-денъ-Линденъ, то онъ не уйдетъ, а вылетитъ». При этихъ словахъ вся толпа полицейскихъ сыщиковъ бросается впередъ къ арестованному со сжатыми кулаками и выкрикиваетъ угрозы и ругательства. Вся эта сцена производила отвратительное впечатлѣніе какой-то гнусной комедіи дурного полицейскаго пошиба.

Когда арестованныхъ нѣсколько дней послѣ суда выводили изъ мѣста предварительнаго заключенія къ зеленой каретѣ, въ которой они должны быть отправлены для отбыванія тюремнаго заключенія (въ Plötzensee), то по всему двору, отъ выхода до кареты, стояли двѣ шеренги полицейскихъ, которые каждаго, проходящаго мимо нихъ русскаго, провожали криками ругательствами и угрозами. По прибытіи въ тюрьму арестованные выстраивались въ рядъ съ другими уголовными преступниками. Эти ряды обходили надзиратели и старшіе инспектора. Помнится, какъ полицейскій инспекторъ, подходя къ русскому, накинулся на него ни съ того ни съ сего съ криками и угрозами: «Васъ мало били кнутомъ, погодите, мы васъ здѣсь проучимъ». Получалось впечатлѣніе, что это какое-то усердіе по приказу, какое-то хамское издѣвательство надъ беззащитнымъ и безсильнымъ. Обращеніе въ тюрьмѣ было также крайне грубо: у нижнихъ чиновъ тюрьмы и полиціи были очевидно инструкціи по возможности больше запугать и подвергать униженіямъ русскихъ арестованныхъ. Все время имъ грозили выдачей Россіи, гдѣ ихъ будутъ бить «кнутами», какъ выражались низшія административныя власти.

На личности Арона Либермана, который былъ главнымъ обвиняемымъ въ этомъ дѣлѣ, стоитъ остановиться немного болѣе подробно. Онъ былъ уроженецъ, на сколько помнится, города Сувалки и, проживая долго въ Вильнѣ, развилъ тамъ очень дѣятельную агитацію среди еврейской и христіанской молодежи. Онъ зналъ прекрасно древне-еврейскій, русскій, польскій и нѣсколько иностранныхъ языковъ. На древне-еврейскомъ языкѣ и на еврейскомъ жаргонѣ онъ написалъ нѣсколько талантливыхъ и интересныхъ произведеній въ духѣ революціоннаго соціализма. Привлекаемый къ политическому дѣлу въ Вильнѣ, онъ скрылся и отправился въ Лондонъ, гдѣ вошелъ въ кружокъ Лаврова, который тогда началъ издавать журналъ «Впередъ». Будучи прекраснымъ наборщикомъ, граверомъ и литографомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ печатаніи и изданіи журнала «Впередъ». Изъ Лондона онъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ сначала сотрудничалъ въ издаваемомъ извѣстнымъ еврейскимъ писателемъ Петромъ Смоленскимъ журналѣ—«Гашахаръ», а затѣмъ сталъ издавать при содѣйствіи берлинскаго и другихъ кружковъ революціонный органъ «Гоэмесъ». Въ рукописяхъ отъ него осталось нѣсколько сочиненій, между прочимъ, замѣчательно талантливое произведеніе въ видѣ талмудическаго трактата революціонно-философскаго содержанія.

Поведеніе Либермана на судѣ было твердое и скорѣе вызывающее. На вопросъ предсѣдателя, какого онъ вѣроисповѣданія, онъ отвѣтилъ: «Никакого, но я имѣлъ несчастіе родиться евреемъ». На дальнѣйшіе вопросы, соціалистъ ли онъ (этотъ вопросъ предлагался всѣмъ тремъ подсудимымъ), онъ отвѣтилъ: «Да, соціалистъ-революціо-

неръ». При каждомъ случаѣ онъ старался излагать свои революціонные взгляды и выказать свое пренебреженіе къ суду и судьямъ. Онъ призналъ, что онъ авторъ прокламаціи—«Къ Еврейской Молодежи». Это была натура цѣльная и мужественная.

Его странная и крайне неудобная привычка сохранять въ величайшемъ порядкѣ и собирать всѣ письма, записочки и бумажки, написанныя, его друзьями и товарищами, а также оставлять у себя копіи всѣхъ безъ исключенія писемъ, написанныхъ имъ другимъ, дѣлало его небезопаснымъ корреспондентомъ въ революціонномъ мірѣ. Когда онъ въ Вѣнѣ обратилъ на себя вниманіе полиціи своимъ поведеніемъ и у него произвели обыскъ, то у него нашли огромную коллекцію писемъ на всевозможныхъ языкахъ и изъ большого числа городовъ Европы. У него хранился огромный запасъ подробнѣйшихъ адресовъ друзей въ Россіи. Все это попалось въ руки австрійской полиціи, и если бы послѣдняя нашла нужнымъ выдать все это русской полиціи, то число жертвъ этого провала въ Россіи было бы трудно подсчитать.

Когда всѣ три участника этого процесса очутились внѣ власти прусской полиціи, то товарищи Либермана потребовали отъ него, чтобы онъ уѣхалъ въ Америку, что онъ и сдѣлалъ въ скорости. Повидимому, отношеніе товарищей подѣйствовало на него весьма угнетающимъ образомъ и въ скорости онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера въ Нью-Іоркѣ.

Либерманъ есть родоначальникъ соціалистической агитаціи и движенія среди еврейской молодежи и рабочихъ; онъ положилъ начало соціалистической и революціонной литературѣ на жаргонѣ и таковой же литературѣ на древне-еврейскомъ языкѣ.

Въ большой дружбѣ съ Либерманомъ и сотрудникомъ его журнала былъ Лейзеръ Цуккерманъ. Даровитый писатель и поэтъ на древне-еврейскомъ языкѣ и на жаргонѣ, онъ былъ крайне впечатлителенъ и склоненъ къ меланхоліи. Происходя изъ патріархальной, строго-религіозной и буржуазной еврейской семьи, онъ вырвался изъ этой среды и разрывъ его съ послѣдней, въ особенности съ умнымъ, строгимъ и аскетически религіознымъ отцемъ, причинялъ ему страшную душевную боль. Онъ оставилъ также молодую жену, сдѣлавшись соціалистомъ, изучилъ ремесло наборщика и въ видѣ простого рабочаго обошелъ всю Германію и Швейцарію. Помнится, какъ онъ разъ на вечеринкѣ, выпивши немного, все твердилъ: «Я сѣялъ зло безъ наслажденія». Какъ въ его поэзіи, такъ и въ его натурѣ было много Байроновскаго, Лермонтовскаго и въ лицѣ его выражались безконечныя душевныя страданія. Впослѣдствіи онъ жилъ въ Петербургѣ и долго былъ наборщикомъ въ тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ, гдѣ и былъ арестованъ и судился вмѣстѣ съ Квятковскимъ и другими. Онъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ, если не ошибаюсь. По окончаніи срока каторги, онъ былъ сосланъ на поселеніе, гдѣ кончилъ самоубійствомъ. Это тоже былъ одинъ изъ піонеровъ еврейскаго соціализма. Цуккерманъ былъ изъ Могилева Губернскаго, а Либерманъ жилъ преимущественно въ Вильнѣ; въ обоихъ городахъ соціалистическое движеніе пріобрѣло впослѣдствіи большое развитіе.

Другіе два его товарища еще нынѣ живы и изъ нихъ Гуревичъ находится въ Россіи, а Аронзонъ въ качествѣ практикующаго врача живетъ въ Америкѣ и женатъ на сестрѣ извѣстнаго нѣмецкаго соціалиста Эдуарда Бернштейна.

Дѣятельность берлинскаго кружка русскихъ соціалистовъ не ограничивалась обнаруженной пропагандой среди русскихъ евреевъ. Жившіе въ Берлинѣ русскіе были въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ жившими въ Кенигсбергѣ и съ прусско-русской границей, а также съ Петербургомъ и другими центрами Россіи. Главная дѣятельность сосредоточилась на контрабандной перевозкѣ заграничной нелегальной литературы («Впередъ» и женевскія изданія); кромѣ того, Берлинъ представлялъ первую станцію отдохновенія послѣ перехода границы для бѣжавшихъ изъ Россіи болѣе или менѣе важныхъ революціонныхъ дѣятелей. Такъ, тамъ перебывали въ разное время Вѣра Засуличъ, Клеменцъ, Сергѣй Кравчинскій, Сажинъ, Черкесовъ, Николай Морозовъ и многіе другіе. Довольно часто туда пріѣзжалъ Аронъ Зунделевичъ, руководившій дѣломъ перевозки на границѣ и переправой людей черезъ нее. Мѣстная колонія русскихъ, имѣя постоянныя сношенія съ Петербургскими центральными кружками, была прекрасно освѣдомлена обо всемъ происходившемъ въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ и съ своей стороны сообщала объ этомъ нѣмецкимъ соціалистическимъ газетамъ, которыя уже тогда расходились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, среди рабочихъ и интеллигентныхъ соціалистовъ. Тѣмъ не менѣе, соображенія и опасенія прусской полиціи о вліяніи русскихъ соціалистовъ на нѣмецкихъ были совершенно неосновательны; скорѣе наоборотъ, нѣмецкіе соціалисты сильно вліяли на мысли и дѣйствія пріѣзжихъ русскихъ. Впрочемъ, многіе русскіе не поддавались этому вліянію и относились крайне критически къ дѣятельности германской соціальной демократіи, но не желали или не имѣли возможности сколько-нибудь активно вмѣшиваться въ эту дѣятельность. Путемъ личныхъ знакомствъ и отношеній и изъ чувства общей симпатіи, нѣкоторые просто демократично настроенные нѣмцы, а также много соціалъ-демократовъ (не изъ вожаковъ) оказывали всякое содѣйствіе русскимъ революціонерамъ, какъ въ транспортѣ книгъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

Характерно отношеніе вожаковъ нѣмецкой соціалъ-демократіи къ вышеописанному процессу русскихъ. Либкнехтъ и другіе вожаки въ своихъ изданіяхъ, выходившихъ тогда за-границей, въ виду законовъ о соціалистахъ, бросали тѣнь на политическую честность этихъ русскихъ. Это отношеніе объяснялось тѣмъ, что прусское и имперское правительство, желая оправдать передъ рейхстагомъ и общественнымъ мнѣніемъ исключительные законы, силились раздуть значеніе дѣятельности русскихъ, и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ... храбрость заявить еще въ то время, когда само слѣдствіе даже не было закончено, а о судѣ и помину не было, что въ Берлинѣ открытъ опасный заговоръ среди русскихъ.

Вожаки нѣмецкой соціальной демократіи, опасаясь, «безтактностей» русскихъ революціонеровъ, и не желая дать правительству повода смѣшивать ихъ съ послѣдними, старались бросать тѣнь на русскихъ.

До чего германское правительство еще долго, а можетъ и по сей день, было убѣждено въ опасности тѣхъ русскихъ, которыхъ судили въ изложенномъ здѣсь процессѣ, можетъ служить доказательствомъ то, что когда 20 лѣтъ спустя одинъ изъ приговоренныхъ къ высылкѣ изъ предѣловъ Пруссіи хлопоталъ о возвращеніи ему права бывать въ Пруссіи, то германскій рейхсканцлеръ Каприви оффиціально и безусловно отказалъ ему въ этомъ.

Г.

Миссія П. С. Ванновскаго.

(Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1899 г.).

I.

Въ настоящей статьѣ я хочу остановиться на одномъ изъ эпизодовъ нашей вчерашней исторіи: на миссіи генералъ-адъютанта Петра Семеновича Ванновскаго, производившаго въ 1899 году разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ студенческихъ безпорядковъ въ петербурскомъ университетѣ. Комиссія генерала Ванновскаго, благодаря оригинальной личности ея предсѣдателя, сыграла весьма видную роль въ пробужденіи политическаго сознанія русской демократіи. Она сильно помогла демократическимъ душамъ оторваться отъ психологической пуповины, привязывавшей ихъ къ старому порядку. Подробности этого эпизода мало извѣстны за предѣлами тѣснаго кружка участниковъ, да и въ ихъ памяти онѣ съ каждымъ днемъ стираются бороздами новыхъ болѣе яркихъ и глубокихъ впечатлѣній великой народной борьбы; между тѣмъ, онѣ заслуживаютъ своего уголка въ исторіи.

II.

Правительство признало студенческое движеніе 1899 года революціонной вспышкою и расправилось съ его дѣятелями въ порядкѣ стараго политическаго процесса. То же мнѣніе сложилось и въ общественныхъ кругахъ, близкихъ къ бюрократическимъ вершинамъ. По словамъ правительственнаго сообщенія того времени истинная цѣль движенія заключалась въ ниспроверженіи существующаго государственнаго строя. Такимъ образомъ, студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи въ приблизительномъ количествѣ 30 тысячъ человѣкъ были объявлены людьми, стремившимися къ политическому перевороту и предпринявшими для этого цѣлый рядъ аггрессивныхъ дѣйствій. Въ дѣйствительности, движеніе 1899 года сдѣлалось революціоннымъ только въ процессѣ его разгрома, подъ двойнымъ вліяніемъ съ одной стороны сердечнаго попеченія комиссіи Ванновскаго, а съ другой—ежо-

выхъ рукавицъ охраннаго отдѣленія Горемыкина-Пирамидова. Въ началѣ же оно было совершенно чуждо революціоннаго сознанія, такъ какъ подавляющее большинство его участниковъ столь же мало знало о томъ, что оно дѣлаетъ революцію, сколько мольеровскій герой о томъ, что онъ всю жизнь говоритъ прозой.

Современное студенчество только съ большимъ усиліемъ воображенія можетъ представить себѣ «отдѣльныхъ посѣтителей университета» поколѣнія 1895-99 годовъ. Это поколѣніе попало въ высшія учебныя заведенія изъ химической реторты толстовско-деляновской гимназіи, гдѣ оно обрабатывалось въ самый проклятый періодъ исторіи русской средней школы, въ десятилѣтіе 1885-1895 годовъ. Въ гимназіяхъ шла тогда священная война противъ «краснаго призрака» или, вѣрнѣе, противъ призрака краснаго призрака. Русскіе и чешскіе воители въ каждомъ гимназистѣ видѣли баррикаднаго героя и старались умертвить въ немъ мятежный духъ. Книги были изгнаны изъ гимназическаго обихода. Чтеніе Бѣлинскаго считалось по меньшей мѣрѣ излишнимъ; чтеніе журналовъ—преступленіемъ. Мы знали и читали только то, что находили дома, то есть только то, что знали и читали въ нашихъ семьяхъ, въ провинціальной обывательской средѣ того времени. Лишь немногіе изъ насъ, попадавшіе случайно въ сферу вліяніе какого-либо осѣвшаго въ провинціи, но еще не вывѣтрившагося окончательно интеллигента, прикосновеннаго къ движенію семидесятыхъ годовъ, урывками узнавали, что за частоколомъ латинскихъ и греческихъ классиковъ и приложеній къ «Нивѣ» или «Родинѣ» существуетъ богатый и разнообразный міръ. Но такихъ было немного И когда мы сошлись въ университетѣ, мы оказались въ полномъ смыслѣ слова политическими младенцами.

Къ счастью, мы попали въ хорошую школу. Этой школой былъ конечно, не университетъ какъ таковой, а жизнь крупнаго промышленнаго города, начавшаго тогда пробуждаться отъ реакціонной спячки. Глубокія теченія въ низахъ, прежде всего, почувствовались на верхушкахъ буржуазной демократіи—въ студенчествѣ. Четырехлѣтіе съ 1895 по 1899 года дало намъ большой опытъ, но опытъ, главнымъ образомъ, организаціонный, а не политическій. Нужно было движеніе 1899 года, этотъ coup de maître, чтобы мы опредѣлились въ политическомъ отношеніи. И правительство артистически сумѣло сдѣлать этотъ ударъ.

Студенческая масса, воспріимчивая, честная, проникнутая тѣмъ товарищескимъ духомъ, который теперь безъ остатка вытравленъ политической дифференціаціей общества, и къ 99 году мало опредѣлила свой политическій символъ вѣры. Но она пережила слишкомъ много за четырехлѣтній періодъ, чтобы сохранить первобытную невинность. Горячіе споры между марксистами и народниками, краткія извѣстія о стачкахъ рабочихъ, и рядъ безпорядковъ въ университетахъ пробуждали политическую мысль. Студенчество росло, и ростъ его опредѣлялся оживленіемъ тайныхъ студенческихъ организацій, еще въ 1895 году влачившихъ весьма жалкое существованіе.

Наиболѣе прочною и вліятельною студенческою организаціею въ

Петербургскомъ университетѣ была въ то время такъ называемая «касса взаимопомощи студентовъ петербургскаго университета». Она охватывала сравнительно небольшой кругъ студентовъ, отъ 300 до 400-хъ человѣкъ, но вслѣдствіе относительной однородности своего состава и гибкости организаціи представляла серьезную силу. Организаціонная схема кассы взаимопомощи была очень проста. Студенты, знавшіе другъ друга и сходившіеся въ своихъ взглядахъ, образовывали кружки отъ 10 до 15 человѣкъ въ каждомъ. Кружки посылали по одному делегату въ «представительское собраніе», которое являлось законодательною властью организаціи, за исключеніемъ особо важныхъ случаевъ, когда примѣнялся референдумъ. Исполнительную власть представляли предсѣдатель и казначей, а затѣмъ съ 1898 года правленіе изъ пяти членовъ. Въ представительскомъ собраніи и сосредоточивалась преимущественно жизнедѣятельность кассы. Кружки выступали на сцену только въ исключительныхъ случаяхъ, и даже членскіе взносы уплачивали весьма неакуратно, какъ и всегда въ тайныхъ организаціяхъ, гдѣ приходится потратить много времени и предосторожностей, чтобы внести свой членскій двугривенный. Вслѣдствіе этого финансовое состояніе «кассы» было весьма плачевно. Ея функціи, какъ организаціи товарищескаго кредита, по неволѣ сводились къ нулю, несмотря на огромную нужду въ студенческой средѣ. Тѣмъ ярче выступали за то политическія функціи идейнаго руководства. Только съ открытіемъ студенческой столовой касса пріобрѣла нѣкоторые постоянные источники дохода и стала располагать небольшими но вѣрными деньгами.

Кромѣ кассы, петербургское студенчество объединялось еще въ старыхъ, такъ сказать, зоологическихъ формахъ: въ землячествахъ. Въ нихъ входили учащіеся всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, окончившіе среднюю школу въ одной губерніи. Никакого идейнаго ценза для вступленія въ землячество не требовалось; достаточно было считаться «порядочнымъ человѣкомъ», т. е., стоять внѣ подозрѣній въ какой-либо близости къ правительственному механизму и не нарушать основныхъ требованій уголовнаго уложенія. Въ своихъ, по большей части, неписанныхъ уставахъ, землячества говорили о цѣляхъ взаимопомощи и самообразованія. Въ нѣкоторыхъ упоминалось о задачахъ воспитанія въ студентѣ «человѣка и гражданина». Въ дѣйствительности, осуществлялась только цѣль взаимопомощи, да и то весьма своеобразно. Земляческія средства получались, главнымъ образомъ, со студенческихъ вечеровъ, устраиваемыхъ въ родныхъ городахъ. Такимъ образомъ, землячества были только распредѣлительными и регистраціонными бюро. Эта необходимая жизненная дѣятельность поддерживала ихъ вялое и безцвѣтное существованіе. Кромѣ того, они, несомнѣнно, были полезны тѣмъ, что помогали молодымъ студентамъ нѣсколько оріентироваться въ новыхъ условіяхъ жизни и хотя отчасти пріучали ихъ числиться и работать въ нелегальныхъ организаціяхъ, на конспиративномъ поприщѣ. Номинально въ Петербургѣ считалось въ наше время довольно много земляческихъ организацій. Въ 1897 году, когда, подъ вліяніемъ славы московскаго «союзнаго совѣта», въ Петербургѣ было предпринято объединеніе землячествъ по москов-

скому типу, удалось зарегистрировать около 50 землячествъ, и 44 изъ нихъ дѣйствительно присылали своихъ представителей на собранія, происходившія въ теченіе цѣлаго полугода. Точныхъ цифръ членовъ въ каждомъ отдѣльномъ землячествѣ я теперь, конечно, не могу вспомнить, да эти цифры и не имѣютъ значенія, такъ какъ онѣ всѣ были болѣе или менѣе произвольны. Но въ среднемъ, на отдѣльное землячество приходилось около 25-30 членовъ. Въ мелкихъ землячествахъ—было, напримѣръ, новозыбковское,—бывало и по 15 человѣкъ; въ землячествахъ крупныхъ городовъ число членовъ превышало иногда 100 человѣкъ. Эти цифры относятся уже 1898-99 годамъ, когда стало сильно рости общее число студентовъ и начался подъемъ общественнаго настроенія.

Студенты спеціальныхъ институтовъ Петербурга также были связаны организаціями, но особаго характера. Они пользовались признаннымъ начальствомъ самоуправленіемъ, которое не пріобрѣло политическаго вліянія, по крайней мѣрѣ, за предѣлами даннаго заведенія. Общею почвою, на которой сошлись и выдвинулись руководители движенія 1899 года были все-таки землячества.

Такимъ образомъ, изъ всего контингента студентонъ «набора» 1895 года выдѣлилось за четырехлѣтіе не болѣе 1500 человѣкъ, вывари вшихся въ котлѣ студенческой общественной дѣятельности. Они играли роль революціонной бациллы во всѣхъ студенческихъ движеніяхъ этого періода. Однако и этотъ наиболѣе сознательный слой находился на весьма невысокомъ уровнѣ политическаго развитія.

III.

Политическая эволюція организованной части петербургскаго студенчества является единственнымъ показателемъ эволюціи студенческой массы. При этомъ исторія кассы взаимопомощи студентовъ университета характеризуетъ судьбы наиболѣе энергичныхъ и революціонныхъ элементовъ студенчества, а исторія земляческихъ организацій—судьбы среднихъ, демократически настроенныхъ, но не сформировавшихся окончательно слоевъ.

Это различіе вполнѣ объясняется способомъ образованія организацій того и другого типа. «Касса» состояла изъ кружковъ, объединявшихъ людей по сходству убѣжденій. Ея сфера была болѣе узкой, но зато болѣе плотной. Для того, чтобы объединиться по «убѣжденіямъ», необходимо было имѣть какія нибудь убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, думать, что таковыя имѣются. Это одно повышало политическій уровень членовъ кассы. Кромѣ того, конспиративность кассы порождала слухи о ея революціонности. А въ то время слово революція еще не было вынесено на базаръ житейской суеты и не трепалось по газетнымъ полосамъ, а произносилось только потихоньку, съ священнымъ трепетомъ и великимъ страхомъ. Въ результатѣ касса подбирала людей, которые должны были пойти дальше на поприщѣ поли-

тической дѣятельности и которые въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно пошли дальше. Если бы когда-нибудь оказалось возможнымъ прослѣдить личную исторію всѣхъ членовъ кассы, то ея вкладъ въ русскую революціонную армію выразился бы въ солидной цифрѣ. Я могу упомянуть только о томъ, что въ теченіе періода съ осени 1896 года и до зимы 1899 года весь составъ представительскаго собранія смѣнился вслѣдствіе арестовъ. Изъ стараго состава осталось только трое, которые и были арестованы въ мартѣ 99 года.

Земляческія же организаціи были въ политическомъ отношеніи сѣчью запорожскою, куда могъ войти всякій, кто въ Бога вѣровалъ и горилку пилъ. Молодежь, входившая въ нихъ ежегодно, отличалась полнѣйшею политическою свѣжестью и должна была путемъ болѣе или менѣе сложныхъ переживаній приходить къ той чертѣ, за которою уже стояли даже самые неопытные члены кассы взаимопомощи. Поэтому, землячества всегда отставали на одинъ шагъ отъ кассы. Новыя вѣянія, прежде всего, усваивались въ кассѣ и оттуда уже пускались въ обращеніе среди остального студенчества. На практикѣ это обстоятельство приводило иногда къ нѣкоторымъ треніямъ и даже антагонизму, имѣвшему, однако, благотворное воспитательное вліяніе.

Первоначально, въ 1895 году «политика» и въ самой кассѣ не пользовалась особымъ расположеніемъ. Въ представительскомъ собраніи большинство относилось очень недовѣрчиво ко всякимъ попыткамъ сліянія академическихъ вопросовъ съ общеполитическими проблемами и даже видѣло въ такихъ попыткахъ неумѣстное стремленіе отдѣльныхъ лицъ использовать студенческія организаціи въ постороннихъ, партійныхъ цѣляхъ. Это большинство стремилось къ созданію прочной профессіональной организаціи съ нѣкоторыми просвѣтительными учрежденіями вокругъ нея,—планъ, который ежедневно разрушался и политическимъ и академическимъ безправіемъ.

Разногласія однако не принимали очень острыхъ формъ и выливались, обыкновенно, въ борьбу по конкретнымъ вопросамъ. Такъ въ 95 и 96 году шла борьба изъ-за размѣровъ, такъ называемыхъ, «отчисленій». Подъ этимъ разумѣлись суммы, передававшіяся изъ кассы въ общество помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (красный крестъ) и иногда въ активныя партійныя организаціи. Суммы эти передавались чрезъ должностныхъ лицъ кассы настолько конспиративно, что даже представительское собраніе не знало, куда онѣ пошли. Въ публиковавшихся отчетахъ эти суммы обозначались курьезнымъ названіемъ «интимные расходы». Тогдашніе академисты очень косо посматривали на отчисленія по двумъ причинамъ; во-первыхъ, они недовѣрчиво относились къ подпольнымъ партіямъ, во вторыхъ, при бѣдности кассы, не хотѣли обременять ее лишними обязательствами. Послѣднее соображеніе при нелегальномъ положеніи организаціи, все равно дѣлавшемъ ее неспособной выполнять функціи общества взаимнаго кредита, не могло, разумѣется, убѣдить тогдашнихъ политиковъ. Они настаивали на увеличеніи процента отчисленій, видя въ этомъ политическое обязательство студенчества; академисты

же соглашались на небольшое процентное отчисленіе, какъ на филантропическую и корпоративную помощь пострадавшимъ товарищамъ. Борьба шла довольно долго и окончилась въ 1896 году торжествомъ политиковъ, которые добились 50 проц. отчисленій. Въ это время вообще замѣтно усилилась политическая струя.

Какъ извѣстно, въ этотъ именно періодъ приняло замѣтныя формы марксистское и соціалдемократическое движеніе. Хотя основаніе петербургскаго «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» относится къ концу 1894 года, но до знаменитой петербургской стачки 1895 года, эта организація ограничивалась кружками, скрытыми въ глубинѣ подполья и не имѣвшими имени даже среди широкихъ слоевъ студенческой публики. Стачечная волна привлекла общее вниманіе къ новой революціонной силѣ—пролетаріату. Марксистское литературное направленіе сразу превратилась въ соціалдемократическую партійную величину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, марксизмъ быстро окрасилъ мышленіе интеллигенціи и заставилъ ее пересмотрѣть всѣ унаслѣдованныя истины прошлаго. Подвергся пересмотру и вопросъ о значеніи и роли студенчества въ освободительной борьбѣ. По старому взгляду, какъ онъ формулировался въ студенческой средѣ, учащаяся молодежь была аванпостомъ не только общества, но и передовой его части интеллигенціи. И если интеллигенція являлась творческой силой, то этой силой обладало и студенчество. Поэтому, студенчество считалось обязаннымъ, какъ можно больше проявлять себя во всевозможныхъ протестахъ. Однако, по странному противорѣчію съ основными посылками, содержаніе протестовъ студенческими «бунтарями» суживалось на практикѣ до предѣловъ университетскихъ стѣнъ. Красивая и широкая концепція студенчества—носителя высокихъ идеаловъ интеллигенціи заканчивалась куцымъ положеніемъ: такъ какъ университетскій режимъ является частичнымъ проявленіемъ общаго режима, то студенты должны бороться противъ общаго режима, борясь противъ университетскаго режима. Въ результатѣ получалось поразительное крохоборство и убожество мысли. Какъ только начинались волненія и собирались сходки, такъ немедленно поднимался крикъ по поводу измѣненія устава, при чемъ толпа требовала всегда возвращенія къ «уставу 64 года», котораго никогда не существовало, разумѣя подъ нимъ уставъ 63 года, полный всевозможныхъ недостатковъ. Предъявивъ это требованіе, поругавшись съ ректоромъ и попечителемъ сходки или мирно расходились, не зная, что дѣлать дальше или насильственно разгонялись. Исходъ зависѣлъ отъ настроенія и такта начальства. Его дѣйствія могли внести нѣкоторое разнообразіе въ студенческіе споры, могли осмыслить движеніе. Послѣ первыхъ же репрессій начинали, напримѣръ, волноваться, требуя возвращенія исключенныхъ товарищей и т. д. Движеніе пріобрѣтало ясную цѣль. Предоставленные же самимъ себѣ сходки были обречены расплыться въ безконечныхъ и безпорядочныхъ рѣчахъ, тѣмъ болѣе, что въ тѣ блаженныя времена предсѣдателя не полагалось, ибо это значило завѣдомо обречь себя на исключеніе и административную высылку. Сходки велись по способу, практикуемому на нѣкоторыхъ анархистскихъ собраніяхъ: предсѣдателя не было, говорить начинали нѣсколько чело-

вѣкъ, а затѣмъ трибуна оставалась за наиболѣе энергичнымъ. Мы однако не дѣлали изъ нужды добродѣтель...

Въ рамкахъ борьбы противъ университетскаго режима ничего другого, кромѣ «предъявленія требованій», явно безплоднаго, очевидно, нельзя было и ожидать. Но выйти за эти рамки мѣшали стѣны старой идеологіи. Марксисты-студенты, сгруппировавшіеся въ кассѣ, поставили своею цѣлью разбить старыя стѣны и выступили съ проповѣдью «новаго слова».

Они поставили вопросъ очень прямолинейно; тактическіе выводы страдали отчасти неполнотою, отчасти нѣкоторою узостью, нашедшею потомъ выраженіе и въ пресловутомъ экономизмѣ. Но въ основѣ ихъ позиція была правильна и плодотворна.

Прежде всего, они постарались разрушить укоренившійся и безплодный предразсудокъ относительно идейнаго единства студенчества, какъ передового отряда критически мыслящей интеллигенціи. Они говорили: общество распадается на антагонистичные классы; студенты— дѣти общества; слѣдовательно, и они распадаются на разнородныя группы. Единой борьбы, поэтому, они вести не могутъ. Кромѣ того, сами по себѣ студенты безсильны. Они должны примкнуть къ тому классу, къ которому влечетъ ихъ умъ и сердце, если желаютъ чего нибудь достигнуть. Наиболѣе революціоннымъ, наиболѣе демократическимъ классомъ современнаго общества является пролетаріатъ. Къ нему и должны итти тѣ, кто не желаетъ оставаться въ лагерѣ обагряющихъ руки въ крови. Съ этой точки зрѣнія всякія студенческія вспышки на почвѣ университетскаго режима представлялись или излишними или даже вредными, такъ какъ давали возможность правительству безъ большихъ хлопотъ извлекать изъ обращенія наиболѣе работоспособные и многообѣщающіе элементы студенческой массы. Борьба противъ университетскаго режима, при данныхъ условіяхъ, все равно превращалась въ политическую борьбу. Политическая же борьба должна вестись планомѣрно и въ цѣлесообразныхъ формахъ, то есть въ формахъ соціалдемократической борьбы. Въ интересахъ успѣшности этой борьбы и старые типы студенческихъ организацій подверглись со стороны марксистовъ жестокой критикѣ.

Земляческая форма организаціи вызывала особенно рѣзкія нападки, какъ объединеніе, основанное на случайномъ географическомъ признакѣ, и обреченное ржавѣть отъ внутреннихъ классовыхъ противорѣчій. Единственной цѣлесообразной формой признавалось объединеніе по убѣжденіямъ для участія въ рабочемъ движеніи или для содѣйствія ему.

Схематичность этой проповѣди теперь очевидна для всякаго. Можно даже поставить теоретическій вопросительный знакъ относительно степени развитія классовыхъ противорѣчій среди студенчества, бывшаго, въ общемъ и цѣломъ, мелко буржуазной массой. Но тогда эта схема не казалась искусственной и сухой. Наоборотъ, она вдохновляла сердца.

Ея сила заключалась въ томъ, что она переносила вопросъ объ академическомъ гнетѣ и безправіи на политическую почву, что она, такимъ образомъ, указывала выходъ изъ тупика нелѣпой борьбы за

новый уставъ, въ которой погасало всякое демократическое чувство. Марксистская постановка вопроса рѣшительно перебрасывала студенчество съ уединеннаго острова академіи на материкъ всероссійской жизни и освѣщала яркою и опредѣленною мыслью стихійное недовольство студенческой массы.

Безусловно, все студенчество никогда не могло усвоить ни теоретическихъ, ни практическихъ посылокъ научнаго соціализма. Но во-первыхъ, марксисты проповѣдывали свой символъ вѣры и вербовали свою армію. Слѣдовательно, они не могли вести половинчатой пропаганды. Во-вторыхъ, неприспособленность извѣстной части аудиторіи къ пониманію пропаганды только тогда стала уменьшать цѣнность пропаганды, когда студенты марксисты не сумѣли занять вполнѣ правильной позиціи къ возникавшему рядомъ съ соціалистическимъ демократическому студенческому движенію. Но это было трудной задачей, которая часто оказывается не по плечу и болѣе зрѣлымъ политикамъ. Кромѣ того, существеннаго практическаго значенія эта ошибка не имѣла, такъ какъ въ массѣ проповѣдь марксизма усваивалась, прежде всего, какъ проповѣдь политической борьбы. Марксизмъ пробуждалъ политическую мысль демократіи; пробужденная же она развивалась самостоятельно и создавала формы проявленія, не считаясь со схемами.

Однако и политическая подготовка студенчества шла съ большимъ трудомъ. Какъ только касса заняла совершенно опредѣленную отрицательную позицію по отношенію къ студенческимъ безпорядкамъ и традиціоннымъ студенческимъ организаціямъ, въ землячествахъ организовалась довольно сильная, хотя и разнородная оппозиція. Она опиралась на тотъ фактъ, что студенты пріѣзжаютъ изъ гимназій слишкомъ неподготовленными, чтобы стать въ ряды партійныхъ отрядовъ; поэтому, полная опредѣленность студенческихъ организацій можетъ легко оттолкнуть многихъ, впослѣдствіи способныхъ сдѣлаться дѣльными и цѣнными работниками въ освободительной борьбѣ. Затѣмъ, по мнѣнію землячествъ, уже опредѣлившаяся партійная организація не даетъ студенту самостоятельно продумать проклятые вопросы и механически вкладываетъ его въ рамки того или другого міросозерцанія. Наконецъ, землячества отстаивали въ извѣстной степени именно студенческіе безпорядки, какъ защиту своего достоинства, оскорбляемаго университетскимъ гнетомъ, и какъ превосходное средство для воспитанія добрыхъ гражданскихъ чувствъ въ молодежи. Поэтому землячества, одобряя въ принципѣ политицизмъ, пропагандируемый кассой взаимопомощи, для себя отпускали его въ очень умѣренной дозѣ.

Въ этой оппозиціи участвовали и сторонники чисто студенческаго движенія и сторонники тѣхъ политическихъ теченій, которыя теперь принято объединять подъ общимъ названіемъ соціалъ-народническихъ и нѣкоторые марксисты, которые инстинктивно сознавали, что отрицательное отношеніе массы къ землячествамъ и ихъ жизни не можетъ служить полнымъ отвѣтомъ марксизма на требованія момента и старались прививать землячествамъ идею политической борьбы во всемъ ея объемѣ.

Земляческая оппозиція не создала ни самостоятельнаго идейнаго теченія, ни прочной организаціи. Но она пыталась достигнуть обѣихъ цѣлей. Въ началѣ 1897 учебнаго года нѣсколько человѣкъ попытались создать союзъ землячествъ, по примѣру гремѣвшаго тогда московскаго совѣта. Благодаря энергіи иниціаторовъ, въ Петербургѣ отыскалось 44 землячества, которыя послали своихъ представителей въ учредительное собраніе. Засѣданія учредительнаго собранія продолжались въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шести мѣсяцевъ, къ счастью ни разу не обративъ вниманія бдительной петербургской полиціи. На этихъ засѣданіяхъ перебывала масса студенческой публики и обсуждены были до мельчайшихъ подробностей всѣ проклятые вопросы студенческой жизни. Здѣсь столкнулись и высказались всѣ направленія студенческой мысли того времени, и участники собраній могутъ засвидѣтельствовать, что они провели время съ удовольствіемъ и пользой. Но тутъ же выяснилось, что идея чисто студенческихъ организацій и чисто студенческаго движенія изжила свой вѣкъ. Собранія прекратились, не окончивъ обсужденія немногихъ параграфовъ устава союзной организаціи. Ихъ политическая дѣятельность выразилась въ одной или двухъ прокламаціяхъ и въ участіи въ демонстраціи въ память погибшей въ Петропавловской крѣпости Маріи Вѣтровой.

Не всѣ участники собраній, временно прерывая ихъ, сдѣлали выводъ о безплодности своей попытки. Многіе разошлись въ увѣренности, что союзная организація будетъ жить, что удастся, такимъ образомъ, создать школу, гдѣ студенты до поры до времени будутъ готовиться къ политическому поприщу. Но эта увѣренность не оправдалась. Собранія не возобновились. Политика побѣдила академизмъ во всѣхъ его формахъ. Суровая борьба разгоралась, и освободительная армія требовала все новыхъ и новыхъ солдатъ, не справляясь строго о высотѣ ихъ теоретической подготовки.

IV.

Побѣдѣ политическихъ настроеній въ значительной степени содѣйствовало то обстоятельство, что всѣ взгляды, зарождавшіеся въ студенческихъ головахъ, созрѣвали и подвергались немедленной провѣркѣ въ высокой температурѣ непрерывнаго общественнаго подъема. Теорія тотчасъ же примѣнялась на практикѣ и выясняла свою дѣйствительную цѣнность нагляднымъ образомъ. За четырехлѣтіе съ 1895 по 1899 годъ петербургскій университетъ пережилъ цѣлый рядъ безпорядковъ и волненій, несмотря на то, что касса взаимопощи пускала въ ходъ все свое вліяніе, чтобы сдержать накопившееся недовольство. Еще въ 1894 году, когда смерть Александра III вызвала въ обществѣ безсмысленныя мечтанія, разрѣшившіяся нѣсколькими туманными адресами и петиціями, въ петербургскомъ университетѣ состоялись сходки, на которыхъ рѣшено было обратиться съ петиціей относительно измѣненія устава. Петиція не удалась, такъ какъ къ ней хотѣли привлечь и солидныя профессорскія имена, но они по

разнымъ причинамъ, уклонились [1]). Затѣмъ въ 1895 году произошла извѣстная битва подъ Палкинымъ, вспышка винныхъ паровъ и физіологическаго протеста противъ полицейскихъ кулаковъ, пріобрѣвшая по русскимъ условіямъ также политическое значеніе, но строго осужденная всѣмъ передовымъ студенчествомъ.

Радикальная часть студенчества только тогда вмѣшалась въ эту исторію, когда возникъ вопросъ о разслѣдованіи жестокихъ увѣчій, нанесенныхъ расходившимися полицейскими и дворниками студентамъ.

Наконецъ, въ 1896 году петербургскіе студенты пережили болѣе или менѣе серьезныя волненія. Поводомъ послужила демонстрація московскихъ студентовъ въ память жертвъ ходынскаго торжества и массовыя исключенія изъ московскаго университета, послѣдовавшія за нею. Московскія событія не были въ Петербургѣ полною неожиданностью. Незадолго до безпорядковъ изъ Москвы пріѣзжалъ делегатъ, который обратился въ кассу взаимопомощи съ очень туманнымъ запросомъ, какъ отнесутся въ Петербургѣ къ возникновенію безпорядковъ въ Москвѣ. Ни цѣль ни форма безпорядковъ точно не были указаны. Предложеніе мотивировалось обильными фразами о необходимости на почвѣ университетскаго режима бороться противъ общаго режима и т. д.

Насколько помнится, форма демонстраціи въ память ходынскихъ жертвъ и самими москвичами была принята только въ послѣдній моментъ и, кажется, при очень энергичномъ сопротивленіи значительной части союзнаго Совѣта. Несмотря на неопредѣленность запроса представительское собраніе кассы сочло необходимымъ устроить референдумъ по этому поводу. Въ результатѣ москвичъ получилъ вполнѣ категорическій отрицательный отвѣтъ, мотивированный обычными тогда марксистскими соображеніями противъ студенческихъ безпорядковъ. Однако, когда фактъ совершился, когда сотни студентовъ были выброшены изъ университета, студенческая масса не могла остаться равнодушной. Начались сходки, которыя продолжались съ утра до вечера въ теченіе, кажется, трехъ или четырехъ дней. На этихъ сходкахъ выяснилась полная безпомощность старыхъ формъ студенческаго движенія.

Ораторы, по обыкновенію, подняли знамя устава 63 года. Говорили о необходимости автономіи, допущенія женщинъ и пониженія платы. Затѣмъ, позвали ректора, которому и предъявили «требованія». Ректоръ совершенно резонно отвѣтилъ, что измѣненіе устава отъ него не зависитъ. Опять начались рѣчи. Начальство имѣло достаточно ума, чтобы не прибѣгать къ репрессіямъ, и на третій день сходка почувствовала себя въ затруднительномъ положеніи: потоки краснорѣчія изсякли, а что дѣлать дальше—никто не зналъ. Касса взаимопомощи рѣшила, что необходимо какъ можно скорѣе ликвидировать «безпорядки». Пріѣздъ покойнаго попечителя округа Капустина помогъ облечь ликвидацію въ приличную по внѣшности, но дѣтскую по существу форму. Капустинъ явился на сходку и выслушалъ нѣ-

---

[1]) Разсказываютъ, что въ Кіевѣ одинъ изъ ученыхъ мужей даже объявилъ себя передъ студенческой депутаціей анархистомъ, чтобы имѣть основаніе отказаться.

сколько рѣчей съ снисходительно-добродушной улыбкою стараго сатира.

Въ отвѣтъ на заявленія студентовъ онъ, также добродушно улыбаясь, заявилъ, что удивляется, какъ студенты, среди которыхъ много юристовъ, не понимаютъ, что измѣненіе устава—вопросъ, разрѣшаемый законодательнымъ порядкомъ. И онъ обстоятельно разъяснилъ намъ, въ чемъ состоитъ этотъ порядокъ. По существу же вопроса, онъ ловко отмѣтилъ, что студенты сами не ясно представляютъ себѣ, чего они хотятъ; что уставъ 63 года вовсе не идеалъ и т. д., что, наконецъ, всѣ эти требованія пересмотра устава раздаются каждый годъ и что правительство не можетъ удовлетворять желанія каждаго поколѣнія студентовъ, мѣняющихся, какъ вода въ рѣкѣ. Тогда студенты предложили Капустину передать ихъ требованія министру для возбужденія вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Кто то хотѣлъ уже бѣжать за бумагой, чтобы немедленно составить текстъ петиціи. До этого момента Капустинъ держалъ себя и умно и съ достоинствомъ.

Но какъ только онъ услышалъ слово: петиція, его старое бритое лицо сановнаго лакея дрогнуло въ нешуточномъ испугѣ. «Нѣтъ, нѣтъ! никакихъ петицій я не имѣю права принимать»!—залепеталъ онъ, отмахиваясь руками. «Ну, возьмите, по крайней мѣрѣ, списокъ нашихъ требованій, на листкѣ изъ записной книжкѣ»—уговаривали его студенты, протягивая клочекъ бумаги, гдѣ значилось: автономія, допущеніе женщинъ и т. д. Однако Капустинъ отмахивался и отъ несчастнаго бумажнаго обрывка, какъ отъ ядовитой змѣи, и увѣрялъ, что онъ хорошо помнитъ желанія студентовъ, что онъ ихъ и раньше зналъ, что, наконецъ, напрасно придаютъ такое значеніе передачѣ петиціи черезъ него, такъ какъ онъ, въ сущности, ничего не передаетъ, а только докладываетъ министру о томъ, что происходитъ въ университетѣ и, между прочимъ, и о студенческихъ требованіяхъ.

Эквилибристика Капустина предъ ужаснымъ листкомъ была смѣшна, но и студенческая вѣра въ этотъ листокъ была болѣе чѣмъ наивна. Наивенъ былъ и конецъ этихъ безпорядковъ.

Капустинъ прекратилъ переговоры, послѣ обѣщанія доложить дѣло министру, серьезнымъ предупрежденіемъ, что дольше онъ уже не можетъ терпѣть продолженія сходокъ и, что если онѣ не прекратятся, то передаетъ университетъ въ руки «другой силы» т. е. полиціи. Члены кассы повели агитацію за прекращеніе сходокъ, и онѣ закончились. Но для эффектнаго конца одинъ изъ земляческихъ дѣятелей произнесъ утѣшительную рѣчь на ту тему, что студенчество съ гордостью можетъ разойтись по домамъ, такъ какъ оно побѣдило: требованія студентовъ дойдутъ до министра и будутъ разсмотрѣны въ законодательномъ порядкѣ.

Этотъ оптимизмъ очень понравился публикѣ, которая разошлась, наградивъ и оратора и самое себя дружными апплодисментами.

Курьезное теченіе и конецъ безпорядковъ дали хорошій матеріалъ для политической агитаціи и для критики традиціонной «сходочной» формы студенческихъ волненій. Выяснилось, что сходка превращается въ безпорядокъ только тогда, когда начальство обладаетъ

генеральскою глупостью и не имѣетъ терпѣнія выждать внутренняго истощенія толпы.

Вторые безпорядки—получившая заслуженную извѣстность демонстрація въ память М. Ѳ. Вѣтровой, были уже гораздо болѣе серьезны. Ужасный фактъ самосожженія въ таинственныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости въ то время превышалъ выносливость нерновъ, еще не пріученныхъ къ такимъ фактамъ политикою «конституціонныхъ кабинетовъ». Какъ только оно стало извѣстно студенчеству —рѣшеніе было готово. Я помню, какъ одинъ изъ товарищей сообщилъ на очередномъ засѣданіи представительскаго собранія о смерти Вѣтровой. Прерывающимся голосомъ сказалъ онъ нѣсколько словъ. Тѣсная комнатка гдѣ-то на Петербургской сторонѣ, гдѣ мы собрались, казалось, закачалась предъ нами, въ облакахъ табачнаго дыма. Демонстрація вылилась въ единодушномъ рѣшеніи, безъ рѣчей, безъ голосованій. Чувство разрушило гнилую дипломатію, и прокламаціи, выпущенныя различными студенческими организаціями съ призывомъ на Казанскую площадь, проникнуты уже вполнѣ опредѣленнымъ политическимъ настроеніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были болѣе умѣренными, другія болѣе крайними, но суть у всѣхъ была одинакова. Странное наказаніе, придуманное комитетомъ министровъ для демонстрантовъ: трехдневное заключеніе въ «Крестахъ», безусловно, сыграло добрую роль въ развитіи политическаго самосознанія студенчества.

Однако, и на этотъ разъ о революціонной сознательности студенчества можно говорить только съ большими и существенными ограниченіями. Даже касса взаимопомощи и совѣтъ объединенныхъ землячествъ, которые во время этой демонстраціи дѣйствовали вмѣстѣ, держались очень нерѣшительно.

Они согласились выпустить воззваніе «къ обществу», но, напримѣръ, предложенную одновременно агитаціонную прокламацію «къ народу» пришлось выпустить безъ фирмы. Между тѣмъ, эта прокламація имѣла большое практическое значеніе. Она должна была быть разослана по всѣмъ мелочнымъ лавкамъ и мелкимъ магазинамъ, расположеннымъ на пути слѣдованія задуманной демонстраціи, и содержала изложеніе причинъ и смысла шествія.

Съ 3 на 4 марта группа самоотверженныхъ товарищей цѣлую ночь напролетъ раскладывала конверты съ этой прокламаціей по почтовымъ ящикамъ въ разныхъ частяхъ города. Впечатлѣніе произведенное ими, осталось неизвѣстнымъ. Мнѣ разсказывали лишь про одного букиниста около Литейнаго, который получивъ прокламацію, побѣжалъ съ нею къ приставу, а тотъ въ награду за преданность произвелъ у него обыскъ.

Еще болѣе ярко рисуетъ настроеніе момента отношеніе организаціи къ рабочимъ. Рабочія организаціи тогда уже имѣли имя; невольно возникъ вопросъ, выпускать призывъ къ рабочимъ или нѣтъ, и единодушно былъ рѣшенъ отрицательно. Марксисты возстали противъ этого, отдавая дань «экономизму», остальные протестовали, находя, что въ случаѣ присутствія рабочихъ демонстрація приметъ ужъ слишкомъ революціонный характеръ и вызоветъ слишкомъ суровыя репрессіи. Тогда была распространена неизвѣстно на чемъ

основанная увѣренность, что по отношенію къ студентамъ правительство не посмѣетъ принять такихъ жестокихъ мѣръ, какъ по отношенію къ рабочимъ. Во всякомъ случаѣ, рабочіе не были призваны, и демонстрація носила чисто студенческій характеръ съ участіемъ нѣкотораго количества интеллигенціи и нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ, пришедшихъ, несмотря на отсутствіе приглашенія. Мысль о томъ, что всякая демонстрація только выигрываетъ, когда она является всенародной, какъ-то даже не приходила въ голову.

Послѣдовавшія за демонстраціею сходки показали, что въ массѣ дѣло обстояло еще хуже. Сходки возникли по тому поводу, что въ Казанскую часть, гдѣ полиція переписала демонстрантовъ, попало всего только около 1200 человѣкъ. Между тѣмъ, въ Казанскомъ соборѣ и на площади было, конечно, въ десять разъ больше. Часть, разумѣется, благоразумно ретировалась, но большая часть была искусно отрѣзана и разсѣяна полиціей. Теперь, послѣ переписки 1200 человѣкъ, у многихъ явилось вполнѣ естественное желаніе раздѣлить отвѣтственность товарищей, заявивъ о солидарности съ ними. Изъ разныхъ способовъ заявленія выбрали форму листовъ съ собственноручными подписями незаписанныхъ участниковъ демонстраціи. Это рѣшеніе было принято быстро и единодушно, но затѣмъ вопросъ, казавшійся самымъ пустымъ, вызвалъ ожесточенные споры, продолжавшіеся, если не ошибаюсь, два дня,—вопросъ о томъ, какъ озаглавить подписной листъ. Кто-то предложилъ формулу, гдѣ указывалось, что предполагаемыя фамиліи принадлежатъ лицамъ, участвовавшимъ въ демонстраціи въ память замученной правительствомъ М. Ѳ. Вѣтровой. Эта формула вызвала рѣзкіе протесты. Изъ студенческой массы, которая, обыкновенно, изображаетъ роль «народа», кричащаго или безмолвствующаго, стали выдѣляться ораторы, весьма связно доказывавшіе, что они участвовали не въ демонстраціи, а въ попыткѣ отслужить панихиду. Что служеніе панихиды они считали и продолжаютъ считать своимъ товарищескимъ долгомъ по отношенію къ почившей *курсисткѣ* Вѣтровой, и что они, отправляясь въ Казанскій соборъ, были убѣждены въ томъ, что правительство не можетъ препятствовать выполненію почтеннаго христіанскаго обряда. Такимъ образомъ, они не могутъ сказать про себя, что участвовали *въ демонстраціи*. Другіе говорили на ту тему, что предложенная формула носитъ слишкомъ рѣзкій политическій характеръ, что надо какъ-нибудь отмѣтить чисто студенческій характеръ манифестаціи. Сторонники рѣзкой формулы произнесли нѣсколько хорошихъ и дѣльныхъ рѣчей, разъяснившихъ «христіанамъ» политическую ситуацію, но, въ концѣ концовъ, настроеніе большинства было настолько расплывчато, что надъ подписями пришлось написать только: списокъ лицъ, бывшихъ на панихидѣ въ Казанскомъ соборѣ. Листы были посланы градоначальнику, гдѣ на нихъ не обратили вниманія. Полиція, непривыкшая тогда къ массовымъ выступленіямъ, чувствовала себя достаточно ошеломленной уловомъ 1200 человѣкъ, чтобы увеличивать эту цифру еще нѣсколькими сотнями. Споры между студентами на сходкѣ по поводу заголовка листовъ сопровождались частными спорами между нѣкоторыми видными дѣятелями совѣта землячества и кассы взаимо-

помощи. Земляки горячо доказывали, что всякая опредѣленная постановка политическихъ вопросовъ непремѣнно потерпитъ крушеніе на почвѣ политической незрѣлости студенческой массы и что удачный исходъ демонстраціи въ значительной степени объясняется взрывомъ моральнаго, а не политическаго негодованія и подъемомъ товарищескаго чувства.

Но «товарищескому» чувству невольно приходилось брать въ руководители политическую мысль. Въ особенности ярко эта необходимость сказалась во время сходокъ, вызванныхъ безпорядками въ варшавскомъ университетѣ по поводу участія варшавскихъ профессоровъ въ открытіи виленскаго памятника Муравьеву. Сходки, посвященныя муравьевскому вопросу, были замѣчательны тѣмъ, что на нихъ въ первый разъ выступила реакціонная часть студенчества въ качествѣ организованной и покровительствуемой начальствомъ силы. Она безпрепятственно устраивала свои особыя сходки не на исторической «площадкѣ», а въ аудиторіяхъ, выбрала себѣ президіумъ, который входилъ въ какія-то таинственныя сношенія съ инспекціей и т. д. Эти истинно-русскіе люди, какъ они себя тогда же назвали, перенесли вопросъ на чисто политическую почву. Въ рѣчахъ, которыя они охотно произносили, говорилось о польскомъ вопросѣ въ духѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и указывалось на задачи Россіи, какъ великой и единой державы.

На одной изъ особыхъ сходокъ, кто-то изъ руководителей «истинно-русскихъ» студентовъ произнесъ даже цѣлую лекцію объ историческомъ и современномъ положеніи польскаго вопроса. Истинно-русскихъ людей набралось, въ общемъ, немного; они сформировали свои кадры, главнымъ образомъ, изъ сыновей чиновниковъ Царства Польскаго, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ худшихъ частей русской бюрократіи. Но наглое и вызывающее поведеніе этой кучки надѣлало много хлопотъ передовой части студенчества и произвело нѣкоторое впечатлѣніе на массу, которая, отнюдь не становясь на «истинно-русскую» точку зрѣнія, тѣмъ не менѣе колебалась оскорбить товарищей политическимъ заявленіемъ слишкомъ рѣзкаго свойства. Если, въ концѣ концовъ, сходка поручила все-таки кассѣ взаимопомощи выработать адресъ съ выраженіемъ сочувствія варшавскимъ студентамъ, то это рѣшеніе огромнаго большинства было достигнуто чрезвычайно сомнительнымъ въ политическомъ смыслѣ ходомъ.

Нѣкоторые ораторы изъ земляческихъ организацій сорвали апплодисменты, доказывая, что варшавскіе профессора уже по одному тому заслуживаютъ порицанція, что внесли политическіе раздоры въ стѣны храма науки и тѣмъ оскорбили и науку и ея слушателей, проникнутыхъ чувствомъ національнаго безпристрастія. Съ такою постановкою вопроса соглашался кое-кто даже изъ истинно-русской оппозиціи. Адресъ, выработанный и посланный кассою, исходилъ, однако, изъ другихъ взглядовъ. Но его текстъ уже не обсуждался на сходкѣ.

Муравьевскія волненія были послѣдними предъ движеніемъ 1899 года. Ими заканчивается цѣлый періодъ въ исторіи студенчества, періодъ борьбы съ общимъ режимомъ на почвѣ университетскаго режима. Рядъ мелкихъ, чисто академическихъ вспышекъ и столкнове-

ній съ профессорами, съ инспекціей и ректоромъ, я не вспоминаю. Ихъ значеніе ограничивается только сплоченіемъ отдѣльныхъ группъ студентовъ, сплоченіемъ, оказавшимъ существенную услугу въ 1899 году.

Такимъ образомъ, къ началу большого движенія 1899 года петербургское студенчество пережило и передумало цѣлый рядъ конфликтовъ, приводившихъ мысль къ политическимъ выводамъ опредѣленнаго характера. Оно подверглось продолжительному воздѣйствію соціалдемократической агитаціи, которая, при всей своей односторонности въ тотъ періодъ, имѣла благотворное вліяніе, ставя ребромъ коренной вопросъ о несовмѣстимости абсолютизма съ мало-мальски культурными формами общежитія. Наконецъ, студенчество, въ довольно значительной своей части, пріобрѣло организаціонные навыки и техническій опытъ массовыхъ выступленій, накопленный въ предшествовавшихъ волненіяхъ, благодаря тому, что они оканчивались безъ жертвъ. Въ то время, какъ изъ другихъ университетовъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ изгонялись сотни, въ Петербургѣ въ теченіе всего періода 95—99 года ни одинъ человѣкъ не былъ уволенъ за участіе въ сходкахъ и демонстраціяхъ. Эта начальственная терпимость создала «старую гвардію», умѣвшую вести дѣла. Кромѣ того, долговременность существованія студенческихъ организацій и выполненіе ими все же и нѣкоторыхъ профессіональныхъ задачъ установило личныя связи между студенческими представителями съ одной стороны и представителями профессуры, литературы и общества—съ другой. Наконецъ, мы имѣли связи и съ другими университетами и высшими учебными заведеніями. Средняя школа конспиративной дѣятельности была, однимъ словомъ, пройдена нами съ успѣхомъ.

Что же касается уровня нашего политическаго развитія, то его нужно было поднять еще очень высоко, чтобы мы получили даже формальное право на званіе политическихъ борцовъ. За исключеніемъ немногихъ, примкнувшихъ къ партійнымъ организаціямъ и почти не интересовавшихся событіями университетской жизни, большинство передового студенчества представляло очень сырую и рыхлую массу. Стихійное недовольство, демократическое чувство, бурный темпераментъ молодости, запасъ общихъ фразъ изъ революціоннаго катехизиса и разнообразныхъ «возмутительныхъ» фактовъ изъ русской дѣйствительности—вотъ тотъ политическій капиталъ, которымъ мы располагали.

Разсыпанная картина нашихъ политическихъ свѣдѣній не была приведена въ систему, не освѣщалась регулирующимъ свѣтомъ опредѣленной идеи. Даже основной вопросъ объ отношеніи къ абсолютизму не былъ нами разрѣшенъ твердо и безповоротно, не былъ нами даже и продуманъ во всей его величинѣ. Если когда-нибудь будутъ опубликованы студенческія показанія, данныя генералу Ванновскому то позднѣйшія поколѣнія будутъ поражены наивностью политической мысли и дѣтскою ея неопытностью въ элементарныхъ вопросахъ государственной жизни. О томъ, чтобы студенты ясно представляли себѣ путь борьбы, ея средства, нечего, конечно, и говорить. Вѣра въ то, что наиболѣе чувствительную для студенчества прорѣху—университетскій уставъ, можно починить и при абсолютизмѣ теплилась у очень и

очень многихъ. Нежеланіе примѣшивать къ своему студенческому дѣлу народъ изъ опасенія повредить практическимъ успѣхамъ своей политики также таилось у многихъ. Можно, пожалуй, сказать что большинство студенчества стремилось къ реформамъ, но можно утверждать, что это большинство было противъ революціи, то есть противъ политики и тактики, основанной на стремленіи къ ниспроверженію существующаго строя. На этой чертѣ студенчество останавливалось Правительство перевело студентовъ чрезъ эту черту въ періодъ волненій 1899 года.

V.

Причины и внѣшняя исторія движенія 1899 года еще у всѣхъ въ памяти. Внутренняя же исторія со всѣми закулисными чертами пока еще по разнымъ соображеніямъ несвоевременна. Поэтому я заранѣе долженъ оговориться, что въ дальнѣйшемъ изложеніи во многихъ случаяхъ долженъ буду ограничиться общими чертами.

Какъ извѣстно поводомъ къ возникновенію волненій послужила лихая кавалерійская атака, изобрѣтенныхъ Клейгельсомъ конныхъ городовыхъ на кучку весьма мирно настроенныхъ студентовъ у Румянцевскаго сквера. Городовые изрядно отхлестали нагайками студентовъ, хотя, по сравненію съ нынѣшними избіеніями, избіеніе 8 февраля 1899 года можетъ показаться дружескимъ пинкомъ. Безпричинность избіенія страшно возмутила студенчество. Прійдя съ поля битвы въ университетскую столовую, помѣщавшуюся тогда на 10 линіи Вас. Острова, публика сильно волновалась и толковала о томъ, что завтра же необходимо назначить сходку. Вечеромъ, на обычныхъ вечеринкахъ также говорили о сходкѣ и ходило выпущенное кѣмъ-то приглашеніе. Но чрезвычайнаго возбужденія, которое показывало бы величину надвигавшихся событій, не было замѣтно. Въ кассѣ господствовало желаніе использовать этотъ случай только для политической агитаціи; никакихъ предпріятій не намѣчалось, и вопросъ даже не обсуждался. По отношенію къ сходкѣ, назначенной на 9 февраля, держалась увѣренность, что она будетъ немногочисленной и разрѣшится безплодной болтовней, какъ большинство мелкихъ сходокъ, успѣвшихъ уже надоѣсть старымъ студентамъ. Я былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что, несмотря на живое участіе во всѣхъ студенческихъ дѣлахъ, не хотѣлъ итти въ университетъ и спокойно сидѣлъ въ столовой, когда около 12 часовъ туда прибѣжалъ страшно возбужденный товарищъ и разсказалъ, что въ университетѣ собралось около трехъ тысячъ человѣкъ, что на площадкѣ не хватило мѣста и пришлось выломать двери въ актовой залѣ, что сходка протекаетъ въ образцовомъ порядкѣ, подъ руководствомъ предсѣдателя, и съ сильнымъ подъемомъ настроенія. Мы немедленно отправились въ университетъ и тамъ сразу увидѣли, что налетѣла буря. Когда масса самопроизвольно выходитъ изъ обычнаго аморфнаго состоянія и организуется, она способна совершить большія дѣла. Правда, во главѣ сходки стали солдаты студенческой старой гвардіи, знакомые члены студенческихъ организацій, но они были оторваны отъ этихъ организацій и выбро-

шены наверхъ глубокой массовой волной. Содержаніе движенія и формы его дышали новою жизнью, накопленный опытъ былъ учтенъ только въ организиціонной техникѣ. Сходка 9 февраля уже намѣтила общую линію движенія. Вечеромъ того же 9 февраля состоялось засѣданіе представительскаго собранія кассы взаимопомощи, на которомъ касса признала полномочія, полученныя отъ сходки группою лицъ, назвавшихъ себя «организаціоннымъ комитетомъ» и присоединилась къ общему движенію. Черезъ недѣлю всѣ высшія учебныя заведенія въ Россіи были закрыты, а менѣе чѣмъ чрезъ двѣ недѣли, 20 февраля, растерявшееся правительство назначило генерала Ванновскаго для «разслѣдованія причинъ и обстоятельствъ» происходящихъ безпорядковъ. Разъ поставленное на дорогу, движеніе развивалось быстро и рѣшительно. Но прежде чѣмъ оно нашло эту дорогу, оно пережило колебанія, которыя, какъ и сама найденная дорога, чрезвычайно характерны для политическаго состоянія студенчества въ тотъ періодъ.

Студенты, попавшіе въ первый организаціонный комитетъ, всѣ уже въ той или другой степени примыкали къ намѣтившимся въ то время соціально-политическимъ программамъ. Одни склонялись къ соціалдемократіи, другіе—къ начинавшему возрождаться и складываться соціалъ-народничеству.

Но по отношенію къ выпавшей на ихъ долю задачѣ: руководить возникшимъ движеніемъ, у нихъ безъ особыхъ разногласій и треній, составился особый свой планъ. Этотъ планъ не былъ выдуманъ заблаговременно злонамѣренными агитаторами, какъ потомъ утверждало правительство и его сторонники. Этотъ планъ созрѣлъ стихійно въ горячей атмосферѣ первыхъ сходокъ и первыхъ засѣданій организаціоннаго комитета, какъ-то даже внѣ сознанія его авторовъ. Лучшее доказательство стихійнаго появленія плана—это его анонимность. До сихъ поръ никто не можетъ указать, кто именно высказалъ его впервые. Повидимому, каждый предлагалъ отдѣльныя мѣры, совокупность которыхъ и составила планъ кампаніи.

Особенностями этой кампаніи были и ея средства и ея цѣли. Въ качествѣ средства впервые рѣшено было примѣнить массовую стачку, которой суждено было сыграть такую рѣшающую роль въ славные октябрскіе дни, и «обструкцію», т. е. насильственное прекращеніе лекцій въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ не удастся пріостановить мирнымъ путемъ. Цѣлью же являлось вырвать движеніе изъ рокового тупика пересмотра устава и придать ему тотъ политическій характеръ, который отвѣчалъ бы поводу волненій. Студенческія требованія на этотъ разъ должны были носить и достаточно широкій и достаточно конкретный характеръ гражданскихъ требованій.

Проведеніе плана организаціоннаго комитета встрѣтило значительныя трудности. Прежде всего, въ началѣ было нѣсколько трудно опредѣлить, куда склонится «тысячеголовое чудовище»—масса. Ораторы, выступавшіе изъ нея и неизвѣстные организованнымъ кругамъ, представляли «гласъ народа» довольно плохо. Какой-то студентъ, напяливъ на себя парадный мундиръ, билъ себя въ грудь и кричалъ, что нужно протестовать, ибо поругана честь мундира. Но масса, какъ

и всегда, оказалась гораздо догадливѣе, чѣмъ о ней обыкновенно полагаютъ ея профессіональные печальники. Основная идея предложеннаго плана тотчасъ же была схвачена массою превосходно. Гораздо труднѣе было уладить дѣло съ вождями. Здѣсь организаціонный комитетъ долженъ былъ выдержать дружественныя стычки и съ академистами и съ политиками.

Академисты опять выдвинули требованіе пересмотра университетскаго устава и успѣли даже заручиться со стороны кое-кого изъ либеральныхъ профессоровъ обѣщаніями содѣйствовать петиціи въ этомъ смыслѣ. На первой сходкѣ сторонникомъ академистовъ выступилъ и Г. С. Носарь, будущій предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ — Хрусталевъ. Онъ со свойственной энергіей и дѣловитостью произнесъ весьма содержательную рѣчь, гдѣ подробно изложилъ проектъ петиціи, даже съ указаніемъ различныхъ параграфовъ, которые слѣдовало отмѣтить или измѣнить въ университетскомъ уставѣ. Однако, при дальнѣйшихъ переговорахъ съ нимъ членовъ организаціоннаго комитета оказалось, что Г. С. академистъ—изъ дипломатическихъ соображеній. Увидя, что масса способна стать на болѣе широкую точку зрѣнія, онъ присоединился къ организаціонному комитету и проявилъ тамъ энергичную дѣятельность. Съ другими же академистами пришлось достаточно поспорить прежде, чѣмъ удалось одержать побѣду. Но ихъ позиція была очень слаба. Организаціонный комитетъ прямо поставилъ вопросъ: какая связь между тѣмъ, что произошло 8 февраля и тѣмъ или другимъ параграфомъ университетскаго устава? Путемъ какихъ логическихъ доводовъ можно прійти къ мысли, что избіеніе нагайками является основаніемъ для ходатайства о свободѣ науки? Затѣмъ, самый способъ ходатайствъ, петицій былъ дискредитированъ всѣми прошлыми опытами.

Никто изъ академистовъ не могъ отвѣтить даже на простой, чисто техническій вопросъ: кому и какимъ образомъ мы подадимъ петицію, если таковая будетъ написана и подписана? Гимнастическія упражненія Капустина предъ клочками изъ записной книжки были всѣмъ памятны. Въ 1899 году дѣло обстояло еще хуже, ибо «добраго» Делянова смѣнилъ твердокаменный Боголѣповъ. Наконецъ, если бы совершилось чудо, и петиція была бы принята, то кто же могъ поручиться за сколько-нибудь удовлетворительные результаты. Для того, чтобы обратить на себя вниманіе, очевидно, надо было дѣйствовать, надо было серьезнымъ актомъ показать, что студенчество не потерпитъ надругательства надъ собою, такъ какъ избіеніе 8 февраля является несомнѣннымъ поруганіемъ личности и поруганіемъ той науки, во имя которой собрались здѣсь студенты. Послѣ 8 февраля пущено было крылатое слово—наша alma mater стала mater corrupta.

Сходка горячо привѣтствовала такую постановку вопроса, и въ Петербургѣ организаціонный комитетъ одержалъ сравнительно легкую побѣду именно потому, что онъ апеллировалъ непосредственно къ студенческой массѣ. Въ Кіевѣ же и Москвѣ, гдѣ петербургскимъ делегатамъ пришлось первоначально столковаться съ организаціями, петербургской точкѣ зрѣнія приходилось туго. Кіевскія студенческія организаціи отличались всегда большимъ словеснымъ радикализмомъ.

Ихъ прокламаціи, написанныя высокимъ стилемъ и пересыпанныя стихотворными цитатами, возбуждали въ холодныхъ петербуржцахъ добродушную насмѣшку; въ свою очередь кіевляне также не были довольны петербуржцами. Петербургская постановка вопроса показалась имъ гораздо менѣе радикальной, чѣмъ прежнія требованія объ измѣненіи устава. Цѣлую ночь провелъ питерскій делегатъ, убѣждая кіевскую организацію въ преимуществахъ своего предложенія. Въ концѣ концовъ онъ добился только права выступить на сходкѣ лично и отдать, такимъ образомъ, дѣло на судъ студенчества. Сходка приняла петербургское предложеніе съ полнымъ сочувствіемъ. Въ Москвѣ союзный совѣтъ землячествъ сомнѣвался, что студенты примутъ петербургскій лозунгъ. Но они его приняли, хотя затѣмъ, кажется, къ петербургскимъ требованіямъ были прибавлены и чисто академическія. Вообще, провинція не разсчиталась сразу такъ безповоротно съ академизмомъ, какъ Петербургъ.

Но если съ академизмомъ организаціонный комитетъ легко свелъ ликвидаціонные счеты, то его споръ съ «политиками» былъ гораздо сложнѣе и горячѣе. Участіе и санкція кассы взаимопомощи были, по многимъ соображеніямъ, весьма цѣнны для движенія и нужно было во что бы то ни стало добиться соотвѣтствующаго постановленія представительскаго собранія. Въ это время подавляющее большинство членовъ собранія принадлежало къ соціалдемократіи. На экстренномъ засѣданіи 9 февраля они стали на обычную точку зрѣнія: студенческое движеніе излишне, такъ какъ студенчество не представляетъ изъ себя соціальной силы; студенческое движеніе вредно, такъ какъ это влечетъ растрату накопляющагося революціоннаго капитала. Протестовать противъ возмутительныхъ актовъ правительственнаго произвола можно лишь однимъ путемъ—путемъ работы въ пролетаріатѣ, которая тогда, между прочимъ, также почти исключала политическіе моменты.

Это была эпоха «Рабочей Мысли», эпоха экономизма, который всего менѣе былъ способенъ занять правильную позицію по отношенію къ политической борьбѣ другихъ классовъ. Реакція противъ этого направленія уже назрѣвала въ видѣ элементовъ будущей «Искры», и грядущіе споры соціалдемократовъ впервые разыгрались въ миніатюрѣ на собраніи кассы взаимопомощи. Часть соціалдемократовъ горячо стали за поддержку начавшагося движенія и за участіе въ немъ съ цѣлью придать ему наиболѣе сознательный характеръ.

Организаціонному комитету удалось добиться положительнаго рѣшенія, но большинство соціалдемократовъ было довольно, что свалило руководство на плечи комитета и относилась къ движенію весьма холодно вплоть до тѣхъ поръ, пока не выяснились его грандіозные размѣры.

Такое же отношеніе господствовало и въ нестуденческихъ с.-д. кругахъ. Они, повидимому, полагали, что движеніе не выйдетъ за предѣлы обычныхъ семейныхъ безпорядковъ. Между тѣмъ, въ рабочей средѣ очень интересовались студенческими дѣлами. Въ первые же дни волненій въ столовую какъ-то зашелъ рабочій съ Балтійскаго завода и потребовавъ старшаго дежурнаго студента, передалъ ему записку,

нацарапанную на клочкѣ сѣрой бумаги. Въ этой запискѣ отъ имени рабочихъ Балтійскаго завода студентамъ посылался упрекъ: почему они не выпустятъ печатнаго листка съ объясненіемъ цѣлей движенія. «Мы—гласила записка—очень интересуемся, изъ за чего вы бунтуете, а понять не можемъ. Многіе распространяютъ слухъ, что вы хотите отнять у крестьянъ землю и возобновить крѣпостное право. Однако мы этому не вѣримъ и знаемъ, что такіе слухи распространяютъ шпіоны». Письмо закончилось убѣдительной просьбой выпустить «листокъ». Мы передали записку въ петербургскую соціалдемократическую организацію, такъ какъ не имѣли непосредственныхъ связей съ заводами и не могли, поэтому, удовлетворить запросъ Балтійскихъ рабочихъ. Установить тѣсныя сношенія съ заводами, чтобы связать студенческое движеніе съ рабочимъ и придать ему еще болѣе широкій размахъ или не приходило въ голову, или совсѣмъ не входило въ планъ организаціоннаго комитета, который стремился обезпечить себѣ сплоченное большинство на доступныхъ студентамъ политическихъ требованіяхъ. Для этого нужно было придать движенію такой характеръ, чтобы оно, не сходя съ политической почвы, не переходило, однако, въ юридически революціонное дѣяніе. Организаціонный комитетъ стремился къ тому, чтобы, съ одной стороны, его существованіе не могло быть подведено подъ статьи закона о тайныхъ революціонныхъ обществахъ, а, съ другой стороны, чтобы и самыя цѣли движенія не могли послужить поводомъ къ обычному обвиненію по 250 статьѣ стараго уголовнаго уложенія то есть въ намѣреніи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспровергнуть существующій строй. Какъ недурно формулировала задачи движенія одна курсистка, мы должны были бороться за законъ, а не противъ закона. Съ этою цѣлью, организаціонный комитетъ выставилъ только три требованія: обезпеченіе неприкосновенности личности, изданіе точныхъ правилъ о полномочіяхъ полиціи при столкновеніяхъ съ толпою, судебная отвѣтственность администраціи за ихъ нарушеніе и судебное разслѣдованіе избіенія 8 февраля. Требованія эти одновременно были очень узкими, поскольку они не охватывали всѣхъ правъ человѣка и гражданина, и слишкомъ широкими, поскольку они были невмѣстимы абсолютистско-полицейскимъ государствомъ. Въ массѣ они приняли еще болѣе обобщенную форму, и студенты просто говорили: мы боремся за священныя элементарныя права личности, за ея неприкосновенность. И таковъ былъ дѣйствительный смыслъ борьбы. Принятіе организаціоннымъ комитетомъ неполной и неудачной формулировки въ значительной степени объясняется изрядною политическою невинностью его членовъ, принадлежавшихъ къ тому въ большинствѣ къ естественникамъ по спеціальности. Но въ этомъ фактѣ заключалось и нѣчто болѣе важное съ исторической точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что какъ ни свѣжи были естественники въ вопросахъ государственнаго и административнаго права, однако; они сразу поставили вопросъ о томъ, насколько совмѣщается неприкосновенность личности съ абсолютизмомъ и насколько, слѣдовательно, выставленіе подобныхъ требованій имѣетъ реальное значеніе. Горячіе споры, возникшіе по этому поводу, не привели ни къ какимъ результатамъ. Выяснилось только, что нѣкоторые

склоняются къ той точкѣ зрѣнія, которая составляла особенность русскаго либерализма въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ: именно что абсолютизмъ еще не исключаетъ законности. На этой фикціи, какъ извѣстно, была построена либеральная защита полноправія земскихъ и судебныхъ учрежденій и т. п. И вотъ эта либеральная фикція поколебала организаціонный комитетъ. Онъ поручилъ одному изъ товарищей посовѣтоваться съ знакомыми и авторитетными юристами относительно формулировки требованій. Результатомъ юридической консультаціи и былъ выпущенный организаціоннымъ комитетомъ листокъ: «наши требованія». Такимъ образомъ, еще въ 1899 году либеральная идеологія могла овладѣть студенческимъ движеніемъ. Массовое студенчество да отчасти и организаціонный комитетъ искренно думали, что они борятся за законъ, а не противъ закона, полагая, что полицейскій абсолютизмъ знаетъ какіе либо законы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая устранить и формальные поводы для обвиненій, организаціонный комитетъ неоднократно и въ рѣчахъ, и въ листкахъ утверждалъ, что наше движеніе—не политическое. Но такъ какъ оно не было и академическимъ, то придумана была особая терминологія: наше движеніе -движеніе общественное, выражающее протестъ противъ попиранія произволомъ насильнической администраціей элементарныхъ и священныхъ правъ человѣческой личности.

Эта идея была усвоена студенческой массой достаточно прочно, и всякое отклоненіе отъ принятой линіи, какъ вправо, такъ и влѣво, встрѣчалось потомъ весьма недружелюбно. Когда одинъ изъ членовъ организаціоннаго комитета, пользовавшійся обычно громадною популярностью, говоря рѣчь на сходкѣ 9 или 10 февраля, произнесъ шутливыя слова, въ которыхъ можно было усмотрѣть непочтительное отношеніе къ царскому портрету сходка заревѣла, какъ разъяренное животное. Ораторъ едва могъ закончить свою рѣчь. И послѣ него пришлось произнести двѣ рѣчи спеціально для того, чтобы успокоить аудиторію, доказавъ ей, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, что оратора не такъ поняли.

Даже во второмъ періодѣ движенія, когда «касса взаимопомощи» выпустила противъ воли организаціоннаго комитета прокламацію, гдѣ студенческое движеніе объявлялось революціоннымъ броженіемъ пробуждающейся буржуазіи и первымъ проблескомъ тѣхъ бурь, которые должны свести въ могилу русскій абсолютизмъ,—эта прокламація, получившая громкое названіе «манифеста» вызвала такое раздраженіе, что въ столовой ее рвали и топтали ногами. Организаціонный комитетъ долженъ былъ сдѣлать офиціальное заявленіе, что, не входя въ критику содержанія прокламаціи, онъ указываетъ на полную свою непричастность къ ея появленію. Надо, впрочемъ, замѣтить, что плохой пріемъ «манифеста» зависѣлъ и отъ другихъ причинъ. Дѣло заключалась, конечно, не въ смѣшной игрѣ словами: политическое или общественное. Споръ о словахъ скрывалъ споръ по существу; быть ли движенію революціоннымъ или оппозиціоннымъ?

На той точкѣ, на которую движеніе стало въ первый періодъ, оно не могло долго оставаться. Равновѣсіе было слишкомъ неустойчивымъ. Но это все-таки было равновѣсіе. Ни правая ни лѣвая чашка

вѣсовъ не могла перетянуть. Нужно было еще бросить что либо на вѣсы для того, чтобы студенчество рѣшительно склонилось въ ту или другую сторону. Правительство бросило комиссію Ванновскаго.

VI.

Назначеніе разслѣдованія дѣйствій полиціи и притомъ разслѣдованіе въ столь экстраординарной формѣ, естественно, принято было студентами, какъ побѣда движенія, сумѣвшаго поколебать основной столпъ полицейскаго абсолютизма: догматъ непогрѣшимости полиціи. Но чувство одержанной побѣды не переходило въ ликованіе, наоборотъ, оно осложнялось многими сомнѣніями. Студенты знали, что комиссія является слѣдствіемъ растерянности правящихъ сферъ, выразившейся въ рядѣ запутанныхъ придворныхъ интригъ. Витте, уже тогда обладавшій жонглерскою ловкостью рукъ, хотѣлъ студентами сбить съ позиціи Горемыкина, въ качестѣ министра внутреннихъ дѣлъ, ставшаго на защиту Клейгельса и охраннаго отдѣленія.

Витте принадлежала записка, которой онъ провелъ «позаимствованную» имъ изъ профессорскихъ круговъ мысль о необходимости спеціальной внѣвѣдомственной комиссіи для изслѣдованія дѣла. Самое происхожденіе комиссіи внушало, слѣдовательно, очень основательныя сомнѣнія относительно ея состава и направленія ея работъ. Затѣмъ, личность Ванновскаго пользовалась скорѣе отрицательной, чѣмъ безразличной—не говоря уже о положительной—репутаціей. Мы знали о немъ, что это бывшій военный министръ Александра III, одинъ изъ вождей реакціонной военной партіи, свалившей либеральнаго Милютина, человѣкъ безъ образованія, суровый, послѣдовательно уничтоживший въ арміи всѣ слѣды эпохи либеральныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Наконецъ, откуда-то узнали, что онъ родственникъ Горемыкина, котораго мы считали, вмѣстѣ съ Боголѣповымъ, главнымъ виновникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. Всѣ эти данныя настраивали очень отрицательно по отношенію къ Ванновскому. Впрочемъ въ видѣ смягченія впечатлѣнія, прибавляли, что Ванновскій—уже развалина, въ университетскихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ; такимъ образомъ, исходъ дѣла будетъ зависѣть отъ комиссіи. Организаціонный комитетъ, не входя въ оцѣнку личности Ванновскаго, принципіально призналъ самый фактъ назначенія комиссіи недостаточнымъ для прекращенія забастовки и призвалъ студенчество крѣпко держаться вплоть до удовлетворенія выставленныхъ требованій.

Забастовка продолжалась. Однако сейчасъ же послѣ назначенія Ванновскаго, начали въ изобиліи распространяться иные болѣе примирительные взгляды, которые нашли сильную поддержку въ либеральныхъ профессорскихъ кружкахъ. Дѣло въ томъ, что интриги правящихъ сферъ дали возможность либеральной партіи профессоровъ предпринять нѣкоторые практическіе шаги. Почтенные ученые, академики Н. Н. Бекетовъ и А. С. Фаминцынъ, тотчасъ же послѣ избіенія 8 февраля, собравшіе матеріалъ для доказательства полицейскихъ

побоевъ и пытавшіеся всѣми силами достигнуть наказанія виновныхъ, получили аудіенцію у Государя спеціально для доклада объ инцидентѣ у Румянцевскаго сквера. Эта аудіенція, состоявшаяся послѣ того, какъ вопросъ о назначеніи разслѣдованія былъ предрѣшенъ, сама по себѣ не опредѣляла дальнѣйшаго теченія событій. Организаціонный комитетъ, интересуясь ея исходомъ послалъ двухъ своихъ членовъ къ Н. Н. Бекетову узнать, чѣмъ кончится его попытка. Студенты дождались возвращенія Н. Н. изъ Зимняго Дворца и вмѣстѣ съ семьей Н. Н. и нѣкоторыми писателями и профессорами присутствовали при разсказѣ Н. Н. о пріемѣ.

Николай Николаевичъ показалъ имъ текстъ своего доклада. Это было краткое изложеніе безобразнаго факта избіенія въ очень мягкихъ и дипломатическихъ выраженіяхъ. Оканчивалось оно просьбою о разслѣдованіи и какъ бы оправданіемъ студенческихъ безпорядковъ нѣкоторыми соображеніями, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе произвело на членовъ организаціоннаго комитета указаніе, что студенты не заслуживали бы имени русскихъ, если бы не протестовали противъ нанесеннаго имъ оскорбленія. Такое объясненіе движенія съ точки зрѣнія патріотизма и народной гордости не приходило намъ въ голову. Н. Н. Бекетовъ только добродушно усмѣхнулся, когда студенты выразили ему свое удивленіе. Затѣмъ, Н. Н. Бекетовъ разсказалъ, что его докладъ былъ выслушанъ благосклонно, что собранные имъ и акад. Фаминцынымъ матеріалы по поводу избіенія приняты и будутъ переданы въ комиссію, и что ему и акад. Фаминцину будетъ дана возможность оказать содѣйствіе трудамъ этой комиссіи.

Послѣднее указаніе вызвало въ слушателяхъ нѣкоторое недоумѣніе. Возникъ споръ о томъ означаетъ ли это, что почтенные ученые будутъ назначены членами комиссіи или только то, что они будутъ спрошены въ качествѣ свѣдующихъ людей. Оптимисты утверждали первое, пессимисты склонялись ко второму. Н. Н. Бекетовъ заявилъ, что онъ самъ не знаетъ, какъ толковать спорныя слова, но что онъ считаетъ своимъ долгомъ предостеречь студентовъ отъ постройки прекрасныхъ замковъ на зыбкой почвѣ. Въ виду этого трезваго предостереженія, организаціонный комитетъ пришелъ къ твердому и ясному заключенію, что профессора не будутъ членами комиссіи Ванновскаго. Между тѣмъ академикъ Фаминцынъ примкнулъ къ оптимистическому толкованію открытыхъ перспективъ. Онъ полагалъ, что оба почтенные академика уже являются членами комиссіи. Визитъ къ Ванновскому не вывелъ А. С. Фаминцына изъ заблужденія, хотя Ванновскій сказалъ академикамъ очень неопредѣленную фразу: что-то въ родѣ того, что въ свое время онъ позоветъ ихъ.

Но неопредѣленность этихъ словъ зависѣла только отъ опредѣленности предшествующихъ ожиданій. Для Ванновскаго, даже и не думавшаго объ участіи профессоровъ въ работѣ комиссіи, его слова были вполнѣ ясны. Тѣмъ не менѣе, увѣренность А. С. Фаминцына стала распространяться среди профессоровъ. Образовалась цѣлая либеральная партія, которая вступила въ энергичную борьбу съ организаціоннымъ комитетомъ. Линія поведенія, рекомендуемая этою партіею,

обосновывалась приблизительно слѣдующимъ образомъ. Ванновскій полонъ благихъ намѣреній. Онъ призываетъ почтенныхъ и авторитетныхъ профессоровъ въ свою комиссію. Этимъ профессорамъ студенчество довѣряетъ. Слѣдовательно, оно можетъ довѣрять и комиссіи, и Ванновскому. Нужно выразить это довѣріе въ опредѣленной формѣ, чтобы развязать руки Ванновскому отъ полицейскихъ путъ и дать ему возможность перейти къ творческой работѣ. Нужно прекратить забастовку. Что касается высланныхъ,—въ то время уже было выслано нѣсколько десятковъ человѣкъ—то отвѣтственность за ихъ судьбу надо возложить на Ванновскаго. Онъ почувствуетъ себя обязаннымъ вернуть ихъ и сумѣетъ этого добиться. Какъ результатъ этой политики, въ перспективѣ либеральная партія рисовала новый уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, выработанный профессорами въ полномъ согласіи со студенческими желаніями.

Либеральная партія вела свою агитацію съ несвойственной ей страстностью и энергіею; при этомъ чѣмъ болѣе она восхваляла будущую комиссію, тѣмъ болѣе розовыми красками приходилось ей изображать и личность Ванновскаго. Какъ ни мало вѣрило радикальное студенчество либераламъ, однако, либеральные восторги показывали, что по тѣмъ или инымъ причинамъ, но Ванновскій вовсе не производитъ впечатлѣнія реакціоннаго людоѣда. Наоборотъ, изъ всѣхъ анекдотовъ о немъ, въ изобиліи составленныхъ либералами немедленно послѣ его назначенія, явствовало, что Ванновскій, по меньшей мѣрѣ, раздѣляетъ точку зрѣнія Витте, находившаго, что если студенты виноваты, то и полиція не безъ грѣха.

Во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія, проникавшія въ студенческую среду о личности Ванновскаго въ значительной мѣрѣ разсѣяли первоначальное отталкивающее впечатлѣніе, вызванное его назначеніемъ. Комиссія Ванновскаго стала возбуждать извѣстный интересъ, какъ что-то новое, еще неизвѣданное. Подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ организаціонномъ комитетѣ не разъ возникала мысль о томъ, чтобы завязать сношенія съ комиссію Ванновскаго съ цѣлью повліять на ходъ разслѣдованія. Эта мысль осуществилась, благодаря личной иниціативѣ двухъ членовъ организаціоннаго комитета В. А. Власова и меня. Для насъ комиссія Ванновскаго представляла непосредственный интересъ. Дѣло въ томъ, что первая же высылка захватила, какъ и слѣдовало ожидать, нѣсколькихъ членовъ перваго организаціоннаго комитета, уже давно извѣстныхъ полиціи по своей дѣятельности въ университетѣ. Въ число высланныхъ попалъ и я, и Власовъ. Но въ то время, какъ другіе высланные были захвачены полиціей или на квартирѣ, или въ университетѣ, или на улицѣ, мы счастливо избѣжали ареста, такъ какъ приняли самыя тщательныя мѣры предосторожности. Я, напримѣръ, уже съ 9 февраля не ночевалъ на своей квартирѣ, а затѣмъ обрилъ бороду, надѣлъ синіе очки и ходилъ въ штатскомъ платьѣ, напоминая скорѣе сыщика, чѣмъ студента. Затѣмъ въ университетъ, гдѣ хозяйничала уже полиція, приглашенная ректоромъ Сергѣевичемъ, мы не ходили. Въ студенческой столовой бывали только въ обѣденные часы и расходились вмѣстѣ съ тысячной толпой, среди которой насъ было трудно замѣтить. Вечеромъ

же уже ни на какихъ собраніяхъ мы не участвовали, а отправлялись куда нибудь на ночевку. Въ виду общаго сочувствія къ студентамъ въ тѣ дни недостатка въ квартирахъ для ночлега не было. Часто неизвѣстные товарищи предлагали свои услуги и доставляли весьма удобныя помѣщенія. Мы рѣшили вести такой нелегальный образъ жизни, пока не попадемся, такъ какъ не хотѣли уѣзжать изъ Петербурга въ самый разгаръ движенія, захватившаго насъ съ невиданной силой. Однако кочевой бытъ представлялъ и много неудобствъ. Кромѣ того, опасность ареста всегда висѣла надъ нами, такъ какъ по самому характеру своей работы мы не могли усиленно прятаться и должны были появляться или въ столовой, или въ толпѣ передъ университетомъ и т. п. Однажды, когда я уходилъ изъ столовой, товарищи замѣтили, что въ подворотнѣ противоположнаго дома прячется полиція. Я едва успѣлъ вскочить на извощика и отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ оттуда выскочилъ приставъ и, сѣвъ на другого извощика, погнался за мною. Мнѣ удалось спастись, заставивъ извощика сдѣлать нѣсколько неожиданныхъ поворотовъ. Приставъ пролетѣлъ мимо меня. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе усиливалась слежка, и мы ничего не имѣли противъ того, чтобы возвратить себѣ легальность, тѣмъ болѣе, что назначеніе разслѣдованія какъ будто обезпечивало отъ повторенія высылокъ.

Размышляя о способахъ возвращенія въ первобытное состояніе, я остановился на одномъ. Мнѣ казалось, что, разъ Ванновскій производитъ слѣдствіе, то мы ему несомнѣнно нужны въ качествѣ самыхъ важныхъ свидѣтелей или обвиняемыхъ—этому мы не придавали значенія. Если же мы ему нужны, то онъ долженъ оставить насъ въ Петербургѣ для допроса, который неизвѣстно когда состоится и который можетъ потребовать передопроса и т. д. Однимъ словомъ, я рѣшилъ, что мы можемъ обратиться къ Ванновскому, чтобы онъ задержалъ насъ въ Петербургѣ въ качествѣ лицъ, привлеченныхъ къ дознанію. Я сообщилъ этотъ планъ Власову, и мы столковались попробовать. Но итти прямо къ Ванновскому, значило бы отдавать себя во власть всякихъ неожиданностей которыя, быть можетъ, удалось бы предупредить, если совершить нѣкоторые подготовительные шаги. Мы узнали, что въ число членовъ комиссіи, имена которыхъ не были опубликованы, входитъ членъ консультаціи министерства юстиціи И. В. Мѣщаниновъ. Кто-то сказалъ, что Мѣщаниновъ—человѣкъ шестидесятыхъ годовъ и либералъ. Впослѣдствіи, сдѣлавшись товарищемъ министра народнаго просвѣщенія при Ванновскомъ, Мѣщаниновъ весьма основательно опровергъ всякіе слухи о своемъ либерализмѣ. Но въ 1899 году въ качествѣ неизвѣстнаго чиновника онъ, можетъ быть, и позволялъ себѣ иногда полиберальничать. Какъ бы то ни было, мы рѣшили обратиться къ Мѣщанинову. Другіе члены, изъ которыхъ намъ были извѣстны имена главнаго военнаго прокурора Маслова и завѣдывающаго канцеляріей министерства юстиціи по политическимъ дѣламъ Стремоухова уже окончательно не внушали довѣрія, въ особенности г. Стремоуховъ. Среди нашихъ товарищей по симферопольской гимназіи и по университету, оказался одинъ не то дальній родственникъ, не то близкій знакомый Мѣщанинова. Узнавъ о

нашихъ замыслахъ, этотъ товарищъ предложилъ предупредить Мѣщанинова о нашемъ приходѣ. Онъ сдѣлалъ это и сообщилъ намъ въ какіе часы удобнѣе всего застать дома г. Мѣщанинова. Намъ не было назначено пріема, но по нашему впечатлѣнію, нашъ приходъ не былъ нежелателенъ. На другой же день мы съ любопытствомъ отправились къ Мѣщанинову, захвативъ съ собою комплектъ «бюллетеней» нашего «Правительственнаго Вѣстника».

Мѣщаниновъ занималъ тогда довольно скромную квартиру на Николаевской улицѣ. Онъ встрѣтилъ насъ съ гораздо большимъ любопытствомъ, чѣмъ мы его, и принялъ насъ весьма любезно, но чрезвычайно нервно. Несмотря на то, что наше появленіе не было для него неожиданностью, онъ сдѣлалъ видъ, что очень удивленъ.

— Какъ вы прямо сюда пришли?—спросилъ онъ насъ. Вы знаете, это очень неудобно. Охранное отдѣленіе рветъ и мечетъ. Насъ всѣхъ уже объявили неблагонадежными и отдали подъ надзоръ. Замѣтили у моего подъѣзда гороховое пальто? Оно появилось съ того дня, какъ я назначенъ членомъ комиссіи.., Намъ приходится быть очень осторожными, очень... Но, впрочемъ, садитесь, садитесь... Мы сѣли, сѣлъ и онъ, но все время онъ какъ то опасливо озирался, словно боясь, что вотъ войдутъ «гороховыя пальто» и арестуютъ его вмѣстѣ съ нами.

— Ну, господа, затѣяли вы дѣло,—продолжалъ онъ.

Мы объяснили, что студенчество поставлено въ безвыходное положеніе. Законныхъ средствъ защиты нѣтъ. Приходится поневолѣ прибѣгать къ экстраординарнымъ способамъ.

— Да, да. Но теперь, слава Богу, все пойдетъ къ лучшему. Комиссія назначена. Ванновскій настроенъ очень хорошо. Конечно, онъ солдатъ, старикъ, въ университетскихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ, но мы его постепенно обрабатываемъ и своего добьемся. Мы сами были студентами... Мы все знаемъ... Уставъ 63 года — вотъ наша цѣль.

А наши требованіи? Неприкосновенность личности, судебная отвѣтственность администраціи и т. д.

— Я слышалъ, слышалъ. Читалъ вашъ листокъ. Ну, знаете, эти требованія... Сейчасъ, главное—уставъ, уставъ 63 года, и мы его вамъ преподнесемъ. Но и вы поддержите насъ. Прежде всего, надо окончить забастовку.

— Но мы должны же видѣть какое-нибудь дѣло со стороны комиссіи. По крайней мѣрѣ, возвращеніе высланныхъ...

— Вопросъ о нихъ непремѣнно будетъ поставленъ. Но главное нужно прекратить забастовку, нужно показать довѣріе комиссіи; это придастъ ей силу... Затѣмъ, въ вашихъ бюллетеняхъ слѣдовало бы иначе относиться къ Ванновскому. Въ одномъ изъ бюллетеней было, напримѣръ, напечатано, что онъ—гнилая руина. Согласитесь, что это неудобно.

— Мы должны вамъ совершенно опредѣленно заявить, что въ бюллетеняхъ организаціоннаго комитета такихъ выраженій не было. Наши бюллетени носятъ строго официальный характеръ и пишутся

нарочито дѣловымъ языкомъ. Точно также мы сообщаемъ только провѣренные факты...

— Да! можетъ быть это и не въ офиціальномъ бюллетенѣ, но это было сказано въ одномъ изъ листковъ.

— Теперь ихъ издается очень много. Мы принимаемъ отвѣтственность только за свои, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, какіе листки вы получаете...

— Въ комиссію доставляетъ ихъ охранное отдѣленіе.

Мы разсмѣялись.

— При такихъ условіяхъ вы рискуете получить листки, написанные Пирамидовымъ.

— Да. Это можетъ быть. Онъ чинитъ всякія препятствія, всячески затрудняетъ работу.

— Позвольте уже присылать вамъ листки непосредственно въ комиссію. Вышедшіе же мы можемъ вамъ передать теперь же.

— Благодарю. Пожалуйста. Только знаете ли, нельзя ли какъ нибудь не по почтѣ? Я боюсь, что наша переписка теперь просматривается.

— Хорошо это можно устроить.

— Пожалуйста. А все-таки я на вашемъ мѣстѣ напечаталъ бы въ листкахъ, что-нибудь пріятное Ванновскому, какой-нибудь такъ сказать, комплиментъ ему.

Мы промолчали, и затѣмъ перешли къ личному дѣлу. Мѣщаниновъ отнесся очень сочувственно къ нашему желанію, но безнадежно разрушилъ юридическую конструкцію нашего плана. Онъ разъяснилъ намъ, что Ванновскій производитъ не слѣдствіе, а разслѣдованіе по особому высочайшему повелѣнію. При такомъ разслѣдованіи никакихъ лицъ привлеченныхъ къ дознанію не можетъ быть, такъ какъ оно не опредѣляется никакими юридическими нормами. Лицо, удостоенное довѣріемъ монарха, облечено полномочіями узнавать о дѣлѣ все, что ему покажется нужнымъ, и всѣми способами, которые оно признаетъ цѣлесообразными. Опросъ свидѣтелей является, разумѣется, естественнымъ требованіемъ всякаго разслѣдованія факта, но однако формально Ванновскій имѣлъ бы права обойтись и безъ него.

— Однако вліяніе Ванновскаго можетъ помочь вамъ остаться въ Петербургѣ—закончилъ Мѣщаниновъ.—Я совѣтую вамъ обратиться къ нему; кстати вы познакомитесь и съ его отношеніемъ къ студентамъ. Но непосредственно итти къ нему неудобно. Надо подготовить почву. Лично я съ нимъ едва познакомился и поэтому ничего не могу предпринять въ этомъ направленіи. Но среди членовъ нашей комиссіи есть товарищъ военннаго прокурора генералъ Лузановъ. Онъ—старый знакомый и, кажется, даже другъ Ванновскаго. Поѣзжайте къ нему и разскажите откровенно, въ чемъ дѣло. Я надѣюсь, что онъ дастъ вамъ добрый совѣтъ, какъ подойти къ Ванновскому. Только вы не говорите, что я направилъ васъ къ нему. До свиданія. Поддержите же комиссію своимъ поведеніемъ. Кончайте забастовку. Въ листкахъ же не допускайте ничего такого... революціоннаго. Сохрани Богъ отъ этого.

Бесѣда была закончена, и мы вышли, имѣя уже нѣкоторыя положительныя обѣщанія относительно направленія работъ комиссіи Ванновскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы узнали, что и Ванновскій и его сотрудники заподозрѣнные въ либерализмѣ, уже взяты подъ надзоръ охраннаго отдѣленія, что политическая полиція, привыкшая къ самодержавной власти, не скрываетъ своей злобы и готовится къ реваншу. Это обстоятельство мы вполнѣ оцѣнили только впослѣдствіи. Разговоръ же съ Мѣщаниновымъ направилъ наше вниманіе на благія намѣренія «просвѣщенныхъ» членовъ комиссіи и заставилъ выдѣлить ихъ изъ «сплошной реакціонной массы» студенческихъ враговъ.

Однако, несмотря на привѣтливость Мѣщанинова, путешествіе къ генералу Лузанову внушало намъ нѣкоторыя сомнѣнія. Мы не боялись ареста, но опасались нарваться на плохой пріемъ, который поставилъ бы насъ въ глупое положеніе. Тѣмъ не менѣе останавливаться въ началѣ пути намъ не хотѣлось, и мы рѣшили отправиться въ военно-судное управленіе, гдѣ жилъ генералъ Лузановъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія къ намъ вышелъ старикъ съ весьма привѣтливыми манерами и тонкимъ обращеніемъ. Онъ очевидно былъ искренно удивленъ столь необычнымъ визитомъ и спросилъ, чѣмъ можетъ служить.

Мы изложили, что, находясь въ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ, полагаемъ, что комиссія Ванновскаго можетъ вывести насъ изъ затрудненій и обращаемся къ нему, какъ одному изъ членовъ комиссіи, вѣроятно, знакомому съ Ванновскимъ, за совѣтомъ, какъ намъ поступить. Удивленіе генерала еще болѣе возросло.

— Но кто же васъ направилъ ко мнѣ?—спросилъ онъ насъ.

— Никто—невинно отвѣчали мы.—Просто узнали, о томъ, что вы состоите членомъ комиссіи и обратились къ вамъ, какъ къ профессору. Лузановъ былъ профессоромъ военно-юридической академіи.

— Благодарю васъ за довѣріе. Я постараюсь помочь вамъ. Завтра я увижу предсѣдателя комиссіи и скажу ему о васъ. Онъ, вѣроятно, найдетъ какой-нибудь выходъ. Но за вами не числится больше никакихъ грѣховъ, кромѣ участія въ студенческомъ движеніи? По свѣдѣніямъ департамента полиціи на него оказываютъ сильное вліяніе агитаторы революціонныхъ партій.

— Свѣдѣнія департамента полиціи, ваше превосходительство, завѣдомо не отвѣчаютъ дѣйствительности. Дѣйствія полиціи вызвали безпорядки, и теперь нѣтъ ничего удивительнаго, что полиція правдами и неправдами старается оправдать свое поведеніе. Между тѣмъ, ея поведеніе ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

— Ну да, конечно: нагайки въ XIX столѣтіи, это—недопустимо. Я помню, какъ мы были возмущены, когда въ семидесятыхъ годахъ для усмиренія военно-медицинской академіи употребили насиліе. Но тамъ студенты изломали скамьи, били окна... Впрочемъ, вѣдь и у васъ 8 февраля было очень неспокойно на актѣ? Зачѣмъ вы вышли изъ университета очень бурно, съ пѣснями, и оказали сопротивленіе полицейскому отряду, бросали въ него метлами, камнями?

Это было изображеніе событій 8 февраля, нарисованное и рас-

пространенное Пирамидовымъ, обычное изображеніе русской полиціей всякихъ общественныхъ движеній по старой схемѣ: агитація злонамѣренныхъ личностей, серьезная опасность общественному порядку, нападеніе на чиновъ администраціи и т. д. Мы энергично боролись противъ измышленій охраннаго отдѣленія и постарались выяснить Лузанову, что движеніе возникло безъ всякаго воздѣйствія постороннихъ силъ, что единственнымъ злонамѣреннымъ агитаторомъ является охранное отдѣленіе, что бурная форма протеста объясняется исключительно отсутствіемъ законныхъ способовъ самозащиты.

— Но теперь, когда назначено разслѣдованіе, движеніе прекратится?—спросилъ Лузановъ.

— Это очень сложный вопросъ, генералъ. Мы теперь связаны съ другими высшими учебными заведеніями Петербурга и Россіи. Товарищеская солидарность не позволяетъ намъ принимать быстрыхъ рѣшеній за свой личный счетъ. Кромѣ того, вамъ извѣстно, что и петербургскіе студенты потерпѣли кары. Нѣсколько десятковъ нашихъ товарищей произвольнымъ распоряженіемъ полиціи оторваны отъ науки и высланы. До ихъ возвращенія едва-ли возможно говорить о прекращеніи забастовки. Вообще, дальнѣйшій ходъ движенія въ значительной степени зависитъ отъ хода занятій комиссіи.

— Комиссія одушевлена самымъ искреннимъ желаніемъ раскрыть правду. Наши работы идутъ довольно быстро, несмотря на то, что многимъ изъ насъ приходится знакомиться съ совершенно новымъ міромъ. Я, напримѣръ, профессоръ учебнаго заведенія, которое также считается высшимъ, но наши слушатели, офицеры,—совсѣмъ не то, что вы. Во всякомъ случаѣ, мы скоро приступимъ къ опросу студентовъ.

— Студенты сдѣлаютъ все, чтобы раскрыть правду, къ которой стремится комиссія, по словамъ вашего превосходительства. Съ своей стороны, организаціонный комитетъ приметъ мѣры, чтобы доставлять въ распоряженіе комиссіи всѣ свои изданія, такъ какъ мы предостерегаемъ васъ, генералъ, отъ пользованія средствами департамента полиціи. Это—очень мутный источникъ.

— Да, да. Пожалуйста, доставляйте. Это очень важно. Затѣмъ, генералъ задалъ рядъ вопросовъ о днѣ 8 февраля. Вообще, видно было, что онъ очень интересовался установленіемъ фактической стороны происшествія, очень мало задумываясь, въ противоположность Мѣщанинову, надъ общими вопросами университетскаго быта. Закончилъ бесѣду генералъ приглашеніемъ притти къ нему вечеромъ на слѣдующій день, чтобы узнать отвѣтъ Ванновскаго. Когда мы уходили генералъ проводилъ насъ до дверей и, открывая ихъ, еще разъ поблагодарилъ за довѣріе и прибавилъ:

— Вы можете спокойно притти завтра. Я васъ не выдамъ полиціи.

— Помилуйте, ваше превосходительство, мы никогда и не допускали мысли объ этомъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ.

Въ общемъ пріемъ Лузанова произвелъ на насъ утѣшительное впечатлѣніе, хотя его разспросы о фактической сторонѣ всѣхъ происшествій 8-го февраля намъ не понравились—не потому, что они носили немного полицейскій запахъ, но потому, что они казались мелкими

и мелочными въ сравненіи съ громадными основными вопросами, вставшими изъ нагаекъ и снѣжковъ 8 февраля. Но для насъ было важно и отрадно уже то, что мы совершенно неожиданно встрѣтились съ возможностью раскрыть всѣ факты и всѣ требованія, что правительственное разслѣдованіе лишено обычнаго колорита жандармскаго застѣнка. Это побуждало насъ воспользоваться комиссіей Ванновскаго, чтобы какъ можно шире и глубже освѣтить печальное положеніе студенчества.

На другой день мы съ пачкою бюллетеней были опять у Лузанова. Генералъ встрѣтилъ насъ съ тою же привѣтливою и тонкою сдержанностью. Онъ принялъ многозначительный видъ и сказалъ.

— Я говорилъ о васъ съ Ванновскимъ. Въ началѣ онъ отнесся довольно сурово, но затѣмъ онъ рѣшилъ оказать вамъ свое содѣйствіе. Послѣ завтра вы должны притти къ нему, и онъ вамъ лично скажетъ, что нужно сдѣлать, чтобы остаться въ Петербургѣ.

Замѣтивъ, что эта таинственность намъ не внушаетъ особаго расположенія, генералъ Лузановъ началъ горячо и съ чувствомъ увѣрять насъ, что мы спокойно можемъ довѣриться Ванновскому.

— Я знаю П. С. Ванновскаго давно—говорилъ онъ—еще съ Павловскаго военнаго училища. Конечно, юнкера—не студенты, но и они—молодежь. Ванновскій же умѣлъ обращаться съ ними. Правда, у него ежовыя рукавицы, но за то онъ прямодушенъ и справедливъ, ненавидитъ всякую ложь и чуетъ ее. Потомъ, вы можете довѣрить и его опытности. Его годы, его долгая государственная дѣятельность научили его многому, и вы можете быть увѣрены, что онъ дастъ совѣтъ, который принесетъ вамъ пользу. Обѣщайте мнѣ, что вы исполните то, что онъ вамъ скажетъ. Въ его словахъ не будетъ ничего, что могло бы задѣть вашу честь или даже ваше самолюбіе.

Желаніе получить обѣщаніе выполнить неизвѣстное намъ предложеніе, разумѣется, нами не было удовлетворено.

Мы заявили, что постараемся выполнить желаніе генерала Ванновскаго, поскольку это будетъ въ нашихъ силахъ, но не имѣемъ возможности связать себя заранѣе даннымъ обѣщаніемъ.

Такимъ образомъ, наши путешествія привели насъ къ Ванновскому, отношеніе котораго къ студентамъ могло, какъ намъ казалось, повліять на многое въ дальнѣйшемъ ходѣ событій. Надъ визитомъ къ Ванновскому мы серьезно задумались; въ особенности, насъ занимало таинственное предложеніе, которое онъ долженъ былъ намъ сдѣлать. Мы не были намѣрены итти на какія либо уступки. Между тѣмъ было ясно, что Ванновскій потребуетъ какого-либо отреченія въ качествѣ цѣны за оставленіе въ Петербургѣ. Очень можетъ быть, что Мѣщаниновъ и Лузановъ, говоря съ нимъ о насъ, представили насъ въ видѣ людей, утомившихся своими скитаніями и желающихъ найти болѣе или менѣе почетный исходъ. Въ дѣйствительности, мы хотѣли только сбросить съ рукъ лишнія путы для того, чтобы получить возможность болѣе свободной дѣятельности, такимъ образомъ, свиданіе съ Ванновскимъ могло обратиться въ сплошное и непріятное недоразумѣніе. Но останавливаться было уже поздно.

Въ назначенный день, рано утромъ, мы пришли на уголъ Садовой, около инженернаго замка, гдѣ жилъ Ванновскій. Свиданіе съ нимъ имѣло для насъ въ тотъ моментъ особую важность, такъ какъ онъ приступалъ къ массовому опросу студентовъ, разъ, и, два, потому, что охранное отдѣленіе пустило всѣ средства, чтобы вызвать студенческое движеніе на улицу и, расправившись съ нимъ снова нагайками, получить поводъ для репрессій въ грандіозныхъ размѣрахъ. Тогда ходили слухи, что заготовляется тысяча вагоновъ для вывоза студентовъ изъ Петербурга. 19 февраля студенты, наконецъ, поймали охранное отдѣленіе на грубой и дерзкой провокаціи.

Организаціонный комитетъ, давно уже чувствуя, что политическая полиція стремится провоцировать какой-либо эксцессъ и сознавая, что при данныхъ условіяхъ вся сила движенія заключается въ сдержанности, почти ежедневно въ бюллетеняхъ призывалъ студенчество къ спокойствію и выдержкѣ, предостерегая его отъ всякихъ уличныхъ выступленій. 19 февраля—въ то время запрещенный «праздникъ»—всегда проходило въ университетѣ въ нѣкоторомъ броженіи. Зная это и опасаясь, что кто-нибудь въ порывѣ гражданскаго чувства попытается ознаменовать день освобожденія крестьянъ небольшою демонстраціей—а это было легко сдѣлать, такъ какъ университетъ былъ закрытъ, а около него каждое утро собиралась толпа студентовъ, находившихся въ очень «бодромъ», какъ писали въ бюллетеняхъ, настроеніи—организаціонный комитетъ выпустилъ по поводу 19 февраля спеціальное воззваніе, въ которомъ предлагалъ студенчеству провести этотъ день въ нарочитомъ спокойствіи. Между тѣмъ утромъ 19 февраля на стѣнѣ университета оказалась наклеенной прокламація, гдѣ студенты ни болѣе ни менѣе какъ приглашались на Казанскую площадь. Эта же прокламація въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ ходила по рукамъ среди студентовъ, толпившихся около университета. На прокламаціи, какъ и на всѣхъ прокламаціяхъ организаціоннаго комитета, была приложена печать: «касса взаимопомощи студентовъ с.-петербургскаго университета».

Студенты читали прокламацію, противорѣчившую всѣмъ предшествующимъ заявленіямъ, съ понятнымъ недоумѣніемъ. Наконецъ, кто-то догадался обратиться къ организаціонному комитету, засѣдавшему въ столовой. Комитетъ немедленно рѣшилъ, что это—дѣло рукъ охраннаго отдѣленія. Тотчасъ же на гектографѣ напечатали нѣсколько строкъ, предостерегающихъ студентовъ отъ нарушенія принятой тактики и объявляющихъ провокаторскими всѣ противоположные призывы. Къ университету же былъ немедленно командированъ одинъ изъ членовъ комитета, чтобы захватить хотя одинъ экземпляръ провокаторской прокламаціи. Но, очевидно, шпіоны уже убрали ее. Произведенное по горячимъ слѣдамъ разслѣдованіе дало несомнѣнныя доказательства благороднаго происхожденія прокламаціи. Охранка не потрудилась даже сдѣлать копіи печати кассы взаимопомощи, а приложила бывшую у нея старую печать, арестованную вмѣстѣ съ кассиромъ около двухъ лѣтъ до настоящаго случая, печать совсѣмъ иной формы, чѣмъ ея преемница. Старые члены кассы безошибочно

узнали, знакомую печать [1]). Безцеремонность Пирамидова и его шайки становилась слишкомъ назойливой, и мы хотѣли поставить предъ Ванновскимъ вопросъ о дѣйствіяхъ охраннаго отдѣленія вполнѣ ясно и открыто, чтобы направить его вниманіе въ эту сторону, такъ какъ мы опасались, что наши либеральные друзья изъ профессорской коллегіи да отчасти и студенческая масса будутъ при допросахъ налегать больше всего на необходимость реформы университетскаго устава.

Когда мы пришли къ Ванновскому насъ уже ожидали. Чиновникъ особыхъ порученій—одинъ изъ тѣхъ гуттаперчевыхъ молодыхъ людей, которые родятся въ Петербургѣ спеціально для того, чтобы состоять при высокихъ особахъ—любезно привѣтствовалъ насъ и привелъ въ высокій и просторный залъ, гдѣ и просилъ подождать выхода его высокопревосходительства. Ждать пришлось очень недолго. Вскорѣ изъ дверей быстрыми и рѣшительными шагами вышелъ Ванновскій. Онъ подошелъ къ намъ съ весьма суровымъ видомъ и съ любопытствомъ окинулъ насъ взглядомъ.

Въ свою очередь и мы съ любопытствомъ разсматривали генерала. Листки, называвшіе его гнилой руиной, несомнѣнно, удалялись отъ истины. Передъ нами стоялъ невысокій плотный старикъ, бодрый и подвижной, съ интеллигентнымъ лицомъ. Голосъ его звучалъ ясно и твердо. Свои мысли онъ выражалъ кратко и опредѣленно.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ намъ.—Вы хотите остаться въ Петербургѣ, чтобы мутить здѣсь? Заварили кашу? Этотъ тонъ менѣе всего могъ привести насъ въ смущеніе, такъ какъ, объясняя возникновеніе безпорядковъ, мы имѣли подъ собою твердую почву. Отвѣтъ нашъ былъ вполнѣ спокоенъ.

— Мы этой каши не заваривали. Студенты были вынуждены дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствуютъ?

— Какъ не заваривали? А кто изорвалъ объявленіе ректора 6 февраля, кто на актѣ освисталъ ректора?

— Эти факты не имѣютъ прямого отношенія къ движенію. Движеніе вызвано возмутительнымъ избіеніемъ студентовъ полиціей.

— Я не говорю о нагайкахъ... Нагайки, это гнусность...

— Между тѣмъ, у насъ не было возможности защищаться отъ этой гнусности законными средствами. Наши профессора ничего не могли сдѣлать, какъ и мы. А ректоръ призналъ въ своей рѣчи, которая, вѣроятно извѣстна вашему превосходительству, что скорѣе всего ротмистръ, устроившій избіеніе будетъ произведенъ въ подполковники за эту атаку и что законность—такая птица, которая не выноситъ нашего климата.

— Да, ректоръ вашъ сказалъ безтактную рѣчь; но, вѣдь, эти безпорядки были у васъ заранѣе подготовлены? Вѣдь еще 6 февраля вы изорвали объявленіе ректора, рѣшили освистать его и освистали на актѣ, въ присутствіи высокопоставленныхъ особъ, въ присутствіи митрополита... Что это за безобразіе! Подумайте, что было бы, если бы полкъ освисталъ своего командира?

---

[1]) Впослѣдствіи это подтвердилось и разслѣдованіемъ Ванновскаго и даже жандармско-судебной комедіей слѣдствія по процессу организаціоннаго комитета.

Такое сопоставленіе повергло насъ въ изумленіе. Мы со всевозможною деликатностью объяснили генералу, что въ университетѣ нѣсколько иныя отношенія, чѣмъ въ полку, и что выраженіе одобренія и неодобренія представителямъ профессорской корпораціи составляетъ у насъ довольно обыкновенное явленіе. Почти каждая лекція популярныхъ профессоровъ оканчивается апплодисментами слушателей. Затѣмъ, мы разсказали Ванновскому событія въ ихъ истинномъ свѣтѣ и истинной послѣдовательности. Онъ очевидно уже внимательно ознакомился съ оффиціальной версіей и поэтому часто задавалъ намъ провѣрочные вопросы, сначала нѣсколько недовѣрчиво и подозрительно, потомъ съ живымъ интересомъ и безъ заднихъ мыслей. Подробности сходокъ, различныя бытовыя черты студенческой жизни, затрагиваемыя нами въ разсказѣ, его видимо поражали. Для него оставалось совершенно непонятнымъ, какъ студенты могутъ обсуждать и оцѣнивать поступки своего «начальства», къ которымъ онъ причислялъ и профессоровъ, какъ они могутъ соединяться въ тайныя организаціи, устраивать вечеринки, на которыхъ говорится о политическихъ вопросахъ.

— Странно и неумѣстно!—нѣсколько разъ повторялъ онъ.

Отъ случая 8 февраля мы должны были перейти къ общему положенію студенчества. Мы указали, что полицейскій режимъ привелъ къ удивительному, но несомнѣнному факту: поступленіе въ университетъ является уже преступленіемъ или подготовленіемъ преступленія. Каждый студентъ, по самому своему званію, отдается подъ надзоръ полиціи, которая отнимаетъ у него самыя элементарныя права, въ родѣ права собраться съ друзьями въ количествѣ болѣе пяти человѣкъ, и преслѣдуетъ его политическимъ шпіонствомъ, отравляя существованіе и дѣлая невозможными даже научныя работы, такъ какъ и наука также отравлена нелѣпой и подлой политическою подозрительностью.

Тайная полиція—говорили мы—убиваетъ своимъ надзоромъ даже необходимое для научной работы товарищеское общеніе. Мы не можемъ довѣрять другъ другу, такъ какъ не знаемъ, кто рядомъ съ нами сидитъ на скамьѣ: дѣйствительно студентъ или только шпіонъ, одѣтый студентомъ...

— Этого не можетъ быть!—горячо вдругъ прервалъ Ванновскій.

— Чего не можетъ быть?—удивленно спросили мы.

— Чтобы шпіоны одѣвались студентами! Это гнусно! Это мараетъ честь мундира!—волновался старикъ.

— Тѣмъ не менѣе это составляетъ обычное явленіе,—отвѣчали мы, испытывая самое горячее негодованіе при видѣ подобной наивности. И не только шпіоны, но и провокаторы. Въ этомъ и состоитъ система нашей политической полиціи: съ одной стороны подстрекать, а съ другой—ловить...

И мы разсказали Ванновскому нѣсколько совершенно несомнѣнныхъ случаевъ, когда на сходкѣ обнаруживали билетъ агентовъ охраннаго отдѣленія у студентовъ, говорившихъ наиболѣе революціонныя рѣчи или наиболѣе дерзко нападавшихъ на университетскую ад-

министрацію. Наконецъ, мы подробно выяснили провокаторскую выходку съ прокламаціей по поводу 19 февраля. Ванновскій только разводилъ руками.

— Вотъ почему возникло наше движеніе,—закончили мы.—Мы хотимъ освободиться отъ произвольнаго и беззаконнаго гнета тайной полиціи, мы хотимъ, чтобы ея дѣйствія опредѣлялись строго законными правилами. Въ отвѣтъ на это она извращаетъ факты, поддѣлываетъ документы и стремится представить насъ въ видѣ революціонеровъ, съ которыми государственная власть должна безпощадно расправиться. Отъ васъ, ваше превосходительство, зависитъ теперь возстановить истину...

Ванновскій замѣтно былъ пораженъ нарисованною картиною.

— А революціонные агитаторы не играли у васъ роли? Кто ѣздилъ по учебнымъ заведеніямъ провозглашать забастовку и при этомъ переодѣвался въ соотвѣтствующую форму? Вѣдь это безчестно снимать свой мундиръ и надѣвать чужой?

Послѣднее утвержденіе мы оставили безъ отвѣта, но на первые вопросы дали ясный отвѣтъ.

— Никакихъ революціонныхъ агитаторовъ не было. Все сдѣлано самими студентами и когда вы допросите ихъ, то и члены организаціоннаго комитета и всѣ, кто выполнялъ его порученія, назовутъ себя и скажутъ, что они дѣлали.

— Вы увѣрены, что они назовутъ себя и все скажутъ?—быстро спросилъ Ванновскій.

— Настолько увѣрены, что сейчасъ могли бы назвать вамъ фамиліи своихъ товарищей и не дѣлаемъ этого только потому, что не уполномочены оффиціально на такого рода заявленія. Но каждый изъ товарищей скажетъ вамъ самъ все о своей дѣятельности. Вообще, мы ничего не скрываемъ; наоборотъ, мы добиваемся, чтобы всѣмъ были извѣстны наши цѣли и наши средства, такъ какъ за насъ—правда. Вы можете свободно отказаться отъ темныхъ свѣдѣній департамента полиціи; всѣ нужныя вамъ свѣдѣнія дастъ организаціонный комитетъ.

Генералъ, очевидно, не ожидалъ такого оборота дѣлъ. Повидимому, онъ думалъ, что члены организаціоннаго комитета представляютъ изъ себя тѣхъ самыхъ таинственныхъ злонамѣренныхъ агитаторовъ, о которыхъ доносилъ ему Пирамидовъ и которыхъ ему пришлось бы тщательно розыскивать. Онъ былъ даже растроганъ и сказалъ намъ съ нѣкоторою торжественностью.

— Благодарю васъ за довѣріе. Свѣдѣнія моей комиссіи никому переданы не будутъ.

— Это соображеніе для насъ не имѣетъ значенія. Мы готовы на все.

— Я съ своей стороны могу обѣщать вамъ, что приложу всѣ усилія къ тому, чтобы выяснить только правду. Вы можете вѣрить моему безпристрастію. Я уже очень старъ, я получилъ отъ моихъ императоровъ, которымъ я служилъ вѣрой и правдою, все, чего можетъ желать человѣкъ. Больше мнѣ ничего не нужно, и ни для кого я не стану кривить душой.

— Но, можетъ быть, вы—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ,—добиваетесь какой-нибудь конституціи?

— Наше движеніе не можетъ ставить такой цѣли.

— Ну, то-то. Вы, конечно, люди молодые и склонны мечтать о всякихъ конституціяхъ, но, повѣрьте мнѣ, у меня вотъ уже волосъ не осталось и видѣлъ я много, увѣряю васъ—Россія еще не созрѣла для конституціи. Да еще и неизвѣстно—меланхолически добавилъ онъ—лучше ли эти конституціи-то? Посмотрите, что въ Австріи дѣлается въ парламентѣ? Безобразіе! Драка!

Мы промолчали, не желая пускаться въ рискованную область государственно-правовыхъ споровъ и перевели разговоръ на необходимость возвращенія высланныхъ товарищей не только въ Петербургѣ, но и въ провинціальныхъ университетахъ.

У насъ было достаточно данныхъ о томъ, какъ производились эти высылки. Не говоря уже о томъ, что охрана выслала такихъ студентовъ, которые за все время движенія ни разу не были въ университетѣ; самая высылка не обставлена была даже минимальными формальностями. Въ Петербургѣ къ высылаемымъ являлся утромъ околодочный и предъявлялъ восьмушку писчей бумаги, на которой было отгектографировано: по распоряженіи министра народнаго просвѣщенія вы исключаетесь изъ университета и высылаетесь изъ г. Петербурга и Петербургской губ. впредь до особаго распоряженія. Когда въ василеостровскомъ участкѣ собралась солидная компанія высылаемыхъ, то юристы подняли протестъ, указывая, что министръ народнаго просвѣщенія не обладаетъ правомъ высылки и что они не подчинятся незаконному распоряженію. Довольно продолжительный споръ былъ законченъ очень просто; послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ найти законное объясненіе высылки, охрана по телефону заявила, что студенты высылаются по распоряженію охраннаго отдѣленія и что, если они не поѣдутъ сейчасъ же на вокзалъ добровольно, то ихъ свезутъ силой. Въ Москвѣ же, бывшей тогда, какъ извѣстно, удѣльнымъ княжествомъ, гдѣ всѣ даже необременительные для власти законы имѣли только относительное значеніе, творились, по слухамъ, еще болѣе невѣроятныя вещи. Тамъ, за недостаткомъ надлежащихъ чиновъ, обыски у студентовъ производились жандармскими унтерами, и эти унтера подвергали студентовъ высылкѣ: просто передавали обреченнаго ближайшему городовому для отправленія на вокзалъ.

Ванновскій выслушивалъ съ сомнѣніемъ пикантныя иллюстраціи къ самодержавной законности.

— Правда ли это? Какъ же такъ?—часто прерывалъ онъ нашъ разсказъ.

— Все правда, генералъ, и даже только доля правды. Вообще, мы до сихъ поръ въ своихъ бюллетеняхъ сообщаемъ только провѣренныя свѣдѣнія.

— По крайней мѣрѣ, о дѣйствіяхъ правительства вы, дѣйствительно, хорошо освѣдомлены,—улыбаясь, сказалъ генералъ.—Дѣло у васъ, видно, хорошо организовано. Помилуйте, сегодня, напримѣръ, засѣданіе комитета министровъ, а завтра утромъ у васъ уже точный отчетъ о немъ? Вѣдь это же тайныя засѣданія... Какъ же вы узнаете?

— Это уже наша тайна, ваше превосходительство. Мы должны быть заблаговременно освѣдомлены о всѣхъ намѣреніяхъ правительства, чтобы давать движенію вѣрный ходъ, и мы достигли очень хорошей освѣдомленности...

— Да, да... Просто удивительно.. Тайное совѣщаніе министровъ и вдругъ—у васъ отчетъ... Даже не понимаю.

Въ результатѣ этого разговора Ванновскій обѣщалъ намъ немедленно же возбудить вопросъ о возвращеніи высланныхъ. Онъ заявилъ, что лично вполнѣ стоитъ за возвращеніе, но опасается противодѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ; тѣмъ не менѣе, онъ надѣется побѣдить это противодѣйствіе. Что же касается провинціальныхъ университетовъ, то Ванновскій заявилъ совершенно опредѣленно, что его докладъ можетъ, конечно, оказать нѣкоторое вліяніе и на ихъ судьбу, но что по отношенію къ нимъ онъ не имѣетъ никакихъ полномочій и не будетъ даже касаться ихъ въ своемъ разслѣдованіи.

Послѣднее сообщеніе очень разочаровало насъ, мы предвидѣли, что оставленіе провинціальныхъ университетовъ на произволъ мѣстнаго начальства вызоветъ большія осложненія. Тѣмъ не менѣе, дѣлать было нечего, и мы ограничились только новымъ повтореніемъ усиленной просьбы, чтобы компетенція комиссіи Ванновскаго была распространена и на провинцію.

Наконецъ, послѣ выясненія общихъ вопросовъ, бесѣда перешла къ той темѣ, которая была болѣе или менѣе формальнымъ поводомъ къ свиданію. Послѣ того, что намъ удалось установить, вопросъ объ оставленіи въ Петербургѣ уже не представлялъ для насъ особаго значенія; однако, обсужденіе его носило также любопытный характеръ.

Ванновскій началъ самымъ непріятнымъ для насъ образомъ.

— Узнавъ о вашемъ желаніи, я прежде всего, обратился къ директору департамента полиціи Зволянскому, спрашивая его мнѣнія...

Мы невольно презрительно пожали плечами.

— Онъ сказалъ мнѣ, что здѣсь думать нечего, что онъ пришлетъ своихъ агентовъ, которые васъ и арестуютъ, какъ только вы ко мнѣ явитесь. Но я заявилъ, что разъ вы довѣряете свою безопасность мнѣ, то я обязанъ обезпечить ее и не могу допустить вашего ареста... Зволянскій долго не соглашался со мною, но, послѣ спора, мнѣ удалось столковаться съ нимъ на слѣдующемъ выходѣ. Вы отправитесь къ нему...

Здѣсь мы оба сдѣлали жестъ рѣшительнаго отрицанія.

— Я вамъ даю слово, что вы тамъ не будете арестованы. Все, что отъ васъ потребуетъ онъ, это—подписка, гдѣ вы дадите слово не принимать болѣе участія въ движеніи. Тогда вы можете оставаться въ Петербургѣ. Конечно, я разсчитываю, что вы честно выполните свое обязательство. Ну, что же?

Генералъ пристально смотрѣлъ намъ въ глаза. При такихъ обстоятельствахъ отягощать себя ложью было бы политически преступно. Отстраниться же отъ движенія для насъ было невозможно. Размышлять было нечего и, пока я собирался облечь отказъ въ болѣе или менѣе дипломатическую форму, мой товарищъ сразу снялъ тяжесть съ нашихъ плечъ категорическимъ: «нѣтъ, мы очень благодарны за

ваше содѣйствіе, но этого предложенія мы не можемъ принять». Нашъ отказъ, очевидно, былъ непріятенъ Ванновскому. Несомнѣнно, мы отчасти затрогивали этимъ его самолюбіе, но, видимо, его также безпокоила наша судьба. Горячо, съ чувствомъ и даже краснорѣчиво онъ сталъ убѣждать насъ дать подписку Зволянскому. Но аргументы его были не новы и не убѣдительны. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ онъ говорилъ о разбитой карьерѣ, о горѣ родителей, о тяжелой долѣ выброшенныхъ за бортъ. Все это мы знали, и въ отвѣтъ могли повторить только свое: «нѣтъ».

— Что же вы опять будете скитаться и прятаться? Развѣ это пріятно?

— Что же дѣлать? Будемъ прятаться.

— Но васъ, въ концѣ концовъ, поймаютъ и арестуютъ?

— Это не такъ легко, но вполнѣ возможно. Мы не закрываемъ глазъ. Когда мы начинали движеніе, мы, генералъ, знали, что насъ ожидаютъ суровыя кары, и обдумали всѣ послѣдствія своего поведенія. Мы готовы принять отвѣтственность, какова бы она ни была, но измѣнить своему дѣлу считали бы безчестнымъ. Позвольте еще разъ принести вамъ благодарность за доброе содѣйствіе и выразить сожалѣніе, что доставили вамъ напрасныя хлопоты.

И мы стали откланиваться.

Что то дрогнуло въ лицѣ старика. Неожиданно, онъ подошелъ къ намъ и, пожимая руки, сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Ну, до свиданья... Желаю вамъ всего лучшаго. Я сдѣлаю для васъ все, что смогу.

Такъ закончилось это любопытное свиданіе, на которомъ реакціонный генералъ и министръ почти пожелалъ успѣховъ представителямъ «бунтующаго» и заподозрѣннаго въ симпатіяхъ къ «конституціямъ» студенчества.

Это свиданіе имѣло большое значеніе для организаціоннаго комитета. Мы знали теперь, какъ, въ общемъ, пойдутъ работы комиссіи; мы знали, какую директиву дать допрашиваемому Ванновскимъ студенчеству; мы завязали, наконецъ, если не оживленныя, то правильныя сношенія съ комиссіей. Послѣ насъ у Ванновскаго были еще нѣкоторые члены организаціоннаго комитета уже въ качествѣ оффиціальныхъ представителей и снова поддерживали наши требованія, выдвигая между прочимъ возвращеніе высланныхъ, какъ первое условіе того, чтобы студенчество почувствовало извѣстное довѣріе къ добрымъ намѣреніямъ комиссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ организаціонный комитетъ доставлялъ комиссіи всю издаваемую имъ литературу и велъ усиленную агитацію противъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разоблачая продѣлки охраннаго отдѣленія. На допросахъ же, которымъ комиссія подвергла около тысячи человѣкъ студентовъ, всѣ товарищи держались тактики, рекомендованной комитетомъ: обрѣзывая полицейскія поползновенія нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, съ полною откровенностью разъяснять цѣли движенія.

Въ виду того, что одновременно комиссія допрашивала и агентовъ администраціи, начиная съ градоначальника и кончая городовыми, которые всѣ поголовно лгали, изворачивались, путались и по

падались во лжи, (например, Клейгельсъ утверждалъ, что избіенія нагайками быть не могло, ибо по утвержденной формѣ конныхъ городовыхъ имъ не полагается нагаекъ, между тѣмъ студенты представили нагайку, отнятую у городового во время атаки 8 февраля); въ виду того, что охранное отдѣленіе систематически препятствовало Ванновскому въ его намѣреніяхъ, не доставляло ему нужныхъ свѣдѣній, присылало какія-то фантастичексія прокламаціи, якобы выпущенныя организаціоннымъ комитетомъ, и наша агитація противъ министерства внутреннихъ дѣлъ имѣла большой успѣхъ среди членовъ комиссіи и прежде всего оказала громадное вліяніе на Ванновскаго, который пересталъ подозрѣвать въ студентахъ какихъ-то злостныхъ заговорщиковъ, полныхъ преступныхъ и мрачныхъ замысловъ. Насколько подобныя подозрѣнія, первоначально бывшія весьма сильными, постепенно испарились, показываетъ моя бесѣда съ генераломъ Лузановымъ, который допрашивалъ меня въ общей очереди въ первыхъ числахъ марта, уже послѣ возвращенія высланныхъ.

Кромѣ обычныхъ вопросовъ о фактической сторонѣ столкновенія 8 февраля, о теченіи сходокъ, мнѣ пришлось, какъ бывшему предсѣдателю кассы взаимопомощи, дать подробное описаніе этой организаціи и ея дѣятельности и затѣмъ, какъ члену организаціоннаго комитета, дать отчетъ о его работѣ. Между нами, во время допроса, шла непрерывная борьба: я стремился къ общимъ характеристикамъ явленій, генералъ старался добыть фактическій «слѣдственный» матеріалъ, сообщенія о лицахъ, средствахъ и т. п. Кое-что было неудобно сообщать, кое-что просто казалось мнѣ пустыми мелочами, совершенно не имѣющими значенія. Такъ, напримѣръ, Лузанову весьма хотѣлось выяснить, бросалъ ли я снѣжками въ атаковавшій насъ полицейскій отрядъ; первый ли я произнесъ слово «обструкція» для опредѣленія студенческой тактики или нѣтъ; какъ устраивались собранія кассы взаимопомощи, въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ революціоннымъ оранизаціямъ; кто изъ членовъ организаціоннаго комитета ѣздилъ делегатомъ въ Москву и Кіевъ. Затѣмъ, я тогда же замѣтилъ, что въ комиссіи составилось предубѣжденіе, противъ нѣкоторыхъ профессоровъ, говорившихъ рѣчи на традиціонныхъ вечеринкахъ 8 февраля, въ особенности противъ Свѣшникова, Мякотина и Туганъ-Барановскаго. Мнѣ было заранѣе извѣстно, что рѣчь М. И. Свѣшникова, который защищалъ самостоятельное политическое значеніе чисто студенческихъ волненій, въ виду исторически сложившагося государственнаго характера нашихъ университетовъ, въ отчетѣ департамента полиціи превратилась въ восхваленіе событія 1 марта. Поэтому, я очень рѣзко и опредѣленно протестовалъ въ своемъ показаніи противъ приписыванія кому-либо изъ профессоровъ роли агитатора, подстрекавшаго студентовъ къ безпорядкамъ. Я видѣлъ, что Лузанову это не совсѣмъ понравилось. [1]) Тѣмъ не менѣе, его любезность не уменьшилась, а скорѣе даже увеличилась.

---

[1]) Изъ опубликованнаго теперь доклада Ванновскаго видно, что полицейская выдумка относительно роли профессоровъ все-таки нашла дорогу въ умы и сердца членовъ комиссіи.

Когда онъ прочелъ мое, довольно длинное показаніе, онъ, пріятно улыбаясь, замѣтилъ: —сразу видно, что руководитель! Вотъ сколько написали.

Затѣмъ, переходя въ серьезный тонъ, началъ увѣрять меня, что все кончится благополучно, что никто изъ насъ не пострадаетъ. Я отвѣтилъ, что это, конечно, очень пріятно, но не столь существенно.

—Да, да, я понимаю, что вы рѣшились на жертвы. Но для насъ, для комиссіи важно добиться, чтобы никто изъ васъ не пострадалъ. Мы пришли къ твердому убѣжденію въ необходимости иного исхода. Вообще, я долженъ вамъ сказать,—патетически закончилъ онъ—что разслѣдованіе оставляетъ въ насъ самое благопріятное впечатлѣніе о студентахъ. Мы знали и раньше молодежь, но эта молодежь военная, офицеры; это—совсѣмъ иное. Со студентами, въ массѣ, мы познакомились въ первый разъ, и я прямо говорю: мы можемъ спокойно умереть, съ такими молодыми людьми Россія не погибнетъ».

Такимъ образомъ, комиссія для разслѣдованія безпорядковъ въ петербургскомъ университетѣ превратилась въ комиссію для изслѣдованія молодого поколѣнія! Болѣе восьми лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; нашему поколѣнію пришлось быть дѣятельнымъ участникомъ величайшей исторической трагедіи. И въ различныхъ перипетіяхъ превратной борьбы, когда злобный лай враговъ новой жизни достигаетъ свирѣпаго напряженія, я часто вспоминаю, что правительственная комиссія такъ сказать, освидѣтельствовавшая насъ при вступленіи на общественную арену, вынуждена была выдать намъ патентъ на гражданскія заслуги. Мнѣніе Лузанова не было его исключительно-личнымъ мнѣніемъ. Очевидно, онъ выражалъ взглядъ всей той части комиссіи, которая группировалась около Ванновскаго и руководилась настроеніемъ своего предсѣдателя. Большинство студентовъ, сталкивавшихся при допросахъ съ Ванновскимъ, выносило самое лучшее впечатлѣніе. Ванновскій не особенно стѣснялся въ выраженіяхъ и бывалъ очень рѣзокъ, когда рѣчь шла о Клейгельсѣ или Пирамидовѣ. Онъ подчеркивалъ передъ студентами свое негодованіе и отвращеніе къ гнусной практикѣ политической полиціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что студенты выносили изъ залъ инженернаго замка, гдѣ происходилъ допросъ, впечатлѣніе одержанной ими моральной побѣды.

Чувство моральной побѣды дѣлало студенческую массу болѣе воспріимчивой и къ либеральной агитаціи, видѣвшей уже и практическую побѣду. Либеральные профессора требовали прекращенія забастовки, попрежнему увѣряя, что академики Бекетовъ и Фаминцынъ войдутъ въ комиссію, когда тамъ начнется разработка университетскаго устава, и обвиняли организаціонный комитетъ въ томъ, что его непримиримость угрожаетъ отнять у студенчества плоды его побѣды.

Положеніе комитета было очень трудно. Онъ не могъ проникнуться либеральнымъ довѣріемъ къ результатамъ работъ Ванновскаго; но онъ не могъ также начисто отрицать возможность нѣкоторыхъ университетскихъ реформъ. Упреки либераловъ, что мы губимъ дѣло университетской реформы производили на насъ впечатлѣніе. Это были тяжелые дни, когда бремя отвѣтственности сильно давило намъ плечи. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга либеральнымъ профес-

сорамъ удалось уже пріостановить забастовку. Мы чувствовали, что надо усилить движеніе, расширивъ его. Въ этотъ періодъ на квартирѣ Л. Ф. Пантелѣева, какъ-то совершенно случайно собралось нѣсколько человѣкъ писателей и професоровъ. Кто-то передалъ объ этомъ организаціонному комитету. Мы рѣшили послать туда двухъ своихъ членовъ. Выборъ палъ на меня и С. Н. Салтыкова. Цѣль собранія была совершенно не ясной, составъ его неизвѣстенъ. Мы поѣхали «на всякій случай», такъ какъ старались не упускать ни одной возможности принести пользу движенію. Кромѣ Л. Ф. Пантелѣева на собраніи были, сколько помнится, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Г. Короленко, В. А. Мякотинъ, М. И. Свѣшниковъ и др.

Повидимому, они сами собрались также случайно. Однако разговоръ вышелъ довольно серьезный. Сначала мы обратились къ присутствовавшимъ съ просьбой высказать ихъ мнѣніе по поводу того, что слѣдуетъ дѣлать студентамъ. Наиболѣе опредѣленный отвѣтъ далъ В. Г. Короленко, но и этотъ отвѣтъ гласилъ только то, что если студенты хотятъ выразить протестъ, то они выскажутся за продолженіе движенія; если же они разсчитываютъ на какіе-либо практическіе результаты, то продолженіе движенія, несомнѣнно, не цѣлесообразно. Но по какой дорогѣ итти—это должны опредѣлить сами студенты.

Тогда мы прямо поставили вопросъ о поддержкѣ. Мы указали, что одними студенческими силами нельзя ничего достигнуть, что необходимо участіе общества и спрашивали, могутъ ли представители литературы и общества оказать намъ какую-либо поддержку и какую именно. Это было попыткой вывести движеніе за стѣны университета, попыткою явно безплодной. На прямой вопросъ мы получили прямой отвѣтъ, что никакихъ ложныхъ надеждъ намъ не желаютъ подавать и что никакой поддержки ни литература, ни общество оказать намъ не могутъ.

Организаціонный комитетъ, послѣ долгихъ размышленій и оцѣнки возможныхъ практическихъ реформъ, пришелъ къ выводу что нельзя ожидать рѣшительно ничего даже въ области университетскаго устава, такъ какъ комиссія Ванновскаго, при всѣхъ ея благихъ намѣреніяхъ, просто неспособна къ выработкѣ устава. Если же ей и удастся выработать доброкачественный университетскій уставъ, то такой проектъ погибнетъ въ канцеляріяхъ. Абсолютизмъ и свобода науки несовмѣстимы. Поэтому организаціонный комитетъ выбралъ дорогу политическаго протеста.

Но студенчество еще разъ поколебалось. Подъ вліяніемъ шумливой агитаціи либеральныхъ профессоровъ и подъ вліяніемъ благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго комиссіей Ванновскаго, либерально оппозиціонные элементы студенческаго движенія снова выплыли на поверхность. Въ этотъ моментъ вѣра въ практическіе результаты движенія достигла высшей точки. Одно высшее учебное заведеніе за другимъ прекращало забастовку и возвращалось къ занятіямъ. 1-го марта сходка въ университетѣ, послѣ горячей борьбы организаціоннаго комитета съ либералами, также постановила возобновить занятія. Чрезъ нѣсколько дней усилія организаціоннаго комитета, не пре-

кращавшаго сношеній съ Ванновскимъ, увѣнчались успѣхомъ. Несмотря на противодѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ, Ванновскому удалось добиться возвращенія петербургскихъ высланныхъ студентовъ. Интересно, что это распоряженіе никогда и нигдѣ не было опубликовано оффиціально. Фактически оно было объявлено чрезъ организаціонный комитетъ, который частными телеграммами и письмами увѣдомилъ высланныхъ студентовъ о возможности возвращенія. Этимъ закончился первый періодъ движенія и въ Петербургѣ воцарилось относительное спокойствіе.

VII.

Прекращеніе забастовки не означало, однако, конца движенія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ отливовъ, которые часто наблюдаются въ теченіи массъ и которые сплошь и рядомъ внезапно смѣняются новыми и сильнѣйшими приливами. Условія, при которыхъ петербургское студенчество возвратилось къ научнымъ занятіямъ, заставляли думать, что этотъ приливъ начнется въ скоромъ времени. Настроеніе массы мѣняется съ поразительною быстротою; вѣра мгновенно переходитъ въ отчаяніе, любовь въ ненависть. Правительство съ своей стороны сдѣлано все, чтобы ускорить новый взрывъ негодованія. Уже 1-го марта на сходкѣ чувствовалось, что полное недовѣріе передовыхъ элементовъ студенчества къ правительственнымъ намѣреніямъ у рядовыхъ студентовъ выражается въ смутной тревогѣ. Борьба, длившаяся почти мѣсяцъ и вызвавшая крайнее напряженіе силъ, повысила политическую чуткость массъ. Даже для нихъ было что-то неловкое въ прекращеніи забастовки безъ какихъ-либо осязательныхъ результатовъ; даже для нихъ за теплыми словами комиссіи Ванновскаго слышался угрожающій ропотъ враговъ всякаго проявленія свободы. И въ теченіе ближайшихъ дней опасенія стали принимать вполнѣ опредѣленную форму. Въ періодъ отъ 1 до 16 марта, когда началась вторая забастовка, выяснилось для многихъ то, что еще скрывалось въ первый періодъ движенія среди сутолоки повседневной борьбы.

Во-первыхъ, студенты поняли, что министры народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ Боголѣповъ и Горемыкинъ, нисколько не желаютъ мириться съ испытаннымъ пораженіемъ. Если они не могли свергнуть Ванновскаго сразу, если у него оказалось достаточно вліянія, чтобы вырвать петербургскихъ студентовъ изъ рукъ политической полиціи, то они зашли къ нему въ тылъ.

Провинціальные университеты, оставшіеся беззащитными, подверглись самому безпощадному и дикому разгрому со стороны университетскихъ и полицейскихъ властей. Делегаты провинціальныхъ университетовъ пріѣзжали въ Петербуръ и съ горькими упреками требовали защиты и отъ Ванновскаго, къ которому они являлись, и, главнымъ образомъ, отъ организаціоннаго комитета, который они обвиняли въ преждевременной капитуляціи предъ правительствомъ. Судьба провинціальныхъ товарищей волновала и студенческую массу, въ сильной степени проникнутую чувствомъ корпоративной солидарности. Въ довершеніе всего оказалось, что и изъ петербургскихъ выслан-

ныхъ нѣкоторые не могли возвратиться, такъ какъ охранное отдѣленіе постаралось замѣшать ихъ въ партійныя политическія организаціи по обыкновенію вопреки всякой очевидности.

Ванновскій, на всѣ требованія, касавшіяся провинціи, только разводилъ руками, съ огорченіемъ увѣряя въ своемъ безсиліи.

Во-вторыхъ, быстро зародившаяся вѣра въ комиссію Ванновскаго также быстро стала убывать. Даже либеральная агитація поблекла и замолкла, когда окончательно выяснилось, что ни въ одной изъ стадій комиссіонной работы профессора не будутъ участвовать. Это породило среди студенчества недовѣріе къ конечнымъ результатамъ дѣятельности Ванновскаго. Сторонники академической реформы впали въ полное уныніе, такъ какъ, при всемъ либеральномъ оптимизмѣ, они были достаточно умны, чтобы понять, что разношерстная и странная компанія, засѣдавшая въ комиссіи, не способна сдѣлать ничего добраго въ области университетскаго устава.

Въ-третьихъ, безпомощность комиссіи Ванновскаго въ особенности ярко обрисовывалась наглостью петербургской полиціи. Всѣ студенты знали, что Ванновскій подробно освѣдомляетъ высшія сферы о ходѣ своихъ работъ и знали, что онъ не могъ безъ негодованія произносить имена Клейгельса и Пирамидова. Между тѣмъ, полицейскій офицеръ, руководившій избіеніемъ, и начальникъ охраннаго отдѣленія, поддѣлавшій съ цѣлью провокаціи документъ, и градоначальникъ, покрывавшій это,—всѣ административные герои оставались на своихъ мѣстахъ, не говоря уже объ ихъ главныхъ руководителяхъ Боголѣповѣ и Горемыкинѣ, возбудившихъ въ то время всеобщую ненависть. Прочность ихъ положенія выражалась и въ предпринятомъ ими разгромѣ провинціальныхъ университетовъ и въ нелѣпыхъ придиркахъ, которыми они преслѣдовали петербургскихъ студентовъ. Такъ, напримѣръ, по настоянію Боголѣпова, правленіе университета постановило подвергнуть всѣхъ возвратившихся изъ ссылки студентовъ трехдневному аресту въ карцерѣ. Наказаніе—никогда на нашей памяти не примѣнявшееся въ университетѣ и наложенное на людей и безъ того пострадавшихъ, вызвало сильное раздраженіе. Большинство высланныхъ отказалось подчиниться этому глупому распоряженію, и, слѣдовательно, назрѣвалъ новый конфликтъ, такъ какъ они подлежали новому увольненію за непослушаніе.

Всѣ обстоятельства складывались словно нарочно такъ, чтобы показать, что рискованная игра сыграна въ пустую. Политика Боголѣпова и Горемыкина заранѣе предсказывала печальную судьбу трудовъ Ванновскаго; а благожелательность самого Ванновскаго только усиливала сознаніе непримиримаго антагонизма между свободолюбіемъ студенчества и мракобѣсіемъ правящей бюрократіи, цѣпко державшей въ своихъ рукахъ дѣйствительную власть. Уже начинали ходить упорные слухи, будто комиссія теряетъ всякій авторитетъ въ высшихъ сферахъ на томъ основаніи, что Ванновскій, слабый старикъ, обольщенъ студентами. И чѣмъ болѣе вѣрили въ личную доброжелательность и искренность Ванновскаго, тѣмъ болѣе подозрительно и мрачно смотрѣли на стѣну, окружавшую его и подавлявшую его усилія. Вопросъ о неразрывной связи общаго режима съ частичными

его проявленіи снова вставалъ на очередь, и въ прощальной прокламаціи организаціоннаго комитета («манифестъ), выпущенный послѣ сходки 1-го марта этотъ вопросъ разрѣшался уже съ достаточно откровенною революціонностью. Студенчество на опытѣ познавало, что стѣна абсолютизма разбиваетъ всякое реформаторство. Если Ванновскій, облеченный довѣріемъ, реакціонеръ, слуга трехъ императоровъ, одинъ изъ самыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, ставъ неожиданно на сторону студенчества въ явно возмутительномъ инцидентѣ, ничего не можетъ сдѣлать, то, очевидно, и никто изъ верхнихъ сферъ не можетъ сдѣлать ничего. Студенчество какъ говорилось въ одной изъ прокламацій, встало на защиту «элементарныхъ, можно сказать, священныхъ правъ человѣческой личности», но вполнѣ разбилось объ устои «общаго режима». Слѣдовательно, борьба должна направиться противъ исконныхъ устоевъ, должна стать политической борьбой, въ какую бы форму она ни выливалась.

Этотъ выводъ не трудно было сдѣлать, и его сдѣлали очень и очень многіе. Онъ и окрасилъ второй періодъ движенія 1899 г., начавшійся 16 марта и закончившійся только въ маѣ безпримѣрнымъ разгромомъ петербургскаго студенчества. Даже по офиціальнымъ прокламаціямъ организаціонныхъ комитетовъ второго движенія видно, какъ расширилось содержаніе, и какъ повысился тонъ студенческой политической литературы. Но еще болѣе рѣзко вырисовывается измѣнившійся характеръ движенія на сходкахъ 16 и 17 марта, постановившихъ возобновить забастовку.

Февральскія сходки, при всемъ подъемѣ настроенія, отличались большою жизнерадостностью, мѣшавшею углубляться въ суть вещей. Какъ только выяснилось, что студенчество проникнуто желаніемъ бороться, сходки пошли живо, даже весело. При этомъ рѣчи, какъ я уже отмѣчалъ, носили очень осторожный характеръ. Ораторы боялись слова политика, какъ жупела и металла. Въ мартѣ сходки носили совсѣмъ иной характеръ. Онѣ были менѣе многолюдны, чѣмъ въ февралѣ, и не такъ единодушны, хотя утвержденіе полицейскихъ агентовъ будто на сходкахъ 16—17 марта собралась только кучка злономѣренныхъ, которая и взорвала спокойствіе университета— обычная клевета, но зато онѣ были и гораздо серьезнѣе, вдумчивѣе, и сознательнѣе. Съ одной стороны онѣ отбросили покровы умѣренности, съ другой въ сильной степени излѣчились отъ политическаго недомыслія. Духъ веселой безпечности также отсутствовалъ на этихъ сходкахъ. Толпа была настроена даже съ нѣкоторой торжественностью. Чувствовалось, что происходитъ переломъ, чреватый послѣдствіями, чувствовалось, что многіе изъ насъ уже никогда не возвратятся въ эти старыя стѣны. А когда, по требованію сходки, предсѣдательское мѣсто занялъ одинъ изъ членовъ перваго организаціоннаго комитета, то настроеніе сходки получило яркую и опредѣленную формулировку въ его вступительной рѣчи. Ораторъ съ полною ясностью указалъ, что, начиная вторую забастовку, студенты рѣшаются на очень важный шагъ: на политическій протестъ, протестъ противъ существующаго порядка, который не желаетъ поступиться даже мелочами, что, вступая на эту дорогу, нельзя разсчитывать на под-

держку многихъ элементовъ общества, сочувствовавшихъ первой забастовкѣ и необходимо приготовиться къ самымъ жестокимъ репрессіямъ, что поэтому при обсужденіи вопроса надо руководиться не столько горячимъ чувствомъ, сколько холоднымъ разумомъ, чтобы потомъ не сваливать отвѣтственности на отдѣльныхъ лицъ, будто бы увлекшихъ своими пламенными рѣчами на гибельный путь. Послѣдующія рѣчи держались того же тона.

Въ первый разъ въ актовомъ залѣ петербургскаго университета зазвучали несомнѣнно революціонныя ноты при полномъ сочувствіи многочисленной аудиторіи. Всѣ ораторы, въ числѣ которыхъ выступалъ и погибшій И. П. Каляевъ, говорили о необходимости протеста противъ политическаго гнета, о произволѣ и насиліи, отравляющихъ русскую жизнь. Разумѣется, эти рѣчи не отличались опредѣленностью политическихъ программъ; въ то время объ этомъ нечего было и думать. Это были горячія расплывчатыя декламаціи общедемократическаго содержанія, но въ нихъ вѣялъ духъ приближающейся революціонной грозы. На этихъ же сходкахъ были оглашены съ кафедры привѣтственныя письма бернскихъ и лозаннскихъ русскихъ студентовъ, составленныя уже въ обычномъ стилѣ соціалдемократическихъ прокламацій и заканчивавшіяся традиціоннымъ возгласомъ: «долой абсолютизмъ! Да здравствуетъ соціализмъ!» Студенчество Россіи привѣтствовалось заграничными товарищами въ качествѣ борцовъ за политическую революцію. И эти привѣтствія были встрѣчены не криками негодованія, а громкими восторженными апплодисментами. Я помню, что опредѣленность политическаго настроенія удивила даже членовъ организаціоннаго комитета, хорошо знавшихъ свою аудиторію. Но это удивленіе очень скоро ослабѣло, когда мы увидѣли, что, по отношенію къ лозунгамъ движенія къ его формальной сторонѣ студенчество относится чрезвычайно консервативно. Люди дѣлали революцію, но боялись сказать себѣ это, боялись назвать себя революціонерами, чтобы не потерять преимуществъ якобы легальной почвы, на которой они стояли. Мнѣ кажется однако, что въ этой боязни сказывалась не столько боязнь революціоннымъ методовъ, сколько недовѣріе къ заговорщическимъ революціоннымъ организаціямъ стараго типа. Въ попыткѣ создать «политическое», но не «революціонное» движеніе отразилось не только вліяніе либерально-оппозиціонной идеологіи, но и стремленіе найти новую форму революціонной борьбы, которая обезпечивала бы возможность массовыхъ дѣйствій.

Второй періодъ движенія, когда академическіе вопросы даже не поднимались изъ гроба, когда головы работали исключительно надъ разрѣшеніемъ политической проблемы, является переходнымъ состояніемъ студенчества, границы котораго упираются, быть можетъ, только въ сентябрскія резолюціи объ открытіи дверей высшихъ учебныхъ заведеній для народныхъ митинговъ. Но въ обратную сторону эти границы лежатъ гораздо ближе: даже на февральскихъ сходкахъ не было того политическаго настроенія которое обнаружилось на мартовскихъ. Если «манифестъ» кассы взаимопомощи и вызвалъ негодованіе, хотя онъ появился въ началѣ второй забастовки, то глав-

нымъ образомъ, не по существу своего содержанія, а по формѣ. Въ «манифестѣ» касса взаимопомощи объявляла студентовъ революціонерами. Между тѣмъ, такое объявленіе было слишкомъ авторитетно для того, чтобы быть выгоднымъ. Доктринерскій тонъ манифеста и и наклеиваніе на движеніе ярлыка «буржуазности», несмотря на извѣстную долю основательности, также повліяли на раздражительное отношеніе къ этой малозначительной прокламаціи. Традиціи русской интеллигенціи, тогда еще презиравшей «буржуазность» во всѣхъ ея видахъ, протестовали противъ такой квалификаціи движенія. Но, несомнѣнно, что и «явно преступный», по полицейской терминологіи, стиль манифеста былъ слишкомъ рѣзокъ для переходнаго настроенія студенческой массы, хотя та же масса сумѣла переварить «манифестъ» организаціоннаго комитета, также признанный «явно преступнымъ» политической полиціей. Тѣмъ не менѣе, боязнь слова «революціонный» показывала, что студенчество должно еще пережить дальнѣйшія испытанія чтобы очиститься отъ предразсудковъ.

Испытанія эти не земедлили. Политическая полиція не могла спокойно отнестись къ возобновленію забастовки и обструкціи. 20-го марта первый организаціонный комитетъ былъ арестованъ и, затѣмъ, началась дикая травля студенчества, цѣлая эпопея арестовъ, высылокъ и исключеній, тянувшаяся въ теченіе марта, апрѣля и даже мая: начался жандармскій процессъ студентовъ, замѣшанныхъ въ движеніи, гдѣ студенты получили политическое крещеніе отъ такихъ мастеровъ своего дѣла, какъ жандармскій полковникъ Шмаковъ и товарищъ прокурора Трусевичъ. Но почва была уже вспахана. Роль Ванновскаго во второмъ движеніи сводилась къ нулю въ смыслѣ политическаго творчества, но онъ еще могъ нанести нѣсколько ударовъ наивной вѣрѣ въ старый порядокъ, сохранившейся въ студенческихъ душахъ. И онъ это сдѣлалъ. Организаціонный комитетъ не прерывалъ сношеній съ Ванновскимъ, надѣясь, что вліяніе генерала можетъ принести нѣкоторую долю пользы. Немедленно послѣ возобновленія забастовки къ Ванновскому были отправлены двое членовъ комитета, чтобы объяснить ему причины новой вспышки. Они застали генерала въ большомъ раздраженіи и огорченіи. Онъ упрекалъ студентовъ за то, что они обрекаютъ на безплодность труды комиссіи, указывалъ, что реакція теперь воспользуется забастовкой, какъ поводомъ къ принятію репрессивныхъ мѣръ; онъ, наконецъ, опять началъ подозрѣвать «революціонные происки». Делегаты комитета скоро убѣдили его, что фактическія свѣдѣнія охраннаго отдѣленія совершенно ложны, что сходки и ихъ постановленія вполнѣ законны и что революціонные происки—старая полицейская сказка. Но изъ мотивовъ движенія Ванновскій повидимому понялъ и оцѣнилъ только одинъ: товарищеское чувство. То обстоятельство, что петербургскіе студенты поднявшіе всероссійское движеніе, обязаны были стоять за интересы своихъ товарищей въ провинціальныхъ университетахъ, показалось ему достаточно убѣдительнымъ. Возвращеніе высланныхъ и исключенныхъ въ провинціальныхъ университетахъ онъ не могъ не признать справедливымъ актомъ, послѣ того какъ онъ добился этого для Петербурга. Въ результатѣ переговоры, начавшіеся безъ особаго

дружелюбія, кончились обѣщаніемъ Ванновскаго оказать возможное содѣйствіе удовлетворенію студенческихъ требованій. Правда, онъ тогда же сказалъ, что считаетъ все дѣло безнадежнымъ и въ первый разъ, довольно скептически говорилъ о своемъ вліяніи и о томъ «довѣріи», которымъ онъ такъ гордился и хвалился раньше. Борьба съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ которую онъ былъ вовлеченъ совершенно неожиданно объективнымъ ходомъ вещей, научила его кой-чему, и онъ меланхолически жаловался на противоположныя вліянія, сводящія на нѣтъ его усилія. Для насъ однако важно было уже то, что мы разрушили предубѣжденіе, сложившееся въ его умѣ противъ второй забастовки и пріобрѣли въ немъ до извѣстной степени союзника. Его безуспѣшныя попытки выступить въ защиту арестованныхъ студентовъ были весьма полезны для проясненія политическаго сознанія тѣхъ, кто еще сохранялъ вѣру въ легальные пути.

Ванновскій сдержалъ свое обѣщаніе съ тѣмъ большимъ усердіемъ, что поворотъ въ правительственной политикѣ послѣ 20 марта и для него былъ неожиданнымъ. Когда членовъ перваго организаціоннаго комитета вечеромъ 20 марта развезли по тюрьмамъ, моя мать немедленно отправилась на квартиру Ванновскаго. Было уже около 10 часовъ, и онъ ложился спать, такъ что ее не хотѣли принять. Она заявила, что неотложно должна его видѣть, такъ какъ пріѣхала по поводу ареста организаціоннаго комитета. Чрезъ нѣсколько минутъ къ ней выбѣжалъ Ванновскій и, въ сильномъ волненіи, спросилъ: что случилось?

— Членовъ организаціоннаго комитета арестовали.

— Какъ арестовали? Этого не можетъ быть? Пока я не закончилъ разслѣдованія, никто не имѣетъ права арестовывать студентовъ за участіе въ движеніи!

— Я сама проводила ихъ сейчасъ въ тюрьму!

— Ахъ, Господи! Вѣдь, они могутъ подумать, что я ихъ выдалъ! Скажите имъ, что я здѣсь ни при чемъ, что я не далъ ни одного свѣдѣнія министерству внутреннихъ дѣлъ! [1]).

— Но что же дѣлать, чтобы спасти ихъ?

— Не знаю, не знаю. Я попытаюсь, но теперь едва-ли что выйдетъ... Вѣдь, теперь они попали въ руки департамента полиціи, а вы знаете, что тамъ за люди... Теперь ихъ не выцарапаешь!

Дѣйствительно, ему ничего не удалось сдѣлать, хотя онъ пытался возстановить свое значеніе. Уже изъ тюрьмы онъ вызывалъ нѣкоторыхъ недопрошенныхъ и даже допрошенныхъ членовъ комитета «для дополненія показаній», чтобы выяснить истинный характеръ второй забастовки. Охранное отдѣленіе и здѣсь не могло обойтись безъ подлога. Поводомъ къ аресту и центромъ нашего процесса былъ пресловутый «манифестъ» кассы взаимопомощи, приписанный Пирамидовымъ организаціонному комитету, несмотря на то, что, въ дѣйствительно-

[1]) Это было святою истиной. Жандармы и прокуратура жаловались намъ, что Ванновскій ничего не даетъ имъ изъ своихъ матеріаловъ. На жандармскомъ слѣдствіи такъ и не былъ установленъ составъ комитета, о которомъ Ванновскій имѣлъ точныя данныя.

сти, организаціонный комитетъ употребилъ всѣ старанія, чтобы воспрепятствовать появленію этой прокламаціи. И у студентовъ, а затѣмъ, и у Ванновскаго теплилась нѣкоторая надежда раскрытіемъ этой полицейской махинаціи разрушить мстительные планы политическихъ сыщиковъ. Конечно, изъ этого ничего не вышло. Когда я былъ доставленъ жандармами на дополнительный допросъ, Ванновскій производилъ впечатлѣніе совершенно безпомощнаго человѣка. Онъ уже не рѣшился допрашивать въ простой обстановкѣ частной бесѣды. Мнѣ пришлось предстать предъ собраніемъ всей комиссіи, и Стремоуховъ старательно выискивалъ въ прокламаціяхъ различныя «революціонныя» фразы, чтобы поставить меня въ затрудненіе. Но я твердо стоялъ на старой точкѣ зрѣнія: движеніе было общественнымъ, но не «революціоннымъ» въ смыслѣ уголовнаго кодекса. Ванновскій бѣгалъ вокругъ стола и какъ то жалобно посматривалъ то на меня, то на закрытую дверь, гдѣ остались сопровождавшіе меня двое жандармовъ.

— Все эта бумажка надѣлала!—кричалъ онъ, тыкая пальцемъ въ «манифестъ».—Вамъ нужно было отказаться отъ нея!

— Но мы въ тотъ же день печатно заявили, что мы не причастны къ этой прокламаціи.

— Да, но такого заявленія недостаточно. У васъ слишкомъ мягко сказано. Надо было прямо сказать, что она выпущена разными прохвостами, революціонерами.

Это было уже наивно.

Въ концѣ Ванновскій не выдержалъ оффиціальнаго тона и, когда я подходилъ къ двери, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и незамѣтно для сидѣвшей за столомъ комиссіи пожимая мнѣ руку, проговорилъ: «ничего, ничего... Вы не бойтесь... авось, какъ-нибудь дѣло уладится...»

Утѣшеніе это было излишнимъ уже потому, что фонды самого Ванновскаго стояли въ это время такъ низко, что мы, сидя въ тюрьмѣ, смѣясь спрашивали другъ у друга: нѣтъ ли здѣсь гдѣ нибудь и Ванновскаго? Навѣрно, Пирамидовъ его уже арестовалъ!

Ареста Ванновскій, разумѣется, избѣжалъ, но чрезъ нѣсколько дней фарсъ съ «комиссіей по разслѣдованію причинъ и обстоятельствъ» былъ законченъ, и докладъ Ванновскаго былъ брошенъ въ чью-то мусорную корзину.

Генералъ выполнилъ свою миссію: онъ провелъ борозду для посѣва революціи. С ъ воочію показалъ молодой Россіи безсиліе личности, опутанной сѣтями общаго политическаго строя. Онъ показалъ, что въ абсолютистскомъ государствѣ единственнымъ рѣшающимъ факторомъ является политическая полиція, которая дѣйствуетъ, не считаясь ни съ законами, ни съ интересами частныхъ лицъ. Онъ показалъ, что борьба съ беззаконіемъ на легальной почвѣ, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, является пустымъ ребячествомъ, и что въ Россіи нельзя бороться за законъ, такъ какъ нынѣ законный порядокъ состоитъ именно въ беззаконіи. Кромѣ того, общеніе съ Ванновскимъ открыло студентамъ и такія особенности высшихъ сферъ, которыя, не имѣя историческаго значенія, чрезвычайно сильно подры-

вали вѣковой піэтетъ къ власти и разрушали фетишистическую психологію стараго порядка.

Послѣ распашки, сдѣланной Ванновскимъ, сотни студентовъ, попавшіе въ руки Пирамидова, Трусевича и Шмакова, оказались благодарной почвою для этихъ сѣятелей. Высланные и сосланные по различнымъ городамъ и весямъ обширнаго отечества участники студенческаго движенія учли пріобрѣтенный ими опытъ въ энергичной политической пропагандѣ, которою они, не теряя времени, занялись со всею энергіей новообращенныхъ. Группа же членовъ организаціонныхъ комитетовъ, выпущенная изъ тюрьмы 25 мая 1899 года, немедленно примкнула къ рабочему движенію, въ которомъ она ранѣе не принимала участія, и основала соціалдемократическую «группу двадцати», интересную тѣмъ, что она, хотя и считалась частью петербургскаго «Союза борьбы», но по своимъ идеямъ представляла начало того теченія въ россійской соціалдемократіи, которое въ скоромъ времени нашло выраженіе въ «Искрѣ» и которое выдвинуло на первый планъ политическія задачи рабочаго движенія въ отличіе отъ «экономистовъ» «Союза», сводившихъ свои задачи къ своеобразному трэдъ-юніонизму.

Впослѣдствіи, дѣятели студенческаго движенія 1899 года дали человѣческій матеріалъ и для другой партіи, появившейся на политической поверхности: партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Ив. Плат. Каляевъ былъ членомъ третьяго организаціоннаго комитета и авторомъ нѣсколькихъ талантливо написанныхъ прокламацій.

Исторія еще разъ выбросила Ванновскаго на гребень студенческаго моря уже въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Онъ пробовалъ создать систему «сердечнаго попеченія», но этотъ краткій опытъ кончился, какъ извѣстно, еще большимъ огорченіемъ для старика, чѣмъ его комиссія 1899 года. Тѣмъ не менѣе, эра «сердечнаго попеченія» имѣла для студенчества приблизительно такое же значеніе, какое для русскаго «общества» имѣла потомъ эра «довѣрія».

Старый генералъ, вѣрный слуга трехъ императоровъ, человѣкъ съ твердымъ характеромъ ясными желаніями, по прихоти исторіи, сыгралъ видную роль въ процессѣ революціоннаго пробужденія демократической мысли. Случай свелъ его со студентами тогда, когда онъ изжилъ честолюбивыя стремленія и сильныя страсти; когда онъ пережилъ себя, какъ политическаго дѣятеля и оставался только «честною шпагою», офицеромъ старой дворянской арміи съ ея понятіями о чести и вѣрности. Поэтому онъ могъ взглянуть на вещи, поскольку ихъ сущность была для него доступна, съ точки зрѣнія грубоватой, но прямодушной солдатской морали. Нагаечная атака претила его душѣ, какъ безславная расправа; провокація и шпіонство возмущали потому, что они марали честь студенческаго мундира; политическіе извороты департамента полиціи раздражали бюрократическою канителью и подленькою вороватостью его солдатскій умъ, привыкшій мыслить и дѣйствовать напроломъ. Взявшись разслѣдовать незначительный случай, одно изъ маленькихъ безобразій абсолютистскаго механизма, Ванновскій подошелъ къ нему безъ заднихъ мыслей и постороннихъ соображеній. Поэтому ему удалось увидѣть дѣло въ болѣе или менѣе правильномъ освѣщеніи. Но малѣйшая попытка тронуть самый нич-

тожный винтъ государственной машины, заставила заскрипѣть и задвигаться весь безобразный механизмъ, чтобы отбросить дерзкаго нарушителя вѣкового строя. Ванновскій показалъ эту картину встревоженнаго и злобнаго улья полицейскаго государства молодому поколѣнію.

Молодое поколѣніе сумѣло разгадать, въ чемъ секретъ полицейско-государственнаго механизма. Не только академическое, но и либерально-оппозиціонное студенческое движеніе были убиты сердечнымъ попеченіемъ Ванновскаго. Студенчество, послѣ небольшихъ колебаній, круто повернуло налѣво и быстро пошло революціоннымъ путемъ.

Ник. Іорданскій.

Докладъ III-го отдѣленія объ Андрузскомъ.

Послѣдовало на семъ докладѣ Высочайшее повелѣніе: „Андрузскаго отправить въ Соловецкій монастырь, впредь до приказанія“. 5 апрѣля 1850 года.

Андрузскій, въ 1847 году, бывъ студентомъ университета Св. Владиміра, оказался прикосновеннымъ къ дѣлу объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ, сочинялъ возмутительнаго содержанія стихи и проекты о государственномъ преобразованіи. По Высочайшему повелѣнію онъ отправленъ былъ для окончанія курса наукъ, въ Казанскій университетъ съ тѣмъ, чтобы потомъ опредѣленъ былъ на службу въ Великороссійскую губернію, подъ строгимъ надзоромъ и съ воспрещеніемъ увольнять его въ Малороссію. Вскорѣ Андрузскій, по слабости зрѣнія, признанъ былъ неспособнымъ продолжать ученье и отправленъ на службу въ Петрозаводскъ.

Въ 1850 году, Олонецкій Гражданскій Губернаторъ донесъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о подозрительныхъ у Андрузскаго бумагахъ, онъ распорядился объ отобраніи ихъ у него и между прочими оказались:

1. Конституція республики, штаты которой состоятъ изъ Украйны, Черногоріи, Галиціи съ Краковомъ, Польша съ Познанью, Литвой и Жмудою, Бессарабіи съ Молдавіей и Валахіей, Остзеи, Сербіи, Болгаріи и Дона.

2. Отрывки изъ Ивдійской драмы: „Торжество свѣтлой мысли“, [1]) какъ напримѣръ, „при твоемъ законномъ содѣйствіи, моя милая, зарѣзать родную мать, отца, ничего не стоитъ; да и что тутъ толковать? Что такое мать? Вѣдьма? Что такое родитель, братъ?—Черви! убить, искоренить ихъ, несносное племя родныхъ! коварная, гнусная челядь враговъ съ безобразною личиною теплаго чувства--вотъ это родные“.

3. Двѣ тетради отрывокъ изъ журнала Андрузскаго, ихъ коихъ видно, что онъ остался при прежнихъ преступныхъ мысляхъ, напр.

„Никто яко Богъ! нехай ваша хата, если будетъ нашъ верхъ“!

„За-границей гадаютъ про права человѣка, а тутай про права подданаго“.

Вспоминая событія Малороссіи во времена Гетманщины, онъ укоряетъ малороссовъ за ихъ хладнокровное терпѣніе отъ притѣсненій русскихъ.

„Шереметьевъ безстыдно выгоняетъ гетмана Юрія; что же дѣлаетъ Украйна? А мнѣ какое дѣло!“

---

[1]) Напечатана въ 1847 г. въ литературномъ и ученомъ сборникѣ.

„Брюховецкій подличаетъ передъ Москвою, выдаетъ казаковъ на казнь, что же Украйна? А мнѣ какое дѣло!“

„Алексѣй приказалъ перевести на русскій языкъ литовскій статутъ и судить въ судахъ по этому уже переводу; что же Украйна? А мнѣ какое дѣло!“

„Петръ не подтверждаетъ уже казацкихъ правъ вызываетъ Полуботка и другихъ въ столицу, безчеститъ ихъ, моритъ въ кандалахъ, посылаетъ казаковъ на каторжную работу въ Ладогу, Воронежъ и далѣе, что же Украйна? А мнѣ какое дѣло!“

„Петръ какъ Государь, властвуетъ въ Кіевѣ, разоряетъ Батуринъ казаками же вырѣзываетъ Роменъ; что же Украйна? А мнѣ какое дѣло!“

„Что не на насъ, то не до насъ! Пускай горитъ сусѣдъ, только бы наше было цѣло.“

„Наше будущее темно, мрачно, нуженъ великій умъ, великая сила, чтобы измѣнить настоящую власть.“

„Чтобы создать Украйну нужно рушить Россію; а она укрѣпилась съ вѣками: зажмурю глаза и не забуду разсуждать, только подумаю вмѣстѣ съ Богданомъ: что будетъ, то будетъ, на все Богъ!“

„Мы хуже ляховъ, они сохранили свой языкъ и творятъ свой судъ, а мы что?“

„Ценсура смотритъ только, чтобы Царя не бранили и противъ Бога не писали, а не обращаетъ вниманія на вредъ, который производятъ эти сѣрыя книжки, пріучающія дѣтей къ не правильному взгляду, картинами и писаніми забиваютъ ихъ головы; что же послѣ того удивительнаго, что молодые люди рано пріучаются къ картамъ, виву и дѣвкамъ, страшась бездны премудрости.“

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Воспоминанія бывшаго члена петербургскаго «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» 1896—1897 г.).

Половина девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, ознаменовалась идейнымъ переломомъ въ средѣ русской интеллигенціи. „Критическія замѣтки“ Струве, появившіяся въ 1894 году и „Къ монистическому взгляду на исторію“ Бельтова—въ 1895—какъ бы открывали собою новую эпоху. Нарасхватъ раскупалась книжка Волгина, ходили изъ рукъ въ руки „Наши разногласія“ Плеханова, появившіяся цѣлымъ десятилѣтіемъ раньше. Молодежь увлекалась политической экономіей, вѣнцомъ изученія которой служилъ „Капиталъ“ Маркса. Читались и перечитывались статьи Маркса и Энгельса, „Эрфуртская программа“ Каутскаго штудировались основательно. Въ то время какъ въ литературномъ мірѣ шла страстная полемика между марксистами и народниками, воспринявшая соціалъ-демократическое ученіе интеллигенція стремилась въ рабочую среду. Здѣсь соціалъ-демократы нашли подготовленную почву. Жизнь,—величайшій агитаторъ и пропагандистъ,—позаботилась о томъ, чтобы посѣвъ давалъ надлежащіе всходы. Кромѣ готовой почвы новые дѣятели нашли въ рабочей средѣ и сѣятелей, — въ видѣ, правда немногочисленнаго, кадра сознательныхъ рабочихъ, подготовленныхъ революціонерами предшествовавшей эпохи и отчасти развившихся самостоятельно.

Скудость въ литературѣ матеріала изъ эпохи 96—97 годовъ побудила меня взяться за перо. Задача оказалась труднѣе, чѣмъ я предполагалъ. Несмотря всего лишь на десятилѣтнюю давность пережитаго, моя память, къ сожалѣнію, не сохранила многихъ деталей изъ жизни организаціи, въ которой я работалъ. Моя работа среди петербургскихъ рабочихъ длилась всего годъ, но въ этотъ годъ пришлось пережить такую массу новыхъ впечатлѣній и работать такъ напряженно, что память не успѣвала всего регистрировать.

Періодъ, къ которому относятся мои воспоминанія, характеризуется переходомъ отъ пропаганды, имѣвшей задачей выработку отдѣльныхъ интеллигентныхъ рабочихъ, къ агитаціи, пы-

тающейся воздѣйствовать на массы. Вліяніе преобладавшей въ первой половинѣ 90-хъ годовъ кружковщины сказывалось еще и теперь. Въ концѣ 1895 года новыя вѣянія нашли себѣ выраженіе въ возникшей тогда организаціи „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса". Въ созданіи „Союза", кромѣ интеллигентовъ соціалъ-демократовъ принимали участіе двое рабочихъ, съ которыми мнѣ пришлось мелькомъ встрѣтиться нѣсколько позже.

Моему знакомству съ рабочими предшествовало участіе въ смѣшанномъ землячествѣ, сохранившемъ названіе губерніи, изъ представителей которой оно первоначально образовалось, но пополненномъ иногородними элементами. Здѣсь преобладали марксисты. Въ этомъ землячествѣ я познакомился съ И. Г. С—вичъ, впослѣдствіи всецѣло отдавшейся партійной работѣ. Товарищъ А—повъ ввелъ меня въ одинъ домъ, гдѣ собиралась молодежь, преимущественно технологи и дебатировались теоретическіе вопросы. Черезъ технолога Р—на я познакомился съ рабочими одного изъ заводовъ Выборгской стороны. Первый блинъ вышелъ комомъ: знакомство скоро пришлось прервать. Рабочій, передавшій Р—ну эти знакомства, возбудилъ основательныя подозрѣнія, да еще сталъ, вдобавокъ, распускать неблаговидные слухи про Р—на.

Слѣдующее мое знакомство носило также мимолетный характеръ. И. Г. С—вичъ, занимавшаяся съ кружкомъ за Невской заставой, познакомила меня съ рабочимъ Обуховскаго завода, чтобы въ случаѣ надобности я могъ ее замѣнить. Свиданіе состоялось въ трактирѣ на Лиговкѣ.

Приблизительно около половины апрѣля 1896 года я получилъ отъ К. М. Т—ва кружокъ, состоявшій изъ троихъ рабочихъ: ткача Г—ва, маляра К—ва и гравера С—ова. Это были люди въ достаточной степени сознательные, почти вполнѣ интеллигентные, что избавляло меня, какъ новичка въ дѣлѣ пропаганды, отъ многихъ затрудненій. Хотя всѣ трое получили первоначально народовольческое воспитаніе, но ко времени нашего знакомства они уже стали соціалъ-демократами. Г—въ представлялъ изъ себя человѣка сложившагося, убѣжденнаго, солиднаго и хладнокровнаго работника. Ему, между прочимъ, принадлежитъ „Разсказъ рабочаго о стачкѣ на ткацкой фабрикѣ Кожевникова", помѣщенный въ содержательной брошюрѣ К. М. Тара. Г—въ имѣлъ вліяніе на своихъ товарищей по кружку и на фабрикѣ. Своимъ трезвымъ словомъ онъ не разъ умѣрялъ восторженнаго К—ва. Этотъ привлекалъ своей экспансивностью, живостью мысли и фантазіи. Казалось, вся душа у него въ глазахъ. Читая или что-нибудь разсказывая, я видѣлъ всегда по его глазамъ, насколько онъ меня понялъ и какъ относится къ моимъ словамъ. Отзывчивый и нервный, почти болѣзненно впечатлительный, онъ не былъ достаточно устойчивъ и впослѣдствіи, запуганный жандармами наговорилъ много лишняго, въ чемъ горько и страстно каялся, но вновь арестованный, еще пуще запутался. Не знаю дальнѣйшей судьбы Карася, какъ мы его называли. Вѣроятно, смятый и ис-

калѣченный, онъ окончательно опустился, увеличивъ собой число жертвъ полицейскаго режима. С—овъ былъ человѣкъ выдержанный. Ведя занятіе съ кружкомъ, я встрѣчался еще съ нѣкоторыми рабочими, но пока эти встрѣчи носили случайный характеръ. Мой кружокъ предъявлялъ ко мнѣ довольно большіе запросы, что заставляло меня самого работать теоретически. Эту работу мнѣ облегчалъ мой ближайшій товарищъ К. М. Т—въ. Кромѣ лекцій по исторіи рабочаго движенія въ Западной Европѣ мнѣ пришлось, согласно желанію рабочихъ позаняться съ ними „Капиталомъ“ Маркса. Однако событія толкали насъ на другой путь.

Въ то время, какъ мы, выискивая себѣ въ полѣ укромные уголки, отдавались теоретическимъ занятіямъ, разыгралась въ Москвѣ знаменитая Ходынская катастрофа, а вскорѣ надѣлавшая много шуму крупная стачка въ Петербургѣ. Начавшаяся на Обводномъ каналѣ 22-го мая стачка скоро охватила чуть ли не всѣ бумагопрядильныя и ткацкія фабрики Петербурга. Впослѣдствіи товарищъ И—въ, занявшійся исторіей этой стачки, по порученію „Союза борьбы“, при скромномъ подсчетѣ насчитывалъ 30—35 тысячъ забастовавшихъ рабочихъ,—по тогдашнему времени чрезвычайно внушительная цифра. Правительственное сообщеніе, насколько помню, оцѣнивало число забастовавшихъ рабочихъ въ 14 тысячъ вопреки всякой очевидности.

Ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ послужила неуплата заработной платы за дни коронаціи, когда фабрики стояли. Начавшаяся по столь скромному поводу стачка превратилась въ борьбу за сокращеніе рабочаго дня. Правительство не упустило, съ своей стороны, случая дать рабочимъ наглядный урокъ политическаго обученія. Послѣ того какъ градоначальникъ Клейгельсъ со слезами на глазахъ безуспѣшно убѣждалъ рабочихъ прекратить „бунтъ“, мѣшающій царю послѣ торжественной коронаціи возвратиться въ свою столицу,—какъ будто забастовщики препятствовали возвращенію государя,—фабриканты, изъ коихъ нѣкоторые были готовы идти на уступки рабочимъ, получили указаніе свыше, что такая „уступчивость“ противорѣчитъ видамъ правительства, готоваго поддержать хозяевъ. Стачка закончилась въ половинѣ іюня крупной моральной побѣдой рабочихъ: имъ было обѣщано законодательное сокращеніе рабочаго дня. Кромѣ этого пока еще „журавля въ небѣ“, рабочіе получили и „синицу въ руки“ въ видѣ уничтоженія нѣкоторыхъ повседневныхъ злоупотребленій на фабрикахъ, какъ задержка въ выдачѣ заработной платы, различные способы обсчитыванія при сдѣльной платѣ и т. д.

Въ мою задачу не входитъ подробное описаніе стачки, да я и не располагаю необходимыми для этого документами. Но попытаюсь отвѣтить на естественно возникающіе вопросы: 1) какое отношеніе къ стачкѣ имѣли соціалъ-демократы, какими организаціями они были представлены, какое значеніе имѣла стачка для нихъ? 2) какую позицію занимали не бастовавшіе рабочіе Петер-

бурга? 3) что дала стачка для развитія самосознанія рабочихъ Петербурга?

Лѣтняя стачка 1896 года представляетъ крупный этапъ рабочаго движенія въ Петербургѣ. Не „злонамѣренные агитаторы“ ее создали, что признало даже правительство въ своемъ оффиціальномъ сообщеніи: она выросла изъ самой жизни, возникла и въ значительной степени развивалась стихійно. Собирались въ Екатерингофскомъ паркѣ рабочіе представители, обсуждавшіе положеніе дѣлъ, попадались даже листки, писанные самими рабочими. Но и „злонамѣренные агитаторы“ не дремали, стараясь освѣтить положеніе, формулировать требованія рабочихъ, регулировать стачку, организовать помощь. Стачкѣ придавалось огромное значеніе, нѣкоторыя горячія головы готовы были видѣть въ ней начало русской революціи.

Петербургскіе соціалъ-демократы не были въ это время объединены въ одну организацію. Кромѣ „старыхъ“ соціалъ-демократовъ, образовавшихъ „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, успѣшно рекламированный правительственнымъ сообщеніемъ, существовала группа „молодыхъ“ или „пѣтуховъ“, состоявшая преимущественно изъ технологовъ и маленькая группа, къ которой примыкалъ авторъ. „Союзъ борьбы“, сильно пострадавшій весною въ связи съ первомайскими прокламаціями, напрягалъ свои силы, чтобы удовлетворить требованіямъ момента. Прокламаціи „Союза“ появились съ нѣкоторымъ запозданіемъ. Онѣ разбрасывались на фабрикахъ, въ домахъ, занимаемыхъ рабочими,—на лѣстницахъ, во дворѣ.

Въ прокламаціи „Союза“ отъ 30-го мая 1896 г., такимъ образомъ формулированы требованія стачечниковъ.

Чего требуютъ рабочіе Петербургскихъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ.

1) Мы хотимъ, чтобы рабочій день у насъ продолжался отъ 7 час. утра до 7 час. вечера, вмѣсто теперешнихъ отъ 6 час. утра до 8 вечера.

2) Чтобы обѣденное время длилось полтора часа и, такимъ образомъ, весь рабочій день продолжался $10^1/_2$ час. вмѣсто 13 час.

3) Чтобы расцѣнки были повышены такъ, чтобы наши заработки не уменьшились бы.

4) Чтобы шабашили по субботамъ вездѣ одновременно въ 2 часа.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машинъ и не пускали ихъ въ ходъ раньше времени.

6) Чтобы заработокъ за первую половину мѣсяца выдавали правильно и во время, а не оттягивали.

7) Чтобы было заплачено сполна за коронаціонные дни.

Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. 30 мая 1896 г.

Какъ видитъ читатель, первоначальный поводъ забастовки занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду требованій, выставленныхъ рабочими и кратко формулированныхъ „Союзомъ“. Чисто экономическаго характера стачка, благодаря страстному отношенію къ ней властей, сказавшемуся въ выступленіяхъ градоначальника Клейгельса и министра финансовъ Витте, въ многочисленныхъ арестахъ рабочихъ подготовила почву для широкой пропаганды политическаго характера.

Маленькая группа, къ которой принадлежалъ я, состояла собственно изъ трехъ лицъ съ такимъ распредѣленіемъ занятій. К. М. Т—въ велъ сношенія съ организаціями и завѣдывалъ обще-организаціонными дѣлами, поскольку таковые могли быть у столь малочисленной группы; ему въ значительной степени принадлежала руководящая роль въ группѣ. Владиміръ Павловичъ Иваншинъ, умершій эмигрантъ, организовалъ техническую часть. На мнѣ лежали непосредственныя сношенія съ рабочими. Группа наша и возникла то, отчасти благодаря стачкѣ. Связи съ рабочими у насъ быстро росли. Черезъ Г—ова я пріобрѣлъ связи на „Новой Канавѣ“, какъ зовутъ рабочіе Обводный каналъ, черезъ кого-то изъ рабочихъ того же кружка—на Путиловскомъ заводѣ и Екатерингофской мануфактурѣ. Къ концу стачки у насъ завязались знакомства въ разныхъ концахъ Петербурга.

Первая прокламація, которую мнѣ пришлось распространить, принадлежала группѣ „народовольцевъ“ 4-го „Летучаго Листка“. Эта группа отличалась отъ насъ развѣ названіемъ и традиціями, проводя взгляды въ сущности соціалъ-демократическіе. Непримиримостью съ обѣихъ сторонъ больше отличались люди, довольно далеко стоявшіе отъ дѣла. Во время стачки наша группа распространяла и прокламаціи „Союза“, выпускала и свои. Народоправцы, которые въ то время офиціально перестали существовать, относились къ намъ сочувственно и не разъ оказывали матеріальную поддержку. „Союзу борьбы“, благодаря многочисленнымъ арестамъ растерявшему значительную часть своихъ связей, приходилось пользоваться нашими услугами. Характеръ завязавшихся у меня во время стачки знакомствъ въ рабочей средѣ былъ различный. Въ одномъ случаѣ создавалось нѣчто вродѣ кружка, въ которомъ приходилось вести—хотя по условіямъ момента и не систематическія—занятія съ рабочими, въ другомъ знакомство поддерживалось для собиранія свѣдѣній о ходѣ стачки и распространенія агитаціонной литературы. На одной крупной фабрикѣ, между прочимъ, нашъ агитаторъ оказался неграмотнымъ, что не мѣшало ему дѣятельно исполнять свою роль.

Стачка проходила спокойно, рабочіе обнаружили большую выдержку. Лишь въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на Екатерингофской мануфактурѣ, разыгрывались безпорядки. Заводскіе рабочіе оказывали матеріальную поддержку стачечникамъ, устраивали сборы въ ихъ пользу. Движенія въ пользу присоединенія къ стачкѣ почти не наблюдалось, да и выставленный

стачкою лозунгъ не былъ достаточно для этого широкъ. Приходилось слышать отъ заводскихъ рабочихъ отзывы въ такомъ родѣ: „Что же, у насъ и безъ того 12-ти часовой день, а гдѣ еще и меньше, намъ ихнія требованія не подходятъ“. Въ сферахъ особенно опасались забастовки Путиловскаго завода [1]), видными пайщиками котораго состояли многія высокія особы.

Въ широкой публикѣ стачка пользовалась сочувствіемъ и отчасти находила матеріальную поддержку. Разговоры въ конкѣ зачастую вертѣлись около событій дня и робкій обыватель осмѣливался до того, что иной разъ громко порицалъ дѣйствія начальства. Изъ вагона конки нерѣдко можно было видѣть небольшія группы рабочихъ подъ конвоемъ блюстителей порядка въ видѣ бравыхъ городовыхъ. Изъ оконъ арестныхъ помѣщеній при полицейскихъ участкахъ выглядывали блѣдныя лица рабочихъ, махавшихъ платкомъ или пробовавшихъ заговаривать съ проходящими. Тогда еще не стрѣляли за выглядываніе изъ оконъ. Въ пригородахъ и въ полѣ за заставами разъѣзжали конные патрули. Съ тѣхъ поръ петербургскій обыватель не такіе виды видалъ, но тогда эти патрули производили впечатлѣніе.

Для рабочихъ стачка сыграла огромную роль, какъ одно изъ первыхъ массовыхъ выступленій, демонстрировавшихъ мало сознательнымъ слоямъ пролетаріата солидарность интересовъ рабочихъ, антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ и роль правительства въ столкновеніяхъ между ними. Та-же стачка обнаружила и слабыя стороны нарождавшагося рабочаго движенія, поставивъ передъ рабочими Петербурга вопросъ о необходимости организаціи, несовмѣстимой съ волей полицейско-самодержавнаго правительства. Развившееся вслѣдъ за стачкой стремленіе къ устройству рабочихъ кассъ, не достигавшихъ, благодаря полицейскимъ условіямъ большихъ размѣровъ, слѣдуетъ приписать вызванному стачкой сознанію необходимости организаціи помощи: нервъ войны—деньги. Открывъ глаза многимъ, до того чуравшимся соціалистовъ, стачка чрезвычайно облегчила доступъ въ рабочую среду революціонной интеллигенціи. Съ другой стороны этой стачкой какъ бы сама жизнь поставила точку на пропагандистскомъ періодѣ и открывала просторъ для агитаціи. Очередной вопросъ для соціалъ-демократовъ составлялъ переходъ къ болѣе широкому кругу идей, вносимыхъ въ рабочую среду: мѣсто „экономики“ скоро должна занять политика. Ниже, при описаніи дѣятельности „Союза борьбы“ мы увидимъ какъ сложилась работа въ новомъ періодѣ, какое мѣсто въ ней занимала пропаганда и какое отводилось агитаціи.

„Союзъ борьбы“ какъ по принципіальнымъ соображеніямъ, такъ и по соображеніямъ практическаго свойства стремился объединить дѣятельность соціалъ-демократовъ въ Петербургѣ. Первое время дѣятельности нашей маленькой группы мы не стремились къ тѣсному сближенію съ интеллигентской организаціей,

---

[1]) Гдѣ и забастовала не надолго паровозо-сборочная мастерская.

каковой являлся „Союзъ“. Имѣя въ виду пропаганду соціалъ-демократизма, желая стать ближе къ рабочему и не стремясь къ строго партійной окраскѣ своей работы, мы не нуждались въ такомъ сближеніи, поддерживая связи съ организаціями для добыванія литературы и въ видахъ освѣдомленности. Но при измѣнившихся обстоятельствахъ, мѣнялись и наши дальнѣйшіе планы. Еще въ началѣ стачки велись переговоры между К. М. Т—вымъ и представителями „Союза“. На собраніи въ Шуваловскомъ паркѣ, гдѣ участвовали представители „Союза“, „молодые“ и мы, мы не могли не убѣдиться, что у насъ нѣтъ серьезнаго основанія для обособленія отъ „Союза“. Не знаю, считались ли мы послѣ этого собранія формально вступившими въ „Союзъ“, но переговоры и взаимное зондированіе продолжались. Дипломатическимъ представителемъ „Союза“ былъ С. И. Р—ко.

Въ началѣ августа „Союзъ“ устроилъ собраніе въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, гдѣ присутствовалъ и я. К. М. Т—въ случайно не попалъ на собраніе. Здѣсь обсуждались тактическіе и организаціонные вопросы. Если на собраніи въ Шуваловскомъ паркѣ еще и не было оформлено наше вступленіе въ „Союзъ“ то на этотъ разъ я присутствовалъ на собраніи въ качествѣ новаго члена „Союза“. Послѣ собранія въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ мнѣ приходилось имѣть дѣло съ членами „Союза“ С—нымъ и Б—ромъ, изъ которыхъ послѣдній часто меня посѣщалъ. Но прежде чѣмъ мы успѣли окончательно войти въ „Союзъ“, послѣдній подвергся новому разгрому, причемъ были арестованы и всѣ участники собранія въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Я въ это время выѣзжалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ товарищемъ М. Я. С—ковымъ. На нашихъ квартирахъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, причемъ у С—кова, очень близко стоявшаго къ нашей группѣ, искали типографію, о которой мы и не грезили.

Арестъ почти всѣхъ членовъ „Союза“ грозилъ потерей имени организаціи, стяжавшей уже себѣ значительную извѣстность. Намъ передавали, что литераторъ П—совъ, съ которымъ до того мы не имѣли сношеній, не зная, вѣроятно, о нашемъ присоединеніи къ „Союзу“, старался установить съ нами связь, опасаясь, чтобы мы не выпустили воззванія подъ своей фирмой. Но мы предупредили его своевременно обратившись отъ имени „Союза“ къ обществу „съ прокламаціей“. А упустить моментъ значило констатировать разгромъ „Союза“. Вскорѣ мы устроили совмѣстно съ возвратившимися изъ провинціи членами „Союза“ „пленарное“ засѣданіе, на которомъ—увы! было пять или шесть человѣкъ. Отнынѣ существованіе нашей группы, какъ таковой, окончательно прекращается, т. к. мы уже составляемъ органическую часть „Союза“. Прокламаціи во-время поддержали иллюзію несокрушимости и неуловимости организаціи.

Проходитъ нѣкоторое время, прежде чѣмъ организація оправилась отъ ряда разгромовъ, завершившихся августовскимъ. Возвращаются изъ провинціи нѣкоторые члены, уѣзжавшіе на каникулярное время, нѣкоторые члены организаціи, благополучно от-

бывъ тюремную повинность, также успѣваютъ возвратиться къ прерванной тюремнымъ заключеніемъ работѣ; вступаютъ въ наши ряды новые товарищи, частью изъ учащейся молодежи частью— люди съ болѣе богатымъ жизненнымъ опытомъ. Въ сентябрѣ „Союзъ борьба за освобожденіе рабочаго класса“ уже вновь твердо стоитъ на ногахъ. Организація быстро разрастается. Является необходимость въ планомѣрномъ раздѣленіи труда.

До сихъ поръ я не касался организаціонной стороны „Союза“, которую могъ знать лишь со словъ другихъ. Теперь, забѣгая нѣсколько впередъ, скажу, какъ конструировался „Союзъ“ къ зимѣ 96—97 года. Основными ячейками организаціи служили такъ называемыя районныя группы. Эти группы составлялись изъ интеллигентовъ, имѣвшихъ связи и кружки въ томъ или другомъ рабочемъ районѣ. Такъ въ организаціи были представлены Василеостровскій районъ, Петербургскій, Выборгскій, районъ Обводнаго канала, Невскій, Нарвскій... Одинъ изъ членовъ таковой группы входилъ въ качествѣ ея представителя въ центръ. Этотъ представитель не былъ выборнымъ, т. к. центръ пополнялся лишь путемъ адоптаціи. Помимо вліянія конспиративныхъ соображеній это происходило въ слѣдствіе историческаго роста организаціи. Кромѣ представителей рабочихъ районовъ въ составъ центра входили завѣдующій технической частью (печатаніемъ), завѣдующій сношеніями съ заграницей, кассиръ... Нѣкоторые изъ товарищей по центру не имѣли строго опредѣленнаго круга обязанностей, но на ихъ долю доставалось не мало все усложнявшейся организаціонной работы. Оговариваюсь, что практика иногда заставляла дѣлать отступленія отъ начертанной схемы.

Обратимся отъ схемы къ дѣйствительности. Районныя группы составляли наиболѣе близкую къ жизни часть организаціи. Строгаго разграниченія работы на пропагандистскую и агитаціонную не проводилось. Каждый изъ интеллигентовъ-членовъ группы имѣлъ свой кругъ связей въ рабочей средѣ, иногда сводившійся къ кружку, иногда къ нѣсколькимъ кружкамъ, иногда ограничивавшійся отдѣльными рабочими разныхъ фабрикъ и заводовъ. Отъ пониманія членами районной организаціи своей задачи зависѣлъ въ значительной степени характеръ ихъ дѣятельности: одинъ могъ отдавать предпочтеніе пропагандѣ, другой агитаціи. Нѣкоторымъ коррективомъ къ этому служило общее направленіе дѣятельности организаціи, а главное запросъ на то или другое со стороны рабочихъ. Внося поправку въ предыдущее изложеніе, можно было бы эти рабочіе кружки признать за первыя ячейки организаціи. Центръ тяжести дѣятельности „Союза“ лежалъ, разумѣется здѣсь, и у насъ была тенденція, совершенно естественная, считать эти кружки таковыми. Получилась бы стройная схема: рабочіе кружки даннаго района образуютъ районную группу, а эти группы— объединены общегородской организаціей пролетаріата. Но эти „кружки“—я называю ихъ такъ за неимѣніемъ болѣе подходящаго выраженія, не имѣли опредѣленныхъ границъ, не имѣли вполнѣ опредѣленной физіономіи (въ смыслѣ организаціонномъ) въ на-

стоящемъ, хотя въ ближайшемъ будущемъ, какъ рисовалось нѣкоторымъ изъ насъ, именно они должны были играть первенствующую роль; включая въ себя наиболѣе сознательныхъ представителей рабочаго класса, они въ крупныхъ событіяхъ рабочей жизни могли образовать естественное ядро для объединяющагося и организующагося пролетаріата. Нѣкоторые изъ интеллигентовъ вели кружковыя занятія довольно систематически, въ томъ-же кружкѣ разбирались вопросы повседневной рабочей жизни и общеполитическаго характера, сюда доставлялась литература,—агитаціонная, полученная изъ центра и та легальная и полулегальная литература, часто беллетристика, которой долго питалась наша молодежь въ періодъ пробужденія политической мысли. При посредствѣ сознательныхъ рабочихъ пріобрѣтались связи на тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ еще не имѣлось знакомствъ, собирались свѣдѣнія изъ рабочей жизни, свѣдѣнія о тѣхъ взаимотношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, сводка и освѣщеніе которыхъ являлись всегда могучимъ орудіемъ агитаціи. Наконецъ, отсюда нерѣдко исходилъ спросъ на прокламаціи частнаго характера, иногда здѣсь же, самими рабочими или при ихъ участіи составлялся и самый текстъ. Текстъ прокламацій или матеріалъ для нихъ поступалъ или прямо въ центръ, или подвергался предварительному обсужденію въ районной группѣ. Центръ рѣшалъ, нужна-ли прокламація, иногда, нѣсколько измѣнивъ, давалъ ей окончательную редакцію. Въ идеѣ это обусловливалось необходимостью согласованія отдѣльныхъ прокламацій съ общей политикой даннаго момента, проводимой центромъ, но на практикѣ вызывало иногда справедливыя нареканія.

У автора этихъ строкъ, бывшаго представителемъ Нарвскаго и нѣкоторое время Невскаго районовъ, существовала значительная близость съ рабочимъ Балтійскаго завода А. М. С—евымъ, завязывались случайныя связи и въ другихъ рабочихъ районахъ столицы. Связи пріобрѣтались различными путями. Наиболѣе планомѣрный способъ состоялъ въ знакомствѣ черезъ кружковыхъ или вообще извѣстныхъ рабочихъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно знакомили съ людьми, нѣсколько подготовленными чтеніемъ литературы и разговорами съ сознательными товарищами. Но при быстро ускорявшемся темпѣ работы этотъ способъ не всегда оказывался достаточнымъ. Приходилось искать другіе пути. Случалось, что знакомый паренекъ, самъ не особенно давно распропагандированный, предлагаетъ свои услуги: „есть у меня въ мастерскихъ Варшавской дороги землякъ только чертъ его знаетъ: сами посмотрите, да пока что и не говорите, что вы отъ организаціи, чтобы не отпугнуть“. И вотъ гдѣ-нибудь въ портерной происходитъ „свиданіе друзей“. Иногда черезъ случайнаго знакомаго, отъ котораго и толку не ожидали большого, удавалось получить цѣнныя связи. Нѣкоторые товарищи, особенно С—ловъ, обладавшій юмористической складкой, любили самостоятельно доходить до искомаго. Сядетъ себѣ въ паркѣ въ праздничный день. На скамейку подсаживается фабричный. Тары... бары... чело-

вѣкъ иной разъ окажется подходящій, знакомство идетъ дальше-больше. Съ А. М. С—евымъ мы дѣлали экскурсіи по всему рабочему Петербургу. Я ходилъ подъ видомъ рабочаго, его товарища. Съ условіями производства я успѣлъ ознакомиться настолько, чтобы не попадать въ просакъ. Но меня выдавали руки. Наши скитанія приносили нѣкоторые плоды. Такъ мы разыскали одного рабочаго, еще раньше принимавшаго участіе въ кружкахъ, а потомъ почему то отставшаго. Черезъ него пріобрѣли знакомство въ гильзовомъ отдѣлѣ патроннаго завода, гдѣ вскорѣ составился кружокъ. Проникли къ наборщикамъ. На первыхъ порахъ мы встрѣтили неудачу. Одинъ изъ наборщиковъ Императорскихъ театровъ, выслушавъ наши „подходы“, замѣтилъ: „Чего мнѣ нужно добиваться? вы хотите 8-ми часового рабочаго дня, а я семь часовъ работаю, а жалованья мнѣ хватаетъ“. Болѣе успѣшно пошло дѣло съ непривилегированными наборщиками. Они ютились въ огромномъ каменномъ домѣ со специфическимъ запахомъ жилыхъ квартиръ. Недалеко находилась и типографія, куда я заходилъ раза два—три, чтобы ознакомиться съ условіями работы.

Постараюсь на конкретныхъ примѣрахъ познакомить читателя съ характеромъ нашихъ связей въ различныхъ районахъ. Нѣкоторое время главнымъ полемъ моихъ дѣйствій служилъ Путиловскій заводъ. Частенько подходилъ я къ заводу по соединительной вѣтви желѣзной дороги, чтобы обезопасить себя отъ сыщиковъ, которые не любили преслѣдовать въ открытомъ полѣ. Въ вечернее время литейная мастерская бросала волшебный отблескъ на окрестности. Въ одномъ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ обычной казарменной внѣшности, какихъ сколько угодно вы встрѣтите на рабочихъ окраинахъ Петербурга, находилась наша заводская штабъ квартира. Здѣсь жили двое молодыхъ заводскихъ рабочихъ. Они оба, — вдумчивый, серьезный и глубокій О. и немножко легкомысленный и нетерпѣливый Николай—были дѣятельны и въ распространеніи литературы, и въ доставленіи свѣдѣній о заводскихъ распорядкахъ, и даже пробовали составлять листки. Мои лекціи имъ, начавшіяся въ до-союзный періодъ моей работы, продолжались недолго. Что касается доставлявшейся рабочимъ литературы, то кромѣ прокламацій общаго и частнаго характера, агитаціонныхъ листковъ и брошюръ, вродѣ брошюры „О штрафахъ“, „Какъ министръ финансовъ заботится о рабочихъ“, женевскихъ изданій, какъ Дикштейнъ „Кто чѣмъ живетъ“, здѣсь находили читателей Джіаваніоли „Спартакъ“, Францоза „Борьба за правду“, Швейцера „Эмма“, сочиненій Шелгунова и пр. Расходилась брошюра Свидерскаго „Трудъ и капиталъ“, читались рѣчи Лассаля, даже Марксъ и Энгельсъ. Въ занятіяхъ съ начинающими рабочими мнѣ приходилось пользоваться рукописными лекціями „О заработной платѣ“, принадлежащими перу одного изъ извѣстныхъ соціалъ-демократовъ.

Познакомился я съ другими рабочими квартирами на Путиловскомъ заводѣ. Одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ былъ бывшій лакей, другой—плотникъ, лѣтъ подъ сорокъ. Послѣдній, ра-

ботавшій на Тентелевскомъ химическомъ заводѣ, представлялъ типъ хозяйственнаго мужичка. Семья его жила въ деревнѣ, къ которой и онъ устремился помыслами и гдѣ разсчитывалъ закончить свое жизненное поприще. Получая рублей 50 въ мѣсяцъ и во всемъ себѣ отказывая, онъ предполагалъ сколотить сумму, необходимую для заведенія кабака. Разумѣется, такой господинъ былъ намъ не съ руки.

Небольшой кружокъ рабочихъ Путиловскаго завода я посѣщалъ иногда съ А. М. С — евымъ. Они съ жадностью слушали бесѣды на политико-экономическія темы.

Былъ и еще у меня кругъ знакомства на Путиловскомъ заводѣ. Это были рабочіе интеллигенты. Они интересовались литературой, выписывали толстые журналы, обнаруживая склонность къ умственному эпикурейству, а иногда и къ вкусной выпивкѣ. Когда же дѣло касалось распространенія литературы и другихъ сколько-нибудь опасныхъ предпріятій, они предпочитали уклоняться, ссылаясь на то, что „мы де не можемъ изъ-за этого рисковать, если насъ заберутъ, это большая потеря. Вы ужъ лучше такого-то попросите". Хорошо зарабатывая, они проявляли склонность къ „обстановочкѣ". Быть можетъ, широкое движеніе слѣдующихъ лѣтъ захватило и этихъ рабочихъ-буржуа, не лишенныхъ честолюбія и знаній.

Кромѣ меня одновременно и другіе члены организаціи имѣли связи на Путиловскомъ заводѣ. Здѣсь же устроился М — кій, скорѣе интеллигентъ, чѣмъ рабочій, поступившій на заводъ съ уже опредѣленными намѣреніями.

Подробности организаціонной работы отвлекали меня отъ кружковыхъ занятій, которыя я передавалъ товарищамъ. Но у О. и Николая я бывалъ частенько, заходя къ нимъ во всякое время и поздно вечеромъ, и въ обѣденный перерывъ, когда они, уплетая куски хлѣба, экономно намазанные масломъ, торопясь на работу, успѣвали передать мнѣ кое-что изъ заводской жизни и получали отъ меня литературу. Зайдя какъ-то къ нимъ въ субботу—день получки—я отправился осматривать заводъ. У входа толпились жены рабочихъ, спѣшившіе перехватить мужей, имѣвшихъ слабость къ выпивкѣ. Сторожъ спокойно взялъ отъ меня рабочій номеръ и повѣсилъ рядомъ съ прочими. На заводѣ, благодаря получкѣ, не мы одни ходили безъ дѣла, а потому на меня никто не обращалъ вниманія. Заводъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, особенно паровой молотъ и мастерская бессемерованія стали, гдѣ расплавленная огненножидкая масса металла огненнымъ потокомъ разливалась по формамъ.

Какъ-то въ одной изъ рабочихъ квартиръ на Путиловскомъ заводѣ у насъ состоялась вечеринка. Изъ интеллигентовъ, кромѣ меня, были В. Г. С — скій и В. Ю. К — а, было нѣсколько рабочихъ съ Путиловскаго завода, А. М. С—евъ съ Балтійскаго и К. С -ъ изъ-за Невской заставы. Вечеринка устраивалась по иниціативѣ О — а, который хотѣлъ познакомить насъ на нейтральной почвѣ съ рабочими, не затронутыми пропагандой, а главной его цѣлью являлась популяризація идеи рабочей кассы. Ра-

бочіе отнеслись очень сочувственно къ кассѣ, но работницы съ шоколадной фабрики, также приглашенные на вечеринку, обнаруживали больше интереса къ танцамъ, а на вопросы отвѣчали крайне застѣнчиво и односложно. Рабочія кассы, знаменовавшія тенденцію со стороны рабочихъ къ организованной борьбѣ, вызванную лѣтней стачкой, не могли, разумѣется, получить широкаго развитія въ условіяхъ подпольнаго существованія. Но попытки къ образованію кассъ можно отмѣтить въ различныхъ районахъ столицы.

Теперь я предлагаю читателю послѣдовать за мною по Петергофскому шоссе и черезъ Нарвскія ворота пробраться въ городъ. Недалеко отъ Нарвскихъ воротъ жило много рабочихъ Новаго Адмиралтейства, Екатерингофской мануфактуры и другихъ фабрикъ. Здѣсь я познакомился съ рабочимъ Д., мало развитымъ, но обнаружившимъ большую склонность къ соціалъ-демократическимъ идеямъ. Усиленно работая надъ собой, путемъ чтенія и разговоровъ вырабатывая свое міросозерцаніе, онъ скоро сталъ центромъ кружка, не замедлившаго дать развѣтвленія. Здѣсь, какъ и всюду, рабочіе проявляли огромную любознательность. Ихъ требованія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были значительно шире тѣхъ, отвѣтъ на которыя могъ входить въ задачи организаціи. Рабочіе часто находились въ положеніи людей, у которыхъ внезапно раскрылись глаза и, жадно всматриваясь въ міръ Божій, они хотѣли сразу разобраться въ массѣ вновь возникшихъ вопросахъ. Помимо вопросовъ политики и экономики зачастую затрагивались и религіозные. Я ввелъ въ этотъ районъ В. Г. С—каго, В. В. П—на, покойнаго Николая Эрнестовича Баумана, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшаго изъ провинціи. Всѣ они, не исключая Баумана, сохранили еще народовольческія симпатіи и, ставъ соціалъ-демократами, нѣсколько отличались отъ общей окраски работниковъ „Союза“ нѣкоторымъ тяготѣніемъ къ „политическому фактору“. Новый курсъ „Союза“ съ политической агитаціей вполнѣ пользовался ихъ симпатіей. Бауманъ, надо сказать, уже съ самаго начала болѣе другихъ признавалъ партійную дисциплину. Эти товарищи скоро завоевали симпатіи рабочихъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло.

Познакомивъ товарищей съ рабочими описываемаго района, я сохранилъ непосредственную связь съ основнымъ кружкомъ, посѣщая Д. У него бывали земляки. Такъ однажды мнѣ пришлось встрѣтиться съ конюхомъ и „кухонымъ мужикомъ“ одной высокопоставленной особы. Эти „аристократы“ не безъ чувства профессіональной городости повѣтствовали объ образѣ жизни и привычкахъ знатныхъ господъ, передавая слышанное отъ болѣе приближенныхъ челядинцевъ. Вѣроятно, по ассоціаціи идей, т. к. говорилось о тунеядствѣ, разговоръ перешелъ на монаховъ. Въ заключеніе новые знакомые приглашали меня къ себѣ въ гости, но организація не ставила себѣ задачей пропагандировать дворню вельможъ, и я такъ не воспользовался любезнымъ приглашеніемъ.

Съ Д. я дѣлалъ набѣгъ къ пашковцамъ на Васильевскій островъ. Они были по ремеслу сапожники. Встрѣтили насъ чрезвычайно серьезно.—„О чемъ же будемъ разговаривать?“—спросилъ, усадивши насъ, старшій изъ хозяевъ. Я предоставилъ ему выборъ темы для разговора.—„Поговоримъ о Богѣ“.—Не особенно интересуясь богословскими вопросами, я старался найти мостикъ къ политической темѣ, что мнѣ скоро удалось. Перейдя затѣмъ къ противоположности классовыхъ интересовъ, я болѣе говорилъ для моего спутника, чѣмъ для хозяевъ, которыя, какъ я скоро убѣдился, крѣпко забронированы противъ доводовъ противника. Мой оппонентъ сдѣлалъ мнѣ, впрочемъ, цѣнную уступку. Когда я спросилъ его, кто же по его мнѣнію скорѣе убѣдитъ рабочихъ,—тотъ ли, кто, исходя изъ фактовъ ихъ повседневной жизни, воочію убѣждающихъ ихъ въ противоположности интересовъ труда и капитала, будетъ призывать рабочихъ къ единенію и борьбѣ за идеалы соціализма или религіозный проповѣдникъ, призывающій ко всепрощенію и любви къ ближнему, котораго онъ не можетъ не видѣть и въ капиталистѣ, пашковецъ признавалъ, что рѣчь перваго будетъ, къ сожалѣнію, убѣдительнѣе для аудиторіи. Мое посѣщеніе пашковцевъ вызвано было тѣмъ, что я слышалъ отъ рабочихъ объ ихъ вліяніи въ рабочей средѣ и оппозиціи соціалъ-демократамъ. Дальнѣйшихъ послѣдствій мой визитъ не имѣлъ и продолжить знакомство съ пашковцами мнѣ помѣшалъ арестъ.

Представителемъ Василеостровскаго района былъ Б. И. Г — ъ, энергично развившій агитацію въ этомъ районѣ, гдѣ связи у „Союза“ были довольно обширныя. На Балтійскомъ заводѣ работалъ А. М. С — евъ, о которомъ я упоминалъ. Съ нимъ я поддерживалъ тѣсныя сношенія и нерѣдко его посѣщалъ. А. М. занималъ отдѣльную комнату съ совершенно студенческой обстановкой, какъ у многихъ интеллигентныхъ рабочихъ того времени: кровать, столъ, два-три стула, этажерка съ книгами. У С—ева я располагался, какъ дома, часто съ нимъ совѣтывался, дѣлился своими впечатлѣніями и планами. Кромѣ С—ева у меня были лишь мимолетныя знакомства на Балтійскомъ заводѣ. Посѣщали мы, между прочимъ, одного слесаря семейнаго, хорошо зарабатывавшаго, сочувствовавшаго намъ, но не принимавшаго, помнится, активнаго участія въ нашей дѣятельности. Иногда я встрѣчался съ рабочей молодежью.

На Петербургской сторонѣ, районнымъ представителемъ которой былъ К—ъ, могу лишь отмѣтить небольшой кружокъ молодыхъ рабочихъ, съ которыми вела занятія П—ва. Здѣсь я читалъ между прочимъ, въ видѣ опыта одну рукопись религіозно-политическаго содержанія, обличавшую лицемѣріе офиціальной церкви. Сколько помню, она произвела благопріятное впечатлѣніе. Квартира, гдѣ жили эти рабочіе, оказалась пагубной: черезъ стѣнку занималъ комнату сыщикъ, и П—ва была арестована на мѣстѣ „преступленія“.

Кратковременныя знакомства съ рабочими бывали у меня и на Выборгской сторонѣ—на фабрикахъ, въ арсеналѣ, на пивова-

ренномъ заводѣ Новая Баварія. На гильзовомъ отдѣлѣ патроннаго завода, что на Литейномъ, образовался кружокъ, о которомъ я упоминалъ.

На Большой Охтѣ со спеціальной цѣлью организаціи тамошнихъ рабочихъ, сравнительно менѣе другихъ распропагандированныхъ, поселился отъ „Союза“ товарищъ И—въ, котораго мнѣ приходилось посѣщать по дѣламъ организаціи. Изъ рабочихъ я бывалъ у одного съ Больше-Охтенской бумагопрядильни. Звали его Павломъ. Вдумчивый и отзывчивый юноша, съ нѣжной, мечтательной душой онъ, несмотря на тяжелый пятнадцатичасовой трудъ на фабрикѣ, находилъ время на саморазвитіе, съ жадностью поглащая книжки и брошюры. Нищенская плата не позволяла ему устраиваться сколько-нибудь сносно. Онъ ютился въ обычной квартирѣ фабричныхъ рабочихъ, гдѣ въ двухъ комнатахъ, кромѣ него, да еще одного-двухъ холостяковъ рабочихъ, помѣщалось двѣ или три семьи. Крикъ и плачъ дѣтей, перебранка женщинъ, подчасъ пьяный шумъ или супружеская ссора... И въ этой обстановкѣ онъ сидѣлъ за книгами, блѣдный и тщедушный. На грубо сколоченномъ столикѣ лежали его любимые авторы, въ томъ числѣ помню Некрасова. Разница въ положеніи фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ обращала на себя вниманіе. Этой разницѣ соотвѣтствовало болѣе или менѣе глубокое внутреннее различіе между тѣми и другими. Длинный рабочій день, низкая заработная плата содѣйствовали извѣстной забитости, темнотѣ и невѣжеству первыхъ. Заводскіе рабочіе, какъ болѣе культурные, скорѣе проникались политической стороной нашей платформы. Фабричные, болѣе интенсивно чувствуя экономическій гнетъ, болѣе тяготѣли къ примитивной формѣ классовой борьбы, ихъ было труднѣе расшевелить, но, толкаемые безысходностью своего положенія къ стихійному протесту, они естественно были активнѣй заводскихъ и болѣе склонны къ массовымъ выступленіямъ. Заводскіе скорѣе могли выставить кадръ сознательныхъ рабочихъ, способный къ болѣе широкой постановкѣ вопросовъ, болѣе устойчивый и неподверженный паникѣ.

За Невской заставой издревле существовали кружки, выработавшіе вполнѣ сознательныхъ рабочихъ. Интеллигентные рабочіе вырабатывались на заводахъ иногда и помимо непосредственнаго воздѣйствія революціонеровъ, т. к. лучшій заработокъ и большій досугъ давали имъ и большую возможность умственно развиваться; да и самыя условія заводской работы требуютъ въ большей степени умственнаго развитія. Въ частности за Невской заставой существовали рабочіе, принимавшіе участіе еще въ „Землѣ и Волѣ“. Лично мнѣ не приходилось съ ними сталкиваться, но слыхалъ я о нихъ отъ К. М. Т—ва. Во время нашихъ исканій по рабочему Петербургу А. М. С—евъ припомнилъ объ одномъ такомъ рабочемъ въ районѣ фарфороваго завода. Онъ имѣлъ, какъ мы слышали, рабочій кружокъ, но велъ дѣло настолько конспиративно, что избѣгалъ интеллигентовъ. Намъ такъ и не удалось завязать съ нимъ сношенія. „Союзъ“ имѣлъ не

мало связей на заводахъ и фабрикахъ Невской заставы. Зимой мы узнали о существованіи тамъ небольшой группы, организованной заводскимъ служащимъ Г—гомъ, пожелавшей присоединиться къ „Союзу". Отъ имени „Союза" велъ переговоры М—въ, потомъ я. Помимо обычной кружковой пропаганды въ группѣ вырабатывался уставъ рабочей кассы, въ чемъ принимали главное участіе рабочіе. Здѣсь мы нашли энергичнаго работника въ лицѣ К. С—а. Но здѣсь же обрѣли и провокатора въ лицѣ Ларіоныча, слесаря-кустаря. Относительно его провокаторскаго амплуа мы получили свѣдѣніе отъ товарищей изъ Дома Предварительнаго Заключенія. Но К. С—ъ и Г—гъ горячо защищали Ларіоныча. Такое положеніе мѣшало безапеляціонному осужденію и двое членовъ „Союза" предприняли разслѣдованіе этого дѣла. Изъ Предварилки запросили подробныхъ данныхъ относительно виновности Ларіоныча. На лицъ, знавшихъ этого господина, онъ производилъ благопріятное впечатлѣніе. Пожилой и массивный, онъ такъ толково и дѣльно говорилъ о задачахъ рабочаго класса, о политической борьбѣ, о необходимости рабочей кассы, въ составленіи устава которой принималъ участіе. На рабочихъ онъ имѣлъ вліяніе. Когда до Ларіоныча дошли слухи о павшемъ на него подозрѣніи, онъ съ дрожью въ голосѣ и какъ бы невольно выступающими слезами на глазахъ говорилъ о человѣческой несправедливости, о своихъ заслугахъ и т. д. Впослѣдствіи и защитники его должны были признать, что онъ провокаторъ.

На Обуховскомъ заводѣ, за Невской заставой, у меня были кое-какія знакомства, которыя я передалъ одному изъ присоединившихся къ намъ народовольцевъ.

Изъ изложеннаго видно, какимъ образомъ множились связи нашей организаціи въ рабочей средѣ и какъ складывались наши отношенія съ рабочими. Спросъ на интеллигентовъ былъ большой и по мѣрѣ того какъ росла популярность „Союза" рабочіе именно отъ „Союза" хотѣли получать интеллигентовъ. По мѣрѣ почкованія кружковъ, которые въ большинствѣ случаевъ, повторяю, не были уже прежними кружками пропаганды, увеличивалось въ организаціи число интеллигентныхъ работниковъ, занятыхъ непосредственно въ рабочей средѣ. „Союзъ" имѣлъ свой резервъ въ лицѣ занимавшихся исполненіемъ различныхъ порученій для центра и районныхъ группъ и по мѣрѣ потребности входившихъ въ рабочую среду интеллигентовъ. Была попытка организовать подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Союза" резервъ изъ учащейся молодежи, которая, оставаясь вдали отъ дѣла, должна была теоретически подготовляться къ работѣ и ознакомляться съ дѣятельностью организаціи. Но наши резервы слишкомъ быстро пускались въ дѣло, да и по своей подготовкѣ они быстро сравнивались съ дѣйствующимъ кадромъ, продолжая работать надъ собой и приступивъ къ дѣлу. Академія соціальныхъ наукъ, въ видѣ тюрьмы, ждала большинство изъ насъ еще впереди.

Говоря о „Союзѣ", нельзя не отмѣтить того важнаго обстоятельства, что большинство изъ членовъ „Союза борьбы" имѣло

тѣсный кругъ друзей, не входившій непосредственно въ организацію или, если и входившій, не игравшій въ ней опредѣленной роли, но вносившій свою долю вліянія на дѣятельность „Союза“ и оказывавшій безчисленный рядъ услугъ, столь необходимыхъ въ конспиративной работѣ.

„Союзъ“ имѣлъ связи со всѣми крупными фабрично-заводскими предпріятіями столицы и со многими мелкими. Пропагандистско-кружковая дѣятельность, преобладавшая было сначала въ нѣкоторыхъ районахъ, хотя въ общемъ „Союзъ борьбы“ вступилъ на путь агитаціи съ самаго своего основанія, постепенно отступала на второй планъ. Брошюра „Объ агитаціи“, изданная, кажется Виленской еврейской организаціей выражала общую въ то время тенденцію перейти, наконецъ, къ прямому воздѣйствію на массы.

Какъ извѣстно, фракціонныхъ разногласій тогда еще не существовало, но въ нѣдрахъ „Союза борьбы“ имѣлись различныя теченія, встрѣчавшіяся въ центрѣ. Представители одного теченія, наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ котораго являлся С. И. Р—ко, оставались централистами-конспираторами, считая себя въ то-же время блюстителями марксистскихъ традицій. Ставя конспирацію на большую высоту, будучи централистами по конспиративнымъ соображеніямъ по преимуществу, они стояли противъ демократизаціи центра и высказывались противъ введенія въ центръ рабочихъ. По отношенію къ народовольцамъ они держались политики непримиримости, хотя тѣ народовольцы, съ которыми мы имѣли дѣло и которые высказались въ своемъ послѣднемъ „Летучемъ листкѣ“ (4-мъ), почти не отличались отъ соціалъ-демократовъ, а ихъ типографія до провала печатала соціалъ-демократическіе брошюры. Представители другого теченія, не упуская изъ виду девиза „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“, стремились къ демократизаціи центра, насколько это оказывалось допустимымъ по условіямъ времени и стояли за большую автономность районныхъ группъ, главнымъ же образомъ настаивали на пріобщеніи рабочихъ къ дѣятельности центра. Въ этомъ они видѣли первый шагъ по пути превращенія „Союза“ изъ интеллигентской организаціи въ классовую организацію пролетаріата—залогъ успѣха дальнѣйшей дѣятельности „Союза“. Не безъ нѣкоторой борьбы удалось провести въ центръ А. М. С—ева и К. С—а. „Союзу“ оставалось идти дальше по этому пути, но ожидавшій вскорѣ организацію разгромъ остановилъ дѣло. Къ народовольцамъ группы 4-го „Листка“ представители этого теченія относились вполнѣ терпимо и стояли за соглашеніе съ ними, находя, что преждевременно дѣлить шкуру еще не убитаго медвѣдя. Кромѣ этихъ двухъ теченій сохранились еще и пережитки экономизма [1]). Такъ М—въ стоялъ за пропаганду и

[1]) Въ литературѣ „экономизмъ“ относятъ къ болѣе поздней эпохѣ, но я полагаю правильнымъ допустить, что въ началѣ своей дѣятельности „Союзъ“ именно придерживался „экономизма“ направлялъ свою дѣятельность къ агитаціи экономической борьбы. Лишь послѣ стачки 96 года прокламаціи „Союза“ пріобрѣли болѣе яркую политическую окраску.

агитацію экономической борьбы, относясь скептически къ конституціи, находя, что конституція сыграетъ въ руку буржуазіи, т. к. поведетъ къ ея организованному господству.

Какъ видитъ читатель, у насъ существовали въ нѣкоторомъ родѣ всѣ три теченія современнаго европейскаго соціализма.

„Союзъ борьбы“ росъ отъ центра къ периферіи. Отдѣльные представители „центра“, представлявшаго изъ себя первоначальное ядро, по мѣрѣ роста связей, передавали ихъ новымъ товарищамъ: такимъ образомъ составлялась районная группа. Но отчасти наблюдался ростъ организаціи извнѣ, отъ периферіи: на долю „Союза“, какъ видѣлъ читатель, досталась и задача объединенія разрозненныхъ силъ. Включая въ себя отдѣльныя группы, вродѣ группы за Невской заставой, нѣсколькихъ изъ числа уцѣлѣвшихъ отъ разгрома и принявшихъ соціалъ-демократическую программу народовольцевъ, „Союзъ борьбы“ стремился стать единой соціалъ-демократической организаціей Петербурга. Преимущественный ростъ организаціи отъ центра къ периферіи являлся неизбѣжнымъ по условіямъ времени, когда не было ходу самодѣтельности рабочихъ даже въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, какіе ей предоставляетъ наша оригинальная „конституція“.

„Союзъ борьбы“ имѣлъ связи и въ провинціи. У меня сохранились въ памяти сношенія съ Москвой, Минскомъ, Иваново-Вознесенскомъ... Существеннѣйшее значеніе для организаціи имѣла литература. Получая заграничныя изданія и лишь отчасти располагая отпечатанными въ Россіи, „Союзъ“ широко пользовался прокламаціями, какъ формой, наиболѣе доступной для массъ и наиболѣе жизненной. Прокламаціи пользовались какъ общими вопросами рабочей жизни, такъ и частностями, обращаясь къ рабочимъ отдѣльныхъ предпріятій. Не намѣчая еще реальныхъ формъ политической борьбы, прокламаціи „Союза“ уже подчеркивали необходимость для пролетаріата стремиться къ завоеванію политическихъ свободъ. Литературой приходилось снабжать иногда и провинцію, даже... Владивостокъ.

Изъ другихъ организацій „Союзъ борьбы“ имѣлъ офиціальныя сношенія съ еврейской рабочей организаціей, „Польской партіей соціалистической“, Московской соціалъ-демократической группой. Офиціальнымъ представителемъ „Союза“ за границей являлась группа „Освобожденіе Труда“.

Съ тѣхъ поръ какъ „Союзъ“ оправился отъ осенняго провала, у насъ существовала мысль о собственномъ печатномъ органѣ. Но эта мысль долго оставалась мечтой, какъ и собственная типографія. М—цъ, находившійся со своей группой въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ „Союзомъ“, а потомъ вступившій въ организацію, возился со шрифтомъ, но поставить типографію ему не удалось. Въ началѣ 97 года вопросъ о газетѣ былъ рѣшенъ, бывшій народоправецъ М. П. М—скій набросалъ намъ даже рисунокъ для заглавнаго листа, изображавшій энергичную фигуру пролетарія съ гордо развѣвающимся знаменемъ въ рукахъ. Въ январѣ С. И. Р—ко и Л. Н. П—ва были выбраны редакторами

газеты, а въ февралѣ вышелъ первый... и послѣдній номеръ „Петербургскаго рабочаго листка“. Устроенный однимъ изъ членовъ центра архивъ организаціи сталъ жертвою жандармовъ.

Въ февралѣ или мартѣ 97 г. у насъ былъ выбранъ представитель на первый соціалъ-демократическій съѣздъ въ Россіи. Выборъ палъ на Б. И. Г—на.

Въ самомъ началѣ 1897 года въ рабочемъ мірѣ Петербурга вновь произошло крупное событіе. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ обѣщаннаго сокращенія рабочаго дня ткачи и прядильщики вновь забастовали, требуя исполненія лѣтнихъ обѣщаній правительства. Зимнее время,—какъ разъ стояли суровые крещенскіе морозы,—не благопріятствовало забастовкѣ. Число забастовавшихъ рабочихъ достигало половины лѣтней цифры. Стачка не исходила отъ „Союза“, а возникла по почину самихъ рабочихъ. „Союзъ“ и не рѣшился бы взять на себя отвѣтственность, призывая къ стачкѣ въ такое трудное время года. Тѣмъ не менѣе совершившійся фактъ оставалось признать и использовать въ организаціонныхъ цѣляхъ. Чтобы не отставать отъ событій, приходилось довести свою работоспособность до значительныхъ размѣровъ. Наша техника стояла не высоко, а по недостатку людей оставалось использовать лицъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ технической части. Какъ ни какъ, нашъ миміографъ выполнилъ и на этотъ разъ свое назначеніе.

Несмотря на напряженную дѣятельность „Союза“ послѣ осенняго провала, случилось какъ то такъ, что у насъ въ нужный моментъ не оказалось связей на одной изъ крупныхъ фабрикъ Невскаго района, откуда началась стачка. Я поѣхалъ на Большую Охту къ Павлу, о которомъ упоминалъ. У него были земляки на этой фабрикѣ. Пріѣхали. Заходимъ въ рабочую казарму, гдѣ жили земляки. Землякъ, оказывается, переѣхалъ на частную квартиру. Мы—туда. Земляка не застали, а между тѣмъ мнѣ надо было получить свѣдѣнія о ходѣ забастовки на этой фабрикѣ. Я осторожно сталъ разспрашивать незнакомыхъ намъ жителей квартиры, которые всѣ работали на одной фабрикѣ. Обычной замкнутости на этотъ разъ какъ не бывало. Пожилая уже женщина-работница, повидимому, сильно взволнованная всѣмъ, въ то время происходившимъ, возбужденно заговорила: „Я тебя не знаю, мой милый, кто ты такой,—можетъ быть и шпіёнъ, а правду я всетаки скажу: тридцать лѣтъ я на ихъ работаю, натерпѣлись мы,—довольно!“ Затѣмъ слѣдовали частныя подробности забастовки, которыхъ не помню.

Какъ извѣстно, демонстративное напоминаніе правительству о его лѣтнихъ обѣщаніяхъ не осталось безплоднымъ. Стачечное движеніе петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ завершилось закономъ 2 іюня 1897 года, сократившимъ до 12 часовъ рабочій день въ фабрично-заводской промышленности, хотя и оставившимъ фабрикантамъ нѣкоторыя лазейки.

Большое впечатлѣніе произвелъ на рабочихъ адресъ англійскихъ рабочимъ, подписанный вождями англійскаго рабочаго дви-

женія. Подлинникъ на особой англійской бумагѣ вродѣ пергамента—хранился въ архивѣ „Союза борьбы". Въ переводѣ адресъ былъ распространенъ среди рабочихъ. Англійскіе товарищи привѣтствовали выступленіе петербургскаго пролетаріата. Отъ „Союза" былъ посланъ отвѣтъ, составленный и переведенный на англійскій языкъ А. Н. П—совымъ. Отвѣтъ также былъ отпечатанъ и распространенъ вмѣстѣ съ адресомъ [1]).

Желая изобразить въ своихъ воспоминаніяхъ характеръ первой соціалъ-демократической организаціи, рядомъ непрерывныхъ звеньевъ связанной съ дальнѣйшей дѣятельностью русской соціалъ-демократіи, я далеко не исчерпалъ всего, относящагося къ этому періоду. Характеристику лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ моемъ изложеніи даже не упомянуты, играли видную роль въ организаціи, считаю преждевременной въ виду близости описываемой эпохи.

Закончу свои записки пожеланіемъ, чтобы товарищи также подѣлились своими воспоминаніями, а кто располагаетъ документами, опубликовалъ бы и ихъ, дабы возсоздать „доисторическую" эпоху соціалъ-демократіи.

К. Я.

[1]) Адресъ относился къ лѣтней стачкѣ и адресованъ „Стачечному комитету", но дошелъ до насъ съ огромнымъ запозданіемъ и циркулировалъ зимой, почему ошибочно оказался связаннымъ въ моей памяти съ зимней стачкой.

К. Я.

Евреи въ Москвѣ.

(По неопубликованнымъ документамъ).

Массовыя выселенія евреевъ изъ Москвы, начавшіяся съ первыхъ дней 1891 г., съ момента полученія первоначальныхъ извѣстій о назначеніи въ Москву новаго генералъ-губернатора,—покойнаго вел. кн. Сергѣя Александровича продолжали возрастать съ небывалой энергіей во все послѣдующее время и займутъ безспорно одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи русскихъ евреевъ конца прошлаго вѣка.

Высочайшее повелѣніе 29 марта 1891 г. предписывало выселеніе изъ Москвы евреевъ ремесленниковъ, но мѣстная администрація сразу раздвинула рамки, начавъ поголовное выселеніе и той категоріи лицъ, которыя жили подъ охраной дважды подтвержденнаго циркулярнаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшаго въ мартѣ 1880 года [1]). Люди, прожившіе въ Москвѣ 20 -30—40 лѣтъ, должны были въ короткіе сроки распродать свое имущество и уѣхать. Кто не успѣлъ, по бѣдности, исполнить требованія полиціи, кто не успѣвалъ за безцѣнокъ продать свою жалкую рухлядь,—а были случаи продажи всей обстановки за 1—2 рубля бѣдняками, жившими въ Марьиной рощѣ,—тотъ подвергался аресту, заключался въ пересыльную тюрьму наравнѣ съ преступниками и всякимъ сбродомъ, ожидавшимъ очереди для отправки по этапу. Здѣсь эти люди, всю жизнь

---

[1]) Достойно особеннаго вниманія, что такъ называемые николаевскіе солдаты (большей частью, кантонисты, т. е. насильно отобранныя у родителей въ царствованіе Императора Николая I дѣти, сданныя въ солдаты и прослужившія затѣмъ по 20—30 лѣтъ) были также высланы изъ Москвы, несмотря на то, что имъ и потомству ихъ даровано право повсемѣстнаго въ Имперіи жительства. Для оправданія такого нарушенія закона и воинской чести были привлечены формальныя соображенія о томъ, что всякій отставной солдатъ „стараго набора“ (т. е. до 1874 г.) обязанъ приписаться къ какому-либо обществу, а потому дозволено было остаться лишь тѣмъ, кто въ свое время приписался къ Москвѣ или Московскому уѣзду. Нечего и говорить, что еврей, окончившій срокъ своей военной службы по новому воинскому уставу, немедленно въ день окончанія, выселяется въ черту осѣдлости, если не имѣетъ самостоятельнаго права жительства. Рядомъ съ этимъ фактомъ невольно вспоминается что на стѣнахъ часовни (на Ильинской площади), построенной въ память гренадеръ, павшихъ геройской смертью подъ Плевной, не мало еврейскихъ именъ.

кровавымъ потомъ добывавшіе хлѣбъ насущный, очутились подъ властью тюремныхъ надзирателей, которые сразу уравняли ихъ въ правахъ съ приговоренными къ каторгѣ преступниками. Въ такой обстановкѣ они проводили иногда по нѣскольку недѣль и затѣмъ толпами отправлялись на „родину", которой многіе никогда не видали. Передъ зданіемъ тюрьмы лицамъ непривилегированныхъ сословій (ремесленники почти безъ исключенія мѣщане, т. е. непривилегированные) надѣвали *деревянныя наручники,* о чемъ и дѣлалась отмѣтка въ препроводительномъ листѣ, составлявшемся въ губернскомъ правленіи: подъ рубрикой „въ какомъ видѣ" отправляется по этапу, стояли слова: „въ деревянныхъ наручникахъ". Трудно сказать въ точности, сколько народу прошло чрезъ эти пытки безъ суда,—нѣкоторые такъ и умерли въ тюрьмѣ, не дождавшись этапа (напримѣръ мѣщанинъ Швадеръ, Аврумъ Букштейнъ и др.).

У кого были хотя бы самыя жалкія средства, отправлялся въ черту осѣдлости на свои средства; помощи, на скорую руку организованной единовѣрцами, — при снисходительнѣйшемъ, замѣчу кстати, попустительствѣ администраціи, основательно разсчитывавшей еврейскими-же руками нѣсколько затушевать ужасающую картину разгрома и разоренія,—помощи этой, не взирая на всю значительность собранныхъ средствъ, доставало только на избавленіе многихъ отъ тюрьмы, этапа и наручниковъ. Но что можно сдѣлать, когда внезапно срываются съ насиженныхъ гнѣздъ тысячи семействъ когда бѣда несется такой лавиной, что даже раскрытое бѣдѣ еврейское сердце не вмѣщаетъ горя. Люди прятались въ морозы на кладбищахъ, чтобъ избѣгнуть тюрьмы и этапа; женщины рожали въ вагонахъ; было много случаевъ выселенія больныхъ, которыхъ на вокзалъ привозили въ каретахъ, а въ вагонъ переносили на носилкахъ, напр., Яковъ Натанъ Фриденсонъ, который затѣмъ и умеръ въ г. Лодзи. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда полицейскій врачъ признавалъ передвиженіе опаснымъ, администрація ссылалась на хроническую болѣзнь, и больного перевозили въ мученіяхъ на вокзалъ, такъ какъ нельзя же было ожидать выздоровленія отъ хронической болѣзни.

Особенно памятна очевидцамъ прекрасная морозная январская ночь (1892 г.). Остатки домашняго скарба, толпы евреевъ нищенски одѣтыхъ съ женами, дѣтьми и стариками заполнили Брестскій вокзалъ.

Передъ угрозой этапа и пересыльный тюрьмы они рѣшились уѣхать, несмотря на 30 градусный холодъ, не добившись отсрочки. Судьбѣ угодно было надъ ними пошутить: по представленію оберъ-полиціймейстера генералъ-губернаторъ распорядился о пріостановкѣ выселенія до прекращенія сильныхъ морозовъ, но... распоряженіе это было объявлено—*послѣ выселенія.*

Такимъ образомъ около 20000 евреевъ, прожившихъ въ Москвѣ кто 15, кто 25 а кто и 40 лѣтъ, были насильственно водворены въ черту еврейской осѣдлости, гдѣ они наравнѣ съ остальнымъ евр. населеніемъ не имѣли права селиться „внѣ городовъ и

мѣстечекъ“ т. е. въ селахъ и деревняхъ и увеличили голодную массу городскаго пролетаріата.

А московскія власти съ какимъ то ненасытнымъ упоеніемъ ускоряли выселеніе, отказывали всѣмъ, безъ разбора и исключенія, въ какихъ бы то ни было отсрочкахъ или иныхъ послабленіяхъ.

Великій Князь Сергѣй Александровичъ ставилъ выше всего исполненіе Высочайшаго повелѣнія, а управляющій ген.-губ. канцеляріей поражалъ даже евревъ, пріученыхъ къ жестокости и безсердечію власти, какой-то поистинѣ садической ненавистью и той почти восторженною радостью, съ которой онъ совершалъ эти ежедневныя безостановочныя и безкровныя казни.

Каковы же были результаты этого спасенія столицы отъ евреевъ.

Въ 1893 году представители крупныхъ, исключительно русскихъ купеческихъ и фабричныхъ фирмъ подали московскому генералъ-губернатору просьбу, въ которой указывали на вредъ и убытки, причиненные удаленіемъ евреевъ и стѣсненіемъ пріѣзда ихъ въ столицу, указывали, что для московской торговли существенно важно, чтобы евреи купцы имѣли пріѣздъ нѣсколько разъ въ году; указывали, что значительная часть населенія Богородскаго уѣзда, Московской губ., занята кустарнымъ промысломъ шелковаго производства; преимущественными покупателями ихъ были купцы-евреи, пріѣзжавшіе изъ черты осѣдлости, и московскіе евреи, проживавшіе въ Москвѣ до 1891 г. и выселенные, какъ выше описано. Послѣ того наступилъ кризисъ кустарныхъ промысловъ Богородскаго уѣзда, многіе крестьяне раззорились и производство шелка значительно сократилось, торговые обороты уменьшились на сто милліоновъ и центръ торговли угрожаетъ перейти изъ Москвы въ Лодзь. Московскій генералъ-губернаторъ положилъ на эту просьбу такую резолюцію:

„1 августа 1892 г. № 16041 господину приставу городского участка. Московскіе и Ивано-Вознесенскіе фабриканты и торговцы обратились къ Его Императорскому Высочеству московскому генералъ-губернатору съ прошеніемъ объ изданіи облегчительныхъ правилъ относительно пребыванія и временныхъ пріѣздовъ въ Москву иногороднихъ купцовъ и прикащиковъ изъ евреевъ. Вслѣдствіе предложенія за № 2480 предписываю вашему высокоблагородію объявить просителямъ, проживающимъ въ Москвѣ, что по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи поселившимся въ столицѣ евреямъ купцамъ 1-ой гильдіи имѣть одного или двухъ прикащиковъ изъ единовѣрцевъ не признано подлежащимъ удовлетворенію, ибо упомянутые купцы на основаніи 12 ст. уст. о пасп. могутъ держать только приказчиковъ, взятыхъ съ собой *при переселеніи* ихъ изъ черты осѣдлости въ Москву.

Что же касается ходатайства просителей объ измѣненіи правилъ, изложенныхъ въ 161 ст. уст. о пасп., то таковое измѣненіе можетъ послѣдовать лишь въ законодательномъ порядкѣ, почему означенное ходатайство по этому предмету будетъ

имѣться въ виду при пересмотрѣ правъ евреевъ по торговлѣ". Подпись московскаго оберъ-полиціймейстера.

Число ремесленниковъ въ Москвѣ, само собой разумѣется, сократилось, такъ какъ евреевъ ремесленниковъ не осталось; но дѣла христіанъ отъ этого не поправились, а населеніе терпѣло большія неудобства. По словамъ проф. моск. унив. И. И. Янжула, среднія хозяйства въ Москвѣ стали испытывать затрудненія, благодаря отсутствію евреевъ ремесленниковъ. Мелкія починки, поправки и дешевыя поддѣлки негдѣ заказывать, русскіе ремесленники не принимаютъ такихъ заказовъ и ссылаются на то, что это было дѣло евреевъ, которыхъ теперь нѣтъ. Извѣстное безпристрастіе проф. Янжула и умѣнье его оцѣнивать экономическія явленія придаютъ его сообщенію особенную цѣну. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить почти непонятнаго по своей психологіи факта. Многіе евреи, выселенные изъ Москвы, переѣхали на жительство въ Варшаву и другіе города Царства Польскаго. Здѣсь они встрѣтились съ коренными польскими евреями, положеніе которыхъ и до наплыва новыхъ конкуррентовъ было достаточно плачевно; конечно, польскіе евреи встрѣтили пришельцевъ недружелюбно, но при этомъ ихъ менѣе безпокоила конкуренція переселенцевъ, чѣмъ ихъ пристрастное отношеніе мѣстныхъ евреевъ ко всему польскому. Называя себя русскими, изгнанники на первый планъ выставляли свои чисто русскія симпатіи.

Дальнѣйшая забота администраціи свелась къ тому, чтобы, по возможности, еще сократить число живущихъ въ Москвѣ евреевъ и всячески затруднить пріѣздъ евреевъ изъ черты осѣдлости. Кромѣ условій, предусмотрѣнныхъ закономъ (ст. 12, 161 уст. о пасп. и бѣгл. т. XIV св. зак. изд. 1890 г.) изобрѣтательность полиціи создала цѣлый рядъ новыхъ формальностей для временнаго пребыванія евреевъ въ Москвѣ. Прикащики должны представлять свидѣтельства о болѣзни своихъ хозяевъ и невозможности имъ самимъ пріѣхать для покупки товара въ Москву; требуются свидѣтельства о „добромъ поведеніи" и производится постоянная провѣрка цѣли пріѣзда; лишь при наличности счетовъ, удостовѣряющихъ покупку товара, разрѣшается пребываніе въ Москвѣ [1]). Купцы 1 гильдіи, пробывшіе въ чертѣ осѣдлости 5 лѣтъ и перешедшіе затѣмъ въ 1 гильдію г. Москвы, могутъ привозить съ собою для торговли приказчиковъ изъ единовѣрцевъ,—съ разрѣшенія генералъ-губернатора; разрѣшенія такого добиться невозможно. Евреи, окончившіе университетъ и приписавшіеся къ гильдіи, по закону имѣютъ право держать при себѣ приказчика изъ единовѣрцевъ—безъ особаго на то разрѣшенія; но въ Москвѣ необходимо просить о разрѣшеніи, затѣмъ производится разслѣдованіе, продолжающееся долгіе мѣсяцы, пока проситель, истомившись въ безконечномъ ожиданіи, не броситъ своего дѣла, или полиція не найдетъ болѣе или менѣе остроумнаго повода для отказа. Во всемъ, что касается евреевъ, по-

[1]) Этотъ порядокъ не измѣнился и до настоящаго времени.

лиція проявляетъ неслыханное усердіе, и если бы въ другихъ сферахъ государственной и полицейской службы мы встрѣтились съ такой рьяной настойчивостью, съ такой энергіей, находчивостью, неустаннымъ прилежаніемъ и изобрѣтательностью въ толкованіи закона сообразно съ духомъ времени, Россія не знала бы многихъ бѣдъ и заботъ. Для поимки евреевъ организованы были ночные обходы полиціи, окружавшей намѣченные заранѣе дома, подворья и улицы; полицейскіе агенты врывались въ квартиры и въ меблированныя комнаты, и тутъ же, не стѣсняясь ничѣмъ, не останавливаясь передъ раздѣтыми женщинами, провѣряли права испуганныхъ, внезапно разбуженныхъ обитателей квартиръ и немедленно арестовывали тѣхъ, кто осмѣлился спать въ столицѣ, не позаботившись о предварительномъ на то разрѣшеніи полиціи.

Въ „Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи“ сплошь и рядомъ можно было читать о назначеніи повышенныхъ денежныхъ наградъ за поимку еврея, не имѣющаго права проживать въ столицѣ; въ № 276, 22 октября 1897 г., московскій оберъ-полиціймейстеръ назначаетъ одинаковое вознагражденіе за поимку 1 еврея и за поимку двухъ лицъ, обвиняющихся въ грабежѣ. Съ другой стороны, когда полиція совершаетъ акты явнаго беззаконія и въ усердіи своемъ доходитъ до того, что выселяетъ изъ Москвы лицо съ высшимъ образованіемъ, права котораго ужъ внѣ сомнѣнія даже для самыхъ рьяныхъ комментаторовъ закона, взысканіе, если оно иногда назначается расходившемуся ревнителю, отличается необыкновенною скромностью. Къ тому же времени относится выговоръ, сдѣланный оберъ-полиціймейстеромъ приставу 2-го уч. Мясницкой части Шидловскому за произвольное и противозаконное выселеніе изъ Москвы еврея съ университетскимъ образованіемъ, имѣющаго и помимо того всѣ права на повсемѣстное жительство, но это ничтожное взысканіе напечатано было не въ полицейскихъ вѣдомостяхъ, для всеобщаго свѣдѣнія, подобно громкимъ извѣщеніемъ о наградахъ за поимку евреевъ, а въ приказѣ по полиціи (17 окт. 1897 г. № 230), разсылаемомъ лишь должностнымъ лицамъ. Большею же частью остаются безнаказанными самыя явныя жестокости.

Въ 1895 или 1896 г. околодочный надзиратель 1 уч. Мясницкой ч., явившись въ 11 часовъ ночи въ квартиру купца Шлосберга, настойчиво требовалъ немедленнаго (т. е. сейчасъ же ночью) выселенія 10 л. племянника его, сына царскосельскаго 1 гильдіи купца Виленкина; мальчикъ пріѣхалъ къ дядѣ погостить, но полиція не усмотрѣла ни свидѣтельства о добромъ поведеніи, ни другихъ кабалистическихъ формальностей, безъ которыхъ не допускаютъ въ Москву купцовъ или ихъ дѣтей вопреки 12 ст. уст. о пасп.

Какъ бы для издѣвательства полиціей установлено было правило—спеціально для евреевъ, чтобъ на вывѣскахъ обозначались въ точности, кромѣ фамиліи, также имя и отчество, причемъ отчество пишется всегда съ краткимъ окончаніемъ, никогда не

встрѣчающимся ни въ разговорномъ языкѣ, ни въ торговой перепискѣ (напр. Берка Шліомовъ Гольдбергъ). И вотъ всѣ еврейскіе магазины украсились уничижительными, непривычными для русскаго слуха именами Шлемки, Таубки, Ривки и т. п., вывезенными изъ черты осѣдлости, представляющими большею частью искаженный всякими писцами переводъ съ жаргона на которомъ имена эти далеко не имѣютъ унижительнаго характера. Законъ требуетъ, чтобы евреи именовались тѣми именами, которыя значатся въ ихъ метрическихъ свидѣтельствахъ и которыя часто искажаются безграмотными писарями учрежденій, выдающихъ документы, иногда передѣлываются самими евреями на соотвѣтствующія русскія (Шлейма-Шліома-Соломонъ), сообразуясь съ новыми условіями жизни среди чисто русскаго населенія и т. п. Въ послѣднее время все чаще встрѣчаются въ метрикахъ евреевъ чисто русскія имена, такъ какъ неоднократно было разъяснено, что у евреевъ нѣтъ святцевъ, и они вольны въ выборѣ именъ, тѣмъ не менѣе, власти не могли ни понять этого, ни привыкнуть къ тому, что еврей носитъ настоящее русское имя, не смѣшное и не унизительное — полицейскія власти считали это просто неслыханною наглостью, и сплошь и рядомъ приходилось несчастнымъ носителямъ этихъ именъ выслушивать со стороны полиціи возраженія, пошлыя шутки и глумленія по этому поводу. Поэтому полиція съ радостью отмѣчала искаженныя жаргономъ библейскія имена и въ то время, какъ всякій купецъ могъ писать на своей вывѣскѣ одну фамилію даже безъ начальныхъ буквъ имени и отчества, еврею не разрѣшалось повѣсить вывѣску, пока онъ не начертаетъ полнаго имени и отчества, и чѣмъ эти имена искаженнѣе и смѣшнѣе, тѣмъ съ большею точностью и рельефностью они должны быть выписаны; имя и отчество должны быть совершенно ясно изображены и такъ же отчетливо выступать, какъ и фамилія. Въ разрѣшительныхъ бумагахъ московскаго оберъ-полиціймейстера оговаривалось всегда, что разрѣшеніе дается съ тѣмъ, чтобы имя и отчество „онаго еврея“ было изображено „крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ“. Увлеченіе доходило до того, что на вывѣскѣ товарищества на вѣрѣ, коего вкладчиками состоятъ евреи, выписывались поименно всѣ участвующіе. Такъ на вывѣскѣ Т. Дома Высоцкій и К° (Лубянско-Ильинскія Торговыя помѣщенія) красовалась слѣдующая надпись: «Оптовая торговля развѣшаннымъ чаемъ Торговаго Дома В. Высоцкій и К°. Учредитель 1-ой г. купецъ Іосифъ Яковлевичъ Высоцкій. Вкладчики на вѣрѣ пот. поч. гражданинъ Есель Шмерковъ Цетлинъ и 1-ой гильдіи купеч. жена Либа Вульфовна Гавронская».

Здѣсь умѣстно будетъ привести ст. 81 уст. торг., согласно которой во всякомъ т-вѣ на вѣрѣ имена вкладчиковъ не вносятся въ названіе фирмы, а замѣняются словомъ „Компанія“; но, какъ правильно неоднократно заявлялъ на своихъ пріемахъ бывшій московскій оберъ-полиціймейстеръ Власовскій, „для евреевъ нѣтъ закона“.

Во всѣхъ официальныхъ отношеніяхъ, запросахъ, отвѣтахъ, резолюціяхъ и другихъ бумагъ принято писать „еврей такой-то“, давая этимъ знакомъ пароль всѣмъ, кто по ошибкѣ взглянулъ бы на просителя, какъ на человѣка. Нельзя не привести здѣсь интереснаго запроса, сдѣланнаго оберъ-полицiймейстеромъ одному изъ приставовъ: «сообщить свѣдѣнія о вѣроисп. пом. евр. раввина еврея имя рекъ“.

Такое систематическое издѣвательство надъ цѣлымъ классомъ тружениковъ не вызывало съ ихъ стороны ни одного протеста только вслѣдствіе паническаго страха и полной увѣренности, что борьба безполезна и что если жалоба можетъ быть и будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ уважена въ какой-нибудь послѣдней инстанціи, то тѣмъ временемъ мѣстныя власти найдутъ средства умѣрить энергію жалобщика. Но всего этого оказалось мало.

Наблюденіе за правами евреевъ организовано было при охранномъ отдѣленіи московскаго оберъ-полицiймейстера слѣдующимъ образомъ. Назначены были особые полицейскіе надзиратели для поимки и ареста; не зная въ точности, кто изъ евреевъ имѣетъ право жительства и у кого этого права нѣтъ, надзиратели ловили на улицахъ всѣхъ евреевъ или, лучше сказать, всякаго человѣка, которому Богъ далъ семитическій обликъ. Сосредоточивъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, въ торговой части города и около биржи, они ежедневно арестовывали десять, двадцать человѣкъ, а тотъ день, когда арестованныхъ бывало менѣе 10 человѣкъ, полиц. надзир. называлъ «неурожайнымъ» днемъ и прибавлялъ: «ловъ ныньче маловатъ», такъ что слово «ловъ» стало именемъ нарицательнымъ для ловли евреевъ. Каждый еврей, схваченъ ли онъ былъ по дорогѣ на биржу или во время дѣлового разговора съ русскимъ купцомъ, обязанъ былъ на мѣстѣ доказать свое право пребыванія въ столицѣ; тяжесть доказательства возложена была на него, а презумпція установлена противъ него. Если паспортъ не въ карманѣ, если у полицейскаго надзирателя появляется какое-либо сомнѣніе, еврей немедленно отправляется въ участокъ. Были случаи, что такому аресту подвергались 1 гильдіи купцы и евреи съ университетскимъ образованіемъ; если кто отказывался слѣдовать въ участокъ, то свистками сзывались городовые и дворники, сбѣгались зѣваки, и во главѣ толпы, глумившейся надъ евреемъ, послѣдній препровождался въ участокъ. Такимъ образомъ были арестованы, между прочимъ, московскій купецъ Бѣленькій, кандидатъ правъ Закъ (выпуска моск. университета 1887 г.), Дусманъ и другіе. Одинъ изъ нихъ (Закъ) подалъ жалобу моск. оберъ-полицiймейстеру, но былъ черезъ нѣсколько дней вызванъ въ управленіе сыскной полиціи, и здѣсь ему объяснили, что въ жалобѣ его усматривается не личный протестъ, а «кагальный»;—ему настоятельно рекомендуется передать своимъ единовѣрцамъ, что дѣйствія полиціи правильны, а всякія возраженія незаконны, неосновательны и безполезны, а самъ жалобщикъ поступитъ благо-

разумнѣе, если возьметъ обратно свое прошеніе, хотя бы для того, чтобъ не подвергнуться выселенію изъ Москвы.

Перечисленіе всѣхъ случаевъ немыслимо, а изобрѣтательность и цинизмъ въ толкованіи законовъ со стороны полиціи были безпредѣльны. Одинъ надзиратель увидѣлъ въ пролеткѣ старика еврея, на ходу вспрыгнулъ къ нему въ экипажъ и потребовалъ паспортъ (моск. купецъ Якубъ). Минскій 1 г. купецъ Цукерманъ, имѣя право пріѣзда въ Москву для покупки товаровъ, прибылъ сюда во время еврейскихъ праздниковъ и не счелъ нужнымъ запастись доказательными документами и счетами; на вопросъ полиціи о цѣли пріѣзда, онъ заявилъ, что намѣренъ купить мануфактурный товаръ, но такъ какъ было извѣстно, что обыкновенно онъ пріѣзжаетъ по банковскимъ дѣламъ, состоя довѣреннымъ лицомъ банкирской конторы, то отвѣтъ его признали за явную ложь и ему предписано было къ вечеру уѣхать. Телеграмма, посланная оберъ-полиціймейстеру, съ усердной просьбой дозволить ему остаться на 1 сутки, въ виду того, что въ день высылки 1 октября (Покровъ день) всѣ банки и лавки закрыты, и лишь 2 октября онъ можетъ купить товаръ и представить счета,—остались безъ послѣдствій. Такъ какъ пайщиками банкирской конторы состоятъ малолѣтніе его родственники, а онъ состоитъ повѣреннымъ ихъ матери-опекунши, то предсѣдатель минскаго сиротскаго суда гр. Чапскій удостовѣрилъ московскаго оберъ-полиціймейстера телеграммой, что Цукерману, дѣйствительно, по дѣламъ опеки необходимо пріѣхать въ Москву и просилъ дозволить ему пріѣздъ; телеграмма была препровождена къ генералъ-губернатору, но послѣдній нашелъ невозможнымъ удовлетворить просьбу графа Чапскаго. Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ вспомнить, что во время коронаціонныхъ торжествъ изъ Москвы выселенъ былъ минскій 1 гильдіи купецъ Веніаминъ Полякъ; онъ заявилъ, что пріѣхалъ для покупки товара и для присутствія при коронаціонныхъ торжествахъ. Это послѣднее обстоятельство и погубило его; оберъ-полиціймейстеръ призналъ такую цѣль пріѣзда настолько незаконной, что ее не могла покрыть и покупка товара вполнѣ законная. Той же участи чуть не подвергся извѣстный милліонеръ Л. Бродскій; онъ пріѣхалъ на коронацію въ качествѣ представителя отъ кіевскаго биржевого комитета и поселился на одной квартирѣ съ ген. Драгомировымъ, съ которымъ былъ очень друженъ. Черезъ день полиція потребовала немедленнаго выѣзда Бродскаго, никакія офиціальныя просьбы не помогали, и только вмѣшательство Драгомирова избавило его друга отъ внезапнаго путешествія въ Кіевъ.

Возвратимся теперь къ арестованнымъ евреямъ и ихъ судьбѣ.

Однимъ изъ поводовъ ареста и высылки служитъ невниманіе самой полиціи, выдающей евреямъ паспорта. По ст. 37 полож. о видахъ на жительство, полиція дѣлаетъ въ паспортныхъ книжкахъ отмѣтки о принадлежности владѣльца ея къ купеческому сословію, для чего послѣдній предъявляетъ свое купеческое свидѣтельство; а по ст. 5 п. 5 Выс. утв. мнѣн. гос. сов. отъ 3 іюня

1894 года евреи, пользующіеся правами временнаго пребыванія внѣ черты ихъ осѣдлости, обязаны предъявлять полиціи, независимо отъ вида на жительство, также и надлежащіе документы, удостовѣряющіе ихъ право на жительство въ данной мѣстности; по ст. 7 п. 5 того же закона евреи, какъ въ случаѣ неимѣнія вида на жительство, такъ и въ томъ случаѣ, когда они будутъ обнаружены, хотя бы съ видомъ на жительство, но въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не имѣютъ права пребывать, высылаются въ мѣста постояннаго ихъ жительства и т. д.

И вотъ, къ пріѣзжему купцу еврею, не исполнившему на родинѣ предписанія 37 ст.,—(не говоря уже о тѣхъ, кто дѣйствительно не имѣетъ права жительства въ Москвѣ), примѣняется ст. 7.

Собравъ въ участкѣ десятокъ, другой арестованныхъ евреевъ, полицейскій надзиратель провѣряетъ ихъ права; кто обладаетъ всѣми правами, но арестованъ за отсутствіемъ въ карманѣ паспорта, того освобождаютъ, снесясь предварительно по телефону съ участковымъ управленіемъ по мѣсту его жительства въ Москвѣ,—прочіе же остаются подъ арестомъ до слѣдующаго отходящаго по М. Брестской ж. д. поѣзда. На вокзалъ они препровождаются подъ конвоемъ городовыхъ, которые покупаютъ въ кассѣ на деньги этихъ невольныхъ пассажировъ билеты, записываютъ ихъ номера и присутствуютъ при отходѣ поѣзда. Снабженные, такъ называемыми, проходными свидѣтельствами несчастные купцы безъ товара ѣдутъ на родину, куда пересылаются ихъ паспорта,—ѣдутъ безъ остановки, потому что съ проходными свидѣтельствами имъ нигдѣ нельзя остановиться.

Несчастіе никогда не обходится безъ осложненій—такъ и здѣсь. Разные мошенники и проходимцы, узнавъ при какихъ обстоятельствахъ арестуютъ евреевъ, часто останавливаютъ ихъ внезапнымъ вопросомъ о паспортѣ и пр. Бывали случаи, когда испуганный купецъ откупался отъ мнимаго сыщика и лишь черезъ нѣсколько времени узнавалъ о своей ошибкѣ, когда его останавливалъ настоящій уполномоченный полицейскій агентъ.

Но оставимъ купцовъ, приказчиковъ, торговлю и матеріальные интересы и перейдемъ къ религіи и просвѣщенію и посмотримъ, что испытали евреи въ этой сферѣ въ то время, когда оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ во всеподданѣйшемъ докладѣ увѣрялъ Государя Императора, что Россія единственная страна, осчастливленная истинной вѣротерпимостью.

23 сентября 1892 года Государь Императоръ, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ о самовольномъ открытіи раввиномъ Миноромъ и старостой Шнейдеромъ синагоги въ Москвѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) московскаго раввина Минора уволить отъ сей должности съ водвореніемъ его на жительство въ чертѣ еврейской осѣдлости и съ воспрещеніемъ ему навсегда въѣзда въ мѣста, лежащія внѣ этой черты, 2) старосту Шнейдера удалить изъ предѣловъ Москвы и Московской губерніи на 2 года и 3) объявить московскому еврейскому молитвенному обществу,

что если къ 1 января 1893 года выстроенное на Солянкѣ зданіе синагоги не будетъ *продано* или обращено подъ благотворительное заведеніе, то оно будетъ продано *съ публичныхъ торговъ* московскимъ губернскимъ правленіемъ.

Итакъ, синагога, разрѣшенная къ постройкѣ надлежащей властью, строившаяся много лѣтъ и стоившая до 200,000 р. не была открыта. Оставалась въ Москвѣ довольно помѣстительная молельня банкира Л. С. Полякова при его домѣ, но тамъ разрѣшено было молиться только его семьѣ, и неоднократныя просьбы о разрѣшеніи открыть ее для общей молитвы оставлены были безъ послѣдствій.

Кромѣ того было въ Москвѣ 14 молеленъ, устроенныхъ въ разныхъ частяхъ города, большей частью на задворкахъ, въ небольшихъ квартирахъ, при самыхъ убійственныхъ въ санитарномъ отношеніи, условіяхъ.

Въ мартѣ 1894 года, наканунѣ праздника Пасхи, послѣдовало соглашеніе между московскимъ генералъ-губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ о закрытіи 9 молеленъ, при чемъ оставлены были самыя ничтожныя по размѣрамъ и самыя антисанитарныя. Въ уцѣлѣвшихъ 5 молельняхъ имѣется 816 мѣстъ, а между тѣмъ въ Москвѣ насчитывается болѣе 1500 однихъ евреевъ солдатъ расквартированныхъ здѣсь войскъ.

Тѣснота заставила въ іюнѣ того же года ходатайствовать о разрѣшеніи расширить эти молельни, и въ томъ же мѣсяцѣ (за № 8081) московскій оберъ-полиціймейстеръ увѣдомилъ молитвенное правленіе, что по вопросу о молельняхъ имъ было сдѣлано представленіе Его Императорскому Высочеству, въ силу котораго оставленныя 5 молеленъ признаны достаточными.

Въ 1895 г. наканунѣ осеннихъ праздниковъ, исполнявшій должность предсѣдателя правленія г. Шикъ вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи молиться въ молельнѣ Полякова, и тогда просьба эта была уважена на 9 дней, по истеченіи которыхъ запрещеніе вошло въ прежнюю силу, и молельня вновь закрылась для постороннихъ лицъ.

Давка въ молельняхъ приняла столь угрожающіе размѣры, что правленіе вынуждено было повторить свои ходатайства и въ слѣдующіе праздники, но каждый разъ получался отказъ.

Послѣдняя попытка была сдѣлана 13 ноября 1895 г. Была подана просьба о томъ, чтобы московскій генералъ-губернаторъ повергъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества ходатайство о разрѣшеніи открыть синагогу къ предстоявшимъ коронаціоннымъ торжествамъ, въ видѣ особой милости дабы московскіе евреи имѣли возможность съ достойною торжественностью праздновать радостное событіе. Просьбу эту московскій генералъ-губернаторъ назвалъ дерзкимъ нарушеніемъ Высочайшаго повелѣнія, и въ этихъ выраженіяхъ резолюція была объявлена всему составу правленія, вызванному для этой цѣли къ оберъ-полиціймейстеру.

Благодаря этимъ мѣрамъ, давка въ оставшихся молельняхъ приняла опасные размѣры, и пришлось запретить женщинамъ

доступъ въ молельни такъ какъ не хватало мѣста и для мужчинъ и при малѣйшемъ испугѣ присутствіе женщинъ могло оказаться роковымъ.

Извѣстно, что для всѣхъ молитвъ во время праздниковъ и вообще для торжественныхъ молитвъ должно быть на лицо не менѣе 10 евреевъ, такъ что приходилось собираться въ частныхъ квартирахъ по 10—20 человѣкъ для молитвы. Но полиція предупредила, что такія собранія будутъ считаться незаконными сборищами, а хозяинъ квартиры будетъ подвергаться преслѣдованію за открытіе молельни безъ разрѣшенія властей. И вотъ, во время осеннихъ праздниковъ 1897 года прозводились строжайшіе обходы квартиръ: тамъ обыскивали всѣ комнаты и даже шкафы, и если находили молящихся, то разгоняли ихъ, какъ заговорщиковъ, и пользовались кстати случаемъ, чтобы провѣрить ихъ права на жительство. Во 2 уч. Мясницкой части, такимъ образомъ, былъ совершенъ обходъ почти всѣхъ квартиръ, занятыхъ евреями. Полиція пыталась проникнуть въ Александровскую казарму, гдѣ солдатамъ евреямъ разрѣшено было молиться; въ виду отсутствія мѣстъ въ молельняхъ туда же приходили для молитвы и нѣкоторые не военные евреи, которымъ положительно некуда было дѣться; имъ угрожала тяжкая для религіознаго человѣка перспектива не молиться въ синагогѣ въ самый важный и единственный въ году праздникъ Іомъ Кипуръ (постъ и отпущеніе грѣховъ). Сыщики узнали объ этомъ, и полиція нагрянула въ казармы. Но военное начальство воспротивилось такому вторженію полиціи, и ей пришлось ожидать окончанія молитвы; тогда переписали всѣхъ молившихся вмѣстѣ съ солдатами.

Во исполненіе Высочайшаго Указа отъ 23 сентября 1892 года въ зданіе синагоги къ 1 января 1893 г. переведены были два училища, на которыхъ мы остановимъ теперь наше вниманіе: Александровское ремесленное училище и училище-пріютъ подъ названіемъ Талмудъ Тора. Достаточно будетъ привести только рядомъ документы, касающіеся открытія и закрытія этихъ учрежденій, чтобы безъ всякихъ коментаріевъ понять истинныя цѣли преслѣдователей.

Начнемъ съ Александровскаго ремесленнаго училища.

„Управленіе московскаго генералъ-губернатора 1 отд. (4 сентября 1880 г. № 484).

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу о предложеніи Московскаго Еврейскаго Общества ознаменовалъ день 25 лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества учрежденіемъ въ Москвѣ ремесленнаго училища и о ходатайствѣ наименовать это училище „Александровскимъ“, Высочайше изволилъ изъявить на сіе свое согласіе, повелѣлъ при этомъ благодарить Московское Еврейское Общество за его вѣрноподданническія чувства“.

Второй документъ.

„Московскій оберъ-полиціймейстеръ. Отдѣленіе хозяйственное 27 мая 1895 г. № 5532.

Министръ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ московскимъ генералъ-губернаторомъ и согласно отзыва министра народнаго просвѣщенія призналъ соотвѣтственнымъ существующее въ Москвѣ, по временнымъ правиламъ, Еврейское Ремесленное Училище упразднить и обязать хозяйственное правленіе: 1) со дня объявленія настоящаго распоряженія прекратить пріемъ воспитанниковъ въ названное училище и 2) отнюдь не оставлять обучающихся въ училищѣ на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ. Означенное распоряженіе относится только до еврейскаго ремесленнаго училища, именуемаго „Александровскимъ", и не касается до училища-пріюта, носящаго названіе Талмудъ Тора".

Въ другомъ родѣ, но столь же интересны документы, касающіеся другого училища.

„Суточный приказъ московскаго оберъ-полиціймейстера 16 сентября 1881 г. № 259. Московскій общественный раввинъ Минoръ, въ виду того, что въ здѣшней столицѣ среди еврейскаго общества очень много еврейскихъ сиротъ обоего пола и особенно дѣтей, нуждающихся въ пріютѣ и первоначальномъ религіозно-нравственномъ воспитаніи—въ мартѣ мѣсяцѣ сего года ходатайствовалъ о разрѣшеніи учредить на основаніи 1074 ст. XI т. ч. 1 Св. Зак. при молитвенномъ Правленіи, находящемся въ Солянкѣ, въ д. Рыженкова, пріютъ для означенныхъ дѣтей, подъ именемъ Талмудъ Тора и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить ему для этой цѣли открыть добровольную подписку.

Нынѣ московскій генералъ-губернаторъ увѣдомилъ меня, что управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ министромъ народнаго просвѣщенія и согласно ходатайства раввина Минора разрѣшаетъ устроить и содержать въ Москвѣ на счетъ добровольныхъ пожертвованій пріютъ для еврейскихъ дѣтей обоего пола подъ именемъ Талмудъ-Тора, [1]) но съ тѣмъ, чтобы пріютъ этотъ подчинялся въ учебномъ отношеніи училищному начальству и чтобы въ ономъ преподавался русскій языкъ».

Прежде чѣмъ представить документъ объ уничтоженіи этого училища, надо сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ среднія и высшія учебныя заведенія принимается евреевъ лишь 3 проц. общаго числа поступающихъ и кромѣ того заведенія эти доступны лишь для болѣе или менѣе зажиточнаго класса. Что касается городскихъ школъ, то по статистическимъ изслѣдованіямъ, результатъ пріема въ гор. нач. уч. въ 1891—1892 г. произведеннаго московской городской управой, представлялся вслѣдующемъ видѣ.

Изъ 100 православныхъ принято въ 1890—91 году 70,7, не принято 26,6, а изъ ста евреевъ принято 57,7, не принято 42,3; при этомъ надо замѣтить, что Москва дѣлится въ учебномъ отношеніи на 3 пояса, и первый и второй поясъ обнимаютъ тѣ мѣстности, гдѣ живетъ самая значительная доля московскихъ евреевъ (внутри кольца, образуемаго Садовой улицей). И вотъ, въ частности, въ этихъ, то двухъ поясахъ, непринятыхъ въ городскія

[1]) Т. е. школа грамотности.

школы еврейскихъ дѣтей оказалось 64,2 проц. Слѣдуетъ замѣтить, что въ томъ же году не было принято 73 ученика (16 мальчиковъ и 57 дѣвочекъ) *только* потому, что они евреи (какъ сказано въ отчетѣ). Въ 1891—92 году цифры приблизителено тѣ же; не принято 10 человѣкъ съ указаніемъ о дѣйствительной причинѣ отказа (іудейское вѣроисповѣданіе). Мальчиковъ принимаютъ меньше, чѣмъ дѣвочекъ; но тогда какъ православныхъ мальчиковъ принято меньше дѣвочекъ на 7,6 проц., у старообрядцевъ на 6 проц., у евреевъ эта цифра вырастаетъ до 14,9 проц. Подводя итогъ, надо сказать, что въ то время, какъ изъ православныхъ, единовѣрцевъ и старообрядцевъ непринятыхъ оказывается немного болѣе 1/4 (26—27 проц.), изъ евреевъ болѣе 2/5 (42 проц.); а между тѣмъ по даннымъ 1890—91 года дѣтей православныхъ и пр., заявившихъ желаніе поступить въ школу, было 90,5 проц., общаго числа просителей, а евреевъ 5,5 проц.; если же принять во вниманіе, что въ то время православные, единовѣрцы и старообрядцы составляли примѣрно 91,9 проц. всего населенія, а евреи 2,0 проц, то станетъ ясно, насколько усиленнѣе въ еврейскомъ населеніи спросъ на первоначальное обученіе (населеніе евреевъ меньше общаго числа населенія въ 45 разъ, а желающихъ поступить въ школу лишь въ 15 разъ, что даетъ отношеніе 45: 15, т. е. 3: 1). Прибавьте, что отказъ вообще вдвое чаще встрѣчаютъ евреи, (если брать абсолютныя цифры), и тогда будетъ ясно, что, относительно говоря, отказъ постигаетъ еврейскаго мальчика и дѣвочку въ 5—6 разъ чаще.

Съ 1891—92 года обстоятельства стали, конечно, тяжелѣе, потому что духъ времени обуялъ не однихъ чиновниковъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и уловилъ въ свои сѣти массу добровольцевъ.

По закрытіи Александровскаго ремесленнаго училища, училище-пріютъ подлежало перенесенію въ зданіе синагоги, для чего, по предписанію власти, пришлось перестроить зданіе внутри для приспособленія подъ училище. Былъ представленъ планъ, который былъ утвержденъ губернскимъ правленіемъ, управой и генералъ-губернаторомъ, затрачено было на перестройку тысячъ восемь. Комиссія, командированная для осмотра, возраженій на мѣстѣ не представила, но донесла московскому генералъ-губернатору, что хотя и не замѣчается въ работахъ никакихъ отступленій отъ утвержденнаго плана, но изъ всего характера передѣлки явно намѣреніе привести зданіе въ такой видъ, чтобы, въ случаѣ, если во взглядахъ правительства произойдетъ поворотъ, оно могло быть превращено вновь въ синагогу безъ капитальной перестройки зданія. Такой „обходъ“ представлялся преступнымъ для чистыхъ сердецъ чиновниковъ, знающихъ лишь прямые пути и этимъ объясняется упрекъ, сдѣланный въ предложеніи генералъ-губернатора, которое было сообщено оберъ-полиціймейстеромъ въ отношеніи отъ 24 окт. 1897 г. о закрытіи училища... Но объ этомъ послѣ.

Возвращаясь къ училищу, замѣчу, что въ немъ находило, пріютъ, одежду, пищу и обучалось Закону Божію, русскому языку, чистописанію, географіи, арифметикѣ, еврейскому языку и исторіи

еврейскаго народа довольно значительное количество бѣдныхъ дѣтей, преимущественно сиротъ—въ 1892—93 году 65 мальчиковъ, въ 1893—94 г. 70, въ 1894—95 г. 62, въ 1895—96 г. 60, въ 1896—97 г. 44.

Преподаваніе велось въ училищѣ такъ успѣшно, что инспекторъ народныхъ училищъ не только лично, но и въ офиціальныхъ бумагахъ выражалъ удовольствіе по поводу порядка и успѣховъ дѣтей, особенно *въ выговорѣ русскаго языка*, и даже рекомендовалъ расширить курсъ ученія для представленія оканчивающимъ льготы 3-го разряда по воинской повинности.

Но и это училище не надолго пережило ремесленное. Изъ отчета хозяйственнаго правленія московскаго еврейскаго общества за 1896 г. видно, между прочимъ, что уцѣлѣвшіе еще остатки благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій московскихъ евреевъ не давали покоя администраціи и послѣ перестроки синагоги и затратъ, на нее сдѣланныхъ. Смотритель училища Фидлеръ, проживавшій въ Москвѣ 10 лѣтъ, вдругъ оказался не имѣющимъ права жительства и былъ выселенъ изъ столицы; съ его выселеніемъ дѣти остались безъ преподавателя закона. Раввинъ предложилъ замѣнить учителя безъ особаго на то вознагражденія, но разрѣшенія не получилъ. Попечитель московскаго округа потребовалъ представленія „вполнѣ убѣдительнаго“ доказательства, что въ училищѣ разрѣшено преподаваніе вышеупомянутыхъ предметовъ и „документа“ на основаніи котораго учреждено училище, и въ случаѣ неимѣнія такого „документа“, обязывалъ принять мѣры къ немедленному закрытію училища (отношенія попечителя округа отъ 16 окт. 1896 г. № 20433, 2 ноября 1896 г. № 21864 и 2 декабря 1896 г. № 23604). Грозила бѣда и при томъ, казалось, неустранимая, потому что „документа“ не было, училище было открыто на основаніи суточнаго приказа оберъ-полиціймейстера. Но послѣ многократныхъ объясненій и просьбъ была представлена къ утвержденію программа, хотя она отлично была извѣстна начальству, которое, посѣщая училище, постоянно выражало, по поводу преподаванія и успѣховъ учениковъ, свое одобреніе.

Къ великой радости учителей (изъ нихъ трое были православные) и родителей, попечитель (1 мая 1897 г. № 10039) объявилъ, что къ оставленію пріюта Талмудъ Торы препятствій со стороны управленія округа не будетъ. Но вслѣдъ затѣмъ, 28 іюля 1897 г. за № 9206, московскій оберъ-полиціймейстеръ вдругъ заинтересовавшись училищемъ, предложилъ хозяйственному правленію представить свѣдѣнія о количествѣ дѣтей въ еврейскомъ училищѣ и о числѣ обучавшихся въ послѣдніе 5 лѣтъ.

Ровно черезъ три мѣсяца, 28 октября, объявлено хозяйственному правленію слѣдующее распоряженіе московскаго генералъ-губернатора:

„М. В. Д. московскаго оберъ-полиціймейстера канцелярія. Отдѣленіе хозяйственное октября, 24 дня 1897 г. № 13624.

Г. приставу 2 участка Мясницкой части.

Въ виду незначительности числа учениковъ, обучающихся

въ московскомъ еврейскомъ училищѣ-пріютѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Талмудъ Торы, и такъ какъ дѣти евреевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, не лишены по закону права поступать въ общеобразовательныя учебныя заведенія, названный пріютъ, по соглашенію Его Императорскаго Высочества московскаго генералъ-губернатора съ управляющимъ министерства внутреннихъ дѣлъ, подлежитъ закрытію.

Вслѣдствіе сего и согласно предложенію Его Императорскаго Высочества за № 2491, предписываю вашему высокоблагородію о вышеизложенномъ объявить хозяйственному правленію для еврейскихъ молитвенныхъ учрежденій г. Москвы, подъ росписку, съ тѣмъ, чтобы правленіе это въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня отобранія помянутой подписки озаботилось обращеніемъ зданія, въ которомъ нынѣ помѣщается сказанный пріютъ, подъ благотворительное заведеніе или больницу.

При этомъ предлагаю вамъ предупредить правленіе, что неисполненіе имъ распоряженія въ назначенный срокъ, а равно допущеніе какихъ-либо отступленій при передѣлкѣ зданія для новаго его назначенія, подобно самовольно допущеннымъ правленіемъ при приспособленіи такового для размѣщенія въ немъ пріюта Талмудъ Тора, вызоветъ немедленное распоряженіе о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 23 сентября 1892 года, въ силу котораго *зданіе, предназначавшееся подъ синагогу подлежитъ продажѣ съ торговъ.*

Подписку названнаго правленія въ объявленіи и въ обязательствѣ точнаго исполненія всего вышеизложеннаго представить ко мнѣ учредивъ съ своей стороны *строгое наблюденіе* за своевременнымъ исполненіемъ сказаннаго и о слѣдующемъ донести. Исправляющій должность оберъ-полиціймейстера полковникъ Треповъ. Управляющій канцеляріею Бельгардтъ"...

Такимъ образомъ, училище, въ которомъ получали общее религіозно-нравственное образованіе, пищу, одежду и обувь неимующіе сироты, пало жертвой замаскированнаго стремленія московской администраціи во что бы то ни стало свести Высочайшее повелѣніе 23 сентября 1892 г. къ послѣднему его пункту, т. е. къ продажѣ Храма Божія съ торговъ [1]).

Такъ длилась эта глухая борьба, не ослабѣвая ни на мигъ, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Благодаря тому, что преслѣдованія производились не только систематически, но и „со вкусомъ", съ какимъ то противоестественнымъ увлеченіемъ,—образовались традиціи, ничѣмъ неискоренимыя пока будетъ оставаться въ силѣ прежнее безправіе 6 милліонной массы еврейскаго населенія Россіи.

Можно съ увѣренностью сказать, что если евреи гибнутъ физически отъ постоянной травли, то въ представителяхъ власти укрѣпляются привычки и пріемы, которые, дискредитируя власть окончательно, приводятъ къ убѣжденію, что новая Россія должна

---

[1]) Открытіе синагоги разрѣшено вновь въ 1906 году.

прежде всего искоренить традиціи старой администраціи, выращенной на алчности, невѣжественности и человѣконенавистничествѣ. Само собой разумѣется, что и среди администраціи встрѣчаются не только порядочные, но истинно гуманные и просвѣщенные люди, но эти рѣдкія исключенія лишь подчеркиваютъ низкій общій уровень нашихъ архаическихъ блюстителей „порядка“.

О. Гольдовскій.

Процессъ 50-ти [1]).

(Всероссійская Соціально-Революціонная Организація 1874—1877 г.).

VI.

Послѣ двѣнадцатичасового переѣзда мы подъѣзжали къ Парижу; было раннее утро; передъ нами вырисовывался этотъ великій, многострадальный городъ, куда еще такъ недавно мы уносились мечтой, когда, оцѣпленный кольцами вражескихъ штыковъ, онъ истекалъ кровью. Вотъ и улицы, надъ которыми почти еще вчера грохотали пушки; горькое чувство охватывало меня, когда впервые пришлось блуждать по этимъ улицамъ. Стѣны домовъ зіяли еще кое-гдѣ пробоинами, но это были безкровныя раны; живая, теплая людская кровь давно уже была всюду смыта, и народъ, какъ въ муравейникѣ, беззаботно кишѣлъ въ этихъ улицахъ, предаваясь съ прежней изумительной энергіей своему дневному труду, точно торопился затушить этимъ трудомъ, быть можетъ, еще неизжитое горе.

Мы прибыли въ Парижъ съ сѣвернымъ поѣздомъ, который останавливается въ рабочей части города, именующейся Батиньолемъ; это обстоятельство облегчило намъ возможность наблюдать рабочую жизнь въ Парижѣ и мы нашли себѣ помѣщеніе въ этомъ же кварталѣ, недалеко отъ рабочаго парка Монсо и знаменитаго Монмартра, въ какой-то захудалой гостиницѣ m-eur Блана, скорѣе похожей на трактиръ, чѣмъ на гостиницу.

Въ этомъ домѣ жило много рабочихъ, занимавшихъ какіе-то темные углы, гдѣ можно было оставаться только ночью, чтобъ выспаться, а выспавшись, надо было спѣшить вонъ изъ этой конуры, мракомъ и размѣромъ своимъ напоминающей гробъ. Такъ какъ насъ было пять человѣкъ, а комната съ окномъ, которую мы заняли, могла вмѣстить только четырехъ, то одному изъ насъ пришлось принанять одинъ изъ такихъ же гробовъ, за который мы платили, кажется, десять франковъ въ мѣсяцъ. Въ этотъ гробъ мы ходили ночевать по очереди, черезъ четыре дня на пятый, да и то было невыносимо; каково же было тѣмъ, которые считали для себя большимъ счастьемъ имѣть хоть такое пристанище!

---

[1]) См. „Былое". 1907 г. Августъ.

Здѣсь мы наблюдали весь ужасъ жизни европейскаго рабочаго, безпріютнаго, голоднаго и унылаго; уныніе до такой степени поражало насъ, что мы удивлялись, какъ такой унылый народъ могъ совершать недавніе геройскіе подвиги во время коммуны и осады Парижа. Но, вспоминая рѣки пролитой крови, рѣшили, что герои погибли, а остались жить робкіе и унылые.

И странное дѣло, въ этомъ всемірномъ городѣ, за участь котораго такъ горячо билось мое сердце и который я такъ любилъ, я искалъ прежде всего моихъ земляковъ—русскихъ.

Еще передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, по иниціативѣ нѣсколькихъ студентовъ II курса Мед. Академіи рѣшено было сняться всѣмъ студентамъ вмѣстѣ съ проф. Груберомъ въ пику проф. Ціону; когда мы собрались въ фотографію, я только что былъ выпущенъ съ гауптвахты; я сообщилъ встрѣтившимся товарищамъ, что навсегда оставляю Академію и на дняхъ выѣзжаю въ Парижъ; одни изъ товарищей, нѣкто Михайловъ, который на лѣто уѣзжалъ въ Лондонъ, предложилъ мнѣ взять рекомендательное письмо къ его родной сестрѣ (по мужу Даниловой), которая была знакома со всей русской эмигрантской колоніей, какъ въ Швейцаріи, такъ и въ Парижѣ; я поблагодарилъ его за эту товарищескую заботливость и охотно взялъ письмо.

Поверхностно осмотрѣвъ нѣкоторыя части города и его достопримѣчательности, я отправился къ Даниловой; она жила съ молодымъ ученымъ Чуриновымъ, который сразу заинтересовалъ меня, заслонивъ собою всѣ другія впечатлѣнія этой первой встрѣчи. Онъ былъ человѣкъ, въ высшей степени симпатичный; послѣ первыхъ незначащихъ фразъ, онъ заговорилъ со мною о своемъ очень интересномъ трудѣ «о военномъ подборѣ», написанномъ имъ на премію Парижской Академіи Наукъ. Я почувствовалъ въ немъ серьезнаго ученаго, несмотря на его скромность, которая въ особенности понравилась мнѣ въ немъ, какъ явленіе очень рѣдкое въ ученой братіи. Послѣ многолѣтнихъ трудовъ произведеніе его было напечатано и премировано Академіей; объ этомъ я читалъ долго спустя, кажется по выходѣ моемъ съ каторги.

Матеріалы для этого своего труда онъ черпалъ изъ французской исторіи, которую ему пришлось изучать всесторонне—весь долгій періодъ войнъ и революцій, пережитыхъ французскимъ народомъ.

Я такъ заинтересовался его темой, что просилъ прочитать намъ написанное имъ въ рукописи; онъ согласился. На чтеніе пришли Чикоидзе и другіе мои товарищи по путешествію, пришелъ также и Соколовъ, авторъ «Отщепенцевъ», которые тогда гремѣли въ Петербургѣ, которыми зачитывалась молодежь. Къ нашему горю мы узнали тутъ, что Соколовъ страдаетъ алкоголизмомъ и дѣйствительно, онъ былъ навеселѣ. Это страшно огорчило насъ; онъ мѣшалъ чтенію и, прочитавъ нѣсколько главъ, Чуриновъ предложилъ для сокращенія времени, изложить намъ на словахъ содержаніе дальнѣйшихъ главъ.

Не успѣлъ Чуриновъ окончить свое изложеніе, какъ Соколовъ всталъ и ходя по комнатѣ обратился къ намъ: «Ну, для кого и для чего писать всю эту ученую мудрость? Кто не знаетъ, что послѣ ряда войнъ, французскій народъ мельчаетъ; доказывать такую ба-

нальность все равно, что доказывать, что дважды два четыре». Мы стали возражать, а Соколовъ сталъ горячиться. «Ну, что же господа, говорилъ онъ, продолжайте учиться и удивляйте міръ своими учеными трудами, которые будутъ оплачиваться потомъ и кровью голоднаго народа. Вмѣсто того, чтобы отдать жизнь на завоеваніе политической и экономической свободы массъ, вы хотите, напустивъ на себя видъ ученаго, копаться десятки лѣтъ въ архивной пыли, а потомъ провозглашать всѣмъ извѣстную истину, что благодаря господствующимъ классамъ и ихъ политикѣ, масса народа физически и умственно вырождается. Все это извѣстно всѣмъ; вы лучше скажите, что надо дѣлать чтобы возродить вымирающій народъ?» —Соколовъ говорилъ горячо и убѣдительно, потягивая стаканъ за стаканомъ изъ бутылки съ какимъ-то напиткомъ, который охотно придвигалъ увлекающемуся оратору гостепріимный хозяинъ. Соколовъ, несмотря на свой недостатокъ, своимъ яркимъ вмѣшательствомъ сразу заставилъ насъ бросить ученый споръ о военномъ подборѣ; онъ окончательно овладѣлъ словомъ и продолжалъ: «Господа, revenons à nos moutons, moutons russes! Вы пріѣхали изъ Россіи, разскажите, о чемъ тамъ думаютъ; намѣреваются ли спасать овецъ, стригомыхъ мошенниками, если да, то какъ?»

И пошла опять давно знакомая мнѣ рѣчь о знаніи и революціи, о необходимости бросить науку и идти въ народъ; и я здѣсь убѣдился, что русскій человѣкъ, разъ онъ революціонеръ, одинаково смотритъ на свое назначеніе, будь онъ въ Парижѣ или Петербургѣ: идти немедленно въ народъ, дѣлить съ нимъ горе, пока не настанетъ свѣтлое время для всѣхъ...

Когда мы расходились мой пріятель Чикоидзе взялся проводить Соколова, котораго онъ сразу полюбилъ, въ особенности когда во время спора случайно узналъ, что Соколовъ артиллеристъ и математикъ. «Разъ вы математикъ, мы другъ друга скоро поймемъ», говорилъ Соколовъ.

Наша первая встрѣча, какъ я уже сказалъ, произошла на квартирѣ Даниловой, которая жила въ Латинскомъ кварталѣ, недалеко отъ университета. Несмотря на страшную даль, Данилова иногда приходила къ намъ, въ Батиньоль и приглашала знакомиться, не теряя времени съ остальными русскими, проживавшими въ Парижѣ. Когда занятый работой въ Батиньолѣ, я отказывался идти съ ней, за недостаткомъ времени, она говорила: «нѣтъ, я должна перезнакомить васъ со всѣми, т. к. братъ проситъ меня объ этомъ въ письмѣ, которое вы сами же доставили мнѣ», и я сдавался.

Такъ, однажды она потащила насъ къ И. С. Тургеневу; но онъ, къ сожалѣнію, выѣхалъ тогда на дачу и насъ принялъ у него, его хорошій знакомый Васильевъ, который жилъ у Тургенева. Она познакомила насъ также и съ Германомъ Лопатинымъ, который оказался товарищемъ по дѣтству съ Иваномъ Кузьминымъ, спутникомъ моимъ въ Парижѣ.

Васильевъ разсказывалъ намъ за стаканомъ чая, котораго мы давно уже не пили, о жизни Тургенева, о его взглядѣ на русскую молодежь. Тургеневъ, по его словамъ, отрицательно относился къ

тогдашнему движенію въ народъ. Самъ Васильевъ показался мнѣ человѣкомъ скучнымъ, а больше всего возмущало меня то, что онъ какъ бы отказывался отъ права на независимое мышленіе, что Тургеневъ былъ для него высшимъ авторитетомъ: я самъ былъ большимъ почитателемъ Тургенева, но по вопросу о движеніи въ народъ я не считалъ его непогрѣшимымъ.

Изъ бесѣдъ съ Васильевымъ я узналъ также, что въ Парижѣ есть компанія бывшихъ цюрихскихъ студентовъ, которые посѣщали иногда библіотеку Тургенева и это меня заинтересовало. Какъ бы отвѣчая моему желанію, однажды приходитъ къ намъ Данилова и сообщаетъ, что нѣсколько молодыхъ русскихъ женщинъ желаютъ познакомиться съ нами, но она не знаетъ, какъ устроить намъ свиданіе съ ними.

Рѣшено было на другой же день встрѣтиться на лекціи профессора Клода Бернара, который читалъ въ jardin des plentes; чтенія эти происходили въ сравнительно небольшой аудиторіи, а физіологическіе опыты производились на открытомъ воздухѣ въ саду.

Какъ живая встаетъ передо мною статная, но уже старческая фигура Клода Бернара; несмотря на свой возрастъ, онъ самъ возился съ лошадью съ чисто демократическою простотой и самъ пристраивалъ приборъ, при помощи котораго предстояло демонстрировать давленіе крови въ сосудахъ. Каждый изъ присутствовавшихъ свободно обращался къ нему съ вопросами и онъ съ большой готовностью самъ, а иногда его ассистентъ Лоранъ, также крупный ученый, давали подробныя объясненія. Такая простота и любезность знаменитаго ученаго,—имя Клода Бернара я хорошо зналъ еще заочно,—меня прямо поражала; я невольно переносился въ Петербургъ съ его чопорными, бездарными, сухими и надменными профессорами, въ родѣ господъ Ціоновъ, Ланьцертовъ и имъ подобныхъ, которые не только съ посторонней публикой, которой они и не допускали, но и съ самыми студентами были грубы и невнимательны.

Клодъ Бернаръ не пряталъ науку въ застѣнки, онъ съ одинаковой снисходительностью относился какъ къ стекавшимся со всѣхъ концовъ міра молодымъ ученымъ, такъ и къ какой-нибудь старой торговкѣ яблоками, которую непогода загоняла иногда въ его аудиторію, и которая, слушая его вся трепетала въ священномъ ужасѣ передъ тайнами жизни, открываемыми этимъ старикомъ.

Тутъ я воочію убѣдился, почему у французовъ даже самые глубокіе ученые такъ популярны въ народѣ, а у насъ, въ Россіи, ихъ никто не знаетъ даже по имени. Да, и много ли у насъ такихъ ученыхъ! Большинство нашихъ преподавателей скорѣе департаментскіе чиновники, чѣмъ люди науки, работающіе не для себя, не для сухой науки, но и для народа.

Стоя въ такомъ раздумьи поодаль отъ лектора, я замѣтилъ неподалеку на скамейкѣ подъ деревомъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ чрезвычайно просто и въ незатѣйливыхъ шляпкахъ. Онѣ какъ то выдавались среди пестрой аудиторіи Клода Бернара и невольно привлекли мое вниманіе; я замѣтилъ, что и онѣ наблюдаютъ за мною и почему-то отвернулся. Въ это время ко мнѣ подошла Данилова и

говоритъ: «эти дѣвушки здѣсь, пойдемте я васъ познакомлю»; она подвела меня къ нимъ и что то пробормотала; я снялъ шляпу и протянулъ имъ руку, чтобы пожать ихъ худенькія, полудѣтскія рученки, какъ въ тѣ времена жали руку въ Петербургѣ, а жали такъ, что кости хрустѣли. Дѣвушки не замѣтили моего движенія, онѣ не тронулись съ мѣста, не протянули мнѣ руки, а отвѣтили лишь легкимъ поклономъ; одна изъ нихъ, съ очень свѣтлыми, почти бѣлыми волосами, потупила глаза, вычерчивая что-то зонтикомъ по песку и тихо проговорила въ мою сторону: «здѣсь не Россія, здѣсь мы отвыкли подавать руку», какъ бы въ извиненіе, сказала она.—Ну, и прекрасно, отвѣчалъ я, нѣсколько смущенный; поступокъ барышни мнѣ все таки показался страннымъ; я невольно посмотрѣлъ на свои руки и тутъ только замѣтилъ такія мозоли на нихъ, что и самъ обрадовался отказу этихъ дѣвушекъ въ рукопожатіи.

Дѣло въ томъ, что недѣли черезъ двѣ, по пріѣздѣ въ Парижъ, я и Чикоидзе, желая поближе познакомиться съ рабочими, отправились на работу въ небольшую кузницу, гдѣ работали всего четыре человѣка; кузница помѣщалась недалеко отъ насъ, шагахъ въ пяти—десяти. Когда мы представились хозяину кузницы и объяснили ему наше желаніе учиться кузнечному ремеслу, ему сначала показалось страннымъ, что два бравыхъ молодца желаютъ на *старости* лѣтъ (намъ только что минуло тогда 21 годъ) учиться кузнечному ремеслу, но потомъ, разспросивъ кто мы и зачѣмъ намъ это ремесло, отъ котораго онъ самъ готовъ былъ бы бѣжать, онъ заинтересовался нами и принялъ обоихъ въ молотобойцы.

Еще въ дѣтствѣ мнѣ нравилось смотрѣть на раскаленное желѣзо, сыпавшее искры, какъ звѣзды, а гимназистомъ я любилъ пѣть извѣстную пѣсню: кузнецъ, раздуй огонь въ печи, желѣзо раскали краснѣй...; но тогда я видѣлъ въ этомъ актѣ одну поэзію и не понималъ, какой адскій трудъ быть кузнецомъ.

На другой день по поступленія на работу, въ назначенный часъ, помнится часа въ 4 утра, я уже былъ въ кузницѣ; Чикоидзе рѣшилъ идти послѣ, когда я нѣсколько освоюсь съ этимъ дѣломъ, и облегчу ему путь къ усвоенію ремесла; его затрудняло почти полное незнаніе французскаго языка.

Мнѣ дали 20-ти фунтовый молотъ, который мнѣ показался сначала очень легкимъ, но когда мнѣ показали, какъ нужно описывать этимъ молотомъ цѣлый кругъ, держа за самый кончикъ рукоятки, я понялъ, что дѣло мое плохо; цѣлый часъ промучился я, пока научился наносить ударъ, какъ слѣдуетъ. Если бы я не постигъ въ этотъ часъ искусства молотобойца, суровый французъ не преминулъ бы выгнать меня; но когда онъ убѣдился, что наконецъ то это искусство постигнуто мною, онъ весело воскликнулъ: «ah, c'est bien ça, mon vieux Caucas!» Я расхохотался на всю кузницу, такъ что прохожіе на улицѣ остановились и заглянули къ намъ; меня разсмѣшила кличка, которую далъ мнѣ кузнецъ—mon vieux Caucas, такъ онъ и продолжалъ величать меня впослѣдствіи.

Я вернулся домой въ 6 час. вечера; день былъ не легкій; съ 4 час. утра до 7 всѣ работали безъ отдыха; въ 7 час. утра полага-

лось $^1/_2$ часа отдыха, когда пили по стакану кофе съ хлѣбомъ; съ $7^1/_2$ час. до 12 час. дня опять непрерывная работа; въ обѣденное время часовой отдыхъ и съ 1 часа дня до 6-ти часовъ вечера—опять работа безъ перерыва; такимъ образомъ мы работали $12^1/_2$ часовъ въ сутки.

Вернулся я домой весь разбитый, у меня не было ни одного живого мѣста; всѣ сухожилія и связки казались мнѣ надорванными, сочлененія рукъ вывихнутыми; ладони были въ такихъ пузыряхъ, что о работѣ на слѣдующій день, казалось, не могло быть и рѣчи. Чтобъ испытать все удовольствіе каторжнаго рабочаго труда, я отправился въ вышеописанный гробъ, гдѣ и спалъ мертвецкимъ сномъ до утра, пока не всталъ изъ сосѣдняго гроба другой рабочій и стукомъ своей деревяной обуви (jabot) не нарушилъ моего перваго рабочаго отдыха. На утро, къ удовольствію, въ тѣлѣ моемъ все обстояло благополучно, кромѣ рукъ: на ладоняхъ огромные пузыри, наполненные сукровицей, еще болѣе вздулись. Я побѣжалъ все таки въ кузницу и показалъ старику мои пузыри; «ah, ça ne fait rien, mon vieux Caucas, prened le marteau!» и я взялся за молотъ. Не успѣлъ я ударитъ имъ два-три раза, какъ всѣ пузыри лопнули, а сукровица вытекла; съ тѣхъ поръ пузырей ужъ не было, на ихъ мѣстѣ образовались мозоли.

Вотъ мнѣ и показалось, что мои новыя знакомки отказали мнѣ въ рукопожатіи за эти мозоли и я простилъ имъ это. Я тогда еще не зналъ ихъ и далекъ былъ отъ мысли, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они сами станутъ работницами и узнаютъ, что такое трудовые мозоли. Бѣлокурая дѣвушка, давшая мнѣ урокъ парижскаго обычая не подавать руки мало знакомымъ людямъ, оказалась Варварой Ивановною Александровою. Она первая нарушила молчаніе и спросила меня какимъ-то дѣтскимъ картавымъ говоромъ: «не васъ-ли это арестовали въ Мюльгаузенѣ?»—А вы откуда объ этомъ знаете, спросилъ я.—«Мы прочли въ «Голосѣ», сказала она и вслѣдъ за этимъ всѣ три стали смѣяться до упаду; сталъ хохотать и я, Чикоидзе и всѣ присутствующіе русскіе.—Да, развѣ такъ смѣшно быть арестованнымъ? спросилъ я. Вѣдь по арестованнымъ плачутъ, а вы смѣетесь закончилъ я полушутя, полусерьезно. — «А вотъ вы приходите къ намъ если, хотите, мы дадимъ вамъ газеты, въ которыхъ описываютъ вашъ арестъ; это вамъ интересно, конечно».

Мы съ Чикоидзе согласились, конечно на это предложеніе и не откладывая въ долгій ящикъ, въ тотъ же вечеръ нанесли визитъ нашимъ новымъ загадочнымъ знакомкамъ. Онѣ были для насъ дѣйствительно загадочными, такъ какъ мы еще ничего о нихъ не знали даже отъ Даниловой, которая познакомила насъ и сама куда-то исчезла. Вечеръ еще не наступалъ, когда мы были уже въ латинскомъ кварталѣ, гдѣ эти дѣвушки занимали довольно большую квартиру на ул., Port-royal. Когда мы пришли къ нимъ, въ пріемной уже сидѣла группа молодыхъ людей, только что пріѣхавшихъ изъ Лондона, куда они ѣздили «на поклоненіе» къ П. Л. Лаврову. Докладчикомъ этой лондонской поѣздки былъ нѣкто Фесенко, впослѣдствіи кажется уѣздный предводитель дворянства въ Черниговской губерніи. Онъ говорилъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, очень вяло и все время

развивалъ слушателямъ программу лавристовъ, которая какъ онъ выражался, сводилась къ тому, что «прежде чѣмъ отправляться въ народъ, надо узнать его, понять его и только «*усосавши* и *усмаковавши*» все это погрузиться въ море народное и организовывать его на революціонное дѣло». Онъ восторгался мирной пропагандой, постепенной и продолжительной организаціей народа и въ такомъ способѣ дѣйствія видѣлъ залогъ успѣха революціонной молодежи; бросаться же очертя голову, какъ это, по его мнѣнію, совѣтовалъ Бакунинъ, онъ находилъ безумнымъ,

Ему возражали, что не менѣе безумно растягивать подготовительный періодъ организаціи революціонныхъ кадровъ въ народѣ на цѣлые десятки лѣтъ, какъ это совѣтуютъ лавристы, которыхъ онъ такъ усердно защищаетъ; «идти въ народъ чуть ли не съ сѣдыми волосами, уже и силъ не хватитъ», говорили ему. Словомъ, мы всѣ сдѣлали такой сильный натискъ на лондонскихъ пилигриммовъ, что они моментально снялись и ушли. Барышни намъ понравились, и Чикоидзе радостно шепнулъ мнѣ, что хозяйки, кажется, раздѣляютъ наши убѣжденія. Кромѣ Варвары Александровой, тутъ были Софья Бардина и, если не ошибаюсь, Хоржевская, которая все время молчала и въ спорахъ никакого участія не принимала. Всѣ эти дѣвушки вмѣстѣ съ другими ихъ подругами стали впослѣдствіи нашими товарищами по работѣ въ народѣ и затѣмъ, осужденные по процессу 50-ти дѣлили съ нами тюрьму и ссылку.

Послѣ этой первой встрѣчи, въ Парижѣ, я больше къ барышнямъ не ходилъ да и некогда было; я продолжалъ посѣщать мою кузницу, гдѣ старикъ кузнецъ скоро счелъ нужнымъ оплачивать мой трудъ и мнѣ неловко было манкировать, а послѣ $12^1/_2$ часового труда въ самый разгаръ лѣтняго пекла (конецъ іюля и начала августа), какого я послѣ Парижа нигдѣ не видывалъ, я рѣшительно не въ состояніи былъ ходить по гостямъ. Только въ воскресенье я заходилъ въ «Jardin des plantes» и тамъ видѣлъ этихъ барышень, кажется, еще раза два, но никакихъ дѣловыхъ сношеній у насъ еще не завязывалось въ то время.

Насколько я усердно посѣщалъ нашу кузницу, настолько Чикоидзе все болѣе и болѣе охладѣвалъ къ ней отчасти по слабости здоровья, отчасти потому, что совершенно не владѣлъ тогда французской рѣчью, что крайне стѣсняло его; наконецъ онъ совсѣмъ бросилъ ходить въ кузницу послѣ того, какъ однажды не въ пору ударилъ большимъ молотомъ по раскаленной полосѣ желѣза и испортилъ этимъ всю работу стараго кузнеца, который грубо выругался по французски.

Наше изученіе парижскаго рабочаго міра не ограничилось однако кузницей; помню какъ однажды, по просьбѣ одного изъ моихъ товарищей, мы отправились на биржу труда, чтобы наняться въ чернорабочіе и узнать всю нужду этой категоріи рабочихъ. Было еще темно, когда мы пришли туда; трехъ товарищей мы не могли добудиться и я отравился вдвоемъ съ Дмитріевымъ. Зрѣлище было замѣчательное, обширная площадь были биткомъ набита полуголоднымъ изнуреннымъ рабочимъ народомъ; у каждаго рабочаго было въ рукахъ какое-ни-

будь орудіе—лопата, кирка, заступъ, тачка и наконецъ корзина, поражавшая насъ своей величиной; прикрѣпленная къ спинѣ рабочаго, она высоко подымалась надъ его годовой. Мы замѣшались въ эту пеструю толпу, предлагая, какъ и другіе свой трудъ, но, къ изумленію нашему, никто насъ не бралъ. Догадавшись, что безъ всякого орудія труда, съ голыми руками насъ не возьмутъ, мы хотѣли наскоро купить у кого-нибудь изъ рабочихъ одну изъ вышеописанныхъ корзинъ, но въ отвѣтъ на такое предложеніе намъ разсмѣялись въ глаза; да, мы и сами съ Дмитріевымъ смѣялись не мало, понявъ свою наивность. Когда всѣ разбрелись на работы и только нѣсколько не нанятыхъ рабочихъ направились въ кофейню, туда зашли и мы съ ними; тутъ въ огромномъ котлѣ варилось сладкое кофе съ молокомъ; громадная чашка вмѣщающая не менѣе двухъ чайныхъ стакановъ кофе и $^1/_2$ фунта бѣлаго хлѣба предлагалось здѣсь за два су, т. е. за 3 коп.; мы заплатили наши 4 су и расположившись, какъ и другіе рабочіе, прямо на мостовой, съ необычайнымъ аппетитомъ поглащали и кофе и хлѣбъ.

Дмитріевъ былъ крайне обезкураженъ неудачей нашего похожденія; его не мало возмущалъ гоноръ съ какимъ простые рабочіе вели себя на биржѣ; «ходитъ, говорилъ, онъ, подлецъ, съ корзиной, что твоя каланча, да еще фордыбачится, словно ему принадлежитъ весь Парижъ; никакой скромности въ немъ; то ли дѣло, нашъ бѣдный мужикъ; какъ онъ скроменъ и тихъ! а этотъ чванливый французъ, даже съ корзиной на спинѣ держитъ себя пѣтухомъ».

Изъ этихъ сѣтованій я заключилъ, что въ душѣ моего товарища наступила реакція противъ хожденія въ народъ, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ; и заключеніе мое оправдалось; вскорѣ онъ вѣрнулся въ Россію и вновь поступилъ тамъ въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, кончилъ тамъ курсъ и занялся мирной педагогической дѣятельностью. Теперь онъ уже выслужилъ и соотвѣтственные чины и пенсію...

Сербъ Иванишевичъ, который больше былъ занятъ славянскимъ движеніемъ въ Турціи, чѣмъ революціей въ Россіи, относился безразлично къ нашимъ эксперментамъ хожденія въ народъ и быстро рѣшилъ свою жизненную задачу, поступивъ въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ, гдѣ благополучно и кончилъ курсъ медицины, какъ я о томъ слышалъ впослѣдствіи.

Всецѣло вѣрными народничеству изъ насъ пятерыхъ остались мы двое—я да Чикоидзе, хотя и Иванъ Кузьминъ, вернувшись въ Россію, принялъ впослѣдствіи небольшое участіе въ движеніи, о чемъ я буду говорить ниже.

VII.

Я уже говорилъ выше, что въ Цюрихѣ мы нашли кавказскую молодежь организованной, связанной уставомъ въ общество, ставившее себѣ цѣлью кавказскую федеративную республику. Однимъ изъ учредителей этого общества былъ публицистъ, Николадзе, «Николка публицистъ», по терминологіи Серно-Соловьевича, извѣстный за-границей

В. С. ЛЮБАТОВИЧЪ.

А. С. ХОРЖЕВСКАЯ.

Б. А. КАМИНСКАЯ.

В. И. АЛЕКСАНДРОВА.

С. И. БАРДИНА.

О. С. ЛЮБАТОВИЧЪ.

А. Г. ТОПОРКОВА.

Женщины процесса 50-ти.

еще во времена Герцена, какъ редакторъ издатель «Современности», затѣмъ, перекочевавшій на Кавказъ и подвизавшійся въ грузинской литературѣ, предварительно сжегши всѣ корабли; но послѣ двухъ трехъ лѣтъ такой дѣятельности, онъ не поладилъ съ мѣстными грузинскими писателями и, отряхнувъ прахъ съ ногъ своихъ, въ 1873 году уѣхалъ въ Цюрихъ, куда онъ увлекъ съ собою нѣкоторую часть кавказской, преимущественно женской, молодежи.

Я говорилъ уже, что мы отнеслись совершенно равнодушно къ вышеуказанному обществу кавказцевъ и почти забыли о нихъ въ Парижѣ. Вдругъ, во второй половинѣ августа 1874 года я получаю письмо съ 200 франками, въ которомъ Чикоидзе и я приглашаемся на конгрессъ въ Женеву «для обсужденія національныхъ вопросовъ»; приглашеніе было обставлено такъ офиціально, за подписью предсѣдателя правленія и секретаря, что и меня и Чикоидзе оно невольно заинтересовало; неловко было отказаться еще и потому, что названное общество приглашало ѣхать насъ на его счетъ, выславъ на каждаго по 100 франковъ.

Мы поѣхали въ Женеву, гдѣ застали уже съѣхавшимися всѣхъ почти грузинъ, бывшихъ тогда за-границей. Тамъ былъ представителемъ Дагестана докторъ Домгатъ, былъ совершенно юный П. Алибековъ, въ качествѣ представителя Арменіи, была и А. Ц. Домбровская, уроженка Кавказа полу-полька, полу-нѣмка, всѣ же остальные, насколько помнится, были грузины.

Изъ грузинъ тутъ были: Георгій Церетели, Александръ Сараджевъ, Инановъ, Джапаридзе, Петръ Меликовъ, кн. Рев. Челокаевъ, кн. Александръ Циціановъ, кн. Гурамова, Екатерина Меликова, двѣ сестры Николадзе, Эліазовъ, Сергѣй и Конст. Месхи и многіе другіе, которыхъ я теперь не припомню; въ общемъ на конгрессѣ присутствовало человѣкъ сорокъ.

Конгрессъ былъ объявленъ публичнымъ; думали было даже вести пренія на французскомъ языкѣ, но скоро оказалось, что огромное большинство не владѣетъ имъ; рѣшили затѣмъ вести пренія на грузинскомъ языкѣ, но и это оказалось неудобнымъ, во-первыхъ потому, что многіе изъ грузинъ, воспитывавшіеся въ русскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, не могли и двухъ словъ сказать на родномъ языкѣ, а во-вторыхъ, на конгрессѣ присутствовали дагестанецъ, армянинъ, русскіе, изъ уваженія къ которымъ надо было остановиться на языкѣ доступномъ всѣмъ; остановились поэтому на языкѣ русскомъ.

Помѣщеніе для конгресса было нанято гдѣ-то совсѣмъ за городомъ; домъ стоялъ особнякомъ, въ немъ былъ свѣтлый, довольно вмѣстительный залъ; сюда въ первые дни заглядывали и русскіе эмигранты Ткачевъ, Гольденбергъ, Элпидинъ, Ник. Жуковскій, французскіе коммунары—Ле-Франсэ, Монтельсъ, Бабикъ и другіе, наконецъ, нѣкоторыя русскія женщины, среди которыхъ особенно выдѣлялась своей внѣшностью Гребницкая—сестра Д. И. Писарева, которая являлась на конгрессъ въ мужскомъ костюмѣ. Послѣ конгресса я познакомился съ нею ближе и она поражала меня не только эксцентричной внѣшностью своею, но и оригинальнымъ образомъ мыслей, прямо грани-

чившимъ съ помѣшательствомъ; она въ самомъ дѣлѣ была ненормальна; уже вскорѣ послѣ того она покончила съ собою самоубійствомъ.

Предсѣдателемъ конгресса былъ избранъ Георгій Церетели; избранъ былъ, кажется и вице-предсѣдатель, но кто—не помню; секретаремъ-докладчикомъ былъ, кажется, А. Сараджевъ.

До открытія засѣданія, члены конгресса почтили память погибшихъ коммунаровъ вставаньемъ, такъ же почтили и память покойнаго Дзигаева, ближайшаго сотрудника Бакунина, тогда единственнаго изъ кавказцевъ. Дзигаевъ былъ родомъ осетинъ; самоучкой добрался онъ до 3 класса реальной гимназій уже 18-ти лѣтъ отъ роду и затѣмъ, не окончивъ курса, уѣхалъ за-границу, гдѣ скоро сталъ ревностнымъ адептомъ Бакунина. Я зналъ Дзигаева еще въ дѣтствѣ, когда онъ учился въ реальной гимназіи; мнѣ онъ казался человѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ; его товарищи отзывались о немъ, какъ объ очень начитанномъ и способномъ юношѣ.

Когда усопшихъ почтили вставаньемъ, была прочитана привѣтственная телеграмма члена-учредителя общества кавказской федеративной республики Н. Я. Николадзе, который извинялся, что по болѣзни не могъ явиться на конгрессъ.

Главный вопросъ, подлежавшій разрѣшенію конгресса, заключался въ томъ, слѣдуетъ ли кавказцамъ и въ частности грузинамъ, стремиться къ созданію федеративной кавказской республики, и если да, то какія мѣры надо принять для этого? Или же:

Слѣдуетъ намъ кавказцамъ примкнуть къ революціонному движенію въ Россіи, задачи котораго сходны по цѣли съ соціально-революціоннымъ движеніемъ въ Западной Европѣ и работая рука объ руку съ русскими революціонерами, стремиться къ ниспроверженію существующаго политическаго и экономическаго гнета во всемъ русскомъ государствѣ?

Ничтожное меньшинство въ лицѣ Домгата, Циціанова, Челокаева, Эліазова, Чикоидзе и меня, высказались за то, что ни о какой федеративной республикѣ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ между отдѣльными національностями не существуетъ ни взаимныхъ симпатій, завѣщанныхъ прошлой исторической жизнью, ни общихъ интересовъ, ни общности культуры; что для созданія этой общности потребуется гигантская, мирная работа цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, а за это время при теперешнихъ обще-государственныхъ условіяхъ отъ кавказскихъ народностей можетъ пожалуй остаться одно лишь печальное воспоминаніе. Всеобщая же дружная работа всѣхъ безъ различія народностей, составляющихъ русское государство, во имя освобожденія всего русскаго народа отъ деспотизма, гнета и власти капитала скорѣе приведетъ къ торжеству свободы и лучшаго соціальнаго строя—этой конечной цѣли человѣчества; что стремленіе къ объединенію Кавказа въ форму кавказской республики сведетъ великую соціально-революціонную борьбу къ узкой національной задачѣ, которая вызоветъ опасный антагонизмъ между русскимъ народамъ съ одной и кавказскими народами съ другой, а также вызоветъ раздраженіе и между самими кавказскими, не равными по силѣ народностями. Такой неосторожный политическій шагъ, при маломъ политическомъ развитіи

кавказскихъ народовъ и самаго народа русскаго, можетъ привести къ тѣмъ же печальнымъ событіямъ, театромъ которыхъ еще такъ недавно была Польша; эти чаянія завершатся не свободой, а полнымъ разгромомъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній меньшинство конгресса высказалось за присоединеніе кавказской интеллигенціи къ всероссійской соціально-революціонной организаціи въ цѣляхъ завоеванія политической и экономической свободы всѣхъ безъ различія народовъ русскаго государства подъ общимъ русскимъ, соціально-революціоннымъ знаменемъ.

Услыхавъ это наше мнѣніе, громадное большинство членовъ конгресса стало клеймить насъ измѣнниками отечеству, которые во имя какихъ-то туманныхъ соціалистическихъ идеаловъ хотятъ принести въ жертву родную землю, родной народъ и его языкъ, литературу, нравы и обычаи, хотя ни на что подобное мы покушаться и не думали. Никто изъ членовъ большинства не умѣлъ понять, что борьба на общечеловѣческой почвѣ не только не убиваетъ любви ко всему родному, но напротивъ облагораживаетъ узко-національную, зоологическую любовь и содѣйствуя осуществленію общенародной свободы, тѣмъ самымъ способствуетъ и свободѣ національной, не противопоставляя, а совмѣщая ихъ. Никто не хотѣлъ понять, что подобно тому, какъ для евангельской любви нѣсть ни эллина, ни іудея, такъ и для новаго соціалистическаго евангелія не должно существовать и самой идеи національной борьбы.

Большинство конгресса не хотѣло понять насъ потому, что по убѣжденію и направленію своему они въ массѣ не были ни революціонерами, ни соціалистами; они по-просту тѣшили себя дѣтскими надеждами о возстановленіи Грузіи со всей ея мишурной, средневѣковой помпой, ради которой пришлось бы принести народъ въ жертву интересамъ кучки своекорыстныхъ честолюбцевъ, мечтавшихъ разыгрывать изъ себя меценатовъ въ будущей республикѣ; если бы это было иначе, кто мѣшалъ предкамъ этихъ защитниковъ кавказской федеративной республики создать ту же республику до присоединеній Кавказа къ Россіи; зачѣмъ было отдавать себя какой-то невѣдомой россійской державѣ, если грузины, армяне, татары, чеченцы, дагестанцы и проч. могли бы объединиться между собою и создать нѣчто въ родѣ Швейцарской республики на Кавказѣ. Но большинство членовъ конгресса этими вопросами не задавались, не желая смотрѣть прямо въ лицо исторіи и трудить надъ ними свою усталую голову; имъ хотѣлось жить, а можетъ быть просто играть иллюзіями, потому что дѣйствовать они не собирались.

Всѣ члены большинства конгресса вернулись въ Россію и въ то время, какъ почти всѣ лица, примкнувшіе къ меньшинству конгресса, бросились со всѣмъ пыломъ молодости работать на пользу обще-русскаго революціоннаго движенія, не забывая и Кавказа, куда впослѣдствіи были посланы нѣкоторые члены революціонной организаціи, всѣ эти узкіе націоналисты поступили въ чиновники, а нѣкоторые изъ нихъ дослужились и до казенной пенсіи...

Вся русская эмигрантская компанія въ Женевѣ, а также фран-

цузскіе коммунары, которые въ это время собрались тамъ въ большомъ количествѣ слушать чтеніе Лефрансэ о коммунѣ и республикѣ Гамбетты, отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ мнѣнію меньшинства нашего конгресса, что чрезвычайно обрадовало насъ. Мы считали себя побѣдителями, хотя и остались въ меньшинствѣ.

Несмотря однако на нашъ полный идейный разрывъ, посѣщеніе нами этого конгресса послужило къ объединенію нашему, правда, не съ ними, а совсѣмъ съ другими лицами, привлеченными интересомъ этого конгресса. Такъ, послѣ одного изъ засѣданій, Домгатъ, Чикоидзе и я отправились обѣдать въ извѣстный тогда всѣмъ русскимъ кафэ Грессо, гдѣ собиралась обыкновенно въ обѣденные часы вся женевская молодая русская колонія. Во время обѣда къ намъ неожиданно подошли вдругъ двѣ молодыя русскія дѣвушки, обѣ небольшого роста, показавшіяся мнѣ совсѣмъ юными; онѣ отозвали меня въ сторону и одна изъ нихъ, улыбаясь и краснѣя, сказала: «не можете ли вы одолжить мнѣ на нѣсколько дней 500 франковъ?» Я совершенно растерялся отъ такого неожиданнаго вопроса, во-первыхъ, обѣ дѣвушки мнѣ были совершенно незнакомы, во-вторыхъ, у меня не было этой суммы; мнѣ пришлось, конечно, отказать. Видимо сконфуженныя дѣвушки сѣли за столъ неподалеку отъ насъ и потребовали себѣ обѣдъ. Я сообщилъ Домгату и Чикоидзе объ ихъ странной просьбѣ. «Что же ты далъ, конечно?» быстро спросилъ меня Домгатъ. Я отвѣтилъ, что у меня нѣтъ такихъ денегъ и что онѣ мнѣ совсѣмъ незнакомы.—«Это ничего, что незнакомы, я по виду вижу, что эти хорошія дѣвушки: у меня есть деньги; вотъ, возьми и отдай имъ. Можетъ быть онѣ очень нуждаются, а можетъ быть деньги нужны имъ на какое нибудь хорошее дѣло».—Я тутъ же взялъ деньги и передалъ молодымъ незнакомкамъ; передавая деньги, я неожиданно замѣтилъ, что съ ними сидитъ улыбаясь во весь ротъ моя недавняя парижская знакомая В. И. Александрова, которая на этотъ разъ протянула мнѣ руку; я сейчасъ догадался, что это она направила ко мнѣ своихъ товарокъ за деньгами. Черезъ нѣсколько дней, деньги были возвращены мнѣ съ благодарностью и дѣвушки просили насъ зайти къ нимъ на квартиру; онѣ уже слышали о конгрессѣ кавказцевъ, о мнѣніи меньшинства; онѣ просили при этомъ, чтобы я привелъ съ собою и тѣхъ двухъ, съ которыми я обѣдалъ въ день займа денегъ, т. е. Домгата и Чикоидзе. Двѣ мои новыя знакомыя оказались Евгенія Субботина и Вѣра Любатовичъ.

Мы, кажется, въ тотъ же вечеръ поспѣшили къ нашимъ молоденькимъ знакомкамъ. Идя къ нимъ, я встрѣтилъ на улицѣ Николая Жуковскаго и Гольденберга (эмигранта), которые сообщили мнѣ, что меня очень хочетъ видѣть мой близкій товарищъ Крафтъ, только что пріѣхавшій изъ Петербурга и поселившійся въ типографіи Александрова (кавказскаго, въ то время уже эмигранта); это извѣстіе показалась мнѣ очень страннымъ, такъ какъ никакого товарища Крафта у меня никогда не было; тогда Гольденбергъ и Жуковскій высказалъ опасеніе, не имѣемъ ли мы дѣло со шпіономъ. Все это меня крайне заинтересовало и я сейчасъ же отправился къ Крафту, такъ какъ тогда я ни въ чемъ не былъ замѣшанъ и шпіоновъ не опасался.

Войдя въ типографію, я прямо наткнулся на этого Крафта и съ радостью узналъ въ немъ своего товарища по академіи Воронцова. Онъ лежалъ въ типографіи прямо на голомъ полу и что-то читалъ; приходу моему онъ сильно обрадовался, но послѣ первыхъ привѣтстій, съ волненьемъ заговорилъ о грандіозныхъ провалахъ повсюду въ Россіи, гдѣ только были революціонные кружки. Случайно уцѣлѣвъ одинъ изъ немногихъ, онъ почувствовалъ безполезность дальнѣйшаго пребыванія въ Россіи, тѣмъ болѣе, что послѣ оговора нѣкоторыми изъ арестованныхъ, его искали и онъ счелъ лучшимъ спастись за-границу, чѣмъ безполезно томиться въ тюрьмѣ.—Что же вы, совсѣмъ навсегда сюда?—спросилъ я.—«Нѣтъ, только переждать, чтобы слѣды замело и узнать, въ чемъ оговоръ, а тамъ... опять побреду въ Россію; бороться, такъ бороться до конца; погибнемъ—на смѣну другіе придутъ» говорилъ онъ спокойно и просто.—«Васъ и Иванишевича, кажется, тоже оговорили», добавилъ онъ.

Я никакъ не могъ объяснить себѣ, кто могъ оговорить меня, такъ какъ никакихъ практическихъ дѣлъ съ революціонерами въ Россіи у меня еще не было, а за-границей съ эмигрантами я также ни въ какія практическія отношенія не вступалъ. Впослѣдствіи разъяснилось, что оговоренъ былъ не я, а только Иванишевичъ; оговоръ былъ сдѣланъ Рабиновичемъ, а отчасти и Исаакомъ Павловскимъ, впослѣдствіи сотрудникомъ «Новаго Времени», писавшимъ письма изъ Парижа за подписью И. Яковлевъ.

Вѣсти, сообщенныя мнѣ Воронцовымъ, сильно огорчили меня; мнѣ некогда было разспрашивать подробности и я распрощался съ нимъ, такъ какъ спѣшилъ къ товарищамъ, съ которыми условился идти вмѣстѣ къ нашимъ новымъ знакомкамъ. Проводивъ меня, Воронцовъ опять улегся на полъ и принялся штудировать Шиллера на нѣмецкомъ языкѣ. Мнѣ говорили, что онъ работалъ по 18-ти часовъ въ сутки, выучивая наизусть всѣ слова, какія попадались въ этой книгѣ и черезъ три недѣли настолько овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, что могъ уже читать любую нѣмецкую книгу.

Я ушелъ отъ Воронцова чрезвычайно взволнованный; гибель массы товарищей и знакомыхъ будила во мнѣ какую-то нравственную потребность идти на смѣну погибшимъ за общее всенародное дѣло. Я переносился мыслью въ далекій мрачный Петербургъ съ его тоскливо однообразными улицами и грозной Петропавловской крѣпостью, на которую я когда-то очень долго смотрѣлъ, какъ очарованный, въ первый день моего пріѣзда въ Петербургъ. Революціонные кружки охватывали тогда уже нѣсколько десятковъ губерній и дать заглохнуть такому широкому движенію я считалъ прямо преступнымъ. Когда-то еще будетъ такая широкая, могучая волна движенія въ молодежи, думалось мнѣ и я тутъ же рѣшилъ немедленно вернуться въ Россію.

Съ этими думами, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ Воронцова о Россіи, о погромахъ, поглотившихъ столько жертвъ, я вмѣстѣ съ Чикоидзе и Домгатомъ пришелъ къ тѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, которыя такъ гостепріимно звали насъ къ себѣ. Онѣ жили гдѣ-то далеко, въ загородной части Женевы, на Chemin de Carouge, въ какомъ-то небольшомъ деревянномъ домикѣ въ нижнемъ этажѣ.

Въ небольшой тѣсной комнатѣ мы застали Софію Бардину, Варвару Александрову, Евгенію Субботину, Вѣру Любатовичъ, Лидію Фигнеръ, Бетю Каминскую, Александру Хоржевскую и, кажется, еще кого-то; однимъ словомъ, цѣлое женское общество. Когда мы выразили наше удивленіе при видѣ такой многолюдной дамской компаніи, одна изъ присутствующихъ замѣтила: тутъ далеко не всѣ мы; Ольга Любатовичъ недавно уѣхала съ Маріей Субботиной по дѣламъ въ Сербію, а въ Бернѣ осталась Вѣра Филиппова (Фигнеръ), Дора Аптекманъ и А. Топоркова. Всѣ были такія юныя, очень просто, но изящно одѣты, такъ что невольно привлекали взоръ; нѣкоторыя изъ нихъ были такъ застѣнчивы, что потупляли глаза при обращеніи къ нимъ. Отъ нихъ вѣяло деревней, можетъ быть глушью провинціи; во всякомъ случаѣ добрая половина этихъ дѣвушекъ, очевидно, не успѣла еще переступить порога, такъ называемаго, свѣта; въ нихъ не было ни спокойной развязности свѣтской женщины, ни безшабашнаго внѣшняго удальства моихъ петербургскихъ знакомокъ съ ихъ старыми, безъ нужды надѣтыми сапогами и стриженными волосами. Глядя на этихъ дѣвушекъ, можно было думать, что это семья; и въ самомъ дѣлѣ, это была очень тѣсная, но товарищеская семья, а не кровная. Среди нихъ болѣе всѣхъ выдѣлялась бойкостью Софія Бардина, которую всѣ ея подруги называли «теткой», хотя всѣ онѣ были почти ровесницы ей. Это была дѣвушка съ оригинальной большой головой, некрасивымъ, но очень умнымъ лицомъ, выдающимся высокимъ лбомъ, изъ подъ котораго блестѣла пара небольшихъ черныхъ искрившихся юморомъ глазъ; эта женская голова почему-то съ перваго взгляда напоминала голову Вольтера; Бардина была одѣта вся въ черномъ и сидѣла на диванѣ передъ большимъ круглымъ столомъ. Она привѣтливо пригласила насъ присѣсть къ этому столу; голосъ у нея былъ мягкій, симпатичный, пѣвучій, контральтоваго тембра. Не успѣли мы сѣсть къ столу, какъ другія, болѣе робкія дѣвушки обступили свою «тетку», какъ дѣти; одна сѣла на одну сторону и крѣпко ухватилась за ея руку, другая—по другую и охватила ее за талію, третья всѣмъ корпусомъ перегнулась черезъ ручку дивана и обхватила обѣими руками ея плечи, четвертая пыталась также примѣститься какъ нибудь ближе къ «теткѣ», но Бардина, видя, что ей грозитъ задушеніе, высвободилась отъ ихъ тѣсныхъ объятій и шутливо воскликнула, обращаясь къ намъ: «что за чортъ, просто не дадутъ съ людьми слово сказать!» Всѣ засмѣялись, но не уступили своихъ позицій; засмѣялись и мы; намъ вспомнилась картина дѣтства; мы дѣти также обступали мать, когда къ намъ приходили незнакомые люди, выглядывая какъ звѣрьки изъ-за ея плечъ.

Какія могутъ быть дѣла у этихъ дѣвушекъ, подумалъ я, вспомнивъ о только что сообщенной намъ поѣздкѣ двухъ изъ нихъ въ Сербію?

Когда неловкость первой встрѣчи прошла, мы заговорили о Россіи; я сообщилъ послѣднія новости о погромахъ; дѣвушки забыли свою застѣнчивость; онѣ бросили «тетку» и придвинулись къ намъ, слушая нашъ разсказъ съ широко открытыми глазами; посыпались вопросы за вопросами; не арестованъ ли такой-то; не замѣшана ли

такая-то; и слыша какое-нибудь знакомое имя, восклицали: «Боже, только что выпустили и опять въ тюрьму!» У насъ оказались общіе знакомые; но что меня больше всего удивляло, это то, что въ эту минуту у нихъ и на умѣ, и на сердцѣ было то же, что и у меня: бросить за-границу, оставить университетъ и ѣхать въ Россію.

Возникъ тутъ же вопросъ—если ѣхать, то зачѣмъ? т. е. какой способъ революціонной дѣятельности признать наиболѣе плодотворнымъ; порицали борьбу въ разсыпную, признавали необходимымъ объединить дѣятельность, но не допускали централизаціи, боясь «генеральства», о которомъ тогда, какъ здѣсь за-границей, такъ и въ Петербургѣ, никто и слышать не могъ; послѣ нечаевскаго процесса это отрицательное отношеніе къ руководительству сверху доходило въ молодежи до такой степени, что нерѣдко каждый мало-мальски выдающійся своей организаторской дѣятельностью или иниціативой, обвинялся въ генеральствѣ, въ желаніи захватить въ руки все. Нечаевъ у всѣхъ былъ на памяти, всѣхъ возмущалъ и отталкивалъ его образъ дѣйствій и это, какъ мнѣ кажется, и было главной причиной привычки обвинять чуть ли не каждаго въ генеральствѣ. Конечно, не безъ вліянія остались для насъ и господствовавшія тогда анархическія теоріи, отрицавшія всякую власть въ семьѣ, церкви, обществѣ и государствѣ. Но несмотря на такое отрицательное отношеніе къ единственной извѣстной въ то время организаціи—нечаевской, мы въ тотъ же вечеръ пришли все-таки къ выводу, что если члены организаціи явятся носителями нравственныхъ началъ истинной свободы, то въ такой организаціи не будетъ мѣста для лицъ, желающихъ генеральствовать.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно встрѣчаться съ этими дѣвушками, которыя только на видъ казались очень юными, въ дѣйствительности же онѣ были самыми развитыми, самыми подготовленными для революціонной дѣятельности, какихъ я только встрѣчалъ не только среди женской, но и мужской молодежи; школьнаго знанія у нихъ было слишкомъ достаточно, такъ какъ, окончивъ курсъ въ гимназіяхъ или институтахъ, онѣ еще года 2—3 учились въ Цюрихскомъ университетѣ; помимо общей начитанности, онѣ прекрасно знали всю западно-европейскую и русскую революціонную литературу, что рѣдко встрѣчалось даже въ петербургской молодежи; правда, онѣ мало интересовались тогдашней русской публицистикой, съ которой считалась молодежь русскихъ университетовъ, но въ ней имъ и не было нужды, такъ какъ онѣ были хорошо знакомы по первоисточникамъ съ вопросами, трактуемыми ими; онѣ изучали исторію всѣхъ, сколько нибудь крупныхъ революціонныхъ движеній, прекрасно знали французскихъ соціалистовъ, а также Герцена, Бакунина, Лассаля, Маркса и пользовались также рѣдкимъ счастьемъ слышать живое слово такихъ гигантовъ русской мысли и революціоннаго дѣла, какъ Бакунинъ и Лавровъ; я не говорю уже, что онѣ присутствовали на международныхъ конгрессахъ Интернаціонала, происходившихъ въ Швейцаріи—въ Сентъ-Имьё и Женевѣ. Словомъ, я убѣдился, что женщины петербургскихъ революціонныхъ кружковъ, которыхъ я встрѣчалъ въ Россіи, не выдерживали никакого сравненія съ этимъ новымъ для меня міромъ русскихъ женщинъ-революціонерокъ.

Когда вскорѣ послѣ вышеописаннаго конгресса, всѣ кавказцы разъѣхались, Чикоидзе, Циціановъ и я продолжали еще оставаться въ Женевѣ, чтобы завязать между прочимъ и болѣе тѣсныя сношенія съ русскими эмигрантами, которыхъ было въ то время не мало въ Женевѣ. Тамъ я познакомился съ Ткачевымъ, который, благодаря своему пристрастію къ якобинизму и бланкизму, стоялъ тогда одиноко. Я его видѣлъ всего раза два; взглядъ его стеклянныхъ глазъ, оттѣненыхъ рыжеватыми волосами, производилъ на меня впечатлѣніе психически разстроеннаго; движенія его были какія-то не то робкія, не то вкрадчивыя; онъ былъ крайне молчаливъ, но по нѣкоторымъ вопросамъ его я замѣтилъ, что онъ очень интересовался возстаніями на Кавказѣ; но когда я сталъ говорить съ нимъ объ этомъ Кавказѣ, то по нѣкоторымъ его замѣчаніямъ убѣдился, что онъ не имѣетъ никакого представленія о немъ, ни о народахъ, его населяющихъ; онъ думалъ, напримѣръ, что поднять возстаніе среди грузинскаго населенія, значитъ поднять возстаніе и на всемъ Кавказѣ; онъ очень удивился, когда я ему объяснилъ, что на Кавказѣ приходится считаться съ національнымъ антагонизмомъ между собою многочисленныхъ народностей, его населяющихъ; что татары и армяне за грузинами не пойдутъ; что соціально революціонная дѣятельность на Кавказѣ немыслима безъ согласованія ея съ такой же дѣятельностью въ Россіи и что преступно даже подымать возстаніе на Кавказѣ, когда въ Россіи все еще молчитъ. Ткачевъ былъ того мнѣнія, что на окраинахъ легко устроить возстанія на почвѣ національной независимости и что такое одновременное возстаніе въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ, въ Сибири и на Кавказѣ можетъ послужить хорошимъ сигналомъ для возстанія и въ Центральной Россіи.

— Ну, а если Россія не возстанетъ, спросилъ я Ткачева, вѣдь тогда правительство при помощи русскаго народа сломитъ Польшу и Остзейскій край и сравняетъ съ землей, смететъ всѣ народы Кавказа; ужели же мы—соціалисты-революціонеры въ правѣ вести окраины на такой рискованный шагъ; напротивъ, говорилъ я, мы обязаны удерживать ихъ отъ всякаго опрометчиваго шага, чтобы не дать повода правительству вести русскій народъ на вторичное завоеваніе Кавказа, Польши и проч. и тѣмъ навсегда разобщить чувствомъ ненависти эти народы—ненависть дурная основа соціальной правды, къ которой мы стремимся.

— «Можетъ быть, вы правы,—сказалъ мнѣ Ткачевъ; но вѣдь вамъ, окраинцамъ, долго таки придется ждать возстанія въ Россіи; а у васъ такъ это легко дѣлается—засѣлъ въ горы съ однимъ ружьемъ и перестрѣлялъ цѣлый полкъ русскихъ солдатъ!» закончилъ спокойно свою рѣчь Ткачевъ, смотря на меня въ упоръ своими стеклянными глазами.

Во все время этого разговора молодая, довольно полная кокетливая дама ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, часто останавливаясь передъ большимъ зеркаломъ, прихорашиваясь передъ нимъ, то поправляя свои волосы, то оправляя платье, чѣмъ очень сильно раздражала меня, отвлекая вниманіе и мѣшая нашей бесѣдѣ; это была жена Ткачева (урожденная Дементьева), судившаяся съ нимъ по Нечаев-

скому процессу, но которая по отзывамъ моихъ товарищей, близко ее знавшихъ, въ революціонномъ движеніи никакого серьезнаго значенія не имѣла.

Ткачевъ не имѣлъ приверженцевъ въ Петербургѣ; но по вопросу о роли окраинъ въ русской революціи, бакунисты, къ сожалѣнію, были одного мнѣнія съ нимъ; выражаясь вульгарно, мнѣ чудилось, что Ткачевъ и ему подобные смотрѣли на обитателей окраинъ, какъ на пушечное мясо, само по себѣ мало цѣнное и которое нечего жалѣть ради успѣха революціи. Эти люди жаждали революціи, но не вѣрили въ скорое осуществленіе ея; они видѣли, что русская жизнь—это море, застывшее въ мертвой зыби и чтобы взбаламутить его, чтобы дать выходъ силамъ, клокотавшимъ въ его бездонной глуби, нуженъ гигантскій и терпѣливый трудъ многихъ и многихъ поколѣній, безстрашныхъ и самоотверженныхъ; имъ же не хватало на это ни терпѣнія, ни самоотверженія, а потому они и были сторонниками возстанія тамъ, гдѣ оно казалось, легче возбудимымъ, хотя бы и во имя задачъ, чуждыхъ соціально-революціоннымъ цѣлямъ; а къ чему приведетъ такое возстаніе, это повидимому ихъ мало заботило.

Самъ Бакунинъ едва ли раздѣлялъ такіе взгляды Ткачева и ему подобныхъ, и лично я думаю, что если Бакунинъ и принималъ участіе въ польскомъ возстаніи, то это просто въ силу увлеченія, присущаго человѣку, рожденному для вѣчной борьбы, въ которой онъ и провелъ всю свою жизнь, а не въ силу хладнокровнаго расчета.

Когда я передалъ Чикоидзе и Циціанову содержаніе нашей бесѣды съ Ткачевымъ, послѣдній порывисто зашагалъ по комнатѣ и нервно дергая свою жидкую бородку, сталъ по обыкновенію своему произносить бранныя слова. Когда Циціановъ пересталъ ругаться, Чикоидзе сказалъ: «и какъ это русскому человѣку не стыдно проповѣдывать кавказцамъ засѣсть въ горы и перестрѣлять цѣлый полкъ русскихъ солдатъ! Этого не можетъ совѣтовать ни одинъ порядочный русскій человѣкъ; да, я послѣдняго русскаго солдата, честно исполняющаго свой долгъ, не промѣняю на цѣлую сотню Ткачевыхъ; русскаго солдата я знаю, на его рукахъ я выросъ; если бы я питалъ ненависть къ русскому солдату, какъ къ русскому, конечно я послѣдовалъ бы проповѣди Ткачева, но вѣдь я этой ненависти не питаю, а напротивъ, я хочу уничтожить всякую ненависть и между самими народами Кавказа, и, если хочешь, между обитателями всей земли, а въ томъ числѣ русскимъ народомъ и его врагами; такъ, во имя чего же я буду уничтожать цѣлые полки русскихъ солдатъ, безъ всякаго съ ихъ стороны повода; я не стремлюсь возстановлять грузинскаго царства, я не стремлюсь возстановлять старые грузинскіе феодальные порядки, мы стремимся объединить общей любовью нашъ народъ со всѣми народами міра на почвѣ великаго ученія соціализма; а почему же намъ не начать этого общежитія съ народовъ русскаго государства? на нашъ вѣкъ хватитъ и этихъ задачъ. Къ чему же приведутъ въ такомъ случаѣ всѣ эти сепаратныя, національныя возстанія, которыя разъединятъ, а не сблизятъ народы»?

Да, такъ думали мы тогда, когда намъ было лишь 21 годъ и оставались вѣрными этимъ взглядамъ всю свою жизнь; поэтому мы

выступили на арену политической дѣятельности не какъ грузины, а какъ члены общерусской революціонной семьи. Русская молодежь была ближе намъ, чѣмъ узко-націоналистическая грузинская, армянская и всякая другая кавказская; насъ связывала общность идейнаго воспитанія, общность взглядовъ и убѣжденій.

Мы рѣшили работать въ Россіи рука объ руку съ русскими, глубоко убѣжденные, что если намъ когда-нибудь суждено побѣдить въ Россіи, тѣмъ самымъ мы побѣдимъ и на Кавказѣ; завоевавъ свободу народу русскому, тѣмъ самымъ завоюемъ ее и для народовъ Кавказа. Въ нашемъ лицѣ мы вносили въ общее дѣло русской свободы и скромную лепту Кавказа. Не сепаратизмъ, а совмѣстная работа —вотъ былъ нашъ лозунгъ.

Охваченные стремленіемъ продолжать дѣло погибшихъ піонеровъ русскаго революціоннаго движенія, мы съ Чикоидзе рѣшили попытаться создать новую революціонную организацію, воспользовавшись, конечно, уроками нашихъ погибшихъ товарищей. Строгій подборъ людей прежде всего былъ необходимъ; мы знали, что недавніе провалы произошли, главнымъ образомъ, благодаря малодушію такихъ ренегатовъ, какъ М. Рабиновичъ, Городецкій, Низовкинъ, Гриценковъ Ярцевъ и друг., погубившихъ своими признаніями обширную сѣть кружковъ организаціи Чайковцевъ.

Такъ какъ наши новыя знакомки тоже собирались въ Россію и мы съ ними сходились въ убѣжденіяхъ, то рѣшено было войти съ ними въ болѣе тѣсныя сношенія, не ограничиваясь выясненіемъ однихъ программныхъ вопросовъ. Изъ нѣсколькихъ разговоровъ съ этими дѣвушками мы убѣдились, что въ смыслѣ идейнаго и нравственнаго закала лучшаго ничего нельзя было искать; онѣ представляли собою не случайную компанію студентокъ, а уже тѣсно сплоченный кружокъ, созданный извѣстнымъ самоподборомъ, что могло сильно помочь замышляемому нами дѣлу организаціи. Затѣмъ, необходимо было вступить также въ болѣе тѣсныя сношенія съ заграничными типографіями, гдѣ печатались нелегальныя изданія, такъ какъ для устройства типографіи въ Россіи требовались большія денежныя средства и силы. Для осуществленія этихъ задачъ рѣшено было одному изъ насъ остаться въ Женевѣ; остался Чикоидзе, болѣе сблизившійся съ женскимъ кружкомъ; я же въ октябрѣ уѣхалъ въ Петербургъ.

VIII.

Я засталъ Петербургъ совершенно разгромленнымъ; одни сидѣли въ тюрьмѣ, другіе, только что выпущенные, находились подъ сильнымъ надзоромъ, третьи скрывались, прячась въ разныхъ квартирахъ; о тѣхъ большихъ сходкахъ, которыя бывали въ Лѣсномъ и Измайловскомъ полку въ концѣ 1873 и началѣ 1874 годовъ и рѣчи быть не могло; можно было собираться по 10—20 человѣкъ и то съ большой опаской; вдобавокъ, майскій инцидентъ съ Ціономъ отозвался уже въ самомъ началѣ новаго семестра и въ октябрѣ вспыхнули въ Ака-

демій безпорядки изъ-за того же Ціона; къ Мед. Академіи присоединился Технологическій Институтъ и нѣкоторыя факультеты Петерб. Университета. Я пріѣхалъ въ разгаръ этихъ безпорядковъ и хотя не былъ уже студентомъ-медикомъ, но принялъ въ нихъ участіе. Полиція арестовала съ десятокъ студентовъ; пошли требованія объ ихъ освобожденіи; академическое начальство воспретило сходки въ библіотекѣ Мед. Академіи, гдѣ онѣ обыкновенно происходили открыто; поэтому рѣшили собраться въ Технологическомъ Институтѣ; Институтъ оцѣпили жандармы съ пожарной командой; стали окачивать холодной водой студентовъ, разгоняя ихъ; всѣмъ этимъ усмиреніемъ руководилъ самъ Треповъ, при содѣйствіи помощника своего генерала Козлова. Часть студентовъ, не успѣвшая выйти черезъ подъѣздъ, осталась во дворѣ Института; начальство объявило ихъ арестованными; тогда студенты, успѣвшіе уйти, вернулись назадъ и громадной толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ бросились на жандармовъ и подъ холоднымъ душемъ пожарныхъ трубъ, стали штурмовать ворота Технологическаго Института; ворота поддались нашему дружному напору, съ крикомъ «ура» мы ворвались во дворъ института и на глазахъ Трепова и Козлова освободили всѣхъ бывшихъ тамъ. Эта было часовъ въ 8 вечера; шпіоны прослѣдили всѣхъ участниковъ этого штурма и, по приходѣ домой, многихъ арестовали въ ту же ночь; помню, когда мы ворвались во дворъ института, меня схватилъ за руку самъ Козловъ, желая передать въ руки жандармовъ, но догадливая группа студентовъ, сдѣлала стройный натискъ, вырвала меня изъ рукъ Козлова и я окольными путями благополучно добрался домой.

Это было моимъ первымъ и послѣднимъ чисто-случайнымъ участіемъ въ уличной схваткѣ съ полиціей; на второй день я уже не принималъ участія въ продолжавшихся еще студенческихъ безпорядкахъ; мнѣ казалось, что значеніе ихъ крайне не велико для дѣла соц.-револ. борьбы, которому я уже рѣшилъ посвятить себя; я былъ конечно всей душой противъ руководительства русской наукой такими чиновниками карьеристами, какъ Ціонъ и ему подобные, которые стѣсняли учащихся въ свободномъ изученіи предмета и я считалъ своимъ долгомъ стоять противъ всякаго ограниченія этой свободы; но мнѣ казалось, что не слѣдуетъ искусственно создавать студенческія исторіи, якобы въ цѣляхъ усиленія революціонныхъ кадровъ, какъ того держались нѣкоторые; для меня было несомнѣнно, что естественно возникшая студенческая исторія даетъ крупныхъ протестантовъ, которые сами безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ вовлеченія, примыкаютъ къ общей борьбѣ противъ чиновничьяго деспотизма, царящаго безгранично во всѣхъ сферахъ жизни русскаго государства; искусственно же вызванныя, онѣ ведутъ только къ охлажденію и разочарованію. Мы, студенты, были естественными врагами политическаго режима; вѣдь мы не могли не видѣть и не замѣчать оскудѣніе, и даже отсутствіе талантовъ въ русской наукѣ и литературѣ, вызванное гоненіемъ противъ живого духа; старые представители науки и литературы продолжали еще работать, новыхъ не нарождалось, преобладать стали бездарности, такъ какъ вся трудящаяся и талантливая масса молодежи, вслѣдствіе безпрерывныхъ студенческихъ волненій, прину-

ждена была или бѣжать изъ университетовъ, или изгонялись изъ нихъ, т. к. университеское начальство, пресмыкаясь предъ властью, первымъ дѣломъ вымѣщало свою злобу на лучшихъ студентахъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, крупные представители петербургскихъ револ. кружковъ, какъ я уже сказалъ, почти всѣ были арестованы или скрывались. Мнѣ удалось, однако, повидаться, хотя и мелькомъ, съ Дмитріемъ Клеменсомъ, Сергѣемъ Кравчинскимъ, Грибоѣдовымъ, Саблинымъ, Морозовымъ, Сердюковымъ и другими.

Я вступилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ прямые переговоры о необходимости собрать оставшіяся силы для продолженія борьбы. Переговоры съ Клеменцомъ закончились въ одинъ вечеръ; это происходило у А. М. Эпштейнъ; Клеменцъ заявилъ мнѣ категорически, что онъ и раньше былъ противъ всякой организаціи, а теперь и подавно, такъ какъ опытъ убѣдилъ его окончательно не только въ безполезности организаціи, но и въ ея вредѣ, если при тѣхъ громадныхъ силахъ, которыми мы располагали еще такъ недавно, говорилъ онъ, ничего нельзя было сдѣлать, то что можно сдѣлать теперь, когда почти никого не осталось.

Сердюковъ, напротивъ, отнесся къ моей мысли восторженно; онъ предложилъ мнѣ всѣ свои связи и даже, если понадобятся, денежныя средства какъ для организаціи, такъ спеціально для изданія книгъ и газеты; отъ средствъ я отказался, такъ какъ женскій кружокъ, съ которымъ мы сблизились за-границей, располагалъ уже очень крупными средствами, но охотно принялъ его рекомендаціи къ старымъ испытаннымъ революціонерамъ, которые, правда, еще не были руководителями кружковъ, но которые уже побывали въ крупныхъ передѣлкахъ; это облегчали намъ первые шаги.

Пользуясь результатомъ предшествовавшей дѣятельности въ народѣ, мнѣ хотѣлось попытаться сплотить въ одну организацію интеллигенцію и рабочихъ вмѣстѣ; до сихъ поръ всѣ организаціи и организованные кружки были исключительно интеллигентскіе, теперь хотѣлось поставить революціонное дѣло на болѣе широкую, чисто народную почву.

Работа въ средѣ петербургскихъ рабочихъ Синегуба, Чарушина, Кравчинскаго, Кропоткина, Шишко, Рогачева и другихъ не осталось безплодной и хотя ихъ уже не было (они былы арестованы или скрывались), но занятія съ рабочими продолжались довольно дѣятельно другими.

На Лиговкѣ, недалеко отъ Воздвиженской церкви существовала еще тогда артель рабочихъ, преимущественно заводскихъ и желѣзнодорожныхъ, артель эту посѣщали нѣсколько интеллигентовъ, занимаясь съ рабочими послѣ работъ, часовъ съ 8—9 вечера; они преподавали главнымъ образомъ школьные предметы и, несмотря на усталость, рабочіе съ замѣчательнымъ вниманіемъ относились къ этимъ занятіямъ.

Въ то время, когда я впервые познакомился съ этой артелью (это было въ концѣ октября 1874 г.), занятіями ея руководилъ весьма толковый, мирный пропагандистъ, обладавшій основательными соц.-экономическими познаніями—И. А. Жуковъ; это былъ человѣкъ за-

мѣчательно уравновѣшеннаго характера, весьма осторожный въ занятіяхъ съ рабочими и умѣвшій быстро подмѣчать въ рабочихъ склонность и способность къ активной революціонной дѣятельности; онъ задался цѣлью намѣчать всюду, куда только онъ попадалъ, годныхъ взрослыхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и съ рабочими-мальчиками, сообщая имъ помимо школьныхъ знаній и кое-что, что воспитывало бы ихъ въ революціонномъ духѣ; этихъ птенцовъ своихъ онъ держалъ при себѣ и жилъ съ ними одной жизнью, что ихъ сильно привязывало къ нему; изъ числа этихъ юнцевъ вышли вскорѣ сначала участники по процессу 50-ти, а потомъ и по процессу Казанской демонстраціи, а впослѣдствіи и рабочихъ кружковъ «Народной Воли» (Яковъ Потаповъ, Иванъ Окладскій и др.); остальныхъ юнцевъ я потерялъ изъ виду и не знаю, что изъ нихъ вышло.

Яковъ Потаповъ, привлекавшійся къ дознанію по процессу 50-ти, а затѣмъ въ декабрѣ 1876 года, въ день Казанской демонстраціи былъ арестованъ на площади съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Иванъ Окладскій, работавшій (въ 1875 г.) сначала въ Одессѣ и проживая затѣмъ подъ именемъ Петра Сидоренко въ Тулѣ, въ качествѣ брата Ольги Любатовичъ, спасся бѣгствомъ во время ея ареста по дѣлу процесса 50-ти, а впослѣдствіи (въ 1879 г.) вмѣстѣ съ Желябовымъ участвовалъ въ заложеніи мины на полотнѣ жел. дороги подъ Александровскомъ, но, приговоренный въ 80 году (по дѣлу 16 террористовъ) къ смерти, замѣненной ему пожизненной каторгой, кончилъ весьма печально...

Среди взрослыхъ рабочихъ Воздвиженской артели было нѣсколько интеллигентныхъ, съ которыми можно было уже начать дѣло организаціи рабочихъ другихъ городовъ. Среди нихъ выдавался болѣе другихъ Михаилъ Грачевскій, который и раньше работалъ въ качествѣ пропагандиста, привлекался еще по процессу Долгушина, хотя и не былъ судимъ, затѣмъ участвовалъ въ первыхъ шагахъ организаціи рабочихъ въ Москвѣ по дѣлу 50-ти, а впослѣдствіи принималъ участіе въ дѣятельности «Народной Воли», какъ членъ Исполнительнаго Комитета. Грачевскій былъ интеллигентный рабочій, въ высшей степени дѣятельный и преданный революціонному дѣлу; въ кругу рабочихъ онъ пользовался всегда большой симпатіей, а для интеллигенціи онъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ, такъ какъ черезъ него можно было проникнуть во всѣ фабрики и заводы. По наружности его и складу рѣчи трудно было опредѣлить съ перваго раза, рабочій онъ или интеллигентъ. Его худощавое блѣдное лицо съ румянцемъ грудного больного, рѣдкой русой бородкой и русыми, слегка кудрявыми волосами, большими голубыми глазами, всегда широко раскрытыми, какъ у страдающаго грудью и слегка покраснѣвшими вѣками, которые иногда подергивались судорогой,—внушало мнѣ опасеніе еще въ Петербургѣ, что Грачевскому остается недолго жить. Но когда пришлось мнѣ работать съ нимъ въ Москвѣ, я видѣлъ съ какой энергіей взялся онъ за организацію рабочихъ и убѣдился, что въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ таятся неисчерпаемыя силы. Въ одинъ мѣсяцъ мы исходили съ нимъ всю Москву вдоль и поперекъ и во время этихъ безпрерывныхъ хожденій, онъ меня всегда поражалъ своей неутомимостью; онъ готовъ

былъ цѣлые дни оставаться голоднымъ, лишь бы пріобрѣсти хоть одного новаго сознательно сочувствующаго намъ рабочаго.

Другой выдающійся членъ Воздвиженской артели—рабочій Василій Грязновъ, по профессіи кузнецъ; онъ поражалъ своей начитанностью и любовью къ книгамъ; онъ до такой степени любилъ книги, что это даже мѣшало ему заводить сношенія съ рабочими, онъ прекрасно зналъ рабочую массу и когда мы восторгались кѣмъ либо изъ рабочихъ, онъ всегда обдавалъ насъ холодной водою; стоитъ вамъ увлекаться такой дрянью, говорилъ онъ. Мы недолюбливали его за этотъ скептицизмъ и шутя называли его «бариномъ», такъ какъ онъ хотѣлъ знаться только съ распропагандированными рабочими.

Третій выдающійся членъ Воздвиженской артели—Петръ Алексѣевъ, стяжавшій такую огромную извѣстность по процессу 50-ти за рѣчь, произнесенную имъ на судѣ,—былъ не заводскимъ, а фабричнымъ рабочимъ, по профессіи ткачъ, хотя въ Петербургѣ временно онъ работалъ на заводѣ. Несмотря на его малую интеллигентность, не трудно было замѣтить даже при первомъ знакомствѣ выдающуюся силу характера въ немъ; довольно словоохотливый въ своей средѣ, онъ проявлялъ необыкновенную сдержанность въ теоретическихъ спорахъ съ нами, только изрѣдка вставлялъ какія-нибудь ироническія замѣчанія; каждому изъ насъ (мнѣ, Грачевскому, И. Жукову) казалось, что онъ относится къ намъ съ недовѣріемъ и это не мало озабочивало насъ, такъ какъ въ центральномъ рабочемъ ядрѣ онъ долженъ былъ занять видное мѣсто; была даже маленькая стычка между нимъ и Грачевскимъ, котораго онъ грубо оскорбилъ; Грачевскій показалъ себя замѣчательно благороднымъ; «я прощаю тебѣ это оскорбленіе во имя того дѣла, которому отдаю свою жизнь», спокойно и серьезно сказалъ онъ Петру Алексѣеву; эти слова до того потрясли Петра Алексѣева, что онъ прослезился и горячо обнялъ Грачевскаго; съ тѣхъ поръ между ними не было уже никакихъ недоразумѣній.

Въ періодъ переговоровъ моихъ съ петербургскими кружками и сближенія съ Ив. Жуковымъ и другими участниками Воздвиженской артели, которую посѣщалъ, какъ преподаватель ариѳметики, и мой товарищъ Ив. Кузьминъ, я встрѣтилъ также въ Петербургѣ и Георгія Здановича, котораго, правда, очень немного зналъ и раньше, до отъѣзда моего за границу; по возвращеніи моемъ, мы стали встрѣчаться чаще въ разныхъ кружкахъ и обмѣнявшись взглядами, оказались въ главныхъ чертахъ единомышленниками въ вопросахъ о способѣ практической дѣятельности: онъ оказался согласнымъ съ мнѣніемъ меньшинства женевскаго конгресса кавказцевъ, относился отрицательно къ программѣ петербургскихъ лавристовъ и примыкалъ больше къ программѣ бакунистовъ; мы стали иногда посѣщать вмѣстѣ Воздвиженскую артель. Здановичъ зналъ также, что я уже нахожусь въ извѣстныхъ обязательныхъ отношеніяхъ къ Чикоидзе и Циціанову, а также поддерживаю связь съ кружкомъ цюрихскихъ женщинъ, съ которыми въ то время онъ еще не былъ знакомъ.

Обязательныя отношенія къ женскому кружку оформились лишь въ ноябрѣ 1874 года. Чикоидзе, какъ я уже сказалъ, поддерживалъ сношенія съ этимъ женскимъ кружкомъ послѣ моего отъѣзда въ Рос-

сію; но эти отношенія не имѣли еще практической почвы. Такъ какъ этотъ женскій кружокъ представлялъ собою организованное цѣлое со своимъ уставомъ и съ довольно крупными денежными средствами, то для объединенія его съ нами требовалось согласіе всѣхъ членовъ кружка, которые были разбросаны по разнымъ мѣстамъ: такъ, Ольга и Вѣра Любатовичъ, по возвращеніи въ Россію, были арестованы и содержались осенью 1874 г., въ Черниговской тюрьмѣ, Бардина уѣхала въ Тамбовъ къ себѣ на родину; Марія Субботина была въ своемъ курскомъ или орловскомъ имѣніи, Евгенія Субботина, Вѣра Фигнеръ и Дора Аптекманъ оставались въ Бернѣ, Лидія Фигнеръ и Варвара Александрова и Бетя Каминская были въ Петербургѣ.

Передъ разъѣздомъ ихъ, въ началѣ ноября Чикоидзе сообщилъ мнѣ письмомъ изъ Женевы, что фричи (такъ звали этотъ женскій кружокъ въ Цюрихѣ) разбредаются изъ Швейцаріи, думаютъ, подобно намъ, начать работу въ Россіи и желаютъ окончательно объясниться съ нами для составленія одной революціонной организаціи. Мнѣ неловко было говорить объ этомъ съ присутствовавшими тогда въ Петербургѣ членами этого кружка, такъ какъ я не зналъ въ то время съ полной достовѣрностью, кто изъ нихъ является полноправными членами кружка и потому счелъ болѣе удобнымъ лично повидаться съ Чикоидзе, чтобъ узнать отъ него непосредственно, чего желаютъ фричи, а потому я поѣхалъ для этого на нѣсколько дней за-границу, т. к. Чикоидзе не могъ самъ выѣхать; его задерживали тамъ еще другія дѣла.

Для переѣзда черезъ границу я взялъ заграничный паспортъ у одного своего земляка, князя Ратіева, облачился въ его шубу и выѣхалъ въ Бернъ. Передъ отъѣздомъ Варвара Александрова дала мнѣ письмо къ Евгеніи Субботиной; къ назначенному дню Чикоидзе и Циціановъ пріѣхали также въ Бернъ, гдѣ мы встрѣтили Евгенію Субботину, Д. Аптекманъ, Александу Хоржевскую, Топоркову и Вѣру Филиппову.

Евгенія Субботина жила отдѣльно въ какой то гостиницѣ, куда я и пріѣхалъ прямо по данному мнѣ въ Петербургѣ адресу.

Выходя съ вокзала и подымаясь по высокой лѣстницѣ, чтобы идти въ верхнюю часть Берна, я былъ удивленъ неожиданной встрѣчей съ тремя моими петербургскими знакомыми, съ которыми я разстался въ Петербургѣ всего за нѣсколько дней до моего отъѣзда, послѣ встрѣчи съ ними въ квартирѣ А. М. Эпштейнъ: это были— Николай Морозовъ, Саблинъ и Грибоѣдовъ. Несмотря на ноябрь мѣсяцъ, всѣ трое были одѣты довольно легко и просто. Тощій, высокій Морозовъ, которому вѣроятно тогда не было и 20 лѣтъ, сильно сгибался подъ какимъ то громаднымъ узломъ, который онъ несъ на спинѣ. Поровнявшись съ ними, я обратился шутя къ двумъ его другимъ товарищамъ съ вопросомъ: что это вы навалили все на одного?— онъ моложе насъ, отвѣтилъ Саблинъ, и долженъ нести; мы разсмѣялись; они сообщили мнѣ, что перебрались черезъ границу при помощи контрабандистовъ, что вѣроятно устроила имъ Анна Михайл. Эпштейнъ.

Узнавъ отъ меня, что я черезъ день уѣзжаю обратно въ Рос-

сію, Саблинъ воскликнулъ съ радостью: «счастливый человѣкъ можетъ ѣздить свободно! Да, и мы, впрочемъ, тоже скоро вернемся, лишь бы замести слѣды, а тамъ опять воротимся; да и дѣлать то здѣсь нечего нашему брату, сказалъ онъ, грустно понуривъ голову».

Но мнѣ не пришлось уже встрѣтиться съ ними въ Россіи, а съ Морозовымъ насъ свела еще судьба въ московскихъ и петербургскихъ тюрьмахъ.

Чикоидзе подтвердилъ мнѣ въ Бернѣ то, о чемъ писалъ въ Петербугъ; мы пошли съ нимъ къ фричамъ; въ небольшомъ нумерѣ Евгеніи Субботиной мы встѣртили Вѣру Фигнеръ, которая молчаливо слѣдила за нашей бесѣдой, а также Топоркову, Дору Аптекманъ и Хоржевскую. Я предложилъ Чикоидзе открыто поставить вопросъ объ объединеніи нашихъ кружковъ въ присутствіи всѣхъ членовъ кружка фричей, для чего нужно всѣмъ фричамъ собраться въ Россію; а такъ какъ главнымъ базисомъ революціонной дѣятельности предполагалось нами избрать Москву, то и было условлено устроить съѣздъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1874 года.

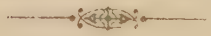
Бернскія фричи выразили на это согласіе и дѣйствительно къ этому времени изъ Берна вернулись въ Москву Евг. Субботина, Ан. Хоржевская и А. Топоркова; въ Бернѣ оставались только Д. Аптекманъ и Вѣра Фигнеръ (Филиппова), которая вернулась въ Россію въ 1876 г. когда большая часть фричей была арестована и на ея долю выпала тяжелая задача ликвидаціи дѣлъ нашей организаціи.

Итакъ, въ Бернѣ было заложено начало объединенію женскаго кружка фричей съ нами и чтобъ закрѣпить нашу дѣловую связь фричи выдали мнѣ письмо, по которому я получилъ въ Россіи двѣ тысячи руб. на начатое тамъ дѣло организаціи рабочихъ.

На обратномъ пути въ Россію, по совѣту Чикоидзе, я заѣхалъ къ его школьному товарищу Степану Кардашову, который учился въ Дрезденѣ на химическомъ отдѣленіи тамошняго политехникума: онъ никакого отношенія къ революціонному движенію не имѣлъ и совсѣмъ не думалъ посвятить себя революціонной дѣятельности въ Россіи; но Чикоидзе предполагалъ, что въ организаціи понадобятся люди съ техническимъ знаніемъ, которое сплошь и рядомъ необходимо для революціонныхъ цѣлей; если бы Кардашевъ почему либо не согласился на содѣйствіе намъ въ этомъ отношеніи, то онъ поручилъ мнѣ обратиться къ другому его товарищу Айвазову въ Петербургѣ, который тогда посѣщалъ технологическій институтъ.

И. С. Джабадари.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)



Е. П. ТУМАНОВА.

В. Н. БАТЮШКОВА.

Н. Г. ГЕОРГІЕВСКАЯ.

Л. Н. ФИГНЕРЪ.

Е. Д. СУББОТИНА.

М. Д. СУББОТИНА.

Н. Д. СУББОТИНА.

Женщины процесса 50-ти.

Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ.

Революціонная исторія семидесятыхъ и восмидесятыхъ годовъ является еще во многихъ отношеніяхъ terra incognita для современной публики. Не только нѣкоторые отдѣльные эпизоды этой исторіи, но и цѣлыя революціонныя эпохи не получили еще даже съ фактической стороны надлежащаго вѣрнаго и безпристрастнаго освѣщенія. А ходячіе слухи и варіанты грѣшатъ часто крупными неточностями и ошибками. Между тѣмъ все это представляетъ значительный интересъ, особенно теперь, когда сводятся окончательные итоги русскаго освободительнаго движенія за цѣлый историческій періодъ.

За послѣднее время въ печати, трактующей исторію прошлаго революціоннаго движенія, неоднократно высказывалось утвержденіе, что послѣ 1 марта 1881 года организація „Народной Воли“ была разбита и вся дѣятельность ея шла къ упадку быстрыми шагами. И дѣйствительно съ внѣшней стороны, особенно для посторонняго наблюдателя, слѣдующіе за 1 марта 1881 и 1882 годы рисовались временемъ сравнительнаго революціоннаго затишья. Въ этотъ періодъ вся „боевая“ дѣятельность „Народной Воли“ проявились только въ двухъ эпизодахъ: въ устраненіи одесскаго военнаго прокурора ген. Стрѣльникова и въ вооруженной попыткѣ Поливанова освободить заключенныхъ изъ саратовской тюрьмы (лѣтомъ 1882 г.). Никакихъ другихъ открытыхъ выступленій тогда не было.

Въ виду этого невольно возникаетъ для каждаго вопросъ: если это было такъ на самомъ дѣлѣ, что же именно могло побудить правительство, несомнѣнно хорошо освѣдомленное о подобномъ положеніи дѣлъ, а до извѣстной степени и о силахъ революціонной организаціи, искать примиренія и вступать въ какіе либо компромиссы, а тѣмъ болѣе въ обязательныя условія съ революціонной партіей уже обезсиленной, клонящейся къ упадку.

Постараюсь выяснить по возможности это кажущееся противорѣчіе.

Многочисленными арестами, происшедшими частью еще до

1 марта, частью непосредственно вслѣдъ за нимъ, народовольческая организація и въ особенности центральная, была значительно ослаблена, а въ послѣдующіе два года на нее обрушивались все новыя и новыя неудачи. Тѣмъ не менѣе уронъ въ личномъ составѣ пополнялся до извѣстной степени новыми силами и о пріостановкѣ борьбы не было и рѣчи. Въ концѣ 1881 г. изъ рядовъ организаціи, перенесшей тогда свою главную квартиру въ Москву, было снова выхвачено нѣсколько человѣкъ (Богдановичъ, Стефановичъ, Булановъ, Клименко, Калюжный, вслѣдъ за ними очень скоро Теллаловъ и др.). Но значеніе или, лучше сказать, впечатлѣніе подобныхъ арестовъ и для самого правительства бываетъ нерѣдко двоякое. Торжествуя свой частный успѣхъ, оно зачастую наталкивается при этомъ на такія косвенныя указанія, которыя вовсе не способны успокоить его на пріобрѣтенныхъ лаврахъ. Въ результатѣ своихъ разслѣдованій оно удостовѣряется, какъ это бывало не разъ, что и послѣ одержанной побѣды, несмотря на богатый уловъ опасныхъ противниковъ, гдѣ то тамъ во мракѣ, за предѣлами досягаемости, продолжаетъ существовать революціонная организація, не намѣревающаяся вовсе положить оружіе. Революціонная организація обладаетъ, особенно въ извѣстные моменты, способностью возрождаться, какъ фениксъ изъ пепла, возстановляя очень скоро свои утраченные органы. И само правительство, въ лицѣ своихъ наиболѣе умныхъ и дальновидныхъ представителей, отлично понимаетъ, что, при наличности всѣхъ его могущественныхъ средствъ, средствъ самообороны, для него не можетъ быть ни отдыха, ни перерыва борьбы до тѣхъ поръ, пока не измѣнится настроеніе той среды, изъ которой вербуются его противники. Привлечь къ себѣ симпатіи этой среды туманно-либеральной фразеологіей и составляло, напр., одну изъ отличительныхъ чертъ политики гр. Лорисъ-Меликова. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, незамѣтны были еще признаки, предвѣщающіе перемѣну общественнаго настроенія въ своемъ оскуденіи симпатій къ дѣятельности революціонеровъ и еще менѣе было признаковъ, позволявшихъ надѣяться на общественное сочувствіе реакціонному направленію правительственной политики. Такимъ образомъ у правительства не имѣлось еще на лицо никакихъ данныхъ надѣяться на революціонное успокоеніе. Это сознаніе постоянно грозящей опасности, неизвѣстность съ какой стороны можетъ быть нанесенъ противникомъ ударъ, постоянное напряженіе, при которомъ, отразивши одно нападеніе, необходимо быть всегда на готовѣ для того, чтобы парировать другія,—вся эта перспектива борьбы съ противникомъ малоуловимымъ, борьбы, которой не предвидится и конца, наконецъ, грозящая опасность личной гибели производитъ угнетающее впечатлѣніе и на психологію людей, стоящихъ у власти. Прибѣгать же, какъ это дѣлается теперь, къ крайнимъ средствамъ, не имѣющимъ почти примѣровъ въ исторіи цивилизованныхъ народовъ и разрубать мечемъ гордіевъ узелъ своего положенія, объявляя открытую войну всѣмъ сознательнымъ элементамъ общества, всему народу—у

правительства того времени не было достаточно поводовъ, потому что активную борьбу съ нимъ вело не все общество, не весь народъ, а лишь только отдѣльныя революціонныя группы, опиравшіяся на общественное сочувствіе. По тому настроенію, которое царитъ теперь, когда нервы всѣхъ и каждаго, притупленные всякими ежедневными современными ужасами, уже слабо реагируютъ на самые кровавые эксцессы, трудно судить о томъ настроеніи, которое господствовало тогда и о впечатлѣніи производимомъ не только единичнымъ террористическимъ фактомъ, но даже простымъ ожиданіемъ его. Легко, конечно, теперь, оглядываясь въ исторической перспективѣ на все прошлое, констатировать a posteriori постепенное паденіе послѣ 1 марта 1881 г. общей революціонной волны, паденіе, растянувшееся, однако, и тогда на цѣлые годы и въ значительной степени обусловленное, вдобавокъ, многими частичными исключительными причинами, а не историческою необходимостью. Но въ то полное тревоги и смятенія время, которое переживала тогда вся Россія, это вовсе не было очевидно для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самого правительства. И поэтому, чтобы разобраться вполнѣ въ положеніи и настроеніи послѣдняго, нужно сумѣть перенестись въ обстановку прошлаго и учесть тотъ психологическій моментъ, который переживался тогда всѣми.

Вышеупомянутые московскіе аресты, происшедшіе въ концѣ 1881 года, не являлись результатомъ одной только обычной полицейско-агентурной ловкости и наблюдательности. Но объ этомъ говорить сейчасъ не мѣсто и не время. Замѣчу только, что тогда выступала уже на политическую авансцену далеко не заурядная для того міра фигура Судейкина, начинавшаго осуществлять систему своей провокаторской дѣятельности „на два фронта“,—съ одной стороны затягивая въ свою игру—и не безъ нѣкотораго успѣха—кой кого изъ арестованныхъ революціонеровъ, а съ другой—запугивая правительство грознымъ призракомъ надвигающейся революціонно-террористической опасности, попутно создавая себѣ при этомъ репутацію чуть ли не единственнаго въ Россіи человѣка, способнаго предотвратить опасность новыхъ-террористическихъ выступленій народовольческой организаціи.

Весною 1882 г. произошли новые аресты въ Петербургѣ (Грачевскій, Корба, Прибылевъ и др.), а затѣмъ вскорѣ лѣтомъ была арестована въ Витебскѣ уже почти готовая къ работѣ народовольческая типографія. Репутація Судейкина шла въ гору, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ правительство натолкнулось на несомнѣнно подготовлявшееся покушеніе террористическаго характера (въ квартирѣ Прибылева была арестована мастерская для изготовленія динамита). Одновременно съ Грачевскимъ былъ задержанъ въ Петербургѣ гусарскій маіоръ Тихоцкій, арестъ котораго произвелъ въ „сферахъ“ не малое впечатлѣніе. Тихоцкій вращался въ высшихъ кругахъ Петербурга, танцовалъ даже на придворныхъ балахъ. Кромѣ двухъ-трехъ выслѣженныхъ загородныхъ свиданій его съ Грачевскимъ, никакихъ другихъ уликъ

противъ него не было, но и этого было, конечно, достаточно при царившей тогда въ „сферахъ“ общей запуганности, чтобы возбудить всевозможныя подозрѣнія и опасенія. И въ сущности подозрѣнія эти были не безосновательны. Не задолго передъ этимъ Тихоцкій, не принимавшій до тѣхъ поръ ни малѣйшаго участія въ революціонной дѣятельности, познакомился съ Грачевскимъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ новаго знакомства Тихоцкій революціонизировался, оказавшись при этомъ человѣкомъ очень полезнымъ и цѣннымъ. Репутація гусарскаго жуира очень помогала ему въ работѣ, открывая доступъ въ такія сферы, въ которыя съ другой репутаціей и проникнуть было бы трудно. На балахъ, послѣ танцевъ, подъ шумъ музыки онъ просвѣщалъ своихъ дамъ революціонными разговорами и даже революціонными прокламаціями, заводилъ полезныя связи и знакомства, однимъ словомъ очень ловко проникалъ въ самый центръ враждебнаго лагеря. Предварительное дознаніе не могло обнаружить противъ него никакихъ новыхъ уликъ, кромѣ свиданій съ Грачевскимъ, что онъ объяснялъ простымъ рестораннымъ знакомствомъ (репутація гусара-жуира и тутъ пошла ему въ пользу). Случай помогъ ему увернутся отъ крупной улики. Въ моментъ ареста при немъ находилось очень компроментирующее его письмо, которое онъ успѣлъ спустить подъ подкладку пальто (или оно само провалилось туда), гдѣ оно и осталось незамѣченнымъ и было уничтожено имъ уже въ Петропавловской крѣпости во время гулянья. Заключенный послѣ ареста въ Петропавловку Тихоцкій удостоился посѣщенія министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого, при чемъ между ними произошелъ слѣдующій курьезный діалогъ:

— Стыдно и жалко! Жалко и стыдно! Маіоръ! Гусарскаго полка! и до чего довелъ себя! началъ Толстой войдя въ камеру арестованнаго.

— Можетъ быть и жалко, ваше высокопревосходительство, но не стыдно, — отвѣчалъ Тихоцкій, перефразируя слова министра.

Бесѣда приняла, такимъ образомъ, съ первыхъ же словъ не совсѣмъ удобную и пріятную для высокаго посѣтителя форму.

— А я все же говорю: стыдно и жалко! Жалко и стыдно, повторилъ Толстой, спѣша удалиться изъ камеры.

Въ концѣ концовъ Тихоцкій ни въ чемъ не уличенный, былъ исключенъ изъ службы и высланъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь.

Приблизительно около этого же времени были произведены на Кавказѣ аресты среди офицеровъ. Правительство забило тревогу, тѣмъ болѣе, что оно имѣло помимо этого и другія указанія на то, что революціонное движеніе вообще затронуло офицерскую среду. 1882 годъ дѣйствительно ознаменовался попыткою поставить болѣе широко и прочно дѣло военной организаціи и связать ея дѣятельность съ общею дѣятельностью Народной Воли, подъ знаменемъ которой возникшая организація и должна

была начать свою работу. Что подобныя попытки не являлись фантастическими и безпочвенными показалъ даже непродолжительный опытъ 1882 г., въ теченіе котораго безъ особаго труда было привлечено къ революціонному дѣлу въ той или другой формѣ, сотни двѣ или даже болѣе офицеровъ разныхъ родовъ оружія, изъ среды которыхъ и должна была возникнуть спеціальная военная организація—центральныя и филіальныя отдѣленія. Дѣло тогда только начиналось; нащупывалась почва. Нужно было приглядѣться хорошенько къ людямъ и затѣмъ уже сдѣлать окончательный выборъ. Какъ извѣстно, все задуманное и уже начавшееся осуществляться въ желанномъ направленіи дѣло рухнуло, подкошенное въ самомъ началѣ предательскою рукою Дегаева.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о зарождавшейся въ 1882 г. военной организаціи даны въ іюльской книжкѣ „Былого" (1906 г.) М. Ю. Ашенбреннеромъ и затѣмъ дополнены въ слѣдующей книжкѣ (августъ) „данными офиціальнаго дознанія о распространеніи преступной пропаганды среди военныхъ, возбужденнаго въ первой половинѣ" 1883 г. (послѣ ареста Дегаева и совершеннаго имъ предательства). Къ сожалѣнію, М. Ю. Ашенбреннеръ очень скупо использовалъ имѣющійся у него матеріалъ, обойдя молчаніемъ разныя подробности, характеристики и тому подобныя конкретныя данныя и факты, которыя могутъ въ значительной степени оживить этотъ уголокъ прошлой исторіи. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, дѣло зарождалось и развивалось въ наиболѣе подходящей и отзывчивой средѣ, преимущественно среди молодыхъ офицеровъ. Выдвигая сознательныхъ активныхъ революціонеровъ эта молодая офицерская среда поставляла и другой болѣе пассивный, но все же очень полезный матеріалъ. Это были люди безъ ясно опредѣленнаго политическаго направленія, не идущія на прямую революціонную работу, но готовые изъ простой политической порядочности, во имя товарищества, дружбы или своеобразнаго рыцарски-военнаго чувства оказать всякую помощь, содѣйствіе гонимому и травимому революціонеру. Въ нѣкоторыхъ военныхъ частяхъ преимущественно въ частяхъ спеціальныхъ родовъ оружія—напр., среди артиллеристовъ и въ особенности среди моряковъ, подобное настроеніе и отношеніе къ революціи было очень распространеннымъ. Въ 1882 г. въ отдаленномъ Владивостокѣ морскіе офицера, бывавшіе въ тюремномъ караулѣ, выговаривали и пеняли Мышкину, арестованному во Владивостокѣ послѣ бѣгства съ Кары, за то, что онъ по прибытіи въ городъ не отправился тотчасъ же къ первому попавшемуся морскому офицеру, увѣряя его, что всякій изъ нихъ не только не выдалъ бы его, но всегда помогъ бы укрыться и затѣмъ переправиться въ Японію или Америку. Въ 1883 г. лейтенантъ Серебряковъ, выданный Дегаевымъ въ числѣ многихъ другихъ, какъ членъ центральной военной организаціи, находился въ моментъ выдачи въ Балтійскомъ морѣ въ плаваніи на военномъ транспортѣ «Красная Горка». Когда транспортъ пришелъ въ одинъ изъ Балтійскихъ портовъ и когда по случаю вечера съѣздъ

на берегъ командъ и офицеровъ былъ отложенъ до утра, командиръ судна получилъ секретное сообщеніе о томъ, что на берегу лейтенантъ Серебряковъ будетъ арестованъ въ качествѣ политическаго преступника. Тѣмъ или инымъ путемъ это было доведено до свѣдѣнія Серебрякова и другіе офицера транспорта помогли ему добраться ночью въ яликѣ до берега, гдѣ онъ и скрылся благополучно. Василій Ивановъ бѣжалъ изъ кіевской тюрьмы при содѣйствіи офицера Тихановича, руководившагося при этомъ въ значительной степени своими личными отношеніями и симпатіями. И подобныхъ случаевъ сочувственнаго отношенія къ революціонерамъ офицерской среды того времени можно было бы привести еще не мало. Но имѣлись еще нѣкоторые признаки и того, что военно-революціонное дѣло можетъ встрѣтить нѣкоторое сочувствіе и поддержку, если не активную, то по крайней мѣрѣ пассивную, даже и въ высшей военной сферѣ со стороны отдѣльныхъ ея представителей. Приведу нѣсколько примѣровъ тѣмъ болѣе, что они относятся къ людямъ съ громкою военной репутаціей.

Наиболѣе талантливымъ изъ всего русскаго генералитета того времени являлся несомнѣнно Скобелевъ. О широкой популярности его среди русской арміи говорить тоже нечего,—она всѣмъ извѣстна. Тѣмъ не менѣе или, можетъ быть, благодаря именно этому, онъ не пользовался особымъ благорасположеніемъ высшихъ сферъ, несмотря даже на свое свойство съ членами царствующей фамиліи (его сестра была замужемъ за герцогомъ Лейхтенбергскимъ). Въ глазахъ этихъ сферъ онъ являлся чѣмъ то вродѣ enfant terrible въ генеральскихъ эполетахъ. Скобелева хвалили, расточали ему комплименты, но не любили, завидовали ему и особеннаго хода не давали. Между тѣмъ честолюбіе у него было не малое и его недюжинная натура рвалась къ чему-то большему. Подъ вліяніемъ ли этого неудовлетвореннаго честолюбія, для котораго занимаемое имъ положеніе не давало достаточно пищи, въ силу ли нѣкотораго свойственнаго ему авантюризма (не въ дурномъ смыслѣ этого слова), или по какимъ-либо инымъ болѣе идейнымъ стимуламъ—такъ или иначе,—но имъ сдѣлана была попытка завести сношенія съ революціонной партіей.

Дѣло происходило такъ.

Въ 1882 г. Скобелевъ предпринялъ путешествіе по Европѣ. Это путешествіе сопровождавшееся произнесеніемъ публичныхъ рѣчей по вопросамъ внѣшней политики Россіи, произвело тогда большую сенсацію, какъ въ европейской прессѣ, такъ и въ дипломатическихъ сферахъ. Вскорѣ по пріѣздѣ Скобелева въ Парижъ къ П. Л. Лаврову явился спутникъ Скобелева, состоявшій при немъ въ званіи офиціальнаго или приватнаго адъютанта и передалъ Лаврову слѣдующее отъ имени своего патрона: генералу Скобелеву крайне нужно повидаться съ Петромъ Лавровичемъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ. Но, въ виду служебнаго и общественнаго положенія Скобелева, ему

очень неудобно прибыть самолично къ Лаврову. Это слишкомъ афишировало бы ихъ свиданіе, укрыть которое при подобной обстановкѣ было бы очень трудно отъ многочисленныхъ глазъ, наблюдающихъ за ними обоими. Въ виду этого онъ проситъ Лаврова назначить ему свиданіе въ укромномъ нейтральномъ мѣстѣ, гдѣ они могли бы обсудить на свободѣ все то, что имѣетъ сказать ему Скобелевъ.

Петръ Лавровичъ, этотъ крупный философскій умъ и теоретикъ революціи, въ дѣлахъ практики и революціонной политики, оказывался часто настоящимъ ребенкомъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ предлагавшагося ему свиданія, и такъ какъ въ ту минуту въ Парижѣ не оказалось никого изъ достаточно компетентныхъ и освѣдомленныхъ революціонеровъ (народовольцевъ), которымъ онъ могъ бы сообщить о полученномъ имъ предложеніи—на этомъ и кончилось дѣло. Впослѣдствіи въ 1885 г. мнѣ пришлось говорить съ Петромъ Лавровичемъ объ этомъ инцидентѣ и выразить сожалѣніе, что Лавровъ отклонилъ подобное свиданіе и не использовалъ такой благопріятный случай.

— Да помилуйте! — воскликнулъ Лавровъ съ искреннимъ неподдѣльнымъ изумленіемъ. Ну объ чемъ бы сталъ я говорить съ генераломъ Скобелевымъ?!..

О томъ, что не произошло, можно, конечно, строить только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки. Можно, однако предполагать, не пускаясь въ область фантазій, что не для одного только личнаго знакомства искалъ Скобелевъ свиданія съ Лавровымъ.

Въ томъ же году вышеупомянутымъ маіоромъ Тихоцкимъ велись въ Петербургѣ бесѣды на политическія темы съ генераломъ Драгомировымъ, занимавшимъ тогда постъ начальника военной Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Разговоры эти, которыя касались между прочимъ вопроса о задачахъ военно-революціонной организаціи, Драгомировъ заключилъ, по словамъ Тихоцкого, слѣдующею дословною фразою:

— Что же господа! если вы будете имѣть успѣхъ—я вашъ.

Послѣ Скобелева Драгомировъ былъ тогда, пожалуй, наиболѣе популярнымъ военнымъ именемъ въ Россіи. Популярность Скобелева была шире и демократичнѣе, ибо распространялась и въ массѣ нижнихъ чиновъ арміи. Кто изъ русскихъ солдатъ не зналъ тогда «бѣлаго генерала»? Имя Драгомирова было извѣстно и популярно въ военно-теоретическихъ и въ боевыхъ сферахъ.

Приведу еще одинъ случай, относящійся къ той же категоріи фактовъ и къ тому же времени.

Въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Одессѣ, поступилъ на службу вольноопредѣляющимся одинъ молодой человѣкъ N, попавшій еще на родинѣ до поступленія своего на службу въ списки «политически-неблагонадежныхъ», о чемъ, разумѣется, было своевременно доведено до свѣдѣнія подлежащаго военнаго начальства. Черезъ два-три мѣсяца послѣ опредѣленія въ полкъ N. получилъ приглашеніе явиться къ корпусному

командиру и не въ канцелярію, а въ его частную квартиру. Генералъ встрѣтилъ N—а очень любезно, усадилъ его въ своемъ кабинетѣ и повелъ разговоръ на слѣдующую тему. До его свѣдѣнія, заявилъ онъ, было конечно доведено о политической неблагонадежности N—а, а недавно къ нему поступило донесеніе о его будто бы попыткѣ вести революціонную пропаганду между солдатами полка. Сдѣлавъ затѣмъ отступленіе въ поясненіе того, почему онъ самъ человѣкъ либеральныхъ взглядовъ, несогласный съ реакціонною политикой правительства, остается тѣмъ не менѣе на службѣ (обычныя ссылку на семью, необезпеченное матеріальное положеніе и т. п.), генералъ заговорилъ объ опасности и трудности, находясь въ подневольномъ положеніи «нижняго чина» заниматься революціонной дѣятельностью и пропагандой въ войскѣ. „Если вы хотите работать въ этомъ направленіи среди военныхъ,—говорилъ онъ,—выходите въ офицеры. Тогда руки у васъ будутъ развязаны и вы будете имѣть дѣйствительную возможность сдѣлать что-нибудь, а не погибнуть столь безполезно. Подумайте объ этомъ и, если вы согласитесь съ моимъ мнѣніемъ и пожелаете быть офицеромъ, я могу оказать вамъ со своей стороны всякое содѣйствіе и помочь сдать скорѣе офицерскій экзаменъ, и затѣмъ дамъ вамъ свою рекомендацію, чтобы вы могли устроиться на службѣ въ той военной части, которую изберете, хотя бы даже въ корпусѣ жандармовъ, разъ это будетъ соотвѣтствовать вашимъ планамъ. Но за то обѣщайте мнѣ, что пока не выйдете въ офицеры, оставаясь солдатомъ, вы не будете проявлять въ полку революціонной дѣятельности, которая, могу васъ увѣрить, ни къ чему, кромѣ гибели не поведетъ“.

Врядъ ли можно предположить здѣсь какую-нибудь хитрость или двойную игру. Если бы корпусный командиръ просто хотѣлъ избавиться отъ безпокойнаго солдата, у него въ рукахъ было, конечно, достаточно средствъ устроить это безъ всякаго труда. Сколько офицеровъ, а не то что солдатъ, переводилось на службу въ глухіе гарнизоны Средней Азіи, Кавказа и другихъ отдаленныхъ окраинъ за простое, недоказанное ничѣмъ подозрѣніе въ прикосновенности къ чему то.

Приведенные эпизоды, число которыхъ можно было бы пополнить и другими, не перешедшіе въ какое-либо фактическое дѣйствіе рисуютъ, конечно, только проблематическіе перспективы и притомъ для индивидуальныхъ случаевъ. Но какъ показатель извѣстнаго настроенія военной среды, они все же имѣютъ свое симптоматическое значеніе. Я остановился на этихъ примѣрахъ, потому что есть полное основаніе предполагать нѣкоторую освѣдомленность правительства объ революціонномъ или, по крайней мѣрѣ, оппозиціонномъ настроеніи части офицерства. Мы привыкли относиться очень недовѣрчиво и скептически къ тому, что осталось лишь возможностью, не перейдя во что-нибудь реальное. Но правительство не могло въ свое время относиться такъ индеферентно къ этой угрожающей ему возможности.

Несмотря на опредѣлившееся уже, повидимому, къ началу

1882 г. направленіе внутренней политики, настроеніе правительства было нерѣшительное и реакція какъ бы застыла на мертвой точкѣ въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Крутой поворотъ назадъ совмѣщался съ попытками монархически-народной политикой, съ призывомъ въ бюрократическія комиссіи «свѣдущихъ людей» изъ общества, съ идеей крестьянскаго банка и т. п. затѣями. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ шла борьба за власть между отдѣльными ея представителями (Игнатьевъ, Толстой, Воронцовъ-Дашковъ). Не раздавленное еще революціонное движеніе и констатированное броженіе въ военной средѣ заставляло правительство задумываться. Пріобщеніе къ революціонному движенію военныхъ элементовъ и опасность военной организаціи всегда являлись однимъ изъ самыхъ грозныхъ признаковъ для всякаго самодержавнаго правительства [1]) Противъ этой рисовавшейся тогда опасности были пущены въ ходъ по шаблонному бюрократическому рецепту прежде всего обычныя мѣры «пресѣченія» и «предупрежденія». Разсылались по полковымъ канцеляріямъ соотвѣтственные секретные циркуляры съ предписаніемъ усилить надзоръ и сыскъ въ офицерской средѣ; принимались различныя мѣры предосторожности. Офицерамъ, присутствующимъ на высочайшихъ смотрахъ и парадахъ предписывалось, напр., не имѣть при себѣ револьверовъ, одѣвая лишь одни пустыя кобуры [2]). Характерно секретное предписаніе, бывшее у меня въ рукахъ, разосланное по отдѣльнымъ войсковымъ частямъ одесскаго военнаго округа. Въ немъ указывалось на случай, имѣвшій недавно мѣсто, когда офицеръ, состоявшій на службѣ ходатайствовалъ объ отдачѣ ему на поруки брата арестованнаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Вполнѣ понимая, говорилось въ этомъ секретномъ циркулярѣ, наличность вполнѣ естественныхъ родственныхъ чувствъ и заботу о братѣ, предлагаю однако, полковымъ командирамъ внушить подчиненнымъ имъ офицерамъ о несоотвѣтствіи подобныхъ ходатайствъ съ званіемъ офицера.

Но подобныя избитыя мѣры считались уже и тогда недостаточными и неудовлетворяющими серьезности положенія. Онѣ дополнялись новыми, улучшенными пріемами. Родоначальникъ

[1]) Даже и послѣ того, какъ правительство получило отъ Дегаева всѣ свѣдѣнія о военно-революціонной организаціи и арестовало большую часть скомпрометированныхъ показаніями Дегаева офицеровъ, оно продолжало очень нервно относиться ко всему, что въ революціонномъ движеніи имѣло отношеніе къ военному міру. Показанія, даваемыя арестованнымъ Ашенбреннеромъ, въ тотъ же день отвозились въ Гатчино къ Александру III. Въ концѣ 1884 г. во время ростовскихъ арестовъ былъ захваченъ въ одной аптекѣ складъ революціонныхъ документовъ и въ числѣ ихъ, между прочимъ, черновыя рукописи „письма къ солдатамъ", писанныя моею рукой. Въ 1886 г послѣ моего ареста этотъ черновикъ былъ предъявленъ мнѣ въ числѣ первыхъ обвинительныхъ документовъ, причемъ производившій дознаніе жандармскій офицеръ, знавшій, что въ бумагахъ мирового судьи Бардовскаго (тогда уже казненнаго) находился тоже текстъ воззванія къ офицерамъ, вытребовалъ готчасъ же изъ архива дѣло Бардовскаго и принялся сличать оба текста, стараясь установить связь между обоими документами.

[2]) Подлиннаго текста этого предписанія я не имѣлъ, но объ немъ мнѣ сообщали нѣсколько офицеровъ.

русской политической провокаціи Судейкинъ, раскидывавшій вездѣ свои тенета, не оставилъ безъ вниманія и военную среду.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербуръ въ 1882 г. М. Ю. Ашенбреннеръ получилъ нежданно негаданно черезъ вторыя—третьи руки предложеніе отъ совершенно незнакомыхъ людей доставить ему мѣсто петербургскаго полиціймейстера съ прекраснымъ конечно, окладомъ, при чемъ это предложеніе облекалось въ такія формы, будто полицейская служба Ашенбреннера можетъ содѣйствовать какимъ-то благимъ замысламъ. Для дальнѣйшихъ переговоровъ его приглашали посѣтить квартиру одной княгини, фамилію которой я сейчасъ не помню. Изумленный и встревоженный такимъ страннымъ и подозрительнымъ предложеніемъ Ашенбреннеръ попросилъ одну знакомую, имѣвшую большое знакомство въ Петербургѣ, разузнать о личности этой княгини. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ ея квартирѣ собирается очень темное и подозрительное общество, въ которомъ фигурируютъ очень разнообразная публика: офицеры, полицейскіе, жандармы, даже студенты, и курсистки. Наводившую эти справки знакомую Ашенбреннера прямо предупреждали, что вся эта компанія находится въ связи съ Судейкинымъ и его присными. Получивъ такія свѣдѣнія, Ашенбреннеръ, разумѣется не пошелъ на этотъ зовъ. Вскорѣ онъ получилъ новое приглашеніе отъ литератора С., лично ему совершенно незнакомаго, посѣтить его для переговоровъ о дѣлѣ, чуть ли не о томъ же самомъ, т. е. о мѣстѣ полиціймейстера. На совѣщаніи петербургскаго центральнаго военнаго кружка, до свѣдѣнія котораго Ашенбреннеръ довелъ объ этихъ зазываніяхъ, было рѣшено, что подъ именемъ Ашенбреннера къ С. отправится другой офицеръ, чтобы произвести рекогносцировку и по возможности выяснить истинную подкладку этихъ подозрительныхъ предложеній. Но какъ только нашъ офицеръ, явившись къ С., отрекомендовался ему подполковникомъ Ашенбреннеромъ, С. заявилъ: вы вовсе не Ашенбреннеръ, я васъ знаю, вы такой то (послѣдній тоже не былъ знакомъ съ С.). Этимъ разговоръ ихъ и кончился, но въ результатѣ все же выяснилось, что С. и другія подозрительныя личности имѣли надлежащія точныя свѣдѣнія, до знакомства съ наружностью включительно объ офицерахъ и не только петербургскихъ, но и пріѣзжихъ изъ провинціи съ приблизительной характеристикой ихъ политическаго направленія, безъ чего имъ трудно было бы останавливать свой выборъ на томъ или другомъ лицѣ. Изъ какихъ источниковъ могли они получить подобныя свѣдѣнія можно говорить только предположительно. Но естественно мысль останавливается на томъ, что источникомъ этимъ являлись полицейско-сыскныя сферы.

Я остановился нѣсколько подробно на военно-революціонныхъ эпизодахъ того времени въ виду того, что они именно сильно озабочивали тогда правительство и военно-революціонныя опасности являлись, какъ мнѣ кажется, однимъ изъ сильныхъ стимуловъ, побудившихъ правительство или отдѣльныхъ его представителей задуматься надъ вопросомъ, не благоразумнѣе ли

будетъ пойти на извѣстныя уступки и купить ими относительную безопасность и успокоеніе?

Новые улучшенные способы борьбы съ революціей вводились, конечно, не въ однѣхъ только военныхъ сферахъ, но практиковалось по всему фронту оборонительной линіи. Заручиться помощью революціонеровъ, т. е. quasi и ex-революціонеровъ представлялась для Судейкина очень заманчивымъ и выгоднымъ пріемомъ, обѣщавшимъ богатый урожай. Дѣятельность Судейкина была неодинока; онъ имѣлъ достойныхъ помощниковъ. Такъ въ Москвѣ въ этомъ же духѣ работалъ начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія жандармскій подполковикъ Скандраковъ, настоящій alter-ego Судейкина, другъ его и сослуживецъ по Кіеву, заручившійся еще до появленія Дегаева нѣсколькими агентами помощниками изъ революціоннаго лагеря, напр., въ лицѣ нѣкоего П—а, уличеннаго впослѣдствіи показаніями Дегаева и нѣкоторыми другими данными. Въ эти сѣти сыска и провокаціи попадали порою и порядочныя люди—молодые фантазеры, мечтавшіе воскресить въ своемъ лицѣ фигуру Клѣточникова. Въ концѣ 1883 г. мнѣ самому пришлось столкнуться съ подобнымъ эпизодомъ и разслѣдовать дѣло о двухъ студентахъ Петровской Академіи Н., и П., поступившихъ на службу къ Скандракову,—въ чемъ они и признались чистосердечно—съ наивною цѣлью одурачить послѣдняго и разыграть роль второго Клѣточникова [1]). Тутъ происходили иногда своеобразныя столкновенія на почвѣ конкурренціи и боязни, что одинъ перебьетъ дорогу другому и воспользуется львиною долею общей добычи. Напр., П. наговаривалъ Скандракову на двухъ упомянутыхъ студентовъ-петровцевъ, обвиняя ихъ въ двуличности и обманѣ.

Не была упущена Судейкинымъ изъ виду и революціонная литература, какъ оружіе, которое можно использовать не безъ выгоды въ свою пользу для борьбы съ терроромъ. Образцомъ этого можетъ служить исторія возникновенія и прекращенія революціонной газеты „Вольное Слово". Было бы желательно, чтобы люди, хорошо знакомые съ этой исторіей, разсказали то, что имъ о ней извѣстно. Газета „Вольное Слово", издавалась, какъ извѣстно въ Женевѣ въ 1882—1883 годахъ подъ редакціей Драгоманова. Никто не заподозритъ, конечно, послѣдняго въ какихъ-либо темныхъ двусмысленныхъ предпріятіяхъ. Но при немъ находился въ качествѣ практическаго дѣльца по постановкѣ газеты и дальнѣйшаго веденія, нѣкто Мальшинскій, оказавшійся впослѣдствіи лицомъ, близкимъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и къ самому Судейкину. Нужно думать что не безъ содѣй-

---

[1]) Н. и П.—дѣйствительно оказались порядочными людьми, искренне пытавшіеся одурачить Скандракова и разыграть роль Клѣточникова. Время тогда было смутное (тотчасъ послѣ убійства Судейкина), революціонная среда на столько замутилась, что необходимо было тотчасъ же очистить ее отъ всѣхъ скомпрометировавшихъ себя людей. Въ виду этого, несмотря на ихъ, повидимому, порядочность имъ обоимъ было предложено отстраниться отъ всякихъ революціонныхъ дѣлъ что они и исполнили добросовѣстно. Скандраковъ все же арестовалъ ихъ и выслалъ на родину.

ствія послѣдняго „Вольное Слово“ попадало въ Россію въ большомъ количествѣ и одно время, при крайнемъ недостаткѣ въ революціонной литературѣ и при большомъ спросѣ на нее распространялось въ широкихъ кругахъ общества. Постепенно въ „Вольномъ Словѣ“ началась правильная газетная кампанія противъ политическаго террора. Завершилось все это тѣмъ, что одна изъ передовицъ вызвала открытый протестъ со стороны русскихъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Женевѣ (Засуличъ, Кравчинскій, Плехановъ, Аксельродъ), напечатавшимъ въ женевскихъ газетахъ открытое письмо на имя Драгоманова, по поводу означенной передовой статьи; письмо это было перепечатано въ «Календарѣ Народной Воли». Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что Мальшинскій скрылся съ горизонта, и изданіе „Вольнаго Слова“ скоро прекратилось [1]).

Подводя итогъ всѣмъ этимъ эпизодамъ изъ дѣятельности Судейкина (а разсказанное здѣсь является лишь уголкомъ ея), нельзя отказать ему въ разносторонности тѣхъ новыхъ пріемовъ борьбы съ революціей, дополнявшихъ и исправлявшихъ старую систему ссыска, которые впослѣдствіи получили такое широкое примѣненіе и распространеніе при его пріемникахъ. Несомнѣнно ему принадлежитъ честь и пріоритетъ открытія и примѣненія этой системы, по крайней мѣрѣ въ Россіи. Не даромъ она получила полное одобреніе со стороны шефа парижской полиціи, пріѣзжавшаго, какъ тогда говорили, въ Петербургъ по приглашенію русскаго правительства для совѣта о лучшей постановкѣ политическаго ссыска въ Россіи.

Не одни только профессіоналы въ родѣ Судейкина и ему подобныхъ напрягали всѣ силы и пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы побороть русскую революцію, прибѣгая даже къ созданію контръ-революціонныхъ организацій или, по крайней мѣрѣ, пытаясь создать ихъ. Даже высшіе административно-бюрократическія сферы дѣлали попытки охранить самодержавіе, пользуясь подобными же пріемами и стараясь развить въ томъ же духѣ и направленіи свою охранительную дѣятельность.

Въ 1882 и 1883 годахъ появилось и функціонировало въ своемъ родѣ нелегальное, конспиративное общество извѣстное тогда подъ именемъ „Священной Дружины“ или „Священной Лиги“. Членами его состояли разныя высокопоставленныя лица. Въ связи съ этимъ обществомъ существовало другое, называвшееся „Добровольною Охраною“, представлявшее собою какъ бы филіальное отдѣленіе перваго и хронологически появившееся позднѣе. Внутренняя исторія этихъ конспиративныхъ сообществъ документально очень мало извѣстна. По аналогіи съ современностью они оба являются какъ бы прототипомъ „союза русскихъ людей“ союза активной борьбы съ революціей и тому подобныхъ организацій нашего времени, можетъ быть съ нѣсколько менѣе ясными и болѣе расплывчатыми цѣлями, съ тою еще разницей, что

[1]) Мальшинскій умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ въ качествѣ издателя реакціоннѣйшей газеты „Народъ“. *Ред.*

теперь они спустились изъ высшихъ сферъ въ низшія, демократизировались, благодаря чему и оказались болѣе способными проявить свою активную дѣятельность, на которую мало способны персоны высшихъ ранговъ, особенно въ тѣхъ рискованныхъ вызывающихъ формахъ, въ которыя невольно облекается подобная дѣятельность. Впрочемъ передъ коронаціей, т. е. въ началѣ 1883 г. „Добровольная Охрана“ довольно энергично вербовала въ свои ряды всѣхъ и каждаго, организуя цѣлые отряды—„десятки“ и „сотни“ подъ начальствомъ „десятниковъ“ и „сотниковъ“, которые должны были въ коронаціонные дни разсыпаться по Москвѣ, слѣдить въ толпѣ за подозрительными лицами задерживать, ихъ и вообще оберегать особу Александра III отъ покушеній и отъ всякой опасности. Съ цѣлью привлеченія въ ряды этой царской охраны возможно большаго количества людей, распускались въ массахъ печатныя правила-прокламаціи съ разъясненіями, какъ должна происходить вербовка этихъ «десятковъ» и «сотенъ» и въ какихъ формахъ надлежитъ имъ проявлять свою дѣятельность. Прокламаціи эти распространялись не только въ Москвѣ и вообще въ Европейской Россіи, но даже и въ Сибири, откуда мнѣ было доставлено нѣсколько экземпляровъ. Все это устраивалось, или по крайней мѣрѣ проектировалось, несмотря на то, что Судейкинъ гарантировалъ бозопасность коронаціи отъ какихъ-либо покушеній, организованныхъ революціонной партіей (онъ тогда уже могъ обѣщать это). Въ высшихъ сферахъ Судейкину и вѣрили, и какъ видно, все же нѣсколько сомнѣвалось въ точности его свѣдѣній, опасались частныхъ, единоличныхъ выступленій и на всякій случай принимали дополнительныя предохранительныя мѣры.

Что касается «Священной Лиги» (idem «Священной Дружины»), то она повидимому, представляла собой конгломератъ очень не однородный. Лѣвая часть ея въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, соприкасались съ «Земской Лигой», обсуждая съ нею сообща разные конституціонные проекты, правая—примыкала къ ретроградным кругамъ, чуть ли не до близости съ сыскнымъ вѣдомствомъ и мечтала организовать активную борьбу съ революціей, проектируя при этомъ по примѣру послѣдней прибѣгать даже къ нелегальнымъ конспиративнымъ пріемамъ борьбы до террора включительно. (Далѣе разговоровъ дѣло у нихъ, положимъ, не пошло). Все это было очень хаотично, спутанно и противорѣчиво, въ соотвѣтствіи съ запутанностью и неопредѣленностью переживавшагося тогда момента [1]).

Резюмируя вкратцѣ все сказанное выше можно нарисовать приблизительно слѣдующую картину общественно-политическаго

---

[1]) Мы помѣстили всѣ эти, касающіеся „Священной Дружины“ и „Добровольной Охраны“ строки почти безъ всякихъ измѣненій, но должны тутъ же сказать, что свѣдѣнія объ этихъ организаціяхъ у автора настоящей статьи, *шписсельбуржца С. А Иванова* весьма неполны, неточны и частью прямо невѣрны. Мы имѣемъ объ этомъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія, съ которыми со временемъ и познакомимъ читателей нашего журнала.

Ред.

положенія Россіи и настроеніе правительства къ осени 1882-го г., когда начались переговоры его съ революціонной партіей. На фонѣ этой картины представлялась революція, хотя и поражаемая, но еще не раздавленная и по прежнему мало уловимая, несмотря на всѣ старанія покончить съ нею во что бы то ни стало. Погибали, арестовывались отдѣльныя ея представители, нерѣдко цѣлыя группы, но убыль ихъ пополнялась до извѣстной степени привлеченіемъ новыхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ на столько, что уцѣлѣвшія и вновь появляющіяся революціонныя группы продолжали оставаться постоянною угрозою для самодержавнаго правительства, которое стояло во главѣ болѣе чѣмъ стомилліоннаго государства, безконтрольно располагало всѣми его громадными средствами, не жалѣя ихъ для борьбы съ крамолою [1]). Впечатлѣніе 1-го марта и предшествовавшаго ему грознаго боевого періода было еще слишкомъ свѣжо и нервы лицъ, стоящихъ у власти болѣзненно напряжены постояннымъ ожиданіемъ грядущей опасности, такъ какъ настроеніе и тактика революціонной партіи, повидимому не измѣнились и вынуждали правительство быть всегда на сторожѣ предъ возможностью новаго террористическаго наступленія. Доходившія стороною неясныя, но несомнѣнно достовѣрныя указанія о появленіи военной организаціи, добраться до которой однако не удавалось, возбуждали еще большія опасенія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что правительство даже переоцѣнивало грозившую ему опасность, что являлось какъ разъ на руку Судейкину, въ прямыхъ интересахъ котораго было поддерживать, а не колебать это убѣжденіе [2]). Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство, получавшее съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе острое, общественное значеніе. Съ момента воцаренія Александра III прошло уже болѣе года, а коронація все еще не могла состояться

---

[1]) Довольно распространенное мнѣніе о сильномъ ослабленіи революціонной партіи тотчасъ послѣ 1-го марта и въ послѣдующіе годы, которое являлось при этомъ какъ бы естественнымъ, неизбѣжнымъ завершеніемъ цѣлаго революціоннаго періода,—представляется мнѣ слишкомъ преувеличеннымъ. Недостатка въ революціонныхъ элементахъ, на которыхъ зиждется активная дѣятельность, не было и послѣ 1-го марта, сочувственное отношеніе либеральныхъ сферъ не уменьшилось. De facto сильно пострадала преимущественно центральная организація партіи, почти переставшая даже функціонировать въ теченіе нѣкотораго періода времени. При наличности практиковавшихся тогда организаціонныхъ принциповъ и отношеній это отражалось очень неблагопріятно во всѣхъ отрасляхъ революціонной работы, которая въ этихъ условіяхъ тормозилась и замирала. Тѣмъ не менѣе несмотря на усилившійся до предѣла ссыскъ и тѣ крѣпкія тиски, въ которыя фатально заключена жизнь всякой нелегальной организаціи, положеніе далеко не было безнадежно. Только крайне неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, выразившееся въ рядѣ исключительныхъ событій (напр., Дегаевщина и др. случаи) не дали возможности организаціи возродиться и окрѣпнуть и притомъ именно тогда, когда между прочимъ намѣчалось нѣкоторое исправленіе организаціонныхъ принциповъ съ цѣлью парализировать нѣсколько пагубное вліяніе „центральныхъ“ погромовъ на дѣятельность всей партіи.

[2]) Идея создать себѣ при помощи революціонной провокаціи вліятельное политическое положеніе не была, повидимому чужда Судейкину еще въ на началѣ 1882-го г., то есть за годъ до появленія Дегаева. Онъ тогда уже дѣлалъ первые шаги въ этомъ направленіи старалась залучить въ помощники себѣ кое-кого изъ арестованныхъ революціонеровъ.

въ виду опасеній, что она можетъ быть ознаменована какимъ либо террористическимъ инцидентомъ. А дальнѣйшее откладываніе коронаціи являлось крайне неудобно. Это совершенно роняло престижъ правительства какъ дома въ Россіи, такъ и за-границей, такъ какъ естественно объяснилось его слабостью и боязнью передъ революціонерами. Изъ такого положенія нужно было найти какой нибудь выходъ, который и былъ пріисканъ въ формѣ попытки войти въ соглашеніе съ революціонною партіей и заключить хотя бы временное перемиріе на пріемлимыхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ. Уже одинъ этотъ фактъ самъ по себѣ безъ разсмотрѣнія общественно-политическихъ условій того момента и общаго настроенія, говоритъ самъ за себя и свидѣтельствуетъ, что правительство считало свое положеніе критическимъ. Для него со всѣми его унаслѣдованными традиціями и принципами власти подобный шагъ являлся почти невозможнымъ. Остается разумѣется открытымъ вопросъ имѣло ли правительство намѣреніе добросовѣстно выполнить принимаемыя имъ на себя обязательства или же оно разсчитывало только выиграть время для совершенія обряда коронаціи, проектируя сообразовать свою дальнѣйшую политику съ наличностью тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ и условій. Но во всякомъ случаѣ даже предумышленный обманъ со стороны правительства т. е. намѣреніе его ограничиться одними только обѣщаніями, уже самая попытка охранить свою безопасность подобными средствами служитъ характернымъ показателемъ внутренняго политическаго положенія Россіи.

Сергѣй Ивановъ.

Документы и матеріалы къ исторіи переговоровъ Исполнительнаго Комитета съ Священной Дружиной[1]).

I.

Немногіе члены Исполнительнаго Комитета, находящіеся за границей, и съ которыми я успѣлъ снестись, передали мнѣ слѣдующее:

Есть пункты, относительно которыхъ они могутъ говорить за всѣхъ своихъ товарищей, и другіе, по которымъ имъ необходимо снестись съ Россіей. Они довѣряютъ мнѣ начать переговоры на тѣхъ основаніяхъ, относительно которыхъ они безусловно увѣрены въ согласіи своихъ товарищей. Именно:

1. Они требуютъ прежде всего какого либо ручательства, что переговоры идутъ съ людьми дѣйствительно серьезными, а не выдающими себя за имѣющихъ право вести подобные переговоры.

2. За основаніе переговоровъ должно быть принято письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III отъ 10 марта 1881 года и въ предѣлахъ условій этого письма они могутъ ручаться за согласіе ихъ товарищей еще и въ настоящее время.

3. Если разъ лица, съ которыми начаты переговоры, могутъ считаться компетентными во всемъ, касающемся ихъ, то надо, чтобы нѣкоторыя предварительныя дѣйствія со стороны правительства ручались за искренность его въ этомъ случаѣ.

4. Они могутъ поручиться, что:

а) если по предыдущимъ тремъ пунктамъ произойдетъ удовлетворительное соглашеніе, то, до коронаціоннаго манифеста Алек-

---

[1]) Помѣщаемые документы имѣются у насъ въ подлинникахъ. Они писаны собственною рукою П. Л. Лаврова и переданы въ наше полное распоряженіе лицами, имѣющими на то всѣ права. Современемъ мы опубликуемъ весьма интересные документы, касающіеся организаціи Священной Дружины, а теперь скажемъ лишь, что съ Исполнительнымъ Комитетомъ (черезъ П. Л. Лаврова) вела переговоры именно Священная Дружина, а не „Земская Лига", которой фактически и не существовало, но отъ имени которой Священная Дружина, развившаяся въ свою очередь изъ „Добровольной Охраны", поручила агенту своему доктору Пивинскому вступить въ переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли. Помѣщаемые документы относятся ко времени переговоровъ именно съ Пивинскимъ, а не съ Николадзе, переговоры съ которымъ велись въ другое время и совершенно отдѣльно и независимо отъ переговоровъ съ Пивинскимъ.

Ред.

сандръ III будетъ огражденъ отъ всѣхъ попытокъ организованныхъ или организуемыхъ Комитетомъ.

b) если Исполнительный Комитетъ увидитъ изъ ряда дѣйствій правительства, что оно серьезно приступило къ исполненію условій соглашенія, то, насколько эта увѣренность будетъ длиться, Исполнительный Комитетъ не предприметъ ничего противъ Александра III.

И если русскимъ соціалистамъ будетъ обезпечено право мирно распространять свои идеи, то онъ рѣшительно откажется отъ всякой террористической дѣятельности.

Въ виду развитія со времени 10 марта взглядовъ, которые прежде не имѣлись въ виду, лица, съ которыми я (*неразборчиво*) сочли нужнымъ сказать въ поясненіе сказаннаго въ письмахъ къ Александру III отъ 10 марта о выборахъ въ Народное Собраніе, что ихъ товарищи понимаютъ это собраніе, какъ созывъ представителей всѣхъ классовъ общества съ преобладаніемъ настоящаго рабочаго народнаго элемента и съ необходимымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (университетовъ, прессы и т. д.), для устройства новаго государственнаго порядка и для экономическихъ преобразованій, которыя обезпечили бы благосостояніе рабочаго класса.

II.

Прелиминарныя условія.

I. Земская Лига обязуется прежде всего (доказать) выяснить свою *силу* и (полную благонадежность своихъ намѣреній) свои цѣли; для этого:

a) Земская Лига выхлопочетъ амнистію Чернышевскаго, или

b) облегченіе участи политическихъ каторжныхъ (въ Сибири),

c) Сверхъ того, Земская Лига оставляетъ въ залогъ крупную сумму, которая должна быть возвращена Лигѣ, по исполненію ею обязательства, въ случаѣ же неисполненія — можетъ быть конфискована.

d) Сверхъ того, Земская Лига даетъ возможность *обстоятельнаго* ознакомленія со своими средствами и цѣлями (наиболѣе желалательно посредствомъ принятія въ составъ своихъ членовъ) какому нибудь лицу, которое бы пользовалось довѣріемъ Земской Лиги и Исполнительнаго Комитета. Лицо это выбирается по соглашенію обѣихъ сторонъ. Если это лицо находится въ ссылкѣ, то должно быть предварительно амнистировано.

Исполнительный Комитетъ не требуетъ отъ этого лица сообщенія какихъ либо секретовъ Земской Лиги и довольствуется *общимъ* его удостовѣреніемъ въ томъ, что силы и цѣли Земской Лиги позволяютъ Исполнительному Комитету вступать съ ней въ соглашеніе.

II. Немедленно по полученіи означеннаго ручательства, Исполнительный Комитетъ обязуется опубликовать прокламацію, къ сему прилагаемую, и пунктуально соблюсти данныя въ ней обѣщанія.

III. Земская Лига должна сообщить теперь же, въ какіе приблизительно сроки она считаетъ возможнымъ (при пассивномъ содѣйствіи Исполнительнаго Комитета) подготовить:

a) болѣе или менѣе полную амнистію,

b) доставить русской прессѣ и русскому обществу возможность (свободно) подготовиться къ Земскому Собору, путемъ (болѣе или менѣе) достаточно свободнаго обсужденія русскихъ общественныхъ вопросовъ

c) подготовить, наконецъ, созывъ самого Земскаго Собора, который (какъ кондиція sine que non) долженъ быть *непремѣнно всенароднымъ*, долженъ быть избранъ при вполнѣ свободной агитаціи и долженъ имѣть права Учредительнаго Собранія.

IV. Въ случаѣ, если бы Земская Лига въ означенные ею самой приблизительные сроки, оказалась безсильной исполнить принятыя на себя обязательства, Исполнительный Комитетъ тѣмъ самымъ освобождается отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ самой Лигѣ.

III.

Проектъ прокламаціи.

Къ Исполнительному Комитету обращались въ послѣднее время съ укорами, которые вызываютъ его на новое заявленіе. Его обвиняютъ сторонники либеральныхъ учрежденій въ Россіи въ томъ, будто онъ своею террористическою дѣятельностью не позволяетъ правительству Александра III вступить на путь либеральныхъ реформъ а, напротивъ, вызываетъ въ императорѣ то раздраженіе, которое заставляетъ будто бы Александра III окружать себя людьми все болѣе ненавистными русскому обществу, все болѣе враждебными всякой свободѣ. Эти взгляды нашли себѣ выраженіе даже въ нѣкоторыхъ кружкахъ вполнѣ сочувствующихъ цѣлямъ, къ которымъ стремится русская революціонная партія.

Дѣятельность русскаго правительства и отсутствіе рѣшительной дѣятельности у русскихъ либераловъ не давали до сихъ поръ Исполнительному Комитету повода усомниться въ вѣрности избраннаго имъ пути; но въ виду частыхъ обвиненій на него взводимыхъ за его будто бы упорство на этомъ пути, онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать еще одно заявленіе.

10 марта 1881 г. онъ обращался къ Александру III съ указаніями условій «созданныхъ исторіею», на которыхъ «революціонное движеніе» можетъ замѣниться «мирною работою». Александръ III не обратилъ вниманія на это обращеніе. То, что совершилось послѣ 10 марта, давало бы право Исполнительному Комитету считать мирное обращеніе 10 марта уже достояніемъ исторіи и произнести надъ Александромъ III такой приговоръ, какой Исп. Ком. произнесъ и исполнилъ надъ Александромъ II. Но Исп. Ком. не изъ любви къ самому террору и не изъ мстительности выбралъ путь терроризма, а лишь

придя къ убѣжденію, что лишь этотъ печальный для него самого путь можетъ привести къ ближайшимъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ соціально-революціонною партіею. Для него остаются существенными не путь, а цѣли, къ которымъ онъ ведетъ. Если бы онѣ дѣйствительно осуществились инымъ путемъ, Исп. Ком. съ радостью отказался бы отъ прежнихъ пріемовъ. Онъ, поэтому признаетъ, что и до сихъ поръ онъ не отрекается ни отъ одной строки изъ того, что сказано въ письмѣ къ Александру III отъ 10 марта. Онъ и теперь согласенъ считать условія, тамъ высказанныя, условіями, на которыхъ «революціонное движеніе» можетъ «замѣниться мирною работою». Онъ заявляетъ, что приговоръ его надъ Александромъ III еще не произнесенъ и что, пока это не сдѣлано, личность Александра III еще на нѣкоторый срокъ обезпечена отъ попытокъ со стороны лицъ и кружковъ, входящихъ въ организацію русской соціально-революціонной партіи «Народной Воли». Онъ заявляетъ, что этотъ приговоръ не имѣлось въ виду произнести до тѣхъ поръ, пока коронаціонный манифестъ, опредѣляющій программу новаго царствованія, не показалъ бы, что нечего уже ждать отъ правительства Александра III пониманія истинныхъ потребностей Россіи и приступа къ улучшенію ея положенія. Поэтому, какъ самъ Александръ III, такъ и его совѣтники желающіе его безопасности, имѣютъ время одуматься. Люди, надѣящіеся помочь нынѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи путемъ мирныхъ реформъ или чисто политическаго переворота, могутъ еще попробовать устранить новыя, печальныя для всѣхъ катастрофы. Отъ самого Александра III, отъ его совѣтниковъ, отъ сторонниковъ политическихъ свободъ въ Россіи зависитъ, чтобы приговоръ надъ Александромъ III вовсе произнесенъ не былъ. Пусть Александръ III выразитъ въ опредѣленномъ заявленіи и осуществитъ въ рѣшительныхъ мѣрахъ свой переходъ къ либеральной внутренней политикѣ. Пусть друзья политической свободы и и экономическаго улучшенія положенія русскаго народа пріобрѣтутъ вліяніе на дѣла путемъ ли господства въ совѣтахъ императора, путемъ ли организаціи сильной партіи политической оппозиціи произволу самодержавія, и опасность для личности императора совсѣмъ исчезнетъ.

Мы ждемъ и слѣдимъ за дѣятельностью правительства и русскихъ либераловъ. Если мы увидимъ, что серьезныя мѣры принимаются для облегченія положенія нашихъ мучениковъ въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ, для возвращенія нашихъ эмигрантовъ, для свободнаго обсужденія въ печати созыва учредительнаго народнаго собранія, для замѣны особенно-ненавистнаго персонала въ управленіи болѣе человѣчнымъ, то безопасность, объявленная нами временно для Александра III, распространится и на орудія его управленія.

Если въ опредѣленный срокъ собственная иниціатива Александра III, или вліяніе на него либеральныхъ совѣтниковъ или рѣшительныя мѣры политической оппозиціи приведутъ къ созыву въ Россіи представителей всѣхъ классовъ общества съ преобладаніемъ постояннаго рабочаго народнаго элемента и съ необходимымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (университетовъ, прессы и т. п.) для устройства новаго государственнаго порядка и для экономическихъ

преобразованій, которыя обезпечили бы положеніе рабочаго класса, то Исп. Ком. найдетъ, можетъ быть, возможнымъ вовсе прекратить со своей стороны террористическія дѣйствія.

Но это—выжиданіе, не болѣе. Не имѣя возможности особенно довѣрять ни успѣху русскихъ либеральныхъ партій, ни искренности русскаго правительства при самыхъ либеральныхъ его заявленіяхъ, русская соціально-революціонная партія не положитъ оружія и всегда будетъ готова заявить о томъ, что время выжиданія прошло, что Исп. Ком. возвращается къ революціоннымъ дѣйствіямъ, если онъ убѣдится въ лицемѣріи правительства или въ окончательномъ безсиліи либеральныхъ партій.

Дѣлая это заявленіе. Исп. Ком. сдѣлалъ все, что можетъ, чтобы доказать свою готовность достичь ближайшихъ цѣлей своихъ и мирными средствами, которыя кажутся возможными другимъ группамъ русскаго общества. Оставаясь вѣрными какъ общимъ стремленіямъ революціоннаго соціализма, такъ и своимъ ближайшимъ цѣлямъ, онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку. Если она не удастся, онъ пойдетъ впередъ по ближайшему пути, съ котораго ничто не заставитъ его сойти.

IV. [1])

Первое, что мнѣ вспоминается, это одна необыкновенно грустная исторія, которую стыдно разсказать, а грѣхъ утаить. Я буду кратокъ—стыдно.

Дѣло было не помню въ которомъ году незадолго до коронаціи Александра III. Правительство было въ большомъ смущеніи, оно ожидало какого нибудь сюрприза въ моментъ коронаціи и вообще опасалось новыхъ террористическихъ предпріятій. Дѣйствовало, хотя не знаю дѣйствовало ли, но во всякомъ случаѣ было образовано тайное противо-революціонное общество, состоявшее подъ покровительствомъ . . . . . (это послѣднее мнѣ подтвердилъ предсѣдатель цензурнаго комитета Ведровъ при объясненіи щедринскаго «Общества проломленныхъ головъ»). Складывались и другія тайныя общества съ тою же цѣлью.

Однажды ко мнѣ явился N [2]) съ слѣдующимъ сообщеніемъ. Онъ хлопоталъ о газетѣ, которую намѣревался издавать, и, не знаю какимъ образомъ, добрался съ этою цѣлью до Воронцова-Дашкова. Тотъ сказалъ ему, что это можно устроить, можно устроить и гораздо большее. Государь настроенъ наилучшимъ, наиблагосклоннѣйшимъ образомъ, онъ готовъ дать Россіи конституцію, но надо, чтобы прежде прекратились дѣйствія террористовъ, потому что не можетъ же правительство выступить на либеральный путь подъ угрозою.

---

[1]) Въ числѣ матеріаловъ и документовъ, относящихся къ переговорамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, считаемъ нужнымъ помѣстить и отрывокъ изъ напечатанныхъ въ „Революціонной Россіи", касающихся этого предмета воспоминаній Н. К. Михайловскаго. Онъ относятся къ переговорамъ, которые велись черезъ Н. Я. Николадзе.

Ред.

[2]) Н. Я. Николадзе. *Ред.*

«Вотъ, сказалъ онъ, примите на себя трудъ переговоровъ съ революціонерами, и если коронація пройдетъ благополучно, можете разсчитывать не только на газету, но и на многое другое. Если хотите—прибавилъ онъ—я вамъ устрою свиданіе съ Государемъ, и онъ самъ вамъ скажетъ это.»

Въ подтвержденіе N показалъ мнѣ одну-двѣ записки Воронцова-Дашкова незначительнаго содержанія — приглашеніе пожаловать къ нему тогда-то и тогда-то. N сообщилъ мнѣ, что въ дѣлѣ этомъ принимаетъ участіе Шуваловъ, не помню который по имени, но знаю, что онъ былъ тогда личнымъ другомъ Государя. Знаю также, что этотъ Шуваловъ занимался одно время химіей и затѣмъ былъ психически боленъ, о чемъ я слышалъ отъ его учителя химіи Г. [1]) и психіатра Т., [2]) которымъ Шуваловъ самъ разсказывалъ о нижеслѣдующей исторіи.

N., у котораго было мало связей въ революціонной партіи, предложилъ мнѣ дѣйствовать вмѣстѣ. Я зналъ, что партія была въ это время въ упадкѣ, — кто арестованъ, кто казненъ, и только Вѣра Филиппова (Фигнеръ) была изъ крупныхъ дѣятелей на свободѣ, скрываясь въ Харьковѣ. Ожидать чего-нибудь на коронаціи и безъ того нельзя было, но правительство этого не знало, а у страха глаза велики. Поэтому согласиться на предложеніе было лестно. Но я все-таки рѣшилъ сначала посовѣтоваться съ К., [3]) съ которымъ былъ тогда очень близокъ, а N. не особенно довѣрялъ. Съ К. происходили въ это время тоже какія-то заигрыванія, и мы рѣшили, что принять предложеніе слѣдуетъ, но держать ухо востро. Я поѣхалъ въ Харьковъ къ Вѣрѣ, а N.— за границу, въ Парижъ. Онъ вернулся съ очень страннымъ результатомъ, никого не нашелъ, а не вдолгѣ и совсѣмъ переселился изъ Петербурга на югъ, гдѣ и понынѣ (1903 годъ, іюль) проживаетъ. Я его и въ Петербургѣ почти не видѣлъ, а послѣ переѣзда онъ у меня ни разу не былъ, хотя въ Петербургъ наѣзжалъ.

Моя поѣздка въ Харьковъ (я ѣздилъ туда подъ предлогомъ устройства своихъ книгъ у харьковскихъ книгопродавцевъ) была добычливѣе. Вѣру я розыскалъ... Этотъ удивительный человѣкъ очень усталъ отъ своей бурной жизни, и въ ту минуту и отъ тяжкаго положенія скрывающагося, вѣчно съ оглядкой, вѣчно подъ страхомъ быть кѣмъ нибудь узнанной. Мы рѣшили такъ: партія, которая, повторяю, и безъ того была безсильна, обѣщаетъ воздержаться отъ дѣйствій во время коронаціи, но мы съ своей стороны боялись въ виду этого безсилія, предъявить какія нибудь очень большія требованія, тѣмъ больше, что не были увѣрены, что насъ не надуютъ. Поэтому, не опредѣляя ближайшимъ образомъ тѣхъ реформъ, которыя должно произвести правительство послѣ коронаціи, мы потребовали въ видѣ задатка и въ удостовѣреніе добрыхъ намѣреній правительства исполненія къ 19 февраля двухъ пунктовъ: освобожденія Чернышевскаго и разслѣдованія безчинствъ, произведенныхъ не задолго передъ тѣмъ на

---

[1]) Покойный, убитый въ Архангельскѣ, Гольдштейнъ. *Ред.*
[2]) Докторъ Томашевскій. *Ред.*
[3]) С. Н. Кривенко. *Ред.*

Карѣ. [1]) Это были болѣе, чѣмъ скромныя требованія, но вѣдь все дѣло наше было, собственно говоря, безнадежно, много запрашивать не приходилось, при томъ же это былъ задатокъ...

Справедливость требуетъ сказать, что оба требованія были исполнены, но не 19 февраля, а гораздо позже: Чернышевскій былъ возвращенъ сначала въ Астрахань, а потомъ на родину въ Саратовъ, а для разслѣдованія Карійскаго дѣла былъ командированъ флигель-адъютантъ, помнится, Нордъ. На счетъ же либеральныхъ реформъ мы были обмануты. Кѣмъ—не знаю, такъ какъ весьма возможно, что N. передалъ Воронцову и Шувалову наши два пункта, какъ окончательные, исчерпывающіе всѣ наши желанія. По крайней мѣрѣ Шуваловъ говорилъ впослѣдствіи Т.: [2]) «что это, какія скромныя требованія поставили N. и Михайловскій?» Утѣшеніемъ можетъ развѣ послужить то, что все равно никакихъ реформъ, кромѣ попятныхъ, Россія при Александрѣ III не получила бы...

Вскорѣ послѣ этого я, будучи уже высланъ изъ Петербурга [3]) и проживая въ Выборгѣ, услышалъ объ арестѣ Вѣры. Я былъ необыкновенно встревоженъ этимъ извѣстіемъ. Въ Харьковѣ Вѣра была устроена какъ нельзя лучше и, казалось, могла тамъ прожить въ безопасности многіе годы. Я боялся, что именно я навелъ на ея слѣдъ полицію, такъ какъ я состоялъ подъ негласнымъ надзоромъ, а въ Харьковъ ѣздилъ [4]) совершенно открыто, имѣя въ случаѣ надобности объясненіе въ необходимости сношеній съ тамошними книгопродавцами. Мои опасенія оказались напрасными: Вѣру выдалъ одинъ рабочій, указавъ ее полиціи на улицѣ. [5]) Однако, администрація что-то узнала, если не прямо о цѣли моей поѣздки, то о ея общемъ характерѣ. Губернаторомъ былъ тогда въ Харьковѣ Калачовъ, переведенный потомъ губернаторомъ же въ Кострому (теперь занимаетъ какой-то высокій постъ въ Петербургѣ). Однажды, онъ заговорилъ обо мнѣ съ моимъ зятемъ Мягковымъ, служившимъ въ костромскомъ губернскомъ правленіи и между прочимъ сказалъ: «Вы думаете, мы не знаемъ, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Харьковъ?» Но на этомъ разговоръ и кончился, такъ какъ Мягковъ ничего о моей поѣздкѣ не зналъ. [6])

---

[1]) Въ маѣ 1882 г. было избіеніе каторжанъ послѣ побѣга Мышкина и др. изъ Карійской тюрьмы. *Ред.*

[2]) Томашевскому.

[3]) Въ декабрѣ 1882 г. за произнесеніе рѣчи на вечерѣ студентовъ Михайловскій и Шелгуновъ были высланы изъ Петербурга. *Ред.*

[4]) Въ половинѣ октября 1882 г. *Ред.*

[5]) Фигнеръ была выдана не Меркуловымъ, а Дегаевымъ. *Ред.*

[6]) Напомнимъ читателю слѣд. мѣсто изъ статьи покойнаго А. А. Спандони „Страница изъ воспоминаній“: когда въ 1882 году, сидя въ одесской тюрьмѣ, Спандони попросилъ жандармскаго полковника Катанскаго разрѣшить ему имѣть въ камерѣ соч. Михайловскаго, то Катанскій отвѣтилъ: „Знаю! Михаловскій—тотъ самый, который пріѣзжалъ въ октябрѣ въ Харьковъ къ Фигнеръ“. (Былое, 1906 г., май, стр. 23) *Ред.*

Записка В. К. Плеве по университетскому вопросу.

Совершенно секретно.

Во исполненіе ВЫСОЧАЙШИХЪ повелѣній, послѣдовавшихъ 25 мая и 3 іюня сего 1881 года, объявленныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, образована подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Делянова особая комиссія, съ цѣлью выработать правила для усиленія надзора за учащейся молодежью. Въ засѣданіяхъ комиссіи, состоявшихся 22, 27 и 30 того же іюня, приняли участіе представители министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, директоръ департамента государственной полиціи дѣйствительный статскій совѣтникъ Фонъ-Плеве и директоръ строительнаго училища дѣйствительный статскій совѣтникъ Бернгардтъ; народнаго просвѣщенія, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитріевъ; военнаго, состоящій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, генералъ-маіоръ Лалаевъ; государственныхъ имуществъ, директоръ департамента земледѣлія и сельской Промышленности тайный совѣтникъ Вешняковъ; путей сообщенія, инспекторъ института инженеровъ путей сообщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ Коковцевъ 1-й; отъ вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ, исправляющій должность директора московскаго техническаго училища, профессоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Архиповъ.

Открывая засѣданія, статсъ-секретарь Деляновъ въ краткомъ историческомъ обзорѣ указалъ важнѣйшіе безпорядки, возникавшіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднее двадцатипятилѣтіе и мѣры, принятыя въ разное время правительствомъ для предотвращенія ихъ повтореній. Статсъ-секретарь Деляновъ не помнитъ никакихъ безпорядковъ политическаго свойства въ нашихъ университетахъ до 1856 года, никакихъ волненій, кромѣ случаевъ, незначительныхъ по числу участвовашихъ и не имѣвшихъ связи между собою. Дозволеніе, данное студентамъ с.-петербургскаго университета, попечителемъ княземъ Щербатовымъ, устраивать сходки и собранія, первоначально съ цѣлью чисто литературной и для учебныхъ занятій вскорѣ возбудило подобныя же стремленія и въ другихъ университетахъ. Студенты на сборищахъ, имъ разрѣшаемыхъ, постепенно стали переходить отъ литературныхъ занятій къ обсужденію своихъ правъ, своего общественнаго положенія, университетской организаціи, дѣйствій своего начальства и выражать въ шумныхъ демонстраціяхъ свое одобреніе или неодобреніе. Въ 1858 и 1859 г. г. волненія распространившіяся въ университетахъ, привлекли вниманіе правительства, вызвали распоряженія, клонившіяся къ пре-

дупрежденію безпорядковъ и послужили поводомъ къ пересмотру университетскаго устава; въ 1861 году волненія студентовъ приняли такіе размѣры, что вынудили временно закрыть С.-Петербургкій университетъ.

Введеніе новаго университетскаго устава въ 1863 г. не прекратило безпорядковъ. Статсъ-секретарь Деляновъ управлялъ въ то время с.-петербургскимъ учебнымъ округомъ, въ званіи попечителя, и спокойствіе въ университетѣ приписываетъ преимущественно усердію и заботловости ректоровъ Ленца и Воскресенскаго; они не оставляли безъ вниманія никакого проявленія, даже косвенно клонившагося къ нарушенію порядка, и подавляли всякую попытку къ волненіямъ, посредствомъ заблаговременно принимаемыхъ мѣръ. Со смертью Ленца и оставленіемъ должности Воскресенскимъ, строй жизни университета значительно перемѣнился къ худшему.

Во время слѣдствія по покушенію Каракозова на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, графъ Муравьевъ усмотрѣлъ, что между участниками въ этомъ преступленіи и нѣкоторыми учащимися въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ существовала какая-то связь, вслѣдствіе сего по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію была составлена подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова особая коммиссія, которою выработаны дополнительныя правила по надзору за студентами, а также правила, клонившіяся къ уменьшенію числа постороннихъ слушателей въ университетахъ. Упомянутыя правила удостоились ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія 26 мая 1867 года.

С.-Петербургскій университетъ праздновалъ 8 февраля 1869 г. день воспоминанія о полувѣковомъ своемъ существованіи; по этому случаю онъ былъ осыпанъ милостями и щедротами Монарха, повелѣвшаго въ самый день празднества учредить 100 стипендій Императорскаго Имени, по 300 рублей каждую и пожаловалъ 20000 руб. для роздачи въ видѣ единовременныхъ пособій недостаточнымъ студентамъ; а въ мартѣ того же года возникли самые безобразные безпорядки какъ въ стѣнахъ университета, такъ и Медико-Хирургической академіи и въ Технологическомъ Институтѣ. Для предупрежденія таковыхъ на будущее время Государю Императору благоугодно было повелѣть составить новую, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, коммиссію, изъ представителей всѣхъ тѣхъ министерствъ, въ вѣдомствѣ коихъ имѣются сіи учебныя заведенія. Правила, составленныя этою коммиссіею, были разсмотрѣны въ особомъ Комитетѣ изъ министровъ: военнаго, государственныхъ имуществъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, шефа жандармовъ, и затѣмъ удостоены ВЫСОЧАЙШГО утвержденія 8 Іюля 1869 года, но и эта мѣра не имѣла никакого практическаго результата. Въ 1874 г. безпорядки возникли въ учебныхъ заведеніяхъ съ новою силою. Во исполненіе ВЫСОЧАЙШЕЙ воли было составлено подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря Валуева, особое совѣщаніе нѣкоторыхъ Министровъ для обсужденія причинъ, вызывавшихъ безпорядки и мѣръ, необходимыхъ къ ихъ пресѣченію. Послѣдствіемъ совѣщанія было, между прочимъ ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе о пересмотрѣ общаго университетскаго устава 1863 года. Между тѣмъ, волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ усиливались и сдѣлались почти непрерывными. Они возбуждались иногда самыми несправедливыми неудовольствіями учащихся противъ кого-либо изъ профессоровъ, иногда же и большею частью, принимали характеръ политическій. Какъ напримѣръ, предсѣдатель Коммиссіи указалъ на исторію съ преподавателемъ петербургскаго университета Шеберомъ, который, желая помочь студентамъ историко-филологическаго факультета въ изученіи латинскаго языка,

сталъ требовать отъ нихъ письменныхъ переводовъ съ латинскаго на русскій языкъ. Студенты, вмѣсто благодарности за такую о нихъ заботу, не стали ходить на лекціи г. Шебера и возобновили посѣщеніе лекцій только тогда, когда факультетъ, въ угоду студентамъ, отмѣнилъ требованіе означенныхъ переводовъ. Упомянуто было также о волненіи въ Новороссійскомъ университетѣ по поводу замѣчанія, сдѣланного профессоромъ Богишичемъ одному студенту за его дурное обхожденіе, волненіе, которое вслѣдствіе ненормальнаго состоянія университета и уступчивости власти, вызвало прекращеніе лекцій на нѣкоторое время. Безпорядки и волненія не прекращались и въ послѣдующіе года. По случаю репетицій, которыя хотѣлъ ввести одинъ изъ профессоровъ харьковскаго ветеринарнаго института, возникли въ 1878 г. неимовѣрныя буйства въ Институтѣ, онѣ перешли въ Харьковскій университетъ, а потомъ за стѣны университета и продолжались на улицѣ. Для усмиренія студентовъ, харьковское губернское начальство нашло себя вынужденнымъ употребить военную силу. Въ 1877 же году начались сходки студентовъ въ университетѣ Св. Владиміра, сходки собирались въ теченіе всей осени и зимы, до марта 1878 года. Принималъ ли совѣтъ университета какія-либо мѣры къ прекращенію волненій, ему, статсъ секретарю Делянову, неизвѣстно; но слѣдуетъ полагать, что не принималъ, такъ какъ принятіе заблаговременно какихъ-либо мѣръ избавило бы совѣтъ отъ необходимости исключать изъ университета разомъ слишкомъ 150 человѣкъ (въ мартѣ 1878 г.) Столь же прискорбныя происшествія повторились и въ Медико-Хирургической Академіи, студенты которой двинулись толпою по улицамъ столицы для подачи ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ своихъ петицій.

Пораженный тѣми безобразіями, которыя онъ видѣлъ на мѣстѣ, бывшій въ то время харьковскимъ губернаторомъ, генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ, въ особомъ совѣщаніи министровъ, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію состоявшемся 17 и 19 Іюля 1879 года, подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря Валуева, усиленно настаивалъ на совершенномъ устраненіи въ университетахъ выборнаго начала при назначеніи ректоровъ инспекторовъ и субъ-инспекторовъ; на введеніи обязательной форменной одежды для студентовъ, на невыдачѣ въ руки стипендіатамъ назначенныхъ имъ денежныхъ пособій и вообще на усиленіи правительственнаго надзора по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, на крайнемъ недостаткѣ въ ихъ организаціи дисциплины, надзора, отвѣтственности и правильнаго исполненія обязанностей лежащихъ на преподавателяхъ.

Вслѣдствіе требованій генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, въ томъ же году, съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, особымъ положеніемъ Комитета Министровъ возложено было на министра народнаго просвѣщенія графа Толстого составить, по предварительному соглашенію съ мѣстными генералъ-губернаторами, инструкцію для инспекціи и правила для студентовъ, не стѣсняясь постановленіями общаго устава университетовъ, изданнаго въ 1863 г. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о введеніи составленныхъ новыхъ правилъ въ дѣйствіе въ Бозѣ почившій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ изволилъ собственноручно начертать: „надѣюсь, что новыя правила будутъ добросовѣстно исполняться и принесутъ ожидаемую пользу. Ливадія, 5 Ноября 1879 г“.

Къ сожалѣнію, продолжалъ предсѣдатель, правила 1879 г. не были приведены въ дѣйствіе съ надлежащею послѣдовательностью и энергіею. Наступила эра, такъ называемыхъ, новыхъ вѣяній, которую можно назвать эрою пошлаго либерализма и политической недобросовѣстности съ одной стороны, а съ дру-

гой, эрою правительственнаго легкомыслія, непроницательности и слѣпоты. Правила 1879 г. были, въ 1880 году и въ январѣ 1881 г., разными распоряженіями по Министерству Народнаго Просвѣщенія фактически отмѣнены. Вслѣдствіи сего и многихъ другихъ причинъ, безпорядки приняли въ Московскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ небывалые размѣры, учебное время превратилось въ неучебное, а при такомъ положеніи едва ли и экзамены могли совершаться въ надлежащемъ порядкѣ.

Изъ этого краткаго историческаго обзора жизни нашихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній за 25 лѣтъ, въ которыхъ едва ли приведена и десятая доля совершившихся безобразій, статсъ-секретарь Деляновъ вывелъ прискорбное заключеніе, что упомянутыя учебныя заведенія находятся въ высшей степени ненормальномъ положеніи и что ихъ Совѣты и Конференціи, несмотря на то, что судьба студента, начиная отъ поступленія въ учебное заведеніе и до выхода изъ него, всецѣло зависитъ отъ этихъ ученыхъ коллегій, не сумѣли вкоренить во ввѣренныхъ имъ юношахъ убѣжденія, что учащіеся поступаютъ въ университеты и другія высшія спеціальныя заведенія единственно для ученія и что единственнымъ стремленіемъ студента должно быть преуспѣяніе въ наукахъ, при повиновеніи постановленіямъ подлежащей власти.

Въ настоящее время ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 26 мая 1881 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, возстановлено во всей силѣ дѣйствіе общаго университетскаго устава 1863 г. съ отмѣною всѣхъ отступленій отъ него, допущенныхъ въ 1879 году. Министръ Народнаго Просвѣщенія, имѣя въ виду, что съ тѣмъ вмѣстѣ возстановляется, въ каждомъ отдѣльномъ университетѣ, и дѣйствіе тѣхъ правилъ о студентахъ и порядкѣ въ университетахъ, которыя были составлены ихъ совѣтами, на основаніи § 42 устава, и дѣйствовали ранѣе 1879 года, но считая таковыя правила недостаточно обезпечивающими спокойствіе въ университетахъ и серьезность научныхъ занятій, циркуляромъ отъ 30 Мая сего же года за № 7765, черезъ Попечителей учебныхъ округовъ, предложилъ Совѣтамъ университетовъ приступить немедленно къ пересмотру, какъ правилъ о студентахъ и порядкѣ въ университетахъ, такъ и правилъ о взысканіяхъ за ихъ нарушеніе, также правилъ о назначеніи стипендій и объ экзаменахъ, обращая особенное вниманіе на способы удостовѣренія личности слушателей, на условія допущенія въ аудиторіи постороннихъ лицъ, на необходимость оградить университетъ отъ всякой попытки къ возбужденію волненій и отъ повторенія сборищъ, на установленіе, наконецъ, правильныхъ отношеній студентовъ къ инспекціи и ея чинамъ.

Признаваясь за симъ, что въ настоящее время, при разрѣшеніи предстоящей ей задачи, коммиссіи необходимо держаться, на сколько окажется возможнымъ, на почвѣ университетскаго устава 1863 года, члены коммиссіи приступили къ разсмотрѣнію всѣхъ вопросовъ, прямо или косвенно касающихся надзора за учащимися и мѣръ, могущихъ способствовать къ огражденію порядка и благочинія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

I. Объ инспекціи надъ учащимися.

На основаніи уставовъ различныхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, директоры сихъ заведеній назначаются по выбору ихъ высшаго начальства, и вслѣдствіе того несутъ на себѣ полную отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ учебномъ заведеніи; чины инспекціи подчинены непосредствен-

но директору, а въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ директору предоставлено право увольнять, по своему усмотрѣнію, виновныхъ изъ учебнаго заведенія. Въ университетахъ, ректоръ избирается совѣтомъ и является лицомъ отвѣтственнымъ не только передъ попечителемъ учебнаго округа, но и передъ совѣтомъ университета. Инспекторъ или проректоръ и ихъ помощники также избираются совѣтомъ и состоятъ въ прямой зависимости отъ ректора. Такая двойственность подчиненія крайне затрудняетъ распоряженія попечителя по дисциплинарной части, въ случаѣ какого либо несогласія, возникшаго между нимъ и ректоромъ или совѣтомъ. По точному смыслу § 29 университетскаго устава, попечитель принимаетъ всѣ мѣры, необходимыя, чтобы лица, принадлежащія къ университету, исполняли свои обязаности, и въ случаяхъ чрезвычайныхъ, уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностью доводить о подобныхъ случаяхъ до свѣдѣнія министра. Въ виду ислючительнаго, расшатаннаго положенія университетовъ, въ настоящее время, коммиссія полагаетъ полезнымъ поставить попечителя въ ближайшія отношенія къ инспекціи, разъяснить точнѣе смыслъ вышеприведеннаго параграфа университетскаго устава и вслѣдствіе того, предоставить попечителю право, во всѣхъ случаяхъ, особенно важныхъ, когда распоряженія университетскаго совѣта и ректора, ему представляются недостаточно гарантирующими порядокъ: 1) требовать, чтобы университетская инспекція ежедневно ему доносила о состояніи университета; 2) давать ей по своему усмотрѣнію указанія и предписанія и 3) опредѣлять по собственному усмотрѣнію взысканія съ виновныхъ и наказанія, не исключая увольненія и удаленія студентовъ изъ университета, не стѣсняясь правилами, указанными въ уставѣ, относительно мѣры и порядка ихъ наложенія. Вслѣдъ за симъ, о подобныхъ случаяхъ попечитель доводитъ до свѣдѣнія министра.

То же право коммиссія полагала бы распространить и на тѣхъ директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, которымъ это право еще не было предоставлено спеціальными уставами, изданными для завѣдываемыхъ ими заведеній.

II. О назначеніи стипендій.

На основаніи устава 1863 года, назначеніе стипендій студентамъ возложено на факультетскія собранія, которыя представляютъ свои опредѣленія по сему предмету на разсмотрѣніе и утвержденіе университетскаго совѣта (§ 23, Б. п. 9 и § 42, А. п. 2). Такой порядокъ, на практикѣ, поколебленъ въ томъ смыслѣ, что свѣдѣнія о недостаточныхъ студентахъ собираются черезъ нихъ же, что ведетъ къ сходкамъ, обсужденію дѣла между студентами и къ подачѣ мнѣній; а вожаки студенческихъ собраній, очень дорожатъ этимъ правомъ, голосованія, которымъ пользуются, чтобы укрѣпить свое вліяніе на товарищей, наиболѣе недостаточныхъ. Для противодѣйствія столь неправильному направленію дѣла, и признавая, что въ настоящее время зависимость назначенія стипендій отъ попечителя была бы несомнѣнно полезна, такъ какъ въ сущности на попечителѣ лежитъ главная отвѣтственность за порядокъ и благочиніе въ учебномъ округѣ и въ университетѣ, коммиссія полагаетъ необходимымъ постановить, въ дополненіе и измѣненіе указанныхъ параграфовъ устава, что постановленія Совѣта о назначеніи стипендій студентамъ входятъ, во всѣхъ случаяхъ, на окончательное утвержденіе попечителя и то же правило распространяется на всѣ прочія высшія учебныя заведенія: что тамъ, гдѣ не существу

етъ посредствующаго лица между директоромъ и министромъ, директоръ въ случаѣ несогласія съ заключеніемъ совѣта или конференціи, представляетъ дѣло на усмотрѣніе того министра, въ вѣдѣніи котораго состоитъ учебное заведеніе.

III. Объ освобожденіи отъ платы за ученіе.

Въ настоящее время весьма значительно число освобождаемыхъ отъ платы, за немногими исключеніями, во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ освобождается отъ платы не болѣе 10% общаго числа учениковъ. Принимая во вниманіе, что правительство не обязано давать дарственно желающимъ высшее образованіе, что неограниченное число освобождаемыхъ отъ платы составляетъ искусственное средство къ привлеченію въ высшія учебныя заведенія такихъ лицъ, которыя, не обладая часто особенными способностями и не будучи обезпечены въ средствахъ къ жизни, только удаляются изъ той среды, къ которой принадлежатъ, и гдѣ могли бы приносить относительную пользу; что, во всякомъ случаѣ, взимаемая плата далеко не покрываетъ всѣхъ издержекъ казны, падающихъ по расчисленію на каждаго учащагося; что плата составляетъ спеціальныя средства каждаго учебнаго заведенія и чрезмѣрное число освобождаемыхъ отъ нея уменьшаетъ средства на улучшеніе организаціи учебнаго заведенія, а иногда и на крайне необходимые расходы, коммиссія пришла къ заключенію, что необходимо ограничить число освобождаемыхъ опредѣленною нормою, и полагаетъ: предоставить установленіе процента освобождаемыхъ каждому министру по принадлежности, сообразно съ мѣстными условіями подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній.

При этомъ коммиссія считаетъ необходимымъ имѣть въ виду назначеніе меньшаго процента освобождаемыхъ для столичныхъ университетовъ и большаго для провинціальныхъ.

Въ число освобождаемыхъ отъ платы слѣдуетъ зачислять и дѣлаемыя разсрочки, равняющіяся освобожденію отъ платы.

IV. Объ установленіи комплекта или нормы по вмѣстительности аудиторіи.

Число учащихся, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ университетѣ, такъ велико, что существующія аудиторіи не могутъ вмѣстить всѣхъ обязанныхъ слушать профессора. Такое положеніе лишаетъ университетское начальство возможности слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій каждымъ учащимся, условіе, которое и за-границею требуется, напримѣръ въ Германіи, для допущенія студента къ экзамену. Къ мѣрамъ, полезнымъ для противодѣйствія наплыву студентовъ, незанимающихся и только являющихся въ университетъ или другое учебное заведеніе для произведенія безпорядковъ, коммиссія полагаетъ отнести слѣдующія распоряженія: возложить на совѣты и конференціи каждаго высшаго учебнаго заведенія опредѣленіе нормы числа слушателей, по каждому факультету и курсу или классу, соображаясь съ условіями преподаванія каждаго предмета, а также съ утвержденія соотвѣтствующаго высшаго начальства; при достиженіи опредѣленной нормы, прекращать пріемъ слушателей или открывать параллельные

курсы съ разрѣшенія того же начальства; въ комплектѣ слушателей и въ комплектѣ освобождаемыхъ отъ платы, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ не установлено конкурса по повѣрочнымъ испытаніямъ, зачислять по достоинству представляемыхъ аттестатовъ объ окончаніи курса средняго учебнаго заведенія, а при равныхъ правахъ—по старшинству подаваемыхъ прошеній; но въ университетахъ отдавать предпочтеніе ученикамъ гимназій округа и того изъ сосѣднихъ округовъ, въ которомъ нѣтъ университета: только при неимѣніи болѣе таковыхъ, допускать пріемъ въ студенты изъ другихъ учебныхъ округовъ.

V. О постороннихъ слушателяхъ.

Посторонніе слушатели, или неправильно такъ называмые вольнослушатели, составляютъ, по выраженію одного изъ членовъ коммиссіи, истинную язву нашихъ университетовъ; за ихъ занятіями не установлено никакого надзора и въ ихъ числѣ обыкновенно проникаютъ въ университеты лица, имѣющія цѣлью безпорядки и политическую пропаганду. Опытомъ дознано, что многіе изъ нихъ, для пріобрѣтенія права на посѣщеніе лекцій фиктивно зачисляются на службу по разнымъ вѣдомствамъ или сверхъ-штатными учителями народныхъ школъ. При установленіи опредѣленной нормы слушателей, учебныя заведенія, какъ полагаетъ коммиссія, обязаны за недостаткомъ вмѣстительности аудиторій, прежде всего устранять лицъ, не записанныхъ въ число студентовъ, какъ не имѣющихъ полнаго права, наравнѣ со студентами, посѣщать учебное заведеніе. Независимо отъ сего, Коммиссія признаетъ необходимымъ, въ видахъ огражденія учебныхъ заведеній отъ вредныхъ элементовъ, установить слѣдующія правила: въ качествѣ постороннихъ слушателей допускать въ университетъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и представившихъ свидѣтельство о благонадежности отъ своего непосредственнаго начальства, а также лицъ, хотя и не служащихъ, но представившихъ свидѣтельство о полномъ окончаніи курса въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи и свидѣтельство полиціи о своей благонадежности. Внѣ этихъ двухъ категорій допускать постороннихъ слушателей въ исключительныхъ случаяхъ и только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оставить въ своей силѣ дѣйствующія нынѣ правила.

VI. О форменной одеждѣ для учащихся.

Предсѣдатель коммиссіи, упомянувъ о побудительныхъ причинахъ, которыя были приняты во вниманіе при отмѣнѣ форменной одежды, изложилъ всѣ доводы, представленные членами коммиссіи по пересмотру университетскаго устава, какъ въ пользу возвращенія мундира студентамъ, такъ и противъ введенія этой мѣры. Коммиссія, нынѣ разсматривающая тотъ же вопросъ, по обсужденіи всѣхъ упомянутыхъ выше заявленій, пришла къ заключенію, что введеніе обязательной формы для студентовъ было бы весьма полезно преимущественно въ видахъ облегченія надзора за учащимися, при этомъ коммиссія разсуждала, что въ случаѣ возстановленія форменной одежды для студентовъ университетовъ, было бы полезно имѣть въ виду прежнюю форму, освященную воспоминаніями и преданіемъ, но съ возстановленіемъ ея не допускать ни малѣйшаго отступленія отъ данной формы, ни тѣхъ безобразныхъ смѣшеній костюма,

которыя допускались въ концѣ пятидесятыхъ годовъ при ея ношеніи. Опредѣленіе формы для учащихся въ другихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ предоставить усмотрѣнію соотвѣтствующаго начальства.

VII. Объ особыхъ учрежденіяхъ, устраиваемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ читаленъ, столовыхъ и. т. п.

Руководствуясь примѣрами, указанными опытомъ, члены коммиссіи пришли къ единогласному заключенію о безусловномъ вредѣ подобныхъ учрежденій, противныхъ цѣли, духу и достоинству высшаго учебнаго заведенія. Для пользованія удешевленною пищею, студенты, съ разрѣшенія надлежащихъ властей, могутъ устраивать подобныя заведенія на общемъ основаніи, но внѣ стѣнъ учебнаго заведенія и подъ надзоромъ городской полиціи, или входить въ соглашенія съ содержателями ближайшихъ кофейныхъ и трактирныхъ заведеній. Исключенія изъ означеннаго общаго запрещенія слѣдуетъ допускать только въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя находятся за городомъ или въ которыхъ существуютъ интернаты, гдѣ особое устройство воспитательнаго института или дальнее разстояніе отъ города и другого жилья вынуждаютъ заботиться о пищѣ для учащихся; въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ устройство столовыхъ слѣдуетъ предоставить вполнѣ усмотрѣнію начальствующихъ въ учебномъ заведеніи. Общее запрещеніе конечно не можетъ касаться тѣхъ спеціальныхъ библіотекъ, которыя устраиваются при особыхъ аудиторіяхъ, кабинетахъ, музеяхъ, лабораторіяхъ, семинаріяхъ, аптекахъ, для справокъ и занятій чисто ученыхъ или учебныхъ, въ которыхъ не допускается журналовъ политическаго направленія или книгъ для легкаго чтенія и препровожденія времени. Съ этою же указанною цѣлью, слѣдуетъ сохранить во всей силѣ п. 4 Высочайшаго повелѣнія 26 мая 1867 г. а также п. 3 и 6 Высочайше одобренныхъ 8 іюля 1869 года „Главныхъ началъ дисциплинарныхъ правилъ", которыми воспрещается устройство всякихъ сходокъ, концертовъ, чтеній, театральныхъ представленій, баловъ и другихъ публичныхъ собраній въ зданіяхъ учебныхъ заведеній.

VIII. О студенческихъ общежитіяхъ.

Коммиссія, считая неумѣстными и несогласными съ характеромъ учебныхъ заведеній учрежденія, указанныя въ предыдущемъ отдѣлѣ, напротивъ, признала весьма желательнымъ и полезнымъ, какъ для способствованія водворенія порядка въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и для удешевленія жизни учащимя, устройство особыхъ общежитій внутри зданій учебныхъ заведеній или по смежности съ ними, но при условіяхъ, во 1-хъ соблюденія строгаго въ такихъ общежительныхъ домахъ дисциплинарнаго порядка и во 2-хъ, жительства и постояннаго пребыванія кого либо изъ лицъ инспекторскаго надзора.

IX. Объ усиленіи мѣръ взысканія за нарушеніе правилъ.

Признавая, что высшую, во многихъ случаяхъ неизбѣжную и единственную мѣру наказанія, зависящую отъ власти учебнаго начальства, составляетъ удаленіе виновныхъ изъ учебнаго заведенія, коммиссія обратила вниманіе на опасность и вредъ празднаго блужданія удаленныхъ и ихъ стараній возвратиться

въ стѣны учебнаго заведенія и высказала желанія, чтобы приняты были мѣры для своевременнаго и даже ускореннаго отбыванія таковыми лежащей на нихъ воинской повинности касательно лишенія наиболѣе виновныхъ тѣхъ льготъ, которыя имъ предоставлены, и сосредоточенія таковыхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства; но, въ виду заявленія, сдѣланнаго однимъ изъ членовъ коммиссіи, что этотъ вопросъ уже поставленъ на очередь обсужденія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коммиссія воздержалась отъ дальнѣйшаго его разсмотрѣнія.

X. Относительно надзора внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній.

Въ виду дѣйствующихъ узаконеній, по которымъ учащіеся внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній подчинены общей городской полиціи и не освобождены отъ повиновенія своему учебному начальству коммиссія полагаетъ крайне необходимыми согласное дѣйствіе и взаимное содѣйствіе учебной инспекціи и полиціи городской а также всѣхъ вѣдомствъ и властей, отъ которыхъ зависятъ высшія учебныя заведенія. Объѣздъ и повѣрка квартиръ учащихся въ университетахъ и нѣкоторыхъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по значительной ихъ численности представляются невозможными; но признается обязательнымъ сообщеніе полиціею учебному начальству свѣдѣній о перемѣнахъ квартиръ студентовъ (особыми переходными листами, за которые не слѣдуетъ взимать лишней платы) о скрывшихся изъ квартиръ и вообще о всякомъ случаѣ и происшествіи со студентомъ.

XI. О высшихъ женскихъ курсахъ.

Коммиссія, не имѣя въ виду подробныхъ свѣдѣній объ организаціи женскихъ высшихъ курсовъ, существующихъ въ столичныхъ и другихъ университетскихъ городахъ, не признала для себя возможнымъ предлагать какія либо въ отношеніи къ этимъ курсамъ мѣры. При этомъ она выразила однако же мнѣніе, что въ случаѣ, если высшая административная полицейская власть находитъ эти курсы безусловно вредными, то слѣдуетъ ихъ немедленно закрыть, или прекратить дальнѣйшій въ нихъ пріемъ слушательницъ. Буде же настоятельной надобности въ такой рѣшительной мѣрѣ не настоитъ, надлежало бы представить Министру Народнаго Просвѣщенія войти въ соображеніе какъ по предмету устройства этихъ курсовъ, такъ и по вопросу о болѣе бдительномъ за ними правительственномъ надзорѣ.

Въ заключеніе, Коммиссія считаетъ долгомъ выразить убѣжденіе, что предполагаемыми мѣрами можетъ быть достигнута имѣющаяся въ виду цѣль лишь въ томъ случаѣ: 1) если всѣ начальства, въ вѣдомствѣ коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, будутъ другъ другу содѣйствовать, и не иначе предпринимать какія либо новыя мѣры, касающіяся дисциплины и порядка, какъ по соглашенію между собою; 2) если высшія административныя власти не будутъ, какъ, къ сожалѣнію, нерѣдко бывало до сего времени, въ угоду ложному либерализму и въ погонѣ за пошлымъ популярничаніемъ, или въ легкомысленной надеждѣ, посредствомъ потворства разнузданнымъ страстямъ, примирить непримиримыхъ, противодѣйствовать мѣстнымъ учебнымъ начальствамъ въ принятіи рѣшительныхъ и строгихъ мѣръ для подавленія безпорядковъ, при первомъ ихъ проявленіи.

На основаніи всего вышеизложеннаго Коммиссія полагаетъ:

1) Разъяснить § 26 п. 1 общаго устава университетовъ 1863 года въ томъ смыслѣ, что попечитель, во всѣхъ случаяхъ, когда распоряженіе совѣта и ректора ему представляются недостаточными для обезпеченія порядка, имѣетъ право: а) требовать, чтобы университетская инспекція ежедневно ему доносила о состояніи университета; б) давать ей по своему усмотрѣнію, указанія и предписанія и в) подвергать виновныхъ взысканіямъ и наказаніямъ, не исключая увольненія и исключенія студентовъ изъ университета и не стѣсняясь правилами, указанными въ уставѣ относительно мѣры и порядка ихъ наложенія.

То же право распространить на тѣхъ директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, которымъ оно не предоставлено спеціальными уставами сихъ заведеній.

2) Въ измѣненіе § 42 устава 1863 года постановить, что стипендіи студентамъ университетовъ могутъ быть назначаемы не иначе, какъ съ утвержденія попечителей учебныхъ округовъ.

Такой же порядокъ назначенія стипендій впредь соблюдать и въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ нѣтъ посредствующаго начальствующаго лица между директоромъ заведенія и Министромъ предоставить директору, въ случаѣ несогласія съ заключеніемъ совѣта или конференціи, представлять дѣло о назначеніи стипендіи на усмотрѣніе того министра, въ вѣдѣніи коего состоитъ учебное заведеніе.

3) Возложить на министровъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, по принадлежности, установленіе на будущее время опредѣленнаго процента студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за ученіе. Процентъ освобождаемыхъ долженъ быть опредѣляемъ сообразно съ мѣстными условіями каждаго учебнаго заведенія; но для столичныхъ университетовъ въ меньшемъ размѣрѣ, а для провинціальныхъ—въ большемъ. Въ число освобождаемыхъ отъ платы зачислять и дѣлаемыя разсрочки платежа.

4) Возложить на Совѣты или Конференціи каждаго высшаго учебнаго заведенія, въ томъ числѣ и на университетскіе Совѣты, опредѣленіе нормы слушателей по каждому факультету и курсу или классу, соображаясь съ вмѣстимостью помѣщеній, для нихъ назначенныхъ и съ условіями преподаванія каждаго предмета, съ тѣмъ, чтобы заключенія по этому предмету были представляемы на утвержденіе высшаго начальства

Учебнымъ заведеніямъ предоставляется ходатайствовать объ открытіи параллельныхъ курсовъ. Для зачисленія въ комплектъ слушателей, и по предыдущему пункту въ комплектъ освобождаемыхъ отъ платы въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ не установлено конкурса по повѣрочнымъ испытаніямъ, принимать въ соображеніе достоинство представляемыхъ аттестатовъ объ окончаніи курса средняго учебнаго заведенія, а при равныхъ — старшинство подачи прошеній. Въ университетахъ, зачислять въ комплектъ слушателей, прежде всего учениковъ гимназій округа и того изъ сосѣднихъ округовъ, въ которомъ нѣтъ университета. Только при неимѣніи болѣе таковыхъ, допускать пріемъ въ студенты изъ другихъ учебныхъ округовъ.

5) Въ посторонніе слушатели университетовъ, безъ зачисленіе въ студенты, тамъ гдѣ дозволитъ вмѣстительность аудиторіи, допускать: а) лицъ состоящихъ на государственной службѣ и представившихъ свидѣтельство о благонадежности отъ своего непосредственнаго начальства; и б) лицъ неслужащихъ, которыя представятъ свидѣтельство о полномъ окончаніи курса въ ка-

комъ либо среднемъ учебномъ заведеніи и свидѣтельство полиціи о благонадежности; внѣ этихъ двухъ категорій допускать постороннихъ слушателей лишь въ исключительныхъ случаяхъ и только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. Въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оставить въ своей силѣ дѣйствующія нынѣ по этому предмету правила.

6) Ввести форменную одежду для студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, строго воспретивъ подъ опасеніемъ взысканій, которыя въ каждомъ заведеніи будутъ установлены всякое отступленіе отъ утвержденной формы и правилъ ея ношенія.

7) Въ зданіяхъ, дворахъ и садахъ высшихъ учебныхъ заведеній безусловно воспретить устройство читаленъ, столовыхъ, кухмистерскихъ, различныхъ сборищъ и сходокъ, а также театральныхъ представленій, концертовъ, баловъ и другихъ подобныхъ публичныхъ собраній, не имѣющихъ научнаго характера. Въ видѣ исключенія допускать, по усмотрѣнію учебнаго начальства, устройство столовыхъ, или приглашеніе постороннихъ торговцевъ для продовольствія студентовъ, въ тѣхъ только учебныхъ заведеніяхъ, которыя находятся внѣ черты города и въ дальнемъ разстояніи отъ прочаго жилья, какъ напримѣръ, С.-Петербургская Лѣсная академія, или въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ устроены интернаты.

Запрещеніе имѣть читальни не распространяется на спеціальныя библіотеки, устроенныя при отдѣльныхъ аудиторіяхъ, кабинетахъ, музеяхъ, семинаріяхъ, лабораторіяхъ, аптекахъ, обсерваторіяхъ, для справокъ и занятій чисто ученыхъ или учебныхъ.

8) Допускать устройство, гдѣ окажется возможнымъ, съ помощью частныхъ пожертвованій и на экономическія суммы, общежитій для студентовъ: эти общежитія должны состоять подъ бдительнымъ надзоромъ инспекціи и руководствоваться правилами, утвержденными министрами по принадлежности.

9) Вмѣнить въ обязанность городской полиціи: а) сообщать начальству учебныхъ заведеній о перемѣнахъ мѣста жительства студентовъ, особыми переходными листками безъ взиманія за нихъ какой либо платы и б) сообщать тому же учебному начальству о студентахъ, скрывшихся изъ квартиръ, и вообще о всякомъ случаѣ и происшествіи со студентомъ при чемъ учебныя начальства обязываются также сообщать полиціи свѣдѣнія о всѣхъ уволенныхъ изъ учебнаго заведенія, по какой бы то ни было причинѣ.

10) Оставить въ своей силѣ всѣ дѣйствующія правила объ учащихся (студентахъ и постороннихъ слушателяхъ) не отмѣненныя или не измѣненныя вышеизложенными.

11) Подтвердить всѣмъ вѣдомствамъ, въ управленіи коихъ состоятъ учебныя заведенія, чтобы они не вводили какихъ либо новыхъ мѣръ, могущихъ ослабить дисциплину заведеній, безъ соглашенія между собою. Подтвердить также надлежащимъ административнымъ начальствамъ, чтобы они по требованію мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, содѣйствовали имъ въ поддержаніи порядка въ учебныхъ заведеніяхъ всѣми зависящими способами.

12) Предоставить министру народнаго просвѣщенія войти въ ближайшія соображенія какъ по предмету устройства женскихъ курсовъ, такъ и по вопросу о болѣе бдительномъ за ними надзорѣ.

13) Предположенія коммиссіи сообщить на заключеніе г. г. министровъ имѣющихъ въ своемъ завѣдываніи учебныя заведенія, по принадлежности. Подлинное за скрѣпою и надлежащимъ подписямъ.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы.

Продолженіе[1]).

Управляя м-вомъ вн. дѣлъ всего въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ, Плеве сумѣлъ возбудить противъ правительства буквально всѣ слои русскаго и инородческаго населенія. Къ концу 1902 года у правительства, кромѣ сферъ полицейскихъ, не было, собственно говоря, никакихъ уже не только преданныхъ сторонниковъ, а даже пассивныхъ, но вѣрныхъ сотрудниковъ. Среди чиновничества, напр., недовольство развито было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чѣмъ и объяснялась массовая присылка въ «*Освобожденіе*» различныхъ «секретныхъ» правительственныхъ распоряженій. Точно также глухой протестъ слышался и среди арміи, и среди духовенства [2]).

Вслѣдствіе этого земское движеніе пріобрѣтало все большую и большую популярность. Оно на глазахъ дѣлалось центромъ національнаго открытаго пробужденія [3]). Помимо русскихъ, къ земскому

---

[1]) См. апрѣль, май, іюнь, іюль и августъ „Былое" за 1907 годъ.

[2]) Плеве, впрочемъ, и самъ разсчитывалъ только на полицію. Въ разговорѣ съ Гастономъ Леру, сотрудникомъ парижской газеты „*Matin*", онъ, между прочимъ, высказывалъ такіе взгляды: „да, я думаю, что нашей безопасности постоянно угрожаютъ, но никого не охраняютъ такъ хорошо, какъ министра внутреннихъ дѣлъ". Далѣе онъ говорилъ: „что касается покушеній, то, быть можетъ, они будутъ происходить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, позже, я увѣренъ, они станутъ гораздо рѣже". Потомъ, поясняя свою мысль, Плеве сказалъ: „Видите-ли, сударь, революціонная партія сильна только слабостью полиціи. Черезъ два мѣсяца полиція станетъ сильна... Прежній начальникъ полиціи не зналъ своего дѣла. Онъ былъ слишкомъ слабъ и я его замѣнилъ; я имѣю абсолютную увѣренность, что новый начальникъ полиціи превосходно выполнитъ свое дѣло. Я самъ былъ нѣкогда призванъ руководить полиціей въ обстоятельствахъ, нѣсколько похожихъ на современныя. Мнѣ достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобы открыть ключъ всей революціи". Такимъ образомъ, Плеве считалъ необходимымъ только усовершенствовать полицію, вмѣсто Зволинскаго назначить директоромъ департамента полиціи Лопухина и дѣло въ шляпѣ. Онъ даже не допускалъ мысли, что съ 1881 года, когда Плеве былъ назначенъ директоромъ департамента полиціи, произошли какія либо измѣненія въ жизни Россіи. Черезъ 21 годъ, въ 1902 г. онъ считалъ условія жизни похожими на такія въ 1881 году! Но, какъ увидимъ ниже, черезъ два года, въ 1904 г. Плеве былъ убитъ при „усовершенствованной полиціи".

[3]) Скажемъ къ слову, что въ Москвѣ въ 1902 г. было учреждено организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ.

движенію начанаютъ присоединяться поляки, финляндцы, кавказцы, евреи и т. д.

Правительственная дѣятельность въ 1903 году не только не способствовала пониженію этого движенія, но, наоборотъ, углубляла и расширяла его, такъ что уже въ самомъ началѣ 1903 года *«Освобожденіе»* начало указывать на необходимость земцамъ объединиться въ демократическую партію.

Постараемся однако изложить событія 1903 года въ послѣдовательномъ по возможности порядкѣ.

Однимъ изъ крупныхъ явленій въ сферѣ земскаго движенія въ самомъ началѣ 1903 года былъ съѣздъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія. Этимъ обществамъ сильно покровительствовали земства, субсидировали ихъ, и они организовались во многихъ губерніяхъ. Правительство весьма подозрительно относилось къ обществамъ съ самаго начала ихъ возникновенія, а потому съ большимъ трудомъ удалось выхлопотать разрѣшеніе на съѣздъ въ Москвѣ делегатовъ Обществъ. Съѣздъ начался съ 28 декабря 1902 года, но главная дѣятельность его и постановленія осуществились въ 1903 году, такъ какъ съѣздъ продолжался до 6 января названнаго года. Въ сущности этотъ съѣздъ слѣдовало бы назвать съѣздомъ «второго» и «третьяго» земскихъ элементовъ, потому что въ немъ, помимо учителей, участвовали и выборные земцы, близкая къ земству интеллигенція разныхъ земскихъ профессій. Программа съѣзда была сильно сужена, а дѣятельность всецѣло подчинена попечителю Московскаго учебнаго округа, утвержденію котораго подлежали избранные съѣздомъ должностныя лица. Предсѣдателю съѣзда вмѣнено было въ обязанность останавливать ораторовъ и лишать ихъ права голоса, если того требовали наблюдатели, входившіе въ составъ распорядительнаго комитета, какъ непремѣнные члены и т. д. Тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа Некрасовъ при посредствѣ наблюдателей неукоснительно использовалъ всѣ свои неограниченныя права, въ смыслѣ возможнаго суженія дѣятельности съѣзда. Такъ, между прочимъ, не были допущены къ заслушанію доклады извѣстнаго земскаго дѣятеля А. А. Стаховича, екатеринославскихъ еврейскихъ учительскихъ обществъ о предоставленіи евреямъ-учителямъ права жительства во всей имперіи и др. Затѣмъ, по настоянію главнаго наблюдателя, директора народныхъ училищъ В. С. Новицкаго, не разрѣшено для напечатанія въ *«Дневникѣ»* съѣзда доклада юридической комиссіи о правовомъ положеніи учителей (его напечатали потомъ въ *«Правѣ»*). Однако, не взирая на всѣ репрессіи, съѣзду удалось коснуться такихъ вопросовъ, какъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденіи въ неземскихъ губерніяхъ, мелкой земской единицы, развитіи общественной самодѣятельности. Въ общемъ красною нитью на съѣздѣ проходило полное недовѣріе къ правительству и надежды лишь на широкое народное самоуправленіе. Хорошо при этомъ выяснилась личность земскаго народнаго учителя. Это были сознательные граждане и стойкіе защитники земскаго начала въ общественной жизни. «Не былъ и не будетъ чиновникомъ русскій народный учитель,—говорила одна учитель-

ница: я увѣрена, что правамъ государственной службы онъ предпочтетъ право, хотя бы голодной, но свободной профессіи».

Въ концѣ концовъ съѣздъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія утвердилъ слѣдующія предложенія избранной имъ комиссіи.

1) Признать желательнымъ, чтобы за инспекціей было оставлено право руководить исключительно учебной стороной школьнаго дѣла, полицейскія же функціи надзора за политической и нравственной благонадежностью педагогическаго персонала должны быть сняты какъ съ инспекціи, такъ и съ училищныхъ совѣтовъ; 2) признать желательнымъ, чтобы издаваемые министерствомъ и попечителями циркуляры были въ полномъ соотвѣтствіи съ существующими узаконеніями; 3) чтобы указаніе на политическую и нравственную неблагонадежность учителей подвергались строгой коллегіальной провѣркѣ, съ предоставленіемъ учителямъ возможности представлять объясненія; 4) чтобъ инспекція, руководя учебными дѣлами, давала учителю лишь совѣты и указанія, вліяя только своимъ нравственнымъ авторитетомъ, а не приказаніями властнаго лица; 5) чтобы контроль за преподаваніемъ былъ организованъ самими учащими, для чего необходимо повсемѣстное учрежденіе при земскихъ управахъ комиссій по народному образованію, на основаніи 105 статьи положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, съ участіемъ въ нихъ представителей отъ учителей; 6) признать безусловно необходимымъ исполненіе инспекціей 15-й статьи положеніе 1874 г. о начальныхъ училищахъ; 7) необходимо предоставить учащимъ право пользоваться отпусками въ учебное время съ сохраненіемъ содержанія безъ дозволенія инспекціи и лишь съ разрѣшенія учредителей школы; 8) отчеты директоровъ и инспекторовъ о состояніи обозрѣваемыхъ ими школъ и другія свѣдѣнія, представляемыя въ учебный округъ, должны быть предварительно сообщаемы губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ и земскимъ учрежденіямъ; 9) желательно, чтобы инспекція народныхъ училищъ направляла свои распоряженія въ школы черезъ земскія управы, которыя, такимъ образомъ, служили бы посредникомъ между инспекціею и учителями; 10) желательно, чтобы приглашеніе, допущеніе и утвержденіе учителей сосредоточивалось въ земской комиссіи по народному образованію; 11) впредь до осуществленія этого порядка, желательно, чтобы инспекція руководилась лишь свѣдѣніями, подлежащими оглашенію и провѣркѣ; 12) желательно, чтобы увольненіе учителей производилось лишь по суду; 13) при существующихъ же условіяхъ желательно, чтобы на засѣданія училищнаго совѣта обязательно приглашались для защиты и объясненіи сами учителя; 14) желательно, чтобы при увольненіи не служило достаточнымъ основаніемъ заявленіе священника, благочиннаго, а также и попечителей о недостаточно усердномъ исполненіи учителями своихъ религіозныхъ обязанностей; 15) желательно, чтобы при увольненіи обвиненіе учителей въ политической неблагонадежности являлись достаточно обоснованными подлежащимъ вѣдомствомъ; 16) желательно, чтобы въ составъ учительскаго совѣта входили исключительно лица, выбранныя отъ земства и достаточно компетентныя въ педагогическомъ дѣлѣ; 17) желательно, чтобы

засѣданія учительскаго совѣта происходили подъ предсѣдательствомъ выбраннаго самимъ совѣтомъ лица; 18) желательно, чтобы экзамены производились лишь школьнымъ совѣтомъ даннаго училища съ участіемъ, въ случаѣ надобности, преподавателей сосѣднихъ школъ; 19) желательно учрежденіе коллегіальныхъ школьныхъ попечительствъ (впредь до учрежденія мелкой земской единицы для завѣдыванія хозяйственной стороной школьнаго дѣла; 20) желательно устранить попечителя отъ надзора за учителями въ политическомъ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ; 21) желательно, чтобы жалованье учителей и обезпеченіе школъ въ хозяйственномъ отношеніи производились черезъ земскія управы; 22) желательно освобожденіе учителей отъ всякой зависимости отъ мѣстныхъ сельскихъ властей; 23) желательно, чтобы законоучителя были избавлены отъ надзора за нравственнымъ и религіознымъ поведеніемъ учащихъ и несли лишь обязанности законоучителей въ своихъ школахъ; 24) желательно освобожденіе школъ отъ вліянія земскихъ начальниковъ; 25) безусловно необходимо изъятіе учителей отъ дѣйствія 61 статьи положеніе о земскихъ начальникахъ; 26) комиссія признаетъ безусловно необходимымъ въ интересахъ школьнаго дѣла и изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія всего населенія; 27) комиссія считаетъ желательнымъ учрежденіе юридическихъ бюро при школьныхъ комиссіяхъ по вопросамъ народнаго образованія; 28) комиссія признаетъ, желательнымъ, чтобы при переходѣ изъ одной губерніи въ другую предыдущая служба учащихъ давала право на пенсію и чтобы полная пенсія выдавалась учителямъ за 20 лѣтъ; 29) желательно передать дѣло начальнаго народнаго образованія всецѣло въ руки земскихъ и городскихъ учрежденій, съ устраненіемъ возможности административнаго вмѣшательства; 30) желательно, чтобы выборные отъ корпораціи учителей имѣли право голоса въ земскомъ собраніи по дѣламъ народнаго образованія; 31) желательно руководство по спеціально учебной части предоставить выборнымъ отъ земскихъ собраній и городскихъ думъ инспекторамъ, которые должны состоять непремѣнными членами въ школьныхъ комиссіяхъ при управахъ; 32) желательно учрежденіе постоянныхъ бюро при учительскихъ обществахъ для всесторонняго выясненія вопроса о правовомъ положеніи учителей; такое бюро могло бы служить средоточіемъ всѣхъ матеріаловъ, полученныхъ обществами по данному вопросу.

Изъ этихъ постановленій, указывающихъ на ненормальность условій въ народной школѣ, трудно уловить что-либо даже намекающее на революцію. Но правительство относилось къ съѣзду учителей иначе. Слѣдствіемъ его были громаднѣйшіе аресты и обыски, произведенные тотчасъ, когда учителя и учительницы прибыли изъ Москвы въ мѣста ихъ служенія. Аресты между прочимъ, имѣли мѣсто: въ Козловскомъ у., Тамбовской губерніи (Кошаровъ и Солопановъ), въ Фатежскомъ и Щигровскомъ у.у. Курской губерніи (Акрамовскій и Масленниковъ), въ Ярославской губ. (Воронцова), въ Пермской (Ягодниковъ и Черепановъ), въ Донской Области (Чайченко и Коваленко), въ Бессарабской (Баневуръ), въ Саратовской (Куржаевъ и Тарасовъ), въ Херсонской (Перлинъ) и во многихъ другихъ губерніяхъ. Кромѣ того, производились

массовые обыски и отдача учителей подъ надзоръ полиціи. Въ Новгородской губерніи, напримѣръ, 35 учителей отданы были подъ надзоръ полиціи.

Чего же добилась администрація такими нелѣпыми мѣрами по отношенію учителей? Она, какъ увидимъ, не только сплочала ихъ съ земствомъ, но значительную часть превратила въ революціонеровъ.

Съ такимъ же успѣхомъ работало правительство и въ другихъ сферахъ.

Такъ, 3-го января 1903 года предполагалось чествованіе двухсотлѣтія печати, и еще въ ноябрѣ 1902 г. образовался съ этой цѣлью въ С.-Петербургѣ комитетъ. По этому поводу Плеве вызывалъ къ себѣ «побесѣдовать» Н. К. Михайловскаго. Онъ встрѣтилъ его сначала очень любезно, какъ знакомый, сказалъ, что отцы ихъ были знакомы, что они «земляки» и т. п., но затѣмъ заявилъ, что онъ не доволенъ «самочиннымъ устройствомъ комитета для ознаменованія юбилея печати» и что онъ, министръ, вынужденъ предупредить Н. К., и черезъ него и другихъ членовъ комитета, что онъ, Плеве, «не потерпитъ никакихъ демонстрацій въ пользу свободы печати». Даже петиція въ этомъ смыслѣ будетъ сочтена за «дѣйствіе скопомъ», за недозволенную манифестацію. Плеве прямо угрожалъ на случай неповиновенія: «прежде литераторовъ высылали, а теперь будутъ ссылать». По тому же поводу Лопухинъ (директоръ департамента полиціи) вызывалъ къ себѣ Н. А. Рубакина, Г. А. Фальборка и В. И. Чернолусскаго и повторилъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ то, что было сказано Плеве Михайловскому, съ тѣмъ, чтобы эти лица «повліяли» на товарищей по комитету, и объявили имъ о предостереженіи Лопухина, что въ случаѣ неповиновенія будутъ репрессіи. На это Рубакинъ, Фальборкъ и Чарнолусскій отвѣтили, что могутъ частнымъ образомъ передать о слышанномъ отъ Лопухина, но дѣлать это, такъ сказать, офиціально, въ качествѣ какихъ-то уполномоченныхъ Лопухина, не считаютъ для себя удобнымъ. 24-го, 25-го и 26-го и въ слѣдующіе дни полицейскіе пристава объѣзжали всѣхъ членовъ юбилейнаго комитета по устройству празднованія юбилея печати и отбирали подписки, что они не будутъ совмѣстно обѣдать 3-го января! [1]).

Конечно, писатели вслѣдствіе такихъ дѣяній Плеве не могли сдѣлаться благонадежнѣе, и мы увидимъ, что министру внутреннихъ дѣлъ пришлась еще и еще «говорить» съ представителями прессы, угрожая различными репрессіями.

Въ началѣ же 1903 года правительствомъ не удовлетворены были и мирнѣйшіе пожеланія рабочихъ. 2-го февраля къ министру финансовъ Витте явились рабочіе нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній Петербурга и просили о разрѣшеніи выбирать изъ своей среды уполномоченныхъ для упорядоченія отношеній съ работодателями. Министръ заявилъ на это, что рабочіе должны спокойно ждать окончанія пред-

---

[1]) А 19 января курское общество содѣйствія начальному народному образованію, собравшись, по случаю 200-лѣтія печати, въ экстренное собраніе, на которомъ присутствовало до 300 лицъ, постановило о необходимости водворенія въ Россіи полной свободы печати и закрытой баллотировкой единогласно избрало почетнымъ членомъ опальнаго кн. П. Д. Долгорукова.

принятыхъ въ этомъ направленіи министерствомъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, работъ и «довѣрять правительству».

Черезъ 24 дня послѣ этого заявленія Витте стало извѣстнымъ, въ какомъ духѣ правительство рѣшило «реформировать» Россію.

26-го февраля 1903 года былъ опубликованъ манифестъ, въ значительной степени повторившій то, что 22 года тому назадъ, въ 1881 г. говорилось въ манифестѣ при вступленіи на престолъ Александра III-го. Правительство оповѣщало, что оно приступаетъ къ «продолженію» тѣхъ «реформъ», которыя предприняты были, но не закончены, въ царствованіе Александра III-го, вслѣдствіе смерти императора, а послѣ того мѣшала «смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни». «Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ». Послѣ такого объясненія причины медлительности въ работахъ слѣдовала правительственная программа. «Требуя, — говорилось въ этой программѣ,—отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо: укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкосновенными, завѣтовъ вѣротерпимости, «начертанныхъ въ основныхъ законахъ»... Продолжить мѣропріятія по улучшенію быта православнаго духовенства, «усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы»... Далѣе рѣчь шла о дворянскомъ и крестьянскомъ банкахъ, о пересмотрѣ законодательства о сельскомъ состояніи, объ отмѣны круговой поруки, о преобразованіи губернскаго и уѣздныхъ управленій, «руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ нами отвѣтственной», о «сближеніи общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представляется возможнымъ». Заканчивался манифестъ такъ: «призывая всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной власти, только и могутъ развиться народное состояніе и увѣренность каждаго въ прочности его права, Мы повелѣваемъ нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ частямъ, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній нашихъ».

На другой же день послѣ опубликованія этого манифеста не оставалось уже никакого сомнѣнія въ усиленіи владычества бюрократіи, рѣшившей единолично «реформированіе» Россіи.

27 февраля, подъ предсѣдательствомъ Плеве, начались засѣданія по преобразованію губернскаго управленія. Въ составъ этого засѣданія, словно бы въ насмѣшку надъ обществомъ, вошли наиболѣе извѣ-

стные представители абсолютизма и враги общественнаго самоуправленія. Въ немъ, между прочимъ, участвовали: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, генералъ-лейтенантъ Фонъ-Валь, тайный совѣтникъ Зиновьевъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ гофмейстеръ Штюрмеръ, харьковскій губернаторъ шталмейстеръ кн. Оболенскій, могилевскій—Клингенбергъ и др. А среди лицъ, завѣдывавшихъ дѣлопроизводствомъ, мы встрѣчаемъ такихъ «извѣстныхъ» «дѣятелей», какъ директоръ департамента общихъ дѣлъ, бывшій курскій вице-губернаторъ, Фонъ-Бюнтингъ и с.-петербургскій градоначальникъ въ званіи камергера Фришъ.

Земская оппозиція, уже въ значительной мѣрѣ объединенная, конечно, не могла не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы побудить земскія собранія выступить съ протестомъ противъ реакціонныхъ намѣреній правительства.

Очень скоро послѣ опубликованія манифеста 26 февраля явился поводъ къ объединенію земскихъ дѣятелей различныхъ направленій и собраній, и земская оппозиція не преминула использовать это обстоятельство.

Въ мартѣ 1903 г. Плеве созвалъ три комиссіи «съ участіемъ земскихъ людей», а именно: по продовольственному вопросу, по вопросу объ оскудѣніи центра и по крестьянскому вопросу. Ни по своему составу, ни по характеру комиссіи эти рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ многочисленныхъ, совершенно безплодныхъ и абсолютно безправныхъ «совѣщаній со свѣдующими людьми», которыя практиковались еще въ царствованіи Александра III-го и продолжались въ новомъ царствованіи. Эти комиссіи не имѣли ничего общаго даже съ тѣмъ «совѣщаніемъ изъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ», собрать которыя «лѣтомъ 1902 года» Плеве обѣщалъ Д. Н. Шипову, но не исполнилъ.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1903 года Плеве созвалъ «совѣщаніе» «съ участіемъ земскихъ дѣятелей» по страховому вопросу [1]). Вотъ это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ для устройства въ Петербургѣ «бесѣды земскихъ людей» въ виду ожидавшагося пріема министромъ внутреннихъ дѣлъ, предсѣдателей и членовъ губернскихъ управъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи при страховомъ отдѣленіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Было признано полезнымъ обсудить вопросы, возбужденія которыхъ можно было ожидать со стороны министра или со стороны земскихъ представителей. Предсѣдателемъ «бесѣдъ» избранъ былъ князь Д. И. Шаховской. По предложенію Д. Н. Шипова, въ первомъ засѣданіи, 24 апрѣля, предсѣдатель курской гу-

[1]) Въ февралѣ 1903 года тверское губернское земство самостоятельно задумало обмѣняться съ другими земствами взглядами по страховому дѣлу. На устный запросъ тверской губернаторъ далъ на это словесное согласіе. Тогда тверская управа, полагаясь на слова губернатора, снеслась съ другими губернскими земствами, и 20-ть изъ нихъ изъявили согласіе участвовать въ страховомъ съѣздѣ, назначенномъ на 16 марта, о чемъ опять-таки еще 1 марта управа увѣдомила губернатора. Но, увы, наступило 16 марта, съѣхались земцы, а разрѣшенія нѣтъ. Этого мало—когда уже всѣ съѣхались, получилась бумага, что съѣздъ воспрещается!.. Поѣхалъ тогда предсѣдатель управы къ Плеве въ Петербургъ. Тотъ съѣзда не разрѣшилъ. Пришлось земцамъ ограничиться обѣдомъ, за которомъ и дана была надлежащая оцѣнка правительственнымъ репрессіямъ.

бернской земской управы, Н. В. Раевскій, передалъ содержаніе «частныхъ бесѣдъ» Плеве съ земцами, и предводителями дворянства, приглашенными министерствомъ на совѣщаніе по продовольственному вопросу въ мартѣ 1903 года. Въ этихъ бесѣдахъ,—какъ передавалъ Н. В. Раевскій,—шла рѣчь о промысловомъ налогѣ, о фиксаціи земскаго обложенія, о земскомъ представительствѣ, о народномъ образованіи, о крамолѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, о третьемъ элементѣ, о недѣлимости дворянскихъ земельныхъ участковъ въ цѣляхъ сохраненія помѣстнаго дворянства и о крестьянскомъ банкѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, «руководившій преніями» на этихъ бесѣдахъ, не стѣснялся въ выраженіи своихъ взглядовъ. Такъ, по вопросу о фиксаціи земскаго обложенія, считая ее «несовершенной и несправедливой» Плеве высказался за сохраненіе этого закона, «потому что не видитъ, чѣмъ бы онъ могъ быть замѣненъ въ цѣляхъ нѣкотораго контроля надъ величиною земскихъ смѣтъ». Точно также министръ внутреннихъ дѣлъ отстаивалъ необходимость контроля надъ земскими учрежденіями со стороны губернскихъ присутствій, находя, что «хотя мѣстные люди вошли въ составъ губернскихъ присутствій и въ меньшемъ числѣ, чѣмъ администрація, тѣмъ не менѣе они имѣютъ возможность «убѣждать» въ правильности своихъ взглядовъ и тѣмъ «вліять» на его рѣшеніе. Относительно начальной народной школы министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что «до московскаго съѣзда учителей», о которомъ мы выше говорили,—онъ, Плеве, «былъ убѣжденъ, что это дѣло обстоитъ благополучно, но послѣ этого съѣзда увидѣлъ, что учительскій персоналъ вредно вліяетъ на народъ». Когда г. Раевскій поднялъ вопросъ о недовѣріи правительства къ мѣстнымъ силамъ, выражающемся въ неутвержденіи выборныхъ собраніями лицъ, безъ указанія причинъ, Плеве замѣтилъ: «что-же, по вашему, утверждать и тѣхъ, у кого тайныя типографіи»? Во время прощальнаго представленія министру всѣхъ участниковъ бесѣды онъ отрицательно отнесся къ съѣздамъ земцевъ, находя, что «общенія ихъ между собою въ Петербургѣ въ родѣ только что состоявшагося (т. е. совѣщанія по страхованію)—вполнѣ достаточно». Далѣе Плеве указалъ на намѣреніе «свое» «преобразовать хозяйственный департаментъ министерства и организовать особый совѣтъ, куда періодически съѣзжались бы предсѣдатели управъ». Наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ отмѣтилъ, что «съ высоты Престола объявлено благорасположеніе Государя къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ и что онъ, министръ, надѣется, если не во всемъ сойтись во взглядахъ съ земцами, то, по крайней мѣрѣ, не разойтись во многомъ».

Нужно-ли говорить, что такого рода «бесѣды» могли только возмутить лучшихъ земскихъ дѣятелей, и когда, послѣ сообщенія г. Раевскаго, начались пренія относительно вопросовъ, которые желательно было бы возбудить во время предстоявшаго пріема земскихъ дѣятелей министромъ, то по адресу правительства были высказаны довольно опредѣленныя для того времени взгляды. Такъ, графъ П. А. Гейденъ, указавъ, что «существующая система доносовъ дѣлаетъ невозможною жизнь на мѣстахъ, полагалъ, что первымъ положеніемъ слѣдовало бы выставить необходимость водворенія законности и обезпеченіе лично-

сти каждаго». Далѣе онъ находилъ необходимымъ, чтобы «личный составъ земскихъ представителей не зависѣлъ бы отъ произвола администраціи или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предоставить право обжаловать въ Сенатъ неутвержденіе губернаторомъ избранныхъ земскими собраніями лицъ». Наконецъ, графъ Гейденъ считалъ нужнымъ заявить, чтобы «въ совѣщанія, организуемыя при министерствахъ, приглашались представители земства и дворянства не по выбору администраціи, а по избранію земскихъ собраній и собраній предводителей и депутатовъ дворянства» [1].

С. П. Балохонцевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ гр. Гейдена, полагалъ, однако, что врядъ ли стоитъ на эти темы бесѣдовать съ Плеве, потому что толку изъ этихъ разговоровъ не будетъ, а гораздо лучше возбудить соотвѣтствующія ходатайства въ предстоящихъ земскихъ собраніяхъ. Г. Р. Килевейнъ не видѣлъ даже достаточной гарантіи въ Сенатѣ, а Б. Т. Садовскій указывалъ, что вопросъ о порядкѣ утвержденія лицъ земскаго управленія есть только сравнительно неважная часть общаго вопроса объ установившихся отношеніяхъ правительства къ общественнымъ учрежденіямъ, благодаря которымъ число лицъ, желающихъ принимать участіе въ земскихъ учрежденіяхъ все сокращается, отчего составъ собраній ухудшается, такъ что «скоро и выбирать будетъ некого». М. И. Петрункевичъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Садовскаго, тѣмъ не менѣе находилъ и положеніе гр. Гейдена въ высшей степени важнымъ, такъ какъ «съ принципомъ самоуправленія рѣшительно не согласуется утвержденіе въ должностяхъ избранныхъ собраніями лицъ». А. А. Савельевъ, также поддерживалъ гр. Гейдена, полагая, что обжалованіе дѣяній губернаторовъ заставитъ ихъ быть болѣе осмотрительными. Д. Н. Шиповъ находилъ, что, кромѣ предоставленія права обжалованія, «надо устранить дискреціонное право губернаторовъ». Далѣе предсѣдатель московской губернской земской управы,—не перестававшій къ слову сказать, по своему добродушію, довѣрять правительству, покуда на собственномъ опытѣ не убѣдился въ полной неискренности послѣдняго и совершенномъ нежеланіи что либо дѣлать на благо страны и населенія,—сталъ утверждать, что, судя по его, Шипова, бесѣдамъ съ... Плеве и Штюрмеромъ, правительство... «сознаетъ совершающіяся измѣненія въ условіяхъ общественной и государственной жизни и—необходимость реформъ, но не понимаетъ сущности совершающихся событій и запросовъ общественной жизни, а потому, даже при искреннемъ желаніи разрѣшить назрѣвающіе вопросы въ интересахъ дѣла, сдѣлать этого не въ состояніи». Исходя изъ такихъ, ни на чемъ не основанныхъ

[1]) Насколько важно было это заявленіе гр. Гейдена, можно было заключить изъ сообщенія Раевскаго о бесѣдахъ съ Плеве. Послѣдняго не только поддерживали участвовавшіе въ совѣщаніи такіе предводители дворянства, какъ Арсеньевъ и кн. Касаткинъ-Ростовскій, но шли дальше самого министра внутреннихъ дѣлъ. Они, напротивъ, стояли,—соглашаясь съ взглядами кн. Мещерскаго, высказанными въ „Гражданинѣ",—за уничтоженіе губернскихъ земствъ. Затѣмъ всѣ 5 предводителей дворянствъ (Арсеньевъ, Сухомлиновъ, Толстой, кн. Касаткинъ-Ростовскій, Шатиловъ) находили „третій элементъ" „вреднымъ". Не далеко отъ дворянъ уходили и „назначенные" Плеве 9 представителей губернскихъ управъ.

соображеніяхъ, Д. Н. Шиповъ, желая помочь правительству, въ разговорѣ съ такимъ лицомъ, какъ Штюрмеръ, указывалъ послѣднему, что «отношеніе правительства къ интеллигенціи все увеличиваетъ пропасть между правительствомъ и обществомъ. Если помѣстное дворянство все слабѣетъ и опорой для правительства служить болѣе не можетъ, то необходимо правительству войти въ общеніе съ другими группами общества. Нельзя отрицательно относиться къ всесословной интеллигенціи... Надо утилизировать интеллигентныя силы, надо стремиться сдѣлать ихъ, по возможности, консервативными, а не возбуждать среди нихъ недовольство, оскорбляя ихъ самолюбіе, затрудняя имъ путь къ приложенію своихъ силъ и знаній на мѣстахъ». Принимая во вниманіе, что правительство, въ лицѣ именно Плеве и Штюрмера, ненавидѣло интеллигенцію, несомнѣнно, «совѣты» Д. Н. Шипова явились однимъ изъ главныхъ основаній скоро возникшихъ гоненій на предсѣдателя московской губернской земской управы. А. А. Савельевъ, выслушавъ приведенное сообщеніе Шипова, совершенно основательно высказалъ опасеніе, что «какъ бы указаніе на все растущее значеніе всесословной интеллигенціи не послужило толчкомъ для выработки мѣръ противъ поступленія «кухаркиныхъ дѣтей» въ учебныя заведенія». В. А. Кудрявый не менѣе основательно выразилъ сомнѣніе, «чтобы правительство желало искать опоры въ обществѣ». А. Н. Рутценъ находилъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ воздѣйствія на правительство будетъ одновременное возбужденіе однородныхъ ходатайствъ многими земскими собраніями. Слѣдовало бы выработать положенія для докладовъ предстоящимъ собраніямъ. Опираясь на манифестъ 26 февраля, можно заявить, что главнымъ препятствіемъ для успѣшной работы земства служитъ недовѣріе къ нему правительства, проявляющееся, между прочимъ, въ предоставленіи администраціи дискреціоннаго права не утверждать избранниковъ земства въ ихъ должностяхъ. М. И. Петрункевичъ предлагалъ подать министру внутреннихъ дѣлъ записку съ установленіемъ въ ней насущнѣйшихъ нуждъ общественныхъ учрежденій. Графъ Гейденъ доказывалъ, что «земцамъ надо перемѣнить тонъ своего разговора съ чинами правительства. Слѣдуетъ говорить, не какъ подчиненнымъ со старшими, а какъ равными съ равными, какъ лицамъ, вынужденнымъ говорить изъ личныхъ интересовъ сохраненія государственнаго порядка».

Князь Петръ Д. Долгоруковъ высказалъ взглядъ, что «излишне указывать министру на затрудненія, которыя встрѣчаетъ земство: онъ самъ все это хорошо знаетъ и, быть можетъ, не желаетъ даже, чтобы земство успѣшно работало. Необходимо поэтому направить всѣ усилія, чтобы убѣдить министра, въ интересахъ охраны государственнаго порядка, создать условія, обезпечивающія успѣшность земской работы. Правительство указываетъ, что въ государствѣ существуетъ крамола, требующая подавленія. Земцы должны заявить, что крамола существуетъ и будетъ успѣшно развиваться, пока народная масса будетъ некультурна и потому падка на смуту. Надо сдѣлать народъ культурнымъ и экономически сильнымъ, а для этого необходимо развитіе самодѣятельности въ обществѣ, достижимое лишь при существованіи довѣрія къ общественнымъ силамъ со стороны правительства,

при гарантіи личности и законности. Земцы изъ обвиняемыхъ должны стать обвинителями, изъ опекаемыхъ—совѣтчиками правительства». Мнѣніе кн. П. Д. Долгорукова было поддержано В. В. Морковниковымъ, Г. Р. Килевейномъ, Н. В. Раевскимъ гр. П. А. Гейденомъ и В. Т. Садовскимъ, который, между прочимъ, отмѣтилъ, что среда, окружающая министра, не можетъ оказать вліянія на исправленіе политики министерства, а потому, для успѣха дѣла, надо считаться и съ этимъ обстоятельствомъ: тонъ разговоровъ и ходатайствъ, указанной гр. П. А. Гейденомъ и кн. П. Д. Долгоруковымъ, можетъ вліять на эту среду. Но М. П. Колобовъ и В. А. Кудрявый считали безполезнымъ дѣлать указанія министру, не ожидая отъ того хорошихъ результатовъ для земскаго дѣла. Въ концѣ концовъ вопросъ о бесѣдѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ отложенъ до выясненія, будетъ ли у министра этотъ пріемъ офиціальный или Плеве пожелаетъ говорить съ земцами частнымъ образомъ.

На слѣдующій день, 25 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ того же кн. Д. И. Шаховского, засѣданіе возобновилось.

На обсужденіе были предложены вопросы: 1) объ отношеніи земства къ предстоящимъ законодательнымъ работамъ, касающимся мѣстной жизни и предвозвѣщеннымъ Манифестомъ 26-го февраля 1903 г. и 2) о значеніи и характерѣ участія представителей губернскихъ управъ, приглашаемыхъ министерствами въ совѣщанія по различнымъ вопросамъ.

Всѣми лицами, принимавшими участіе въ бесѣдѣ, было признано, что земство не можетъ и не должно остаться безучастнымъ къ вопросу о порядкѣ и способахъ предстоящихъ законодательныхъ работъ. Манифестъ 26 февраля возвѣщаетъ многочисленныя реформы, касающіяся многообразныхъ нуждъ земской жизни, но къ обсужденію соотвѣтствующихъ законопроектовъ имѣется въ виду привлечь «достойнѣйшихъ мѣстныхъ людей», а не земскія учрежденія. Такой порядокъ предстоящей законодательной работы не можетъ быть признанъ обезпечивающимъ ея удовлетворительность. Факты изъ недавняго прошлаго подтверждаютъ основательность такого опасенія. Какъ извѣстно, лечебный уставъ 1893 г. и ветеринарныя правила 1902 г. изданные безъ предварительнаго опроса мѣстныхъ учрежденій, послѣ отзывовъ и ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній, были признаны самимъ правительствомъ непримѣнимыми на практикѣ, а потому и не подлежащими введенію въ дѣйствіе. Подобные случаи дискредитируютъ законодательную власть въ глазахъ населенія и могутъ быть предотвращены лишь при томъ условіи, если правительство всѣ законопроекты, касающіеся мѣстной жизни, прежде внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ, будетъ передавать на заключеніе земскихъ учрежденій.

Установивъ, такимъ образомъ, свой взглядъ на желательное отношеніе земства къ предстоящимъ законодательнымъ работамъ, касающимся мѣстной жизни и предвозвѣщеннымъ Манифестомъ 26 февраля, собесѣдники перешли къ обсужденію вопроса о формѣ представленія правительству пожеланія, чтобы проекты законовъ, ка-

сающіеся мѣстной жизни, были передаваемы на предварительное заключеніе губернскихъ земскихъ собраній.

Нѣкоторые изъ членовъ бесѣды признавали наиболѣе удобною формою представленіе адресовъ Государю отъ губернскихъ земскихъ собраній по поводу Манифеста 26 февраля, при чемъ мотивировали это свое мнѣніе слѣдующими соображеніями. Земства могутъ довести до свѣдѣнія правительства свои мнѣнія и пожеланія двумя способами: 1) возбужденіемъ губернскими собраніями ходатайствъ или 2) подачею ими же Государю адреса. Ходатайства собраній могутъ быть оставлены правительствомъ безъ вниманія и отвѣта, тогда какъ адресъ во всякомъ случаѣ дойдетъ до Государя. Затѣмъ, обсужденіе въ земскихъ собраніяхъ вопроса о возбужденіи ходатайства можетъ быть недопущено соотвѣтствующимъ циркулярнымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, чего не можетъ быть сдѣлано по отношенію къ благодарственнымъ адресамъ Государю по поводу обнародованнаго Манифеста.

Большинство членовъ бесѣды стояло за возбужденіе собраніями ходатайствъ, а не за подачу адресовъ. Дѣйствительно, ходатайства отдѣльныхъ земствъ часто оставляются правительствомъ безъ вниманія и безъ отвѣта, но возбужденіе однородныхъ ходатайствъ всѣми или почти всѣми земствами одновременно всегда производило и теперь произведетъ извѣстное впечатлѣніе на правительство и заставитъ его считаться съ единодушнымъ мнѣніемъ земствъ. Кромѣ того, Манифестъ такъ написанъ, что трудно въ отвѣтъ на него сдѣлать въ адресахъ желаемое указаніе. Въ адресѣ необходимо будетъ выразить благодарность, а соблюсти въ этомъ случаѣ середину будетъ весьма трудно. Или благодарность будетъ сочтена за дѣйствительную благодарность земства по поводу Манифеста, или же за порицаніе послѣдняго. Языкъ, которымъ поневолѣ придется говорить въ адресѣ, можетъ послужить причиной неправильнаго пониманія или, по крайней мѣрѣ, истолковыванія правительствомъ истинныхъ пожеланій земства, а въ результатѣ болѣе ясно написанные адресы будутъ сочтены за мнѣніе только нѣкоторыхъ земствъ, съ которыми несогласны другія, такъ что послѣдствія подачи адресовъ могутъ оказаться совсѣмъ нежелательныя. Опасенія, что возбужденіе ходатайствъ можетъ быть недопущено администраціей, едва-ли основательно. Можетъ быть запрещено печатать доклады по обсуждаемому вопросу, но въ такомъ случаѣ или сама губернская управа или, наконецъ, одинъ изъ гласныхъ всегда будетъ имѣть возможность возбудить устно въ собраніи вопросъ о такомъ ходатайствѣ, а затѣмъ соотвѣтствующему постановленію собранія, какъ неоднократному было разъяснено сенатомъ, не можетъ не быть данъ дальнѣйшій ходъ. За возбужденіе ходатайствъ, а не за подачу адресовъ, говоритъ также и то соображеніе, что объ адресахъ можетъ быть запрещено печатать, тогда какъ о ходатайствахъ будетъ сообщено въ прессѣ и о нихъ станетъ извѣстно всему читающему обществу. А одинъ только фактъ единодушнаго заявленія земствами извѣстнаго положенія будетъ, конечно, имѣть самъ по себѣ важное значеніе въ дѣлѣ развитія общественнаго самосознанія. Само собою разумѣется, что желательно и необходимо,

чтобы ходатайства были возбуждены, по возможности, во всѣхъ земскихъ собраніяхъ и чтобы земства были въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, между собой солидарны.

Далѣе нѣкоторыми членами бесѣды было высказано опасеніе, что циркулярнымъ распоряженіемъ министра всѣ вопросы и предложенія, связанные съ Манифестомъ, могутъ быть сняты съ обсужденія собраній, а потому было указано на возможность возбужденія обсуждаемаго ходатайства и не по поводу манифеста. Управа можетъ, напримѣръ, доложить собранію, что ходатайство послѣдняго о пересмотрѣ ветеринарнаго закона было удовлетворено, а затѣмъ, опираясь на этотъ прецедентъ, можетъ предложить возбудить ходатайство о передачѣ на предварительное заключеніе губернскихъ собраній всѣхъ вообще законопроектовъ, касающихся мѣстной жизни.

Но другіе члены бесѣды не раздѣляли вышеуказаннаго мнѣнія. Манифестъ, являясь обращеніемъ Высочайшей власти къ населенію всей страны, даетъ полное право земству ходатайствовать о томъ, чтобы возвѣщенная въ этомъ Манифестѣ работа по реформѣ мѣстной земской жизни была произведена по выслушаніи мнѣнія земскихъ учрежденій, ближе всѣхъ знающихъ мѣстныя нужды. Ссылка на Манифестъ при возбужденіи ходатайства безусловно необходима. Если возбудить ходатайства въ общей, неопредѣленной формѣ, безъ указанія, почему именно въ настоящее время возбуждается такое ходатайство и какіе именно законопроекты земства имѣютъ въ виду, то трудно разсчитывать на положительный отвѣтъ на такія общія ходатайства.

Признавая нужнымъ стремиться къ тому, чтобы земскія собранія возбудили ходатайства, но принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ, можетъ быть, будетъ поднятъ вопросъ о подачѣ адреса, одинъ изъ членовъ бесѣды предложилъ высказать пожеланіе, чтобы въ такомъ случаѣ въ адресѣ была проведена та-же мысль, какую признано желательнымъ выразить въ ходатайствахъ.

Послѣ этихъ преній предсѣдатель бесѣды поставилъ на голосованіе слѣдующіе вопросы:

1. Желательно ли довести до свѣдѣнія правительства, что земство признаетъ необходимымъ, чтобы проекты законовъ, касающіеся мѣстной жизни, были переданы на предварительное заключеніе губернскихъ земскихъ собраній.

2. Слѣдуетъ ли теперь же высказаться за ту или иную форму представленія правительству изложеннаго въ первомъ вопросѣ положенія?

3. Если будетъ признано нужнымъ опредѣлить форму, то какова она должна быть—въ видѣ ходатайства или адреса?

4. Если будетъ признано нужнымъ возбудить ходатайство, то надлежитъ ли въ немъ упоминать о Манифестѣ?

Всѣ четыре вопроса рѣшены утвердительно. Затѣмъ состоявшееся заключеніе было формулировано такъ: желательно, чтобы во всѣ губернскія собранія предстоящей очередной сессіи было внесено предложеніе возбудить предъ правительствомъ ходатайство, чтобы имѣющіе быть составленными въ министерствахъ, согласно Высочайшему Мани-

фесту 26-го февраля 1903 г., законопроекты «для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни», прежде внесенія ихъ на уваженіе государственнаго совѣта, были переданы на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній.

О состоявшемся заключеніи было рѣшено поставить въ извѣстность тѣ губерніи, представителей которыхъ не было въ средѣ участниковъ бесѣды, и присутствовавшіе представители 17 губерній условились между собой—кто какія губерніи оповѣститъ [1]).

К. К. Арсеньевъ, извѣстный публицистъ, въ дополненіе ходатайства, которое только что было признано нужнымъ предъявить правительству, предложилъ признать необходимымъ одновременно возбудить ходатайство о приглашеніи представителей земства по выбору губернскихъ земскихъ собраній въ центральныя государственныя учрежденія при выработкѣ законопроектовъ. Медлить съ возбужденіемъ такого ходатайства, по мнѣнію Арсеньева, не слѣдуетъ. Весьма возможно, что возвѣщенные Манифестомъ законопроекты будутъ выработаны къ веснѣ будущаго года и тогда же будутъ внесены въ Государственный Совѣтъ такъ что земскія собранія, можетъ быть, могли бы лишь успѣть выбрать своихъ представителей въ центральныя учрежденія, но не успѣютъ дать своихъ заключеній по законопроектамъ. Нѣкоторые изъ участниковъ бесѣды полагали, что ходатайство о приглашеніи представителей земства съ совѣщательнымъ голосомъ въ центральныя учрежденія при разработкѣ законопроектовъ можно обосновать, какъ выводъ изъ Манифеста 26 февраля. Въ Манифестѣ указано, что реформа мѣстнаго управленія должна быть выработана при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ мѣстныхъ людей, какъ истолкователей потребностей мѣстнаго населенія, но таковыми людьми могутъ быть лишь избранники единственнаго организованнаго общественнаго учрежденія—земскаго собранія. Въ новомъ законѣ о государственномъ совѣтѣ значится, что на засѣданіи совѣта могутъ приглашаться постороннія лица, свѣдующія въ обсуждаемомъ совѣтомъ дѣлѣ. Самъ совѣтъ надлежащаго выбора такихъ лицъ сдѣлать не можетъ. Туда пригласятъ лишь тѣхъ мѣстныхъ людей, которыхъ чаще всего видятъ въ Петербургѣ, а не тѣхъ, которые являются наиболѣе знакомыми съ дѣломъ и нуждами мѣстнаго населенія. Ходатайство о приглашеніи избранниковъ земскихъ собраній въ законодательное учрежденіе является логическимъ дополненіемъ къ ходатайству о передачѣ на заключеніе собраній законопроектовъ мѣстной реформы. Разъ земскія собранія дадутъ заключенія по законопроектамъ, необходимо, чтобы въ законодательномъ учрежденіи были представители этихъ собраній, которые живымъ словомъ могли бы разъяснить и дополнить письменныя заключенія собраній. Будетъ ли удовлетворено

---

[1]) Д. Н. Шиповъ—Бессарабскую, Г. Р. Килевейнъ—Владимирскую, М. П. Колобовъ—Воронежскую, кн. П. Д. Долгоруковъ - Вятскую, А. А. Свѣчинъ—Екатеринославскую, Д. Н. Шиповъ — Калужскую, А. П. Крыловъ — Костромскую, Д. Н. Шиповъ — Олонецкую, В. Д. Фонъ-Дервизъ — Пензенскую, А. А. Свѣчинъ — Полтавскую, Д. Н. Шиповъ — Пермскую, М. П. Колобовъ — Рязанскую, С. П. Балоховцевъ — Самарскую, А. А. Савельевъ—Симбирскую, Д. Н. Шиповъ—Тульскую, Н. К. Раевскій — Харьковскую, Я. Т. Харченко—Херсонскую.

такое ходатайство или нѣтъ—рѣшить сейчасъ невозможно. Еслибы государственная жизнь шла нормальнымъ ходомъ, то можно было бы ждать удобнаго момента для возбужденія этого ходатайства. Но событія идутъ быстро. То, что въ настоящее время можетъ быть высказано земствомъ правительству въ легальной формѣ, позднѣе, можно опасаться, будетъ навязано ему со стороны. Земство можетъ оказаться въ хвостѣ общественнаго движенія, что едва ли желательно.

Н. Н. Сомовъ находилъ, что скорѣе можно разсчитывать на удовлетвореніе ходатайства о призывѣ представителей земскихъ собраній въ центральное законодательное учрежденіе, чѣмъ ходатайство о передачѣ законопроекта мѣстной реформы на заключеніе земскихъ собраній. Призывъ предсѣдателей губернскихъ управъ на совѣщанія при министерствѣ есть прототипъ вызова выборныхъ представителей земскихъ собраній. Министръ внутреннихъ дѣлъ высказывалъ свое намѣреніе обсуждать законопроекты съ мѣстными людьми, но едва ли правительство, опасаясь критики, сочтетъ возможнымъ передать законопроектъ на обсужденіе земскихъ собраній.

Въ отвѣтъ на это было указано, что опросъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ земскаго управленія по выбору самого министерства и по частностямъ нѣкоторыхъ законопроектовъ, также по выбору министерства, не можетъ разсматриваться какъ прототипъ вызова въ центральныя учрежденія выборныхъ представителей земскихъ собраній. Послѣдній порядокъ съ точки зрѣнія бюрократіи является измѣненіемъ существующаго государственнаго строя. Ходатайство же о передачѣ законопроектовъ на заключеніе земскихъ собраній вовсе не является, даже съ точки зрѣнія высшаго правительства, измѣненіемъ государственнаго строя и не представляетъ чего-либо новаго, небывалаго. Всякій законъ, разъ онъ обнародованъ, не можетъ быть освобожденъ отъ общественной критики. Земства критиковали ветеринарный законъ. Почему же правительство не согласится передать на заключеніе тѣхъ же земскихъ собраній лишь законопроекты?

Всѣ участники бесѣды по существу соглашались съ необходимостью участія представителей земства, выборныхъ земскими собраніями, въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, но нѣкоторые признавали, что въ практическихъ цѣляхъ было бы лучше идти постепенно и не просить того, въ чемъ навѣрное будетъ отказано. Какое ходатайство будетъ уважено, какое нѣтъ, можно было бы и не принимать во вниманіе и просить о томъ, что признается полезнымъ для дѣла, если бы послѣдствіемъ просьбы былъ лишь отказъ. Но предлагаемое ходатайство можетъ повредить ходатайству о передачѣ законопроектовъ на предварительное заключеніе земскихъ собраній. Нельзя не опасаться, что взамѣнъ этихъ двухъ ходатайствъ, будто въ удовлетвореніе выраженнаго въ нихъ желанія земства, будетъ учрежденъ при министерствѣ совѣтъ со включеніемъ въ составъ его должностныхъ лицъ общественнаго управленія, что представляется совсѣмъ нежелательнымъ. Лица доказывавшія необходимость возбужденія ходатайства о приглашеніи въ центральныя учрежденія выборныхъ представителей земства исходили изъ того предположенія, будто

правительство желаетъ знать истинное мнѣніе земства. Но министерство внутреннихъ дѣлъ быть можетъ, вовсе этого и не желаетъ. Оно скажетъ, что ему нужно воспользоваться знаніемъ свѣдущихъ людей по отдѣльнымъ частностямъ законопроектовъ и что таковыми людьми оно считаетъ предсѣдателей управъ. Поэтому въ настоящее время можно было бы лишь попытаться выяснить правительству, что существующій порядокъ приглашенія земцевъ на совѣщанія при министерствахъ представляется неправильнымъ.

Кромѣ высказанныхъ соображеній въ пользу возбужденія лишь одного ходатайства—о передачѣ законопроектовъ на заключеніе губернскихъ собраній—было указано, что заключеніе по этому вопросу состоялось въ средѣ участниковъ бесѣды единогласное и можетъ, вѣроятно, пройти во всѣхъ собраніяхъ, вопросъ же о возбужденіи въ настоящее же время ходатайства о приглашеніи выборныхъ земскихъ представителей въ центральныя учрежденія даже въ средѣ участниковъ бесѣды вызываетъ разногласіе и едва ли пройдетъ благополучно во многихъ собраніяхъ, а въ нѣкоторыхъ можетъ быть рѣшенъ въ нежелательномъ направленіи.

На голосованіе былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: признается ли желательнымъ, чтобы губернскія земскія собранія предстоящей очередной сессіи, совмѣстно съ возбужденіемъ ходатайства о передачѣ законопроектовъ на заключеніе собраній, возбудили также ходатайство о приглашеніи выборныхъ собраніями представителей земствъ въ центральныя учрежденія для обсужденія законопроектовъ мѣстной реформы?

Вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ 15 голосовъ противъ 13.

Послѣ этихъ преній была заслушана записка по вопросу о значеніи и характерѣ участія приглашаемыхъ министерствомъ въ совѣщанія должностныхъ лицъ земскаго управленія.

Всѣ участники бесѣды раздѣляли проведенный въ этой запискѣ взглядъ, что практикуемый нынѣ правительствомъ порядокъ призыва земцевъ на совѣщанія при министерствахъ является неправильнымъ и не гарантирующимъ интересы земства. Было высказано, что личный составъ управъ выбирается не столько по соотвѣтствію взглядовъ входящихъ въ него лицъ на общіе вопросы со взглядами собранія, сколько по степени подготовленности къ хозяйственной ихъ дѣятельности, какъ исполнителей постановленій собранія. Но даже въ томъ случаѣ, когда представитель управы солидаренъ вполнѣ во взглядахъ съ своимъ собраніемъ, то все же онъ, какъ должностное лицо министерства внутреннихъ дѣлъ, не всегда можетъ такъ свободно и авторитетно высказывать и защищать свои взгляды въ центральномъ учрежденіи, какъ спеціально для того выбранный членъ земскаго собранія. Это положеніе представлялось всѣмъ участникамъ бесѣды настолько яснымъ, что останавливаться на выясненіи неудовлетворительности существующаго порядка призыва земцевъ въ совѣщанія при министерствахъ не было признано нужнымъ и было приступлено къ обсужденію того, какимъ путемъ слѣдуетъ довести до свѣдѣнія правительства о необходимости измѣнить установленный имъ порядокъ.

По этому вопросу было признано, что способомъ доведенія до свѣдѣнія правительства взгляда земствъ на неудовлетворительность практикуемаго министерствомъ порядка вызова земцевъ на совѣщанія при министерствахъ должно быть возбужденіе земскими собраніями предстоящей очередной сессіи соотвѣтствующихъ ходатайствъ. Каждый гласный можетъ заявить въ земскомъ собраніи, ссылаясь на то, что въ послѣднее время часто на совѣщанія при министерствахъ приглашаются представители земскихъ управъ, но не изъ всѣхъ губерній и при томъ по выбору министерства, что такой порядокъ открываетъ широкую возможность преднамѣреннаго подбора лицъ, и что мѣстное губернское земское собраніе лучше министра можетъ знать, кто изъ мѣстныхъ людей ближе знакомъ съ вопросомъ, подлежащимъ обсужденію, и мѣстными условіями. Ходатайства должны возбудить всѣ собранія, такъ какъ тѣ собранія, представители коихъ не приглашались на совѣщанія при министерствахъ, еще болѣе имѣютъ основанія для возбужденія ходатайства, чѣмъ земства министерствомъ не обойденныя. Они могутъ указать, что ихъ интересы и нужды вовсе не имѣли на совѣщаніяхъ своихъ защитниковъ.

Затѣмъ единогласно принято слѣдующее заключеніе, которое всѣми присутствующими признано было желательнымъ внести во всѣ губернскія земскія собранія въ предстоящей очередной сессіи:

Принимая во вниманіе, что въ послѣднее время къ участію въ совѣщаніяхъ при министерствахъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной жизни, приглашаются представители нѣкоторыхъ губернскихъ управъ, возбудить предъ правительствомъ ходатайство: а) чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлекать къ участію въ совѣщаніяхъ при министерствахъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались изъ всѣхъ земскихъ губерній и чрезъ посредство губернскихъ земскихъ собраній, б) чтобы губернскимъ земскимъ собраніямъ было предоставлено уполномочивать, по ихъ усмотрѣнію, къ участію въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого-либо или изъ состава губернской управы, или изъ состава губернскаго собранія и в) чтобы губернскія земскія собранія одновременно съ предложеніемъ назначить своего уполномоченнаго были поставляемы въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи и могли, въ случаѣ они то признаютъ нужнымъ, преподать своему уполномоченному руководящія указанія.

Черезъ два дня послѣ этого засѣданія, 27 апрѣля, земцы, какъ это и предсказывали представители оппозиціи, убѣдились, что всѣ ихъ «бесѣды» были совершенно напрасны.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, явившимся къ нему участникамъ совѣщаній по страховому вопросу сказалъ такую рѣчь:

«Я очень радъ видѣть васъ здѣсь. Управляющій страховымъ отдѣломъ уже доложилъ мнѣ, что ваши совѣщанія идутъ очень успѣшно, съ чѣмъ васъ поздравляю. Дѣло земскаго перестрахованія весьма важное и, постепенно развиваясь, въ будущемъ будетъ имѣть большое значеніе.

Ваши совѣщанія при министерствѣ на почвѣ практическаго дѣла сближаютъ васъ съ представителями министерства, облегчаютъ общую

работу и взаимныя отношенія. Въ то же время такого рода совѣщанія даютъ вамъ возможность общенія между собой и по другимъ частнымъ вопросамъ земской жизни. Я очень сочувствую этому общенію и признаю его желательнымъ и необходимымъ. Это, во всякомъ случаѣ, правильнѣе *келейныхъ собраній*, и лицамъ, облеченнымъ общественнымъ довѣріемъ, не слѣдуетъ дѣйствовать съ опущеннымъ забраломъ. Только при этомъ условіи возможенъ честный и открытый споръ.

Я придаю большое значеніе участію земскихъ работниковъ въ подготовительной работѣ при министерствѣ. Въ программу очередныхъ вопросовъ входитъ и вопросъ о сближеніи мѣстныхъ людей съ чинами министерства. Я считаю вашу дѣятельность на почвѣ практическихъ вопросовъ очень полезной,—*она лучше отвлеченныхъ умствованій.*

Поздравляю васъ съ окончаніемъ вашихъ занятій и благодарю васъ за вашу работу».

Эта рѣчь привела въ негодованіе даже самыхъ консервативныхъ участниковъ «бесѣды», и было рѣшено побудить земское собраніе выступить съ дружнымъ протестомъ.

Въ губернскія земскія управы было разослано нижеслѣдующее предложеніе:

„Желательно, чтобы въ губернскія земскія собранія предстоящей очередной сессіи были внесены слѣдующія предложенія:

1. Возбудить предъ правительствомъ ходатайство, чтобы имѣющіе быть составленными въ министерствахъ, согласно Высочайшему Манифесту 26-го февраля с. г., законопроекты „для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни“, прежде внесенія ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, были переданы на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній.

2. Принимая во вниманіе, что въ послѣднее время къ участію въ совѣщаніяхъ при министерствахъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной жизни, приглашаются представители нѣкоторыхъ губернскихъ управъ, возбудить предъ правительствомъ ходатайство: а) чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлекать къ участію въ совѣщаніяхъ при министерствахъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались изъ всѣхъ земскихъ губерній и чрезъ посредство губернскихъ земскихъ собраній, б) чтобы губернскимъ земскимъ собраніямъ было предоставлено уполномочивать по ихъ усмотрѣнію къ участію въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого либо или изъ состава губернской управы, или изъ состава губернскаго собранія, и в) чтобы губернскія земскія собранія одновременно съ предложеніемъ назначить своего уполномоченнаго были поставляемы въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи, и могли, въ случаѣ они то признаютъ нужнымъ, преподать своему уполномоченному руководящія указанія“.

Всѣ губернаторы были поставлены на ноги, чтобы земскія собранія не касались «общегосударственныхъ вопросовъ», т. е., другими словами, чтобы даже не заикались о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, но обще-земская организація была уже на столько сильна, что болѣе 70 проц. губернскихъ земскихъ собраній, пользуясь самыми

разнообразными способами, сдѣлали, въ общемъ, постановленіе, согласно предложенію участниковъ петербургскаго собесѣдованія [1]).

Но это случилось уже въ концѣ 1903 года, на очередныхъ земскихъ собраніяхъ, и мы въ своемъ мѣстѣ приведемъ эти постановленіе, а сейчасъ перейдемъ къ событіямъ, совершившимся въ ближайшее къ «бесѣдѣ земскихъ людей» время.

Прежде всего мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что, не взирая на всѣ полицейскія мѣры, петербургская интеллигенція въ 1903 г. не только не понизила своего оппозиціоннаго направленія, но умудрялась довольно открыто критиковать дѣйствія правительства и высказывать различныя «порицанія» или даже требованія. Особенною популярностью въ это время пользовались, такъ называвшіеся, «товарищескіе ужины писателей», возникшіе еще въ 1902 году. На восьмомъ такомъ «ужинѣ» состоявшемся въ началѣ марта 1903 года, при участіи до 70-ти литераторовъ, принята, была, напримѣръ, такая «резолюція». Признавая:

1) что факты послѣдняго времени съ особенной ясностью указываютъ на невозможность правдиваго сужденія честной печати о дѣйствіяхъ и заявленіяхъ правительства; 2) что пресса вынуждена молчать или давать объ этихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ хвалебные отзывы, 3) что, считаясь съ такимъ положеніемъ вещей, нѣкоторые органы печати проводятъ желательныя имъ идеи въ формѣ соотвѣтственнаго истолкованія правительственныхъ заявленій, 4) что, такимъ образомъ, печать поселяетъ въ читателѣ вредное недоразумѣнія относительно истиннаго смысла правительственныхъ актовъ и создаетъ ложное представленіе объ отношеніи общественнаго мнѣнія къ дѣйствіямъ правительства,—мы еще разъ настойчиво подтверждаемъ необходимость освобожденіе печатнаго слова отъ цензурнаго режима и вмѣстѣ тѣмъ признаемъ, что даже полное воздержаніе печати отъ какой бы то ни было оцѣнки правительственныхъ актовъ болѣе отвѣчаетъ ея достоинству и ея задачамъ, чѣмъ такое комментированіе этихъ актовъ, которое даетъ ложное представленіе объ ихъ дѣйствительномъ смыслѣ и значеніи".

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого «ужина», 6—9 апрѣля совершился ужасающій Кишиневскій погромъ, во время котораго было убито 42 человѣка (изъ нихъ 38 евреевъ), ранено 456 человѣкъ (изъ которыхъ христіанъ только 62), а убытки исчислялись отъ 1,500,000 до 2,000,000 рублей.

20 го апрѣля 1903 года состоялось обычное собраніе петербургскихъ писателей, на которомъ присутствовало много гостей различныхъ интеллигентныхъ профессій. Всего собралось свыше 200 человѣкъ. Отъ имени этого собранія, за многочисленными подписями, Н. Ф. Анненскимъ было отправлено въ частный еврейскій комитетъ по оказанію помощи отъ погрома письмо слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Именно губернскія земскія собранія: Вологодское, Воронежское, Екатеринославское, Калужское, Костромское, Курское, Московское, Нижегородское, Новгородское, Орловское, Полтавское, Псковское, Рязанское, С.-Петербургское, Саратовское, Симбирское, Смоленское, Тамбовское, Тверское, Тульское, Уфимское, Харьковское, Черниговское и Ярославское.

«Милостивые государи! Собравшіеся на товарищескую бесѣду свыше двухсотъ человѣкъ литераторы и лица другихъ интеллигентныхъ профессій, выслушавъ подробное сообщеніе о гнусныхъ насиліяхъ, произведенныхъ въ Кишиневѣ надъ беззащитными евреями, выражаютъ свое горячее сочувствіе какъ жертвамъ, такъ и всему безправному еврейскому населенію и свое глубокое негодованіе по поводу той травли евреевъ, въ которой, къ несчастію участвуютъ и нѣкоторые органы печати. По порученію собранія *Николай Анненскій*».

За это письмо Н. Ф. Анненскій былъ вызванъ для объясненій къ директору департамента полиціи Лопухину.

Объ этихъ петербургскихъ «товарищескихъ ужинахъ писателей» упомянули мы потому, что они имѣли отношеніе не только къ общему освободительному движенію, но, въ частности, и къ земскому.

Не говоря уже о томъ, что многія лица, принимавшія непосредственное участіе въ этомъ послѣднемъ движеніи, нерѣдко вообще посѣщали «ужины», апрѣльскій ужинъ, совпавшій со съѣздомъ земцевъ въ Петербургѣ, сыгралъ почти такую же, если не большую роль, какъ Кустарный съѣздъ въ 1902 г. Мы уже знаемъ, что во время Кустарнаго съѣзда была набросана программа для изданія за-границею «*Освобожденія*», а въ апрѣлѣ 1903 года, во время описаннаго ужина, была высказана мысль о необходимости организаціи политическаго «Союза Освобожденія», который бы могъ объединить всѣ безъ исключенія, оппозиціонные элементы Россіи, которыхъ, благодаря энергичной чисто революціонной дѣятельности Плеве, накопилось уже многое множество рѣшительно во всѣхъ слояхъ населенія, а въ будущемъ предвидѣлся еще болѣе усиленный ростъ.

Мысль о «Союзѣ Освобожденія» осуществилась черезъ два мѣсяца послѣ ея зарожденія. Основаніе его положено было въ іюлѣ 1903 г. въ южной Германіи. Нѣсколько лицъ, изъ сотрудниковъ и близкихъ лицъ къ газетѣ «Освобожденіе» и нѣсколько выдающихся земцевъ [1]) участвовавшихъ въ апрѣльскомъ собесѣдованіи и неучаствовавшихъ, но также близкихъ къ «Освобожденію», отправились въ іюлѣ въ южную Германію и тамъ, подъ видомъ «увеселительныхъ прогулокъ», въ городахъ Ґогентвиллѣ, Рудольфцеллѣ и знаменитомъ Констанцѣ устроили рядъ засѣданій, на которыхъ и была въ общихъ чертахъ намѣчена дѣятельность «Союза Освобожденія».

Основаніе «Союза Освобожденія» подоспѣло какъ разъ во время: къ этому моменту правительство, въ лицѣ Плеве, уже совершенно подготовляло богатѣйшій для него матеріалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Плеве работалъ, какъ истый революціонеръ, задавшійся цѣлью объеденить всю Россію на почвѣ ненависти къ правительству.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ образчиковъ такого рода плодотворной дѣятельности Плеве въ 1903 году является возбужденіе не-

[1]) Не получивъ разрѣшенія, мы не считаемъ себя въ правѣ опубликовать фамиліи первыхъ основателей „Союза Освобожденія“, какъ и членовъ его въ Россіи. Въ виду возможности изданія моихъ статей о земскомъ движеніи отдѣльною книгою, прошу лицъ, принимавшихъ то или иное участіе въ „Союзѣ Освобожденія“, сообщить редакціи „*Былого*“—разрѣшаютъ или не разрѣшаютъ они пропечатать ихъ фамиліи.

удовольствія въ орловскомъ губернскомъ земствѣ. Послѣднее всегда было однимъ изъ консервативнѣйшихъ земствъ, проникнутое чисто-классовымъ дворянскимъ духомъ. Въ 1903 году орловское чрезвычайное земское собраніе, по настоянію извѣстнаго намъ уже М. А. Стаховича, орловскаго губернскаго предводителя дворянства и, слѣдовательно, предсѣдателя собранія, приняло составленный тѣмъ же Стаховичемъ всеподданѣйшій адресъ. Написанъ онъ былъ высокопарнымъ слогомъ, въ славянофильскомъ духѣ, и носилъ самый мирный характеръ. Исходя изъ Манифеста 26 февраля, въ адресѣ дѣлался трудно уловимый намекъ на участіе земства въ выработкѣ обѣщанныхъ въ названномъ Манифестѣ «реформъ». Вотъ это мѣсто: «и не съ заносчивымъ дерзновеніемъ или дерзостнымъ притязаніемъ, а въ прямодушномъ усердіи отклика на милостивый призывъ Вашего Величества «къ единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества» для исполненія Вашихъ «помышленій объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни», мы просимъ Васъ, Государь, чтобы по разработаннымъ предположеніямъ о переустройствѣ управленія въ приходѣ, уѣздѣ и губерніи въ цѣляхъ усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни» предварительно внесенія его въ Государственный Совѣтъ было опрошено самое земство; чтобы Царемъ былъ услышанъ голосъ правимыхъ, надъ кѣмъ законы примѣняются, а не только голосъ создающихъ законы и правящихъ; голосъ земства, голосъ людей, призванныхъ по древнему московскому слову «Его Государево земское укрѣпить и на вѣрѣ поставить», голосъ земства, крѣпче чиновниковъ связаннаго съ землею и народомъ, безкорыстнѣе ихъ преданнаго самодержавію и неустанно несущаго свою присяжную службу».

Этотъ адресъ вызвалъ тогда жестокое осужденіе въ оппозиціонныхъ земскихъ сферахъ. Его основательно называли «раболѣпнымъ». Правительство, если бы оно считалось съ дѣйствительностью, должно было бы обѣими руками ухватиться за такое болѣе чѣмъ мирное направленіе орловскаго губернскаго земства. Кромѣ того, названный адресъ, несомнѣнно, соотвѣтствовалъ духу манифеста 26-го февраля.

Но Плеве шелъ до конца въ своей революціонной дѣятельности. Онъ словно бы желалъ изолировать Верховную Власть отъ всѣхъ и вся и направлять ее въ своихъ политическихъ цѣляхъ, какъ ему заблагоразсудится.

И вотъ, «повергнутый на Высочайшее благовоззрѣніе» мирнѣйшій изъ земскихъ адресовъ 1 мая 1903 года имѣлъ не тотъ результатъ, котораго ожидали орловскіе земцы. Министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ орловскому губернатору такое увѣдомленіе: «Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на то, что въ означенномъ адресѣ наряду съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ содержится ходатайство губернскаго земскаго собранія по предмету, не относящемуся къ вѣдѣнію земскихъ учрежденій. Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы случаи, подобные настоящему, впредь не повторялись».

Лѣтомъ 1903 года началось преслѣдованіе въ Курскѣ «общества

для содѣйствія начальному народному образованію». Администрація придралась къ удивительному случаю. «Общество» устроило въ земскомъ саду народное гулянье. Въ числѣ развлеченій были и стрѣльба въ цѣль, при чемъ за образецъ принята была какая-то швейцарская игра, согласно которой первый призъ получалъ тотъ, кто собьетъ въ тирѣ корону съ привѣшеннаго орла. Несмотря на то, что программа народнаго гулянья была утверждена полиціймейстеромъ, администрація усмотрѣла въ сбиваніи короны съ орла политическую тенденцію, разогнала публику и... закрыла садъ!..

Въ томъ же Курскѣ возбуждено было удивительное дѣло изъ-за празднованія въ іюлѣ мѣсяцѣ юбилея В. Г. Короленко. Оно произошло, когда въ Курскѣ были обычные педагогическіе курсы. Для учителей и учительницъ были устроены загородныя прогулки, въ которой приняли участіе два члена губернской земской управы — Э. К. Загорскій и А. Н. Лагофетъ, лекторы на курсахъ: В. П. Вахтеровъ и приватъ-доцентъ московскаго университета Рожковъ и случайно бывшій въ это время въ Курскѣ пишущій эти строки. Празднованіе юбилея заключалось въ томъ, что на дубѣ были прикрѣплены портреты В. Г. Короленко и говорились рѣчи. Меня, напримѣръ, попросили, чтобы я, какъ лично знающій юбиляра, сообщилъ біографическія свѣдѣнія о писателѣ, Вахтеровъ сказалъ рѣчь на тему, кажется, о дѣтскихъ типахъ въ произведеніяхъ Короленко, говорилъ ли что Рожковъ, не знаю, такъ какъ я не былъ до конца прогулки. Кромѣ помянутыхъ лицъ, говорили учителя; затѣмъ хоръ изъ учителей и учительницъ исполнилъ нѣсколько пѣсенъ; наконецъ, варили кашу и пили чай—вотъ и все наше «государственное преступленіе». Но администрація увидѣла въ этой небольшой прогулкѣ форменное потрясеніе основъ. Начались обыски, допросы и аресты. Арестовали, между прочимъ, служащую въ отдѣлѣ народнаго образованія курскаго земства Благовѣщенскую, учителей—Суханова, Тураева, Лозового и т. д.

До какихъ безобразій доходила курская администрація можно видѣть еще изъ слѣдующаго возмутительнаго произвола со стороны знаменитаго Курлова, бывшаго въ 1903 г. вице-губернаторомъ въ Курскѣ.

Въ качествѣ предсѣдателя губернскаго распорядительнаго комитета, онъ, не увѣдомивъ городскую управу, самолично отвелъ городскія казармы Козловскаго полка, освободившіяся за уходомъ послѣдняго на Дальній Востокъ, подъ Обоянскій резервный баталіонъ. Но когда баталіонъ явился въ казармы, то засталъ ихъ запертыми. Тогда Курловъ «вызываетъ» къ себѣ члена городской управы Сапунова, завѣдывавшаго городскими зданіями, и въ присутствіи полиціймейстера и баталіоннаго командира ругаетъ его, выкрикивая буквально слѣдующую фразу: «какъ же *ты* смѣлъ не исполнить моего приказанія»? При этомъ Курловъ принялъ позу генерала и махалъ карандашемъ передъ лицомъ Сапунова. Послѣдній, оскорбленный и смущенный, хотѣлъ было уйти, но полиціймейстеръ Зарино загородилъ ему путь. Съ представителемъ города сдѣлался обморокъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже въ Турціи немыслимъ подобный административный произволъ, такая дикая грубость, какую проявилъ этотъ курскій сатрапъ.

Во второй половинѣ 1903 года обстоятельства ухудшились еще въ большей степени.

Въ сентябрѣ, между прочимъ, Витте лишился портфеля министра финансовъ. Это служило доказательствомъ полной побѣды Плеве. Какъ мы уже говорили, послѣдній ненавидѣлъ Витте, какъ своего конкуррента, и началъ противъ него походъ тотчасъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но еще 1 января 1903 года, по случаю десятилѣтія служенія Витте въ качествѣ министра фанансовъ, опубликованъ былъ самый лестный для Витте Высочайшій рескриптъ. Мало этого, до самаго момента отставки не было, казалось, ни малѣйшихъ признаковъ скораго паденія министра финансовъ. Объ этомъ Витте узналъ лишь въ сентябрѣ, въ тотъ самый день, когда, ничего не подозрѣвая, явился къ Государю испросить кратковременный отпускъ на Кавказъ. Ему въ это время и было объявлено, что онъ назначается предсѣдателемъ комитета министровъ, оставаясь предсѣдателемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а вслѣдъ за тѣмъ стало извѣстнымъ, что мѣсто Витте получилъ ничѣмъ неизвѣстный чиновникъ министерствъ финансовъ Плеске. При такомъ всевластномъ диктаторѣ, какъ Плеве, постъ предсѣдателя комитета министровъ не имѣлъ ровно никакого значенія, и Витте былъ крайне обезкураженъ потерею портфеля министра финансовъ. Съ этого момента у министра внутреннихъ дѣлъ уже не было соперниковъ [1]).

Въ этомъ же мѣсяцѣ Плеве закончилъ выработку «своей» «конституціи». Она была составлена въ духѣ манифеста 26 февраля и, въ общемъ, была хуже даже «куцой» лорисъ-меликовской конституціи [2]).

По проекту Плеве, учреждался Совѣтъ и Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и управленіе врачебнаго инспектора. Въ этомъ Совѣтѣ предполагалось участіе «мѣстныхъ дѣятелей, въ видѣ учрежденія постояннаго». «Мѣстные дѣятели» — это «предводители дворянства, предсѣдатели губернскихъ и уѣздныхъ управъ и управъ по дѣламъ земскаго хозяйства, городскіе головы—и вообще лица, по свойству дѣятельности, близко знакомыя съ нуждами и интересами мѣстнаго хозяйства». Совѣтъ долженъ былъ «имѣть *исключительно совѣщательный характеръ и заключенія его отнюдь не могли быть обязательны для министра внутреннихъ дѣлъ и въ чемъ-либо связывать дѣятельность его по руководству мѣстнымъ хозяйствомъ.*

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что „по частямъ“ Плеве давно уже сокращалъ власть Витте. Мы знаемъ уже, что еще во второй половинѣ 1902 г. Витте былъ совершенно отстраненъ отъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Затѣмъ, 30 мая 1903 года вышло Высочайшее повелѣніе „о порядкѣ и предѣлахъ подчиненія чиновъ фабричной инспекціи начальникамъ губерніи и нѣкоторыхъ измѣненіяхъ во внутренней организаціи ея“. Этимъ повелѣніемъ, въ сущности говоря, фабричные инспектора сдѣланы были агентами министерства внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Къ слову сказать, носились слухи, якобы Плеве возилъ Лорисъ-Меликовскую конституцію въ Ливадію Государя Говорили также, будто бы тогда же въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ Александра Михайловича, образовался „секретный комитетъ реформъ“, въ которомъ не участвовали ни Витте, ни Плеве. Въ программѣ этого комитета проектировалось, будто бы, расширеніе земскаго самоуправленія, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и передача дѣла народнаго образованія всецѣло въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Равнымъ одразомъ, участіе въ совѣтѣ мѣстныхъ дѣятелей не должно, конечно, вызывать мысли о какомъ-либо мѣстномъ представительствѣ. Поэтому избраніе членовъ совѣта изъ мѣстныхъ дѣятелей и самый составъ ихъ не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ существующихъ общественныхъ учрежденій и сословій, а должны быть представлены на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ». Предсѣдательство въ этомъ Совѣтѣ, конечно, возлагалось на министра внутреннихъ дѣлъ, а въ составъ плевенскаго «парламента» входили всѣ начальники учрежденій названнаго министерства, представители другихъ вѣдомствъ и всего-на-всего 15 человѣкъ изъ числа мѣстныхъ дѣятелей, «назначаемыхъ Высочайшею властью на 3 года». Совѣтъ долженъ былъ обсуждать «важнѣйшія мѣры», имѣющія цѣлью развитіе и усовершенствованіе способовъ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а равно — разсматривать текущія дѣла по мѣстному хозяйству, требующія соглашенія вѣдомствъ или общаго соображенія въ интересахъ единообразія въ ихъ направленіи и разрѣшеніи». Соотвѣтственно этому въ Совѣтъ должны были вноситься: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ и общихъ распоряженій, относящихся до мѣстнаго хозяйства, а также о дополненіи, измѣненіи и отмѣнѣ нынѣ дѣйствующихъ, 2) ходатайства земскихъ и городскихъ учрежденій, касающіяся принятія общихъ мѣръ въ области мѣстнаго хозяйства и другія дѣла этого рода. Заключенія Совѣта должны были прилагаться въ спискахъ къ представленіямъ, вносимымъ мнинистромъ внутреннихъ дѣлъ въ высшія государственныя учрежденія. На ряду съ этимъ, для обсужденія текущихъ дѣлъ, требующихъ соглашенія вѣдомствъ, проектировалось образованіе особыхъ присутствій совѣта: по земскимъ и городскимъ дѣламъ, по дорожной части и пожарнаго страхованія. Обсужденіе дѣлъ въ этихъ присутствіяхъ совѣта должно было замѣнять письменный порядокъ сношеній между вѣдомствами по предметамъ, требующимъ, по закону, совмѣстнаго ихъ разрѣшенія.

Такова была плевенская «конституція».

Вникая въ ея сущность, прежде всего поражаешься скудоуміемъ бюрократической мысли. Въ проектѣ Плеве нѣтъ ровно ничего новаго, ничего оригинальнаго. «Конституція» Плеве сшита изъ кусковъ другихъ подобныхъ же чиновничьихъ «конституцій», которыя вырабатывались, начиная съ 1881 года.

Плеве, какъ и его предшественники, стремился лишь, выражаясь грубо, чѣмъ нибудь заткнуть глотку проклятому земству. Онъ не желалъ даже считаться съ дѣйствительностью, которая все же была ему извѣстна, хотя до нѣкоторой степени. Конечно, Плеве еще не зналъ объ основаніи «Союза Освобожденія», который, какъ ниже увидимъ, началъ функціонировать въ Россіи съ конца сентября, но онъ читалъ, и очень аккуратно, «*Освобожденіе*», ему постоянно доносили, хотя и неточно, обо всемъ, что дѣлается въ земскихъ сферахъ. Плеве, однако, до конца жизни своей не сомнѣвался, что все удушитъ, все усмиритъ, а въ томъ числѣ и земство. И вотъ, онъ все усиливаетъ и усиливаетъ полицейскій надзоръ надъ послѣднимъ, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами, чтобы уничтожить въ земствѣ полнѣйшую тѣнь «крамольнаго направленія».

Мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько фактовъ изъ отношеній Плеве къ земству въ 1903 году.

Начнемъ хотя бы съ Вологодскаго земства.

Очередное собраніе его было настроено весьма оппозиціонно. Дѣло началось съ посылки сочувственной телеграммы кн. П. Д. Долгорукову. Затѣмъ въ преніяхъ ясно проглядывало совершенно враждебное отношеніе къ нелѣпымъ правительственнымъ «предначертаніямъ». Особенно рѣзко проявилось это въ преніяхъ о правилахъ 12-го іюня 1902 г. относительно ветеринаріи и санитаріи. На это губернаторъ Ладыженскій выразилъ неудовольствіе гласнымъ «за непочтительное отношеніе къ правительственнымъ предначертаніямъ» и просилъ, чтобы «больше подобныя пренія не повторялись», тѣмъ болѣе, что «они оскорбляютъ лойяльныя вѣрноподанныя чувства нѣкоторыхъ гласныхъ». На возраженіе гласныхъ, что подобныя замѣчанія излишни, такъ какъ въ собраніи за «приличіями» въ преніяхъ слѣдитъ предсѣдатель, причемъ «лойяльные» гласные могутъ возражать, губернаторъ высказалъ интересный взглядъ, что «проявленіе консервативныхъ убѣжденій на собраніи... неприлично и можетъ компрометировать этихъ гласныхъ»(!!)

Этимъ дѣло не ограничилось: губернаторъ «воспретилъ» собранію заслушаніе доклада управы по медицинѣ и по этому поводу вызывалъ къ себѣ предсѣдателя управы В. А. Кудряваго. Закрытіе собранія сопровождалось также инцидентомъ. Выходя послѣ закрытія изъ залы, губернаторъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ присутствующихъ «сидятъ». Онъ спросилъ у заступающаго мѣсто предводителя Н. Н. Андреева— «что это за мода»? Узнавъ, что сидящіе—публика и служащіе, «хозяинъ губерніи» тотчасъ же потребовалъ для объясненія предсѣдателя управы и сдѣлалъ ему... выговоръ(!!) А въ концѣ концовъ Н. Н. Андреевъ не постѣснялся сдѣлать выговоръ всей публикѣ, что она «не стояла при выходѣ губернатора»(!!) При этомъ присутствовавшій въ числѣ публики политическій ссыльный В. А. Дреллингъ далъ надлежащій отвѣтъ губернскому, предводителю дворянства, за что и былъ высланъ въ одинъ изъ глухихъ городовъ Вологодской губерніи!

По поводу проектируемаго калужскимъ губернскимъ земствомъ изданія брошюры для ознаменованія предстоящаго въ 1911 году пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ, Плеве послалъ калужскому губернатору такое письмо.

М. В. Д.

1 іюля 1903 года. *Секретно.*
№ 5899.

Его Превосходительству А. А. Офросимову.

Милостивый государь, Александръ Александровичъ!

Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что предположенное калужскимъ губернскимъ земствомъ, по случаю минувшаго сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ, изданіе брошюры о со-

бытіи 19-го февраля 1861 года и исторію крѣпостного права въ Россіи должно быть признано явно выходящимъ изъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій, а потому покорнѣйше прошу васъ принять зависящія мѣры къ тому, чтобы предположенія земства объ упомянутомъ изданіи не получили осуществленія, равно какъ имѣть надзоръ за тѣмъ, чтобы земства ввѣренной вамъ губерніи и впредь не предпринимали изданій подобнаго рода».

Тамбовскій губернаторъ фонъ-деръ-Лауницъ, разославъ въ 1903 г. въ губернскую и во всѣ уѣздныя земскія управы конфиденціальное циркулярное предписаніе, чтобы предсѣдатели губернской и уѣздныхъ управъ извѣщали исправниковъ обо всѣхъ командируемыхъ ими въ уѣзды лицахъ. Во то же время было лишено мѣстъ множество земскихъ учителей и учительницъ. Чрезвычайному тамбовскому губернскому земскому собранію не дозволено было обсуждать нижеслѣдующіе вопросы: о всеобщемъ обученіи, объ учительской семинаріи, объ изданіи мѣстнаго земскаго органа, о мелкой земской единицѣ и о пересмотрѣ правилъ объ учительскихъ курсахъ.

Курское земство получило отказъ на ходатайство объ организаціи всероссійскаго съѣзда представителей учрежденій, вѣдающихъ начальное народное образованіе, для обсужденія мѣръ къ осуществленію всеобщаго обученія и о разрѣшеніи въ Курскѣ областного съѣзда учителей по народному образованію.

Ярославскому губернскому земству было отказано въ ходатайствѣ о предоставленіи представителямъ земства участвовать въ пересмотрѣ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Въ іюнѣ 1903 г. въ г. Зѣньковѣ, Полтавской губерніи, былъ арестованъ гласный зѣньковскаго уѣзднаго и полтавскаго губернскаго земства И. Н. Присѣцкій, членъ училищной, ревизіонной и другихъ комиссій. Арестованъ онъ для отбытія наказанія—одного мѣсяца тюремнаго заключенія,—назначеннаго ему въ административномъ порядкѣ за то, что при обыскѣ, въ августѣ 1901 г. въ его имѣніи Климовѣ, найденъ былъ одинъ экземпляръ изданной за-границею записки Витте—«*Самодержавіе и земство*». Помимо ареста, Присѣцкому за такое «ужасное преступленіе» пришлось предварительно испытать особый надзоръ полиціи въ теченіе 1 года и 10 мѣсяцевъ [1]).

Въ ночь съ 22 на 23 іюля 1903 г. на г. Торжокъ, Тверской губ., и его уѣздъ сдѣлали нашествіе петербургскіе жандармы и произвели громадное число обысковъ. Обыскивали члена уѣздной земской управы Цирга и его брата, врача; старшаго доктора земской больницы Бирштейна, члена правленія банка, Яковлева; былъ обыскъ въ имѣніи княгини Н. Т. Кропоткиной, у завѣдующей земскимъ книжнымъ складомъ Смирновой, въ самомъ складѣ и въ самой земской больницѣ, у учителя Френкеля и у многихъ другихъ учителей и учительницъ. Г-жа Смирнова при этомъ была арестована.

Въ августѣ 1903 г. начальникъ тверского жандармскаго упра-

---

[1]) И. Н. Присѣцкій, братъ умершей на каторгѣ С. Н. Богомолецъ, въ теченіе 5 лѣтъ,—въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ,—находился въ административной ссылкѣ въ Сибири.

вленія, Урановъ, «ученикъ» Зубатова, произвелъ въ Твери свыше 80 обысковъ. При этомъ арестованы были: докторъ Вислоухъ и старѣйшій земецъ А. П. Апостоловъ. Преступленіе послѣдняго заключалось въ томъ, что при обыскѣ у него найденъ былъ одинъ экземпляръ, изданной за границею записки Витте—«*Самодержавіе и земство*», старыя «*Отечественныя Записки*» и дозволенныя цензурою, но изъятыя изъ обращенія въ библіотекахъ, книги. Въ октябрѣ 1903 г. въ Уфѣ были арестованы и высланы административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію: завѣдующій земскими оцѣночными изслѣдованіями торгово-промышленныхъ заведеній, инженеръ Бриллингъ и завѣдующій статистическимъ отдѣленіемъ Пашковскій [1]). Одновременно были арестованы и высланы на два года изъ предѣловъ губерніи врачи губернской земской больницы—Побѣльскій и Плаксинъ и два адвоката—Козловъ и Синицынъ.

Въ Мензелинскѣ, Уфимской губ., не былъ утвержденъ въ должности предсѣдателя управы избранный единогласно старый земецъ Мазуревскій, а въ Стерлитамакѣ—Депрейсъ.

Въ Тихвинѣ, Новгородской губерніи, не утвержденъ предсѣдателемъ С. Г. Бередниковъ, пробывшій ранѣе въ этой должности 18 лѣтъ и въ 1903 году выбранный на новое трехлѣтіе.

Саратовскій губернаторъ пріостановилъ постановленіе балашовскаго земскаго собранія: 1) по вопросу о возбужденіи ходатайства предъ епархіальнымъ преосвященнымъ, «какъ стоящимъ на стражѣ духовныхъ интересовъ населенія»,—обратить вниманіе на глубокоприскорбные факты въ отношеніи духовенства къ земской школѣ, и о принятіи училищнымъ совѣтомъ мѣръ къ устраненію отъ законоучительства лицъ, обнаружившихъ явное враждебное отношеніе къ земской школѣ, нравственный уровень которыхъ несовмѣстимъ съ высокимъ званіемъ законоучителя; 2) о порученіи членамъ училищнаго совѣта отъ земства не присоединяться къ постановленіямъ совѣта и выражать письменно свой протестъ въ случаяхъ, когда они нашли бы увольненіе отъ должности даннаго лица незаслуженнымъ, докладывая о томъ, по точномъ разслѣдованіи дѣла, собранію; 3) объ отклоненіи ходатайства училищнаго совѣта на ассигнованіе необходимой суммы для высылки школамъ 24 экземпляровъ журнала «Дружескія Рѣчи» и 4) о предоставленіи самой управѣ разсрочивать недоимки съ недвижимыхъ имуществъ частныхъ владѣльцевъ.

Въ Малоярославскомъ, Калужской губерніи, уѣздномъ земскомъ собраніи, при обсужденіи предложенія училищнаго совѣта о выпискѣ «Дружескихъ Рѣчей» во всѣ земскія школы, предсѣдатель собранія заявилъ, что «преній по этому вопросу онъ допустить не можетъ» и предложилъ прямо ассигновать 25 рублей [2]).

[1]) Кажется, одновременно уфимскій губернаторъ предписалъ губернской земской управѣ, чтобы она испрашивала его разрѣшенія не только на опредѣленіе тѣхъ или иныхъ лицъ на службу, но и при раздачѣ не состоящимъ на земской службѣ лицамъ сдѣльныхъ работъ.

[2]) Скажемъ къ слову, что „Дружескія Рѣчи“ кн. Мещерскаго, а затѣмъ и „Знамя“ Крушевана положительно насильственно навязывались земскимъ школамъ. При этомъ также была привлечена Верховная Власть: для „Дружескихъ Рѣчей“ было добыто.. Высочайшее повелѣніе!

Орловское губернское земство получило отказъ по ходатайствамъ: 1) о допущеніи въ школьныя библіотеки всѣхъ книгъ, не запрещенныхъ ученымъ комитетомъ для обращенія въ библіотекахъ; 2) о пріобрѣтеніи этихъ же книгъ для учительскихъ библіотекъ, 3) объ образованіи при библіотекахъ для сельскихъ школъ особыхъ отдѣловъ для взрослыхъ [1]).

Прибѣгало правительство и къ инымъ мѣрамъ для воздѣйствія на земство.

Такъ, въ маѣ 1903 года Плеве таинственно приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей и обсуждалъ съ ними вопросъ объ упраздненіи земской статистики. За обѣдомъ, устроеннымъ земцами, Плеве «внушалъ» послѣднимъ, что «статистики—революціонеры», что они, прикрываясь подворными изслѣдованіями, на самомъ дѣлѣ, занимаются исключительно революціонной дѣятельностью.

Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что въ 1903 году въ государственномъ совѣтѣ былъ утвержденъ безобразнѣйшій проектъ Сипягина о земствѣ въ Витебской, Минской и Могилевской губерніяхъ и то, что въ концѣ 1903 года была назначена ревизія тверского и московскаго земства такимъ лицами, какъ Штюрмеръ и Зиновьевъ [2]), то ни у кого не останется сомнѣнія, что Плеве не жалѣлъ энергіи, чтобы поставить непреодолимый шлюзъ для земскаго движенія [3]).

---

[1]) Отмѣтимъ кстати еще одинъ любопытный фактъ ихъ орловской жизни. Городская комиссія возбудила въ 1903 году ходатайство о разрѣшеніи чествованія памяти уроженца Орла, знаменитаго писателя И. С. Тургенева, по случаю 25-ти-лѣтія со дня смерти, исполнившагося 22-го августа. На это послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „Никакихъ 25-ти лѣтнихъ юбилеевъ не признавать и праздновать ихъ особымъ образомъ воспретить". Опять значитъ, для избѣжанія „шума" была привлечена Верховная власть.

[2]) Намъ придется говорить еще объ этихъ ревизіяхъ, а здѣсь замѣтимъ, что Зиновьевъ сначала заявилъ Д. Н. Шипову, что ревизія производится вслѣдствіе желанія Плеве поближе познакомиться съ земскимъ дѣломъ, но очень скоро выяснилось, что министръ внутреннихъ дѣлъ преслѣдуетъ исключительно полицейскія цѣли. Сыщики носились по земскимъ шоссе, по училищамъ, больницамъ и т. д. А Зиновьевъ все „критиковалъ", капризничалъ и повышалъ тонъ при разговорѣ, какъ съ выборными земцами, такъ и съ служащими по найму.

[3]) Конечно, усиленно розыскивалось и „*Освобожденіе*". Въ концѣ 1903 г. случился провалъ освобожденскаго транспорта. По этому дѣлу были привлечены: приватъ-доцентъ с.-петерб. университета Е. В. Аничковъ и извѣстная публицистка А. В. Борманъ, урожденная Тыркова. Въ обвинительномъ актѣ ихъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „17 ноября 1903 г. на ст. „Бѣлоостровъ", финляндской ж. д., находящейся въ предѣлахъ Петербургскаго уѣзда, при таможенномъ досмотрѣ вещей пр.-доц. Е. Аничкова, ѣхавшаго изъ Гельсингфорса въ С.-Петербургъ, въ карманѣ висѣвшей въ вагонѣ шинели Аничкова было обнаружено 7 экземпляровъ книги противоправительственнаго содержанія подъ заглавіемъ „*Освобожденіе*", а также двѣ изданныя редакціей журнала того же наименованія преступныя брошюры: „Самодержавіе и земство" и „Матеріалы по рабочему вопросу". Вслѣдъ за этимъ Аничковъ, обращаясь къ находившейся въ сосѣднемъ купэ А. Борманъ, сказалъ ей по-французски: „нашли". Въ виду сего, Аничковъ, а также и Борманъ были приглашены въ ревизіонное помѣщеніе таможни, гдѣ при обыскѣ у нихъ, въ прикрѣпленныхъ подъ платьемъ мѣшкахъ, найдено слѣдующее: 1) у Аничкова 106 экз. журнала „Освобожденіе" (№№ 4 и 5 за 1903 г.), а также по два экземпляра означенныхъ брошюръ: „Самодержавіе и Земство" и „Матеріалы по рабочему вопросу". Въ тотъ же день были произведены обыски въ квартирахъ, занимаемыхъ Е. Аничковымъ и А. Борманъ въ Петербургѣ, при чемъ у перваго ничего преступнаго не оказалось, у Борманъ же обнаружены: 1) №№ 1 и 2 1902 г. журнала „*Освобо-*

Но, увы, изъ этого ровно ничего не вышло. Наоборотъ, въ 1903 г. земское движеніе сдѣлало громаднѣйшій успѣхъ.

Выдающіеся моменты этого движенія выпали на вторую половину 1903 года. Моментами этими были—земскій съѣздъ въ Ярославлѣ и харьковскій съѣздъ, на который прямо изъ-за-границы прибыли основатели «Союза Освобожденія».

Въ Ярославлѣ земцы воспользовались областнымъ сельско-хозяйственнымъ съѣздомъ, происходившимъ 15—25 августа. По иниціативѣ предсѣдателя ярославской земской комиссіи по народному образованію, извѣстнаго земского и общественного дѣятеля, кн. Д. И. Шаховского къ этому съѣзду была пріурочена «вторая» выставка по народному образованію, подобная «первой», бывшей, какъ мы знаемъ, въ 1902 году въ Курскѣ.

Вотъ на эту-то выставку и были приглашены земцы съ предложеніемъ экспонировать предметы, относящіеся къ дѣлу народнаго образованія. Выставка эта имѣла полный и заслуженный успѣхъ и въ свое время была подробно описана какъ въ періодической прессѣ, такъ и въ выпущенномъ отдѣльнымъ изданіемъ «Отчетѣ по областной сельско-хозяйственной и культурно-просвѣтительной выставкѣ сѣвернаго края 1903 г.». Не менѣе удаченъ, по своимъ результатамъ, былъ и съѣздъ земскихъ дѣятелей. Совѣщанія ихъ и бесѣды были и открытыя, и частныя. Открытыя происходили въ засѣданіяхъ различныхъ комиссій и на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, а частныя—въ квартирахъ и гостинницахъ. По настроенію и рѣчамъ, произносившимся и въ отдѣльныхъ, и частныхъ засѣданіяхъ, ярославскій съѣздъ былъ несра-

---

жденіе"; 2) 4 отдѣльныхъ оттиска изъ этого изданія, со статьей: „Отъ русскихъ конституціоналистовъ"; 3) брошюры: „Докладъ Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ с.-х. промышленности" (4 экз.) и „Эволюція русской соціалистической мысли", изъ коихъ первая издана редакціей „*Освобожденіе*", а вторая „партіей соціалистовъ-революціонеровъ" и 4) искаженная почеркомъ Аничкова рукописная замѣтка съ редакціонными измѣненіями въ текстѣ, начинающаяся словами: „Въ странѣ беззаконіе, насиліе и молчаніе" и написанная по поводу отзывовъ критики Буренина и редактора „*С.-Пет. Вѣд.*" Столыпина о редакторѣ „*Освобожденія*" Петрѣ Струве. Статья эта заключаетъ въ себѣ. между прочимъ, слѣдующія выраженія: „Въ странѣ беззаконія, насилія и молчанія слишкомъ громко прозвучалъ, наконецъ, голосъ открыто конституалистическаго органа П. Б. Струве, чтобы волки, шакалы и совы нашей подцензурной прессы не постарались поставить преграды его растущему вліянію". „Великое дѣло русскаго освобожденія—дѣло наше, всѣхъ насъ, здраво понимающихъ благо своей родины, русскихъ людей. Мы привѣтствуемъ его на его славномъ пути борьбы съ главнымъ и важнѣйшимъ зломъ русской земли: съ обветшалымъ и затхлымъ самодержавіемъ, опирающимся на продажное и бездарное, пагубное для Россіи чиновничество". Изъ пріобщенныхъ къ дѣлу номеровъ журнала „*Освобожденіе*" и выпущенныхъ редакціей его отдѣльныхъ брошюръ, взятыхъ у Борманъ, усматривается, что означенный органъ издается за-границей, въ Штутгартѣ, подъ редакціей П. Б. Струве, при чемъ помѣщаемыя какъ въ журналѣ, такъ и въ упомянутыхъ брошюрахъ статьи, корреспонденціи, замѣтки и пр. направлены къ возбужденію русскаго населенія къ ниспроверженію установленнаго закономъ самодержавнаго образа правленія для замѣны таковаго конституціоннымъ строемъ". Дѣло это слушалось при закрытыхъ дверяхъ, такъ что не пускали даже родственниковъ обвиняемыхъ, при чемъ Аничкова приговорили къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на 2 года и 6 мѣсяцевъ, а Борманъ—къ заключенію въ тюрьмѣ на тотъ же срокъ. Послѣдняя, однако, скрылась послѣ суда за-границу и не отбывала наказанія.

вненно оппозиціоннѣе «слета» на Курской выставкѣ. Тутъ уже прямо высказывалась необходимость тѣсной организаціи оппозиціонныхъ элементовъ и активнаго противодѣйствія всеудушающей дѣятельности правительства [1]). И одно изъ такихъ «противодѣйствій» было осуществлено въ Ярославлѣ же, на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ. Въ качествѣ членовъ въ этотъ съѣздъ вошли и съѣхавшіе въ Ярославль земцы, и «третій элементъ», не только не имѣющій никакого отношенія къ сельскимъ хозяевамъ, но и не владѣвшій ни единою пядью земли. Это были такіе же «сельскіе хозяева», какъ «кустари» въ Полтавѣ. Вотъ этотъ-то «третій элементъ» совмѣстно съ земскою оппозиціею и учинили противодѣйствіе правительству на съѣздѣ аграріевъ. Дѣло произошло такимъ образомъ. Ярославскій губернаторъ Роговичъ, «другъ» Плеве, неизвѣстно почему запретилъ заслушать на съѣздѣ докладъ владимірскаго земскаго статистика А. В. Смирнова—«Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ». О такомъ отношеніи губернатора къ докладу было извѣстно раньше засѣданія, на которомъ онъ долженъ быть заслушанъ. Тогда, часть членовъ съѣзда, куда входили земцы и «третій элементъ» устроили совѣщаніе, на которомъ рѣшили протестовать противъ административнаго произвола [2]). Въ день засѣданія, когда по программѣ долженъ былъ читаться докладъ Смирнова, предсѣдатель, Кудрявый, сообщилъ, что получилъ отъ губернатора бумагу, въ которой требуется снять этотъ докладъ съ очереди. Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ членовъ съѣзда громогласно заявилъ протестъ: «снятіе доклада стѣсняетъ свободу съѣзда и лишаетъ его возможности исполнить возложенную на него задачу: вѣдь, снятъ докладъ, уже пропущенный распорядительнымъ совѣтомъ съѣзда; къ тому же занятія съѣзда не публичны». Послѣ этого поднимается кн. Д. И. Шаховской и предлагаетъ проектъ такой резолюціи: «областной съѣздъ, освѣдомленный о снятіи съ его обсужденія, по распоряженію г. ярославскаго губернатора, докладъ А. В. Смирнова выражаетъ сожалѣніе о случившемся и, признавая, что настоящее дѣйствіе г. губернатора лишаетъ съѣздъ возможности исполнитъ возложенное на него важное дѣло, постановилъ: принести жалобу на дѣйствія г. ярославскаго губернатора г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ» Кто-то предложилъ послать жалобу немедленно телеграммою. И это предложеніе было принято. Тогда нижегородскій губернскій земскій агрономъ Ткаченко сказалъ: «Господа! При такомъ нарушеніи элементарныхъ правъ съѣзда едва-ли возможно продолженіе дальнѣйшихъ занятій

---

[1]) На одномъ изъ большихъ частныхъ совѣщаній въ Ярославлѣ произошелъ такой инцидентъ. Губернаторъ Роговичъ, узнавъ, что въ Ярославлѣ находится и опальный кн. П. Д. Долгоруковъ, написалъ ему письмо съ просьбою оставить г. Ярославль. Доставить это письмо онъ поручилъ, если не ошибаюсь, самому полиціймейстеру. Тотъ искалъ Долгорукова по всему городу и, наконецъ, явился въ квартиру, гдѣ было совѣщаніе. Но П. Д. вышелъ въ прихожую, такъ что полиціймейстеръ сначала, кажется, не сообразилъ, что попалъ на тайное собраніе, на которыхъ было много народныхъ учителей и „третьяго элемента“. Но когда мы выходили, благополучно закончивъ бесѣды, то уже видѣли полицію. Однако неблагопріятныхъ послѣдствій не было.

[2]) Не сообщаемъ фамилій участниковъ, такъ какъ не имѣемъ на это разрѣшенія.

до полученія отвѣта министра на телеграмму». Раздались дружные апплодисменты, и залъ моментально опустѣлъ. Оппозиціонная часть членовъ отправилась послѣ этого въ гостиницу и устроила нѣчто въ родѣ банкета. По адресу правительства говорились болѣе чѣмъ откровенныя рѣчи, въ которыхъ рѣзко осуждался произволъ. Между прочимъ, рѣшено было явиться на слѣдующій день на засѣданіе съѣзда и сдѣлать запросъ,—полученъ ли отвѣтъ отъ министра и, если не полученъ, разойтись опять. Такъ и было сдѣлано. Вице-президентъ ярославскаго сельско-хозяйственнаго общества Сабанаевъ выразилъ на это протестъ, но въ результатѣ, въ залѣ засѣданія остались лишь служащіе по вѣдомству министерства земледѣлія и другіе чиновники, а оппозиція ушла. Она опять собралась въ гостиницѣ и послѣ дебатовъ составили протестъ, подписанный 63 лицами.

Какъ разъ въ это время черезъ Ярославль проѣзжалъ Плеве. Онъ направлялся, кажется, въ свое имѣніе и ѣхалъ по Волгѣ. Возмущенный оппозиціею съѣзда, ярославскій губернаторъ, Роговичъ, пользовавшійся, какъ мы говорили, расположеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, пожаловался послѣднему.

Этотъ доносъ отразился, между прочимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при посѣщеніи Нижняго-Новгорода, Плеве бесѣдовалъ съ представителями различныхъ учрежденій. Между прочимъ, предсѣдателю нижегородской губернской земской управы онъ говорилъ: «На этотъ разъ начну съ непріятности. Вашъ губернскій агрономъ, какъ передалъ мнѣ ярославскій губернаторъ, накуражилъ на ярославскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ. Подробностей не знаю, но если это было такъ, какъ мнѣ передано, то агрономъ долженъ быть удаленъ съ земской службы».

Отправившись затѣмъ въ больницу губернскаго земства, Плеве и тамъ продолжалъ говорить о дѣяніяхъ агронома Ткаченко въ Ярославлѣ. «За послѣднее время—сказалъ при этомъ министръ—завелся микробъ общественнаго скандала, мѣшающій мирному теченію дѣлъ въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ». Плеве убѣждалъ земцевъ, что «третій элементъ, будирующій общество, не долженъ быть терпимъ на земской службѣ». Съ чувствомъ негодованія министръ указалъ, что этотъ элементъ беретъ на себя на собраніяхъ руководящую роль, «не будучи облеченъ общественнымъ довѣріемъ». Плеве такъ возненавидѣлъ неизвѣстнаго ему нижегородскаго агронома Ткаченко, на основаніи доноса ярославскаго губернатора Роговича, что согласился посѣтить губернскую управу лишь при условіи, «чтобы губернскаго агронома между служащими управы не было, ибо я боюсь обойтись съ нимъ слишкомъ сурово».

Въ концѣ сентября 1903 года, какъ мы уже упоминали, состоялся громадный земскій съѣздъ въ Харьковѣ, имѣвшій несравненно большія послѣдствія, чѣмъ устроенный въ этомъ же городѣ съѣздъ 22 года тому назадъ, въ 1881 г.

Для этого съѣзда земцы воспользовались всероссійскою выставкою животноводства, устроенной харьковскимъ губернскимъ земствомъ совмѣстно съ харьковскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ.

Къ съѣзду заранѣе были сдѣланы приготовленія, причемъ «осво-

божденцы» позаботились о подысканіи конспиративной квартиры для своихъ частныхъ засѣданій [1]).

На этихъ частныхъ засѣданіяхъ заслушаны были доклады пріѣхавшихъ въ Харьковъ изъ-за-границы,—какъ мы уже говорили,—основателей «Союза Освобожденія». Въ общемъ программа его была одобрена и тутъ же былъ набросанъ проектъ организаціи отдѣловъ «Союза» во всей земской и, по-возможности, неземской Россіи. Какъ ни грандіозенъ былъ этотъ планъ, но для земства осуществить его было не трудно. Мы уже не разъ говорили, что земская организація, въ сущности говоря, давно существовала.

Выступленіе губернскихъ земствъ, въ качествѣ объединителей дѣятельности уѣздовъ, еще въ началѣ 90-хъ годовъ создало уже правильное представительство въ губерніи уѣздовъ по различнымъ земско-общественнымъ вопросамъ. Изъ этого земскаго представительства не трудно было создать и представительство политическое. Слѣдовало только дать опредѣленный лозунгъ, поднять, такъ сказать, знамя и собрать подъ нимъ всю громадную земскую рать отъ народныхъ учителей въ деревенской глуши до земскихъ организацій въ губернскихъ городахъ. Но мы знаемъ, что у земства связи шли и дальше: представители науки, литературы, столичная интеллигенція, всевозможныя просвѣтительныя, сельско-хозяйственныя и другія организаціи—все это, какъ мы видѣли, было соединено съ земствомъ самыми тѣсными узами.

Поэтому въ Харьковѣ въ общихъ чертахъ намѣчался нижеслѣдующій планъ, вытекающій изъ дѣйствительности, и соотвѣтствующій болѣе чѣмъ 40-ка-лѣтнему земскому представительству, выработавшему уже историческія, такъ сказать, традиціи.

Въ обѣихъ столицахъ и въ каждомъ губернскомъ городѣ земскихъ губерній организуются губернскія отдѣленія «Союза Освобожденія». Они, считаясь съ мѣстными условіями и всѣми особенностями своей губерніи, организуютъ уѣздныя отдѣленія, а эти послѣднія—сельскія отдѣленія. При посредствѣ правильнаго представительства, села объединяются въ уѣздныхъ городахъ, а уѣздные города—въ губернскомъ городѣ, въ которомъ сосредоточены: центральная касса изъ членскихъ взносовъ, взимаемыхъ на основѣ подоходности, центральный складъ литературы, общегубернская агентура по всевозможнымъ надобностямъ и т. п. Нѣсколько губерній, по ихъ естественно-исто-

---

[1]) При этомъ произошелъ такой инцидентъ. Одинъ домовладѣлецъ г. Харькова, соціалъ-демократъ по убѣжденіямъ, охотно согласился дать свое помѣщеніе для совѣщаній „освобожденцевъ". Адресъ этой квартиры и былъ сообщенъ въ разные города Россіи. Какъ вдругъ утромъ въ день съѣзда у этого домовладѣльца былъ произведенъ обыскъ и поставлена полиція, а вечеромъ должны были въ этотъ домъ пріѣхать земцы. Пришлось тогда разставить собственную „стражу" и на вокзалѣ, и на улицѣ, гдѣ расположенъ домъ. Въ концѣ концовъ всѣхъ успѣли предупредить, и все обошлось благополучно. На другой же день двое видныхъ харьковскихъ земскихъ дѣятелей сняли частную квартиру на свое имя, поселились въ ней и устраивали у себя засѣданія. Кромѣ того, засѣданія происходили въ квартирѣ одного писателя. Не сообщаемъ фамилій дѣйствующихъ лицъ, потому что не успѣли заручиться согласіемъ. Отмѣтимъ только, что въ этомъ приняло участіе 5 харьковскихъ земцевъ, жившій въ Харьковѣ писатель, 2 земца изъ Курска, 1 земецъ и 1 представитель „третьяго элемента" изъ Чернигова, 1 земецъ изъ Ярославля, 1 профессоръ изъ Кіева, 1 представитель „третьяго элемента" изъ Одессы, 1 земецъ изъ Москвы и 1 писатель и одна писательница изъ Петербурга.

рическимъ условіямъ или по удобству путей сообщенія, объединялись въ области. Областной городъ, удобно расположенный по отношенію ко всѣмъ входящимъ въ область губерніямъ, сносился непосредственно съ центральнымъ комитетомъ, организуемымъ въ Москвѣ или Петербургѣ. Центральный комитетъ завѣдывалъ всѣми дѣлами «Союза Освобожденія», занимаясь доставкою въ областные города заграничной литературы,—главнымъ образомъ «*Освобожденія*» и его изданій,—назначалъ общія собранія представителей отъ всѣхъ отдѣленій «Союза», а въ экстренныхъ случаяхъ дѣлалъ распоряженія безъ разрѣшенія собранія, при условіи сообщенія послѣднему о своихъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ безъ санкціи общаго собранія. По мѣрѣ силъ и возможности, центральный комитетъ долженъ былъ организовать отдѣленія «Союза» и въ не земскихъ губерніяхъ, при чемъ въ центральномъ комитетѣ должны быть правильно избранные представители отъ націй, входящихъ въ составъ Россіи, какъ поляки, финляндцы, кавказцы и т. п. Кромѣ того, какъ въ этомъ же комитетѣ, такъ въ областныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ желательно представительство всѣхъ существующихъ въ Россіи политическихъ партій и профессіональныхъ профессій: адвокатовъ, врачей, писателей, агрономовъ, представителей драматическаго искусства, всевозможныхъ рабочихъ организацій и крестьянскихъ, если таковые возникнутъ. Центральный комитетъ для своихъ расходовъ пользуется опредѣленнымъ процентомъ взносовъ, поступающихъ въ губернскіе комитеты.

Таковъ былъ, повторяемъ, грандіозный планъ, намѣченный въ Харьковѣ и впослѣдствіи вполнѣ осуществленный. Это произошло уже въ началѣ 1904 года, когда названный планъ, дополненный и оформленный, былъ санкціонированъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ названномъ году выработанъ былъ уставъ «Союза» и избранъ центральный комитетъ, названный «Совѣтомъ Союза Освобожденія» (переизбирался ежегодно).

Но объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а сейчасъ возвратимся къ историческому харьковскому съѣзду.

«Освобожденцы», совѣщаясь частнымъ образомъ по дѣламъ «Союза Освобожденія», въ то же время принимали самое близкое и энергичное участіе въ обще-земскомъ съѣздѣ, который работалъ и открыто, въ засѣданіяхъ комиссій по выставкѣ животноводства, и полулегально—въ гостиницахъ.

Въ составѣ обще-земскаго съѣзда были лица самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, но преобладали «шиповцы». Д. Н. Шиповъ, иниціаторъ и, можно сказать, создатель обще земскихъ съѣздовъ, придерживался, какъ мы уже говорили, славянофильскаго толка. Онъ, будучи противникомъ западно-европейскаго парламентаризма, желалъ примирить самодержавный полицейско бюрократическій строй съ новыми формами общественной и государственной жизни или, вѣрнѣе, возвратиться къ старой, до петровской Руси, къ «земскимъ соборамъ». Въ нашу задачу не входитъ ни критика, ни полемика съ представителями партій или какихъ бы то ни было направленій, а потому мы ограничиваемся лишь констатированіемъ факта для объективнаго, по возможности, изложенія исторіи земскаго движенія.

И вотъ, съ объективной точки зрѣнія, мы не можемъ не отмѣтить громадной заслуги Д. Н. Шипова въ смыслѣ объединенія земствъ еще въ то время, когда политическая сторона дѣла являлась достояніемъ лишь неширокихъ земскихъ сферъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что искренность Д. Н. Шипова, его полная терпимость къ другимъ взглядамъ, его деликатность дѣлали то, что на «шиповскихъ» съѣздахъ господствовали неограниченная свобода слова и мнѣній, а это обстоятельство давало возможность всесторонняго выясненія иныхъ точекъ зрѣнія и, слѣдовательно,—вербовки членовъ изъ состава шиповскихъ съѣздовъ въ другія организаціи. Этою важною особенностью, конечно, не могли не пользоваться «освобожденцы». Помимо того, они придерживались правильнаго, по нашему мнѣнію, взгляда, что немыслимо всѣхъ людей сдѣлать поклонниками одного направленія, а между тѣмъ каждый человѣкъ искренно стремившійся ко благу своей родины *чѣмъ-нибудь* могъ быть полезенъ. Такъ, напримѣръ, въ программу «Союза Освобожденія», какъ мы видимъ, входитъ и «осуществленіе глубокихъ культурныхъ и правовыхъ преобразованій (школьная реформа, судъ и т. д.). Въ этой реформѣ всѣ участники «шиповскихъ» съѣздовъ могли оказать самыя существенныя услуги, такъ какъ никто изъ нихъ не былъ противникомъ широкаго образованія народа, хорошаго суда и т. п. Затѣмъ всѣ они стояли за широкое земское самоуправленіе, что также входило въ программу «Союза Освобожденія». Слѣдовательно, было бы не только не тактично, а прямо таки вредно, если бы «освобожденцы», фанатически придерживаясь каждаго пункта своей программы, игнорировали «шиповцевъ». Кромѣ послѣднихъ, на харьковскомъ съѣздѣ были чистые конституціоналисты, не-демократы, которые уже не только въ сферѣ культуры и самоуправленія ничѣмъ не рознились отъ «освобожденцевъ», но раздѣляли и ихъ политическіе взгляды. Словомъ «освобожденцы» поступали такъ, какъ когда они представляли лишь земскую оппозицію: занимая центральное положеніе, они дѣйствовали на нѣсколько фронтовъ, стремясь, по земской традиціи, объединять, — несогласныхъ съ ними въ цѣломъ,—по отдѣльнымъ пунктамъ своей программы.

Такая тактика дала для «освобожденцевъ» богатые результаты на харьковскомъ съѣздѣ. Въ цѣломъ съѣздъ былъ настроенъ весьма оппозиціонно, при чемъ рядъ членовъ съѣзда, пользуясь всякимъ случаемъ, выдвигали въ комиссіяхъ по выставкѣ чисто конституціонныя требованія, не говоря уже о разныхъ указаніяхъ на произволъ администраціи, на преслѣдованія печати, на невозможныя условія, въ которыя поставлено земство, и т. п.

Въ Харьковѣ же рѣшено было устроить съѣздъ въ началѣ 1904 г. въ Петербургѣ, во время предполагавшихся тамъ съѣзда и выставки по техническому образованію. И все это происходило въ самый разгаръ реакціи, руководимой Плеве, въ тотъ моментъ, когда онъ изобрѣталъ все новыя и новыя путы для страны, особенно налегая на земство.

Въ самомъ концѣ 1903 года диктатору былъ приподнесенъ еще сюрпризъ, въ видѣ единообразныхъ постановленій очередныхъ губерн-

скихъ земскихъ собраній [1]), о которыхъ мы выше упоминали. Въ виду однообразія этихъ постановленій, сдѣланныхъ согласно петербургскаго «собесѣдованія», мы приведемъ свѣдѣнія лишь о нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ.

Такъ, на костромскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Ю. А. Спасскій считалъ необходимымъ къ предлагаемому ходатайству сдѣлать дополненіе, чтобы, кромѣ мѣстнаго обсужденія законопроектовъ на земскихъ собраніяхъ, были приглашаемы въ центральныя и мѣстныя правительственныя учрежденія земскіе представители, избранные губернскимъ земскимъ собраніемъ и чтобы земскимъ представителямъ на этихъ совѣщаніяхъ была гарантирована свобода слова и неприкосновенность личности при обсужденіи земскихъ вопросовъ. Губернское собраніе, принявъ предложеніе губернской управы, поддержанное подготовительной комиссіей, а также предложеніе гласнаго Ю. А. Спасскаго, постановило возбудить соотвѣтствующія ходатайства.

Костромской губернаторъ, признавая, что возбужденное губернскимъ собраніемъ, въ числѣ другихъ ходатайствъ, ходатайство предъ правительствомъ о томъ, чтобы представителямъ земства была гарантирована свобода слова и неприкосновенность личности при обсужденіи вопросовъ по дѣламъ земства,—не имѣетъ никакого отношенія къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, ввѣреннымъ попеченію земскихъ учрежденій, передалъ постановленіе собранія въ указанной части на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе, согласившись съ заключеніемъ губернатора, опредѣлило отмѣнить постановленіе губернскаго земскаго собранія въ части его, касающейся возбужденія предъ правительствомъ ходатайства о томъ, чтобы представителямъ земства была гарантирована свобода слова и неприкосновенность личности при обсужденіи вопросовъ по дѣламъ земства.

Курская губернская земская управа представляла очередному губернскому собранію докладъ «по вопросамъ, связаннымъ съ поѣздкой предсѣдателя губернской управы въ Петербургъ для участія въ комиссіяхъ объ упадкѣ средне-черноземныхъ губерній и по народному продовольствію» и въ этомъ докладѣ, между прочимъ, предлагала возбудить ходатайства предъ правительствомъ: 1) о передачѣ законопроектовъ, касающихся мѣстной хозяйственной жизни на заключеніе земскихъ собраній, 2) чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ правительственныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ правительство признаетъ нужнымъ участіе земскихъ дѣятелей, сообщались предварительно земскимъ собраніямъ и 3) чтобы въ эти комиссіи приглашались земскіе люди по выбору земскихъ собраній.

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что и уѣздныя очередныя земскія собранія 1903 года не могли порадовать Плеве. Достаточно сказать, что Зарайское, Сѣвское, Пронское, Крестецкое, Слободское, Водячское, Малмыжское, Новосильское, Уржумское, Скопинское, Харьковское, Вязниковское, Ливенское, Владимірское, Сызранское, Аваньевское, Валуйское, Гжатское, Тамбовское, Бѣлозерское, Бирюченское, Изюмское, Коломенское, Муромское, и многія другія уѣздныя земскія собранія высказались за пониженіе выборнаго ценза, за право сельскимъ обществамъ непосредственно избирать гласныхъ, за избирательное право женщинъ и т. п.

Докладъ этотъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, остался не разсмотрѣннымъ собраніемъ очередной сессіи 1903 г., но при обсужденіи собраніемъ доклада губернской управы «о пріостановленіи введенія въ дѣйствіе закона 12 іюня 1902 г. о ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ»—гласный А. Н. фонъ-Рутценъ, отмѣчая съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія, что представленія губернскихъ земствъ побудили правительство пріостановить введеніе закона 12 іюня 1902 г. измѣнить его, предложилъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы законопроекты, касающіеся мѣстныхъ пользъ и нуждъ, предлагались на обсужденіе земскихъ собраній, а также о томъ, чтобы въ случаѣ желанія правительства ознакомиться при выработкѣ ихъ съ мнѣніемъ мѣстныхъ дѣятелей, назначеніе таковыхъ въ комиссіи и совѣщанія было предоставлено земскимъ собраніямъ. Это предложеніе было принято собраніемъ единогласно, но постановленіе собранія было по протесту губернатора отмѣнено губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ.

Московское губернское земское собраніе, согласно предложенію управы въ докладѣ ея «о новыхъ правилахъ о ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ» единогласно постановило: 1) возбудить ходатайство предъ правительствомъ, чтобы составляемые въ центральныхъ учрежденіяхъ, въ цѣляхъ удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни, а слѣдовательно и нуждъ Московской губерніи, законопроекты были предлагаемы, прежде внесенія ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, на разсмотрѣніе московскаго губернскаго земскаго собранія; 2) принимая во вниманіе, что въ послѣднее время къ участію въ совѣщаніяхъ при центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной жизни, приглашаются представители нѣкоторыхъ губернскихъ управъ и признавая по существу дѣла желательнымъ, чтобы къ участію въ такихъ совѣщанія были приглашаемы представители земскихъ учрежденій изъ всѣхъ губерній,—возбудить предъ правительствомъ ходатайство, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлекать къ участію въ совѣщаніяхъ при центральныхъ учрежденіяхъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались и изъ Московской губерніи, при чемъ: а) губернскому земскому собранію было бы предоставлено уполномочивать по его усмотрѣнію участвовать въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого-либо изъ состава губернской управы, или изъ состава собранія и б) губернское собраніе, одновременно съ предложеніемъ намѣтить своего представителя, было бы поставляемо въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи.

Затѣмъ собраніе принимая во вниманіе производящійся пересмотръ положенія 19 февраля 1861 г., большинствомъ противъ одного голоса постановило—возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство о томъ, чтобы имѣющіе быть выработанными законопроекты по пересмотру положенія о крестьянахъ были предложены прежде внесенія ихъ на уваженіе государственнаго совѣта, на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія.

Нижегородской губернской земской управой былъ представленъ собранію особый докладъ—«о командировкахъ предсѣдателя и членовъ

нижегородской губернской земской управы по вызову высшаго правительства» Представивъ отчетъ объ участіи предсѣдателя и членовъ управы въ разныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ по различнымъ вопросамъ земскаго хозяйства и разработкѣ нѣкоторыхъ законопроектовъ, относящихся къ области дѣятельности земства, губернская управа въ своемъ докладѣ коснувшись вопроса—насколько обезпечивается тѣмъ способомъ приглашеній, который былъ принятъ въ указанныхъ случаяхъ, выраженіе мнѣнія земства, замѣчала, что согласованность выраженнаго мнѣнія съ мнѣніемъ земства, при данныхъ условіяхъ, подвержена случайностямъ. Въ заключеніи доклада управа высказала мнѣніе, что въ эту сферу дѣятельности земства поставленную на очередь самимъ высшимъ правительствомъ путемъ вызова съ мѣстъ земскихъ дѣятелей, желательно внести больше опредѣленности, что могло бы быть достигнуто, если бы земскіе дѣятели въ этихъ случаяхъ приглашались изъ всѣхъ губерній, при чемъ собранія могли бы уполномочивать ихъ не только изъ состава управъ, но и изъ состава гласныхъ, кромѣ того было бы весьма желательно, чтобы собранія были освѣдомлены о предметахъ, подлежащихъ обсужденію, дабы имѣть возможность сообщить свои указанія.

Губернское собраніе единогласно согласилось съ докладомъ и высказалось за желательность возбужденія предъ правительствомъ соотвѣтствующаго ходатайства. Это постановленіе, опротестованное губернаторомъ, было внесено на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которое нашло, что губернское земское собраніе, высказавшись за возбужденіе указаннаго въ докладѣ управы ходатайства, вышло изъ круга вѣдомства, предоставленнаго ему закономъ, и отмѣнило постановленіе собранія.

Новгородское губернское земское собраніе при обсужденіи доклада губернской управы о народномъ продовольствіи, признавъ нужнымъ повторить ходатайство, возбужденное въ прошломъ году о приглашеніи представителей новгородскаго земства къ участію въ предположенномъ составленіи новаго общаго продовольственнаго устава, съ правомъ рѣшающаго голоса и о препровожденіи проекта продовольственнаго устава на предварительное разсмотрѣніе земскаго собранія—постановило дополнить ходатайство о приглашеніи представителей новгородскаго земства словами «по выбору земскихъ собраній».

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ гласный А. М. Колюбакинъ предложилъ собранію возбудить ходатайство, чтобы земскимъ собраніямъ было предоставлено право выбора представителей, когда правительство находитъ нужнымъ приглашать при обсужденіи какихъ-либо вопросовъ мѣстныхъ людей. Возбужденный А. М. Колюбакинымъ вопросъ, по предложенію предсѣдателя собранія, былъ переданъ собраніемъ въ засѣданіи его 14 января 1904 г. на предварительное разсмотрѣніе комиссіи. 24 января, когда предложено было разсмотрѣть заключеніе комиссіи по этому вопросу, предсѣдатель собранія заявилъ, что ознакомившись съ вопросомъ въ комиссіи, снимаетъ съ очереди докладъ комиссіи о ходатайствѣ предъ правительствомъ относительно передачи на предварительное заключеніе земскихъ собраній проектовъ

законоположеній, касающихся вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія земствъ и о приглашеніи въ правительственныя комиссіи представителей земствъ по выбору земскихъ собраній, такъ какъ вопросы эти, по мнѣнію предсѣдателя собранія, не входятъ въ компетенцію земскаго собранія, объявивъ при этомъ, что недовольные распоряженіемъ могутъ обжаловать его въ Правительствующій Сенатъ.

Полтавская губернская земская управа представила очередному губернскому собранію докладъ «о возбужденіи ходатайства о томъ, чтобы законопроекты, затрагивающіе интересы Полтавской губерніи и подлежащіе по закону вѣдѣнію земскихъ учрежденій, передавались на предварительное обсужденіе губернскаго земскаго собранія». Въ заключеніи этого доклада управа предлагала возбудить предъ правительствомъ два ходатайства: 1) о предварительной передачѣ на обсужденіе полтавскаго губернскаго земскаго собранія, выработанныхъ въ настоящее время административными органами законопроектовъ— о губернскомъ управленіи, о сельскомъ состояніи, о мѣстныхъ дорогахъ и другихъ, непосредственно относящихся къ Полтавской губерніи и входящихъ въ кругъ предоставленныхъ закономъ вѣдѣнію полтавскаго земства предметовъ и 2) чтобы всякій разъ, когда къ участію въ работахъ разныхъ комиссій при министерствахъ, имѣющихъ отношеніе къ Полтавской губерніи, привлекаются мѣстные люди, участвовали бы и гласные по выбору полтавскаго губернскаго земскаго собранія. Докладъ этотъ не былъ разсмотрѣнъ собраніемъ во время очередной сессіи и былъ вновь внесенъ губернской управой въ экстренное собраніе, открывшееся 11 мая с. г. Несмотря на то, что докладъ этотъ былъ допущенъ губернаторомъ къ разсмотрѣнію собраніемъ, предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства, заявилъ, что онъ сниметъ его съ обсужденія, во первыхъ въ виду того, что докладъ затрагиваетъ вопросъ государственной организаціи, который въ компетенцію губернскаго земства входить не можетъ, и во-вторыхъ, въ виду того, что не дальше, какъ мѣсяцъ назадъ учрежденъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ департаментъ по мѣстнымъ дѣламъ, при которомъ предположено создать отдѣльный совѣтъ, въ который будутъ входить представители земствъ.

Гласный *К. К. Арсеньевъ* внесъ въ *с.-петербургское* губернское земское собраніе слѣдующее предложеніе: принимая во вниманіе 1) что въ практикѣ с.-петербургскаго губернскаго земства имѣются случаи ходатайства о допущеніи губернскаго земскаго собранія или избранныхъ имъ представителей къ участію въ обсужденіи вопросовъ, близко касающихся земства и земской дѣятельности, 2) что въ настоящее время предстоитъ обсужденіе новыхъ узаконеній о крестьянахъ, долженствующихъ стать на мѣсто положенія 19 февраля 1861 г. и послѣдующихъ, изданныхъ въ дополненіе или измѣненіе ихъ, законодательныхъ актовъ, 3) что земскія учрежденія прямо заинтересованы въ наилучшей организаціи крестьянства, какъ наиболѣе многочисленной и наиболѣе нуждающейся въ поддержкѣ части земства и 4) что они заинтересованы равномѣрно и въ преобразованіи губернскихъ учрежденій, среди которыхъ имъ принадлежитъ немаловажное мѣсто,—гласный предлагаетъ возбудить ходатайство о предоставленіи

с.-петербургскому губернскому земскому собранію возможности высказать непосредственно или черезъ избранныхъ имъ представителей свой взглядъ на вышеупомянутыя преобразованія, въ связи съ пользами и нуждами С.-Петербургской губерніи. Собраніе согласилось съ К. К. Арсеньевымъ.

Въ *тамбовскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи предсѣдатель губернской управы доложилъ записку, *подписанную 26-ью гласными*, по вопросу о выборѣ собраніемъ изъ своей среды лицъ для участія въ совѣщаніяхъ, въ которыя правительство признаетъ нужнымъ приглашать мѣстныхъ людей. Собраніе, послѣ преній, единогласно приняло положенія, высказанныя въ запискѣ и постановило возбудить ходатайство передъ правительствомъ о томъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлекать къ участію въ совѣщаніяхъ при министерствахъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались черезъ посредство губернскаго земскаго собранія и чтобы тамбовскому губернскому земскому собранію было предоставлено уполномочивать по его усмотрѣнію къ участію въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого либо изъ состава губернской управѣ или изъ состава губернскаго собранія и чтобы губернское собраніе одновременно съ предложеніемъ назначить своего уполномоченнаго было поставлено въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи и могло въ случаѣ, если оно признаетъ это нужнымъ преподать своему уполномоченному руководящія указанія; кромѣ того ходатайствовать, чтобы представитель Тамбовской губерніи на указанныхъ условіяхъ приглашался во всѣ такія совѣщанія. Затѣмъ собраніе, согласившись съ мнѣніемъ гласнаго Ю. А. Новосильцева, единогласно постановило: въ виду тѣхъ осложненій, которыя происходили въ прошломъ году въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, возбудить ходатайство о томъ, чтобы лица, участвующія въ подобныхъ совѣщаніяхъ, за выраженныя ими мнѣнія не могли быть подвергнуты административнымъ взысканіямъ, а отвѣчали бы лишь по суду. Это послѣднее постановленіе было опротестовано тамбовскимъ губернаторомъ и отмѣнено губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ, какъ затрагивающее интересы только отдѣльныхъ лицъ, выразителемъ коихъ не могутъ быть признаны земскія учрежденія и какъ относящееся по существу къ предметамъ внутренняго государственнаго управленія.

Въ *тверскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи въ засѣданіи 10 декабря 1903 г. гласный И. И. Петрункевичъ внесъ слѣдующее предложеніе: Въ виду пересмотра въ настоящее время вопроса о крестьянахъ и тѣхъ законоположеній, которыми регулируется крестьянская жизнь и принимая во вниманіе, что около 80% населенія Тверской губерніи составляютъ крестьяне, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами земства Тверской губерніи, обратиться съ ходатайствомъ къ правительству, чтобы, прежде чѣмъ заключенія комиссіи по пересмотру положенія о крестьянахъ обратятся въ законоположенія, вопросъ этотъ былъ переданъ на обсужденіе тверского губернскаго земскаго собранія. Предположеніе о возбужденіи указаннаго ходатайства принято было собраніемъ громаднымъ большинствомъ. Въ допол-

неніе къ этому постановленію въ засѣданіи 13 декабря членъ губернской управы, Н. К. Милюковъ, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: Имѣя въ виду, 1) что въ настоящее время въ центральныхъ учрежденіяхъ разсматривается много законопроектовъ, касающихся интересовъ мѣстнаго населенія, его правъ и обязанностей, а также правъ и обязанностей земства, напримѣръ измѣненіе въ положеніи о начальныхъ училищахъ, законопроектъ о мѣстныхъ дорогахъ и др., 2) что въ эти учрежденія для разсмотрѣнія этихъ законопроектовъ приглашаются хотя и совершенно случайно по личному выбору того или иного министра или предсѣдателей комиссіи, представители земства и наконецъ 3) что земство не можетъ предвидѣть, какіе именно законопроекты будутъ обсуждаться въ ближайшемъ будущемъ,—Н. К. Милюковъ предложилъ губернскому земскому собранію ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ: 1) чтобы всѣ законопроекты, касающіеся интересовъ населенія Тверской губерніи, его правъ и обязанностей, а также правъ и обязанностей земства, передавались на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе земскихъ собраній Тверской губерніи, 2) чтобы заключенія земскихъ собраній Тверской губерніи по этимъ законопроектамъ передавались въ подлежащія вѣдомства и послѣдними имѣлись въ виду при составленіи окончательныхъ заключеній и 3) чтобы въ центральныя учрежденія, при разсмотрѣніи этихъ законопроектовъ и заключеній по нимъ земствъ Тверской губ., были приглашаемы лица, избранныя тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ съ правомъ голоса, одинаковымъ съ прочими членами этихъ учрежденій. Предложеніе Н. К. Милюкова было принято собраніемъ большинствомъ противъ двухъ.

При обсужденіи въ *тульскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи въ засѣданіи 17 декабря 1903 г. доклада губернской управы по поводу предложенія министерства народнаго просвѣщенія принять на счетъ казны жалованье учащимъ въ начальныхъ училищахъ, гласный Р. А. Писаревъ указалъ, что въ настоящемъ случаѣ министерство несомнѣнно проявляетъ стремленіе къ умаленію значенія земства въ дѣлѣ народной школы такъ же, какъ это было очевидно изъ проекта указа училищнымъ совѣтамъ, разсмотрѣннаго на съѣздѣ въ Москвѣ при учебномъ округѣ. Подобныя этому съѣзду обсужденія проектируемыхъ мѣропріятій могли бы предупредить трудное положеніе земства, которому пришлось уже ходатайствовать о непримѣненіи утвержденныхъ законовъ, напримѣръ, лѣчебнаго устава 1893 г. и ветеринарныхъ правилъ 1902 г. Гласный предложилъ собранію ходатайствовать о томъ, чтобы законоположенія, касающіяся мѣстныхъ нуждъ, передавались на предварительное обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній и затѣмъ, чтобы лица, вызываемыя правительственными учрежденіями для обсужденія этихъ законопроектовъ, были избираемы губернскими земскими собраніями. Предсѣдатель губернскаго собранія, губернскій предводитель дворянства, заявилъ, что это предложеніе гласнаго Писарева будетъ обсуждаться какъ дополнительное къ предложеніямъ обсуждаемаго доклада управы по народному образованію, по окончаніи его разсмотрѣнія, но назначенное на 20 декабря 1903 г. предсѣдателемъ засѣданія, въ которомъ предстояло обсудить предло-

женіе гласнаго Писарева, не состоялось по случаю неприбытія въ собраніе ни предсѣдателя, ни лица его замѣняющаго. Такъ какъ собравшимся гласнымъ предстояло ожидать неопредѣленное время желаніе правящаго должность губернскаго предводителя дворянства вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, то гласные разъѣхались и вмѣстѣ съ вопросомъ, возбужденнымъ Р. А. Писаревымъ, остались не разсмотрѣнными еще нѣсколько докладовъ губернской управы.

Въ *уфимское* губернское земское собраніе былъ внесенъ докладъ предсѣдателя бирской земской управы по поводу участія его въ подготовительной при Особомъ Совѣщаніи комиссіи по составленію проекта положенія о мѣстныхъ дорогахъ. Гласный И. Г. Жуковскій указалъ на слабыя стороны существующаго порядка приглашенія мѣстныхъ людей въ комиссіи и совѣщанія при центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и предложилъ возбудить ходатайство, чтобы при предварительномъ обсужденіи законопроектовъ, тѣсно соприкасающихся съ мѣстными экономическими интересами, приглашались къ участію земскіе уполномоченные, избранные земскими собраніями и за симъ проекты такихъ законоположеній передавались на разсмотрѣніе земскихъ собраній. Собраніе единогласно согласилось съ этимъ предложеніемъ и постановило возбудить соотвѣтствующее ходатайство, но постановленіе это было опротестовано губернаторомъ и отмѣнено уфимскимъ губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ.

Соединенная комиссія, ревизіонная и редакціонная, представила *харьковскому* губернскому земскому собранію обширное заключеніе по докладу губернской управы—объ исполненіи постановленій собранія. Въ первой части своего заключенія соединенная комиссія предлагала собранію обжаловать въ сенатъ цѣлый рядъ распоряженій администраціи, которыми нарушались права, предоставленныя земскимъ учрежденіямъ положеніемъ 1890 г., а во второй части комиссія останавливала вниманіе собранія на запискѣ земскихъ дѣятелей, представленной ими предсѣдателю комиссіи объ оскудѣніи центра, образованной при Особомъ Совѣщаніи, о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Соединенная комиссія считала необходимымъ и неотложнымъ поддержать въ формѣ ходатайства пожеланіе, выраженное въ запискѣ земскихъ дѣятелей, о томъ, чтобы при обсужденіи предстоящихъ реформъ былъ выслушанъ голосъ земскихъ учрежденій и предлагала губернскому собранію возбудить слѣдующія ходатайства: 1) чтобы законопроектъ, касающійся преобразованій въ положеніи о сельскомъ состояніи, былъ, предварительно обсужденія его въ губернскихъ комитетахъ, переданъ на заключеніе экстренныхъ губернскихъ земскихъ собраній, 2) чтобы земскимъ собраніямъ было предоставлено выбрать въ губернскіе комитеты достаточное количество представителей (хотя по числу уѣздовъ, входящихъ въ составъ губерніи), 3) чтобы было предоставлено комитетамъ и губернскимъ собраніямъ обсуждать вопросъ во всей его полнотѣ и чтобы стремленіе къ полнотѣ обсужденія не вызывало негласныхъ административныхъ взысканій для участниковъ земскихъ собраній, 4) объ отмѣнѣ закона о предѣльности земскаго обложенія, 5) объ отмѣнѣ 2-го пункта 87 ст.

полож. о зем. учр., 6) о передачѣ на предварительное обсужденіе земскихъ собраній всѣхъ законопроектовъ, касающихся реорганизаціи мѣстной жизни и мѣстныхъ учрежденій, 7) о разрѣшеніи созывовъ обще-земскихъ съѣздовъ для обсужденія вопросовъ, касающихся общеземскихъ нуждъ и 8) чтобы земскіе представители, вызываемые въ Петербургъ въ правительственныя комиссіи, не назначались со стороны министерства, а избирались земскими собраніями. 17 декабря 1903 г. губернское собраніе заслушало докладъ управы «объ исполненіи постановленій собранія», чтеніе же заключенія по нему соединенной комиссіи было остановлено предсѣдателемъ собранія, губернскимъ предводителемъ дворянства, выразившимъ желаніе предварительно ознакомиться съ его содержаніемъ. На слѣдующій день предсѣдатель заявилъ, что докладъ комиссіи не будетъ имъ предложенъ на обсужденіе собранія въ виду того, что во второй части своего заключенія комиссія предлагаетъ возбудить ходатайства, «касающіяся не мѣстныхъ нуждъ, а общегосударственнаго порядка и законовъ», въ первой же части хотя комиссія и предлагаетъ принести жалобы, входящія несомнѣнно въ кругъ компетенціи земскаго собранія, но «съ одной стороны является затруднительнымъ выдѣлить эту часть изъ доклада и кромѣ того въ мотивировкѣ этого заключенія комиссіей допущены нѣкоторыя соображенія, допустить которыя для предсѣдателя является невозможнымъ».

Такимъ образомъ правительство, въ лицѣ Плеве, добилось въ 1903 году объединенія земствъ не только на легальной, но и на нелегальной почвѣ, въ видѣ «Союза Освобожденія».

Но слѣпая, самодержавная бюрократія не считалась съ дѣйствительностью или, скорѣе всего, не знала о ней во всемъ объемѣ, и попрежнему продолжали свою реакціонную политику, ведя старый режимъ къ пропасти.

Этого достигла она уже въ 1904 году, къ обозрѣнію котораго и перейдемъ.

И. П. Бѣлоконскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записка министра юстиціи графа Палена [1]).

Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи (1875 г.)

Въ началѣ 1874 г. въ нѣкоторыхъ изъ губерній средней и преимущественно восточной полосы Россіи, стали обнаруживаться признаки противоправительственной пропаганды: сначала темные и неопредѣленные, потомъ все болѣе и болѣе ясные и несомнѣнные, и, наконецъ, 31 мая того же 1874 года, было возбуждено въ городѣ Саратовѣ дознаніе о распространеніи въ народѣ книгъ революціоннаго содержанія. Первыми же дѣйствіями этого дознанія было установлено, что многіе молодые люди, изъ которыхъ нѣкоторые бросили ученье, одѣлись въ крестьянскіе костюмы, запаслись фальшивыми письменными видами и въ качествѣ простыхъ чернорабочихъ двинулись, по ихъ выраженію „въ народъ", имѣя задачею проводить въ немъ, путемъ печатныхъ сочиненій и устной пропаганды, революціонныя идеи. Развиваясь далѣе, саратовское дознаніе обнаружило: во 1), что въ Москвѣ уже довольно продолжительное время существуетъ типографія, содержимая правительственнымъ стенографомъ Мышкинымъ и управляемая чиновникомъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора Уткинымъ, въ какой набирались и печатались книги и брошюры преступнаго содержанія, массою захваченныя въ Саратовѣ и долженствовавшія служить дѣлу распространенія въ народѣ вышеозначенной пропаганды; во 2), что пропаганда эта не ограничивалась какой либо отдѣльною мѣстностью, а развивалась въ большинствѣ великорусскихъ и малорусскихъ губерній; въ 3), что дѣятели ея вполнѣ между собою солидарны, какъ по направленію конечной цѣли, такъ и по самымъ пріемамъ, средствамъ и способамъ своихъ дѣйствій. Произведенными дознаніями настолько уже выяснились въ настоящее время всѣ фазисы развитія въ Россіи преступной революціонной пропаганды, что представляется полная возможность съ вѣроятностью опредѣлить какъ ея общій характеръ, такъ и тѣ основанія и условія, въ силу существованія которыхъ въ самомъ обществѣ она могла принять столь обширные размѣры и выразиться въ столь прискорбныхъ проявленіяхъ.

Въ главныхъ чертахъ обнаружено слѣдующее: дѣло распространенія революціонной пропаганды есть дѣло не новое, выросшее и созрѣвшее лишь въ 1874 году.

[1]) Эта „записка"—образецъ политической мудрости нашей бюрократіи,—является важнымъ историческимъ документомъ. Она была издана еще въ 70-хъ годахъ заграницею.
Ред.

Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ городахъ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ средѣ учащейся молодежи стало проявляться стремленіе къ образованію ассоціацій, кружковъ съ цѣлью взаимнаго денежнаго вспомоществованія, обмѣна мыслей и пополненія путемъ чтеній и бесѣдъ пробѣловъ школьнаго ученья. Эти кружки „самообразованія", какъ ихъ называли сами участники, въ началѣ имѣли лишь приведенную выше задачу и программа ихъ дѣятельности не переходила за предѣлы чисто—теоретическихъ, литературныхъ споровъ и юношескихъ увлеченій. Матеріальныя же средства, собираемыя другъ съ друга, шли исключительно на поддержку бѣдныхъ товарищей и покупку книгъ дозволеннаго содержанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что направленіе, принятое въ это время нашею, такъ называемою, обличительною литературой и систематическое преслѣдованіе нѣкоторыми изъ повременныхъ изданій, какъ заграничныхъ, такъ и мѣстныхъ, революціонныхъ тенденцій, болѣе или менѣе замаскированныхъ громкими фразами о нуждахъ, пользахъ и бѣдственномъ положеніи низшихъ классовъ народа, не могло пройти безслѣдно и не повліять на впечатлительную и незнакомую съ дѣйствительными условіями и потребностями государственной и экономической жизни народовъ молодежь, столь естественно стремящуюся въ своихъ мечтаніяхъ къ возможности недосягаемыхъ идеаловъ всеобщаго братства, равенства и свободы. И вотъ въ средѣ упомянутыхъ выше кружковъ „самообразованія", стали все чаще и громче подыматься и обсуждаться вопросы о причинахъ существованія и средствахъ облегченія и устраненія того безвыходно-бѣдственнаго, будто бы, положенія нашихъ рабочихъ классовъ, о которомъ писалось и говорилось на всѣ тоны и которое провѣрить и изучить для учащейся молодежи не представлялось возможности. При сужденіяхъ объ этихъ предметахъ указывалось на безграмотность нашей народной массы, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ ея угнетеннаго положенія и на необходимость поэтому, прежде всего, озаботиться поднятіемъ уровня ея умственнаго и нравственнаго развитія.

Такими въ сущности еще совершенно безвредными кружками были первоначально кружки студентовъ Петербургскаго университета и академій: Медико-хирургической и Петровской земледѣльческой, а позднѣе и воспитанниковъ гимназій, семинарій и другихъ учебныхъ заведеній, какъ въ столицѣ, такъ и во многихъ губернскихъ городахъ: въ Саратовѣ, Пензѣ, Казани и пр.

Между тѣмъ, въ началѣ 1872 г. стали появлятся въ средѣ учащейся молодежи, и при томъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, книги и изданія заграничной прессы уже прямо революціоннаго характера и направленныя къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго строя. Изданія эти, будучи произведеніемъ преимущественно русской эмиграціи, имѣющей въ свою очередь близкія сношенія съ Интернаціональнымъ обществомъ, провозились въ Россію или путемъ контрабанды, или лично возвращающимися изъ за-границы русскими путешественниками, которые пропитавшись тамъ теоріями Бакунина и другихъ ультра-демократовъ и соціалистовъ, разносили по всѣмъ концамъ и классамъ Россіи ядъ преступныхъ ученій и демагогическихъ стремленій.

Такова между прочимъ личность Сергѣя Ковалекъ, получившаго образованіе въ кіевскомъ университетѣ и бывшаго предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей Мглинскаго округа Черниговской губерніи.—Развиваясь все болѣе и болѣе, поддерживаемая и руководимая во всѣхъ своихъ стремленіяхъ постоянными сношеніями съ заграничнымъ міромъ, русская революціонная партія

естественно должна была прежде всего обратить вниманіе на русскую учащуюся молодежь и, проникнувъ въ нее подъ именемъ „друзей народа“, стать во главѣ ея направленія въ качествѣ „глашатаевъ истины и добра“. Первою, образовавшеюся съ этой цѣлью партіей, можетъ быть признана партія, такъ называемыхъ, чайковцевъ, дѣятельность которыхъ сначала проявилась въ С.-Петербургѣ, а потомъ раскинулась и далѣе. Вращаясь преимущественно въ средѣ молодежи и вербуя новыхъ адептовъ, чайковцы проповѣдывали по бакунинскимъ рукописямъ негодность существующаго порядка; доказывали, что государство окончательно задавило и развратило русскую общину и что девизомъ того знамени, къ водруженію котораго слѣдуетъ стремиться всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ, должно быть: „разрушеніе всѣхъ государствъ, уничтоженіе буржуазной цивилизаціи, вольная организація снизу вверхъ посредствомъ вольныхъ союзовъ,—организація разнузданной народной черни всего освобожденнаго человѣчества, созданіе новаго общечеловѣческаго міра.“ (См. „Государственность и Анархія“ стр. 38). Поддѣлываясь подъ взглядъ молодежи, льстя ея пылкимъ стремленіямъ и увлеченіямъ, называя ее честной и искренней, до конца преданной соціально-революціонному дѣлу,—Бакунинъ указываетъ ей на тѣ средства, съ помощью которыхъ можно провести въ жизнь начала соціализма, уничтоженіе и замѣну началъ государственныхъ. Средствами онъ признаетъ пропаганду въ народѣ, пропаганду „боевую, бунтовскую“, утверждая при этомъ, что народъ всегда глубоко ненавидѣлъ и ненавидитъ государство, „всѣхъ его представителей, въ какомъ бы видѣ они предъ нимъ ни являлись“. Онъ доказываетъ далѣе, что народу необходимо выяснить его отчаянное положеніе, его силы для открытаго возстанія и тотъ способъ организаціи, съ помощью котораго учащаяся молодежь,—умственный пролетаріатъ, сольется съ народомъ и чернью и сдѣлается такимъ связующимъ звѣномъ всѣхъ недовольныхъ—между собою, массы—съ ея руководителями и поджигателями. Однимъ словомъ полное водвореніе „анархіи“ есть тотъ идеалъ къ достиженію котораго должны стремиться всѣ люди, желающіе добра народу. Какъ ни дико подобное ученіе, тѣмъ не менѣе сочиненія Бакунина и проповѣди его послѣдователей имѣли на молодежь поразительное и страшное вліяніе. Не встрѣчая нигдѣ опроверженія, сочиненія эти интересовали молодежь, какъ все запрещенное, увлекали ее, какъ льстящія ея инстинктамъ и стремленіямъ; наконецъ раздѣлялись и усвоивались ею какъ разрѣшающія мучительный вопросъ: „Что дѣлать“?

Съ этого времени (1873 г.) кружки „самообразованія“ теряютъ свой первоначальный, т. е. теоретическій характеръ и мало по малу переходятъ въ сходки съ ясно опредѣленнымъ направленіемъ соціальнаго и демагогическаго свойства. Направленіе это ростетъ и, наконецъ, подъ вліяніемъ появившихся около этого времени первыхъ выпусковъ, издаваемаго за границей Лавровымъ (Миртовымъ), журнала „Впередъ“, въ началѣ истекшаго 1874 года кружки петербургскіе и московскіе приходятъ къ убѣжденію, что „пора идти въ народъ, пора начать дѣйствовать“. (?) Сходясь въ воззрѣніяхъ относительно главныхъ началъ и конечныхъ цѣлей своихъ ученій,—уничтоженіе существующаго порядка,—дѣятели революціонной пропаганды могутъ тѣмъ не менѣе быть раздѣлены на три отдѣльныя группы, отличающіяся другъ отъ друга тѣми средствами и пріемами, которые каждый изъ нихъ признаетъ за наиболѣе успѣшные и дѣйствительные. Дѣятели первой группы утверждаютъ, что никакой научной подготовки не нужно, что достаточно одной грамотности

самыхъ элементарныхъ познаній, и что затѣмъ слѣдуетъ немедленно идти въ народъ подъ видомъ простыхъ рабочихъ, мастеровыхъ, проповѣдывать въ его средѣ революціонныя идеи и подготовлять его къ открытому возстанію. Дѣятели второй группы утверждаютъ напротивъ, что для серьезнаго агитатора въ средѣ простого народа необходимы прочныя научныя знанія и нѣкоторая опытность, при чемъ, однако, отрицаютъ ученые дипломы и всякія аттестаты какъ средства, крайне деморализирующія и обращающія свободнаго человѣка въ буржуа, т. е. въ раба извѣстной обстановки. Наконецъ представители третьей группы—и, быть можетъ, самой опасной—не только требуютъ серьезной научной подготовки и общаго образованія, причемъ не отвергаютъ значенія дипломовъ и аттестатовъ, но признаютъ, что для дѣйствительно успѣшнаго и возможно быстраго достиженія предположенной цѣли,—разрушенія существующаго строя, отнюдь нельзя ограничиваться революціонною пропагандою исключительно лишь въ средѣ простого народа, а слѣдуетъ каждому революціонеру дѣйствовать въ той средѣ, гдѣ онъ находится,—независимо отъ того, будетъ ли это сфера простого рабочаго, солдата, мастероваго, или же учителя, акушерки, врача, вообще государственной службы.

Такимъ образомъ въ началѣ 1874 г. дѣятели революціонной пропаганды начинаютъ одновременно свою преступную дѣятельность въ разныхъ пунктахъ и сферахъ нашего общества. Обладая достаточною энергіею и кое какими матеріальными средствами, они не останавливаются ни передъ чѣмъ, не стѣсняются никакими условіями и препятствіями, организуютъ постоянныя между собою сношенія, при чемъ весьма искусно затемняютъ ихъ различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами; весьма быстро проникаютъ въ высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, семинаріи, гимназіи и сельскія народныя школы; совращаютъ молодежь не только путемъ распространяемыхъ книгъ и устной пропаганды, но и путемъ близкихъ отношеній, съ имѣющимися въ ихъ средѣ въ немаломъ количествѣ молодыми женщинами и дѣвушками и къ концу 1874 г. успѣваютъ покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ большую половину Россіи. Дознаніями раскрыта пропаганда въ 37 губерніяхъ.

Выдающіяся черты дѣятельности пропагандистовъ въ этихъ губерніяхъ выразились въ слѣдующемъ: 1) Въ Петербургѣ: а) значительное количество революціонныхъ кружковъ, дѣйствовавшихъ какъ на мѣстѣ, такъ и внутри Россіи, куда они посылали своихъ агентовъ; б) пропаганда въ заводскомъ и фабричномъ населеніи подъ видомъ обученія грамотѣ, причемъ были заведены школы для рабочихъ у студентовъ Стаховскаго, Синегуба, Клеменса и отставнаго артиллерійскаго поручика Кравчинскаго; в) столярныя и сапожныя мастерскія у Богомолова и кузницы въ разныхъ мѣстахъ, устроенныя съ цѣлью обученія ремеслу молодыхъ людей, готовящихся идти въ народъ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ Петербургѣ былъ князь Кропоткинъ, у котораго найдена программа пропаганды. 2) Въ Москвѣ: а) устроенная съ тою же цѣлью какъ и въ Петербургѣ столярная мастерская студента Флоренко и Войнаральскаго, сапожная того же Войнаральскаго, казака Глушкова и дворянина Дубенскаго; в) типографія стенографа Мышкина, въ которой печатались брошюры, предназначенныя къ распространенію въ народѣ; г) агенты, сносившіеся съ провинціальными кружками, доставляя имъ необходимыя свѣдѣнія о ходѣ дѣла; денежныя средства и книги; д) пропаганда отдѣльныхъ лицъ въ средѣ рабочаго класса. 3. Новгородская губернія: сельская школа дочери генералъ-маіора

Софіи Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. 4) Тверская губ.: кузница крестьянина Павла Григорьева, устроенная на средства пропагандистовъ одного изъ петербургскихъ кружковъ. 5) Ярославская губ.: а) обширная пропаганда, веденная въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ помѣщикомъ Иванчинъ-Писаревымъ и нѣкоторыми другими лицами и б) открытая ими столярная мастерская. 6) Тамбовская губ.: а) оружейная мастерская мѣщанина Арева, служившая агентурой для тамбовскихъ дѣятелей и б) пропаганда въ разныхъ слояхъ общества. 7) Пензенская губ.: а) устройство отставнымъ поручикомъ Рогачевымъ, при содѣйствіи Войнаральскаго, особаго революціоннаго кружка изъ мѣстной учащейся молодежи, б) складъ напечатанныхъ въ типографіи противозаконныхъ брошюръ у акцизнаго надзирателя Жилинскаго; в) мелочная лавочка, устроенная Войнаральскимъ въ селѣ Степановкѣ для ближайшаго общенія съ народомъ и г) столярная мастерская мѣщанина Ершова. 8) Саратовская губ.: а) преступная дѣятельность какъ мѣстныхъ, такъ и прибывшихъ изъ Москвы и Петербурга революціонныхъ дѣятелей; б) заведенная ими сапожная мастерская, гдѣ былъ и складъ запрещенныхъ изданій и в) притоны для агитаторовъ у Цвѣтковой-Мейера и Софинскаго. 9) Самарская губ.: а) весьма дѣятельная пропаганда какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ агитаторовъ; б) два особыхъ мѣстныхъ кружка; в) притонъ на постояломъ дворѣ Фоминскаго и агентура писца Дегтерева и семинариста Пономарева; г) притонъ въ ригѣ у Кадьяна; д) пропаганда въ тюремномъ замкѣ. 10) Казанская губ.: а) агентура у студента Овчинникова; б) дѣятельность членовъ Голоушевскаго кружка. 11) и 12) Въ Оренбургской и Уфимской губ. дѣятельность, такъ называемаго, Голоушевскаго кружка, первоначально образовавшагося въ Петербургѣ. 13) Въ Нижегородской губ.: а) пропаганда въ селѣ Павловѣ; б) притонъ у бывшихъ семинаристовъ Серебровскихъ; в) мѣстный кружокъ. 14) Въ Воронежской губ.: а) пропаганда школьнаго учителя Цебенко въ Острогожскѣ. 15) Курская губ.: дѣятельная пропаганда разныхъ лицъ и въ томъ числѣ помѣщицы Субботиной. 16) Харьковская губ.: три отдѣльные кружка Ковалька, дѣвицы Андреевой и студентовъ ветеринарнаго института. 17) Екатеринославская губ.: а) бондарная мастерская, открытая на средства членовъ одескаго кружка (Петръ Макаревичъ, Николай Жебуневъ), прусскаго подданнаго Ланганса, б) библіотека Павловскаго въ Таганрогѣ, изъ которой распространялись книги преступнаго содержанія. 18) Въ Полтавской губ.: а) ферма на хуторѣ помѣщицы Колесниковой, въ которой работали члены кіевскаго и харьковскаго кружковъ. 19) Въ г. Одессѣ: а) кузница Николая Жебунева и б) особый кружокъ Макаревича и Волховскаго, присоединившійся къ кружку Жебуневыхъ. 20) Въ Кіевской губ.: а) мѣстный кружокъ съ общимъ притономъ пропагандистовъ подъ названіемъ „Коммуна“ и б) съѣздъ кружковъ Жебуневыхъ, на которомъ выработана ихъ программа. 21) Въ Черниговской губ.: а) кружокъ Жебуневыхъ и б) школы сельскихъ учителей: Сергѣя Жебунева, Михаила Каца и Трезвинскаго. 22) Въ Ковенской губ.: ферма помѣщицы Филипповой, устроенная членомъ кіевскаго кружка Екатериной Брыжковской. 23) Въ Каменецъ-Подольской губ.: сельская школа учительницы Александры Охременко и учителя Топчаевскаго. Независимо отъ этого преступная революціонная дѣятельность какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и членовъ, открытыхъ въ другихъ мѣстахъ, кружковъ, обнаружена въ губерніяхъ: Херсонской, Орловской, Смоленской, Калужской, Тульской, Архангельской, Костромской, Владимірской, Вятской, Пермской, Томской, Могилевской, Тифлисской и Землѣ Войска Донскаго.

Всѣхъ привлеченныхъ нынѣ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознанію, произведенному въ этихъ губерніяхъ—770 изъ нихъ мужчинъ—612, женщинъ 158; подъ стражею — 265, на свободѣ, съ принятіемъ противъ нихъ другихъ мѣръ,—452; не розысканныхъ—53. Дознанія показали, что многія лица не молодыя, отцы и матери семействъ, обезпеченныя и матеріальными средствами и болѣе или менѣе почетнымъ положеніемъ въ обществѣ, не только не противодѣйствовали, а напротивъ нерѣдко оказывали имъ видимое сочувствіе, помощь и поддержку, какъ бы не сознавая въ слѣпомъ своемъ фанатизмѣ, что конечнымъ послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій должна быть гибель всякаго общества и ихъ самихъ. Такъ, довольно богатый землевладѣлецъ и мировой судья Пензенской губерніи, Эндауровъ способствовалъ укрывательству одного изъ главныхъ и опасныхъ дѣятелей - Войнаральскаго, бывшаго прежде того мировымъ судьей въ Городищенскомъ уѣздѣ. Такъ жена оренбургскаго губернскаго жандармскаго управленія полковника Голоушева, не только не отклоняла своего сына отъ участія въ дѣлѣ преступной пропаганды, а напротивъ помогала ему совѣтами и свѣдѣніями. Такъ профессоръ Ярославскаго лицея Духовскій не только принималъ къ себѣ агитатора Козалика, но познакомилъ его и, такъ сказать, ввелъ во внутреннюю жизнь студентовъ лицеистовъ. Такъ весьма многіе изъ уроженцовъ Вятской губерніи, привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ оказались стипендіатами вятскаго земства, а предсѣдатель Вятской губернской управы Колотовъ, въ выборѣ лицъ на земскія должности совѣтовался со студентомъ казанскаго университета Овчинниковымъ (весьма сильно скомпрометированнымъ по дознанію) и безъ его рекомендаціи не давалъ мѣста. Такъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, земскій врачъ Португаловъ принималъ къ себѣ лицъ, завѣдомо скрывающихся отъ розысковъ правительственныхъ властей и помогалъ имъ продолжать свою преступную дѣятельность. Такъ весьма богатая и уже пожилая женщина, помѣщица Софья Субботина не только лично и открыто вела революціонную пропаганду среди ближайшаго крестьянства, но склоняла къ тому же свою воспитанницу Шатилову, и дочерей, даже несовершеннолѣтнихъ, посылала доканчивать образованіе въ Цюрихѣ.

Такъ Плетневъ, отецъ (бывшій Чембарскій казначей) прочитавъ найденную имъ у сына, гимназиста, книгу революціоннаго содержанія, прямо заявилъ, что готовитъ сына „для народа". Но, къ его несчастію, правительство это преждевременно обнаружило. Такъ дочери дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Наталья Армфельдъ, Варвара Батюшкова и Софія Перовская, дочь генералъ-маіора Софія Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и многія другія, шли въ народъ, занимались полевыми поденными работами, спали вмѣстѣ съ мужчинами, товарищами по работѣ, и за всѣ эти поступки, повидимому, не только не встрѣчали порицанія со стороны нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а напротивъ сочувствіе и одобреніе. И такихъ примѣровъ много. Примѣры эти, безъ сомнѣнія, должны служить подтвержденіемъ того убѣжденія, что успѣхи пропагандистовъ зависятъ сколько отъ ихъ собственныхъ усилій и дѣятельности, столько отъ той легкости, съ которой ученія ихъ проникаютъ въ разные слои общества и отъ того сочувствія, которое они встрѣчаютъ. Такъ, напримѣръ, трое изъ самыхъ ярыхъ вожаковъ крайней революціонной партіи: отставные артиллерійскіе поручики Рогачевъ и Кравчинскій и студентъ Клеменсъ проживали нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ семейныхъ домахъ города Москвы, отнюдь не скрывая, а напротивъ пропагандируя свои

ученія и направленія. И тотъ же вышеупомянутый Рогачевъ въ Пензенской губ. познакомился съ бывшимъ мировымъ судьей Войнаральскимъ, который затѣмъ и обратился въ одного изъ самыхъ ревностныхъ его послѣдователей, пожертвовавъ почти всѣмъ состояніемъ до 40.000 р. на дѣло революціонной пропаганды. Въ виду возможно большаго и быстраго ея распространенія въ городахъ и селахъ устраивались школы, мастерскія, рабочія артели и т. п. Такъ въ Петербургѣ и Москвѣ устроились мастерскія; сапожная, столярная слесарная, и кузнечная; въ Саратовѣ—сапожная, въ Одессѣ—кузнечная; въ Екатеринославѣ—бондарная, въ губерніяхъ Полтавской, Курской, Ковенской на фермахъ проживали пропагандисты и готовились къ пропагандѣ среди земледѣльческаго класса.

Подготовляя себѣ среди рабочаго класса адептовъ и помощниковъ и, въ свою очередь, пропагандистовъ, вожаки этого дѣла распространяли свои мысли и взгляды путемъ устной пропаганды, а также посредствомъ огромнаго количества книгъ и брошюръ, написанныхъ въ формѣ общедоступныхъ народныхъ разсказовъ. Таковы „Дѣдушка Егоръ“, „Митюха“, „Степные очерки“ Левитова, „Очерки фабричной жизни“ Голицинскаго, „Сила солому ломитъ“ и т. п. Во всѣхъ этихъ книжкахъ пропагандируется мысль о безвыходномъ положеніи рабочаго класса, объ эксплуатаціи его капиталомъ, о гибельныхъ послѣдствіяхъ кулачества и, наконецъ, выставляются рѣзкіе примѣры успѣшнаго протеста со стороны задавленнаго крестьянства и вообще низшихъ классовъ. Къ подобнымъ книжкамъ, но уже съ болѣе опредѣленнымъ бунтовскимъ направленіемъ, относятся брошюры „О Стенькѣ Разинѣ“, въ коихъ восхваляются и воспѣваются его дѣйствія и казнь, какъ подвиги великаго гражданскаго мужества на защиту угнетеннаго народа. Далѣе слѣдуютъ книги; „Исторія французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ“, „Хитрая Механика“, возваніе, начинающееся словами; „Чтой то братцы“. Эти послѣднія сочиненія уже ясно революціоннаго, вызывающаго къ открытому возстанію, направленія. Такъ „Сказка о четырехъ братьяхъ“ оканчивается слѣдующими словами: „Гой вы, братцы мои любезные, ужъ неужто мы станемъ въ Сибири сидѣть, на казну работать государеву“!

Дѣйствуя такимъ образомъ, агитаторы все менѣе и менѣе стѣсняются въ выборѣ средствъ для своей преступной дѣятельности. Такъ князь Кропоткинъ еще въ 1873 г. объяснялъ на лекціи, въ устроенной въ С.-Петербургѣ школѣ, рабочимъ о значеніи Интернаціональнаго Общества на западѣ и проповѣдывалъ революцію; устраивались сходки, библіотеки, кассы; достаточно подготовленные фабричные мастеровые снабжались книгами, деньгами и отправлялись на родину, гдѣ должны были подготовлять народъ къ возстанію, донося объ успѣхахъ пропаганды своимъ учителямъ, организаторамъ, самое время для открытаго возстанія уже было ими намѣчено: предполагалось начать его тотчасъ по объявленіи ожидаемой войны съ Германіей, причемъ успѣхъ возстанія обезпечивался отвлеченіемъ военныхъ силъ къ границѣ. Пѣсня играла всюду немаловажную роль; многія пѣсни крайне возмутительнаго содержанія выучивались наизусть и даже, случалось, распѣвались на улицахъ. Всюду гдѣ появлялись агитаторы,—тотчасъ же образовывались или притоны для укрывательства, или оставлялись агенты для сообщенія о ходѣ движенія и извѣщенія на случай опасности; у этихъ же агитаторовъ хранились адреса единомышленниковъ въ другихъ городахъ и селахъ, ключи къ шифрамъ, деньги и книги;

къ нимъ же обращался всякій вновь прибывшій агитаторъ и получалъ пособія и указанія какъ и гдѣ дѣйствовать. Въ это же время изъ типографіи Мышкина въ Москвѣ разсылались повсюду въ огромномъ количествѣ книги и брошюры и вмѣстѣ съ тѣмъ печаталось сочиненіе Лассаля, предназначенное для молодежи въ видахъ убѣжденія ея въ необходимости измѣненія существующаго экономическаго и соціальнаго строя и водворенія коммунистическихъ началъ. На случай опасности пропагандисты нерѣдко запасались револьверами, а въ кіевскомъ революціонномъ кружкѣ выработанъ былъ планъ вооруженнаго сопротивленія властямъ при арестованіи и даже подготовлялись яды съ тою же оборонительною цѣлью. Вообще агитаторы не отказывались и отъ общихъ преступленій и отъ близкихъ сношеній съ общими преступниками, если находили въ томъ свою выгоду. Такъ въ Саратовѣ предполагалось для обогащенія революціонной кассы напасть съ оружіемъ въ рукахъ и ограбить одну богатую даму, пріѣздъ которой ожидался съ большими деньгами для покупки имѣнія. Въ письмѣ студента Паевскаго прямо говорится, что онъ вполнѣ сочувственно относится къ возникающему сообществу, имѣющему цѣлью поддѣлку и распространеніе фальшивыхъ ассигнацій. Въ числѣ адресовъ, отобранныхъ отъ Войнаральскаго, Рѣчицкаго, Логинова оказались адресы извѣстныхъ въ околодкѣ конокрадовъ, воровъ и мошенниковъ, какъ личностей болѣе для ихъ цѣлей пригодныхъ, чѣмъ элементы чистые и спокойные. Въ городѣ Николаевскѣ, Самарской губерніи, присужденные къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы и на поселеніе, арестанты были подговорены къ побѣгу, снабжены подпилками, фальшивыми печатями для паспортовъ и, наконецъ, ядовитыми порошками для отравленія конвоя,—все это для того, чтобъ обратить ихъ во враговъ правительства и, въ такъ называемыхъ „друзей народа". На вопросъ одного изъ арестантовъ, зачѣмъ они, арестанты, имъ пропагандистамъ нужны? было получено въ отвѣтъ: „намъ нуженъ такой народъ, который готовъ рѣшиться на все, а народу этого легче набрать изъ арестантовъ, острожниковъ,—изъ свободнаго народа рѣшительныхъ подобрать труднѣе. Нужны же намъ рѣшительные люди для того, чтобъ порѣшить власть царя". Сынъ дворянина Андрей Кулябко 15 лѣтъ, увлеченный въ дѣло пропаганды Рогачевымъ и Войнаральскимъ, какъ можно полагать по приказанію Рогачева, уговаривалъ своего брата 17 лѣтъ мальчика обокрасть дядю, который ихъ обоихъ содержалъ и воспиталъ, и затѣмъ бѣжать съ украденными деньгами. Въ кіевскомъ кружкѣ предполагалось ограбить почту, для чего 18-ти лѣтній отставной юнкеръ Гиреновичъ долженъ былъ поступить на службу въ мѣстный почтамтъ.

Заканчивая краткій обзоръ, добытыхъ дознаніями данныхъ, нельзя не вывести изъ нихъ слѣдующихъ главныхъ положеній. А). Въ Россіи существуютъ тайныя и противозаконныя сообщества, имѣющія цѣлью ниспроверженіе государственнаго устройства всего существующаго порядка и водвореніе полнѣйшей анархіи. Б). Сообщества эти состоятъ изъ множества мелкихъ, самостоятельно дѣйствующихъ отдѣльныхъ кружковъ и даже личностей, но связанныхъ между собою, какъ совершенною солидарностью цѣлей и способовъ дѣйствій, такъ и постоянными сношеніями. В). Сношенія между кружками, а равно организація новыхъ, производится уполномоченными на то агентами. Г). Пропаганда производится какъ устно, такъ и прямымъ распространеніемъ книгъ, брошюръ и вообще разнаго рода печатныхъ и рукописныхъ сочиненій. Д). Стремясь къ извѣстной, точно опредѣленной цѣли,—къ ниспроверженію

существующаго порядка, дѣятели революціи идутъ по строго послѣдовательно выполняемому плану. Е). Планъ этотъ, въ главныхъ чертахъ изложенный программой князя Кропоткина, представляетъ между прочимъ ту опасность, что, какъ бы ни были энергичны разслѣдованія и преслѣдованія виновныхъ, все же несомнѣнно останутся нераскрытыми нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ и личностей, которые и будутъ неутомимо продолжать свою преступную дѣятельность. Ж). Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала довольно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ: такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандой, не находитъ отпора въ той средѣ, гдѣ она ростетъ и развивается ибо тѣ нравственныя основы воспитанія, которыя можетъ дать только семья, повидимому вовсе неразвиты у многихъ изъ этихъ молодыхъ людей, не обладающихъ при поступленіи въ школы никакими твердыми началами уваженія религіи, семейства, чужихъ правъ, личности и собственности.

Характерный документъ.

Совершенно секретно.

М. В. Д.

САРАТОВСКІЙ

ГУБЕРНАТОРЪ.

25 сентября 1882 года.

№ 1129.

Гг. уѣзднымъ исправникамъ:

Циркуляромъ моимъ отъ 6-го іюля было обращено вниманіе г.г. исправниковъ на вредный характеръ ученія, распространяемаго отставнымъ полковникомъ *Пашковымъ*.

Въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что въ связи съ этимъ ученіемъ представляется не менѣе вредною дѣятельность *графа Льва Толстого* и Члена Географическаго Общества *Александра Пругавина*, вслѣдствіе сношеній ихъ съ сектантами. Изъ нихъ послѣдній своими поѣздками къ сектантамъ и похвальными статьями объ нихъ въ литературѣ не только внушаетъ не знающимъ дѣла ложныя понятія о расколѣ, но и возбуждаетъ въ самихъ сектантахъ понятіе о сочувствіи ихъ ученію со стороны высшихъ и образованныхъ классовъ общества и самаго правительства.

Въ виду сего и согласно предложенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 сего сентября, предписываю г.г. исправникамъ сдѣлать распоряженіе о наблюденіи за дѣятельностью и сношеніями съ сектантами помянутыхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы о всякомъ проявленіи ихъ въ этомъ отношеніи мнѣ донести.

Губернаторъ *А. Зубовъ*.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Отрывки изъ воспоминаній).

I.

Когда пройдена большая часть жизненнаго пути, когда человѣку стукнуло 57 лѣтъ, у него невольно является потребность оглянуться назадъ и воскресить въ своей памяти дорогія черты лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться при разныхъ обстоятельствахъ и при различныхъ условіяхъ. Эта потребность становится *обязанностью*, если на пройденномъ тобою пути попадались люди, сыгравшіе въ исторіи родины болѣе или менѣе выдающуюся роль и удостоившіеся во имя блага родины терноваго вѣнца.

Пріобщившись къ освободительному движенію на зарѣ юности, я въ теченіе болѣе 38 лѣтъ безпрерывно оставался въ рядахъ этого движенія, служа ему по мѣрѣ силъ и разумѣнія въ той или другой формѣ, не будучи всегда строго партійнымъ, не всегда оставаясь въ рядахъ однихъ и тѣхъ же единомышленниковъ, но всегда проникнутый убѣжденіемъ въ правотѣ и цѣлесообразности того пути, который избирался мной въ тотъ или другой моментъ въ интересахъ общаго освободительнаго движенія.

При всѣхъ недомолвкахъ и при всей своей неопредѣленности, Манифестъ 17-го октября 1905 года составляетъ, безспорно, поворотный пунктъ въ нашей исторіи. Онъ завершаетъ собою періодъ неограниченнаго самодержавія и начинаетъ періодъ конституціонной Россіи. Поворотъ этотъ подготовленъ цѣлымъ легіономъ борцовъ за свободу, изъ коихъ многихъ уже нѣтъ, а многіе «далече» томятся въ ссылкѣ, въ казематахъ, въ изгнаніи. Всѣ тѣ, кому пришлось сталкиваться при той или другой обстановкѣ, въ томъ или другомъ «дѣлѣ» съ этими борцами, не могутъ не сознавать, что на нихъ лежитъ священный долгъ подѣлиться въ переживаемый нами моментъ съ публикой своими воспоминаніями объ этихъ лицахъ, какъ бы кратки и отрывочны эти воспоминанія ни были.

Мнѣ, участнику «студенческой исторіи» 1869 г. и впослѣдствіи «процесса 193-хъ», человѣку, пробывшему 7 лѣтъ въ тюрьмѣ и 15 лѣтъ въ ссылкѣ по разнымъ угламъ Сибири, приходилось сталкиваться со многими лицами, такъ или иначе прикосновенными къ нашей вну-

тренней политической борьбѣ за послѣднія десятилѣтія, и я наравнѣ съ другими несу на себѣ священную обязанность возстановить для современниковъ и потомства образы нѣкоторыхъ изъ этихъ борцовъ, какъ и нѣкоторые общественные факты и событія.

Давно уже лелѣялъ я мечту о сведеніи своихъ воспоминаній въ одну цѣльную и связную картину. Мечта эта въ послѣднее время всецѣло мною овладѣла. Пользуясь любезнымъ приглашеніемъ редакціи «*Былого*», я рѣшаюсь нынѣ реализировать эту мечту, уповая, что отошли уже въ прошлое тѣ «независящія обстоятельства», которыя властно до сихъ поръ удерживали меня отъ осуществленія этой завѣтной мечты, дѣлая даже невозможнымъ составленіе какихъ либо замѣтокъ. За неимѣніемъ, однако, ни нужнаго для этого досуга, ни необходимой уравновѣшенности чувства и настроенія, врядъ ли удастся мнѣ и на этотъ разъ осуществить свою мечту въ полномъ объемѣ.

Но жизнь кипитъ и бурлитъ, она ежедневно ежечасно предъявляетъ свои властныя требованія, и я рѣшаюсь поэтому предоставить въ распоряженіе уважаемой редакціи «Былого» не вполнѣ законченныя и связанныя между собой воспоминанія: если автору самому не удастся при болѣе благопріятныхъ условіяхъ связать ихъ въ единое цѣлое, то они сослужатъ, можетъ быть, службу другимъ, жизнь которыхъ сложилась въ этомъ отношеніи болѣе благопріятно.

1868—1869 г.г. и „студенческая исторія".

Освободительная волна, хлынувшая на Россію въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, продолжала захлестывать все молодое и свѣжее на всемъ протяженіи нашей обширной родины. Жажда «новаго», недовольство «существующимъ» захватывали (хотя больше инстинктивно) не только воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, но и учащихся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ Херсонской гимназіи, въ которой я учился, какъ и во многихъ другихъ гимназіяхъ, въ серединѣ 60-хъ годовъ учащіеся трехъ старшихъ классовъ (8 класса тогда еще не было), группировались (хотя далеко не всѣ) въ кружки самообразованія для совмѣстнаго чтенія выдающихся журнальныхъ статей и отдѣльныхъ брошюръ, удѣляя при этомъ не мало времени на обмѣнъ мнѣніями и чаяніями по поводу прочитаннаго. Значительную поддержку въ этомъ отношеніи мы херсонцы находили со стороны двухъ нашихъ преподавателей: словесности г. *Горяева* и исторіи *Пильщикова*, память которыхъ нами свято сохраняется.

Кумиромъ и Богомъ гимназической молодежи въ половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія былъ Д. И. Писаревъ. Статьями его захлебывались, мысли его воспринимались съ благоговѣніемъ, какъ евангеліе, какъ нѣчто непререкаемое, какъ священный завѣтъ. Я помню, съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ мы ожидали выхода книжекъ чрезвычайно популярнаго тогда «Русскаго Слова», и съ какой жадностью мы набрасывались на полученную «новую» книжку, если только въ ней появлялась статья *Писарева* (а статьи его появлялись почти въ каждой книжкѣ). Не могу не воспроизвести слѣдующаго характернаго эпизода.

Я окончилъ 7-й классъ гимназіи и собирался въ университетъ. Въ одинъ изъ лѣтнихъ іюльскихъ вечеровъ группа учащихся старшихъ классовъ собралась, по обыкновенію, на «Потемкинскомъ» бульварѣ, толпой слонялась по аллеямъ и оживленно болтала о разныхъ разностяхъ. Вдругъ кто то изъ гуляющей публики взволнованнымъ голосомъ сообщаетъ только что полученную ужасную вѣсть: нашъ кумиръ Писаревъ 4-го іюля во время купанья въ морѣ въ Дуббельнѣ утонулъ! Вѣсть эта подѣйствовала на насъ буквально потрясающимъ образомъ; нѣсколько человѣкъ изъ нашей компаніи опрометью и совершенно безсознательно бросились изъ бульвара въ разныя стороны, въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Съ сильно бьющимся сердцемъ бросился я на квартиру своего старшаго брата и, глубоко потрясенный, совершенно обезсиленный, опустился на стулъ, не будучи въ состояніи издать хоть какой либо звукъ. Лишь по прошествіи нѣсколько минутъ, выпивъ залпомъ нѣсколько стакановъ воды, я наконецъ захлебывающимся голосомъ передалъ окружающимъ дошедшую до меня новость...

Таково было въ то время настроеніе молодежи и учащихся не одной, конечно, херсонской гимназіи.

Окончивъ въ 1868 году херсонскую гимназію, я отправился съ нѣкоторыми товарищами въ Одессу, подвергся тамъ «повѣрочному испытанію» и былъ зачисленъ студентомъ юридическаго факультета Новороссійскаго университета.

18-ти лѣтній юноша, я весь былъ охваченъ жаждой болѣе широкой жизни, стремленіемъ къ разрѣшенію «проклятыхъ вопросовъ», волновавшихъ меня и нѣкоторыхъ товарищей еще съ гимназической скамьи: сначала Писаревъ, за нимъ Бѣлинскій, а потомъ и Добролюбовъ были властителями нашихъ думъ. Мы ими зачитывались, потому что они звали насъ къ широкому свѣту, къ свѣтлымъ идеаламъ, къ борьбѣ за все чистое и благородное; зовъ ихъ воспринимался нами не столько сознательно, сколько инстиктивно, мы были во власти не столько идеаловъ, сколько лучезарныхъ, возвышенныхъ, повелительно манящихъ мечтаній...

Окружающая мрачная дѣйствительность вызывала тогда во всѣхъ мыслящихъ русскихъ людяхъ недовольство существующимъ и неудержимое инстиктивное стремленіе къ чему-то лучшему, высшему, заоблачно-идеальному... «*Въ Петербургъ! въ Петербургъ! въ Петербургъ!*»,— вотъ мысль, поглощавшая меня всецѣло съ самыхъ выпускныхъ экзаменовъ. «Только *тамъ*, только въ этомъ центрѣ русскаго ума найдешь разрѣшеніе всѣхъ мучащихъ тебя вопросовъ, только тамъ набредешь на тотъ путь, который можетъ привести къ счастію родины, къ благу Россіи, къ лучшеиу будущему для всѣхъ обездоленныхъ»...

И вотъ пробывъ лишь три недѣли студентомъ Новороссійскаго университета, я подалъ заявленіе объ уволненіи и о переводѣ въ Петербургъ, куда (собравъ кое-какія небольшія крохи) я немедленно и отправился.

Въ то время, въ 1868 году, желѣзнодорожное сообщеніе составляло еще привилегію весьма незначительной части Россіи. Одесса не

была еще соединена прямымъ путемъ ни съ Москвой, ни съ Петербургомъ. Мнѣ пришлось попутешествовать всѣми наличными въ то время способами сообщеній: изъ Херсона до Никополя на пароходѣ, изъ Никополя до Харькова «на долгихъ», изъ Харькова до Курска на почтовыхъ и только уже отъ Курска, гдѣ только-что отстроенъ былъ вокзалъ, до Петербурга (на Москву) по желѣзной дорогѣ. Путешествіе отняло у меня такимъ образомъ около десяти дней.

И вотъ, я въ Петербургѣ! Этотъ гигантскій для провинціала городъ съ его многоэтажными домами, съ его колоссальными колоннами и историческими статуями, съ его многочисленными набережными, мостами, каналами, съ его дворцами и скверами, поразилъ и ошеломилъ меня. Въ первый день я почувствовалъ себя какимъ-то маленькимъ-маленькимъ, ничтожнымъ, кѣмъ-то заброшеннымъ сюда существомъ, которое неизбѣжно будетъ раздавлено этими колосальными глыбами, мнѣ казалось, что на меня несетъ отъ этихъ мостовыхъ, отъ этихъ набережныхъ какимъ-то жесткимъ холодомъ, суровой непривѣтливостью, страшной отчужденностью. Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ дней въ моей жизни!.. Но я взялъ себя въ руки. Пространствовавъ 3—4 дня съ утра до вечера по всѣмъ улицамъ столицы и составивъ себѣ о ней приблизительное представленіе, я вмѣстѣ съ тѣмъ порѣшилъ посвятить себя медицинѣ, перевелся изъ университета въ Медико-Хирургическую Академію (нынѣ—Военно Медицинскую) [1]), засѣлъ вплотную за... «Исторію десяти лѣтъ» Луи-Блана, приковавшую къ себѣ все мое вниманіе, а черезъ мѣсяцъ я закрутился въ вихрѣ студенческихъ кружковъ, сходокъ и сборищъ.

Въ то время Медико-Хирургическая Академія считалась (и дѣйствительно была) однимъ изъ наиболѣе образцовыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Военное министерство не жалѣло средствъ на учебныя пособія, безпрерывно возраставшія; 2-й военно-сухопутный госпиталь присоединенъ былъ къ ней еще въ 1840 г., въ 1846 г. открытъ былъ ея знаменитый анатомическій институтъ, на образцовую же ногу поставлены были ея лабораторіи, кабинеты, клиники. Въ М.-Х. Академію стремились лучшія научныя силы, привлекаемыя образцовыми пособіями.

Начальникомъ Академіи состоялъ лейбъ-хирургъ, заслуженный профессоръ *П. А. Парановичъ*, довольно таки ветхій старикъ (ему было около 67 лѣтъ), добродушный и благожелательно-настроенный къ студентамъ. Завѣдывалъ онъ Академіей совмѣстно съ конференціей, ученымъ секретаремъ которой былъ тогда еще сравнительно молодой (31—32 лѣтъ), но пріобрѣвшій уже репутацію солиднаго ученаго, профессоръ паталогической анатоміи Рудневъ, извѣстный своимъ авторитетнымъ покровительствомъ высшему образованію женщинъ.

Составъ профессоровъ академіи если и нельзя было назвать особенно блестящимъ, то онъ все-же былъ далеко не изъ посредствен-

---

[1]) Основанная въ 1799 г. для подготовки врачей въ военно сухопутное и морское вѣдомства и перебывавъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія. М. Х. Академія перешла съ 1838 г. въ вѣдѣніе военнаго министерства и съ 1881 г. переименована въ Военно-Медицинскую Академію.

ныхъ. На каѳедрѣ физіологіи я засталъ здѣсь еще чрезвычайно популярнаго въ то время не только между студентами, но и въ широкой публикѣ, И. М. Сѣченова; на лекціи его стекались студенты всѣхъ курсовъ,—его аудиторія, одна изъ наиболѣе обширныхъ, всегда бывала биткомъ набита студентами. Ясно и удивительно-отчетливое изложеніе,—простое, безискусственное и въ то же время въ высшей степени содержательное и красивое, глубоко-научное и въ то же время до нельзя популярное, обаятельно дѣйствовало на студентовъ, неизмѣнно встрѣчавшихъ и провожавшихъ И. М. единодушными восторженными долго несмолкаемыми привѣтствіями.

На каѳедрѣ психіатріи подвизался профессоръ Балинскій,—плавная, красивая и философская рѣчь котораго привлекала также въ его аудиторію студентовъ всѣхъ курсовъ. Химію читали: органическую—извѣстный ученый академикъ Н. Н. Зининъ, умѣвшій самыя сложныя формулы излагать столь общедоступно и понятно, что онѣ усваивались какъ бы на ходу; рѣчь его, весьма образная, пересыпанная прибаутками и анекдотами, приводила аудиторію въ игривое настроеніе. Студенты съ особеннымъ настроеніемъ работали подъ руководствомъ этого «директора химическихъ работъ». Неорганическую химію читалъ Бородинъ; это былъ не столько ученый химикъ, сколько музыкантъ и талантливый композиторъ, посвящавшій музыкѣ гораздо больше времени, чѣмъ химіи; лекціи его, однако, охотно посѣщались, и студенты относились къ нему, вообще, очень благожелательно.

Каѳедру описательной анатоміи занималъ Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ, этотъ знаменитый отшельникъ-ученый, дни и ночи проводившій въ своемъ прославившемся анатомическомъ институтѣ за препаратами, лишь здѣсь чувствуя себя въ своей родной стихіи. Въ теченіе почти 45 лѣтъ (Груберъ прибылъ въ Петербургъ въ 1847 г.) Груберъ пользовался глубокимъ и всеобщимъ уваженіемъ. Несмотря на проявляемую имъ на экзаменахъ чрезвычайную строгость, доходившую до педантизма и на почти безпрерывность этихъ экзаменовъ (они тянулись почти цѣлый годъ), Груберъ всегда пользовался общими симпатіями студентовъ, искренно уважавшихъ въ немъ первокласснаго и безкорыстнѣйшаго ученаго, преданнаго наукѣ до самозабвенія [1]). Студентовъ привлекало въ немъ, впрочемъ еще въ большей степени (помимо его громадной эрудиціи) его въ высшей степени благожелательное отношеніе къ стремленію русскихъ женщинъ къ высшему образованію. Онъ, чуть ли не первый предоставилъ русской дѣвушкѣ свою аудиторію и свой цѣнный институтъ и сдѣлалъ ее полноправнымъ членомъ въ своемъ секціонномъ залѣ. Хотя высшая администрація офиціально еще не открывала женщинамъ доступа въ высшія учебныя заведенія, Груберъ грудью, можно сказать, отстаивалъ за ними право доступа туда и нерѣдко вступалъ въ рѣзкія препирательства съ инспекціей при неоднократныхъ ея попыткахъ удалять ихъ изъ его «владѣній»,—заявляя при этомъ гордо, что въ своей аудиторіи и въ своемъ секціонномъ залѣ онъ единственный хозяинъ

---

[1]) Груберъ нерѣдко оставался въ анатомическомъ театрѣ, въ трупной атмосферѣ, отъ 8 часовъ утра до 3 час. ночи!

и никому не позволитъ здѣсь распоряжаться [1]). Занимавшимся у него женщинамъ Груберъ выдавалъ свидѣтельства объ окончаніи у него курса практическихъ занятій по анатоміи, а эти свидѣтельства, при громадной авторитетности его имени, сильно облегчали женщинамъ ихъ пріемъ въ заграничные университеты.

На каѳедрѣ теоріи я нашелъ пользовавшагося уже тогда, несмотря на молодые еще годы (ему было всего 36 лѣтъ), всемірной извѣстностью клинициста Сергѣя Петровича Боткина, дѣлившаго свое время между обязанностями лейбъ-медика и обязанностями профессора (къ немалому ущербу для послѣднихъ).—Паталогическую анатомію, какъ уже упомянуто, читалъ Рудневъ,—гистологію—Якобій.

На другихъ профессорахъ останавливаться не буду,—это были второстепенныя и третьестепенныя научныя величины и весьма посредственные профессора. На кафедрѣ зоологіи и анатоміи доживалъ свой вѣкъ старикъ—Брандтъ, не научившійся за 37 лѣтъ [2]) сколько-нибудь сносно читать лекціи на русскомъ языкѣ; онъ никакъ не могъ помириться съ теоріей Дарвина: «онъ говоритъ, чито шеловѣкъ происходитъ отъ обежана,—ему нравится, я не хошу, я не отъ обежана»,—фразу эту приходилось студентамъ слышать изъ его устъ неизмѣнно изъ года въ годъ. Ботанику читалъ тоже нѣмецъ, и читалъ такъ плохо, что лекцій его никто не посѣщалъ; физику читалъ Хлѣбниковъ, хирургію — Сорокинъ и др.

Отношенія между студентами и профессорами были, въ общемъ, сносныя и благожелательныя, хотя профессора, за небольшими исключеніями, стояли совершенно въ сторонѣ отъ общественной жизни и даже довольно индиферентно (не считая трехъ-четырехъ: Сѣченова, Грубера, Зинина) относились къ судьбѣ студентовъ. А между тѣмъ реакціонное теченіе, охватившее Россію вообще и Петербургъ въ частности послѣ покушенія Каракозова (4 го апрѣля 1866 г.), добиралось уже и до Медико-Хирургической Академіи; имъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вдохновлялась ея инспекція, во главѣ которой стоялъ полковникъ Смирновъ, на долю котораго выпало особенно роковая и плачевная роль въ жизни Академіи. Этотъ заурядный штабъ-офицеръ въ простотѣ души своей полагалъ, что его священная обязанность сводится къ тому, чтобы подтянуть студентовъ, завести между ними строжайшую дисциплину, подобающую «военно-учебному заведенію»...

Съ октября 1868 года началось сильное броженіе въ средѣ петербургскаго студенчества. Оно начало группироваться по кружкамъ, все чаще и чаще стало устраивать сходки, на которыхъ на первыхъ порахъ обсуждались чисто-студенческія дѣла, а затѣмъ и вопросы болѣе широкаго и глубокаго общественнаго значенія.

Правильнѣе говоря, въ петербургскомъ студенчествѣ, въ общемъ взятомъ тогда проявились два теченія: одно—«умѣренное»,—другое—

---

[1]) Пробывъ въ Петербургѣ около 45 лѣтъ, Груберъ оставался австрійскимъ подданнымъ и при всякомъ конфликтѣ съ администраціей грозилъ отъѣздомъ на родину.

[2]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Брандтъ переселился въ Россію изъ прусской Саксоніи въ 1831 г.

«радикальное». На сходкахъ «умѣренныхъ» студентовъ почти исключительно трактовались вопросы студенческой академической жизни,— сюда лишь отъ времени-до-времени диссонансъ вносили студенты радикалы» — на сходки являвшіеся съ опредѣленной цѣлью: придать имъ, по возможности, болѣе широкій общественный характеръ. Мнѣ лично на сходкахъ «умѣренныхъ» бывать не приходилось; но мнѣ извѣстно, что главными ораторами и, такъ сказать, лидерами на этихъ сходкахъ являлись студенты Езерскій, Шрагъ, Литвиновъ, Бойдаковскій и др. На сходкахъ «радикаловъ», въ которыхъ мнѣ пришлось принять весьма дѣятельное участіе, вопросы студенческой жизни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, выдвигались лишь какъ ширма и прикрытіе для большинства «свѣженькихъ» студентовъ, не ознакомившихся еще съ болѣе широкими теченіями и задачами нашей общественной жизни. На этихъ сходкахъ въ роли вожаковъ (если память мнѣ не измѣняетъ) выступали студенты Ралли, Алчуницинъ, Коринѳскій и др. за кулисами же, по упорно державшейся молвѣ, это теченіе какъ и вообще, все студенческое движеніе направлялось народнымъ учителемъ *Нечаевымъ*, лично появлявшимся лишь на менѣе многочисленныхъ и болѣе интимныхъ собраніяхъ.

На этихъ-то сходкахъ, безпрерывно слѣдовавшихъ одна за другой, мнѣ уже въ то время въ первые пришлось наткнуться на популярный и почти всеобщій лозунгъ: «*въ народъ*!» Этотъ лозунгъ сдѣлался обязательнымъ предметомъ весьма горячихъ и упорныхъ споровъ: вопросъ становился въ рѣзко-категорической и крайне односторонней формѣ: «*наука или трудъ*», т. е. слѣдуетъ ли отдавать себя (хотя и временно) наукѣ, заниматься ею, добиваться дипломовъ, чтобы потомъ вести жизнь привилегированныхъ интеллигентныхъ профессіоналистовъ, или же, помня свой долгъ передъ народомъ, помня, что ты всѣ свои знанія пріобрѣтаешь на средства каторжно-работающаго и вѣчно голодающаго народа, мы, учащіеся, обязаны поступиться своимъ привилегированнымъ положеніемъ, добытымъ цѣлыми вѣками несправедливости и эксплоатаціи, бросить науку, разстаться съ высшими учебными заведеніями, заняться изученіемъ ремеслъ, а затѣмъ въ качествѣ простыхъ ремесленниковъ и даже горно-рабочихъ и батраковъ отправиться въ самую гущу народную, слиться съ народомъ и всѣмъ его повседневнымъ обиходомъ, отказаться отъ всѣхъ интеллигентныхъ навыковъ и привычекъ, зажить съ нимъ одной общей жизнью содѣйствуя всѣми способами поднятію его умственнаго уровня, возвышенію его культуры и улучшенію его матеріальнаго и духовнаго благосостоянія...

На многолюдныхъ сходкахъ, на которыя собиралось по нѣскольку сотъ человѣкъ и, въ особенности, на сходкахъ «умѣренныхъ» старались держаться по возможности, исключительно студенческихъ вопросовъ и студенческихъ дѣлъ: здѣсь трактовалось о необходимости всячески добиваться права на учрежденіе студенческихъ кассъ, студенческихъ библіотекъ, студенческихъ кухмистерскихъ и т. п. На сходкахъ «радикаловъ» чисто-студенческіе интересы отодвигались на задній планъ,—на первый же планъ выдвигалась агитація въ пользу обязательности работы въ народѣ и съ народомъ. Здѣсь вопросъ: «наука

или трудъ», послѣ продолжительныхъ и горячихъ обсужденій, ставился даже на баллотировку,—и, увы! въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ громаднѣйшее большинство присутствовавшихъ высказывалось *за* «трудъ» и *противъ* «науки»,—конечно, въ предѣлахъ данной минуты и данныхъ отношеній. Это было очень незрѣло, очень узко, но... но все же какія это были святыя минуты, какой энтузіазмъ охватывалъ обыкновенно при этомъ всѣхъ участниковъ сходки! Глаза горѣли юношескимъ огнемъ, рѣчи лились страстныя, вдохновенныя искреннія, убѣжденныя, спорили въ душной, тѣсной комнатѣ, переполненной клубами табачнаго дыма, спорили до хрипоты, до потери сознанія... Святая, трижды благословенная, безвозвратная юность...

И я обязанъ замѣтить, что уже и въ это раннее время, лозунгъ «въ народъ!» не оставался на одной исключительно-теоретической почвѣ: нѣсколько студентовъ (и въ ихъ числѣ, насколько припоминаю, одинъ или два изъ 4-го курса университета) бросили учебныя заведенія, и проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ мастерскихъ, разбрелись изъ Петербурга по глухимъ угламъ безпредѣльной деревенской Россіи съ страстнымъ желаніемъ послужить своей родинѣ и своему народу...

Въ то время, во 2-ой половинѣ 60-хъ годовъ отчетливо выдвинутъ былъ уже на сцену русской жизни, такъ называемый, «женскій вопросъ». Русскія дѣвушки страстно стали добиваться обще-человѣческихъ правъ, они пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы получить доступъ въ высшія учебныя заведенія. Нѣкоторыя (Суслова, Козлова и друг.) находились уже въ заграничныхъ университетахъ, нѣкоторыя (хотя и очень немногія) посѣщали лекціи профессоровъ медицинской академіи: Грубера, Бородина, Зинина, Хлѣбникова,—одна Кашеварова (по мужу Руднева), благодаря исключительнымъ условіямъ, даже офиціально была принята въ м.-х. академію и уже тогда оканчивала курсъ. А такъ какъ большинство этихъ дѣвушекъ отнюдь не меньше своихъ товарищей студентовъ интересовались окружающей жизнью, то естественно, что и на студенческихъ сходкахъ (и, преимущественно, на сходкахъ «радикаловъ») появлялись тогда и дѣвушки, принимавшія въ нихъ весьма живое участіе (припоминаются мнѣ: Дементьева, Томилова, Святская, сестра Нечаева, Боршева и др.).

Словомъ, петербургское студенчество переживало тогда крайне напряженно-нервное состояніе; оно волновалось, кипѣло, горѣло. Сходка слѣдовала за сходкой. Выпадали дни, въ теченіе которыхъ мнѣ приходилось бывать на двухъ трехъ сходкахъ, созывавшихся въ разныхъ частяхъ города—на Петербургской сторонѣ, на Васильевскомъ Островѣ, въ Измайловскомъ полку. И малѣйшаго повода достаточно было, чтобы вызвать столкновенія съ гибельными послѣдствіями.

Въ Медико-Хирургической Академіи, для волненій на почвѣ чисто-студенческихъ требованій, формулировавшихся тогда на сходкахъ, повода, собственно говоря, не существовало. Академія находилась въ этомъ отношеніи въ исключительномъ положеніи: я засталъ здѣсь и студенческую кассу, и студенческую библіотеку, и студенческую кухмистерскую; были здѣсь и курсовые старосты, принимавшіе участіе

въ распредѣленіи пособій [1]). Такимъ образомъ, при естественномъ ходѣ вещей, здѣсь для спеціально-«студенческой исторіи» основаній было меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было и, при извѣстныхъ условіяхъ, студенты-медики могли бы развѣ присоединиться къ студентамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Вышло же однако какъ-разъ наоборотъ...

Такіе господа, какъ штабъ-офицеръ Смирновъ и ему подобные, стояли совершенно въ сторонѣ отъ студенческаго міра, остававшагося для нихъ terra incognita; они ничего не видѣли, ничего не знали, ни съ чѣмъ не считались; они какъ будто бы и не подозрѣвали того лихорадочно-напряженнаго и нервнаго настроенія, въ какомъ находилось студенчество. И вотъ въ 1869 году первый актъ «студенческой исторіи» разыгрался именно въ Медико-Хирургической Академіи, и уже отсюда «исторія» распространилась дальше, перенеслась въ университетъ, въ Технологическій Институтъ, въ Лѣсную Академію, а затѣмъ и въ Москву, и въ провинціальныя учебныя заведенія.

Очевидецъ и дѣятельный участникъ въ разгоравшихся въ Медико-Хирургической Академіи «безпорядкахъ», я остановлюсь лишь на послѣднихъ, ограничиваясь лишь нѣкоторыми замѣчаніями относительно другихъ учебныхъ заведеній.

Инспекторъ Смирновъ, смѣстившій въ 1868 году Мерхелевича, съ перваго же момента своего вступленія въ должность сталъ во враждебныя отношенія къ студентамъ. Онъ полагалъ, что разъ академія *военная*, то обязательна въ ней *воинская дисциплина*, и таковая должна проводиться имъ послѣдовательно строго, безъ всякихъ послабленій. Такъ какъ онъ въ придачу не отличался особеннымъ тактомъ, то отношенія его къ студентамъ, съ которыми онъ ни умственно, ни духовно никакихъ точекъ соприкосновенія не имѣлъ, сразу же обострились. Для этого штабъ-офицера не существовало различія между существеннымъ и второстепеннымъ, въ предѣлахъ его кумира «дисциплины» все было одинаково важно. Имъ съ одинаковымъ рвеніемъ преслѣдовалось неношеніе студенческой формы, несвоевременный взносъ платы за слушаніе лекцій, длинные волосы, куреніе папиросъ, непочтительное обращеніе съ начальствомъ и т. п.

При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что *папироска* явилась каплей, переполнившей чашу.

Въ одинъ злосчастный день до нельзя нервный юноша, студентъ 2-го курса Василевскій въ перерывѣ между двумя какими, то лекціями, чѣмъ-то взволнованный, широко шагалъ по корридору въ форменной фуражкѣ на головѣ и съ дымящейся папироской въ зубахъ. Уязвленный до глубины души подобнымъ нарушеніемъ субординаціи, двинулся къ нему навстрѣчу инспекторъ Смирновъ. Василевскій, совершенно игнорируя (возможно даже, что онъ его и не замѣтилъ) его, прошелъ мимо него, не снимая шапки и не выпуская изо рта

[1]) Университетскій Уставъ 18 іюня 1863 года запретилъ (§ 59) студентамъ университета всѣ эти учрежденія.

папироски. Бравый штабъ-офицеръ усмотрѣлъ въ этомъ поступкѣ неслыханное преступленіе и приказалъ Василевскому бросить папироску. Студентъ подобнаго *приказанія* исполнить, разумѣется, не могъ. Смирновъ обратился съ жалобой въ конференцію, и это сонмище ученыхъ мужей, ничтоже не сумняшеся, исключило Васильевскаго изъ Академіи! Естественно, что товарищи студенты не могли не реагировать на этотъ вопіющій фактъ, и послѣдовало то, что á priori можно было предположить: начались бурныя сходки, студенты потребовали возвращенія въ Академію Василевскаго. Начальство всполошилось и вступило въ переговоры съ студентами; оно обѣщало не немедленно (престижъ пострадаетъ!), а черезъ самое короткое время разрѣшить Василевскому вновь вступить въ Академію. Студенты нашли возможнымъ успокоиться на этомъ, и «исторія» какъ будто-бы улеглась. Но вотъ въ началѣ марта 1869 года разыгрался конфликтъ между студентомъ Надуткинымъ и конференціей: сдавъ экзамены на 2-й курсъ, Надуткинъ по принятому обычаю передалъ экзаменаціонный листъ конференцъ-секретарю профессору Рудневу и на этомъ совершенно успокоился. Вдругъ въ началѣ марта заявляютъ Надуткину, что онъ не имѣетъ права посѣщать лекціи 2 го курса, такъ какъ онъ де не держалъ экзаменовъ. Надуткинъ обращается тогда къ Рудневу съ просьбой возвратить переданный имъ ему экзаменаціонный листъ для предъявленія его инспекціи. Рудневъ же, повидимому, листъ затерялъ, произошло крупное объясненіе между нимъ и Надуткинымъ, Рудневъ наговорилъ послѣднему кучу дерзостей. Вспылившій Надуткинъ подалъ въ конференцію прошеніе объ увольненіи его изъ академіи въ виду нанесенныхъ ему конференцъ-секретаремъ оскорбленій. Вмѣсто того, что серьезно вникнуть въ это прискорбное дѣло и постараться какъ нибудь уладить конфликтъ, Совѣтъ академіи съ легкимъ сердцемъ уволилъ Надуткина, которому крайне тяжелымъ трудомъ приходилось добывать себѣ возможность заниматься въ академіи. Этому пермяку не мало труда стоило, чтобы закончить гимназію и добраться до академіи; въ Петербургѣ ему приходилось существовать грошевыми уроками, ночной корректурой и др. тяжелымъ трудомъ, поглощавшимъ почти все его время, такъ что ему пришлось пробыть на первомъ курсѣ два года: легко понять, какое значеніе для него имѣла потеря экзаменаціоннаго листа, и какъ глубоко должно было быть нанесенное ему оскорбленіе, если онъ рѣшился уйти изъ академіи! Естественно, что и на этотъ разъ товарищи студенты не могли отнестись индиферентно къ подобному отношенію Совѣта академіи къ студенту. Вновь пошли сходка за сходкой, а такъ какъ начальство подъ шумокъ забыло и объ обѣщаніи своемъ относительно Василевскаго, который еще еще оставался внѣ академіи, то студентами предъявлено было ультимативное требованіе о безотлагательномъ обратномъ пріемѣ въ академію и Надуткина и Василевскаго.

На первыхъ порахъ въ этой «исторіи» приняло участіе поголовно, все студенчество [1]). Насколько припоминаю, на одной изъ

---

[1]) На эти сходки въ М.-Х. академію являлись и студенты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Особенно бросалась въ глаза крупная фигура студента Лѣсной

первыхъ сходокъ, происходившей (если память мнѣ не измѣняетъ) въ физіологической аудиторіи, собралось свыше 1500 человѣкъ (изъ общаго числа, кажется, около 2000 студентовъ). Когда же началась борьба, и стали запирать аудиторіи, такъ что приходилось забираться туда силой, число участниковъ постепенно и довольно замѣтно стало сокращаться; наконецъ, на послѣдней сходкѣ, на которой мнѣ пришлось еще присутствовать и которая состоялась 13-го марта въ помѣщеніи буфета, участвовало уже всего около 200 человѣкъ! Эта сходка отрядила къ инспектору Смирнову депутацію съ требованіемъ явиться для объясненія съ студентами, но Смирновъ какими то окольными путями безъ шинели и шапки сбѣжалъ въ другое зданіе въ клинику профессора Боткина и ни за что не соглашался явиться на сходку. Студенты осадили клинику и заявили, что не разойдутся до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ къ нимъ Смирновъ. Прошло нѣсколько часовъ, бурныя рѣчи лились одна за другой, надвигались уже сумерки. Мы стали было уже располагаться на ночевку. Но вотъ появился проф. Боткинъ и заявилъ студентамъ, что Смирновъ де его «гость» и онъ профессоръ, надѣется, что студенты дадутъ ему возможность выполнить долгъ гостепріимства и проводить Смирнова изъ клиника домой. Какъ ни разгорячены и раздражены были участники сходки, но они не отказали Боткину въ его просьбѣ, хотя не мало при этомъ отпущено было колкостей по адресу и Смирнова и Боткина... Сходка рѣшила разойтись, составивъ письменный протестъ противъ поведенія конференціи и инспектора и письменно обязавшись не допускать чтенія лекцій и продолжать безпрерывныя сходки въ стѣнахъ Академіи до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены требованія студентовъ. Сходка эта тянулась съ 9 ч. утра почти до 8 ч. вечера. Наконецъ, голодные и измученные, мы разошлись съ тѣмъ, чтобы вновь сюда же собраться на другой день. Но, увы! немногимъ уже изъ бывшихъ на этой сходкѣ пришлось собраться на другой день въ Академію.

Живо и отчетливо воскресаетъ въ моей памяти слѣдующая сцена: совершенно обезсиленный и усталый до неизможенія, я спалъ глубокимъ сномъ въ ночь съ 13-го на 14-е марта 1869 года. Вдругъ около 2 часовъ ночи раздаются усиленные стуки въ дверь комнаты, которую я занималъ совмѣстно съ товарищемъ технологомъ (давно уже покойнымъ) Л. Е. Городецкимъ. Мы оба вскочили, предчувствуя смыслъ этого стука. Я отворилъ дверь, въ комнату вошелъ мѣстный околодочный съ двумя городовыми и предъявилъ предписаніе тогдашняго петербургскаго оберъ-полицмейстера Трепова о моемъ арестѣ. Я наскоро собралъ свои пожитки, распрощался съ товарищемъ и отправился съ своими провожатыми. Путь предстоялъ намъ довольно длинный, такъ какъ нужно было добраться до Выборгской стороны, гдѣ находилась тогда, на Симбирской улицѣ, «срочная тюрьма». Наконецъ, подъѣзжаемъ къ громадному роковому зданію, желѣзныя ворота го-

---

Академіи — В. П. К—го (впослѣдствіи извѣстнаго государственнаго дѣятеля), неизмѣнно являвшагося въ нашу академію на всѣ сходки съ неизмѣнной громадной дубиной въ рукахъ...

степріимно раскрываются передъ нами и за тѣмъ съ лязгомъ за нами запираются, и я въ первый (но, увы, далеко не въ послѣдній!) разъ въ свою жизнь очутился за тюремной оградой...

Меня ввели въ какую то небольшую камеру, куда принесены были и мои вещи. Засовъ задвинули, замокъ щелкнулъ, и я 19-ти лѣтній юноша (какъ разъ въ этотъ памятный для меня день мнѣ минуло 19 лѣтъ!) впервые столкнулся съ суровой русской дѣйствительностью, которая съ тѣхъ поръ ни на минуту уже не выпускала меня изъ своихъ жестокихъ когтей...

Въ теченіе всей ночи свозили въ эту тюрьму участниковъ нашей послѣдней сходки. Когда на другой день насъ выпустили на общую прогулку, то оказалось, что здѣсь очутилось насъ нѣсколько десятковъ человѣкъ (кажется, около сорока), изъ коихъ нѣкоторые совершенно никакого участія въ «исторіи» не принимали. Отъ явившихся къ намъ въ теченіе дня посѣтителей мы узнали, что въ этотъ день (14-го марта) уволенъ былъ президентъ Академіи Нарановичъ и на его мѣсто назначенъ былъ членъ медицинскаго совѣта—профессоръ Козловъ. Всѣмъ студентамъ разосланы были черезъ полицію (съ отобраніемъ подписокъ) извѣщенія о прекращеніи въ Академіи лекцій. 15-го марта, однако, вновь (и, кажется, въ послѣдній разъ), возлѣ Академіи на улицѣ (ворота Академіи были со всѣхъ сторонъ на глухо заперты) собралась сходка человѣкъ въ 200, которая весьма скоро была разогнана явившейся полиціей во главѣ съ самимъ Треповымъ.

Само собой разумѣется, что по заведенному разъ на всегда порядку за «преступленіемъ» должно было послѣдовать «наказаніе». По высочайшему повелѣнію наряжена была военно слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ новаго президента Академіи Козлова въ составѣ членовъ-профессоровъ: Зинина, Чистовича и Юнге, двухъ флигель-адъютантовъ и изящнаго петербургскаго полиціймейстера Сверчкова: уже самый составъ комиссіи въ значительной степени предрѣшалъ дѣло. Если можно было разсчитывать на сколько нибудь разумно-снисходительное отношеніе къ «провинившимся» студентамъ, то развѣ со стороны одного Зинина и отчасти Юнге; остальные же всѣ преисполнены были гнѣвомъ противъ «непослушанія» и «своеволія» молодежи и сознаніемъ необходимости крутого отпора и «спасительнаго урока».

Насъ утѣшали, что слѣдствіе не затянется, что комиссія будетъ-де до послѣдней степени гуманна, что ея приговоръ (ей поручено было не только произвести *слѣдствіе*, но и постановить приговоръ, подлежащій лишь утвержденію!) будетъ-де справедливый и очень снисходительный...

Тѣмъ временемъ мы продолжали благодушествовать въ тюрьмѣ. Содержали насъ здѣсь довольно льготно. На другой же день удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ тогдашній начальникъ сыскного отдѣленія, д. с. с. Колышкинъ, который, по порученію Трепова, приказалъ удовлетворять всѣ наши требованія, поскольку они не противорѣчатъ обще-тюремному режиму: давать намъ улучшенную пищу, отпускать табакъ и папиросы (даже сигары!), не стѣснять съ прогулкой, а главное не жалѣть... персидскаго порошка: «сыпать, сыпать, сыпать!», патетически и съ отеческой заботливостью приказалъ онъ смотри-

телю, узнавъ, что въ постеляхъ оказалось обиліе всевозможныхъ паразитовъ. Посѣщали насъ совершенно свободно. Намъ «съ воли» доставляли всевозможную пищу, дамы носили намъ лакомства, конфекты и букеты цвѣтовъ. Посѣщали насъ не только товарищи и благожелатели, но и нѣкоторыя дамы-патронесы. Особенно часто, чуть ли не ежедневно посѣщалъ насъ еще очень молодой тогда профессоръ богословія, свящ. Горчаковъ, который всѣмъ намъ подарилъ по экземпляру своей диссертаціи; онъ держалъ себя съ нами, при своихъ посѣщеніяхъ, съ большимъ тактомъ, отнюдь не касался «божественнаго», утѣшалъ насъ и старался развлекать насъ бесѣдами на различныя общественныя темы.

Въ числѣ арестованныхъ товарищей былъ, между прочимъ, и студентъ старшихъ курсовъ Ок—въ. Такъ какъ онъ давалъ уроки дѣтямъ Трепова, то его съ утра выпускали «на волю», онъ расхаживалъ свободно по городу, давалъ уроки, а къ вечеру на ночлегъ возвращался къ намъ въ тюрьму съ запасомъ всевозможныхъ газетъ и устныхъ новостей. Благодаря его сообщеніямъ и газетамъ, а также разсказамъ посѣтителей, мы знали, что «безпорядки» охватили всѣ высшія учебныя заведенія. Съ особенной силой они проявились въ университетѣ: на другой день, послѣ закрытія нашей Академіи, въ сборной комнатѣ студентовъ появилось возваніе, приглашавшее отъ имени студентовъ медико-хирургической академіи къ участію въ обще-студенческомъ дѣлѣ. Пошли собранія, на которыхъ предъявлены были требованія о правѣ сходокъ, открытія студенческой кухмистерской, студенческой библіотеки, особой студенческой кассы, участія студенческихъ выборныхъ курсовыхъ депутатовъ въ распредѣленіи стипендій и пособій, уничтоженія стѣснительной и оскорбительной для студентовъ полицейской опеки университетскаго начальства. Профессора университета напечатали въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» обращеніе къ студентамъ, въ которомъ они доказывали, что «сходки также какъ и просьба о дозволеніи ихъ противозаконы», что добивающіеся ихъ «ведутъ часть своихъ товарищей къ исключенію, увольненію» и пр., что виновники безпорядковъ даютъ «лишній поводъ къ упреку молодости и прогрессу, знанію и свѣту», доставляютъ «торжество невѣжеству и обратному движенію»; они убѣждали студентовъ остановиться, заняться наукой и содѣйствовать «спокойному, но вѣрному движенію русскаго народа впередъ». Мы узнали, что петербургское студенчество разослало своихъ депутатовъ по всѣмъ другимъ университетамъ съ цѣлью организаціи общаго студенческаго движенія. Я теперь еще живо помню, какимъ гомерическимъ хохотомъ сопровождалось чтеніе статьи доставленнаго намъ (къ сожалѣнію не сохранившагося) номера «Моск. Вѣдом.» по поводу безпорядковъ: гнѣвно обрушившись на «безпорядки» въ Технологическомъ институтѣ, органъ Каткова категорически утверждалъ, что они, какъ и вообще все студенческое движеніе, не что иное какъ плодъ «польской интриги»: «правда, восклицалъ грозный обвинитель, между арестованными участниками въ безпорядкахъ не оказалось ни одного поляка, но это лишь доказываетъ все коварство и всю зловредность этихъ господъ,—они замутятъ, набезобразничаютъ, другихъ подведутъ, а сами остаются въ сторонѣ: коварная, іезуитская нація»!...

Возвращаюсь къ академіи. Если память мнѣ не измѣняетъ, то уже черезъ недѣлю насъ стали водить изъ тюрьмы группами на допросы, которые производились письменно. Каждому изъ насъ подавался листъ съ заранѣе написанными на немъ вопросами, и мы должны были на томъ же листѣ, тутъ же въ присутствіи комиссіи, параллельно съ вопросами писать соотвѣтствующіе отвѣты. Кромѣ обычныхъ вопросовъ объ имени, отчествѣ, фамиліи, званіи,—предлагались вопросы объ участіи въ безпорядкахъ и зачинщикахъ таковыхъ, о лицахъ, приглашавшихъ на сходку, о лицахъ, участвовавшихъ на сходкахъ о зачинщикахъ и подстрекателяхъ и т. д. Большинство изъ насъ отвѣчало, кажется, въ такомъ же духѣ, какъ и я: зачинщиковъ и подстрекателей у насъ никакихъ не было, никто спеціально на сходки не приглашалъ, что если и можно считать кого либо зачинщикомъ и иниціаторомъ сходокъ, то развѣ инспектора Смирнова, который держалъ себя вызывающе по отношенію къ студентамъ, позволялъ себѣ оскорбительное съ ними обращеніе и т. д.

Еще до окончанія слѣдствія (чуть ли не до начала его) въ сановныхъ сферахъ Петербурга и въ профессорскихъ кругахъ шли уже толки объ участи ожидающей арестованныхъ студентовъ медиковъ. Постановленный военно-слѣдственной комиссіи приговоръ совпалъ почти съ этими толками, изъ чего можно было заключить, что кѣмъ то уже заблаговременно, по указаніямъ инспекціи, постановлено было рѣшеніе. [1]). Всѣ привлеченные къ слѣдствію, кромѣ оправданныхъ и немедленно освобожденныхъ, раздѣлены были на четыре категоріи: отнесенные къ первой категоріи (кажется, 6 человѣкъ), въ томъ числѣ и я, исключены были изъ академіи навсегда безъ правъ поступленія въ какія бы то ни было высшія учебныя заведенія; отнесенные ко второй категоріи уволены были съ правомъ поступленія по прошествіи года въ другія высшія учебныя заведенія; попавшіе въ третью категорію уволены изъ академіи съ правомъ тотчасъ же поступить въ другія высшія учебныя заведенія, и наконецъ, отнесенные къ четвертой категоріи присуждены были къ 7 недѣльному тюремному заключенію [2]).

Зазеленѣла чахлая петербургская травка во дворикѣ нашей тюрьмы, въ Петербургѣ настала весна. Въ одну свѣтлую, сравнительно теплую ночь въ первой половинѣ апрѣля въ тюрьмѣ нашей поднялась тревога: раздавались учащенные звонки, топотъ ногъ, послышались необычные въ ночное время разговоры. Тюремная администрація принялась вызывать насъ по категоріямъ отдѣльными группами, объявляли (уже заранѣе намъ извѣстный) приговоръ военно-слѣдственной Комиссіи и предлагали намъ собирать свои вещи и готовиться къ оста-

---

[1]) При встрѣчѣ съ моимъ однофамильцемъ (проф. Чудновскимъ), профессоръ И. М. Сѣченовъ предупредилъ его (еще наканунѣ моего ареста), что, кажется, его братъ будетъ исключенъ изъ Академіи.

[2]) Насколько помнится, всего было исключено и уволено изъ Академіи около 23-хъ человѣкъ, а человѣкъ 12 осуждено было къ короткосрочному аресту. Чувствительнѣе пострадали студенты университета: тамъ исключено и уволено 38 человѣкъ, къ короткосрочному аресту присуждено было 10 человѣкъ, да выговоръ сдѣланъ 16 студентамъ.

вленію тюрьмы, тщательно умалчивая о дальнѣйшемъ, о которомъ впрочемъ мы всѣ догадывались въ виду усиленно циркулировавшихъ въ послѣдніе дни слуховъ.

Прибыла въ тюрьму стража, и насъ всѣхъ подъ конвоемъ разослали по участкамъ, а оттуда уже на другой день раннимъ утромъ насъ доставили на вокзалъ. Академическое начальство нашло вполнѣ совмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ, по исключеніи и увольненіи насъ изъ Академіи препроводить наши документы къ оберъ-полиціймейстеру Трепову, который въ свою очередь призналъ себя вполнѣ компетентнымъ выдворить насъ изъ Петербурга и разослать насъ «на родину» подъ надзоръ полиціи и наблюденіе родителей... [1]).

На вокзалѣ насъ ждала большая группа студентовъ и сочувствовавшихъ намъ барынь и барышень. Они лишь наканунѣ поздно вечеромъ узнали о назначенной высылкѣ изъ Петербурга, тѣмъ не менѣе они успѣли собрать деньги, пріобрѣсти кое-какія для насъ вещи и провизію. Трогательно и чисто по братски распрощавшись съ нами, они вручили каждому соотвѣтствующую сумму денегъ и нужныя вещи и напутствовали насъ въ путь теплыми пожеланіями и пылкими надеждами на лучшее будущее...

Насъ нѣсколько человѣкъ южанъ въ сопровожденіи городовыхъ отправили по Николаевской желѣзной дорогѣ на Москву, гдѣ намъ пришлось прождать нѣсколько часовъ поѣзда на Кіевъ. Такъ какъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ городовыхъ въ дорогѣ увѣрялъ меня, что онъ «самъ изъ гимназистовъ», и что одна лишь нужда заставила его выйти изъ 5-го класса гимназіи и поступить въ городовые, и что онъ даже «либералъ», то я предложилъ ему съѣздить со мною, въ ожиданіи поѣзда, въ городъ къ студенту московскаго университета Д. Енкуватову, товарищу моему по херсонской гимназіи [2]). «Либеральный» городовой безъ возраженій согласился, и мы на лихачѣ помчались съ нимъ въ городъ. По дорогѣ какой то встрѣчный съ удивительно знакомымъ мнѣ лицомъ, хотя и сильно измѣненнымъ, отвѣсилъ мнѣ нѣсколько очень низкихъ поклоновъ.

Получивъ въ университетѣ адресъ Енкуватова, я отправился къ нему и засталъ на его квартирѣ (онъ жилъ съ родителями) цѣлую студенческую сходку. Передавъ ему вкратцѣ о послѣднихъ событіяхъ въ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (отчасти ему уже извѣстныхъ), я въ сопровожденіи Енкуватова (городовой слѣдовалъ за нами на отдѣльномъ извозчикѣ) помчался обратно на вокзалъ, куда и прибылъ за $^1/_4$ часа до отхода поѣзда. Здѣсь поджидалъ меня и тотъ, кто встрѣтилъ меня на улицѣ съ низкими поклонами: это былъ тотъ самый студентъ лѣсной Академіи К—ій, о которомъ мною упомянуто было выше. Онъ явился въ Москву, какъ депутатъ отъ петербургскаго студенчества для привлеченія къ общему движенію московскаго сту-

---

[1]) Разсылка „на родину“ производилась по документами. Одинъ, напр., *родился* въ Красноярскѣ (Вост. Сибири), но ему еще и года не было, когда родители переселились въ Евр. Россію,—тѣмъ не менѣе рѣшили препроводить его на родину—въ Красноярскъ! Такихъ курьезовъ было нѣсколько.

[2]) Въ скоромъ времени послѣ этого онъ фигурировалъ на скамьѣ подсудимыхъ по Нечаевскому процессу.

денчества. Познакомивъ его съ Енкуватовымъ, я направился къ поѣзду, который умчалъ нашу группу на югъ.

Въ Кіевъ мы прибыли поздно вечеромъ. Заѣхавъ въ гостиницу и сложивъ тамъ свои вещи, мы, согласно инструкціи, отправились въ сопровожденіи городовыхъ пѣшкомъ къ тогдашнему кіевскому губернатору Котокори. Послѣдній принялъ насъ утонченно любезно, предложилъ намъ чай и попросилъ отужинать у него. Во время чая явился (какъ будто невзначай) митрополитъ, благословившій насъ на ходу, направляясь въ другую половину, а вслѣдъ за нимъ явился тогдашній попечитель Кіевскаго учебнаго округа генералъ Антоновичъ, который очень сердечно поздоровался съ нами, искренно поскорбѣлъ о томъ, что «молодежь сама себя губитъ» и очень просилъ насъ «не входить въ сношенія съ мѣстными студентами, такъ какъ и здѣсь волнуются». Тутъ только намъ ясно стало, почему намъ оказано было такое предупредительное и такое продолжительное (до глубокой ночи) гостепріимство у губернатора. Догадка наша вполнѣ подтвердилась послѣ ужина: оберъ-полиціймейстеръ съ изысканной любезностью заявилъ намъ, что желая предоставить намъ возможность хорошо отдохнуть послѣ утомительнаго пути, онъ устроилъ такъ, чтобы одинъ изъ насъ будетъ ночевать у генералъ-губернатора, одинъ у губернатора, а третій у него. Мы поблагодарили за любезность, наотрѣзъ отказались воспользоваться ею, заявили съ своей стороны, что, если мѣстныя власти хотятъ дѣйствительно доставить намъ возможность отдохнуть, пусть разрѣшатъ намъ (вѣдь, мы же подъ конвоемъ!) переночевать въ гостиницѣ, въ которую мы заѣхали; въ противномъ же случаѣ, пусть ночью же отправляютъ насъ дальше [1]). Переговоривъ съ губернаторомъ, оберъ-полиціймейстеръ торжественно объявилъ намъ, что онъ уладилъ дѣло, что мы переночуемъ въ гостиницѣ, но мы должны дать слово не вступать ночью въ переговоры съ мѣстными студентами. Несмотря на весь комизмъ этого требованія, мы дали слово и поздно ночью (кажется, послѣ 11 часовъ) отправились каждый въ отдѣльной крытой каретѣ съ провожатымъ. Когда мы зашли въ занятый нами въ гостиницѣ номеръ, мы нашли тамъ мѣстнаго пристава, который немедленно заперъ за нами дверь, положилъ въ свой карманъ ключъ и разлегся на кушеткѣ спать (ногами упираясь въ дверь), любезно предложивъ и намъ ложиться, при чемъ впрочемъ не требовалъ отъ насъ слова не входить ночью въ переговоры съ мѣстными студентами [2])...

---

[1]) Изъ Кіева на Одессу тогда еще желѣзно-дорожное сообщеніе не существовало.

[2]) Уже черезъ нѣкоторое время мнѣ пришлось въ Херсонѣ прочесть въ „Од. Вѣстн.“ (въ № отъ 3 апрѣля за 1869 г.) слѣдующее: „Въ газетѣ *Кіевлянинъ* пишутъ по поводу недавнихъ печальныхъ явленій въ средѣ петербургской учащейся молодежи говорятъ, что со стороны виновниковъ безпорядковъ сдѣланъ былъ *призывъ къ студентамъ университета Св. Владиміра* принять участіе въ противозаконномъ заявленіи. Но призывъ этотъ не нашелъ отклика въ кіевскихъ студентахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ отдѣльныхъ личностей, которыхъ попытки къ соглашенію не могли проявиться, подъ вліяніемъ общаго несочувствія и заранѣе принятыхъ мѣръ. Не знаемъ, насколько вѣрны эти слухи, но можемъ заявить, что въ редакцію „Кіевлянина“ прислана изъ среды студентовъ статья порицающая незаконность и неправильность дѣйствіи увлекающихся господъ, которые только портятъ дѣло о пособіи бѣднымъ своимъ товарищамъ“.

На другой день рано утромъ подкатили къ гостиницѣ почтовыя тройки и мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Черезъ нѣсколько дней я съ землякомъ своимъ Корвацкимъ были уже «на родинѣ» въ Херсонѣ...

На этомъ повѣствованіи мое о «студенческой исторіи», собственно говоря, заканчивается. Это было, такъ сказать, вступленіе къ моей сознательной жизни, безчисленныя перипетіи которой составятъ, я надѣюсь, предметъ дальнѣйшихъ моихъ очерковъ. Но теперь, въ заключеніе настоящаго очерка, не могу не указать на слѣдующее: Нечаевъ въ этой «студенческой исторіи» какъ мною уже выше упомянуто, принималъ безспорно участіе, и участіе весьма активное и вліятельное; мнѣ припоминается даже его присутствіе на одной изъ сходокъ въ одной изъ аудиторій Медико-Хирургической Академіи, на которой онъ, со свойственной ему рѣзкостью и неразборчивостью въ выраженіяхъ, полемизировалъ съ весьма популярнымъ въ то время между студентами медиками студентомъ 4-го курса Литвиновымъ, настойчиво совѣтовавшимъ товарищамъ не сходить съ строго академической почвы. Но не Нечаевъ, разумѣется, былъ *причиной* этихъ «безпорядковъ», не онъ ихъ вызвалъ. Причина коренилась во всемъ тогдашнемъ ненормальномъ строѣ нашей жизни, вызывавшемъ всеобщее негодованіе и возмущеніе Въ публикѣ тѣмъ не менѣе держалось въ то время настойчиво мнѣніе, что Нечаевъ былъ главнымъ «подстрекателемъ» этихъ «безпорядковъ», что онъ де создалъ ихъ въ видахъ чисто политическихъ. Мнѣніе это нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: въ замѣткѣ въ одномъ изъ мартовскихъ номеровъ этихъ «Вѣдомостей» (за 1869 г.) говорилось: «молодые люди, замѣшанные въ университетскихъ безпорядкахъ» были привлечены къ суду; нѣкоторые изъ нихъ испортили свое будущее. Посреди этой суматохи слишкомъ замѣтно высказалъ свое усердіе одинъ, какъ сказываютъ, весьма заслуженный нигилистъ человѣкъ далеко не первой молодости, еще лѣтъ за шесть, за семь предъ симъ служившій учителемъ въ уѣздомъ или иномъ училищѣ нѣкто Нечаевъ. Вѣрно то, что этотъ поджигатель молодежи, выказывавшійся уже слишкомъ замѣтно, былъ арестованъ. Но онъ не погибъ и ничего не потерялъ. Онъ ухитрился бѣжать изъ подъ стражи, чуть ли не изъ Петропавловской крѣпости. Онъ не только убѣжалъ за границу, но успѣлъ chemin foisont сочинить прокламацію къ студентамъ, напечатать ее весьма красиво за границей и послать цѣлый тюкъ экземпляровъ оной по почтѣ, конечно, не съ тѣмъ, чтобы она разошлась между студентами, на это онъ, какъ человѣкъ неглупый, что доказываетъ самый побѣгъ его, не могъ разсчитывать, да это, по всему вѣроятію, ему не было и нужно. Цѣль его или его патроновъ была, вѣроятно, достигнута тѣмъ, что прокламація была перехвачена и прочтена въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Что же пишетъ этотъ молодецъ? Онъ убѣждаетъ студентовъ крѣпко держаться, но не полагаться на баричей въ своей средѣ. Это-де консервативные элементы, на которые дѣло революціи расчитывать не можетъ. Иное дѣло народъ,

крестьяне, рабочіе: тутъ-де для революціи большая пожива, и пусть-де студенты обратятся къ рабочимъ и подготовляютъ ихъ къ революціи».

Мнѣ прокламацію эту не приходилось читать, но насколько мнѣ извѣстно, таковая дѣйствительно существовала, и содержаніе ея (за исключеніемъ, конечно, специфическихъ фигуръ «Моск. Вѣдом.») было въ этомъ родѣ. Въ прокламаціи этой сказалось отчасти міросозерцаніе этого историческаго лица, тогда лишь начинавшаго свою революціонную карьеру, готовившую для него въ близкомъ будущемъ мученичество... Долгъ истины повелѣваетъ мнѣ отмѣтить, что спустя нѣкоторое время послѣ «студенческой исторіи» мнѣ пришлось слышать отъ людей освѣдомленныхъ и заслуживающихъ довѣрія, что пущенный самымъ Нечаевымъ слухъ объ его побѣгѣ изъ Петропавловской крѣпости, въ которой онъ спустя нѣсколько лѣтъ былъ дѣйствительно замурованъ и замученъ, былъ невѣренъ, и что онъ даже и арестованъ не былъ. Распространеніе этого слуха обусловлено было искреннимъ убѣжденіемъ Нечаева, что ему необходимо создать для себя опредѣленный престижъ ради большей продуктивности его будущей революціонной дѣятельности.

С. Чудновскій.

По поводу статьи С. И. Сомова: «Изъ исторіи соц.-дем. движенія въ С.-Петербургѣ въ 1905 г.».

(Письмо въ редакцію).

Заключительныя строки статьи С. И. Сомова (стр. 177—178 майской книги „Былого") заставляютъ меня внести кое-какія фактическія поправки, свидѣтельствующія, что такъ легко бросаемыя с.-д. партіи упреки и обвиненія не всегда имѣютъ подъ собой фактическое основаніе и покоятся на недоразумѣніяхъ. Эти поправки тѣмъ болѣе умѣстны, что упомянутая статья достаточно вѣрно (если не считать нѣкоторой односторонности автора) характеризуетъ и оцѣниваетъ дѣятельность петербургской соціалдемократіи въ опредѣленный періодъ, чтобы нуждаться для полноты и убѣдительности аргументаціи въ непровѣренныхъ данныхъ, въ разнаго рода слухахъ и сплетняхъ.

1) С. И. Сомовъ говоритъ: „Какъ будто для того, чтобы изгнать приверженцевъ партійнаго бюрократизма и противниковъ демократизма изъ ихъ послѣдняго убѣжища, и показать, что отсутствіе демократизма вредно для партіи даже въ *конспиративномъ* отношеніи (курсивъ вездѣ мой) и отнюдь не спасаетъ отъ порученія самыхъ отвѣтственныхъ функцій шпіонамъ и провокаторамъ, въ концѣ мая и началѣ іюня въ Петербургѣ начались массовые аресты среди меньшевиковъ". Впослѣдствіи выяснилось, продолжаетъ С. И. Сомовъ, что аресты были вызваны провокаторомъ Доброскоковымъ, завѣдывавшимъ техническими предпріятіями меньшевистской организаціи, „*привезшимъ изъ за границы хорошія рекомендаціи и потому сразу завоевавшимъ довѣріе.* Приверженцы демократизма справедливо доказывали, что такіе... разгромы были бы менѣе возможны при выборномъ началѣ, при которомъ отвѣтственныя должности поручались бы людямъ на основаніи дѣйствительныхъ, извѣстныхъ массѣ партійныхъ членовъ заслугъ, *а не на основаніи дружескихъ связей съ вліятельными лицами въ партіи*".

Итакъ, С. И. Сомовъ вину за проникновеніе Доброскокова въ петербургскую организацію взваливаетъ, съ одной стороны, на „вліятельныхъ въ партіи лицъ", практиковавшихъ систему протекціи, а съ другой на бюрократизмъ, враждебный демократическому, выборному началу.

По этому поводу долженъ указать слѣдующее: въ числѣ секретарей редакціи „Искры" былъ пишущій эти строки въ то время, когда Доброскоковъ пріѣхалъ изъ Харькова въ Женеву, а также и когда онъ уѣзжалъ въ Россію. Въ Женевѣ никто его не зналъ и въ партійную среду онъ былъ допущенъ только потому, что привезъ установленный пароль отъ пославшей его на со-

зывавшійся въ ту пору большевиками такъ назыв. „3-й партійный съѣздъ“ Харьковской организаціи жел.-дор. служащихъ. Узнавъ, что съѣздъ этотъ не санкціонированъ Совѣтомъ Партіи, Доброскоковъ, съ согласія своихъ избирателей, на съѣздъ не поѣхалъ и остался въ Женевѣ, собираясь въ скоромъ времени вернуться въ Россію, но уже не въ Харьковъ, гдѣ его разыскивали жандармы. Тѣмъ временемъ, мнѣ пришлось по поводу названной организаціи желѣзнодорожниковъ списаться съ харьковскимъ комитетомъ партіи, причемъ я не преминулъ навести у него справки о Доброскоковѣ. Отвѣтъ получился удовлетворительный. Доброскоковъ пару лѣтъ работалъ въ комитетской организаціи, былъ арестованъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ около года, во время слѣдствія велъ себя хорошо, по освобожденіи оказывалъ услуги комитету, и только въ послѣднее время дѣйствовалъ помимо его, принявъ участіе въ организаціи ж.-д. союза. Въ его прошломъ было указано лишь одно пятно: онъ упорно защищалъ и поддерживалъ одного товарища, который за неблаговидное политическое поведеніе былъ удаленъ изъ партійной организаціи. Въ это же время въ Женеву прибылъ тов. Л-въ, харьковецъ, работавшій нѣкогда вмѣстѣ съ Доброскоковымъ; онъ подтвердилъ отзывъ комитета. Естественно, поэтому, что когда Доброскоковъ заявилъ о своемъ желаніи ѣхать въ Питеръ, пишущему эти строки ничего не оставалось, какъ снабдить его соотвѣтствующими явкой и паролемъ, а затѣмъ, какъ это обыкновенно дѣлалось, предупредить петербургскую организацію (въ лицѣ ея секретаря), что къ нимъ ѣдетъ такой то товарищъ, который работалъ тамъ то по такой то спеціальности. Въ Питерѣ Доброскосову сперва дали работу лишь въ *районной* техникѣ, и только послѣ арестовъ, онъ по необходимости, помимо всякихъ назначеній, оказался завѣдующимъ всей техникой, замѣнивъ выбывшихъ товарищей. Что при „демократизмѣ“ Доброскоковъ не встрѣтилъ бы препятствій для занятія отвѣтственнаго поста въ организаціи, а, напротивъ того, достигъ бы большаго, чѣмъ при „бюрократизмѣ“, говоритъ слѣдующій фактъ: въ бытность мою въ іюнѣ членомъ петерб. группы (меньшевиковъ) наши техники всѣхъ районовъ (а въ техникѣ было занято прямо или косвенно 2—3 десятка товарищей) потребовали представительства въ центр. группѣ, чтобы быть освѣдомленными о ходѣ дѣлъ въ организаціи и посильно вліять на него; своимъ кандидатомъ они единодушно выставляли того же Доброскокова, выставляя на видъ его энергію, работоспособность и дѣловитость. И только благодаря тому, что мы, члены группы, рѣшительно воспротивились этимъ требованіямъ, провокаторъ Доброскоковъ не попалъ милостію демократическаго принципа въ самый центръ организаціи.

Сказаннаго, думаю, достаточно, чтобы увидѣть, какъ опасно, опираясь всего на одинъ другой случай, да и то искаженный, невѣрно сообщенный, дѣлать выводы тѣ или иные о вліяніи бюрократизма и демократизма, протекціи „вліятельныхъ лицъ“ на жизнеспособность организаціи и т. п.

2) Ошибается С. И. Сомовъ и тогда, когда утверждаетъ, что послѣ ареста „*почти всей*“ центральной группы „вопреки преобладающему желанію петербургскихъ партійныхъ членовъ... явилось 2—3 лица изъ за-границы, объявили себя руководящей группой, кооптировали кое кого изъ новоприѣзжихъ „профессіональныхъ“ революціонеровъ...“ Такъ какъ С. И. Сомовъ въ это время находился въ тюрьмѣ, онъ, очевидно, разсказываетъ тутъ съ чужихъ словъ, недостаточно провѣренныхъ. Въ дѣйствительности дѣло обстояло такимъ образомъ: при арестѣ центральной группы (если не ошибаюсь, въ серединѣ мая

уцѣлѣли три ея члена тов. М., А. И и Н. Изъ нихъ послѣдній не работалъ въ районѣ (онъ литераторъ), а тов. М. долженъ былъ немедленно уѣхать, такъ какъ за нимъ слѣдили по пятамъ. Пополнить центр. группу по выбору и изъ состава районныхъ работниковъ не было возможности. Работа была такъ дезорганизована благодаря арестамъ, что нечего было и думать собрать районные комитеты хотя бы въ теченіе одной, двухъ недѣль. Для характеристики положенія достаточно указать, что группѣ, когда ея составъ былъ доведенъ до 6 человѣкъ, приходилось собираться за городомъ (даже въ Теріокахъ), ибо въ Питерѣ нельзя было найти подходящей квартиры; что во всемъ Невскомъ районѣ, напр., работало всего 3 интеллигента одному изъ нихъ надо было уѣхать, другой всего лишь 3 мѣсяца передъ тѣмъ началъ работать въ партіи, третья пропагандистка; въ остальныхъ районахъ положеніе было не лучше. Хорошо помню ту отчаянную картину, которую нарисовали тов. М. и А. И. разсказывая о положеніи дѣлъ. Надо было торопиться передать и укрѣпить сохранившіяся связи и потому эти товарищи рѣшили кооптировать насъ трехъ, пріѣхавшихъ по приглашенію нѣсколькихъ арестованныхъ членовъ группы извѣстныхъ имъ, какъ давно работавшихъ въ партіи. Рѣшено было всѣ усилія направить на скорѣйшее возстановленіе районныхъ центровъ, чтобы потомъ изъ ихъ среды возстановить руководящую группы. Непрекращавшіеся аресты въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ, такъ и не позволили сдѣлать это до самаго октября.

Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ дѣло заключается отнюдь не въ попраніи принциповъ демократизма и не въ бюрократическихъ замашкахъ тѣхъ или иныхъ лицъ, а въ простой цѣлесообразности и властно диктуемыхъ условіями работы требованіяхъ. С. И. Сомову слѣдовало бы, вообще, помнить, что демократизмъ можетъ въ организаціи существовать лишь тогда, когда всѣ члены ея активно проявляютъ себя, связаны живыми нитями съ своей организаціей. Тогда, конечно, не страшны аресты, ибо низы немедленно выдвигаютъ на мѣсто отсѣченнаго органа новый. При пассивномъ же отношеніи массы членовъ къ дѣламъ организаціи, а именно таково было по описанію самого С. И. Сомова положеніе вещей преемственность и развитіе организаціи по неволѣ зависятъ отъ немногочисленныхъ всегда группъ болѣе иниціативныхъ работниковъ.

С. Цедербаумъ.

Къ замѣткѣ N. N. о Конст. Гаврил. Неустроевѣ.

Въ замѣтку о Конст. Гаврил. Неустроевѣ помѣщенной въ іюльской книжкѣ „Былого“ за 1907 годъ вкралась серьезная неточность, которая можетъ ввести въ заблужденіе читателя незнакомаго съ Сибирью и ея правителями. Въ названной замѣткѣ на стр. 295 сказано... на мѣсто его (генер.-губернатора Анучина) отправленъ былъ Педашенко, тогда какъ на мѣсто Анучина былъ отправленъ генералъ-губернаторомъ графъ А. Игнатьевъ, а Педашенко, какъ старшій изъ губернаторовъ Восточной Сибири числился только временно замѣстителемъ Анучина и въ Иркутскъ изъ Красноярска, кажется, даже не переѣзжалъ. Правда ходили слухи, будто Педашенко хлопоталъ и надѣялся сдѣлаться ген.-губернаторомъ двухъ губерній Енисейской и Иркутской, но надежды его не осуществились. Слухи о его намѣреніи доходили и къ намъ въ Иркутскую тюрьму, гдѣ мнѣ по дорогѣ въ дальнѣйшую ссылку пришлось провести мѣсяца полтора осенью 1883 г. и быть невольной свидѣтельницей трагическаго эпизода, прервавшаго, какъ набѣжавшій вихрь, жизнь Неустроева, этого чуткаго человѣка, прекраснаго въ благородныхъ порывахъ своихъ. Можетъ быть примѣръ недавно мстившей за Карійцевъ Кутитонской, сидѣвшей тогда послѣ осужденія въ одномъ корридорѣ съ Неустроевымъ и встрѣчавшейся съ нимъ какъ и всѣ мы, можетъ быть этотъ примѣръ послужилъ безсознательнымъ толчкомъ рѣшившимъ такъ трагически его участь. Во всякомъ случаѣ Неустроевъ цѣною жизни своей сдѣлалъ вообще невозможной замѣну одного правителя насильника другимъ хотя и не столь громкимъ, но все же завѣдомымъ насильникомъ, а въ то время какъ рука Неустроева карала Анучина, за Педашено числился уже подвигъ насилія, правда не надъ цѣлой политической тюрьмой, какъ было на Карѣ, а надъ одинокой политической осужденой (насильственное переодѣванье въ канцеляріи въ моментъ отправки партіи вмѣсто того чтобы смѣнить арестантское платье въ тюрьмѣ, какъ того требовалъ законъ и совѣсть). Да дѣло это не было такъ громко, какъ карійское, свидѣтелями его была лишь беременная женщина да ея закованный въ цѣпи политическій осужденный мужъ, за которымъ она добровольно слѣдовала. Фактъ этого насилія могъ снова умереть вмѣстѣ съ его жертвою, но этого не случилось; дружеская рука могла и дала силу жить, она же можетъ быть, не умолчавъ о насиліи нанесла и рѣшающій ударъ честолюбію новаго правителя насильника Педашенко въ генералъ-губернаторы не попалъ.

12 іюля 1907 г.

О. Любатовичъ.

Историческая библіографія.

Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. 1854—1855. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Ю. Т. Малиса изданіе русскаго хирургическаго общества Пирогова. СПБ. 1907. стр. 230. Ц. 1 р. 50 к.

Русское хирургическое общество имени Н. И. Пирогова достойно почтило память великаго хирурга и знаменитаго гуманиста, выпустивъ къ 25-лѣтію со дня его смерти новое дополненное и исправленное изданіе его „севастопольскихъ" писемъ.

Первое изданіе „писемъ" вышло въ 1899 г. роскошнымъ, богато снабженнымъ портретами и снимками, томомъ, отпечатаннымъ на картонной бумагѣ. Но въ этомъ изданіи *письма* подверглись фильтраціи.

Но и въ этомъ обезвреженномъ видѣ письма Пирогова являлись виднымъ вкладомъ въ обличительную литературу 60-хъ годовъ. Тѣмъ болѣе цѣнно настоящее изданіе, выпущенное названнымъ обществомъ при участіи Павленковскаго книгоиздательства и подъ редакціей біографа Н. И. д-ра Ю. Т. Малиса.

Въ настоящее изданіе вошли въ полномъ видѣ всѣ доставленныя сыномъ покойнаго хирурга В. Н. Пироговымъ обществу письма Николая Ивановича къ женѣ изъ Крыма, куда онъ былъ посланъ „для ближайшаго наблюденія за успѣшнымъ леченіемъ раненыхъ". Въ это изданіе вошли также обширное интересное письмо Н. И. къ д-ру К. К. Зейдлицу изъ Севастополя и „Историческій обзоръ дѣйствій Крестовоздвиженской общины" въ Крыму и въ Херсонской губ.

„Севастопольскія" письма освѣщая личность Пирогова, какъ врача-гражданина, беззавѣтно преданнаго интересамъ своихъ больныхъ и съ неукротимой энергіей борющагося за эти интересы, не потеряли своего значенія и для нашего времени. „Пріѣхалъ, говоритъ Пироговъ въ письмѣ къ женѣ, и видѣлъ, что больные лежатъ въ грязи, какъ свиньи, съ отрѣзанными ногами. Я, разумѣется, объ этомъ сейчасъ же доношу главнокомандующему, а тамъ злись на меня, кто какъ хочетъ, я плюю на все. О, какъ будутъ рады многія начальства здѣсь,—которыхъ я также бомбардирую, какъ бомбардируютъ Севастополь,—когда я уѣду" (135). Его характеристика отношенія къ дѣлу со стороны высшихъ „чиновъ" также имѣетъ интересъ злобы дня. „Какой то хаосъ мнѣній и взглядовъ, изъ которыхъ только одно явствуетъ, что никто ничего не понимаетъ, и всякій подставляетъ ногу другому; моряки ненавидятъ сухопутныхъ; пѣшіе—конныхъ; эстляндцы—курляндцевъ. Русскій Богъ великъ, да, но и русскіе подлецы—велики. Право, если взглянуть на эту смѣсь нашей посредственности, безталантности, односторонности и низости, то поневолѣ начинаешь опасаться за участь Севастополя, и, слѣдовательно, цѣлаго Крыма" (134).

Тонкой ироніей наполнены тѣ мѣста писемъ Пирогова, гдѣ онъ говоритъ о спасителяхъ отечества и о „Провидѣніяхъ“ Россіи. „На этихъ дняхъ я видѣлъ двѣ знаменитыя развалины: Севастополь и Горчакова. Бухта раздѣляетъ одну отъ другой. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ Севастополя произошли измѣненія и въ наружномъ видѣ генія отступленія: шапка, которая прежде надѣвалась имъ на затылокъ, теперь надѣвается почти на самый носъ...„ Воровство въ арміи было сверхъестественное. Теперь это извѣстно изъ учебниковъ исторіи даже дѣтямъ. „Транспорты отходятъ отсюда почти ежедневно, писалъ Пироговъ женѣ; если бы ты знала, что тутъ дѣлается, если бы ты услышала всѣ разсказы о злоупотребленіяхъ и грабежахъ, производимыхъ транспортными начальниками, такъ у тебя волосы бы встали дыбомъ... По бумагамъ у Горчакова въ Крыму 260.000, да внѣ Крыма слишкомъ 400.000, такъ что на бумагѣ и на жалованьи до 700.000, а много ли на дѣлѣ, одному Богу извѣстно. 700.000 счесть не бездѣлица, и 200 человѣкъ начнешь считать, такъ какъ разъ ошибешься... И вездѣ воруютъ, и вездѣ безпорядки попрежнему... Одинъ другому завидуетъ и другъ другу ногу подставляетъ, какъ бы свалить...“ (124, 165).

Знаменитый гуманистъ писалъ доктору Зейдлицу: „Надо надѣяться, что эта проклятая, старая языческая метода воевать, при которой смотрѣли на людей, какъ на слѣпыя стратегическія орудія, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ войны и объ общемъ благосостояніи, послѣ этой войны у насъ и союзныхъ получитъ смертельный ударъ, особенно, если съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ смертность отъ развитія эпидемическихъ болѣзней значительно увеличится, хотя надежда и дѣйствительность двѣ вещи разныя“ (187).

Книга снабжена интересно составленнымъ на основаніи недоступныхъ широкой публикѣ (въ большинствѣ затерявшихся въ архивныхъ изданіяхъ) данныхъ вступительными очеркомъ д-ра Ю. Т. Малиса: „Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ“. Въ видѣ приложенія даны весьма цѣнныя и чрезвычайно интересныя въ біографическомъ отношеніи примѣчанія (27 страницъ) редактора изданія и алфавитный указатель личныхъ именъ, а также неизданные портретъ Н. И. Пирогова и группа, на которой онъ изображенъ со своими дѣтьми, группа сестеръ общины, видъ Севастополя (съ картины И. К. Айвазовскаго), планъ окрестностей Севастополя, факсимиле письма Н. И. Пирогова.

Съ внѣшней стороны изданіе исполнено превосходно: прекрасная бумага, четкій шрифтъ, роскошныя иллюстраціи. Цѣна однако нѣсколько высока. Это грѣшно и противъ памяти Пирогова, „письма“ котораго должны быть доступны широкой публикѣ.

Еще нѣсколько словъ. Какъ ни выгодно отличается настоящее изданіе „Севастопольскихъ писемъ“ отъ предыдущаго но по нашему мнѣнію въ это изданіе могли бы въ видѣ приложенія войти между прочимъ еще слѣдующія напечатанныя разновременно статьи и письма Н. И. Пирогова о Севастопольской страдѣ: 1) о подвигахъ сердобольныхъ вдовъ въ Крыму („Сѣв. Пчела“ № 7 за 1856 г. и Сборникъ извѣстій о войнѣ изд. Путилова № 31 за 1857 г.) 2) Извлеченія изъ отчета о дѣятельности общины и врачей (Морск. сборникъ № 5 за 1855 г. и тотъ же сборникъ Путилова) 3) извлеченіе изъ донесенія о Крестовоздвиженской общинѣ отъ 4 января 1855, (М. сборн. № 2 за 1855 г. и сборн. Путилова № 30 за 1856 г.) 4) письма къ Е. М. Бакуниной (В. Европы май—іюня 1898 г.) 5) письмо къ іеромонаху Веніамину духовнику общины (Р. Старина, іюль 1891 г.).

С. Ш.

В. Сиповскій. Пушкинъ Жизнь и творчество. С.-Петербургъ, 1907, 618 стр.

У насъ долго не было біографіи Пушкина. Нѣкогда Межовъ подвелъ итоги пушкинской литературѣ, они оказались громадны; съ тѣхъ поръ біографическая литература о Пушкинѣ продолжала обогащаться непрерывно; одинъ за другимъ слѣдовали пушкинскіе юбилеи, приносившіе каждый разъ огромное количество торжественныхъ рѣчей, біографическихъ „очерковъ" и „новыхъ матеріаловъ". А біографіи все не было, хорошей большой біографіи Пушкина, которая использовала бы, по возможности, весь накопившійся и богатѣйшій біографическій матеріалъ, раскрыла бы духовную личность поэта и судьбы его жизни и творчества прослѣдила бы въ широкихъ перспективахъ развитія историческаго литературнаго и общественнаго. Потребность въ такой біографіи ощущалась всѣми и въ школѣ, и въ обществѣ, и въ средѣ спеціалистовъ историковъ; удовлетворить ея, конечно, не могли переиздававшіяся старыя работы Стоюнина, Венкстерна. Біографія Пушкина стала, наконецъ, самой настоятельной, очередной задачей русской литературной исторіографіи.

Понятно, послѣ этого, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ беремся мы за объемистую книгу г. Сиповскаго. Авторъ не новичекъ въ пушкинскихъ изученіяхъ; ему принадлежитъ обширный библіографическій обзоръ юбилейной пушкинской литературы 1899 года и цѣлый рядъ другихъ работъ по Пушкину, біографическихъ и литературныхъ. Многочисленныя иныя изслѣдованія автора въ области исторіи русской литературы XVIII и XIX вв., коихъ обширный списокъ приложенъ къ книгѣ, давали ему и общую подготовку къ выполненію отвѣтственной и благодарной работы. Однако, новая книга г. Сиповскаго вызоветъ въ читателяхъ полное разочарованіе. Рѣдкій авторъ издаетъ свою книгу съ такимъ пренебреженіемъ и къ читателямъ, и къ собственному доброму литературному имени. Новая біографія Пушкина издана торопливо и прямо неряшливо. Нѣтъ подробнаго оглавленія, алфавитнаго указателя именъ тоже нѣтъ, и справки этимъ очень затрудняются. Масса опечатокъ, часто искажающихъ смыслъ и не оговоренныхъ въ corrigenda, пестритъ страницы. Въ торопяхъ авторъ не всегда утруждаетъ себя справками въ сочиненьяхъ Пушкина и, цитуя одно письмо Пушкина къ женѣ, онъ дѣлаетъ характерную ссылку на первоисточникъ: „цитата г. Ив. Иванова „Новая культурная сила", 33 (стр. 347).

Такъ же упрощенно пользуется авторъ и другими біографическими матеріалами. Въ предисловіи онъ утверждаетъ, что для своей работы „использовалъ всѣ новые матеріалы, появившіеся недавно". Результаты знакомства съ новѣйшей литературой, однако, мало замѣтны въ его изслѣдованіи. Говоря напр., о байронизмѣ Пушкина, авторъ ссылается на „Западныя вліянія" А. Н. Веселовскаго и умалчиваетъ, что тотъ же вопросъ разработанъ детально въ новѣйшей работѣ о байронизмѣ того же автора, печатавшейся въ „Вѣстникѣ Европы" за послѣдніе годы. Напротивъ, именно старая и подъ часъ безнадежно устарѣвшая литература о Пушкинѣ въ большомъ почетѣ у г. Сиповскаго. Изъ старой компиляціи Венкстерна онъ охотно черпаетъ и не только резюмирующія замѣчанія, но и фактическія данныя, которыя должны бы быть ему извѣстны изъ первоисточника. Также охотно обращается онъ и къ компиляціи правда, болѣе новой Ив. Ив. Иванова. Но особенно часто г. Сиповскій пользуется трудами Анненкова. Отсюда онъ выписываетъ цѣлыми паремьями и фактическія данныя, и психологическія характеристики, и литературныя

оцѣнки, и историческія обобщенія. Въ самыхъ основныхъ вопросахъ новый біографъ Пушкина не идетъ дальше Анненкова и, такимъ образомъ, старается оттѣснить читателя къ взглядамъ и вкусамъ пятидесятыхъ годовъ. Покорно слѣдуя за Анненковымъ, этимъ вялымъ оппортунистомъ, развращеннымъ старорусскими цензурными и иными „внѣшними условіями", г. Сиповскій разсыпаетъ въ своей книгѣ пренебрежительныя замѣчанія о цѣломъ политическомъ движеніи александровскаго времени, о декабристахъ и о политическихъ настроеніяхъ самого Пушкина. Вотъ образчикъ историческаго пониманія г. Сиповскаго: „политическія настроенія русскаго „передового" общества загипнотизировали Пушкина громомъ звонкихъ фразъ, легковѣсныхъ остротъ, банальныхъ повтореній того, что смутно доносилось съ Запада... Немудрено, что въ угарѣ площаднаго либерализма онъ забывалъ спокойныя бесѣды въ уединенномъ кабинетѣ Чаадаева" (стр. 117—118). Литературныя оцѣнки г. Сиповскаго нерѣдко столь же рискованы. Взгляды шишковистовъ онъ опредѣляетъ какъ „непроясненный классицизмъ"; „бой" ихъ съ карамзинистами, будто бы, „разгорался" ко времени выхода Пушкина изъ Лицея, а въ дѣйствительности онъ къ тому времени уже кончался: „Бесѣда" распалась въ 1816 году, а въ быстро угасавшемъ „Арзамасѣ" Пушкинъ успѣлъ побывать едва ли не единственный разъ по выходѣ изъ Лицея. Вообще, литературная эволюція александровскаго и николаевскаго времени изложена въ книгѣ г. Сиповскаго очень смутно, и связи Пушкина съ культурнымъ движеніемъ его времени безнадежно путаются и обрываются. Едва ли не третью часть всей книги занимаютъ приложенія, представляющіе изъ себя перепечатку прежнихъ статей автора по отдѣльнымъ вопросамъ пушкинскаго творчества. Мы не совсѣмъ понимаемъ, зачѣмъ понадобилось это механическое нагроможденіе приложеній. Перепечатанныя статьи слѣдовало переработать и ввести въ связный текстъ самой біографіи.

У насъ долго не было хорошей біографіи Пушкина; теперь появилась книга г. Сиповскаго и у насъ, все таки, нѣтъ біографіи Пушкина.

Н. К. П—въ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями *В. И. Саитова.* Томъ первый (1815—1826). С.-Петербургъ, 1906, 394 стр.

Особая отрасль русской литературной исторіографіи—пушкиновѣдѣніе—обогатилось новымъ цѣннымъ вкладомъ: появился первый томъ переписки Пушкина въ изданіи Академіи Наукъ. Высокое значеніе писемъ Пушкина для его біографіи сознано очень давно и давно началось собираніе и публикація этихъ драгоцѣнныхъ документовъ. Новѣйшіе своды пушкинскихъ сочиненій, исполненные гг. Ефремовымъ и Морозовымъ, могли уже представить обширную эпистолярную коллекцію. Но академическое изданіе отмѣняетъ теперь всѣ предыдущія, и не потому только, что въ немъ помѣщено большее количество писемъ,—новыя письма Пушкина появляются постоянно, и въ свое время академическое собраніе устарѣетъ какъ и прежнія. Изданіе, редактируемое В. И. Саитовымъ, особенно цѣнно по методу воспроизведенія пушкинской переписки. Текстъ писемъ тщательно провѣренъ по подлинникамъ или фотографическимъ копіямъ, если только удавалось получить то или другое. Пушкинская орѳографія воспроизведена во всей неприкосновенности, безъ произвольныхъ редакторскихъ исправленій. Черновыя редакціи писемъ приведены полностью и съ такимъ же бережнымъ вниманіемъ, какъ и бѣловыя. Особен-

ностью новаго изданія является также включеніе писемъ корреспондентовъ Пушкина, также свѣренныхъ, по возможности, съ оригиналами. Благодаря такой постановкѣ изданія, оно пріобрѣтаетъ высокую научную цѣнность. Возстановленіе пушкинской орѳографіи весьма важно для изученія языка Пушкина. Нѣсколько дорогихъ біографическихъ чертъ даютъ вновь найденныя и опубликованныя письма Пушкина и къ Пушкину, а также и давно извѣстныя старыя письма и черновыя, печатавшіяся прежде небрежно, съ сокращеніями и ошибками и теперь воспроизведенныя полностью и тщательно. Переписка Пушкина читается легко и съ захватывающимъ интересомъ. Она драгоцѣнна не только для біографіи Пушкина, но и для исторіи русской общественности его временъ. Жаль только, что историческія, литературныя, бытовыя и библіографическія примѣчанія, которыми необходимо долженъ быть обставленъ текстъ переписки, выдѣлены редакторомъ и появятся позднѣе особо.

Н. К. П—въ.

Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей *С. А. Венгерова*. Пушкинъ. Т. I, выпуски 1 и 2. Изданіе Брокгаузъ-Эфрона. С.-Петербургъ, 1906—1907.

Передъ нами начало новаго и крупнѣйшаго литературнаго предпріятія, выполняемаго неутомимымъ С. А. Венгеровымъ. Когда оно закончится, это будетъ однимъ изъ самыхъ дорогихъ вкладовъ не только въ пушкиновѣдѣніе но и въ общую исторію русской культуры. Типъ начатаго изданія тотъ же, что и въ собраніяхъ сочиненій Шиллера, Шекспира и Байрона, изданныхъ уже подъ той же редакціей фирмой Брокгаузъ-Эфрона, но вся постановка новаго предпріятія шире и богаче. Во-первыхъ, къ установленію текста пушкинскихъ произведеній прилагаемая самостоятельная редакторская работа, несомнѣнно, очень отвѣтственная, но и необходимая, такъ какъ академическое изданіе Пушкина подвигается впередъ чрезвычайно медленно, а новѣйшія законченныя изданія г.г. Ефремова и Морозова не свободны отъ крупныхъ и очевидныхъ погрѣшностей. Затѣмъ, комментарію дается необычайно широкое развитіе. Сюда входятъ: отдѣльныя этюды о разныхъ моментахъ біографіи Пушкина, этюды о друзьяхъ и знакомыхъ поэта, о литературныхъ вліяніяхъ на Пушкина писателей русскихъ и иностранныхъ, историко-литературныя введенія къ болѣе значительнымъ произведеніямъ, пояснительныя примѣчанія къ небольшимъ. Чрезвычайно широко ставится иллюстраціонная часть. Предполагается дать всѣ портреты Пушкина, портреты его родственниковъ, друзей и знакомыхъ, русскихъ и иностранныхъ писателей, вліявшихъ на Пушкина, современныхъ историческихъ дѣятелей, виды мѣстностей и зданій, имѣющихъ отношеніе къ біографіи, снимки съ памятниковъ поэту, съ картинъ, писанныхъ на пушкинскіе сюжеты, съ театральныхъ постановокъ драмъ Пушкина, наконецъ, стильный орнаментъ: заставки, виньетки, концовки и т. д. Общее значеніе и цѣль всего изданія удачно формулированы самимъ редакторомъ въ предисловіи: „сдѣлать изъ будущаго изданія своего рода Пушкинскую энциклопедію, гдѣ должно найти мѣсто все, что служитъ къ уясненію жизни и творчества великаго поэта“.

Какъ выполняется этотъ обширный планъ,—можно судить по двумъ появившимся выпускамъ. Высказать свое сужденіе о постановкѣ пушкинскаго текста мы, впрочемъ, пока воздержимся: въ двухъ выпускахъ еще не закончены и лицейскія стихотворенія, а редакторскія объясненія и „исторія текста“

появятся только въ концѣ перваго тома. Что же касается комментарія и иллюстрацій, то въ этомъ отношеніи первые выпуски обставлены очень счастливо. Еще ни одно комментированное изданіе Пушкина, да и ни какого другого русскаго поэта, не давало столь богатыхъ матеріаловъ біографическихъ, литературныхъ, историческихъ. Имѣется цѣлый рядъ значительныхъ по объему и написанныхъ спеціалистами по новѣйшимъ, иногда и архивнымъ, даннымъ отдѣльныхъ экскурсовъ біографическаго характера: „Родъ Пушкина" (Б. Л. Модзалевскаго), „Дѣтство Пушкина" (В. В. Сиповскаго), „Пушкинъ въ Лицеѣ" (Н. О. Лернера), „А. И. Галичъ". (Э. Л. Радлова), „Кн. А. М. Горчаковъ и Пушшинъ" (П. Е. Щеголева) и др. Даны большія статьи, изслѣдующія литературныя вліянія на Пушкина: „Пушкинъ и Батюшковъ" (П. О. Морозова), „Антоній Гамильтонъ" (З. А. Венгеровой) и др.; даны литературныя справки о французскихъ эротическихъ поэтахъ XVIII в., на которыхъ воспитывался юноша Пушкинъ; каждое отдѣльное стихотвореніе заботливо снабжено исчерпывающими поясненіями. Иллюстраціонный отдѣлъ также очень богатъ. Многое здѣсь воспроизведено впервые: портретъ Сергѣя Львовича Пушкина (въ краскахъ), Надежды Осиповны Пушкиной (въ краскахъ), Ольги Сергѣевны Пушкиной-Павлищевой (четыре портрета) снимокъ съ метрической записи о рожденіи Пушкина и т. д.

Не все въ этихъ двухъ выпускахъ удовлетворяетъ насъ. Экономія и пропорціональность въ подборѣ матеріаловъ не всегда соблюдена; біографія Кошанскаго слишкомъ велика, а біографіи Парни совсѣмъ нѣтъ; иногда отсутствуетъ необходимая библіографія. Въ погонѣ за новинками редакторъ воспроизводитъ кое-что лишнее, напр., фотографію дома Ключиныхъ въ Москвѣ, гдѣ *не* родился Пушкинъ, каррикатурный портретъ проф. Кошанскаго—дурно сдѣланный и совершенно фантастическій. Въ такомъ богатомъ изданіи иныя иллюстраціи могли бы быть и поизящнѣе. Форматъ выбранъ слишкомъ скупо, и послѣ переплета въ книгѣ совсѣмъ не остается полей. Но въ общемъ, впечатлѣніе отъ изданія прекрасное, и остается пожелать ему столь же удачнаго продолженія. **Н. К. П—въ.**

Библіотека „Свѣточа". Подъ редакціей *С. А. Венгерова.* №№ 35—39 и 51—55.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. „Собраніе сочиненій". Единственное разрѣшенное вдовою автора изданіе.—*Часть I: „Штундистъ Павелъ Руденко".* Дополнено по рукописи. Съ написанными для настоящаго изданіями воспоминаніями *П. А. Кропоткина* и фототипич. портретомъ Степняка. Спб. 1907. XXXI+1 ненумер.+224 стр. in-8°. Цѣна 1 р.—*Часть III: I. „Домикъ на волѣ". 2. „Новообращенный". 3. „Сказка о копейкѣ".* IV+3 ненумер.+241 стр. in-8°. Съ фототип. портретомъ Степняка. Спб. 1907. Цѣна 1 р.

Мы уже говорили на страницахъ „Былого" (1907 г., № 2, стр. 320—324) о 2-мъ томѣ „Собранія сочиненій" С. М. Кравчинскаго-Степняка. Теперь вышли въ свѣтъ еще I-й и III-й томы (и, какъ слышно, скоро выйдетъ и IV-й).

Вступленіемъ къ I-тому служатъ прекрасно написанныя воспоминанія князя П. А. Кропоткина, бывшаго близкимъ другомъ Кравчинскаго (какъ въ Россіи, въ 70-хъ годахъ, въ кружкѣ „чайковцевъ", такъ и за-границей, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, вплоть до самой смерти Степняка $^{11}/_{23}$ декабря 1895 г.). Воспоминанія кн. Кропоткина, кромѣ того, что они написаны рукою мастера-художника и любящаго друга, даютъ еще рядъ цѣнныхъ фактическихъ и интимныхъ данныхъ для біографіи Кравчинскаго-Степняка. Читаются эти вос-

поминанія съ такимъ-же интересомъ, какъ все, что ни писалъ до сихъ поръ кн. Кропоткинъ.

Въ первый томъ вошелъ едва ли не лучшій изъ написанныхъ Степнякомъ романовъ—„Штундистъ Павелъ Руденко". Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ объ этомъ романѣ, высказаннымъ въ предисловіи редактора изданія почтеннаго С. А. Венгерова. „До романа Степняка—говоритъ г. Венгеровъ—мы знали штундистовъ только по изуродованнымъ газетнымъ отчетамъ о штундистскихъ процессахъ и представляли себѣ ихъ въ видѣ какихъ-то отрѣшенныхъ отъ жизни чудаковъ-мистиковъ. Здѣсь же передъ нами живые люди, съ плотью и кровью, во всей реальности ежедневнаго быта. И, вплоть до нашихъ дней, за романомъ Степняка остается крупнѣйшая заслуга перваго и единственнаго цѣльнаго изображенія одной изъ интереснѣйшихъ отраслей русскаго сектантства" (стр. VII).

Подробный критическій анализъ романа вполнѣ подтвердилъ-бы это мнѣніе авторитетнаго критика и историка литературы. Но мы здѣсь этого не сдѣлаемъ. Наши читатели, если не читали, такъ прочтутъ романъ „Штундистъ Павелъ Руденко". А прочтенія романъ вполнѣ заслуживаетъ. Среди массы всякаго беллетристическаго хлама претенціозной не только посредственности, но прямо бездарности,—среди всего этого мусора, ежедневно выбрасываемаго на книжный рынокъ,—на такихъ отрадныхъ оазисахъ, какъ произведенія Степняка, всегда пріятно остановиться и отдохнуть умомъ. „Такъ рѣдки книги не пустыя", слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ сказалъ великій поэтъ и эти слова Некрасова, повидимому, надолго еще останутся непререкаемой истиной.

Романъ „Штундистъ Павелъ Руденко" былъ написанъ Степнякомъ въ 1893-94 гг., но изданъ былъ уже черезъ 5 лѣтъ послѣ его смерти, въ Женевѣ (въ ноябрѣ 1900 г.), подъ наблюденіемъ кн. Кропоткина, просматривавшаго корректуры. По англійски же (какъ видно изъ предисловія къ настоящему изданію вдовы покойнаго автора, Фанни Марк. Степнякъ) онъ явился въ 1895 г. въ измѣненномъ („въ христіански-поучительномъ") видѣ какой-то англійской пуританкой-писательницей, воспользовавшейся русской рукописью автора и обработавшей ее на свой ладъ. Въ изданіи г. Венгерова романъ дополненъ цѣлыми пятью вставками противъ прежнихъ (женевскаго, 1900 года, и позднѣйшихъ русскихъ изданій), а именно: вставлена цѣлая послѣдняя (XXVIII-я) глава, глава XXI дополнена описаніемъ сна Павла (героя романа) и, наконецъ, приложены 3 варіанта (одинъ изъ нихъ очень большой, представляющій собою почти законченный цѣлый, детально разработанный эпизодъ изъ XXVI-й главы,—эпизодъ, лишь кратко обрисованный въ текстѣ этой главы).

Въ воспоминаніяхъ о Степнякѣ князя Кропоткина мы должны исправить одну крупную хронологическую неточность. Кн. Кропоткинъ говоритъ, что Степнякъ уѣхалъ изъ-за-границы (гдѣ былъ эмигрантомъ) „въ Петербургъ вскорѣ послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ (24 янв. 1878 года). Тамъ онъ основалъ газету „Земля и Воля", издалъ нѣсколько ея номеровъ, а 4-го августа 1878 г. выступилъ противъ начальника Третьяго отдѣленія, генерала Мезенцева, мстителемъ за безпощадныя преслѣдованія и наказанія, которымъ подвергались со стороны правительства наши первые соціалисты-агитаторы" (стр. XVII).

Князю Кропоткину измѣняетъ память: первый № „Земли и Воли" вышелъ только 25 октября, а второй—15 декабря 1878 года, такъ что Степнякъ никакъ не могъ издавать нѣсколькихъ номеровъ этой газеты *до* 4 августа 1878 г.

(т. е. до дня, когда онъ закололъ Мезенцева). Вѣроятно, кн. Кропоткинъ смѣшалъ здѣсь „Землю и Волю“ съ газетой „Начало“, первый № которой вышелъ около 25 марта 1878 г., а послѣдній № (4-й) — 7 марта того же 1878 г.

Въ III-й томъ сочиненій Степняка вошли: повѣсть „Домикъ на Волгѣ“ (дополненная, нынѣ впервые появляющимися въ печати, двумя послѣдними главами), драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Новообращенный“ и знаменитая въ свое время по широкому ея распространенію въ народѣ, въ 70-хъ годахъ, пропагандистами („quorum pars minima fui!“) „Сказка о копейкѣ“. Всѣ три вещи являютъ собою образцы безспорно-крупнаго художественнаго таланта автора, не только мастера рисовать картины природы и быта, но и психолога. Мѣтко и ярко-талантливо не пишетъ, а живописуетъ (если можно такъ выразиться) Степнякъ положенія, сцены, типы. Ну, вотъ, вамъ—возьмите, напр., хотя бы эту картину изъ первой же главы повѣсти „Домикъ на Волгѣ“. Авторъ разсказываетъ, какъ, конвоируемый двумя жандармами, спасается бѣгствомъ (жандармы заснули) изъ окна вагона летящаго во весь духъ курьерскаго поѣзда одинъ опасный молодой революціонеръ-террористъ:

„Обѣ двери (особаго купэ вагона) были заперты. Онъ это зналъ. Но окно было для него достаточно широко. Онъ спустилъ стекло. Шумъ и грохотъ поѣзда ворвался въ вагонъ вмѣстѣ съ струей свѣжаго воздуха.

„Оба жандарма не пошевелились. Молодой человѣкъ высунулъ голову и сталъ всматриваться впередъ, въ темноту. Верхушки кустовъ замелькали у него передъ глазами. Поѣздъ несся по молодой орѣховой поросли, пересыпанной кое-гдѣ темными кустами сорной травы, изъ подъ которой виднѣлась бѣлесоватая песчаная почва.

— „Какъ разъ подходитъ“, подумалъ онъ.

„Но когда онъ опустилъ голову и взглянулъ прямо подъ поѣздъ, то пришелъ въ ужасъ. Быстро уплывавшая спереди почва здѣсь неслась съ одуряющей быстротой. Камни, шпалы, все сливалось въ одинъ непрерывный, бѣшеный смертоносный потокъ. Въ его разстроенномъ долгой безсонницей мозгу живо встала картина, въ которой онъ видѣлъ себя самого разбитаго, растерзаннаго въ клочья этими сучьями, бревнами, камнями. Вздохъ, похожій на стонъ, вырвался у него изъ груди: слабое тѣло сопротивлялось и малодушно молило о пощадѣ.

„Но это продолжалось, только минуту.

„Теперь или никогда!“ проговорилъ онъ и, вставъ на подушку сидѣнья, скользнулъ на окно, свѣсивши обѣ ноги наружу.

„ — Ну, держи... А ты его... Лови!—раздалось вдругъ за его спиной.

„Онъ съ ужасомъ оглянулся,—то говорилъ спросонья жандармъ, подъ вліяніемъ какого-то смутнаго ощущенія дѣйствительности.

„Не теряя ни минуты болѣе, молодой человѣкъ скользнулъ внизъ и повисъ на правомъ локтѣ надъ черной стремительной бездной. У него закружилась голова отъ страшнаго грохота, вихря душившаго его дыма и бившаго ему мелкими горячими угольками. Поѣздъ въ эту минуту заворачивалъ вправо. Но въ головѣ его твердо держались инструкціи, которыя онъ самъ себѣ давалъ, обдумывая свой отчаянный планъ. Нащупавъ правой рукой точку опоры и держась, по возможности, лицомъ по направленію движенія поѣзда, онъ разомъ оттолкнулся впередъ рукой и ногой и полетѣлъ въ пространство.

„Ему казалось, что онъ летитъ долго, безъ конца. Вихрь прекратился, а онъ все летѣлъ. Онъ думалъ, что никогда не долетитъ. Полно, точно-ли онъ выпрыгнулъ. Не сонъ-ли это все?

„Вдругъ что-то ударило его подъ ноги, точно огромная коса оторвала ему конечности, и страшный толчокъ въ спину растянулъ его ничкомъ. Изъ глазъ его посыпались искры, и онъ лишился чувствъ“ (стр. 8—9).

Комментаріи къ этой эффектно и художественно начертанной сценѣ,—комментаріи, какъ говорится, излишни. А такихъ положеній и сценъ у Степняка не мало. Да и разработка сложныхъ и трудныхъ психологическихъ вопросовъ тоже удается Степняку. Мы имѣемъ дѣло, читая его, повторяю, съ сильнымъ художественнымъ талантомъ,—и вотъ почему сочиненія Степняка переведены на многіе европейскіе языки: сила его таланта покорила ему западно-европейскихъ читателей, завоевала ихъ вниманіе и любовь и дала ему популярность.

Что же касается до драмы „Новообращенный“. то и она также является дополненной противъ женевскаго изданія (1897 г.). На написаніе этой драмы натолкнули Степняка изданныя въ Лондонѣ (въ 1894 г.) драматич. сцены покойнаго даровитаго поэта и драматурга Вл. Роман. Щиглева (1840—1903), изданныя имъ подъ псевдонимомъ *Старикова*. Въ настоящемъ изданіи впервые внесены двѣ большія вставки (монологъ Муринова и реплика Кати въ I-мъ дѣйствіи и въ IV-мъ дѣйствіи—сцена прощанія Норова съ Катей).

Наконецъ, „Сказка о копейкѣ“ въ русской легальной печати является тоже впервые, ибо за распространеніе ея и ей подобныхъ книжекъ еще не далѣе („свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“), какъ лѣтъ 30—35 тому назадъ пропагандистовъ ссылали на каторгу. А распространяли ее и ей подобныя книжки въ народѣ и среди учащейся молодежи среднихъ школъ, семинарій и проч. таки въ довольномъ количествѣ. Говорю это, и на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, такъ-какъ и самъ я, грѣшный человѣкъ, въ 70-хъ годахъ (начиная съ 1873 г,) не мало потрудился, на свой пай, какъ умѣлъ и какъ могъ, распространять сказки: „О копейкѣ“, „О 4-хъ братьяхъ“, „Мудрицу Наумовну“ и проч., за что въ свое время и не оставленъ былъ безъ возмездія со стороны строгихъ, но несправедливыхъ предержащихъ властей.

А „Сказка о копейкѣ“ написана, кромѣ обычно всегда присущаго Степняку таланта, еще съ особымъ подъемомъ, съ удивительно мѣткимъ юморомъ. съ особо-характерными забавными подробностями и даже возвышается (въ концѣ) до пламеннаго паѳоса. Прочитайте, напр., двѣ послѣднія заключительныя страницы сказки (240—241),—пламенныя рѣчи мужика, проповѣдующаго по всѣмъ весямъ и градамъ великой русской земли новое евангеліе правды, справедливости и братства—соціализмъ въ удобопонятной для народа формѣ.

Въ заключеніе, я долженъ еще отмѣтить, что 2-й томъ сочиненій Кравчинскаго-Степняка („Подпольная Россія“), 2-е изданіе котораго я разбиралъ въ „Быломъ“ (въ февральской книжкѣ за текущій годъ), вышелъ теперь опять новымъ (3-мъ) изданіемъ, дополненымъ біографической статьей Степняка о С. И. Бардиной (извѣстной соц.-револ. 70 хъ годовъ) въ связи съ интересными воспоминаніями о ней. Кромѣ того, къ новому изданію 2-го тома,—или „Подпольной Россіи“,—прибавлены 7 прекрасно исполненныхъ фототипич. портретовъ Я. В. Стефановича, Д. А. Клеменца, В. А. Осинскаго, кн. П. А. Кропоткина (въ молодости), В. И. Засуличъ, С. Л. Перовской и С. И. Бардиной (портретовъ Д. А. Лизогуба и Г. М. Гельфманъ почему-то не приложено, несмотря на то, что ихъ характеристики имѣются также въ „Подпольной Россіи“).

Д. П. Сильчевскій.

Кіевскій и одесскій погромы въ разслѣдованіяхъ сенаторовъ Турау и Кузьминскаго. С. Петербургъ, книгоиздательство «Лѣтописецъ». 1907 г. Цѣна 70 коп.

Бѣлостокскій погромъ. «Русское свободное издательство» Москва, 1906 годъ. Цѣна 80 коп.

Дѣло объ октябрьскомъ погромѣ въ Симферополѣ. Судебный отчетъ съ иллюстр. приложеніями на отдѣльныхъ листахъ. 1907 годъ. Цѣна 60 коп.

Гомельскій процессъ. Подробный отчетъ дѣла о погромѣ 1903 года. С. Петербургъ. 1907 г. Изданіе «Общественной Пользы». Цѣна 3 руб. Стр. X+1204.

Несмотря на крупную роль, которую играли и продолжаютъ играть въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ погромы, въ нашей литературѣ почти совершенно отсутствуютъ не только какія бы то ни было изслѣдованія этого своеобразнаго, чисто русскаго явленія, но даже не сдѣлано до сихъ поръ простой сводки всего фактическаго матеріала погромной эпопеи, въ массѣ разбросаннаго по газетамъ и журналамъ. Эта эпопея ждетъ своего изслѣдователя и, несомнѣнно, дастъ ему весьма богатый и благодарный матеріалъ для обобщеній, которыя могутъ пролить свѣтъ на причины и виновниковъ погромовъ, переносящихъ насъ въ эпоху средневѣковья. При почти полномъ отсутствіи литературы о погромахъ, книги, названія которыхъ выписаны въ началѣ этой статьи, представляютъ интересный, документальный матеріалъ, пополняющій, до извѣстной степени, указанный пробѣлъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна книга, заключающая въ себѣ всеподданнѣйшіе отчеты сенаторовъ Турау и Кузьминскаго о кіевскомъ и одесскомъ погромахъ. Хотя названные сенаторы произвели разслѣдованія объ этихъ погромахъ почти 2 года тому назадъ и результатъ ихъ работы давно извѣстенъ, но правительство почему-то считало нужнымъ сохранять втайнѣ ихъ всеподаннѣйшіе отчеты и только теперь они увидѣли свѣтъ, благодаря частному издательству. Такимъ образомъ, документы эти представляются для публики новыми и проливаютъ яркій свѣтъ на многія обстоятельства печальныхъ октябрьскихъ событій. Извѣстно, что и г. Турау и г. Кузьминскій установили въ своихъ разслѣдованіяхъ виновность мѣстной администраціи—Кіевскаго полиціймейстера Цихоцкаго и одесскаго градоначальника Нейдгарта, въ бездѣйствіи власти и попустительствѣ, но извѣстно также, что оба названные администраторы вышли совершенно сухими изъ воды. Это обстоятельство заставляло думать, что въ обвиненіяхъ господъ ревизующихъ сенаторовъ не было достаточной доказательности. Но полные отчеты ихъ не были извѣстны обществу, и поэтому не было и возможности безошибочно судить о томъ, на сколько несправедливо была опорочена бѣлоснѣжная чистота г.г. Нейдгардта и Цихоцкаго. Опубликованіе отчетовъ обоихъ сенаторовъ уничтожаетъ послѣдніе слѣды неясности въ этомъ дѣлѣ, представляя его, хотя и не съ достаточной безпристрастностью но зато съ совершенною ясностью въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Отчетъ сенатора Турау, занимающій 109 страницъ компактной печати, прежде всего поражаетъ читателя рѣзко выраженной тенденціей представить евреевъ прямыми и единственными виновниками кіевскаго погрома. Ссылками на преобладаніе евреевъ во всѣхъ событіяхъ пестрятъ почти всѣ страницы отчета, и даже тамъ, гдѣ евреи, по фактическому положенію вещей, не могли преобладать, какъ напримѣръ, на собраніяхъ фабричныхъ рабочихъ или уча-

щихся, даже тамъ г. Турау усматриваетъ численное преобладаніе евреевъ, приписывая только имъ всѣ дѣйствія, которыя будто вызвали „взрывъ народнаго негодованія“, разрѣшившійся погромомъ.

Несмотря однако, на свое явное пристрастіе къ евреямъ, г. Турау не могъ обойти молчаніемъ того обстоятельства, что населеніе Кіева, пострадавшее отъ погрома, не имѣло никакого отношенія къ тѣмъ дѣйствіямъ, въ которыхъ онъ обвиняетъ евреевъ, и которыя будто бы явились главною причиною погрома. Г. Турау высказываетъ даже сожалѣніе о томъ, что погромщики громили всѣхъ евреевъ, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ: „народное негодованіе пало не на тѣхъ, кого народъ считалъ причиною всѣхъ бѣдствій“—такъ формулировалъ онъ свой взглядъ на кіевскій погромъ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ поведенія мѣстныхъ гражданскихъ и военныхъ властей, г. Турау совершенно недвусмысленно предъявляетъ имъ такія обвиненія, которыя прямо говорятъ объ умышленномъ, заранѣе обдуманномъ, вытекавшемъ изъ принципіальныхъ соображеній, допущеніи погрома. Такъ, начальникъ военной охраны ген. Безсоновъ, стоя среди громилъ, говорилъ имъ: „громить можно, но грабить не слѣдуетъ“. (стр. 61), другой ген.—г. Драке на множество просьбъ о присылкѣ охраны къ громившемуся училищу Бродскаго, отвѣчалъ молчаніемъ и далъ громиламъ возможность разнести все училище до основанія. Полиціймейстеръ Цихоцкій, на совѣщаніи въ штабѣ округа, безъ обиняковъ заявилъ, что погромъ хорошъ тѣмъ, что онъ заставитъ революціонеровъ присмирѣть. Относительно всей кіевской полиціи, г. Турау говоритъ, что „только нѣкоторые, вѣрные долгу службы, добросовѣстно исполняли свои обязанности“.

Совершенно въ такомъ же духѣ составленъ и отчетъ сенатора Кузьминскаго объ одесскомъ погромѣ. Здѣсь фигурируетъ то же желаніе представить евреевъ, какъ единственныхъ и непосредственныхъ виновниковъ погрома, какъ создателей и руководителей революціи, вызвавшей взрывъ патріотическихъ чувствъ одесской черни, излившей свое негодованіе на революціонеровъ въ еврейскомъ погромѣ. Г. Кузьминскому еще меньше, чѣмъ г. Турау удалось замаскировать свое пристрастіе къ евреямъ, и если г. Турау сумѣлъ придать своему отчету хоть внѣшній видъ объективности, то г. Кузьминскому не удалось достигнуть и этого, и въ отчетѣ его то здѣсь, то тамъ проглядываетъ явное желаніе во что бы то ни стало убѣдить читателя въ справедливости его вывода о томъ, что евреи сами устроили еврейскій погромъ. Для достиженія этой цѣли, г. Кузьминскій не ограничивается сгруппированіемъ подходящихъ для него фактовъ, но и даетъ имъ свою оцѣнку, облегчающую читателю выводы въ духѣ г. Кузьминскаго.

Несмотря на это, и онъ, какъ и г. Турау, вынужденъ былъ признать, что власти въ Одессѣ во время погрома проявили преступное бездѣйствіе. Г. Кузьминскій устанавливаетъ, что Нейдгардтъ все время безпорядковъ почти не показывался на улицѣ, требуя того же и отъ приставовъ, снялъ со всѣхъ постовъ городовыхъ, оставивъ городъ безъ полицейской охраны и отказывалъ въ помощи лицамъ и учрежденіямъ, обращавшимся къ нему съ просьбами о защитѣ отъ нападеній и погрома. Ставя ему въ вину перечисленныя преступленія, свидѣтельствующія лишь о зловредной пассивности г. Нейдгардта, г. Кузьминскій почти совершенно игнорируетъ тѣ факты дѣятельности г. Нейдгардта во время погрома, которые характеризуютъ его, какъ активнаго организатора погрома. Разслѣдованіемъ г. Кузьминскаго установлено, что вмѣсто

того, чтобы воспрепятствовать погрому, Нейдгардтъ боролся съ милиціей и самообороной, оставляя безнаказанными громилъ, а въ прокламаціяхъ, выпущенныхъ имъ по поводу погрома, онъ не только не старался успокоить населеніе ни увѣщаніями, ни угрозою принятія рѣшительныхъ мѣръ, а наоборотъ, подстрекалъ подонки общества противъ университета и революціонеровъ, опубликовавъ провокаціонное заявленіе, исходившее будто бы отъ 30,000 одесскихъ мѣщанъ. Въ этомъ заявленіи, дѣйствительность существованія котораго Нейдгардтъ доказать не могъ, содержится прямой призывъ къ погрому, и Нейдгардтъ, публикуя его, не только не отвергъ въ своей прокламаціи, но придалъ ему сугубую достовѣрность. Однако, эта сторона его дѣятельности не была вмѣнена ему въ вину, и Нейдгардтъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію только въ противозаконномъ бездѣйствій власти. То же самое произошло съ разслѣдованіемъ г. Турау, привлекшаго полковника Цихоцкаго лишь за бездѣйствіе власти, тогда, какъ имъ же самимъ было установлено, что Цихоцкій былъ за одно съ погромщиками. Всѣмъ извѣстно чѣмъ кончились эти разслѣдованія: Нейдгардтъ былъ оправданъ сенатомъ и теперь засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ, а о Цихоцкомъ дѣло прекращено и какъ сообщили недавно газеты, онъ снова занялъ прежній постъ кіевскаго полиціймейстера. Да и можно ли было ожидать иного исхода при той тенденціи, которая отличаетъ оба разслѣдованія. Вѣдь гг. Турау и Кузьминскій очень не двусмысленно доказываютъ, что погромы явились результатомъ взрыва негодованія патріотически настроеннаго общества противъ революціонеровъ, оскорблявшихъ національное чувство погромщиковъ. Обвинить при такихъ условіяхъ Нейдгардта и Цихоцкаго, значило—осудить ихъ за то, что они сочувствовали патріотамъ. И ихъ оправдали. Отчеты гг. Турау и Кузьминскаго какъ нельзя лучше подтверждаютъ это и дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему правительство до сихъ поръ ихъ не опубликовало. Тѣмъ большую цѣнность представляютъ эти документы теперь, когда разоблаченія первой Думы обнаружили истинное отношеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ къ погромамъ и погромщикамъ.

Вторая изъ названныхъ въ заголовкѣ настоящей статьи книгъ—„Бѣлостокскій погромъ"—не имѣетъ характера документа, но въ ней собранъ наиболѣе существенный матеріалъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Этотъ погромъ, какъ по огромному числу жертвъ, такъ въ особенности по тѣмъ неимовѣрнымъ жестокостямъ и звѣрствамъ, которыя были проявлены погромщиками, занимаетъ самое выдающееся мѣсто въ ряду многихъ погромовъ, омрачившихъ за послѣдніе два года жизнь Россіи. Неизвѣстный авторъ собралъ въ этой книгѣ всѣ офиціальные документы, опубликованные правительствомъ по дѣлу о бѣлостокскомъ погромѣ и, сопоставляя ихъ съ фактами, установленными многочисленными свидѣтельскими показаніями и разслѣдованіемъ парламентской комиссіи, даетъ чрезвычайно яркую характеристику мѣстныхъ властей и условій, при которыхъ произошелъ погромъ. Къ сожалѣнію, авторъ далеко не всегда указываетъ источники, изъ которыхъ онъ черпалъ весьма интересный матеріалъ для своихъ обобщеній, и хотя въ подлинности этого матеріала сомнѣваться невозможно, такъ какъ все это еще слишкомъ свѣжо въ памяти каждаго читателя, но съ теченіемъ времени, когда погромы сдѣлаются достояніемъ исторіи, разсматриваемая книга, являясь единственнымъ въ настоящее время подробнымъ описаніемъ бѣлостокскаго погрома, утратитъ свою достовѣрность. А между тѣмъ, книга эта могла-бы служить крупнымъ

подспорьемъ для изслѣдователя погромной эпохи. Другой существенный недостатокъ книги заключается въ многочисленныхъ неточностяхъ текста приводимыхъ авторомъ документовъ. Такъ, напримѣръ, извѣстное правительственное сообщеніе о бѣлостокскомъ погромѣ, опубликованное 21 іюня 1906 г., приведено авторомъ съ значительными отступленіями отъ текста, напечатаннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ"; докладъ парламентской комиссіи о погромѣ изложенъ такъ, что трудно разобрать, гдѣ кончается докладъ и начинаются собственныя разсужденія автора; даже телеграммы мѣстныхъ властей, опубликованныя въ свое время въ петербургскихъ газетахъ, переданы не точно и представляютъ нерѣдко отступленія отъ подлиннаго текста. Всѣ эти недостатки, въ связи съ фельетоннымъ языкомъ книги, въ значительной степени умаляютъ достоинства ея, какъ документа о бѣлостокскомъ погромѣ. Но какъ очеркъ погрома, знакомящій со всѣми перипетіями бѣлостокской трагедіи и дающій яркую картину поведенія бѣлостокскихъ властей и центральнаго правительства въ этомъ дѣлѣ, книга эта представляетъ большой интересъ и имѣетъ достаточную достовѣрность.

Книга о симферопольскомъ погромѣ, представляющая собою судебный отчетъ объ этомъ дѣлѣ, разбиравшемся въ маѣ 1907 г. въ Симферополѣ, съ непосредственностью судебнаго протокола знакомитъ съ погромною дѣятельностью полиціи. Изъ 150 погромовъ, которыми реакція наградила Россію въ октябрьскіе дни, симферопольскій погромъ является до сихъ поръ единственнымъ, къ дѣлу о которомъ, въ качествѣ обвиняемыхъ, были привлечены не только громилы изъ числа хулигановъ и союзниковъ, но и ихъ подстрекатели—полицейскіе чины, въ лицѣ помощника пристава Чупринко, околоточнаго надзирателя Ермоленко и шести городовыхъ. На судѣ, цѣлою вереницею свидѣтелей было установлено что симферопольская полиція подготовила и организовала Симферопольскій погромъ. Свидѣтели показали, что во дворѣ перваго полицейскаго участка были заготовлены дубины, которыми громилы убили 18 и 19 октября 47 человѣкъ; что названные полицейскіе чины, заперевъ публику на бульварѣ, пустили туда громилъ и сами принимали участіе въ избіеніи евреевъ, стрѣляя въ нихъ изъ револьверовъ и рубя шашками; что эти же чины руководили погромомъ и въ другихъ частяхъ города; что покойный полиціймейстеръ Кузьменко, по окончаніи убійствъ, сказалъ собравшимся у перваго участка громиламъ: „спасибо братцы, идите уже по домамъ" и т. д. Всѣ эти факты были установлены съ такою неопровержимостью, что судъ вынесъ всѣмъ привлеченнымъ полицейскимъ чинамъ обвинительный приговоръ. Отчетъ о Симферопольскомъ дѣлѣ лучше всего подтверждаетъ справедливость не перестающихъ до сихъ поръ раздаваться обвиненій въ участіи полиціи въ большинствѣ погромовъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ почти ни въ одномъ судебномъ дѣлѣ о погромахъ полицейскіе не фигурировали, и отчетъ о Симферопольскомъ дѣлѣ останется можетъ быть единственнымъ уличающимъ полицію документомъ. Вотъ почему изданіе разсматриваемаго отчета слѣдуетъ привѣтствовать. Жаль только, что отчетъ изданъ со значительными сокращеніями, а самыя показанія свидѣтелей воспроизведены не по стенограммѣ, а по записи.

Совершенно другое значеніе имѣетъ книга о Гомельскомъ погромѣ 1903 года. Послѣ 150 октябрьскихъ погромовъ, послѣ Бѣлостока и Сѣдлеца, послѣ новаго Гомельскаго погрома 13 января 1906 г., событія, разыгравшіяся въ Гомелѣ 29 августа и сентября 1903 года, казалось-бы, мало кого могутъ уди-

вить, ибо они кажутся мелкимъ происшествіемъ въ сравненіи съ трагедіей 1905 и 1906 года. Но для исторіи русской общественности весьма цѣнно то, что произошло послѣ Гомельскаго погрома 1903 года. Мы говоримъ о судебномъ процессѣ, въ которомъ въ качествѣ обвиняемыхъ, на скамьѣ подсудимыхъ очутилось гораздо больше жертвъ погрома, нежели погромщиковъ. Въ то время у насъ еще не додумались ни до массовой организаціи погромовъ, ни до образнаго опредѣленія ихъ, какъ продукта контр. революціи или „взрыва народнаго негодованія". Но и тогда погромщики были также близки власть имущимъ, и поэтому, гомельскій процессъ неожиданно превратился въ дѣло о русскомъ погромѣ, учиненномъ евреями, будто-бы мстившими русскому населенію за Кишиневъ. Какъ велось слѣдствіе по этому дѣлу, мы узнаемъ изъ предисловія къ разсматриваемой книгѣ: свидѣтелей евреевъ допрашивали явно пристрастно, многаго изъ того, что они показывали, не записывали, несмотря на ихъ требованія; евреевъ подсудимыхъ опознавали съ нарушеніемъ основныхъ требованій, установленныхъ закономъ; ихъ вызывали и предъявляли свидѣтелямъ, называя ихъ по фамиліи; конечно, свидѣтели узнавали въ нихъ тѣхъ, кого имъ слѣдовало узнавать. За то свидѣтелей христіанъ допрашивали совершенно иначе; съ ихъ словъ, записывали самыя нелѣпыя вещи, если только ихъ показанія были направлены противъ евреевъ. Солдатъ допрашивали по нѣсколько человѣкъ одновременно, не разъ въ присутствіи ихъ начальниковъ офицеровъ. Многіе важные факты, которые могли бы бросить истинный свѣтъ на гомельскія событія, игнорировались и не выяснялись и т. д. Такое отношеніе судебныхъ властей къ евреямъ и тенденціозность образа дѣйствій всего состава суда проходятъ красной нитью по всему процессу, и стенографическій отчетъ, занимающій больше 200 печатныхъ страницъ вскрываетъ это съ безпристрастіемъ документа. Это обстоятельство дѣлаетъ отчетъ о гомельскомъ процессѣ внушительнымъ памятникомъ эпохи властвованія Плеве, стершей почти безслѣдно границу, отдѣляющую юстицію отъ полиціи.

Ю. Лавриновичъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

А. Лейгенко. Старое въ новомъ. Изд. Артемьева. СПБ. 1907 г. Ц. 1 р.

Ивъ Гюйо. Соціальныя ученія христіанства. Перев. съ послѣд. дополн. французз. изд. Ѳ. Капелюша. Книгоизд. „Мысль". Ц. 1 р. СПБ. 1907 г.

Жанъ Жакъ Руссо. Объ общественномъ договорѣ. Перев. Л. Неманова подъ ред. Д. Е. Жуковскаго. СПБ. 1907 г. Ц. 75 к.

Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія Апокалипсиса. Изд. 2-ое В. М. Саблина М. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ Император. Россійскаго Историч. музея имени Александра III въ Москвѣ за 1906 г. М. 1907 г.

Персидскія вещи Щукинскаго собранія. Описаніе сост. П. П. Щукинымъ Изд. Отд. Имп. Рос. Ист. Музея имени Ал. III. Музей П. И. Щукина М. 1907 г

Деревня № 1. Іюль 1907 г. Изд. Поволж. Област. Ком. п. С.-Р.

Борьба № 3. 1 мая 1907 г. Органъ Москов. Окруж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Сибирскія Партійныя Извѣстія № 2. 2-ое авг. 1907 г. съ приложеніемъ. Изд. Област. Ком. Сиб. Союз. п. С.-Р.

Извѣстія Украинскаго Област. Ком. № 1 п. С.-Р. іюнь 1907 г.

Молнія № 2—3. Органъ Петерб. Ком. Всер. Почт. Телегр. Союза іюнь—іюль 1907 г.

За народъ! № 5 и 6-й. Всерос. союзъ солдатъ и матросовъ 25 іюля 1907 г. Изд. Ц. К. п. С.-Р.

Знамя Труда № 1, 2 и 3-й. Центр. органъ пар. С.-Р.

Калужскій Рабочій № 1-й. 18 авг. 1907 г. Изд. Кал. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Летучій Листокъ № 4 іюнь 1907 г. Изд. Варшав. Окр. Ком. Всерос. Офицер. Союза.

Листокъ гимназиста № 1 и 2-й изданіе группы учащихся С.-Р.

Борьба № 2. Изд. Мотовилих. рабоч. организ. п. С.-Р. май 1907 г.

Звѣздочка № 2. Февр. 1907 г. Еженед. журналъ. Изд. Камышлов. Духовн. Училища.

Каргопольскій Листокъ. Изд. Каргопольск. Общества „Друзей Воздержанія" №№ 1—8 окт.—декаб. 1905 г.

Впередъ № 12—13. 29 авг. 1907 г. Органъ Моск., СПБ., Моск. Окр., Казан., Курск. и Пермскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Извѣстія Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. № 1 и 2 авг. 1907 г.

Górnik Organ Okregn Zaglebia Dobrowskiego P. P. S. № 40.

Солдатская памятка № 1. Изд. Воен. Орг. п. С.-Р.

Byuletyn Pvzedzjazdowy № 1 и 2 P. P. S.

Солдаты! и Ко всему трудовому народу 2 лист. Поволжск. Обл. Ком. П. С.-Р. іюнь 1907 г.

Граждане! Ц. К. п. С.-Р. 3 іюня 1907 г.

Къ трудовому крестьянству. Ц. К. п. С.-Р. 25 іюля 1907 г.

Заявленіе Центральнаго Комит. п. С.-Р. 31 іюля 1907 г.

4 листка Сормов. Организ. п. С.-Р. янв. апр. авг. 1907 г.

Новый избирательный законъ (прил. къ № 3—4 газ. Новгородскій Вѣчевой Колоколъ) п. С.-Р.

Товарищи солдаты! Военная организ. Калужскаго гарнизона.

Товарищи рабочіе! Калужскій Город. Район. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

2 листка къ крестьянамъ. Москов. Объед. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Планъ кампаніи относительно Госуд. Думы, предложенный на областной конференціи представит. Центр. Ком.

Резолюція 1-й областн. конфер. Центр. района Р. С.-Д. Р. П.

Резолюція съѣзда литераторовъ-пропагандистовъ группы образованной при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Программа чтенія по соціалъ-демократіи.

Планъ работы окружной организаціи Калуж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Къ рабочимъ. Желѣзнодор. район. Ком. Калуж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Братья-крестьяне! Калужскій Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Султанъ Всероссійскій Р. С.-Д, Р. П.

Тронная рѣчь. Москов. группа Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи крестьяне. Группа крестьянъ.

Манифестъ къ арміи и флоту. Труд. гр. и С.-Д. фр. Г. Д.

Къ крестьянамъ. 2 листка Тульск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 25 іюня 1906 г. и авг. 1906 г.

Письма къ партійнымъ организаціямъ. № 1 и 2 Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Къ русской арміи Ц. К. Всероссійск. Союза Военнослужащихъ.

Къ солдатамъ! М. К. Р. С.-Д. Р. П. нояб. 1905 г.

О чрезвычайномъ партійномъ съѣздѣ (открытое письмо къ товарищамъ) Плеханова.

2 листка Рязанскаго Губ. Ком. п. С.-Р.

Извѣщеніе Туркест. Обл. Ком. п. С.-Р. іюль 1907 г.

Письмо политич. заключ. Ташкент. тюрьмы Ташкент. Ком. п. С.-Р.

Докладъ Украінскоі с.-д. работничоі пар. Міжнард. соціялист. конгресові в Штутгарті.

Къ обществу. Союзъ с.-р. максималистовъ Дон. Ком. с.-р. м-овъ. 10 апр. 1907 г.

Товарищи! Группа учащихся С.-Р.

Всѣмъ табачнымъ работникамъ и работницамъ. Симф. Ком. Евр. С.-Д. Р. П. Поалей Ціонъ іюль 1907 г.

Резолюція первой конференціи правленія профессіон. союзовъ г. Симферополя.

Отъ Думской группы соціалистовъ революціонеровъ. Перизд. Перм. Ком. п. С. Р.

Уставъ братства. Тип. Перм. Ком. п. С.-Р.

Отчетъ Тверского Губерн. Ком. пар. С.-Р. съ 1 апр.—1 іюня и съ 1 іюня—1 авг. 1907 г.

Извѣщеніе о партійной конференціи 21, 22 и 23 іюля 1907 г. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Воззваніе депутатовъ с.-д. фракціи 2-й Гос. Думы. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П

Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П. Изд. Ц. К.

Что такое правовое государство. Екатеринбургъ 1905 г. Изд. Шадринск. союза земск. служ.

Н. Белдыцкій. Рѣчь, произнесенная на митингѣ въ Шадринскѣ въ ноябрѣ 1905 г. Изд. Просвѣтит. Общ-ва г. Шадринска.

С. Николаичъ. Шире дорогу! Свободная Россія идетъ! По поводу маниф. 17 окт. Для деревни (начатки первонач. обученія) Екатеринб. 1905 г.

2 листка, изданные въ с. Каргопольскомъ Шадринскаго уѣз. 1906 г.

2 рѣчи, произнесенныя въ с. Каргопольскомъ Шадр. уѣз. по поводу маниф. 17 окт.

3 листка. Изд. Союза земскихъ служащихъ Шадрин. земства 1905 г.

4 рѣчи, произнесенныя по поводу текущихъ событій на митингахъ въ Шадринскѣ въ 1905 г.

Докладъ Шадринскому XXXIX чрезвычайному Земск. Собр. отъ союзн. организ. земскихъ служащихъ.

Журналъ № 1 засѣданія 1-го съѣзда ветеринарныхъ врачей Шадр. уѣз. 12 дек. 1905 г.

3 листка. Союза союзовъ г. Харькова декабрь 1905 г.

Резолюція сходки 12 сент. ст. Харьков. „Ветер. Инст., нап. С.-Д. организ. студ. ветер.

Письма къ неученымъ людямъ № 1. Изд. Нижегородскаго Листка". 2-ое изд. 1905 г.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ:

Отъ обдорчанъ въ память 1 мая 45 руб. Отъ служащихъ Г. Б. за іюнь и іюль 26 р. 20 к., за августъ 11 руб. Отъ И. С.—20 руб., отъ W. L. изъ Вильно—25 руб.

Деньги переданы по назначенію.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г-нъ Редакторъ!

Въ трехъ первыхъ книгахъ „Былого“ за текущій годъ были помѣщены „Воспоминанія народовольца“ Баха. Хотя за „объективную вѣрность“ этихъ Воспоминаній не ручается даже самъ авторъ, но его „субъективность“ мѣстами заходитъ такъ далеко, что я вынужденъ внести кой-какія поправки и обратиться за нѣкоторыми разъясненіями къ автору „Воспоминаній“. Къ сожалѣнію, не имѣя свободнаго времени, я не могъ своевременно познакомиться со статьей г-на Баха и только недавно совершенно неожиданно, прочитавъ его „Воспоминанія“, натолкнулся на нѣсколько замѣчаній, очень близко меня касающихся.

Извиняясь за опозданіе, прошу Васъ, г-нъ Редакторъ не отказать помѣстить въ ближайшемъ же номерѣ „Былого“ прилагаемую замѣтку.

„Воспоминанія“ г-на Баха непохожи на обычные мемуары бывшихъ революціонныхъ дѣятелей, которые стремились въ своихъ призведеніяхъ дать дѣйствительную картину пережитаго, прошлаго, но насъ интересующаго времени, дать матеріалъ для изученія освободительнаго движенія. Нѣтъ „Воспоминанія Народовольца“—это интересный *разсказъ*, „быль“, не безъ литературныхъ украшеній и эффектовъ. Авторъ чрезвычайно легко относится къ фактамъ и въ погонѣ за живостью и образностью повѣствованія частенько грѣшитъ истиной. Это, впрочемъ, уже отмѣчено Лопатинымъ въ его замѣткѣ („Былое“ 1907 г. кн. IV, стр. 298) по поводу Воспоминаній, гдѣ онъ, дѣлая двѣ-три поправки, указываетъ на „многочисленныя субъективности“ автора.

Но о „легкомъ“ отношеніи къ фактамъ, объ искаженіи дѣйствительности рѣчь будетъ дальше, а пока я хочу сдѣлать маленькое замѣчаніе. Человѣкъ, выступающій въ печати, при желаніи легко можетъ очернить другого. Для этого не всегда является необходимымъ извращать факты, выдумывать неправду: достаточно взять извѣстный тонъ, дать нѣсколькими штрихами характеристику въ желаемомъ направленіи и цѣль достигнута. Человѣкъ, въ котораго полетитъ нѣсколько комковъ грязи, не сможетъ защититься, у него не будетъ почвы для возраженія по существу.

Такой литературный пріемъ неумѣстенъ въ статьѣ бывшаго революціонера, пишущаго воспоминанія о людяхъ, боровшихся подъ однимъ съ нимъ знаменемъ, за общее идейное дѣло.

Именно такой литературный пріемъ г-нъ Бахъ употребляетъ по отношенію

ко мнѣ, а быть можетъ и не только ко мнѣ одному. Попробую показать это нѣсколькими ссылками на текстъ „Воспоминаній“, хотя сдѣлать это не легко и, къ тому же, непріятно.

На стр. 142, 143 („Былое“, январь 1907 г.) г-нъ Бахъ разсказываетъ о свой встрѣчѣ со мною. Сообщивъ читателю (съ нѣкоторыми „субъективностьями“) все что ему извѣстно было о моемъ побѣгѣ послѣ ареста типографіи въ Харьковѣ, онъ, между прочимъ говоритъ (стр. 143): „Мы рѣшили, что онъ [1]) поживетъ нѣкоторое время въ Ярославлѣ (несмотря на свою *бычачью комплекцію* онъ нервно былъ сильно потрясенъ и часто на него нападала *нервная дрожь*)“... Выше: „по всей вѣроятности, эпизодъ со шпіонами не больше, какъ слѣдствіе *разгоряченнаго воображенія* Воскресенскаго“. На стр. 146: „Чтобы не возвращаться болѣе къ Воскресенскому, разскажу, что мнѣ извѣстно о его дальнѣйшей судьбѣ. *Проваландавшись* много мѣсяцевъ въ Парижѣ, онъ вернулся въ Россію въ эпоху полнаго разгрома партіи. Узнавъ, что я не арестованъ, онъ *сталъ разыскивать* меня по Россіи и въ началѣ 1885 года *таки настигъ* меня въ Тифлисѣ. Въ это время я уже пережилъ полную ликвидацію своего прошлаго и ждалъ возможности уѣхать за-границу навсегда. Воскресенскій сталъ меня убѣждать остаться и возобновить организацію, но конечно поколебать принятое мною рѣшеніе не могъ. Чтобы *отдѣлаться* отъ него, я черезъ нѣсколько дней послѣ его появленія уѣхалъ во Владикавказъ“.

„Разгоряченное воображеніе“, „нервная дрожь“, „бычачья комплекція“ (не слишкомъ ли вульгарно, г. Бахъ!)—это, конечно, для „образности“ повѣствованія...

„Проваландавшись“ въ Парижѣ...

Конечно, когда г-нъ Бахъ „ликвидируетъ свое прошлое“ и укладывается за-границу, то онъ ѣдетъ не валандаться, а спасать страждущихъ и угнетенныхъ...

„Сталъ разыскивать по Россіи и настигъ таки въ Тифлисѣ“...

Можно подумать, что г-нъ Бахъ состоялъ въ чинѣ генерала отъ революціи.

Но тутъ опять „субъективности“. Ѣхалъ я въ Тифлисъ не для встрѣчи съ г. Бахомъ, да и вообще, г-нъ Бахъ въ моихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ не игралъ такой роли въ революціонномъ движеніи, чтобы была особенная надобность рыскать за нимъ по всей Россіи. Далѣе, встрѣтившись съ нимъ (случайно) въ Тифлисѣ, я и не думалъ уговаривать его *оставаться* и работать, ибо г-нъ Бахъ ни мнѣ, ни кому другому не говорилъ тогда о своей „ликвидаціи“, такъ что для подобныхъ уговоровъ не было повода. Напротивъ, получивъ отъ меня пароль за границу, онъ уѣхалъ во Владикавказъ, оттуда прислалъ любезное письмо *съ приглашеніемъ* заѣхать туда и познакомиться съ тамошнимъ кружкомъ. Разстались мы съ нимъ вообще дружелюбно, а если г. Баху быть можетъ и хотѣлось отъ меня *отдѣлаться* то только вслѣдствіе того, что мнѣ пришлось его нѣсколько поудержать отъ той некрасивой характеристики которую дѣлалъ онъ по адресу Лопатина.

Но довольно. Если бы все ограничивалось только этимъ, то я не сталъ бы писать настоящей замѣтки, ибо очень трудно возражать противъ такихъ мелочей (которыя, однако даютъ извѣстную, нежелательную характеристику),

---

[1]) Крыловъ-Воскресенскій.

трудно „поймать“ неуловимое—тонъ, мимику, такъ сказать, съ которой разсказчикъ передаетъ событія.

Но дѣло въ томъ, что г-нъ Бахъ грѣшитъ не только въ мелочахъ и въ тонѣ, а *завѣдомо ложно* приписываетъ мнѣ позорное дѣяніе.

На стр. 146 (январь) имѣется слѣдующая фраза: „Вскорѣ арестованный онъ [1]) былъ высланъ въ Сибирь, *выдавъ на допросѣ весь ярославскій кружокъ*“. Это категорическое и голословное заявленіе, брошенное съ такой легкостью, заставляетъ меня задать г-ну Баху вопросъ: на основаніи *какихъ данныхъ* онъ возводитъ на меня такое обвиненіе.

Пока нахожу вполнѣ достаточнымъ поставить этотъ вопросъ автору „субъективныхъ“ „Воспоминаній“ и надѣюсь, что онъ не уклонится отъ отвѣта, ибо то обвиненіе, которое онъ возводитъ на меня, обязываетъ всякаго честнаго человѣка привести основательныя доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ.

Ф. Крыловъ.

P. S. При этомъ я обращаюсь къ уважаемой Редакціи оказать съ своей стороны возможное содѣйствіе въ раскрытіи всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла. Полагаю, что къ этому не встрѣтится никакихъ препятствій (прошло болѣе двадцати лѣтъ).

---

[1]) Воскресенскій.

ОТЧЕТЪ

о суммахъ, поступившихъ въ пользу бывшихъ членовъ Государственной Думы, пострадавшихъ отъ репрессій: ареста, высылки, потери должностей и занятій и т. п., по 1-е августа 1907 г.

ПРИХОДЪ.

Поступило черезъ быв. членовъ 2-й Государственной Думы: 1) **М. Е. Березина:** Отъ учителя Алмазова черезъ газ. „Костромичъ" 10 р., Альтмана 3 р., А. М. Брангольда (Золотоноша) 1 р., Буровой (Волын. г.) 3 р., кр-нъ с. Григорьевки, Конотопскаго уѣзда, Чернигов. г. 1-го и 2-го обществъ 20 р., Зеленецкаго (Саратовъ) 2 р., Z 7 р. 75 к., Игнатьева 4 р., Кагана (Ростовъ) 5 р., Кошелева 5 р., Мельникова (Царицын. уѣз. Сарат. г.) 2 р., Нахумовича 10 р., Олича (Вольскъ) 10 р., сельск. уч. Орлика (Курск. г.) 1 р, Піотровскаго (Могилев. губ.) 3 р., служащихъ управленія сл. тяги Рязанск.-Уральск. ж. д. (Саратовъ) 4 р. 65 к., Серебрякова 1 р., рабочихъ завода „Уралъ-Волга" 36 р., Фаворской 2 р., Хитрова 16 р. 85 к., Чунгурова (Могил. г.) 12 р., Шварца (Сухумъ) 10 р., разныхъ лицъ 30 р.; 2) **Черезъ А. Л. Караваева:** Отъ Волковой (Москва) 20 р., Галина 3 р., Еленинскихъ 5 р., Кулябко 6 р., Нейманъ 5 р., Позднина 3 р., Скворцова 1 р.; 3) **Черезъ Л. В. Карташева:** Отъ симбирскихъ врачей 35 р., Спасскаго (Астрахань) 45 р., Юргенса 10 р., NN 2 р.; 4) **Черезъ А. Е. Кимрякова:** Отъ жителей Бронницкаго уѣзда 20 р. 50 к., жителей села Павловки Московск. г. 20 р.; 5) **Черезъ В. Д. Кузьмина-Караваева:** Отъ А. А. Коровкина 5 р., И. Максакова 3 р., И. И. Ревякина 5 р., NN 5 р.; 6) **Черезъ З. М. Таланцева:** Отъ разныхъ лицъ 50 р., 7) **Черезъ о. Тихвинскаго:** Отъ Влазѣева и Никулина 5 р., Воробьева 3 р., Епанечникова 15 р., свящ. Ильина (Оренбургск. г.) 5 р. 85 к., Лебяжинскаго 16 р., Любовикова 3 р., Лорецъ 10 р., К. М. (Баланда) 2 р., Петровскаго 41 р., солдатъ изъ Туркестана 10 р., семьи Соловкиныхъ 1 р., Сутинскаго 1 р., Чистова 10 р., мѣщанъ г. Вѣрнаго 100 р., разныхъ лицъ 22 р; 8) **Черезъ М. Н. Попова:** Отъ русскихъ, живущихъ за границей 300 р.; **Отъ бывшихъ депутатовъ 2-ой Думы:** М. В. Батурова 3 р., М. Е. Березина 10 р., В. А. Бѣлаева 10 р., Л. В. Карташева 10 р., А. Е. Кимрякова 10 р., Л. В. Костечко 5 р., Г. С. Михайлова 20 р., Свящ. Гр. Петрова 25 р, М. Н. Попова 10 р., Р. Я. Смирнова 10 р., Н. Д. Сухорухова 3 р, Д. В. Уразова 10 р., М. П. Федорова 25 р., В. И. Шешина 4 р., П. Н Щипина 10 р.; Черезъ бывшихъ членовъ 1-ой Государственной Думы: 1) **Л. М. Брамсона и С. И. Бондарева:** Отъ Ю. Б. Бака 200 р., О. С. Берсона 50 р., М. Н. Вавельберга 200 р., В. Н. Кафталя 50 р, В. А. Плансона 100 р., З. Л. Раппопорта 50 р., Семенова 3 р., Ю. И. Тищенко 200 р., О. Л. Финкельштейна 3 р., Фрицлера 5 р., NN 25 р.; 2) **Черезъ М. И. Литвинова:** Отъ служащихъ и учителей саратовскаго городского управленія 16 р., служащихъ

саратовскаго губернскаго земства 10 р., саратовскихъ приказчиковъ 8 р. 75 к. **3) Черезъ Т. Т. Нестеренкова:** Отъ разныхъ лицъ (собрано въ Кіевск. г.) 42 р., **4) Черезъ А. А. Свѣчина:** Отъ неизвѣстной 1000 р., NN 460 р., Е. И. Свѣчиной 25 р.; **Отъ бывшихъ депутатовъ 1-ой Думы:** А. В. Васильева 100 р., М. М. Винавера 100 р., Н. І. Каценельсона 100 р., М. М. Ковалевскаго 100 р., С. А. Котляревскаго 10 р., І. І. Кубилиса 5 р., М. И. Шефтеля 100 р.; **Черезъ редакціи газетъ** „Биржевыя Вѣдом." 5 р., „Думскій Листокъ" отъ гражданъ Малмыжск. у 30 р., „Каспій" 57 р. 10 к., „Парусъ" 12 р. 40 к., „Рѣчь" 37 р., „Товарищъ" 161 р. 50 к., Черезъ Г-жу Изнаръ 5 р., Я. М. Каплана 15 р., А. А. Корнилова (отъ Александрова) 100 р., Г. П. Олейникова Отъ М. О. и Л. О. 675 р., разныхъ лицъ 23 р. 50 к., Черезъ г-жу Перовозкину 5 р., В. А. Плансона отъ смоленскаго адвоката (залогъ) 500 р.. По подписному листу Герасимова 11 р. Черезъ секретаря фракціи Трудовой Группы 3 р., Временно позаимствовано у разныхъ лицъ для выдачи пособій за іюль мѣсяцъ 557 р., и для залога 500 р.

Всего поступило въ пользу бывшихъ депутатовъ по 1-ое августа 1907 г. 6820 р. 35 к.

РАСХОДЪ.

По 1-е августа 1907 г. выдано бывшимъ членамъ первой и второй Государственной Думы:

1) единовременныхъ пособій 31 лицу 2529 р. 50 к., 2) ежемѣсячныхъ пособій 21 лицу 1365 р., 3) пособій по случаю болѣзни, пребыванія въ тюрьмѣ и т. п. 4 лицамъ 222 р. 92 к., 4) пособій на переѣзды 10-ти лицамъ 277 р., 5) уплачено адвокатамъ, защищавшимъ двухъ бывшихъ депутатовъ 400 р. 6) внесены залоги за двухъ бывш. депутатовъ 1000 р., 7) выдано ссудъ 6-ти лицамъ 670 р. Всего выдано пособій по 1-е августа 1907 г. 6464 р. 42 к. Расходы по справкамъ, перепискѣ, письмоводству, телеграфные, почтовые и др. 336 р. 85 к. Всего израсходовано по 1-е августа 1907 г. 6801 р. 27 к. Остатокъ на 1-е августа 19 р. 08 к.

Помимо матеріальной поддержки кружкомъ лицъ, завѣдывающихъ дѣломъ оказанія помощи, подыскивались и подыскиваются занятія оставшимся безъ должностей бывшимъ депутатамъ, велись переговоры съ адвокатами, наводились справки въ различныхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ, давались всевозможные совѣты и указанія, велись переговоры и хлопоты объ освобожденіи бывшихъ депутатовъ изъ мѣстъ заключенія, о возстановленіи ихъ въ правахъ и должностяхъ и т. п.

Въ настоящее время имѣются свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи 33-хъ бывшихъ народныхъ представителей.

Послѣ роспуска второй Думы число выбитыхъ изъ колеи бывшихъ народныхъ избранниковъ, нуждающихся въ разнообразной помощи, значительно возросло, и въ настоящее время ощущается крайній недостатокъ средствъ для оказанія имъ своевременной поддержки.

Денежныя суммы можно по прежнему направлять въ редакціи петербургскихъ изданій „Былое" (Знаменская, 19), „Русь" (Невскій, 46), „Рѣчь" (ул. Жуковскаго, 21), „Слово" (Невскій, 92), и „Товарищъ" (Садовая, 32)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Ежемѣсячный журналъ: „ЯСНАЯ ПОЛЯНА.“

С.-Петербургъ, Лѣсной корпусъ.

съ 24 книгами приложеній, въ числѣ которыхъ „Полное собраніе сочиненій *графа Л. Н. Толстого*“ (заграничныхъ), заграничное изданіе романа **„Воскресенье“** и **„Колоколъ“** *Герцена*, высылается за 7 руб.; допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и по полученіи 4 №№ съ 8 книгами 3 руб. Подробное объясненіе высылается безплатно. Вышло 2 №№ съ 4 книгами. Первые 5 тысячъ подписчиковъ при первомъже взносѣ получатъ безплатно еще 4 книги, стоющія въ отдѣльной продажѣ 5 руб. Независимо отъ сего прилагаются талоны, дающіе возможность вернуть высланныя деньги и получить нашъ журналъ совершенно безплатно.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, свѣренное съ рукописью, представленною Радищевымъ въ Управу благочинія. Портретъ Радищева, сдѣланный геліогравюрой съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи **Н. П. Сильванскаго** и **П. Е. Щеголева**. При мѣчанія съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXXX + 4 нен. + 296. * Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ т-вѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Спб., Б. Подъяческая, 39).

80 стр. Цѣна **30** коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Изслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г.г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Спб., Невскій 40).

Цѣна **10** рублей.

„Библіотека Освободительной Борьбы".

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (л. мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Вышла сентябрьская книга журнала

„Русская Мысль“.

СОДЕРЖАНІЕ: I) Любовь.—**Б. Зайцева.** II) Стих.—**И. Бунина.** III) Лунный сонъ. — **Вл. Бонди (Вальди).** IV) Овчая купель. — **М. Толмачевой.** V) Стих. — **М. Волошина.** VI) Новый Карѳагенъ.—ром. **Ж. Экгуда.** — перев. **М. В. Веселовской.** *Окончаніе.* VII) Распадъ. — **И. Шмелева.** *Окончаніе.* VIII) Стих.—**Я. Година.** IX) Записки Линды Мурри. Перев. съ итал. **З. Н. Журавской.** *Продолженіе.* X) Послѣдній святой. — **Д. С. Мережковскаго.** *Окончаніе.* XI) Соціалъ-демократія на стражѣ русской революціи. — **М. Н. Лежнева.** *Окончаніе.* XII) Письмо изъ Германіи.—**Вл. Левентона.** XIII) Элементы политич. движенія и ихъ взаимоотношенія.—**А. Васильева.** XIV) Статья 87-ая и условія ея примѣненія.—**Г. Н. Штильмана.** XV) Воспоминанія чайковца.—**С. Синегуба.** XVI) Налогъ съ наслѣдства. — **П. Гензеля.** XVII) Нашъ государственный бюджетъ въ 1907 году.—**Л. Н. Яснопольскаго.** *Окончаніе.* XVIII) Наступленіе синдикализма. **А. С. Изгоева.** XIX) Литературн. замѣтки. — **Ю. И. Айхенвальда.** XX) Журн. обозр. — **Ѳ. К. Арнольда.** XXI) Законод. и жизнь.—**В. Н. Линда.** XXII) Иностран. политика.—**С. А. Котляревскаго.** XXIII) Библіографія. XXIV) Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	8 м.	6 м.	3 м.	1 м.
Съ дост. и перес.	**12** р.	**9** р. — к.	**6** р.	**3** р. — к.	**1** р. — к.
За границу	**14** р.	**10** р. **50** к.	**7** р.	**3** р. **50** к.	**1** р. **25** к.

Подписка принимается: Въ Москвѣ въ конторѣ журнала—Воздвиженка, Ваганьковскій пер. д. Куманина. Въ СПБ. въ отдѣленіи к-ры при кн. маг. Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ, со стороны Невскаго, 19; въ Кіевѣ—въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ Вильнѣ—въ кн. маг. Н. П. Карбасникова и въ Одессѣ—въ кн. маг. «Трудъ».

ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** 1825—1876 г. Цѣна **1 р. 50** к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Цѣна **75** к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева.** Цѣна **60** к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. **В. Я. Богучарскаго.** Цѣна **50** к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ 2-й. Цѣна **50** к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ.** Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** (*1877 г.* **Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.**). Цѣна **1** р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІИ.** (*1877 г.* **Процесссъ 193-хъ и др.**). Ц. **1** р.

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Выпускъ первый. Ц. 1 р.

10) Тоже. Выпускъ второй. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго.** Ц. 30 к,

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.

13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. **В. Л. Бурцева.** Ц. 6 к.

14) Убійство императора Павла. Разсказы современниковъ. Редакція **П. Е. Щеголева.** Ц. 20 к.

15) Декабристъ Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ **Н. Павлова-Сильванскаго.** Ц. 70 к.

16) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская. Біографическіе очерки. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева.** Ц. 10 к.

17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. **Н. А. Виташевскаго.** Ц. 8 к.

18) Къ событію 1-го марта 1881 года. **А. В. Тыркова.** Ц. 8 к.

19) Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. **Н. И. Фалѣева.** Ц. 15 к.

20) „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Воспоминанія **О. В. Аптекмана.** Ц. 85 к.

21) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1901 годъ. Ц. 50 к.

По постановленію судебной власти журналъ пріостановленъ впредь до суда. №№ 9 и 10 конфискованы, остальные продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Изданія С. В. БУНИНА.

Поступили въ продажу новыя книги:

1. Владиміръ Беренштамъ.

„ОКОЛО ПОЛИТИЧЕСКИХЪ“.

Изъ поѣздки адвоката въ Якутскъ на защиту по извѣстному дѣлу о вооруженномъ возстаніи „Романовцевъ“. Въ этой книгѣ авторъ описываетъ свои встрѣчи съ политическими ссыльными и приводитъ разсказы ихъ о собственной жизни и объ условіяхъ ихъ быта. Кромѣ того, въ ней приведено 18 автобіографій ссыльныхъ, изъ которыхъ видно: „какъ кто сдѣлался политическимъ, какъ попалъ въ ссылку и что переживалъ тамъ“...

Съ 7 картинами, изъ которыхъ 6 на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги.

Цѣна 1 руб.

Одновременно съ печатаніемъ, книга переводилась на нѣмецкій языкъ, а въ настоящее время переводится и на французскій.

2. Ивановъ-Разумникъ.

Что такое „МАХАЕВЩИНА“?

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Введеніе.—II. Вопросъ объ интеллигенціи въ русской литературѣ XIX в.—III. Рѣшеніе этого вопроса въ „махаевской“ литературѣ.—IV. Что такое „махаевщина“?—V. „Перлы и адаманты“ махаевщины.—VI. Критика махаевскихъ построеній.—VII. Возраженія махаевщинѣ со стороны марксизма.—VIII. Рѣшеніе махаевщиной вопроса объ интеллигенціи.—IX. Центральная ошибка махаевщины. Что такое интеллигенція.

Цѣна 50 коп.

Печатаются и въ теченіе сентября 1907 г. поступятъ въ продажу:

3. Мих. К. Лемке.

НИКОЛАЕВСКІЕ ЖАНДАРМЫ и ЛИТЕРАТУРА 1826-1855 гг.

По подлиннымъ дѣламъ III Отдѣленія с. е. и. в. канцеляріи. Съ портретами шефовъ жандармовъ и ихъ помощниковъ.

(Въ книгѣ до 40 печатныхъ листовъ большого формата.

4. Ивановъ-Разумникъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

(Индивидуализмъ и мѣщанство въ русск. литер. и жизни XIX вѣка).

2-е дополненное изданіе въ двухъ томахъ.

Цѣна 3 руб.

Отзывы печати о первомъ изданіи: „Книга“, 1906 г., № 2; „Вѣстн. Европы“, 1907 г., № 3; „Русск. Вѣд.“, 1907 г., № 82; „Рѣчь“, 1906 г., № 224; „Русская Мысль“, 1907 г., № 6; „Критич. Обозр.“, 1907 г., вып. I. „Историч. Вѣстникъ“, 1907 г., № 2 и др.

5. А. М. Ѳедоровъ.

РАЗСКАЗЫ (новые).

ИЗДАНІЯ ПОМѢЩАЮТСЯ:

1) въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр. 5 лин., 28.
2) у издателя Сергѣя Викторовича Бунина, Спб., Преображен. ул. д. 5 кв. 27.

Некнигопродавцы, выписывающіе отъ издателя, за пересылку не платятъ.